

Антарктический рубикон

Как в предыдущей монографии автора ("Материк льда. Первая русская антарктическая экспедиция и ее отражение в советской историографии"), так и в настоящем исследовании предпринята попытка проследить внутренние механизмы развития историографического процесса в Советском Союзе в интересующей области исторических знаний. Но, если в первой книге, хронологическими рамками стали – 1920-е–1940-е годы, то теперь, внимание автора сосредоточено на сравнительно небольшом, но весьма насыщенном этапе советской историографии, и охватывает период с 1950 по 1954 г.

Антарктический рубикон

Александр Овлащенко

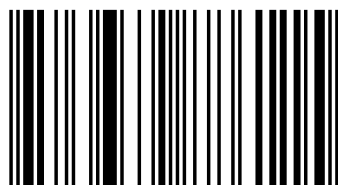
Антарктический рубикон

Тема открытия Антарктиды в советских источниках начала 50-х годов

Александр Овлащенко

Доктор права, ассоциированный профессор Балтийской Международной Академии (Рига). В середине-конце 80-х годов работал в Государственном историческом архиве Латвии (старший хранитель фондов, архивист II и I категории). Автор ста научных публикаций в области международного права, истории международных отношений и дипломатии, военно-морской истории.

978-3-639-88611-5

Овлащенко

Palmarium
academic publishing

Александр Овлащенко
Антарктический рубикон

Александр Овлащенко

Антарктический рубикон

**Тема открытия Антарктиды в советских
источниках начала 50-х годов**

Palmarium Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

Palmarium Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

OmniScriptum GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@palmarium-publishing.ru

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-639-88611-5

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2014 OmniScriptum GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2014

Оглавление

Введение.....	5
---------------	---

Глава I. 1950 год

«...Советское правительство считает нужным напомнить о выдающихся заслугах русских мореплавателей в открытии Антарктики...».....	21
--	----

Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1949 год
Материалы заседания Совета географического факультета Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова

Статья З.Ф. Караваевой «О картах великих географических открытий и исследований»

Рекомендательный список литературы «Русские первооткрыватели Антарктики Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев»

Библиографические указатели «История естествознания» (1917–1947; 1948–1950)

Ежегодники книги СССР 1950

Книга К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду»

Рецензия В. Пинегина на книгу К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду»

Анонс книги Ф.Ф. Беллинсгаузена

Рецензия Е.Г. Кушнарера и А.В. Васильева

Рецензия доктора географических наук Д.Г. Панова

Вторая рецензия доктора географических наук Д.Г. Панова

Рецензия подполковника В.А. Дивина и инженер-капитана 2 ранга

Л.Д. Черноусько

Статья доктора географических наук Д.Б. Карелина во втором томе второго издания «Большой Советской Энциклопедии»

Статья доктора географических наук К.К. Маркова

Карта «Русские открытия в Антарктике» (редактор академик Л.С. Берг)

Статья о Ф.Ф. Беллинсгаузене в четвертом томе «Большой Советской Энциклопедии»

Заметка «Памяти Ю.М. Шокальского»

Статья об академике Л.С. Берге в четвертом томе «Большой Советской Энциклопедии»

Брошюра академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева

«Приоритет русских открытий в Антарктике»

Сообщения о китобойной флотилии «Слава»

Статья заместителя министра рыбной промышленности А.А. Сбродова о китобойной флотилии «Слава»

Краткое сообщение А.В. Ступишина

Статья капитана-директора китобойной флотилии «Слава» А.Н. Соляника

Статья С.В. Узина «Антарктида открыта русскими»

Книга С.В. Узина «Загадочные земли»

Докладная записка министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину

Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики

Статья доктора географических наук В.Н. Дурденевского о правовом положении Антарктики

Статья Б. Леонтьева «К вопросу о режиме Антарктики»
 Статья В. Первалова «Приоритет русских открытий в Антарктике»
 Библиографический обзор В. Первалова
 Статья И. Денисова «Антарктика»
 Книга Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований»,
 изданная в переводе с английского под редакцией и с предисловием
 И.П. Магидовича
 Невский В.В. Русские путешественники-исследователи. Фотоальбом
 Подготовленный Р.И. Стомахиной рекомендательный указатель литературы
 «Выдающиеся люди Военно-Морского Флота нашей Родины»
 Книга В. Якубовича и Г. Смирновой «Записки географического клуба»
 Книга академика Л.С. Берга «Великие русские путешественники»
 Отчет Географического общества СССР за 1950 г.

Глава II. 1951 год

«...Таково положение с новейшей литературой о приоритете
 русских открытий в Антарктике...».....203

Статья Н.В. Введенского «Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг.»
 Рецензия В.К. Агенорова «Новое издание трудов Крузенштерна и Головнина»
 «Антарктику открыли русские» (выездное заседание Всесоюзного
 географического общества)
 Статья А. Адамова «Бессмертный подвиг русских моряков»
 Посмертно опубликованная статья Л.С. Берга «Беллинсгаузен и Пальмер»
 (Из истории открытия Антарктики)
 Сборник «Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах»
 Заметка «Пингвин – птица Антарктики»
 Заметка С. Маркова «Герой Антарктики и Наварина»
 Русское издание книги Ч.Ч. Хайда «Международное право, его понимание и
 применение Соединенными Штатами Америки»
 Статья Б.В. Кострицына «К вопросу о режиме Антарктики»
 Статья С. Узина и Б. Юсова «Великий исследователь Антарктики
 (К столетию со дня смерти М.П. Лазарева)»
 Рецензия В.С. Шломина «Военные и военно-морские вопросы в первых томах
 второго издания Большой Советской Энциклопедии»
 Историко-библиографическая справка В.А. Первалова «К 130-летию
 открытия Антарктиды русскими мореплавателями»
 Книга М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)»
 Книга В.А. Арсеньева и В.А. Земского «В стране китов и пингвинов»
 Статья Н.Г. Рыбина «Русский приоритет в открытии Антарктиды»
 (Из доклада на заседании Сектора географии АН Казахской ССР)
 Книга А.В. Соколова и Е.Г. Кушнарёва «Три кругосветных плавания
 М.П. Лазарева»
 Статья А.В. Ступицина «К восстановлению приоритета русских
 исследователей в географии»
 Книга Н.Н. Зубова и М.Б. Черненко «Русские люди в Арктике и Антарктике»
 Рецензия Л.Д. Черноусько на сборник материалов о китобойной
 флотилии «Слава»
 Систематический указатель Всесоюзной книжной палаты «Ежегодник
 книги СССР 1951»

Глава III. 1952 год

«...Итак, открытие русскими моряками Антарктиды в январе-феврале 1820 года не подлежит никакому сомнению...».....313

- Книга С.В. Узина и Б.В. Юсова «М.П. Лазарев»*
Книга С. Иванова и К. Голованова «Ф.Ф. Беллинсгаузен»
Сборник документов и материалов о М.П. Лазареве
Заметка Я. Яковлева «В Антарктике – по московскому времени...»
Заметка С. Месяцева «Первооткрыватель Антарктиды»
Заметка С. Маркова «Открыватель Антарктиды»
Статья Д.М. Лебедева «Выдающийся русский ученый-мореплаватель (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)»
Статья Н.Н. Зубова «Выдающийся первооткрыватель Антарктического материка (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)»
Очерк Е. Васильева «Отважный первооткрыватель Антарктиды (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)»
Сводка А.А. Флейшера «Некоторые памятные даты из истории отечественной географии на 1952 год»
Статья Л.М. Николаевой «Ф.Ф. Беллинсгаузен (К 100-летию со дня смерти)»
Рецензия К. Михайлова «Славные страницы из истории отечественного флота»
Заметка Д. Тихонова «Путями предков»
Заседания географов на морских судах (хроника)
Статья С.А. Вышнепольского «К проблеме правового режима Арктической области»
Брошюра В.Х. Буйницкого «Природа Антарктики»
Статья М. Андреева «Дальний вояж казанского профессора»
Статья А. Зубкова «Приоритет русских и советских ученых и моряков в изучении морей и океанов»
Брошюра Е.Е. Шведе «Открытие Антарктиды русскими мореплавателями»
Рецензия М. Котухова на сборник документов «М.П. Лазарев»
Статья А.Е. Еришова «Из истории русской гидрографии»
Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1952 год «Антарктика. Рекомендательный список литературы»

Глава IV. 1953 год

«...Однако наши мореплаватели не знали, что еще 16 января 1820 года они подходили к ледяному покрову Антарктиды...».....345

- Систематический указатель Всесоюзной книжной палаты «Ежегодник книги СССР 1952»*
Статья Н.Н. Зубова в сборнике «Русские мореплаватели»
Статья Н.Я. Болотникова в сборнике «Русские мореплаватели»
Справка И.П. Магидовича «Известные русские мореплаватели»
Статья А.В. Ступицина и Г.В. Фазлулина «Открытия и исследования русских в Первую антарктическую экспедицию 1819–1821 гг.»
Книга Б.А. Шлямина «Плавание в Антарктику»
Книга В.Х. Буйницкого «Антарктика»
Сводки А.А. Флейшера «Некоторые памятные даты из истории отечественной географии»
Краткое сообщение В.Д. Таича «Об условиях видимости в день открытия Антарктиды 16/28 января 1820 г.»

Обзор А.В. Соколова о работе Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала ВГО
Статья о М.П. Лазареве в 24-м томе второго издания «Большой Советской Энциклопедии»

Глава V. 1954 год

«...Беллинсгаузен и Лазарев положили на карту часть берега Антарктиды, остров Петра I и Землю Александра I...».....369

Систематический указатель Всесоюзной книжной палаты «Ежегодник книги СССР 1953»

Статья М.И. Белова в географическом сборнике «История географических знаний и географических открытий»

Заметка Д.М. Лебедева о совместном заседании Отделения геолого-географических наук АН СССР и Ученого совета Института географии АН СССР, посвященном 50-летию научной деятельности и 70-летию академика А.А. Григорьева

Статья Г.М. Таубера «Экспедиционные работы в Антарктике в 1949/50 г.»

Рецензия А.В. Ефимова «Книга о русских мореплавателях»

Рецензия Б. Шанько «Русские мореплаватели»

Книга Н.Н. Зубова «Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов»

Соловьев А.И. Митрофан Степанович Боднарский (1870–1953)

«Словарь географических названий» М.С. Боднарского

Материалы ко Второму Съезду Географического Общества Союза ССР

Книга С.В. Молодцова «Современное международно-правовое положение Антарктики»

Автореферат диссертации Г.М. Гуслицера «Международно-правовой режим Арктики и Антарктики»

Статья В.О. Гурецкого «Русские географические названия в Антарктике»

Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1953 года

Книга Г.И. Кублицкого «По материкам и океанам (Рассказы о путешествиях и открытиях)»

Рецензия В.О. Гурецкого на сборник «Русские мореплаватели»

Книга М.Ю. Барановской «Декабрист Николай Бестужев»

Статья В.В. Дремлюга «Роль Ю.М. Шокальского в деле исследования полярных стран и освоения Северного морского пути»

«Словарь-справочник по физической географии» А.С. Баркова

Глава VI. 2013 год

«...Но когда и где случилось первое наблюдение («открытие») материковой части Антарктиды?...»: *reductio ad absurdum*, как способ доказательства.....447

Статья Р. Балкли «Первые наблюдения материковой части Антарктиды: попытка критического анализа»

Заключение.....481

Список источников.....483

Введение

«...В южные районы океанов была послана специальная экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1819–1821 гг.), открывшая в начале 1820 г. Антарктический материк...»

Академик А.А. Григорьев
(январь 1949 г.)

«...Особняком стоит одно из великих открытий XIX в., открытие шестой части света – Антарктиды... Это открытие сделано в XIX в. (1821 г.)... Эту часть света открыли русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева) в 1821 г. ...»

Член-корреспондент АН СССР
А.В. Ефимов (январь 1949 г.)

Еще в середине XX века ученые называли Антарктиду «большим белым пятном». Таким же «белым пятном», но уже практически до самого недавнего времени оставалась в современной российской историографии история изучения в Советском Союзе – историками и географами (историко-географами) – хода, основных географических достижений и результатов русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. и, ее главного итога – открытия в январе 1820 г. материка (континента) Антарктиды.

В силу ряда специфических причин историография как наука изучающая развитие исторических знаний (иногда понимаемая как сама историческая наука), ни в советский период российской истории, ни теперь не занималась этими вопросами. Современными историками замечено, что «в российском дискурсе история исторической науки приобрела статус самостоятельного исследовательского пространства, стремящегося к постоянному расширению своих границ и включению все новых сюжетов в поле своего исследования» [Крих, Метель 2014: 159]. Исходя из этого, как в предыдущей монографии автора [Овлащенко 2013], так и в настоящем исследовании предпринята попытка проследить внутренние механизмы развития историографического процесса в Советском Союзе в интересующей области исторических знаний. Но если, в первой книге, хронологическими рамками стали – 1920-е–1940-е годы, то теперь внимание автора сосредоточено на сравнительно небольшом, но весьма насыщенном этапе советской историографии и охватывает период с 1950 по 1954 г.

Понимание и освещение факта открытия Антарктиды русской экспедицией, в самой стране-инициаторе этой экспедиции, прошли долгий и непростой путь и безусловно не заканчиваются отмеченной только что верхней границей проводимого исследования. Очевидно самым первым примером таких сложностей, стала задержка с изданием отчетного труда экспедиции, подготовленного ее руководителем Ф.Ф. Беллинсгаузеном и представленного им, еще в 1824 году, в Адмиралтейский департамент. Понадобилось тем не менее целых десять лет после окончания экспедиции, чтобы этот труд смог увидеть свет [Двукратные 1831].

Обосновывая необходимость издания книги председатель Ученого комитета Главного морского штаба Л.И. Голищев-Кутузов (его роль в редактировании и подготовке издания была далеко не однозначно позитивной) пояснял: «...Мореплаватели разных народов, ежегодно простирают свои изыскания... и может случиться, и едва ли уже не случилось, что учиненные Капитаном Беллинсгаузеном обречения, по неизвестности об оных, послужат к чести иностранных, а не наших мореплавателей» [Двукратные 1831: б. с.]. Император Николай I удовлетворил ходатайство и книга Ф.Ф. Беллинсгаузена была издана тиражом 600 экземпляров (в 1824 г. испрашивалось 1200 экземпляров). Участник экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, плававший мичманом на шлюпе «Мирный» П.М. Новосильский, в 1853 году писал о труде Ф.Ф. Беллинсгаузена, что «...книга в настоящее время довольно уже редкая, так что многие из наших важнейших библиотек ее не имеют» [Южный 1853: б.с.].

Поскольку со времени окончания экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева (1821 г.) и вплоть до окончания Великой Отечественной войны в 1945 г. – т. е. на протяжении века с четвертью, антарктическим вопросам в стране уделялось чрезвычайно мало внимания, а государство не было заинтересовано ни в научном изучении, ни, тем более в практическом освоении открытого русской экспедицией континента, постольку это не могло не отразиться на отношении к самому факту географического открытия.

При обсуждении историографических проблем следует обратить внимание на следующий момент. Вести речь о советской историографии Первой русской антарктической экспедиции, о соответствующих трудах специалистов в 20-е–40-е годы прошлого столетия (в том числе в предвоенные годы) можно лишь с изрядной долей условности. Объясняется это тем, что специальные исторические, историко-географические исследования в отмеченный период в этой области в Советском Союзе были единичными. Страдает, а то и не выдерживает критики научное качество изданных тогда работ; налицо их малая ценность как собственно исторических исследований. Среди таких работ в первую очередь можно упомянуть: книги С.Г. Григорьева [Григорьев 1906; Григорьев 1925; Григорьев 1937]; статьи и книгу Н.В. Введенского

[Введенский 1939; Введенский 1940; Введенский 1941]; статьи М. Райхенберга [Райхенберг 1939; Райхенберг 1941(а); Райхенберг 1941(б)]; статьи Н.Н. Нозикова [Нозиков 1938; Нозиков 1941(а)]. Однако без этих работ вообще нельзя было бы говорить о какой-либо, проводимой в Советском Союзе, популяризации экспедиции.

Несколько в стороне стоят историко-антарктические работы Ю.М. Шокальского, находившегося на верху негласной «иерархической лестницы» советской историографии экспедиции. Но и они исчисляются единицами – это, опубликованные в 20-е–30-е годы несколько его статей [Scholkalsky 1924; Шокальский 1928; Шокальский 1939(а); Шокальский 1939(в)]. Об академике Л.С. Берге (даже по «совокупности» его работ) вообще вряд ли правомерно вести речь, как о представителе советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

В годы Великой Отечественной войны и сразу же непосредственно после ее окончания советские авторы периодически возвращались к вопросам, связанным с русской южнополярной экспедицией 1819–1821 гг. (в некоторых случаях одной-двумя фразами в общем контексте своего повествования). Однако эти авторы демонстрировали полную «историческую разногласию» при описании хода и в оценке главных итогов экспедиции [Ильинский 1944; Якубович 1944; Берг 1946(а); Берг 1946(б): 21; Открытие 1946; Морозов, Никульченков 1946; Штейнберг 1946; Кудрявцев-Скайф 1947; Сергеев 1947: 12–13; Карелин 1947; Шведе 1947; Андреев 1947; Тихомиров 1947; Воробев 1948; Мордвинов 1948; Магидович 1948; Русские 1948: лист «Михаил Петрович Лазарев»; Якубович 1948; Салищев 1948; Шлямин 1948; Георгиев 1948; Смирнова 1948; Берг 1948(а); Касименко 1948; Бендер 1948: 46–48]. В ряде случаев они обращали основное свое внимание на открытия января 1821 г. – острова Петра I и Берега (Земли) Александра I (не всегда впрочем соотнося эти открытия с открытием Антарктического материка).

Уникальным можно считать случай, когда в одном и том же номере литературно-художественного журнала «Краснофлотец» за 1941 год, можно было встретить две точки зрения на факт первооткрытия. В историко-публицистическом материале Е. Юнга об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева говорилось: «...Так было совершено русскими моряками величайшее географическое открытие XIX века: найден и положен на карту шестой материк земного шара, известный человечеству под названием Антарктиды» [Юнга 1941: 30] (необходимо отметить, что само по себе такое признание в те годы было достаточно заметным событием; правда, Е. Юнга имел в виду открытие острова Петра I и Земли Александра I. – *А.О.*). А через двадцать страниц в очерке советского географа Б.Г. Островского, посвященном адмиралу М.П. Лазареву, можно было найти следующее истолкование: «Экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева заложила, таким образом, первый камень познания Антарктики, что привело впоследствии (! –

А.О.) к открытию шестой части света – огромного по протяжению антарктического материка» [Островский 1941: 52].

Историю предвоенного (в определенной степени), военного и в еще большей степени послевоенного роста интереса в Советском Союзе к проблемам Антарктики, истории экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, очевидно следует рассматривать двояко. С одной стороны такой интерес (именно в смысле объективизации исторического и историко-географического знания) объясним в рамках народившегося национал-большевизма, с его поисками «русского следа» в истории (в противовес осуществлявшемуся на протяжении 20-х–30-х годов процессу «дерусификации» истории). Как известно этот период охватил военные годы, дальнейшее строительство советской империи и завершился со смертью И.В. Сталина в 1953 году.

В организационно-постановочном плане важным стало состоявшееся 5–11 января 1949 г. в Ленинграде Общее собрание Академии наук СССР. Оно было посвящено истории отечественной науки и 200-летию постройки Академией наук химической лаборатории М.В. Ломоносова. По итогам работы было принято Постановление Общего собрания Академии наук СССР от 11 января 1949 г. «О развитии научно-исследовательских работ в области истории отечественного естествознания и техники». При этом Общее собрание Академии наук СССР руководствовалось постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и указаниями И.В. Сталина «о значении марксистско-ленинской разработки истории науки». В Постановлении особо подчеркивалось, что «советские исследования в области истории науки и техники привели к восстановлению исторической истины в вопросе о приоритете отечественной науки в ряде важнейших открытий и изобретений» [Постановление 1949]. В своем обращении к председателю Совета Министров СССР И.В. Сталину на этом собрании, президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов подчеркнул: «...Обязанность всей советской науки, и Академии Наук в особенности, восстановить историческую правду, показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее несправедливо забытые приоритеты» [Председателю 1949: 13].

С другой стороны, безусловно важными являлись прикладные аспекты такого интереса: нарастающий учет геостратегического положения Антарктики, перспективы поиска и последующей добычи в Антарктиде урановой руды, долгосрочная возможность освоения окружающих Антарктиду и богатых морскими биологическими ресурсами (в частности, морскими млекопитающими) океанических и морских пространств [Овлащенко 2013: 276]. Последний тезис подтверждается содержанием целого ряда работ и некоторых официальных документов, которые были опубликованы в Советском Союзе (в открытой печати) в предвоенный и военный период, а также в

первые послевоенные годы [Максимов 1937; Подорольский 1941; Таич 1944; Буйницкий 1945; Романов 1946; Ишков 1947(а): 4; Хроника 1947; Бабаян 1947; Ишков 1947(б): 2, 6; Шпарлинский 1947: 20; Шистер 1947(а): 29–39; Рябчук 1947; Шистер 1947(б): 11–17; Зенкович 1947: 20–21; Ишков 1948: 3; Воронин 1948: 213–222; Зенкович 1948: 33–37; Льготы 1948: 42; Алейнер 1948; Капчинская 1949].

В то же время, достаточно подробный историографический анализ позволил выделить в рассматриваемый период всего лишь два случая, когда факт открытия и обследования русской экспедицией географических объектов в Антарктике, послужил для авторов конкретных опубликованных материалов в качестве обоснования потенциальных политико-правовых притязаний Советского Союза в южнополярной области. Первый такой эпизод в советской историографии связан с опубликованной в *1939 году* заметкой Ю.М. Шокальского. Комментируя рассуждения одного норвежского автора и одновременно подражая действия норвежского правительства, несколькими годами ранее взявшего под суверенитет Норвегии открытый экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева остров Петра I, Ю.М. Шокальский осторожно добавил: «Прилагая его (норвежского автора. – А.О.) рассуждение к открытию острова Петра I Беллинсгаузенем, очевидно надо заключить, что остров давно уже принадлежал нашей стране, с лишком на 100 лет ранее занятия его норвежцами» [Шокальский 1939(а): 1395].

Второй, подобный первому эпизод, но уже с более масштабными требованиями и соответствующим теоретическим обоснованием, можно обнаружить в опубликованной в декабре *1947 года* статье Б.А. Зенковича о китобойном промысле СССР и перспективах его развития. В профильном журнале «Рыбное хозяйство» этот автор (не историк и не географ) писал: «По предложению норвежских биологов... Южный ледовитый океан разделен на четыре промысловых сектора: Ведделя, Бувэ, Кергуэлен и Росса... Они носят нумерацию II, III, IV и V. Первый сектор пока не имеет названия.

...Тихоокеанский район (район I, от 170° до 60° з. д.) не посещался китобоями, так как он объявлен запретным для промысла до 1941 г. Этот район впервые открыт и обследован русскими мореплавателями Фаддеем Беллинсгаузенем и Михаилом Лазаревым, руководителями русской ученой экспедиции в южно-полярные моря. Русская экспедиция впервые проникла так далеко на юг, опровергнув заявление знаменитого капитана Кука, что дальше него никто не сможет проникнуть на юг. За два года русская экспедиция сделала чрезвычайно много для исследования южно-полярных стран, и книга Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в южно-полярном океане и плавание вокруг света» является классическим трудом, имеющим большое значение и в настоящее время.

Принимая во внимание, что каждый сектор назван страной, которая его «осваивала», вполне закономерно и правильно называть тихоокеанский сектор (I) «Русским сектором». На это мы имеем историческое право первооткрывателей» [Зенкович 1947: 17–18].

Интересно, что Б.А. Зенкович, как специалист в области добычи морских биологических ресурсов, отдавал себе отчет и одновременно, сообщал своему читателю, что «попытка китобоев вести охоту в этом районе окончилась неудачей, а поэтому предложение объявить его запретным для охоты не встретило возражений». «Есть сведения, – продолжал он, – что в районе моря Беллинсгаузена встречались большие стада китов, но охота на них была затруднена льдом и особенно суровой погодой» [Зенкович 1947: 18].

Известный российский специалист в области антарктической проблематики заметил в 1999 году, что «исторически вся эволюция геополитики России по отношению к Антарктике была основана на приоритете русских в открытии южного материка» [Лукин 1999: 80]. Этот же специалист в 2009 году [Лукин 2009: 7–13] сообщил, что в конце 1946 г. Председатель Совета Министров СССР И.В. Сталин поручил Министерству иностранных дел СССР приступить к обеспечению правовых вопросов деятельности СССР в Антарктике, а в январе 1947 г. Коллегия МИД СССР возложила эти обязанности на Договorno-правовое управление этого министерства [Лукин 2009: 7–13].

Однако в любом случае, публичное оглашение каких-бы то ни было конкретных (а не общих, заявленных в пропагандистском ключе, либо вынужденно необходимых на первых этапах антарктической политики СССР, пожеланий участвовать в обсуждении вопросов об Антарктике) антарктических правопритязаний Советского Союза, и в дальнейшем не приветствовалось. В ходе обсуждения доклада президента Географического общества Союза ССР академика Л.С. Берга, которое состоялось на общем собрании действительных членов Общества (10 февраля 1949 г., Ленинград), профессор Д.Г. Панов подчеркнул: «Среди продолжающихся и по настоящее время споров о принадлежности отдельных пространств Антарктики различными государствами забывается, что этот материк был впервые открыт русскими, что основа его научному исследованию тоже была положена работами русских исследователей. Поэтому не может возникать сомнений в том, что Советский Союз имеет полные основания для участия в разделении территории Антарктики. Советскому Союзу должны принадлежать в Антарктике пространства земель, которые стали известны человечеству благодаря их открытию русскими мореплавателями». «Мы не можем мириться, – заключал свой доклад Д.Г. Панов, – с отрицанием великих заслуг русских людей в открытии и исследовании нового материка Антарктиды. Утверждением их приоритета должно явиться выделение антарктических земель, принадлежащих Советскому Союзу» [Берг 1949(а): 26].

Так вот, текст этого доклада Д.Г. Панова не вошел в отчетный материал об общем собрании, опубликованный в газете «Известия» [Русские 1949(а)]. Доклад Д.Г. Панова был опубликован в брошюре Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Берг 1949(а)]. Возможно именно подобные требования и стали главной причиной того, что доклад Д.Г. Панова не был опубликован в центральной газете (не было представлено и резюме по его докладу). Такие «радикальные» требования, очевидно, не соответствовали основным положениям только еще формировавшейся антарктической политики СССР.

Переломным и решающим для «антарктического вопроса» в Советском Союзе стал – 1949 год. Именно тогда, согласно решению ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г., «было признано целесообразным заявить, сначала в неофициальной форме, о заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики» [Докладная 1950]. «В соответствии с этим, – как сообщал в феврале 1950 года в своей докладной записке (под грифом «совершенно секретно») И.В. Сталину министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский, – 10 февраля... (1949 г. – *А.О.*) состоялось заседание Географического общества СССР с докладом президента Общества академика Берга, осветившим выдающуюся роль русских исследователей в открытии Антарктики и давшим научное обоснование права СССР на участие в решении вопроса о режиме этого материка» [Докладная 1950].

Сегодняшние российские авторы однозначно утверждают, что в тот период, «научная деятельность историков находилась под постоянным контролем власти, оценивалась и поощрялась государством», а, сама история, «оставалась мощным орудием идеологической пропаганды» [Гордина 2011: 59, 62]. Не отрицая в целом этих положений стоит отметить, что в случае историко-антарктических вопросов такая пропаганда была лишь внешним, прикладным проявлением совпавшим с международно-политическими шагами страны (которые в свою очередь были обусловлены отмеченными выше причинами), но, подчеркнем это, шедшим во многом своим, самостоятельным путем историографического процесса, затрагивающего поиск и последующий анализ документов и материалов, относящихся к русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг.

В советской историографии – 1949 год, ознаменовался тем, что именно в этот год она начала преодолевать, своего рода «Антарктический Рубикон». Как известно, Рубикон (лат. *Rubico*) – древнее название реки, впадающей в Адриатическое море, которую в 49 г. до Р. Х. Юлий Цезарь, вопреки запрещению сената, перешел со своими легионами, воскликнув: «*Alea jacta est!*» («Жребий брошен!»). Это было началом гражданской войны. В переносном значении, о «Рубиконе» говорят, как о границе, пределе чего-либо, о труднопреодолимом препятствии. «Перейти Рубикон» – в

общепризнанном понимании означает совершить решительный поступок, принять бесповоротное решение.

В нескольких публикациях, автором которых являлся директор Института географии АН СССР академик А.А. Григорьев (некоторые из этих публикаций были подготовлены в соавторстве с работавшим в этом же институте профессором Д.М. Лебедевым), сначала не так категорично [Григорьев 1949(б)] (но, в любом случае, уже категоричнее, чем это прозвучало (точнее – не прозвучало) в докладе академика Л.С. Берга 10 февраля 1949 г. [Русские 1949(а)] и, также не прозвучало во всех без исключения, последующих историко-антарктических публикациях Л.С. Берга. – *А.О.*), а затем все более отчетливо утверждалось, что открытие Антарктиды русскими состоялось – 16(28) января 1820 года [Григорьев 1949(в); Григорьев, Лебедев 1949].

В самом 1949 году, если судить по количеству соответствующих публикаций, совсем небольшое количество советских авторов разделяло такую точку зрения [Афонин 1949; Е.А. 1949: 47; Морозов, Никульченков 1949; Кублицкий 1949(б)]. К примеру, в *1949 году* М.Е Афонин писал в своей статье: «...Конечно, упорно замалчивается (! – *А.О.*), что шлюпы «Восток» и «Мирный» открыли берега Антарктиды еще 16 января 1820 года под 69°21' южной широты» [Афонин 1949: 284].

Такая точка зрения была скорее исключением в советской историографии, что подтверждают многочисленные, опубликованные в тот год работы советских специалистов [Андреев 1949(а); Зубов 1949; Шишкова 1949; Калесник 1949(а); Черноусько 1949; Мордвинов 1949; Юнга 1949; Калесник 1949(б); Александров 1949(а)], иных авторов [Кублицкий 1949(а)]. Совершенно очевидно, что все писавшие на эту тему находились под влиянием выступления Л.С. Берга, широко вскоре растиражированного. Некоторые специалисты, иные авторы демонстрировали в своих описаниях хода и итогов экспедиции – полный эклектизм [Андреев 1949(б); Андреев 1949(в); Адамов 1949]. В отдельных случаях в позициях этих авторов происходила стремительнейшая эволюция. В частности, подобное случилось с беллетристом Г.И. Кублицким, сначала «не заметившим» [Кублицкий 1949(а)], а затем «обратившим внимание» [Кублицкий 1949(б)] на упомянутую дату первооткрытия Антарктиды.

В этой же связи можно обратить внимание на вынесенные в качестве эпиграфа к введению две цитаты из выступлений видных советских ученых: академика А.А. Григорьева и члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова. Тексты их докладов на общем собрании Академии наук СССР, посвященном истории отечественной науки (5–11 января 1949 г.), были опубликованы в изданном в *1949 году* под редакцией академика С.И. Вавилова сборнике. Если академик Л.С. Берг и доктор военно-морских наук Е.Е. Шведе в своих «непрофильных» (посвященных не историко-антарктической тематике) статьях [Берг

1949(д); Шведе 1949(в)] «счастливи избежали» упоминания факта первооткрытия, то член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов (также в «непрофильной» статье) указал в качестве даты такого события, вполне уже привычный для советской историографии, – 1821 год [Ефимов 1949(б)].

Однако в этом же сборнике (и это случай, пожалуй еще более уникальный, чем отмеченная выше публикация в журнале «Краснофлотец» статей Е. Юнги и Б.Г. Островского), призванном «восстановить историческую правду, показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее несправедливо забытые приоритеты» [Вавилов 1949: 13], академик А.А. Григорьев четко указал, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Антарктический материк «в начале 1820 г.» [Григорьев 1949(а)]. Причем сказано это было А.А. Григорьевым (согласно указанным датам проведения общего собрания Академии наук СССР) до решения ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. и проведенного на основании этого решения общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР.

Скрупулезный, то есть предельно тщательный, точный до мелочей историографический анализ не позволяет однако оставить без внимания тот факт, что сборник «Вопросы истории отечественной науки» был подписан к печати – 30 октября 1949 г. Другими словами, теоретически (разумеется и практически, и что вполне ожидаемо от советских источников тех лет) была в течение полугода возможность внести некий корректив – поправку, частичное исправление или изменение текста А.А. Григорьева (поменять «1821 г.», если он упоминался у него в докладе или в тексте сборника, на «начало 1820 г.»). Но тогда было бы логичным предположить, что и датировка открытия приведенная А.А. Ефимовым (1821 год), была бы тоже изменена. Однако этого не произошло.

Подписанная к печати – 20 октября 1949 г. – другая работа А.В. Ефимова, его брошюра, несла в себе уже иную датировку событий. Буквально повторяя текст сборника докладов, брошюра тем не менее сообщала следующее: «Особняком стоит одно из великих открытий XIX в., открытие шестой части света – Антарктиды (в 1820 г.)... Эту часть света открыли русские... в 1820 году» [Ефимов 1949(а): 23]. Год открытия, как хорошо видно, «двукратно» поменялся.

Цель настоящего исследования – показать дальнейшее развитие историографического процесса в Советском Союзе, дать объективный и всесторонний анализ оценок и трактовок, интерпретационных моделей, исследовательских подходов характерных для советских специалистов.

Как уже ранее было показано, развитие советской историографии в анализируемой области идет от практически полной исследовательской индифферентности, от подобного этой же индифферентности, практически полного равнодушия государства к

Антарктике, затем через нечастые, но предельно некомпетентные, а то, и просто фальсифицированные оценки 30-х годов, к постепенному нарастанию – на протяжении военных и первых послевоенных лет – интереса к антарктической тематике (в том числе связанному с проблемами урановой руды и с практическим освоением Антарктики Советским Союзом – началом ведения китобойного промысла, осуществлением сопутствующих научных наблюдений) и, вплоть до кульминации такого интереса в 1949 г., – году проведения общего собрания действительных членов Географического общества СССР, не избавившего впрочем советскую историографию, теперь уже, от «вала» все таких же эклектичных, далеких от объективности оценок, относящихся к результатам и научным итогам Первой русской антарктической экспедиции [Овлащенко 2013: 12].

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1950 по 1954 г., т. е. то время, когда в Советском Союзе все более стал утверждаться новый взгляд на факт первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева. Верхняя граница исследования несмотря на известную долю условности имеет свою внутреннюю логику. Со смертью И.В. Сталина в 1953 г. заканчивается сталинский, имперско-бюрократический период советской истории. 9 июля 1954 г. Совет Министров СССР принял решение об участии Советского Союза в МГГ (Международный геофизический год; 1957–1958 гг.), а 13 июля 1955 г., Совет Министров СССР принял Постановление об организации и обеспечении работ в Антарктике, которые начали проводиться Советским Союзом, а также рядом других стран в ходе подготовки к МГГ [Международный 2014].

Говоря о методологической базе проводимого исследования, можно заметить, что в российской исторической науке ведется дискуссия о концептуальных основах современной отечественной историографической традиции. Эти основы связаны с формированием двух конкурирующих парадигм: антропологической и так называемой концептуалистской (автор работает в рамках последней из них).

«В отличие от антропологической, – пишут современные российские историки, – концептуалистскую парадигму (надо полагать, что под парадигмой эти авторы понимают модель постановки и решения исследовательской проблемы, либо комплекса таких проблем. – *А.О.*) интересуют прежде всего научные идеи, точнее – тексты как их материальное воплощение. Исследователи, работающие в названной парадигме, стремятся понять, как научный текст был создан, каким образом выразил идеи автора (или неуловимо их трансформировал), какие мысли, заложенные в нем, оказались актуальными, а какие – нет, и почему и как появляются исторические труды, которые оказывают наибольшее воздействие на ученый мир (и за его пределами).

Представители этой парадигмы (или примыкающие к ней авторы) с особым увлечением работают с текстами. ...Тексты имеют свою

эволюцию, свою логику развития, и этот фактор иногда приобретает не меньшее влияние, чем действия самих авторов» [Крих, Метель 2014: 164].

В целом соглашаясь с такой постановкой вопроса, можно согласиться с процитированными историками и в части того, что концептуализм готов «построить собственный метанарратив – целостное видение историографического процесса с точки зрения противоборства и эволюции текстов как носителей определенных идей» [Крих, Метель 2014: 164]. Именно это и хотел показать автор в своих работах. Однако автор не может согласиться с той точкой зрения, что при реализации концептуалистского подхода, как методологии исследования, «полезно лишь то, что может дать представление об особенностях появления, создания, восприятия того или иного научного труда или той или иной концепции» [Крих, Метель 2014: 164–165].

Как и прежде, научный анализ советской историографии потребовал обращения к большому числу самых разнообразных источников (некая «селекция», критерий «исключительной полезности» не принимался в качестве основы методики отбора). В работе широко использованы биографические (биографии; характеристики научной деятельности и значения трудов данного ученого; сборники, посвященные отдельным ученым; юбилейные статьи; некрологи), библиографические и биобиблиографические источники, рецензии, справочники, картографический материал, литературоведческие источники, научно-популярная и художественная литература (в том числе, изданная для детей и молодежи). Автор не рассматривал как «потерявшие ценность» материалы информационного характера, хронику, краткие сообщения, статьи и заметки по Антарктике, опубликованные в советских газетах и журналах. Все только что перечисленное в известной степени позволяет реконструировать культурно-исторический контекст развития советской историографии.

Поскольку в предыдущей монографии автору не удалось (прежде всего в силу причин объективного характера) задействовать ряд немаловажных, относящихся к советской историографии экспедиции источников – 20-х–40-х годов, этот пробел в максимально возможной степени заполнен в настоящем исследовании. Кроме того оптимизирована структура последнего, взаиморасположение и связь составных частей в нем.

Помимо выяснения главного вопроса, анализ всех отмеченных источников позволил дать картину того, как освещались в советской историографии некоторые частные вопросы, относящиеся к русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. Специфика такого освещения объясняется в ряде случаев тем, что происходило оно в контексте политических и международно-правовых шагов, предпринятых Советским Союзом после окончания Великой Отечественной войны в целях формирования и последующей защиты своих интересов в

Антарктике. Такие шаги неизбежно сопровождались соответствующими идеологическими и пропагандистскими усилиями (в отдельных случаях – сознательным отсутствием таких усилий), в которых, также неизбежно принимала участие советская историография. Политическая основа историографического процесса в Советском Союзе, а также идеолого-пропагандистские аспекты этой основы в наибольшей степени проявились, как раз в конце 40-х – начале 50-х годов.

К числу отмеченных частных вопросов относятся следующие:

- отстаиваемая (в особенности после проведения 10 февраля 1949 г. в Ленинграде общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР) большинством представителей советской историографии точка зрения, что в Советском Союзе «никогда не забывали» об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, а советские специалисты, давали правильную оценку ее итогам и географическим достижениям;
- завышенные и не отвечающие реальному положению в советской историографии, оценки заслуг президента Географического общества Союза ССР академика Л.С. Берга в изучении и освещении хода, результатов и главных итогов русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. (прижизненная и посмертная научная «канонизация» Л.С. Берга в этой области);
- проводимая в советской послевоенной историографии идея о том, что итоги экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, широко известны во всем мире (в западном научном мире), а, ее главный результат – открытие Антарктиды, повсеместно признается (или, по крайней мере, признавался на протяжении очень продолжительного отрезка времени);
- широко практикуемая в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева подмена первичного описания материала исследуемого текста описаниями, данными по его описаниям;
- цитирование советскими авторами слов, принадлежащих зарубежным историкам, географам, полярным исследованиям, которые якобы, такими своими словами (в ряде случаев, также фальсифицированных советскими авторами) подтверждали приоритет русских в открытии Антарктического материка;
- характерная для послевоенного периода и свойственная практически всем, за редчайшими, единичными исключениями представителям советской историографии, фальсификация (ставшая для этой историографии своеобразной *idée fixe*) теоретических взглядов и мнений Дж. Кука в отношении факта самого существования южнополярного материка, сознательные искажения текстов его работ (в советской историографии, печатных источниках в целом процесс эволюции в этом вопросе выглядит следующим образом: от тотальной «кукофикации» историко-географических работ, сознания подрастающего поколения учащихся (расцвет внедряемого

ангажированными советскими «авторами-куководами», «кукофильства» в Советском Союзе, приходится на 20-е–30-е годы), до практически полного отрицания каких бы то ни было научно-географических заслуг этого английского мореплавателя, проповедуемой в СССР откровенной «кукофобии» конца 40-х – начала 50-х годов);

- эклектичное отношение советских авторов к названиям географических объектов, открытых русской южнополярной экспедицией 1819–1821 гг., прежде всего к названию Берега (Земли) Александра I;

- отставание в послевоенный период целым рядом советских историков и географов (включая ведущих представителей географической науки), писавших на тему экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, что с физико-географической точки зрения Берег (Земля) Александра I представляет собой часть антарктического материка, а не остров;

- рассчитанная в большей степени на внутреннего пользователя (советского читателя) «картографическая пропаганда», связанная с соответствующими изображениями Берега (Земли) Александра I на картах Антарктики, сопровождающих советские источники середины-конца 40-х – начала 50-х годов;

- превратное освещение и толкование практически всеми без исключения советскими специалистами вопроса, касающегося объявления Норвегией своего суверенитета над островом Петра I (хронология этого события, а также юридической значимости тех или иных шагов Норвегии в этом вопросе);

- терпимое отношение советской картографии (включая военно-картографическую продукцию) к теории секторов в Антарктике, обозначение без каких-либо комментариев иностранных «владений» в Антарктиде;

- неадекватно завышенный интерес советских авторов к «трансантарктическим» перелетам, мало объяснимый даже с точки зрения стремительно расширяющихся в послевоенный период геополитических амбиций сталинского Советского Союза;

- чрезвычайно слабая разработанность (наблюдаемая вплоть до середины 50-х годов) в советской науке и доктрине международного права вопросов, касающихся перспектив правового (международно-правового) режима в Антарктике, интересов и месте Советского Союза в таком режиме;

- полное отсутствие официальной пропагандистской кампании о выделении Советскому Союзу антарктических земель («антарктического сектора»), буквально единичные, осуществляемые в рамках личной инициативы упоминания этого вопроса в советских источниках;

- фальсификация советскими авторами отношения, оценок и отзывов со стороны зарубежных стран, касающихся характера и

содержания Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики;

- преподносимый советскими авторами тезис о том, что Антарктика «еще ждет» своих «настоящих» исследователей (несмотря на опубликованные в советской же печати цифры: со времени проведения экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева более ста экспедиций, специально или попутно, занимались исследованиями Антарктики);

- фабрикация в советской историографии (географом Б.Г. Островским) и поддержание в ней на уровне официальной, фальсифицированной точки зрения, что в России, а затем в Советском Союзе книги участника экспедиции плававшего на шлюпе «Мирный» мичманом, П.М. Новосильского, были неизвестны как широкому читателю, так и специалистам (включая советских специалистов – историков и географов, вплоть до 1949 г.);

- непоследовательное (иногда некомпетентное) объяснение наименования открытого экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева острова Высокий, изначально названного островом Торсона (при одновременном проявлении в советской историографии интереса к К. Торсону, как к участнику экспедиции, и, как к члену тайного общества «декабристов»);

- с определенного момента, далеко не случайная для советской историографии (при описании или просто упоминании русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг.) постановка фамилии М.П. Лазарева впереди фамилии руководителя этой экспедиции – Ф.Ф. Беллинсгаузена;

- фактическая деактуализация иллюстративного ряда, сопровождавшего в конце 40-х – начале 50-х годов статьи о Ф.Ф. Беллинсгаузене и М.П. Лазареве, выразившаяся в «фантазмагоризации» советскими художниками этих персонажей (строго, а то и сурово вззирающих «из далекого прошлого» на тех, кто покусился на «бесспорное право» СССР участвовать в решении судьбы Антарктики).

Как и главный вопрос – освещение в советской историографии темы открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, эти частные вопросы, впервые так подробно разработаны в исторической науке. Это в свою очередь объективно подтверждает научную новизну проводимого исследования, его актуальность и востребованность для науки. Особенно в то время, когда «историческая наука избавляется от идеологизации и политизированных схем и решений, когда перед ученым стоит задача повышения профессионализма», а, следовательно, «историки вновь и вновь должны обращаться к опыту своих предшественников, к их завоеваниям и заблуждениям, рассматриваемым в контексте эпохи» [Вандалковская 2001: 3].

Автор в очередной раз выражает благодарность всем специалистам и сотрудникам Латвийской Национальной Библиотеки

(*Latvijas Nacionālā bibliotēka*) (Рига) за их высокий профессионализм и неизменную помощь. Вновь особые слова признательности адресуются старшему библиографу LNB Рудите Озолине (*Rudīte Ozoliņa*). Значительную помощь при подготовке книги оказали специалисты Сектора межбиблиотечного абонемена LNB: Рута Егорова (*Ruta Jegorova*), Санта Гертнере (*Santa Gertnere*), Инна Пелше (*Inna Pelše*). Одновременно автор выражает свою благодарность работникам отделов межбиблиотечного обмена (*Loan Department*): Российской государственной библиотеки (Москва); Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург); Национальной библиотеки Республики Карелия (Петрозаводск); Национальной библиотеки Беларуси (Минск); Национальной библиотеки Эстонии (*Eesti Rahvusraamatukogu*) (Таллинн); Государственной и Университетской библиотеки Геттингена (*Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek*) (Геттинген, Нижняя Саксония); Университетской библиотеки имени Иоганна Кристиана Зенкенберга Франкфутского университета им. Иоганна Вольфганга Гете (*Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg der Johann Wolfgang Goethe-Universität*) (Франкфурт-на-Майне).

Автор искренне благодарит доктора философии (антарктическая история), члена *SCAR History Expert Group* И.Л. Ган (*Irina Gan*) (Хобарт, Австралия) за ряд ценных профессиональных и дружеских советов.

Наконец автор считает необходимым выразить благодарность Марии Овлащенко, вновь взявшей на себя рутинную, связанную с оформлением списка источников работу.

Глава I. 1950 год

«...Советское правительство считает нужным напомнить о выдающихся заслугах русских мореплавателей в открытии Антарктики...»

«...Русская экспедиция... открыла Антарктический материк еще в январе 1820 года. ...Она подошла почти вплотную к берегам самого Антарктического материка, бесспорно видела их и отдавала себе отчет в том, что находится вблизи обширной земли...»

Академик А.А. Григорьев,
профессор Д.М. Лебедев (1950)

«...Если бы они могли продвинуться еще на два десятка километров, то извечная загадка Антарктиды была бы разрешена уже в 1820 г. ...Русские моряки... несколько раз были у цели уже в январе 1820 г., хотя лишь подозревали это, но не знали достоверно, так как не видели берега...»

К. Осипов (Куперман) (1950)

Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1949 г. (1950). В 1950 году, в официальном отделе выпуска «Известия Всесоюзного географического общества», был напечатан краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1949 г.

«Борьбе за приоритет русской и советской географической науки, – говорилось в разделе о деятельности Центральной организации общества, – посвящен ряд докладов на общих собраниях и в Отделении истории географических знаний. Необходимо особо отметить состоявшийся на общем собрании членов Общества доклад академика Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней», вызвавший широкий отклик не только в СССР, но и за границей (после этого, в сноске было указано: «Отчет об этом заседании опубликован в центральных газетах «Известия» и «Правда» от 11 февраля 1949 г., в «Известиях ВГО», 1949, вып. 2, в отдельной брошюре, изданной Географгизом, и в ряде научных советских журналов» [Краткий 1950: 632, сноска 1]. – А.О.). Постановления с горячей поддержкой резолюции, принятой на этом собрании, поступили в Общество почти от всех его филиалов и отделов и ряда различных учреждений Советского Союза. Принятая географическим обществом резолюция упомянута в меморандуме Советского правительства по

вопросу о режиме Антарктики, направленному 7 июня 1950 г. правительствами США, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии» [Краткий 1950: 632].

В 1949 г., Географическое общество участвовало в работах двух больших сессий: в начале года, в сессии Академии наук СССР, посвященной истории отечественной науки, и, в конце года – в объединенной сессии Географического общества и Географического факультета Ленинградского Государственного университета [Краткий 1950: 633].

Общее собрание АН СССР, посвященное истории отечественной науки, состоялось 5–11 января 1949 г. в Ленинграде. В изданном в 1949 году Издательством Академии Наук СССР, томе (подписан к печати 30/X 1949 г.) докладов на этом собрании, специальный раздел был посвящен геолого-географическим наукам. В первом, в этом разделе, докладе академика А.А. Григорьева «Географическая наука в СССР» было прямо указано, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Антарктический материк «в начале 1820 г.» [Григорьев 1949(а): 340].

Если допустить, что эти слова были включены в доклад академика А.А. Григорьева еще до проведения Общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград), то напроць рушится усиленно проводимая западной историографией идея относительно того, что «зеленый свет» на подобную трактовку хода и итогов первого этапа экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, был дан после, только что упомянутого общего собрания. Впрочем, нельзя исключать, что такая точка зрения была инкорпорирована в статью академика А.А. Григорьева (причем, им самим) позднее, уже после 10 февраля 1949 года. Для тех, да и для последующих лет, это была обычная практика.

Например, доклады, зачитанные на заседании Президиума АН СССР, были опубликованы вместе с материалами упомянутого Общего собрания АН СССР, которое проходило 5–11 января 1949 г. в Ленинграде. Сравнение специалистами опубликованных текстов докладов с протоколом заседания Президиума АН СССР, показало, что выступления докладчиков опубликованы не только с редакторской правкой, но и с некоторыми сокращениями [Протокол 2013].

Однако в любом случае, никакой «унификации» точек зрения советских историков и географов на факт первооткрытия, ни до, ни после этого собрания не произошло. Отсутствие подобной, какой бы то ни было «унификации», показано в предыдущей работе автора [Овлащенко 2013]. Подобное же отсутствие наглядно видно на примерах, приводимых в настоящем исследовании.

В следующем сразу же за докладом академика А.А. Григорьева, докладе президента Географического общества СССР академика Л.С. Берга, как в ранних его, так и в более поздних работах, речь шла лишь о том, что, «наконец, не следует забывать (*sic!* – А.О.) о замечательных

русских открытиях в Антарктике» [Берг 1949(д): 353]. Если не считать его единственной, в 20-е–40-е годы (автор проанализировал в своей прошлой книге семнадцать работ, принадлежащих Л.С. Бергу [Овлащенко 2013]), неожиданной реплики по поводу того, что «во всяком случае Беллинсгаузен и Лазарев еще 16 января и 5 февраля 1820 г. видели (! – *А.О.*) берег антарктического материка» [Берг 1949(б): 181, сноска 2], все его научное творчество свидетельствовало о том, что открытие Антарктиды произошло лишь в 1821 году, с открытием острова Петра I и Берега Александра I.

Еще одной (в сравнении с количеством статей Л.С. Берга на эту тему, немногочисленной, если не единичной) публикацией академика А.А. Григорьева с отстаиваемой им, его точкой зрения на дату первооткрытия, стал очерк, напечатанный 8 марта 1949 года в газете «Красный флот».

Менее чем, через месяц после проведения общего собрания Географического общества Союза ССР, А.А. Григорьев писал: «16 января 1820 года «Восток» и «Мирный» на широте 69°21' встретили сплошные льды, простиравшиеся «от востока через юг на запад», и слышали крики пингвинов, указывавшие на близость земли. 19 января достигли крайней южной точки своего двухлетнего плавания – 69°53'. Плавая в пределах 69°–68° южной широты, суда снова подошли 21 января 1820 года (на широте 69°25') к огромному ледяному полю, пределов которого на восток, запад и юг не могли увидеть. Беллинсгаузен подчеркивает, что оно «конечно было продолжением того, которое видели (! – *А.О.*) в пасмурную погоду 16 января». Таким образом, руководители экспедиции ясно представляли себе огромную протяженность этого поля. Наличие же вблизи него пингвинов ясно говорит о том, что экспедиция подошла здесь вплотную к краю материка. Таким образом, русские мореходы впервые открыли Антарктику (не Антарктиду, а «Антарктику», как у Л.С. Берга? – *А.О.*) в январе 1820 года.

...В настоящее время бесспорно установлено, что описание льдов этого района, данное Беллинсгаузенем, полностью соответствует внешнему виду льдов, покрывающих антарктический материк» [Григорьев 1949(б)].

Описав открытия января 1821 г. А.А. Григорьев добавляет: «Так русские моряки открыли Антарктику (снова «Антарктику». – *А.О.*), подойдя к ней трижды: дважды в январе 1820 года и третий раз – в январе 1821 года» [Григорьев 1949(б)]. К сожалению, буквально через несколько абзацев, этот советский академик-географ демонстрирует буквально фантазмагорическое видение реальной ситуации: «До 30-х годов XX века, по господствовавшему не только в русской (! – *А.О.*), но и в зарубежной науке мнению, приоритет открытия антарктического материка совершенно справедливо приписывался русской экспедиции

1819–1821 гг.» [Григорьев 1949(б)]. Как было неоднократно показано в предыдущей книге автора [Овлащенко 2013] (а также на протяжении всего настоящего исследования) о приоритете русских в открытии Антарктиды отдельные упоминания можно обнаружить, лишь в советских работах конца 30-х годов XX в. Поэтому говорить о подобном «господстве», это пожалуй, даже больше чем, «выдавать желаемое за действительное».

«В 1939 г., – пишет А.А. Григорьев, – американский журнал «Сайенс» назвал в числе первых открывателей Антарктики Бренсфильда (январь 1820 г.), не приводя никаких данных, подтверждающих такое заявление, а затем Пальмера (ноябрь 1820 г.) и... Беллинсгаузена (январь 1821 г.)» [Григорьев 1949(б)]. Напрасно только, А.А. Григорьев, ставил недоуменно-ироничное отточие перед фамилией Ф.Ф. Беллинсгаузена – практически вся советская историография (да и то в основном, лишь послевоенная) утверждала, что открытие Антарктиды состоялось именно в январе 1821 г., таким образом приурочивая такое открытие, к открытию острова Петра I и Берега Александра I.

«Между тем, – продолжал он, – документально установленные факты ясно доказывают, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева впервые открыла антарктический материк в январе 1820 г., повторив это открытие в январе 1821 г.

...Таким образом, Беллинсгаузен, Лазарев и их доблестные спутники, доказавшие ошибочность господствовавшего в науке перед их экспедицией убеждения в отсутствии за Южным Полярным кругом обширной земли, должны по праву считаться первыми открывателями Антарктики» [Григорьев 1949(б)]. Не может не вызвать недоумения постоянная терминологическая путаница, поскольку в самом последнем абзаце А.А. Григорьев пишет о том, что экспедиция открыла «антарктический материк» [Григорьев 1949(б)], а значит, все-таки – Антарктиду.

В широкоизвестном, изданном Учпедгизом в 1940 году пособии для преподавателей географии – «Словаре-справочнике по физической географии», автор этого пособия, профессор (1926), доктор географических наук (1936) А.С. Барков (1873–1953) в статье о Ф.Ф. Беллинсгаузене (при отсутствии в этом словаре-справочнике статьи, посвященной собственно Антарктиде (Антарктике), что, само по себе, выглядело довольно странным; Антарктида лишь кратко упоминалась в статьях о континентах, частях света и об айсбергах. – А.О.) писал: «...Русский исследователь южнополярных стран. ...В 1819–1821 гг. был начальником экспедиции, отправленной в южнополярные моря, дошел до 69° ю. ш., открыл Антарктиду (Землю Александра I) (как видно, в трактовке А.С. Баркова «открытие» Антарктиды состоялось, лишь с открытием о. Александра I. – А.О.), открыл и обследовал много островов (о. Петра I, ...и др.)» [Барков 1940: 18]. Но, по крайней мере, А.С. Барков, в отличие от двух ведущих советских географов, академиков Л.С. Берга

и А.А. Григорьева, прямо указал, что экспедиция открыла Антарктиду, а не, некую «Антарктику».

Второй из упомянутых выше двух больших сессий, в работе которых в 1949 г. участвовало Географическое общество, стала сессия Географического общества и Географического факультета Ленинградского Государственного университета (27 декабря 1949 г. – 5 января 1950 г.). В ходе заседаний этой объединенной сессии «было заслушано 10 докладов по главнейшим проблемам, над разрешением которых работают советские географы» [Краткий 1950: 633]. Среди перечисленных докладов, докладов на антарктическую тему не значилось.

«Антарктическое» общее собрание стало третьим, из пяти общих собраний, проведенных Географическим обществом в 1949 году. Как было отмечено в отчете: «Третье общее собрание членов Общества (10 февраля) носило исключительно важный общественно-политический характер и было посвящено уже упомянутому выше докладу академика Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». На заседании присутствовало свыше 400 человек» [Краткий 1950: 634].

Таким образом собрание, согласно его отчету, было посвящено не собственно экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, а политизированному «докладу академика Л.С. Берга». В этой связи эклектичной и конъюнктурной выглядела точка зрения полярного исследователя, доктора географических наук (1935), профессора (1929), члена-корреспондента АН СССР (1933) контр-адмирала В.Ю. Визе (1886–1954), который, убеждал присутствующих на собрании в том, что «советские люди никогда не забывают о великих открытиях, сделанных русскими в Антарктике, и всегда (*sic!* – *A.O.*) считали необходимым напоминать о том, что приоритет в деле открытия Южного материка принадлежит русским» [Русские 1949(а)].

Такую эклектичность и лицемерие в речи В.Ю. Визе, еще больше подчеркивало начало его же выступления, когда он сказал о том, что исследования экспедиции были «восстановлены в нашей памяти докладом Л.С. Берга». Речь шла о памяти своеобразного «цвета» научного, академического мира, профессиональных географов и историков, других специалистов – членов ВГО. Что уж говорить о памяти советских людей в целом. [Овлащенко 2013: 179–180]. В одной из опубликованных в 1949 году статей признавалось, что, «к сожалению, широкой общественности нашей страны еще недостаточно полно известна общественная и научная деятельность главных участников... экспедиции и в частности их конкретная работа в период плавания» [Александров 1949(б): 223].

Прочитаем внимательно абзац, из опубликованной в 1941 году в журнале «Проблемы Арктики», заметки В.Ю. Визе. Он пишет: «На меридиане Гринвича *«Schwabenland»* (судно германской антарктической

экспедиции 1938–1939 гг. – *А.О.*) встретил весьма благоприятные ледовые условия, позволившие судну дойти до 69°46' S. Проникнуть в этом районе к югу от 69-й параллели до того посчастливилось только одному судну – «Тула» (Дж. Биску), которое в 1831 г. доходило до 69°05' S (на меридиане 13° E)» [Визе 1941(а): 88]. Возможно именно свою «восстановленную память» имел в виду В.Ю. Визе, так как в своем докладе, академик Л.С. Берг упомянул, что суда экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева доходили 16 января 1820 г. до 69°21' ю. ш. [Русские 1949(а)]. Так что спуститься дальше к югу почти вдоль гринвичского меридиана, на одиннадцать лет раньше «посчастливилось» другим, а именно русским морякам-исследователям.

Таковы были «познания» ведущих советских географов о ходе и результатах Первой русской антарктической экспедиции. Что же касается тезиса В.Ю. Визе, относительно того, что «советские люди... всегда считали необходимым напоминать о том, что приоритет в деле открытия Южного материка принадлежит русским», то, тезис этот, попросту не выдерживает никакой критики.

В том же самом номере журнала «Проблемы Арктики», сам В.Ю. Визе [Визе 1941(б): 86–88], в крайне хвалебном, посвященном столетию антарктической экспедиции Дж. Росса очерке, не только не вспомнил о таком приоритете, но и вовсе не упомянул русских предшественников Росса – первооткрывателей Антарктиды (на общем собрании Географического общества СССР (24 марта 1950 г., Ленинград) «было оглашено... постановление Ученого совета о присуждении за 1949 г. большой золотой медали Общества, вместе с премией в 25 тыс. руб., чл.-корр. Акад. Наук СССР проф. Владиславу Юльевичу Визе за совокупность трудов по географии...» [Отчет 1951: 419]; в более поздних советских источниках уже прямо утверждалось, что, в своих публикациях и выступлениях, В.Ю. Визе «показывает и отстаивает приоритет отечественных открытий в Арктике и Антарктике» [Владимир 1959: 760]. – *А.О.*).

Достаточно справедливые оценки даны были Ю.М. Шокальским, описавшим в 1928 году в своей статье ситуацию, сложившуюся вокруг отношения к научному наследию Первой русской антарктической экспедиции (сам он, судя по всему, имел в виду подобное отношение к научному наследию не только лишь этой экспедиции). В частности, Ю.М. Шокальский писал: «Издание этого путешествия (труда Ф.Ф. Беллинсгаузена. – *А.О.*), замечательного не только среди русских плаваний, но и среди международных экспедиций, замедлилось довольно значительно и не по вине Беллинсгаузена.

...Отпустить средства на самую экспедицию решаются, но стоит ей возвратиться, как начинается самая непонятная скверность, не заслуживающая названия экономии, ограничивающая средства и на обработку результатов и на их издание. В результате страдают далеко не только чисто научные интересы, но и чисто экономические и

политические (! – *А.О.*). Все произведенные на экспедицию расходы не приносят никаких выгод, и то большое политическое влияние, какое всегда имеют решительно все большие научные предприятия, окончившиеся успехом, пропадает бесследно, потому что для его укрепления необходимы ясные и, главное, быстрые доказательства его значения.

...Никто не беспокоился о распространении сведений о замечательных результатах плавания Беллинсгаузена и Лазарева за границу и, в результате, они оставались неизвестными даже заинтересованным людям до самого последнего времени (т. е. до первой четверти XX века. – *А.О.*). Совершенно забывали, что распространение сведений о научных заслугах русских только и может повести к увеличению их общего значения на поприще международной деятельности» [Шокальский 1928: 192–193].

Другое дело, что сам Ю.М. Шокальский не указывал на причины такой ситуации, не отвечал на вполне естественно напрашивающиеся вопросы – чем, последняя была вызвана, кем инициирована и реализована, наконец, в итоге – *cui prodest?* (Попытка частично дать ответы на перечисленные вопросы, дана автором в его предыдущей книге: «Материк льда. Первая русская антарктическая экспедиция и ее отражение в советской историографии (1920-е–1940-е годы)» [Овлащенко 2013]).

Говоря о труде Ф.Ф. Беллинсгаузена, Ю.М. Шокальский ратовал за переиздание этой книги в Советском Союзе: «...Вот почему полагаю, что переиздание этого труда с атласом к нему и дополнениями всех рисунков художника Михайлова, еще не изданных и хранящихся в архивах библиотеки Академии Художеств, было бы не только важно с научной стороны, но и полезно, как одного из памятников русской деятельности на международном поприще исследований, где Беллинсгаузен и Лазарев заработали русским людям столь высокое уважение и подали нам такой выдающийся пример, – а примерами только и воспитываются люди» [Шокальский 1928: 197].

Однако слова этого авторитетного русского/советского географа не были услышаны. «Советская власть» не спешила переиздать книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена – ни для научных, ни в воспитательных целях, ни в качестве памятника культуры. Второе издание этой книги увидело свет, только через двадцать лет после опубликования статьи Ю.М. Шокальского, – в 1949 году. Таким образом, книга не переиздавалась в стране-инициаторе экспедиции, на протяжении почти 120 лет! О книге Ф.Ф. Беллинсгаузена, которая была издана в России лишь однажды – в 1831 году, в количестве 600 экземпляров, мичман П.М. Новосильский еще в 1853 году писал, что, «...книга в настоящее время довольно уже редкая, так что многие из наших важнейших библиотек ее не имеют» [Южный 1853: б.с.].

В свою очередь, Ю.М. Шокальский, от своего лица свидетельствовал: «Описание и атлас Беллинсгаузена составляют величайшую редкость; за сорок лет своей научной деятельности я не встретил ни разу объявления о его продаже» [Шокальский 1928: 197] (что же, и подобного рода свидетельство говорит о многом. – *А.О.*).

Подтверждают и дополняют приведенные выше рассуждения Ю.М. Шокальского, написанные в 1949 году слова советского географа Б.Г. Островского: «В то время как менее значительные путешественники пользуются у нас широкой известностью и о них существует обширная, хорошо разработанная литература, путешествие русских в Антарктику известно по большей части немногим. Об этом свидетельствует прежде всего весьма скудная, и, по большей части, мало ценная библиография» [Островский 1949(а): 239].

На четвертом общем собрании (2 июня 1949 г.) ученый секретарь Общества С.В. Калесник прочитал доклад «О природе Антарктики» (в подстрочечной сноске была отсылка: «Напечатан в «Известиях ВГО», 1949, вып. 6» [Краткий 1950: 634]. – *А.О.*).

Интересна информация из отчета Общества о том, что «Президиум Общества давал консультации Главному управлению геодезии и картографии: а) о транскрипции названий для территории Антарктики (Антарктиды? – *А.О.*) и Океании (заключение составил акад. Л.С. Берг); ...г) о карте русских наименований в Антарктиде (теперь уже, напротив, правильное бы звучало «в Антарктике» – *А.О.*) (составитель – председатель картографической комиссии ВГО П.П. Померанцев, редактор – акад. Л.С. Берг) [Краткий 1950: 635]. В отчете о деятельности Отделения физической географии ВГО (председатель – профессор С.В. Обручев, секретари – Л.Е. Родин и А.Н. Смесов) не было отмечено каких-либо мероприятий, или докладов, посвященных Антарктике [Краткий 1950: 636–638].

В этом смысле, активнее проявила себя Картографическая комиссия имени Ю.М. Шокальского (председатель – П.П. Померанцев, секретарь – И.Б. Костиц), которая структурно входила в Отделение математической географии ВГО (председатель – член-корреспондент АН СССР Н.Г. Келль, секретарь – Б.И. Никифоров). Одно из направлений деятельности Комиссии «имело целью выявить и показать крупнейшие достижения русской дореволюционной картографии и ее превосходство над иностранной картографией» [Краткий 1950: 638–639]. Серия докладов была посвящена картографии Антарктиды. На эту тему были прочитаны доклады: А.И. Дьяконова – «Собрания подлинных рукописных карт, относящихся к первому русскому кругосветному плаванию, с подписями И.Ф. Крузенштерна и Ф.Ф. Беллинсгаузена, найденные в октябре 1948 г.»; С.З. Алейнера – «Картография Антарктиды до первой Русской Антарктической экспедиции»; П.П. Померанцева – «Русские географические имена на карте Антарктики»

[Краткий 1950: 639]. Как было подчеркнуто в отчете, «все указанные выше доклады сопровождалось, как правило, оживленными прениями».

На заседаниях Отделения истории географических знаний (председатель – академик Л.С. Берг, секретарь Б.А. Вальская) за отчетный период было заслушано 7 докладов. А.И. Дьяконов сообщил о «Некоторых итогах изучения карт Беллинсгаузена и Крузенштерна» [Краткий 1950: 639–640]. «Памяти и делам наших замечательных мореплавателей, – говорилось в кратком отчете, – были посвящены доклады П.Ф. Морозова «Адмирал М.П. Лазарев», сообщение А.А. Самарова о плане сборника документов и материалов об адмирале Лазареве...» [Краткий 1950: 640]. Особо подчеркивалось, что «к активному участию в работе Комиссии были привлечены историки».

В Отделении биогеографии (председатель – проф. Б.Н. Городков, заместитель председателя – проф. А.А. Корчагин по ботанике, А.Н. Световидов по зоологии, секретари – проф. А.А. Федоров по ботанике, Г.А. Новиков по зоологии) в течение 1949 г. состоялось 8 докладов, «отразивших наиболее актуальные вопросы», связанные в том числе «с русскими открытиями в Антарктике». По биогеографии Антарктиды доклады сделали Б.Н. Городков («Растительность Антарктики») и Л.А. Портенко («Животный мир Антарктики») [Краткий 1950: 640].

Не нашли отражения антарктические вопросы в деятельности Отделения экономической географии (председатель – проф. О.А. Константинов, секретарь – Л.П. Альтман) [Краткий 1950: 641–642]. Зато на одном из заседаний Комиссии военной географии (председатель – проф. Е.Е. Шведе, секретарь – А.В. Осипов) был заслушан доклад профессора Е.Е. Шведе «Русские открытия в Антарктике» [Краткий 1950: 643].

Комиссия по пропаганде географических знаний (председатель – Л.Е. Родин, секретарь – А.А. Флейшер) «в своей деятельности исходила из решений II Всесоюзного Географического съезда о расширении и углублении работы в области популяризации географических знаний в целях ознакомления широких кругов с историей отечественной географии...». Лекторием им. Ю.М. Шокальского были проведены лекции, в том числе, посвященные «приоритету отечественных путешественников и исследователей в географических открытиях...» [Краткий 1950: 643]. Тематика лекций, разработанная Комиссией, утверждалась Президиумом Общества. За отчетный период в лектории были прочитаны лекции «о таких выдающихся русских путешественниках, как... М.П. Лазарев, Ф.Ф. Беллинсгаузен и многие другие» [Краткий 1950: 644].

Азербайджанский филиал Общества (основан в 1939 г. в Баку) в 1949 г. проводил свою работу в тесной связи и с помощью Института географии АН Азербайджанской ССР. Филиалом были проведены две научные конференции. Первая, совместная с Институтом географии, была посвящена «великим русским открытиям в Антарктике» [Краткий

1950: 647]. Согласно краткому отчету: «На конференции сделаны два доклада – «Русские открытия в Антарктике», прочитанные на азербайджанском и русском языках кандидатом географических наук В.Г. Завриевым и преподавателем АГУ им. С.М. Кирова А.А. Шахбазовым. На конференции присутствовало свыше 200 чел. географов и представителей интеллигенции города Баку. Краткие итоги конференции опубликованы в местных газетах на азербайджанском, армянском и русском языках» [Краткий 1950: 647]. В местной газете была помещена статья Б.Р. Мирзоева «Русские открытия в Антарктике».

Армянский филиал ВГО (основан в 1935 г. в Ереване) «в ряде напечатанных статей... присоединил свой голос к решению общего собрания Всесоюзного Географического общества о необходимости защиты приоритета великих русских мореплавателей Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в открытии Антарктиды и соблюдения исторических прав СССР при решении вопроса о режиме Антарктики». В связи с этим Филиалом, «помещены также в республиканской печати две научно-популярные статьи об Антарктике» [Краткий 1950: 648].

В Грузинском филиале (основан в 1924 г. в Тбилиси) общее собрание его членов «было посвящено выступлению в Ленинграде акад. Л.С. Берга по вопросу об открытиях в Антарктике».

В частности, в отчете говорилось: «Председатель Грузинского Филиала, д. ч. (действительный член. – *А.О.*) АН Грузинской ССР проф. А.Н. Джавахишвили, охарактеризовав кратко с физико-географической и экономической точек зрения Антарктику, разъяснил международное значение этого материка и острый интерес, проявляемый к нему крупнейшими империалистическими державами – США и Англией. Об открытиях русских в Антарктике прочел доклад проф. Г.Н. Гехтман. Ознакомив слушателей с природными богатствами, тающимися в недрах Антарктики, он охарактеризовал интересы англо-американского капитала в отношении Антарктики (т. е. первые два докладчика в первую очередь говорили о политико-экономическом, сырьевом и стратегическом значении Антарктиды, а не, о собственно историко-географических заслугах Первой русской антарктической экспедиции. – *А.О.*). Затем докладчик подробно остановился на достижениях русских географов (? – *А.О.*) и мореплавателей как в деле открытия Антарктики (Беллинсгаузен и Лазарев), так и в деле исследования и изучения тихоокеанских стран. О кампании против советской науки и советской культуры, ведущейся в США и Великобритании, умалчивающими о заслугах русских ученых в отношении открытий в Антарктике, подробно рассказал проф. Т.Н. Атабеков.

Общее собрание Филиала присоединилось к резолюции общего собрания Всесоюзного Географического общества» [Краткий 1950: 649].

Из приведенных выдержек (согласно краткому отчету) видно, что в республиканских филиалах ВГО при обсуждении этих вопросов, речь прежде всего, шла о «русских открытиях в Антарктике», а, не об

открытии Антарктиды. Очевидно этих текстов «коснулась рука» академика Л.С. Берга, как озвучившего одноименный доклад 10 февраля 1949 г. в Ленинграде, и, как редактора периодического издания Общества «Известия Всесоюзного Географического общества».

В отчете о деятельности Московского филиала (председатель – И.Д. Папанин, секретарь – Э.М. Мурзаев), в частности, о деятельности отделений и комиссий Филиала, не были упомянуты антарктические вопросы [Краткий 1950: 650–653]. Но зато, отмечалось следующее: «В течение 1949 г. в филиале состоялось 5 общих собраний... Второе общее собрание было посвящено русским открытиям в Антарктике; слушался доклад акад. А.А. Григорьева «Открытия русских в Антарктике» и состоялись выступления участников советской китобойной экспедиции в антарктические воды (имеется в виду поход в Антарктику советской китобойной флотилии «Слава». – *А.О.*)» [Краткий 1950: 653].

На собраниях отделений Приамурского филиала (основан в 1894 г. в Хабаровске), на заводах, в школах и в колхозах Филиалом проводились научно-популярные лекции «о русских открытиях в Антарктике» [Краткий 1950: 654].

Среди заслушанных на состоявшихся в 1949 г. восьми общих собраниях Воронежского отдела ВГО (основан в 1948 г. в Воронеже), был доклад И.Н. Ежова «Антарктика и Советский Союз» [Краткий 1950: 656].

Активно действовал в 1949 г. в этом направлении Горьковский отдел (основан в 1947 г. в Горьком). Среди двенадцати докладов, три были посвящены Антарктике: С.Б. Кульвановского – «Природные условия Антарктики», А.Т. Харитонычева – «Исследования в Антарктике экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева», Л.Л. Трубе – «Русские названия на карте Антарктики» [Краткий 1950: 657].

Казанский отдел (основан в 1947 г. в Казани), в лице своего председателя В.Н. Сементовского (этому советскому специалисту вскоре предстоит сыграть свою роль в советской историографии экспедиции), представил доклад «О приоритете русских исследователей в открытии Антарктиды» [Краткий 1950: 659].

На одном из плановых собраний, состоявшихся в 1949 г. в Крымском отделе ВГО (основан в 1945 г. в Симферополе) был заслушан доклад И.Г. Гутыр «Русские открытия в Антарктике» [Краткий 1950: 660].

Омский отдел (основан в 1877 г. в г. Омске под названием «Западно-Сибирский Отдел») в 1949 г., «по линии научно-популяризационной и пропагандистской работы», в конце года, организовал «совместно с краеведческим музеем, краеведческий лекторий, в котором проведены лекции на темы: «Природные растительные богатства Омской области» и «Русские открытия в Антарктике» [Краткий 1950: 663].

В Саратовском отделе ВГО (основан в 1940 г. в Саратове), М.А. Шабановым был прочитан доклад на тему «Русские в Антарктике» [Краткий 1950: 663–664].

На заседаниях Северного отдела ВГО (основан в 1944 г. в Архангельске) слушались доклады: М.М. Ермолаева – «Русские открытия в Антарктике», «О приоритете русских географов в исследовании Тихого океана»; Е.А. Сафонова – «Памяти Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Краткий 1950: 664].

В 1949 г. в Северо-Кавказском отделе (основан в 1947 г. в Ростове-на-Дону) был заслушан доклад А.Ф. Самохина «Приоритет русских в исследовании и открытии Антарктики». По докладу была принята «развернутая резолюция с протестом против поджигателей войны, пытавшихся решить судьбу Антарктики без участия Советского Союза» [Краткий 1950: 665].

Весьма активно проявил себя Харьковский отдел ВГО (основан в 1947 г. в Харькове), где в составе Отдела работали Отделения физической географии и экономической географии и Комиссии климатологическая, по пропаганде географических знаний и методике географии. На одном из общих собраний Отдела, Л.К. Петровой был сделан доклад «Открытие Антарктики русскими мореплавателями». Среди четырех докладов, зачитанных на заседаниях Отделения физической географии, два были посвящены Антарктике: В.Г. Аверина – «Наши права и наши интересы в Антарктике»; П.И. Гордеева – «Физико-географические особенности Антарктики» [Краткий 1950: 667].

В Челябинском отделе ВГО (основан в 1944 г. в Челябинске), среди других был заслушан доклад М.А. Манько «Русские географические открытия в Тихом океане и Антарктике» [Краткий 1950: 667].

В Чкаловском отделе (основан в 1947 г. в Чкалове, ранее – с 1868 г. – существовал под наименованием «Оренбургского отдела») на одном из заседаний был зачитан доклад В.В. Логинова «Русские исследователи в Антарктике» [Краткий 1950: 649].

В заключительной части краткого отчета, в частности говорилось: «...Широко и повсеместно специальными докладами и научными сессиями отмечено 70-летие Иосифа Виссарионовича Сталина. Очень большое внимание уделено приоритету отечественной географии в разрешении многих географических проблем. Поднятый центральной организацией Общества вопрос о приоритете русских в открытии Антарктиды (теперь уже, все-таки Антарктиды, а, не «Антарктики». – *А.О.*) нашел широкий отклик во всей стране... По линии пропаганды географических знаний Географическое общество тесно сблизилось с Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и его местными отделениями» [Краткий 1950: 669–670].

Пропагандистский аспект безусловно имел место, а отмеченный юбилей, также действительно соседствовал с «поднятым» вопросом. Это

нашло свое отражение в анализируемом кратком отчете Географического общества Союза ССР за 1949 г. Например, в Калининском отделе ВГО (основан в 1946 г. в Калининне) совместно с Географическим факультетом Калининского педагогического института были проведены две конференции: первая была посвящена «Сталинскому плану преобразования природы», вторая – «приоритету русских открытий в Антарктике» [Краткий 1950: 659].

В Украинском филиале (основан в 1948 г. в Киеве) «два расширенных заседания Оргкомитета были посвящены: одно – 70-летию со дня рождения И.В. Сталина и второе – русским открытиям в Антарктике» [Краткий 1950: 655].

В «Заключении Ревизионной комиссии по отчету Географического общества Союза ССР за 1949 г.» было отмечено: «Заслугой Общества является восстановление приоритета многих деятелей русской географии, открытия и труды которых определяли уровень мировой науки. В частности, поднятый Обществом вопрос о приоритете русских в открытии Антарктиды получил всеобщее признание.

...Отделение истории географических знаний вынесло решение о необходимости организации в ВГО «Кабинета Антарктики», в котором должны собираться материалы по истории русских географических открытий в Антарктике. Однако это важное решение не было реализовано: оно осталось не известным широким кругам географов, так как не нашло отражения в публикациях ВГО. Необходимо расширить круг задач «Кабинета Антарктики», который должен стать справочно-научным центром по вопросам географии Антарктики» [Краткий 1950: 671–672].

В декабре 1949 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Географического общества Союза ССР. В частности, был рассмотрен перечень важнейших научных проблем, над которыми предполагали работать в 1950 г. отделения и комиссии Общества. Среди утвержденного ориентировочного плана присутствовал следующий пункт: «...13) «История исследования Арктики, Антарктики и Китая». Заниматься этими вопросами поручено было Отделению истории географических знаний [Протокол 1950: 433, 440–441].

Материалы заседания Совета географического факультета Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова (1949). В своей предыдущей книге автор высказал пожелание, о том, что исследовательский поиск, совершенствование науковедческих изысканий, обнаружение и последующее введение в научный оборот историографического, как и собственно исторического материала необходимо продолжать. Исследователей ожидает в этой области еще немало интересных научных находок, к примеру, при изучении региональных (местных) специальных и общественно-политических изданий [Овлащенко 2013: 13–14].

В этой связи, очевидно стоит остановиться на материалах мероприятия, состоявшегося также в 1949 году. Это было одно из тех мероприятий, «волна» которых, как только что было показано, прокатилась по всему Советскому Союзу и оказала, в той или иной степени, влияние на всю последующую советскую историографию рассматриваемого вопроса. Опять же можно подчеркнуть, что никаких «унифицированных» (за исключением сугубо идеологических: «антиимпериалистических», «антиамериканских») подходов выработано не было, поэтому анализ подобных мероприятий и их итоговых материалов может представлять самостоятельный интерес для историографического исследования.

На географическом факультете Одесского государственного университета им. И.И. Мечникова, в марте 1949 г. (т. е. уже через месяц после проведения Общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, в Ленинграде) состоялось заседание Совета факультета, посвященное вопросам, связанным с «приоритетом русских исследователей в открытии Антарктиды».

«Широкие круги советской научной общественности, – говорилось в отчете о заседании, – по почину, проявленному Всесоюзным Географическим обществом – выразили свое возмущение попытками правящих кругов США разрешить без участия Советского Союза проблемы будущего Антарктиды.

Нашим русским исследователям принадлежит неоспоримый приоритет в открытии Антарктиды, в область которой впервые прошли в 1819–21 г.г. шлюпы русской экспедиции «Восток» и «Мирный», открыли здесь земли, которым дали русские названия, тогда же впервые нанесенные на географические карты мира» [Русские 1949(в): 21].

Во вступительном слове декана географического факультета доцента А.М. Смирнова, в частности, говорилось о том, что «коллектив... географического факультета присоединяет свой голос возмущения против научно необоснованных притязаний правящих кругов США, направленных на разрешение вопросов будущего Антарктиды без участия СССР».

«Одесса, – подчеркивал А.М. Смирнов, – является базой советского китобойного промысла в водах Антарктики. Мы непосредственно и практически связаны с Антарктикой. Поэтому обсуждение данного вопроса в нашем коллективе приобретает тем более серьезное значение. Мы стремимся дать на этом заседании точный и правдивый анализ работ отважных русских исследователей, открывших Антарктиду.

Деканат предполагает организовать глубокое изучение настоящего вопроса и по линии студенческих научных кружков. Наша молодежь должна знать, какую огромную роль в мировых географических открытиях сыграли наши русские исследователи и русские моряки» [Смирнов 1949: 21–22].

Несколько патетическим, но весьма характерным для тех лет, было начало доклада старшего преподавателя кафедры физической географии Ю.А. Амброз: «На географической карте земного шара от северных полярных островов до южного полярного материка – Антарктиды нанесено много русских названий..., русским мореплавателям принадлежит честь открытия целого материка – Антарктиды.

...Экипажи русских кораблей «Восток» и «Мирный»... были первыми людьми, увидевшими Антарктиду.

В настоящее время, когда появились сведения о предполагаемом решении вопроса об Антарктике... без участия Советского Союза, нам, советским географам, необходимо напомнить всему миру о русском приоритете в деле открытия Антарктиды. Пусть громко прозвучит наш решительный протест против решения вопроса о режиме Антарктики без участия всех заинтересованных государств и, в первую очередь, того государства, славные сыны которого внесли неоценимый вклад в дело открытия Антарктиды и исследования вод, ее омывающих» [Амброз 1949: 22–23].

Затем Ю.А. Амброз «обратилась к истории» открытия русскими Антарктиды. Но, в первую очередь, она воспроизвела наиболее радикальный (очень и очень далекий от академической науки) вариант фальсифицированной версии «заслуг» Дж. Кука, «когда в иностранных научных кругах продолжало еще господствовать мнение английского мореплавателя... о том, что Южного материка не существует» [Амброз 1949: 23] (при этом цитировала Дж. Кука этот советский географ по книге, которую издал в 1948 году Географгиз [Джемс 1948]. – *А.О.*). «Русские люди..., – писала Ю.А. Амброз, – обладающие ясным умом, стойким характером и терпением, как охарактеризовал русских людей вождь советского народа товарищ Сталин, осуществили эту задачу и опровергли взгляды Кука» [Амброз 1949: 23].

Во всяком случае, «точный и правдивый анализ» работ зарубежных путешественников, в ходе заседания этой кафедры, уже не состоялся. А состоялся ли в докладе Ю.А. Амброз, «точный и правдивый анализ» работ «отважных русских исследователей, открывших Антарктиду»? Иными словами, как, по мнению Ю.А. Амброз, это открытие произошло. «Шлюпы, – писала она, – несколько раз подходили близко к берегам материка, но бывали остановлены сплошными многолетними льдами» [Амброз 1949: 27].

Сейчас достаточно сложно точно установить, из каких работ, была скомпилирована Ю.А. Амброз такая интерпретационная модель. В одной из своих работ, мичман П.М. Новосильский писал об экспедиционном дне – 16 января 1820 года, но, писал следующим образом: «Шлюпы достигнув до 69°25' ю. ш. и 2°15' з. д. остановлены были в дальнейшем на юг плавании неподвижным ледяным берегом (! – *А.О.*), усеянным бесчисленными кусками льда, один на другой

взгроможденными, и поэтому должны были поворотить на север» [Шестой 1854: 8].

А вот, как в 1940 году, описывал ход экспедиции цитируемый в советской историографии Н. Введенский: «После нескольких тяжелых дней плавания шлюпы опять подошли к кромке неподвижных льдов, достигнув их 6 февраля 1820 года, в 69°06' ю. ш. и 15°52' в. д. Массы многолетних сплошных льдов простирались на юг и образовывали здесь причудливую картину...» [Введенский 1940: 46] (далее, по ходу статьи Ю.А. Амброз, у нее трижды шли ссылки на эту работу Н. Введенского. – *А.О.*). В 1948 году советский автор А. Георгиев, писал так: «...Беллинсгаузен предпринял первую попытку пробиться к полюсу. Но на 69 градусе южной широты его шлюпы были остановлены сплошными льдами... [Георгиев 1948: 27–28]. В 1949 году доктора исторических наук А.И. Андреева «не устроило» то, что в январе – феврале 1820 года, участники экспедиции уже несколько раз подходили к материку, «хотя и не отметили этот факт в более решительных и определенных выражениях» [Андреев 1949(в): 173].

«Так, – продолжала Ю.А. Амброз, – 16 января 1820 г. в полдень суда подошли к самой кромке неподвижного льда. Это было у 69°22' ю. ш. и 2°15' з. д. Бугристые льды простирались на юге. Эти льды прикрывали материк (такова была трактовка Ю.А. Амброза. – *А.О.*) и не дали возможности увидеть землю. (Лишь в 1930 г. в данном районе Норвежской экспедицией был замечен берег, названный землей принцессы Марты, но очертания этого берега на карту еще до сих пор не положены).

Таким образом, описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собой окраину антарктического материка» [Амброз 1949: 27].

Самое начало описания событий экспедиционного дня 16 января 1820 года, у Ю.А. Амброза, текстуально совпадают с описанием этого же дня Н. Введенским: «...16-го были уже в виду сплошных льдов. В полдень этого числа они подошли к самой кромке неподвижного льда» [Введенский 1940: 45]. Заключительное предложение в этом абзаце у Ю.А. Амброза, «впитало в себя» текст доклада академика Л.С. Берга на Общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград). Последний говорил: «...Теперь (! – *А.О.*) ясно, что описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собой именно окраину антарктического материка» [Русские 1949(а)] (правда, у «великого эклектика» Л.С. Берга, диапазон трактовок в данном случае простирался от «теперь ясно», до «весьма вероятно» [Берг 1949(б): 181]. – *А.О.*).

«5 февраля 1820 года, – писала дальше Ю.А. Амброз, – под 69°06' ю. ш. и 15°52' в. д. шлюпы вновь находились вблизи материка.

Множество полярных птиц вилось над шлюпами. Массы многолетних сплошных льдов простирались на юг, образуя причудливую картину. Это был район нынешней земли принцессы Ранхильды» [Амброз 1949: 27]. Сравним с текстом доклада академика Л.С. Берга: «5 февраля 1820 г. примерно под 69° ю. ш. и 15° в. д. экспедиция находилась поблизости антарктического материка (район Земли принцессы Ранхильды)» [Русские 1949(а)].

«В результате плавания, – подводила итог первому этапу Ю.А. Амброз, – стало ясно, что границы океана уходят за пределы 69° ю. ш., но непроходимые льды мешают дальнейшим поискам в этом направлении» [Амброз 1949: 27]. Интерпретационные «веяния» Н. Введенского отчетливо просматриваются и здесь. В 1940 году этот советский автор писал: «Всем стало ясно (*sic!* – А.О.), что в высоких широтах Атлантического океана на всем пройденном шлюпами пространстве к востоку от Сандвичевых островов никаких (! – А.О.) признаков Южного материка нет, нет даже (? – А.О.) островов» [Введенский 1940: 47].

С другой стороны, вряд ли справедливо будет в данном, конкретном случае, неким образом обвинять в чем-либо физико-географа Ю.А. Амброз. Как и ряд других советских специалистов-географов, она не занималась профессионально антарктической тематикой, а пользовалась, лишь теми доступными источниками, которые были опубликованы в Советском Союзе на момент проведения «антарктического» общего собрания ВГО. Однако прямо заслуживают такого отношения, те сознательные, а иногда и прямо-таки убежденные, советские авторы-фальсификаторы хода, основных результатов и итогов Первой русской антарктической экспедиции. Об их исторических фальсификациях много рассказано, как в предыдущей работе автора [Овлащенко 2013], так и в проводимом исследовании.

Брошенные ими «камни» фальсификаций, дали широкие круги «понимания» итогов экспедиции на несколько поколений советских географов, педагогов. Известно, к примеру, что та же Ю.А. Амброз (1921–2010), «на протяжении многих лет читала фундаментальные курсы географической специальности», в том числе, курс «Истории географических открытий и исследований». Вполне возможно, что в дальнейшем этот советский специалист изменила свою точку зрения в отношении факта первооткрытия Антарктиды. В любом случае, список публикаций Ю.А. Амброз, подготовленный для очерка о ней коллективом преподавателей и сотрудников геолого-географического факультета Одесского Национального Университета имени И.И. Мечникова, открывается ее публикацией, датированной 1955 годом [Памяти 2010] (ее статья 1949 года об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева не упоминается. – А.О.).

Во введении к настоящей монографии, было сказано о значительной степени условности применительно к понятию «советская

историография» экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, в 20-е – 40-е годы. Seriously, основательно подготовиться, а тем более, попытаться преодолеть засилье в советской историографии фальсифицированных описаний хода и итогов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, у советских географов и историков попросту не было времени (априорно принимая как основное положение то, что раньше, они историческим анализом этой экспедиции не занимались вовсе). Темпоральная «дельта», которая образовалась между решением ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. (когда «было признано целесообразным заявить, сначала в неофициальной форме, о заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики...» [Докладная 1950]), положившим начало процессу масштабной пропагандистской «антарктической» кампании, и, до материализации этого решения в ходе проведения общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР (уже совсем вскоре – 10 февраля 1949 года), а также последующего за ним, в масштабах страны, «восстановления в памяти» работы русской южнополярной экспедиции – была слишком мала.

Если вновь вернуться к материалу Ю.А. Амброз, стоит отметить один интересный, связанный с этим материалом момент. Говоря об открытии экспедицией Берега Александра I, Ю.А. Амброз отметила, что «назван берег был именем царствовавшего тогда Александра I» [Амброз 1949: 29]. Это был совершенно уникальный случай в советской историографии. Автор материала не только указал на Александра I, но и подчеркнул, что в период экспедиции он царствовал. В советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева можно обнаружить прямо противоположные, а то, и курьезные случаи.

К примеру, обратную ситуацию можно наблюдать в одной из книг, изданных после Великой Отечественной войны. Если в тексте опубликованной в 1948 году работы Н.А. Бендер «Имена русских людей на карте мира», присутствовали упоминания открытия экспедицией острова Петра I (названного так, как писала автор работы, «именем создателя русского флота») и «берега Александра I» (теперь уже, без указания в честь кого этот берег был назван) [Бендер 1948: 46], то в приведенной в конце ее книги, сводной таблице географических названий (была составлена при участии А.А. Ульянова), упоминание этого берега отсутствовало вообще. Очевидно, идеологически «помешала» последняя графа таблицы: «В честь кого присвоено название» [Бендер 1948: 88]. Своеобразный «избирательный подход» составителей таблицы проявился и в том, что остров Петра I, в ней присутствовал, причем в графе «В честь кого присвоено название» значилось: «Петра I, императора» [Бендер 1948: 133].

Несколько более объективно в материале Ю.А. Амброз, была охарактеризована ситуация с островом Александра I. Дело в том, что советская историография зашла, точнее, сама завела себя (а если уж быть совсем точным, то, ее направили, «завели») в своеобразный

«тупик». Согласно методам формальной логики, схема тут получалась очень простая: утверждается, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Землю (Берег) Александра I; Земля (Берег) Александра I является частью Антарктического материка; следовательно экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Антарктиду.

Вполне понятно, что при выяснении того обстоятельства, что Земля (Берег) Александра I – это остров, «рушилась», согласно мнению советских специалистов (далеко не всех), вся эта «логическая» последовательность. Им приходилось идти на невероятные, все более фантастические интеллектуальные «изобретения» (одним из инициаторов этой «историко-географической химии» был Н.В. Введенский [Введенский 1941: 120–122], при том, что в его статье 1939 года [Введенский 1939: 47] и, в работе 1940 года, на приведенных в них картах было обозначено: «о. Александра» [Введенский 1940: карта]; аналогичное обозначение присутствовало на карте, приведенной в опубликованной в феврале 1941 года статье М. Райхенберга [Райхенберг 1941(6): 67]. – *А.О.*), в свою очередь, все более расходящиеся с естественнонаучной, физико-географической реальностью.

Так, в изданном в 1948 году альбоме «Русские географы и путешественники» (альбом был издан под эгидой Академии Наук Союза ССР, Института географии и Географического общества Союза ССР; редакторами его выступили академики Л.С. Берг и А.А. Григорьев, член-корреспондент Академии наук СССР Н.Н. Баранский), на карте сопровождавшей лист о Ф.Ф. Беллинсгаузене, Земля Александра I была изображена в совершенно невероятном, искаженно-гипертрофированном виде [Русские 1948: лист «Ф.Ф. Беллинсгаузен»]. Подчеркнутое размещение наименования этого географического объекта на материковой части (и вводящее в заблуждение о действительном местонахождении «земли») довершало, этот акт «картографической пропаганды». Целый ряд других, связанных с этим вопросом примеров, приведен в предыдущей книге автора [Овлащенко 2013], а также в дальнейшем изложении.

Интересно, что еще в 1821 г. М.П. Лазарев писал А.А. Шестакову: «Берег сей получил название Александра I и вероятно тоже (как остров Петра I. – *А.О.*) состоит из одного, а может быть и нескольких островов» [Лазарев 1952: 199].

Одесский географ Ю.А. Амброз, писала дальше: «Трудности плавания в районе земли Александра I – надо это подчеркнуть – настолько велики, что вторично этот берег увидели лишь в конце XIX столетия. В 1905 и 1908 г. французская экспедиция Шарко находилась в этом районе. Шарко сделал предположение, что Земля Александра I – большой остров (о таком «предположении» Шарко, в своих работах советские авторы предпочитали вообще не упоминать; между тем, в советской историографии экспедиции, еще в 1928 году Ю.М. Шокальский писал: «...Шарко в 1903 г. ...удалось подойти ближе к Земле

Александра I и установить, что она есть тоже остров (как и остров Петра I. – *А.О.*), но значительного размера» [Шокальский 1928: 191]; есть у него и более ранние упоминания об этом [Шокальский 1917(б): 333]. – *А.О.*)

В настоящее время, на основании воздушной разведки, принято считать, что Земля Александра I представляет собой остров, отделенный от материка узким проливом до 500 км длиной. Пролив этот постоянно забит льдом, а поэтому доказательства об островном положении земли Александра I не могут считаться окончательными.

Но если земля Александра I и остров, то он очень близко прилегает к матерiku и является по сути составным звеном Антарктического материка.

Если открытие Багамских и Антильских островов справедливо считается одновременно и открытием Америки, то тем более оснований считать открытие острова, вплотную прилегающего к Антарктиде, ее открытием.

Экипажи русских кораблей под командованием Беллинсгаузена и Лазарева первые во всем мире доказали существование земли у южного полюса и положили начало исследованию Антарктиды» [Амброз 1949: 29] (курсив в тексте. – *А.О.*).

Здесь Ю.А. Амброз успешно «задействовала» слова профессора С.В. Калесника. Именно он, выступая после академика Л.С. Берга (10 февраля 1949 г. в Ленинграде), высказал упомянутую интересную точку зрения. С.В. Калесник заявил: «Если открытие Багамских и Антильских островов справедливо считается одновременно и открытием **американского** (выделено в тексте. – *А.О.*) континента, то тем больше оснований считать открытие многих островов, вплотную прилегающих к Антарктиде, и, в частности, Земли Александра I (если она даже действительно остров, а не часть материка) открытием **антарктического** континента» [Русские 1949(а)].

Еще одна «болячка» советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, это заискивающее цитирование (правда в целом ряде случаев – фальсифицированное) советскими авторами английских специалистов, якобы всегда, дававших чуть ли не «восторженные оценки» результатам и итогам Первой русской антарктической экспедиции. Не избежала этой «болезни» и Ю.А. Амброз. Упомянув расхожие в советской историографии «отзывы» Ф. Дебенхэма (который, согласно Л.С. Бергу, «не перестает воздавать хвалу точности наблюдений Беллинсгаузена и Лазарева» [Русские 1949(а)]) и Л. Кируэна, она делала вывод: «Таким образом, факт приоритета открытия ряда земель Антарктиды русскими признается и зарубежными учеными...».

«Но, – продолжала Ю.А. Амброз, – в 1931 г. Норвегия объявила своим остров Петра I, подняв на нем свой флаг. В 1939 году Норвегия повторила эти свои претензии на остров Петра I.

Еще тогда, 27 ноября 1939 г. (логичнее для действий СССР выглядело бы, «еще тогда, в 1931 г.» – *А.О.*), Советское правительство сообщило Норвегии, что оно не может признать законной эту акцию Норвегии и считает резервировать свою точку зрения о государственной принадлежности территории, открытой русскими мореплавателями» [Амброз 1949: 31–32]. Конечно же в 1939 году никаких претензий на остров Петра I Норвегия не «повторяла». На самом деле, речь шла уже о совсем иных вопросах. Подробнее о норвежских правопритязаниях в Антарктике, об отражении этих вопросов в советской историографии было рассказано в предыдущей книге автора [Овлащенко 2013: 49–68].

«Возмущает то, – вполне искренне (?) удивлялась Ю.А. Амброз, – что решить вопрос об Антарктике собираются без Советского Союза, без страны, славные моряки которой открыли существование Антарктиды.

Это – вопиющий факт дискриминации по отношению к Советскому Союзу, это – игнорирование интересов Советского Союза в Антарктике.

Иностранным государствам надо помнить, что «Россия никогда не отказывалась от своих прав и Советское Правительство никогда и никому не давало согласия распоряжаться территориями, открытыми русскими морями», – как сказал президент Всесоюзного Географического общества Лев Семенович Берг.

Тот факт, что русские моряки не высаживались на острове Петра I или на землю Александра I, не может являться помехой признания приоритета русских на эти земли. Известно, что этого принципа в международной практике никто не придерживается. Так, например, англичанин Биско не высаживался на берег земли Эндерби, когда увидел ее в 1831 году. Однако, англичане претендуют на землю Эндерби по праву первооткрытия. По такому же праву Франция претендует на землю Адели, открытую в 1840 г. французом Дюмон-Дюрвилем.

Норвежский ученый Ларс Кристенсен в своем труде утверждает, что для объявления занятия земли нет надобности на нее высаживаться, достаточно ее увидеть.

Юлий Михайлович Шокальский по этому поводу в статье «Остров Петра I» замечает: «Прилагая его рассуждения (в тексте у Ю.М. Шокальского – «рассуждение» [Шокальский 1939(а): 1395]) к открытию острова Петра I Беллинсгаузеном, очевидно, надо заключить, что остров давно уже принадлежал нашей стране, слишком 100 лет ранее занятия его норвежцами» [Амброз 1949: 32–33].

Вряд ли Ю.А. Амброз стоило упоминать о Ларсе Кристенсене, как о «норвежском ученом», поскольку у самого Ю.М. Шокальского, это – «известный норвежский богатый китобой» [Шокальский 1939(а): 1394], «директор одной из обширных норвежских китобойных компаний» [Шокальский 1939(б): 1400]. К тому же Л. Кристенсен не «утверждал» (как якобы, некий признанный международный специалист, «авторитет»

в этих вопросах), а лишь высказывал свое мнение. Между прочим, Ю.М. Шокальский добавлял при этом: «Отсюда, говорит Ларс Кристенсен, получается очень выгодный вывод для открытия земель с самолета» [Шокальский 1939(а): 1395]. С другой стороны, Ю.А. Амброз была очевидно первой в советской историографии, кто вспомнил и процитировал эти слова Ю.М. Шокальского об острове Петра I, и, о возможных, в связи с правом первооткрытия экспедицией этого острова, правах на него Советского Союза.

«Советская общественность, – заканчивала свой доклад-статью Ю.А. Амброз, – и советская наука интересуются проблемами Антарктики.

Если в первый период своего существования Советский Союз, занятый защитой и укреплением своего молодого государства, не мог уделять вопросам Антарктики должного внимания, то после Великой Отечественной войны Советский Союз считал необходимым организовать в Антарктике китобойный промысел.

...Длительному перерыву в исследованиях Антарктики русскими пришел конец.

Советское государство и по праву первооткрытия, и по праву экономической и научной заинтересованности имеет все основания участвовать в обсуждении вопросов об Антарктике и добиваться справедливого решения.

Общее собрание Всесоюзного Географического общества, подчеркнув первостепенную роль русских в открытии Антарктики, приняло резолюцию протеста против попыток некоторых государств добиться решения вопросов Антарктики без участия Советского Союза...

К этому голосу протеста должны присоединиться и мы, географы Одесского государственного университета» [Амброз 1949: 33].

Именно так, предельно политизировано проходило это и подобные ему заседания и собрания по всему Советскому Союзу. В напечатанном сразу же вслед за этим докладе преподавателя кафедры экономической географии Е.И. Капчинской «Сырьевые богатства Антарктиды и происки англо-американцев», согласно названию последнего, политическим, а не собственно историческим аспектам, было уделено еще больше внимания. В явно алармистском порыве Е.И.Капчинская заявила, что в результате работы американских антарктических экспедиций, «большая часть территории Антарктиды была фактически захвачена США» [Капчинская 1949: 35]. «Еще до второй мировой войны, – обращала она внимание, – США захватили 520 тыс. кв. км площади Антарктиды, заснятой с самолета» [Капчинская 1949: 35]. Как видно, у советских специалистов-географов было весьма превратное представление о действительном положении вещей.

«Захватывая части Антарктиды и Антарктики, – продолжала Е.И. Капчинская, – капиталистические страны «присоединяют» к своим владениям и земли, принадлежащие нашей стране по праву

первооткрытия. Так, Земля Александра I и остров Петра I оказались в секторе, захваченном Англией. Норвегия в 1931 г. и 1939 г. сделала попытку захватить остров Петра I, объявив его «своим» владением» [Капчинская 1949: 36]. Другое дело, что Е.И. Капчинская не сообщила советским слушателям и читателям, что эта «попытка» Норвегии оказалась удачной.

Не детализируя когда это произошло, Е.И. Капчинская писала, что «нашей стране принадлежит право приоритета открытия Антарктиды...; русские моряки открыли Антарктиду и 30 островов...» [Капчинская 1949: 36]. «Систематическое (? – *А.О.*) освоение Антарктики советскими моряками, – подводила она итог своему докладу, – равно как и приоритет русских в открытии Антарктиды, дают полное право СССР решать вопросы южнополярного района. Антарктика и Антарктида, являясь районом, через который проходят кратчайшие пути авиасообщений между Южной Америкой, Австралией, Африкой (в очередной раз не может не удивлять, что именно это волновало советских авторов. – *А.О.*), являясь районом важных метеорологических наблюдений, имеют международное значение.

Решение вопросов Антарктики отдельными государствами без участия СССР является не только несправедливым, но и незаконным. Советский народ имеет в Антарктике свои права и свои экономические интересы. Поэтому вся общественность СССР законно требует, чтобы все вопросы, связанные с Антарктикой и Антарктидой (очень интересна у Е.И. Капчинской, постоянно повторяемая, и не обнаруживаемая у других советских авторов, такая «дихотомия». – *А.О.*), решались совместно с Советским Союзом, а не в нарушение его законных интересов» [Капчинская 1949: 37].

Статья 3.Ф. Караваевой «О картах великих географических открытий и исследований» (1950). Продолжить историографический анализ работ советских авторов можно на примере статьи, в основу которой был положен доклад ее автора, доложенный 25 ноября 1949 г. на заседании Отделения картографии и математической географии Московского филиала Географического общества Союза ССР. Сама статья была напечатана в 1950 году в сборнике «Вопросы географии». В первую очередь автор доклада (статьи) обращала внимание на то, что, «за последние годы в советской исторической и историко-географической литературе уделяется большое внимание вопросам географических открытий и исследований» [Караваева 1950: 122]. Об этом факте, как считала 3.Ф. Караваева, «свидетельствует целый ряд капитальных работ, получивших широкое распространение». «Их количество и разнообразие, – утверждала она, – говорят о глубоком интересе советской общественности к истории русских географических открытий». Среди таких работ, 3.Ф. Караваева перечислила: книгу Л.С. Берга «Очерки по истории русских географических открытий» (1946);

книгу М.С. Боднарского «Очерки по истории русского землеведения» (1947) и некоторые другие работы [Караваева 1950: 122, сноска 2].

О первой из этих работ, с точки зрения проводимого историографического анализа, можно сказать следующее. Действительно, Академией наук СССР в 1946 году были изданы очерки Л.С. Берга по истории русских географических открытий. В части, касающейся экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, в этой книге [Берг 1946(а): 106–107, 109–110] ничего нового не появилось, а просто шел дословный повтор текста из другой, пятнадцатилетней давности, работы Л.С. Берга [Берг 1926: 19–20, 22–23]. Можно было решить, что советская географическая и историческая наука, за истекшие пятнадцать лет, не внесла ничего нового в историографию экспедиции [Овлащенко 2013: 112].

М.С. Боднарский в своих очерках упоминал Первую русскую антарктическую экспедицию. Однако его работа интересна прежде всего тем, что в приведенном М.С. Боднарским списке литературы, в разделе «История русской географии» указана книга мичмана П.М. Новосильского «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» (СПб., 1853). Причем в скобках после указания источника значится: «автор – один из участников экспедиции Беллинсгаузена» [Боднарский 1947: 252]. Таким образом, это можно считать уже вторым достоверным эпизодом использования книги «Южный полюс...» в качестве источника (в 1946 году, эта работа П.М. Новосильского была указана среди источников в статье П.Ф. Морозова и К.И. Никольченкова [Морозов, Никольченков 1946: 84]) еще до «официального» введения («возвращения») этой книги в научный оборот советским географом Б.Г. Островским. Произошло это якобы «летом 1948 года» [Островский 1949(а)] и об этом эпизоде в советской историографии экспедиции, также уже было рассказано [Овлащенко 2013].

Три другие, упомянутые З.Ф. Караваевой книги, к антарктическим вопросам отношения не имели. Собственно о картографическом материале, этот советский специалист писала следующее: «Изучение истории географических открытий и исследований немыслимо без карты. Литературное описание, как бы подробно и полно оно ни было сделано, не может дать того, что дает карта, а именно, представления о пространстве, взаиморазмещении и связи различных географических исторических явлений. Поэтому все литературные работы, как научные, так и популярные, в большинстве случаев снабжены картами, которые дают конкретный иллюстративный материал, дополняющий и развивающий текстовую часть.

...Большинство исторических карт, посвященных отдельным экспедициям, являются очень интересными, нередко содержащими богатый, оригинальный материал (в отношении Первой русской антарктической экспедиции такой материал, еще ждал «своего часа». – А.О.). Карты, являющиеся приложением к сводным работам по истории

географических открытий, имеют, как правило, иной характер. Они мелкомасштабны, обычно отпечатаны в одну краску и потому выдерживают очень небольшую нагрузку, т. е. содержат только самые общие сведения по вопросам географических открытий. Поэтому для широкого читателя и для учебных целей оказываются необходимыми подробные карты, помещаемые в исторических или историко-географических атласах, или выпускаемых в виде стенных пособий» [Караваева 1950: 122–123].

Дав, в целом положительный отзыв картам, которые имеются в так называемых «больших» исторических и историко-географических атласах, изданных за рубежом (*Meyers* (1911), *Phillips* (1927), *Vidal-Lablache* (1933), *Putschers* (1936) и др.), З.Ф. Караваева отметила затем, что, «к сожалению, почти все остальные иностранные атласы не отличаются подобной объективностью» [Караваева 1950: 123]. В частности, в атласе Буйе (*Bouillet*, 1877) «условного знака русских экспедиций нет совсем, а экспедиция Беринга дается как... датская (!)» [Караваева 1950: 123]. Вообще, как подчеркивала З.Ф. Караваева, «большинство иностранных атласов, как исторических, так и географических, предпочитают замалчивать русские открытия и путешествия». «Особенно резко, – добавляла З.Ф. Караваева, – это бросается в глаза на картах Арктики и Антарктики. Почти на всех, не только исторических, но и географических картах этих территорий, обычно даются маршруты наиболее известных путешествий. Значение русских исследований в приполярных областях широко известно. Такое игнорирование русских путешествий нельзя расценивать иначе, как заведомое, антинаучное и тенденциозное искажение фактов» [Караваева 1950: 123–124].

Действительно, самый простой анализ картографического материала позволяет прийти к выводу, что подобный подход демонстрировали, к примеру, в 1929 году немецкие картографы и (возможно, что вслед за ними) картографы Латвии. И в первом, и в последнем случае – в изданных в этих странах географических атласах – сразу обращают на себя внимание «событийные лакуны» между экспедициями Дж. Кука (1772–1775) и Дж. Уэдделла (1822–1823) [*Südpolarländer* 1929: 6; *Antarktida* 1929]. Обозначены были в этих двух атласах и последующие «главные» южнополярные экспедиции, но картографическая информация об экспедиции Беллингаузена – Лазарева, как таковая, отсутствует, как отсутствует и, собственно упоминание этой экспедиции (или, согласно терминологии З.Ф. Караваевой, «условного знака русских экспедиций нет совсем»). Это тем более примечательно, что в немецком атласе, на карте изображены остров Петра I и Земля Александра I. Кем же были открыты, по мнению немецких картографов, эти «антарктические земли»? [Овлащенко 2013: 284].

Переходя к обзору отечественных карт, З.Ф. Караваева вынуждена была констатировать, что, «до недавнего времени вопросам географических открытий советские картографы, к сожалению, не уделяли должного внимания» [Караваева 1950: 124]. Из картографических произведений, выпущенных до Великой Отечественной войны, она отмечала только карты из 1-го тома Большого Советского Атласа Мира (1937), карты, приложенные к учебникам истории, и некоторые карты «специального издания». «Учитывая методические соображения, – писала З.Ф. Караваева, – а также новые требования, предъявляемые (! – *А.О.*) к вопросам географических открытий, и новый фактический материал, появившийся в связи с последними научными работами в этой области, Главное управление геодезии и картографии в 1949 году приступило к созданию новой серии учебных карт по великим географическим открытиям» [Караваева 1950: 127].

В частности, что это были за «методические соображения» и, некие «новые требования», можно было узнать из следующих ее слов: «...По-новому следует показать и путешествия Кука. Традиция (? – *А.О.*) приписывала Куку такие открытия, которых он не совершал. На самом деле, значительная часть открытий Кука является мнимыми, или так называемыми «вторичными» открытиями, т. е. он посещал те территории, которые до него уже были открыты. Анализируя вывод Кука о том, что у южного полюса материка нет, а если земля и имеется, то только в широтах, недоступных для плавания, Л.С. Берг говорит о том, что «Кук не открыл, а закрыл 6-ю часть света» (здесь у З.Ф. Караваевой шла сноска: «Цитируется по легенде, составленной Л.С. Бергом к карте Антарктиды» [Караваева 1950: 129, сноска 1]. – *А.О.*). На карте предполагается различными условными знаками отделить действительные открытия Кука от открытий мнимых» [Караваева 1950: 129]. Подробнее о том, как в советской историографии происходило подобное «отделение», будет рассказано дальше.

З.Ф. Караваева продолжала: «Географические исследования XIX и XX веков в основном носят характер изучения «белых пятен» и заполнения их на карте мира.

...Особо надо отметить Ф.Ф. Беллинсгаузена, открывшего материк Антарктики. Это открытие по своему характеру примыкает к великим географическим открытиям более ранних веков, так как оно является открытием новой части света. Сравнивая результаты экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и экспедиции Кука, Л.С. Берг пишет: «...русская экспедиция завоевала приоритет научного исследования непосредственно земель Антарктиды (нет сомнения, что под «землями» Л.С. Берг подразумевал остров Петра I и Землю Александра I. – *А.О.*), решив тем самым крупнейшую проблему в истории географических открытий – она открыла всему научному миру существование Антарктиды» (после этого, у З.Ф. Караваевой, снова шла сноска: «См.

легенду к карте Антарктиды, составленную Л.С. Бергом» [Караваева 1950: 130, сноска 1]. – *А.О.*)» [Караваева 1950: 130].

Вообще в статье З.Ф. Караваевой теме открытия Антарктиды было уделено достаточно много внимания. В частности, она писала: «На карте географических открытий нового времени должны быть показаны основные путешествия XIX и начала XX века...

Широкие круги советской общественности проявляют глубочайший интерес к географическим подвигам наших предков..., и дело стоит лишь за тем, чтобы дать пищу этому патриотическому чувству.

Для этого надо создавать не только мировые карты географических открытий, но и карты по истории исследования отдельных материков, а в некоторых случаях – и карты отдельных путешествий.

...Начало этому делу положено. По инициативе Всесоюзного Географического общества ГУГК (Главное управление геодезии и картографии. – *А.О.*) будет издана под редакцией Л.С. Берга карта «Русские открытия в Антарктике». На карте, кроме плавания Ф.Ф. Беллинсгаузена, нанесен маршрут Кука. Сравнение этих маршрутов наглядно показывает, что именно Ф.Ф. Беллинсгаузену принадлежит честь открытий (? – *А.О.*) материка Антарктики» [Караваева 1950: 131–132]. Как видно, советская историография обогатилась, теперь уже не просто «честью открытия», а, «честью открытий материка Антарктики» (что касается самой этой карты, то о ней, еще будет сказано ниже).

«Надо надеяться, – отмечала З.Ф. Караваева, – что за этой картой последует ряд других карт, которые полностью раскроют историю русских географических открытий и исследований» [Караваева 1950: 132]. Однако надеяться на то, что редактируемые Л.С. Бергом карты, «полностью раскроют» ход и главные итоги экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, вряд ли было оправданным. Правда для этого надо было детально проанализировать позицию Л.С. Берга, в вопросе первооткрытия Антарктиды, провести сравнительный анализ его научного творчества на протяжении нескольких десятилетий. Всего этого, З.Ф. Караваева, как и подавляющее большинство остальных советских географов, по понятным причинам не делали.

Статус академика, президента Всесоюзного географического общества надежно «прикрывал» этого эклектика от науки (и который, в своей летописи Географического общества за столетний период, беззастенчиво избрал своим девизом выражение «*La verità è figliola del tempo*» («Истина – дитя времени») Леонардо-да-Винчи [Берг 1946(в): 25]. – *А.О.*) и, не давали даже допустить мысли о том, что Л.С. Берг может оценивать как-то «не так», ход, результаты и итоги Первой русской антарктической экспедиции.

Рекомендательный список литературы «Русские первооткрыватели Антарктики Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев»

(1949). В самом конце 1949 года под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, Центральной политехнической библиотекой был издан в виде отдельной брошюры рекомендательный список литературы «Русские первооткрыватели Антарктики Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев» (составитель Л.И. Задерман, редактор-библиограф Н.Г. Павлов). Сразу же обращает на себя внимание, тот факт, что речь в названии этого указателя идет не, об открывателях Антарктиды («материка», континента), а, об «открывателях Антарктики». Совершенно очевидно, что подобную «недобрую услугу» советской историографии (и библиографии) оказал не кто иной, как академик Л.С. Берг, со своим докладом от 10 февраля 1949 года.

В двухстраничном списке литературы, которую рекомендовал составитель указателя Л.И. Задерман, были учтены лишь самые основные материалы по рассматриваемой тематике, опубликованные в центральных периодических изданиях уже после проведения общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР. В указателе, также присутствуют две довоенные работы: Ю.М. Шокальского [Шокальский 1928] и Н.В. Введенского [Введенский 1940]. В разделе «Труды участников экспедиции», были указаны книга Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831) и, изданный в 1949 г. Географгизом, сборник «Плавания глеупов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах» [Плавания 1949]. Помимо упоминания о том, что в указанном сборнике, есть работа участника экспедиции мичмана П.М. Новосильского, составитель дал краткую аннотацию на одну из статей Б.Г. Островского [Островский 1949(б)]: «Обзор работ, выпущенных участниками экспедиции и мало известных широким кругам читателей» [Русские 1949(д): б. с.].

Возможно составителю и редактору-библиографу стоило отыскать в библиотеках оригинальные труды самого П.М. Новосильского и дать ссылку именно на них. Эти труды были вполне доступны в библиотеках крупных советских городов и столиц ряда союзных республик (к примеру, Латвии). Впрочем в таком случае, мог оказаться под «угрозой» один из главных мифов послевоенной советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева: о «забытости» и «невостребованности» в дореволюционной России, книг П.М. Новосильского.

Интереснее, чем сам список рекомендательной литературы, выглядит совсем небольшое предисловие к нему (написанное либо составителем списка, либо редактором-библиографом издания). В частности, в предисловии сказано: «Открытие материка Антарктики – одна из славных страниц истории русской географической науки. Русские исследователи... в 1819–1821 гг. четырежды подходили к берегам Антарктиды: дважды в январе 1820 года, один раз в феврале 1820 года и один раз в январе 1821 г.

...16 января 1820 г. экспедиция подошла близко к северной окраине Антарктического материка, а 5–6 февраля – почти вплотную к краю материка, в районе «Земли Принцессы Марты», которую лишь 100 лет спустя увидела норвежская экспедиция, давшая ей это имя. Летом 1821 г. в антарктических водах экспедицией были открыты остров... Петра I, и полуостров Антарктического материка, названный «Берегом Александра I».

Таким образом, именно России принадлежит честь открытия большого Антарктического материка и, следовательно, бесспорное право на участие в использовании и освоении вод Антарктики» [Русские 1949(д): б. с.].

Библиографические указатели «История естествознания» (1917–1947; 1948–1950). Прошедшее, 10 февраля 1949 г. в Ленинграде, общее собрание действительных членов Географического общества Союза ССР, повлекло за собой увеличение количества работ историко-географического характера, посвященных ходу, результатам и главным итогам Первой русской антарктической экспедиции. Нельзя сказать, что рост числа таких работ происходил «лавинообразно», однако здесь, отчетливо прослеживалась тенденция к активизации исследовательского поиска. В сравнительном плане это очень хорошо видно на примере анализа литературы в области истории естествознания (соответствующие библиографические указатели были изданы под эгидой Академии наук СССР Институтом истории естествознания и техники, и Фундаментальной библиотекой общественных наук), опубликованной в СССР в период с 1917 по 1947 г. [История 1949] и, затем, в период с 1948 по 1950 г. [История 1955].

Если в первом из этих библиографических изданий имеется лишь вспомогательный указатель («Антарктика и антарктические экспедиции») [История 1949: 498], то, во втором, один из подразделов раздела «История геолого-географических наук в СССР», уже так и называется – «Открытие русскими Антарктиды. Экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева, 1819–1821 гг.» [История 1955: 179–180] (кроме того, часть информации, например о Ф.Ф. Беллинсгаузене и М.П. Лазареве, была размещена в подразделе «Персоналии»).

Редакторы библиографического указателя за 1948–1950 гг., писали: «Общее количество вошедшей в настоящий указатель литературы составляет свыше 6000 названий (за три года), в то время как в предыдущий указатель (за 30 лет) вошло свыше 10 000 названий. Из сравнения этих чисел видно значительное увеличение выпуска литературы по истории естествознания за последние годы» [История 1955: б. с.] (с другой стороны не могут не навести на некоторые размышления, указанные в этих книгах, их тиражи: 4000 экз. (1917–1947 гг.) и 2500 экз. (1948–1950 гг.). – А.О.).

Несколько активнее стало работать в этом направлении Географическое общество Союза ССР. Согласно проанализированному

выше краткому отчету Общества за 1949 г., 27 января 1949 года, на втором общем собрании действительных членов Общества рассматривались отчет за 1948 г. и план на 1949 г. Государственного Издательства географической литературы. С подробным докладом выступил главный редактор Издательства – профессор Ю.Г. Саушкин. В основном работа Географгиза получила на собрании положительную оценку; была отмечена необходимость «усиления и укрепления связи Географического издательства с Географическим обществом и другими географическими учреждениями» [Краткий 1950: 634]. По просьбе Государственного Издательства географической литературы и Государственного Издательства детской литературы планы их изданий были рассмотрены Президиумом ВГО [Краткий 1950: 635].

«Ежегодники книги СССР» (1950). С другой стороны в изданных в 1950 году Всесоюзной книжной палатой «Ежегодниках книги СССР», в разделе геолого-географических наук, указаны лишь две книги, посвященные собственно экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева [Ежегодник 1951: ст. 144; Ежегодник 1952(а): ст. 154]. Первая работа – это, изданная Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний и издательством «Правда», брошюра академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева «Приоритет русских открытий в Антарктике» (тираж 60 000 экземпляров). Другая – изданная Географгизом книга К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду» (тираж 50 000 экз.).

В этих двух, изданных в 1950 году, книгах заложены диаметрально противоположные интерпретационные модели первооткрытия Антарктиды. Чтобы еще раз убедиться в том, что в 1949 году оценки факта открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева не были (а именно на этой рабочей гипотезе основаны как предыдущая [Овлащенко 2013], так и настоящая работа автора) в Советском Союзе «унифицированы», приведены к некоему «единообразию», стоит провести достаточно подробный анализ этих книг (брошюра А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева будет рассмотрена дальше).

Книга К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду» (1950). В первую очередь, речь идет об отмеченной в библиографическом указателе «История естествознания. 1948–1950», и, изданной в начале 1950 года книге К. Осипова (1900–1955) (псевдоним; согласно данным алфавитного каталога Латвийской Национальной Библиотеки, настоящие фамилия и имя: Куперман Иосиф (Осип) Миронович) «Как русские люди открыли Антарктиду».

Вполне понятно, что творческий замысел по написанию этой книги возник у К. Осипова, как было заявлено – автора целого ряда книг по «русской истории», не в 1950 году, а раньше (автор опубликованной в начале января 1949 года в журнале «Огонек» реферативной заметки – И. Осипов (Куперман? – А.О.) сообщал: «10 января 1821 года корабли русского кругосветного путешественника Беллинсгаузена – «Восток» и

«Мирный» – пересекли Южный Полярный круг и подошли к берегам Антарктиды» [Осипов 1949: 20]). Был ли это действительно «творческий замысел» самого К. Осипова (Купермана), или, что скорее, конкретный социальный заказ, точного ответа пока нет. Кстати, Государственное издательство географической литературы издало эту книгу тиражом – 50 000 экземпляров (против 20 000 экземпляров, «доставшихся» в 1949 году на переиздание труда самого Ф.Ф. Беллинсгаузена). Как же, в трактовке К. Осипова (Купермана), русские люди «открыли Антарктиду»?

Свое повествование он, начинает так: «В 1946 г. в южных полярных водах появилась советская китобойная флотилия: корабль-матка «Слава» и восемь быстроходных китобойных кораблей. До тех пор в дальних южных широтах китобойным промыслом занимались преимущественно норвежцы, англичане и американцы, хищнически истреблявшие морских животных. ...Советские китоловы не появлялись в этих местах. И вот в 1946 году на волнах южных полярных морей закачались корабли, на мачтах которых гордо реял флаг советской державы.

...Американские, английские, норвежские, датские и всякие другие промышленники с явным неудовольствием отнеслись к появлению советских кораблей.

...Иностранные китоловы не без основания видели в советской флотилии грозного соперника. «Зачем эти русские явились сюда? – ворчали они – еще наши отцы плавали здесь. А русские... Они, ведь, никогда не бывали прежде в этих краях».

Такого рода рассуждениями запестрели столбцы иностранных газет.

Трудно сказать, чего здесь больше: невежества или сознательного передергивания фактов. Потому что все те, кто хоть в малой степени знаком с историей географических открытий, отлично осведомлены о роли русских моряков в исследовании южных полярных морей и в открытии южного материка – этой, еще мало известной, шестой части света» [Осипов 1950: 3–4].

Прочитывая, становившиеся уже некоей советской «географической классикой», слова Дж. Кука о «южном материке» (К. Осипов цитировал эти слова по книге Дж. Кука, изданной Географизом в переводе Я.М. Света в 1948 году; в несколько большем объеме и не так эклектично, как Осипов (Куперман), эти слова цитировал автор вступительной статьи к этой книге И.П. Магидович [Магидович 1948: 33–34]) К. Осипов писал: «Высказанные с такой категоричностью и притом столь авторитетным лицом мнение было воспринято как непреложное. Просуществовавшее столько веков представление о существовании Южного материка было сдано в архив. Да и кто мог спорить с человеком, трижды пересекшим полярный круг, трижды подходившим к границе сплошных льдов (! – А.О.) и всякий раз

уверявшимися, что всюду простирается лишь океан, что нет никаких признаков земли.

...Выводы Кука подорвали интерес к южным полярным морям. К тому же Кук подробно описал негостеприимство Антарктики, бедность ее растительного и животного мира» [Осипов 1950: 5–6].

По-своему интересным, было следующее пояснение-подстрочник К. Осипова: «Следует отличать смешиваемые иногда в просторечии (*sic!* – *А.О.*) понятия Антарктиды и Антарктики. Антарктида – это громадный, площадью в 14 миллионов квадратных километров, материк, лежащий вокруг Южного полюса; Антарктика включает в себя, кроме Антарктиды, прилегающие к этому матерiku части трех океанов (Тихого, Индийского, Атлантического) с находящимися в них островами, общей площадью до 10 тысяч квадратных километров» [Осипов 1950: 6, сноска]. Это примечание, тем более интересно, что исходит оно от «неостепененного» беллетриста К. Осипова. Тогда как, «светило» советской науки – академик Л.С. Берг, в ходе своего знаменитого доклада на Общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград) подчеркнул, что, «русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев... **впервые** (выделено в тексте. – *А.О.*) доказали ошибочность господствовавших тогда представлений, что за Южным Полярным кругом нет земли, и **открыли существование Антарктики**» [Русские 1949(а)].

Однако делать, только исходя из этого, поспешный вывод о том, что Л.С. Берг лишь «смешивал в просторечии» географические понятия «Антарктида» и «Антарктика», отнюдь не следует. Тем более, что в большинстве перепечаток его доклада, эти его слова были оставлены без изменения («...и открыли существование Антарктики») [Академик 1949(а): 92; Академик 1949(б): 40; Русские 1949(б): 271]. В некоторых же (автору удалось обнаружить такое изменение, сделанное или самим Л.С. Бергом или редакторами его текста, только в одном источнике. – *А.О.*) – изменены на «Антарктиду» («...и открыли существование Антарктиды») [Берг 1949(а): 6]. Были и такие «перепечатки» доклада Л.С. Берга, в которых, эти слова были изъяты, как таковые. Так, в изданном в 1949 году сборнике «Наука и жизнь», в материале Л.С. Берга и намек не было об открытии русской экспедицией Антарктиды («Антарктики»). Теперь этот советский академик, «считал уместным» напомнить, что русским принадлежит «приоритет в открытии антарктических земель, непосредственно прилегающих к матерiku» [Берг 1949(з): 351].

В то же время, 17 марта 1949 года, отвечая в одной из окружных газет на «вопросы воинов», академик Л.С. Берг пояснил: «Антарктида – материк, лежащий вокруг Южного полюса. Антарктика складывается из материка Антарктиды и прилегающих к нему частей Тихого, Атлантического и Индийского океанов» [Антарктида 1949: 3, сноска].

Так что же все-таки, интересно, согласно Л.С. Бергу открыла русская экспедиция..?

Посеянные «светилом» советской географии семена эклектики, незамедлительно дали свои, своеобразные «всходы-плевелы». Причем, как это обычно бывает, страдала от этого в первую очередь советская научная молодежь, а именно студенчество. Например, если сам доклад (подготовленный в рамках географической секции Пятой студенческой научной конференции (г. Харьков, 3–7 апреля 1949 г.) студентки 4 курса Харьковского государственного университета А.А. Шишковой назывался «Приоритет русских мореплавателей в открытии Антарктиды» (и тут, надо признать, студентка продемонстрировала лучшее, чем маститый академик, знание терминов физической географии), то, в тезисах ее же доклада, можно было встретить следующие, достаточно разноречивые моменты: «...2. Честь открытия материка Антарктиды принадлежит русским мореплавателям...»; «3. Экспедицией Ф.Ф. Беллинсгаузена была открыта часть побережья Антарктиды...»; «4. ...Русские моряки первые открыли участки побережья Антарктиды в 1821 г. (! – А.О.)»; «5. Открытия Беллинсгаузена и Лазарева были подтверждены (? – А.О.) последующими экспедициями, специально или попутно занимавшимися исследованиями Антарктики»; «6. Приоритет открытия ряда земель в Антарктике принадлежит нашей стране» [Шишкова 1949: 91–92].

Вообще Л.С. Берг довольно основательно запутал, писавших на «антарктические сюжеты» советских авторов. Вот, к примеру, что сообщала в декабре 1949 года в газете «Красноярский рабочий», Р. Козина: «Империалистические государства, хищно стремящиеся к захвату новых территорий, давно обратили свое внимание на земли в районе Южного полюса – так называемую Антарктику – материк (Антарктика – материк! – А.О.), по размерам равный Европе и богатый ценными ископаемыми.

...Огибая материк, путешественники (экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева. – А.О.) открыли остров, названный ими «Остров Петра I», и другой остров, тесно примыкающий к матерiku, названный «Землю Александра I»... Были открыты 28 групп островов и часть берега (? – А.О.) Антарктики.

...Советские люди должны знать о выдающейся роли русских исследователей-ученых в деле открытия Антарктики...» [Козина 1949].

Такова была, подчеркнем это еще раз, цена эклектизма академика Л.С. Берга – как исследователя, и как ученого-функционера. Любопытно, что представитель современной эстонской историографии преподносит это качество Л.С. Берга, как некую, его «мудрость» (впрочем называя последнюю и своим действительным именем – хитрость). Таким образом все «историко-антарктические» действия Л.С. Берга, включая используемую им физико-географическую

терминологию, были с его стороны вполне сознательными и далеко не случайными.

В дальнейшем отмеченные берговские «сюжеты» получили свое, довольно интересное развитие. Вот, только один пример. В январе 1951 года в газете «Комсомольская правда» был опубликован отчет об одном собрании, на которое свой письменный доклад предоставил академик Л.С. Берг [Антарктику 1951]. Сам опубликованный отчет назывался – «Антарктику открыли русские». В то же время в опубликованной в 1956 году в одной из биографических книг о Л.С. Берге, библиографии его научных трудов, названный источник был указан так: «Антарктиду открыли русские» [Правдин, Чепурнов 1956: 105].

«Неудивительно, – продолжал свое повествование К. Осипов, – что экспедиции сюда почти прекратились. И только спустя почти полстолетия утверждение Кука было опровергнуто, опровергнуто людьми, тщательно обследовавшими полярные широты, пробывшими во льдах значительно дольше, чем Кук, и обнаружившими неизвестные берега, в которых они справедливо увидели выступы Южного материка – таинственной Антарктиды, шестой части света. Этими людьми были русские мореплаватели» [Осипов 1950: 6].

Читая и давая затем характеристику последующим страницам книги К. Осипова (Купермана), о том, как «русские люди открыли Антарктиду», трудно решить, чего в изложении этого советского автора больше (если использовать, его же слова), «невежества или сознательного передергивания фактов»? Впрочем, книга эта не производит впечатления, как написанная дилетантом «от географии и истории». В частности, К. Осипов отмечал: «Первая половина XIX века – это период чрезвычайно активного исследования русскими людьми отдаленных пространств земного шара.

...Причину этой исключительной активности нужно искать как в чисто научных интересах русского общества и во всегдашней любознательности русских людей, так и в стремлении русского правительства расширить сферу политического влияния, а также круг торговой деятельности русских купцов.

...Проникновение в неисследованные водные просторы Южного заполярья сулило богатые перспективы и в политическом, и в промышленном, и в научном отношении» [Осипов 1950: 6–8]. Надо сказать, что в советской историографии, посвященной анализу экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, такие оценки еще не были в ходу. Первую отличала пока еще некая политическая «беззубость».

Описывая события января 1820 года, К. Осипов «заходил издалека», но выводы, делал предельно конкретные: «...Через два дня был пройден южный полярный круг. Еще двумя днями позже, 16 января, шлюпы вновь уперлись в сплошные неподвижные льды.

История дальних плаваний знает много случаев, когда путешественники совершали великие открытия, не подозревая того. Так

случилось с Колумбом, Семеном Дежневым; то же произошло и во время экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. В день 16 января 1820 г. они находились не более чем в 20 милях («То-есть свыше 35 километров», как значилось в сноске к тексту К. Осипова. – *А.О.*) от берега Южного материка. Если бы они могли продвинуться еще на два десятка километров, то извечная загадка Антарктиды была бы разрешена уже в 1820 г.» [Осипов 1950: 26–27].

Как видно, если Ф. Дебенхэму (а также, фактически соглашавшимся с ним многим советским авторам, к примеру, Е.Е. Шведе. – *А.О.*) «не хватило» для открытия «нескольких часов ясной погоды», то, для К. Осипова (Купермана), для этого же открытия «не хватило» двух десятков километров. Последний «сокрушался» в своем тексте: «Увы! Корпуса кораблей были совершенно неприиспособлены для продвижения в тяжелых льдах, и участники экспедиции не имели представления (*sic!* – *А.О.*) о том, что они находятся у самой цели. М.П. Лазарев писал об этом дне: «16 января достигли мы широты 69°25' S, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение» [Осипов 1950: 27].

Напрасно только, К. Осипов (Куперман) купировал эту цитату и прервал ее на «и...». В письме М.П. Лазарева А.А. Шестакову, с описанием плаваний шлюпов «Восток» и «Мирный», есть такие, исчерпывающие строки: «16-го генваря достигли мы широты 69°23' S где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер (этими словами, напрочь разрушается дебенхэмовская версия «о нескольких часах ясной погоды»... – *А.О.*), смотря на салангу, простирался оный так далеко как могло только *достигать* (выделено в тексте. – *А.О.*) зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2°35' W от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк не доходя 70°» [Письма 1918: 55].

В своей книге, К. Осипов (Куперман) широко опирался на тексты, приведенные в сборнике «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах» [Плавания 1949]. Сборник этот, был в 1949 году издан Географгизом под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями доктора исторических наук А.И. Андреева. Анализ текстов самого А.И. Андреева был проведен в первой монографии автора [Овлащенко 2013]. Здесь стоит только добавить, что К. Осиповым (Куперманом), были восприняты и, лишь воспроизведены в своей «аранжировке», запутанные рассуждения А.И. Андреева о «ведении – неведении» руководителей и участников экспедиции, в отношении их географических открытий. Ссылался К. Осипов (Куперман) в своей работе и на переизданную в 1949 году в Советском Союзе, книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949].

Описав затем экспедиционные дни – 20 и 21 января 1820 г., К. Осипов (Куперман) в сноске давал такой комментарий: «В настоящее время, когда Антарктида уже обследована и отдельным районам материка присвоены определенные названия, можно установить, что шлюпы приближались 16 января 1820 г. к той части берега, который носит теперь название «Земля принцессы Марты», а 20–21 января к «Земле принцессы Ранхильды» [Осипов 1950: 27, сноска 3] (здесь у К. Осипова неверное описание; к Берегу Принцессы Рагнхильд корабли экспедиции подходили позже. – *А.О.*). Процитировав некоторые места из дневника матроса Е. Киселева и текста П.М. Новосильского, К. Осипов (Куперман) делал свой вывод: «Итак, участники экспедиции строили правильные догадки относительно нахождения суши в этих областях. Однако невозможность пробиться сквозь льды дальше к югу не позволила и в этот раз убедиться (5 февраля 1820 г. – *А.О.*) в правильности этого предположения» [Осипов 1950: 28].

«Можно было подвести кое-какие итоги, – как бы «от лица» участников экспедиции пишет К. Осипов (Куперман), – экспедиция обследовала никем не исследованные ранее области Атлантического океана; выяснила, что приблизительно на 70° южной широты начинаются сплошные тяжелые льды (но это уже прекрасно «выяснил» и Дж. Кук; как писал о Дж. Куке, сам К. Осипов (Куперман), «да и кто мог спорить с человеком, трижды пересекавшим полярный круг, трижды подходившим к границе сплошных льдов» [Осипов 1950: 6]. – *А.О.*); она открыла ряд новых островов и уточнила сведения, сообщенные Куком; наконец, она произвела ряд ценных наблюдений, важных для метеорологии, океанографии и других наук; «...Первое изыскание» было завершено... [Осипов 1950: 29, 34]. Такими были, действительно «кое-какие», итоги Первой русской антарктической экспедиции в интерпретации советского автора К. Осипова (Купермана).

Его описание второго этапа плавания, уже окончательно не должно было оставить у читателя никаких «надежд» на открытие экспедицией Антарктиды еще в январе 1820 года. «В декабре 1820 г., – писал К.Осипов (Куперман), – как и в январе того же года, экспедиция была на пороге достижения своей главной цели, но льды и ветры снова оказались неодолимым препятствием» [Осипов 1950: 36]. А название раздела книги К. Осипова (Купермана), в котором им повествовалось об открытиях января 1821 года – «Антарктида», как бы «давало понять»: все, встреченное экспедицией раньше, в январе – феврале 1820 года, Антарктидой якобы «не было» (хотя и назывался этот предыдущий раздел – «Среди «льдяных гор»).

Комментируя открытие экспедицией Земли Александра I, К. Осипов (Куперман) далеко не случайно цитирует именно эти слова П.М. Новосильского: «Не случись ясной погоды, – восклицает в своих записках Новосильский, – и возвышающийся перед нами берег с величественной горою... ускользнул бы от наших взоров» [Осипов 1950:

42]. Такое «восклицание» мичмана, должно было «подтвердить», своим авторитетом очевидца и участника событий, дебенхэмовскую версию о «нескольких часах ясной погоды», применительно к ключевой дате – 16(28) января 1820 года.

Дальнейшее изложение К. Осипова (Купермана), являет собой, одну из самых худших (можно предположить, что намеренно худших) трактовок в советской историографии. Он пишет: «Открытие этой земли – а также острова Петра I – опровергло высказанное Куком утверждение, что в районе Южного полюса нет материка.

Это понимали, хотя и неясно, участники экспедиции.

Профессор Симонов подчеркнул, что открытие этих земель «Тем более важно, что они суть самые южнейшие из всех, донныне известных, земель на земном шаре».

Не представляя в точности всего значения сделанного им открытия, руководители экспедиции считали нужным продолжать изыскания» [Осипов 1950: 45].

Непонятно, для чего у К. Осипова (Купермана) шло цитирование казанского профессора, если эти земли, на тот момент, действительно были самыми южными, открытыми на земле – землями, но, именно землями, а не материковым, континентальным льдом (льдом континента Антарктида), как это было, в случае первооткрытия 16(28) января 1820 года, а затем 5 февраля 1820 года. Важно, что в своем донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщает о событиях с 5 на 6 февраля 1820 г.: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда (! – *А.О.*), коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212].

Вот, в чем К. Осипов (Куперман) видел значение русской антарктической экспедиции: «Научные итоги экспедиции очень велики. Во-первых, были открыты островные звенья Антарктиды (остров Петра I и Земля Александра I). Труды экспедиции опровергли пущенное в обиход Куком и господствовавшее до тех пор мнение об отсутствии или недостижимости материка в районе Южного полюса. Напротив, теперь стало очевидным, что суша там имеется, и были установлены ее приблизительные границы» [Осипов 1950: 48].

И снова К. Осипов (Куперман) берет к себе «в союзники» профессора И.М. Симонова: «И. Симонов в заключительной части своей речи, произнесенной в Казанском университете, сказал: «Замечательный мореход Кук в (о? – *А.О.*) путешествии своем говорит: «Я обошел вокруг южного полушария в большой широте таким образом, что неоспоримо доказал, что нет в оном никакой матерой земли, разве в окрестностях полюса, куда невозможно достигнуть». Мы углубились во многих местах далее сего морехода, оставались не в пример долее его за полярным кругом, и ежели берег Александра не есть оконечность земли сей, то принужденными найдемся подтвердить слова его, должны будем

сказать, что мы не видели никаких признаков предполагаемого Южного материка, разве за пределами зрения от тех мест, где вечные льды положили непроницаемую межу для плователей» [Осипов 1950: 49].

Какой же вывод для себя (и, следовательно, для читателя) делал из этого К. Осипов (Куперман)? «Это высказывание Симонова, – пишет он, – свидетельствует, хотя и в осторожной форме, о том, что Симонов, а значит (? – *А.О.*) и руководители экспедиции, считали Землю Александра I принадлежащей к Южному матерiku (как оно и оказалось)» [Осипов 1950: 48]. Вообще, сами по себе эти слова И.М. Симонова, если только не относиться к ним предвзято, с заведомым купермановским предубеждением, вовсе не говорят, о том, что сам казанский профессор (очевидно не стоит проводить, как это сделал К. Осипов (Куперман), прямой корреляции мнения И.М. Симонова и мнений руководителей и других участников русской южнополярной экспедиции) считал недостижимым достижения южнополярных земель (а, тем более, обнаружения и наблюдения их, поскольку участники экспедиции как раз их открыли и наблюдали), пусть и покрытых льдом.

При анализе текста К. Осипова (Купермана) не может не создаться впечатление, что, в его книгу, в самом развернутом виде были инкорпорированы взгляды наиболее «радикального крыла» противников признания факта открытия Антарктиды в январе 1820 года. По крайней мере, все усилия самого К. Осипова (Купермана), и, что вполне вероятно, стоявших за ним конкретных лиц (*Л.С. Берга?*; антропологический подход к историографии позволяет делать такие выводы, но, все-таки, чтобы сделать их окончательно, лучше обратиться к личным, академика *Л.С. Берга* и К. Осипова (Купермана), архивным фондам. – *А.О.*) были направлены именно на достижение такого «научного результата» [Овлащенко 2013: 256].

К. Осипов (Куперман) продолжал «подводить итоги»: «Участников Русской Антарктической экспедиции иногда называют Колумбами Антарктиды (в частности, до публикации книги К. Осипова (Купермана) таким «литературно-смысловым» приемом пользовались: Н. Введенский [Введенский 1940: 88], А. Георгиев [Георгиев 1948: 27–28], Г. Кублицкий [Кублицкий 1949(а): 6], А. Адамов [Адамов 1949: 27], наконец, «сам» академик *Л.С. Берг* [Берг 1949(б): 186]. – *А.О.*). Это не совсем точно. Колумб не подозревал, что открыл новую часть света. Русские же моряки отправились на поиски таковой: несколько раз были у цели уже в январе 1820 г., хотя лишь подозревали это, но не знали достоверно, так как не видели берега: а затем, в 1821 г., открыли земли, о которых с уверенностью отзывались как о крайней оконечности Антарктиды. Доказать это они не могли, вследствие несовершенств их кораблей, и завещали эту задачу будущим исследователям, имеющим в распоряжении лучшую технику. Но факт приоритета русских мореплавателей остается несомненным» [Осипов 1950: 49]. На чем же

тогда основывался такой, для К. Осипова (Купермана), «несомненный» факт приоритета, этот автор не уточнял.

«Открытие это, – продолжал лукаво славословить К. Осипов (Куперман), – трудно переоценить. Подобно открытиям Колумба, Магеллана, Васко-да-Гамы, оно сыграло колоссальную роль не только в географической науке, но во всей истории культуры, так как раздвинуло представления о нашей планете. ...По своим научным результатам... (экспедиция. – *А.О.*) является одной из самых важных и самых плодотворных в летописях географических открытий. ...Антарктида была открыта на русских кораблях русскими людьми» [Осипов 1950: 49, 50–51]. Как видно, К. Осипов (Куперман) и, возможно те, кто стоял за ним, готовы были на любые превосходные степени сравнения, любую, пусть даже самую неприкрашенную, грубую и откровенно нелепую лесть, но, только при одном условии: «Отдайте нам дату – 16 января 1820 года!» [Овлащенко 2013: 257].

Говоря о перспективах хозяйственного освоения Антарктики, К. Осипов (Куперман) писал: «...Недаром американский журнал «Сатердей Ивнинг пост» назвал (в декабре 1947 г.) Антарктику «гигантской шкатулкой сокровищ». В самом деле, разведки, произведенные только на протяжении одного-двух процентов территории Южного материка, показали, что там имеется золото, серебро, олово, свинцовая руда, медная руда, уголь и т. д. Предполагают наличие крупных запасов нефти и, что особенно привлекает империалистов, запасов урановой руды. Как известно, урановая руда служит основным сырьем при изготовлении атомных бомб. Она очень дефицитна, а между тем изыскатели уверяют, что в Антарктиде имеются огромные залежи этой руды» [Осипов 1950: 57–58]. Рассматривая территориальные претензии в Антарктике, К. Осипов (Куперман) несколько эмоционально писал: «В 1931 и 1939 гг. Норвегия предъявила притязания на некоторые территории (в том числе даже на остров Петра I)» [Осипов 1950: 57–58].

Весьма образно, сочным языком «холодной войны», он писал дальше: «...Так выявляются истинные планы империалистов. Подобно тому, как мифический царь Мидас не мог скрыть свои ослиные уши, так современным агрессорам не удастся скрыть свои военные планы, побуждающие их к захвату территорий, которые нужны им или могут пригодиться в будущем для реализации этих планов.

...Самую неприглядную роль в империалистической грызне вокруг Антарктиды выполняют ныне США.

...В августе 1948 г. правительство США объявило, что оно вступило в переговоры с заинтересованными капиталистическими странами об организации «международного управления» Антарктикой. Нетрудно понять, в чем смысл такого предложения: прикрываясь формальной «интернационализацией Антарктики», США в действительности хотят сосредоточить в своих руках все нити, заставив

послушные им «маршализованные» страны отодвинуться на задний план.

...Среди этой вакханалии жадных поползновений, взаимных происков и связанных с подготовкой новой войны манипуляций, исключение представляет позиция Советского Союза.

...Советский Союз не может и не желает допустить, чтобы судьба Антарктиды (интересно четкое разграничение этим автором терминов «Антарктика» и «Антарктида». – *А.О.*) решалась помимо него, без его участия. Он основывается на свидетельстве нелицеприятной (*sic!* – *А.О.*) истории, на фактах, с очевидностью говорящих о том, что приоритет в открытии Южного материка принадлежит России, а следовательно, по преемственности, Советскому Союзу» [Осипов 1950: 58–60].

«Подобно тому, как мифический царь Мидас не мог скрыть свои ослиные уши», так, самому К. Осипову (Куперману), за всей этой хлесткой фразеологией, словесной трескотней не удалось скрыть главную цель своего произведения. Он, беря к себе «в союзники» не только профессора И.М. Симонова, но, теперь уже и мичмана П.М. Новосильского, упорно продолжал «штурмовать» историческую действительность. Целесообразно привести еще одну, достаточно длинную его цитату.

К. Осипов (Куперман) писал: «Выступая на собрании действительных членов Географического общества СССР 10 февраля 1949 года, ученый секретарь этого общества профессор Калесник резонно заметил: «Если открытие Багамских и Антильских островов справедливо считается одновременно и открытием американского континента, то тем больше оснований считать открытие многих островов, вплотную прилегающих к Антарктиде, и, в частности, Земли Александра I (если она даже, действительно, остров, а не часть материка), открытием антарктического континента».

Эта мысль не нова; как указывалось выше, участники экспедиции были убеждены в том, что ими найден ключ (? – *А.О.*) к раскрытию загадки Южного материка. Вспомним слова Новосильского: «Русским предоставлена была честь впервые приподнять угол завесы, скрывающей отдаленный таинственный юг, и доказать, что за ледяной стеною, его опоясывающею, таятся острова и земли».

Из выдающихся заслуг русских мореплавателей в открытии Антарктиды и вообще в исследовании Антарктики вытекают бесспорные исторические права России – а ныне Советского Союза – на участие в решении вопросов Антарктики» [Осипов 1950: 60–61].

Надо отметить, что книга «неостепененного» К. Осипова (Купермана) была, весьма и весьма «проработанной» с точки зрения изложения, подбора материала, его актуальности, если угодно – научности (за исключением, естественно, отмеченных выше моментов), и, в этом смысле, выгодно отличалась от других, пока еще исключительно редких советских книг на антарктическую тематику.

Заканчивалась книга дословным и полным цитированием Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики [Осипов 1950: 61–63]. Сам, этот Меморандум, согласно данным Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), датирован 5-м июня 1950 года [Меморандум 1950(а)]. 7 июня 1950 г. Правительство Советского Союза направило этот Меморандум правительствам Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии через своих дипломатических представителей в столицах указанных выше государств [Меморандум 1950(б)]. Так, 9 июня 1950 г., Временным поверенным в делах СССР в США В.И. Базыкиным Меморандум был вручен заместителю Государственного секретаря США Дж. Уэббу [Меморандум 1950(а)]. В центральных советских газетах (в частности, в газете «Известия» [Меморандум 1950(б)]) текст Меморандума был опубликован 10 июня 1950 г.

Согласно К. Осипову (Куперману), он, в своей книге цитировал текст Меморандума, опубликованного 10 июня 1950 г. в газете «Правда». А вот выпускные данные книги К. Осипова (Купермана): «Сдано в производство 28/III-50 г. Подписано к печати 23/V-50 г.» [Осипов 1950]. Как видно, Меморандум был опубликован в центральной советской печати, в частности в газете «Правда», на которую и ссылался К. Осипов (Куперман), на несколько недель позднее, чем его книга была подписана к печати. Последний факт порождает две альтернативы: первая (прямо скажем, довольно невероятная, если не абсурдная), что К. Осипову (Куперману) был «доступен» текст Меморандума почти за месяц, до его официального опубликования и, что самое главное, до направления Меморандума правительствам соответствующих стран; вторая, что изменения в рукопись были К. Осиповым (Куперманом) внесены уже после опубликования Меморандума, но выпускные данные книги остались прежними (существует, правда, еще одна, маловероятная альтернатива – опечатка в выпускных данных книги) [Овлащенко 2013: 260].

Рецензия В. Пинегина на книгу К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду» (1950). В октябре 1950 года в Вологодской областной газете «Красный Север» (раздел «Библиография») была опубликована короткая рецензия В. Пинегина. Этот автор фактически анонсировал, изданную Географгизом в 1950 году, книгу К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду». В первую очередь В. Пинегин отметил, что книга эта – издана для массового читателя. Действительно, как это было уже показано выше, Государственное Издательство географической литературы издало эту книгу тиражом 50 000 экземпляров.

В своей рецензии-анонсе, В. Пинегин, в частности писал: «Англичанин Джеймс Кук, плававший в морях Южного полушария, отверг «возможность существования материка» в Антарктике.

Самоуверенный английский мореплаватель считал, что его путешествием «положен конец дальнейшим поискам Южного материка» [Пинегин 1950]. Таким образом, текст начинался с весьма грубой, очевидно, также рассчитанной на «массового читателя» исторической фальсификации, об отрицании Дж. Куком возможности существования материка в южнополярной области.

«...В январе 1821 года, – писал дальше В. Пинегин, – русские мореплаватели «первые из всех моряков мира увидели острова таинственного материка». Антарктида была открыта на русских кораблях, русскими людьми. Это крупнейшая заслуга Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева.

...Разведки, произведенные только на незначительной части материка, показали, что здесь имеются золото, серебро, олово, свинцовая руда, медная руда, уголь, предполагается наличие больших запасов урановой руды.

...Автор (К. Осипов. – *А.О.*) излагает меморандум советского правительства по вопросу о режиме в Антарктике. Разрешение этого вопроса без участия советского правительства, указывается в меморандуме, не может считаться законным.

Книга К. Осипова в кратком очерке знакомит читателя со славной страницей из истории русского мореплавания, воспитывает в советских людях чувство гордости за свою Родину, разоблачает поджигателей войны. Атомщики Америки вынашивают планы использования территории Антарктики в войне за мировое господство.

Советский Союз посылает в Антарктику китобойные экспедиции, ведущие научные исследования, чтобы освоить богатства Антарктиды, использовать их для блага трудового человечества» [Пинегин 1950].

Такая (на уровне текста из учебника по чтению, для 3-го класса) «рецензия», была опубликована в Вологодской областной газете «Красный Север».

Анонс книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1950). В мартовском, за 1950 год номере журнала «Вокруг света», в рубрике «Книжная полка географа», было совсем коротко проанонсировано переиздание в Советском Союзе книги Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949]. В заметке, только лишь сообщалось: «Путевые записки одного из знаменитых русских первооткрывателей Антарктики Ф.Ф. Беллинсгаузена – «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Восток» и «Мирный» – выпущены в свет Государственным издательством географической литературы» [Книжная 1950: б. с.]. Фраза о «первооткрывателе Антарктики», а не Антарктиды, прямо коррелировала с подходами академика Л.С. Берга, президента Географического общества Союза ССР, озвученными им в ходе проведения Общего собрания действительных членов этого общества, и состоявшегося 10 февраля 1949 года в Ленинграде [Русские 1949(а)].

Рецензии на переизданную в 1949 году Географгизом книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949], написали в 1950 году несколько советских специалистов.

Рецензия Е.Г. Кушнарева и А.В. Васильева (1950). Одной из таких рецензий, стала опубликованная в июльском номере журнала Военно-Морского Флота «Морской сборник», статья Е.Г. Кушнарева и А.В. Васильева. На эту рецензию уже было кратко обращено внимание в предыдущей книге автора, рассказывающей о Первой русской антарктической экспедиции и ее отражении в советской историографии в 20-е – 40-е годы [Овлащенко 2013]. В рецензии Е.Г. Кушнарева и А.В. Васильева, трактовки этих авторов, невольно наводили на ту мысль, что, «на самом деле», главное достижение русской экспедиции – открытие Антарктиды – это открытие *a posteriori*, т. е. «задним числом», исходя из возникшей гораздо позднее точки зрения (к этому же, в одной из своих работ, «подводил» читателя доктор исторических наук А.И. Андреев [Андреев 1949(в): 168]).

И трактовки флотских соавторов и, подобный этим трактовкам, казуистический подход, использованный советским историком А.И. Андреевым, фактически констатировали: открытие Антарктиды было совершено не 16(28) января 1820 года, командами шлюпами «Восток» и «Мирный», а, 10 февраля 1949 г., в Ленинграде на общем собрании Географического общества СССР и подтверждено затем, на разворотах «Правды» и «Известий», в пропагандистско-агитационных речах в цехах заводов, фабрик, институтов и школ, на заседаниях кружков юных географов и краеведов. Поскольку якобы, именно теперь – в 1949 году – Ф.Ф. Беллинсгаузену и М.П. Лазареву, в СССР дали такое «право» считаться первооткрывателями [Овлащенко 2013: 216].

Комментарий Е.Г. Кушнарева и А.В. Васильева, по существу свидетельствует, чуть ли не о легитимации «открытия» *a posteriori*. Эти соавторы писали: «Известно, что советские ученые, всесторонне исследовав все документальные исторические материалы, относящиеся к экспедиции, пришли к правильному научному выводу о том, что Антарктида открыта русскими именно в январе 1820 г.» [Кушнарев, Васильев 1950: 119]. К моменту опубликования этой рецензии, прямо к такому выводу, пришли и обнародовали его академик А.А. Григорьев и профессор Д.М. Лебедев [Григорьев, Лебедев 1949; Григорьев 1949(в)].

«Пропаганда великих дел и подвигов наших ученых и моряков, – писали Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев, – совершенных ими во славу своей Родины, способствует воспитанию в нашем народе чувства законной гордости. Такие книги являются важным средством разоблачения англо-американских фальсификаторов истории, которые стремятся присвоить многие открытия русских мореплавателей» [Кушнарев, Васильев 1950: 113]. Однако таких фальсификаторов вполне хватало не только, в указанных странах, но, в первую очередь, в самом Советском Союзе. Это наглядно подтверждает анализ советской (за

период с 1917 по 1949 г.) историографии Первой русской антарктической экспедиции [Овлащенко 2013].

Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев писали дальше: «Рецензируемая книга издается второй раз; первое издание вышло в 1831 г. Она состоит из двух больших частей. В первой части книги в форме дневника подробно описываются подготовка экспедиции, переход в Рио-де-Жанейро, первое антарктическое плавание, в результате которого 16 января 1820 года (по ст. ст.) (по старому стилю. – *А.О.*) была открыта Антарктида, пребывание в Австралии и плавание в Тихом океане. Вторая часть охватывает открытие ряда островов в Тихом океане, второе антарктическое плавание, результатом которого явилось открытие Берега Александра I, о. Петра I и других островов и, наконец, – возвращение на родину» [Кушнарев, Васильев 1950: 113].

Известно, что в дневнике Ф.Ф. Беллинсгаузена, подвергнутом чужому редактированию перед изданием книги в 1831 году (согласно Е.Е. Шведе, «по вопросу о редактировании книги Беллинсгаузена в архивных делах существует целый том переписки» [Шведе 1949(а): 4]), явно, не утверждалось (еще раз подчеркнем – в известной на сегодняшний день редакции. – *А.О.*) о том, что его экспедиция открыла материк. Более того, подводящее итог географических открытий (если угодно, географических заслуг экспедиции), заключительное предложение его труда, звучит так: «В продолжение плавания нашего обретоно двадцать девять островов, в том числе в южном холодном поясе два, в южном умеренном – восемь, а девятнадцать – в жарком поясе; обретена одна коральная мель с лагуном» [Беллинсгаузен 1949: 343].

С другой стороны в своем донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Ф.Ф. Беллинсгаузен, сообщает об экспедиционных событиях 1820 года: «...4 числа, дойдя до широты 60°, 39', всегда видел к Востоку сплошной лед, а здесь встретил не токмо с сей стороны, но к *S.* И к *S.W.* ледяное поле, на котором множество ледяных островов. Сие поле с салинга при ясной погоде видно было непрерывающимся до видимого горизонта.

...16 числа дошедши до широты *S.* 69°, 25', в долготе 2°, 10', *W.* встретил у краев сплошной лед, один на другой набросанный кусками, а внутри к Югу в разных местах по одному видны ледяные горы.

...Вылавировав несколько к Востоку с 19 на 20 число снова пошел к *S.* однакож и в сей раз встретил сплошной лед в широте *S.* 69°, 20', долготе 0°, 50', *W.*» [Донесение 1823: 209–211].

О февральских событиях, Ф.Ф. Беллинсгаузен докладывал так: «...Не прежде как с 5 на 6 число дошел до широты *S.* 69°, 7', 30'', долготы *O.* 16°, 15'. Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно

берегу» [Донесение 1823: 212]. Есть в этом донесении и такие слова: «Признаков большой Южной земли нигде я не встречал, хотя большую часть плавания имел за полярным кругом и близ онаго, как токмо ветры позволяли; но если оная и существует, то должна быть далеко во льдах и покрыта ими; и опознать оную неть возможности» [Донесение 1823: 217].

По большому счету, слова о «материке льда», все равно перевешивают, казалось бы, конкретное указание самого руководителя Первой русской антарктической экспедиции, о том, что «признаков большой Южной земли», он нигде не встретил. Совершенно верно и его рассуждение о том, что, «...если оная (именно земля, а не лед! – А.О.) и существует, то должна быть далеко во льдах и покрыта ими...».

Возможно, что здесь уместно привести краткие выдержки из полемических комментариев автора на статью британского историка и историографа Рипа Балкли (*Rip Bulkeley*) (предыстория этих комментариев такова: в 2011 г. Р. Балкли отправил автору текст своей статьи «*Bellingshausen's first accounts of his Antarctic voyage of 1819–1821*», предназначенной для опубликования в журнале «*Polar Record*»; после изучения и анализа этой статьи (статья была опубликована в 2013 году [Bulkeley 2013: 9–25]) автор, тогда же, в ноябре 2011 года, отправил свои краткие ответные комментарии Р. Балкли).

В частности, Р. Балкли пишет: «...*Thirdly, a facsimile of the fifth report has been on display at the Arctic and Antarctic Museum in St Petersburg for about fifty years, according to curators. But the exhibit does not contradict what has just been said. With the exception of two pages, 1 and 8, the rest are displayed in pairs with on page overlapping about half the following one. Few visitors are likely to read through such an interrupted text. Should they read it, they do not meet the words 'I found no evidence anywhere for a great Southern land', which happen to fall in the overlapped part of page. Just as they were in the Dokumenty (Samarov 1952), they have been redacted*» (p. 9).

И комментарий автора: «Пугаться этих слов, безусловно, никому не стоит, а, в первую очередь, советским (российским) исследователям. Как аргумент против открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева они вообще ничего не стоят. Хотя сказал их Беллинсгаузен, но, всем понятно, что, под «*a great Southern land*», подразумевался континент в трактовке, существовавшей до второго кругосветного плавания Джеймса Кука – цветущий, с населением и пр. Беллинсгаузен лишь подтверждает здесь отсутствие «куковой земли», как ее называли в России, такого мифического материка (с изобилием растений, животных...)».

В 1821 году исторический, политический и литературный журнал «Сын Отечества», в разделе «Путешествия» опубликовал «Выписку из донесения Капитана 2 ранга Беллинсгаузена к Морскому Министру от 8 Апреля 1820 года из Порта Жаксона» (в примечании было особо

оговорено, что «Издатели С. О. («Сына Отечества». – *А.О.*), за благосклонное сообщение сих известий, свидетельствуют искренне свое благодарение Его Высокопревосходительству Маркизу Ивану Ивановичу де Траверсе» [Выписка 1821(а): 133, сноска]. – *А.О.*). События января – февраля 1820 года, изложены здесь были следующим образом: «4 Января 1820 года в широте 69°39' окружены были суда льдом, с сего времени непрерывно ими видимым, и даже причинившим им некоторые повреждения. 16 Января проникнул отряд до широты S 69°25' в долготу 2°10' W , где встретил сплошной лед, а далее к югу ледяные горы, и продолжал покушения далее в разных направлениях до 5 Марта» [Выписка 1821(а): 134].

В этих сведениях, предоставленных морским министром де Траверсе, также, было отмечено: «Капитан Беллинггаузен присовокупляет, что признаков большой южной земли нигде им не встречено, хотя плавание его происходило по большей части за полярным кругом; если же таковая земля и существует, то должна быть во льдах, покрыта ими и опознать оной нет возможности» [Выписка 1821(а): 135]. Сразу после этого была приведена «Выписка из письма Капитана Беллинггаузена к Морскому Министру из Порта Жаксона от 8 Апреля 1820 года». В выписке, помимо прочего, были приведены следующие слова: «...Ваше Высокопревосходительство из сего изволите заключить и о холоде у южного полюса. Признака земли в больших широтах я не встречал. Птиц же хотя и видел много, но они все морские, не могут служить знаком близости земли...» [Выписка 1821(б): 136].

Последующие «орнитологические рассуждения» Ф.Ф. Беллинггаузена, очевидно должны были еще больше утвердить во мнении, что все встреченные птицы, не указывали на близость берега. Заканчивалась приведенная выписка так: «...Дойдя до широты 69°27' и имея ясную погоду и чистый горизонт, мог видеть далее к югу еще до 40 миль, что составит пространства более, нежели на 100 миль от островов Тулли; признаков же земли ничто не означало, да и самое море в сем месте приняло цвет океана, отличный от имеющегося при островах» [Выписка 1821(б): 137].

В августе 1821 года, «Отечественные записки» так отозвались о прибытии 24 июля шлюпов «Восток» и «Мирный» на Кронштадтский рейд: «Со времени первого предприятия соотечественников наших вокруг света, мы почти ежегодно встречаем их – совершающими сей подвиг с необыкновенной скоростью, успехом и отличной честью для Российского флага; но ни одно из сих путешествий незамечательно столько в отношении мореплавания и не было увенчано столь важными открытиями, как экспедиция, отправленная в 1819 году к южному полюсу» [Прибытие 1821: 233]. При описании хода этой экспедиции, автор заметки в «Отечественных записках», отмечал, что находясь в «больших широтах», 4 января 1820 г. «суда наши окружены были совершенно льдом; не смотря на то прошли они 16 го Генваря до

широты $S\ 69^{\circ}25'$ в долготу $2^{\circ}10' W$, где встретили сплошной лед, не могли идти далее к полюсу, а продолжали покушения в разных направлениях до 5 Марта» [Прибытие 1821: 236].

Интересно, что отмеченные выше, данные Ф.Ф. Беллинсгаузеном оценки, подвергались впоследствии в советской историографии критике, порой весьма своеобразной.

И все-таки, если подходить формально, «историографическая заслуга» Е.Г. Кушнера и А.В. Васильева была прежде всего в том, что они, четко разграничили этапы и достижения экспедиции, конкретно указав при этом, что именно в ходе первого этапа плавания – 16 января 1820 года – была открыта Антарктида. Помимо уже процитированного, говорящего об этом абзаца их работы, эта же мысль проводилась ими еще несколько раз. «За время плавания, – писли соавторы, – помимо материка, было открыто 29 ранее неизвестных островов, точно описаны многие малоизвестные острова» [Кушнер, Васильев 1950: 113]. Такая их точка зрения, уже решительно отличалась от считавшейся тогда естественной для советской историографии, более того, единственно для нее приемлемой интерпретационной модели.

Во многом идеолого-пропагандистский характер, носили следующие оценки Е.Г. Кушнера и А.В. Васильева: «...Англо-американские империалисты пытаются лишить Советский Союз его неоспоримых прав на участие в решении вопроса о международном режиме Антарктики. Они старательно вычеркнули на картах Южного полушария почти все русские названия. Беззастенчиво извращая всему миру известные факты, они незаконно пытаются присвоить себе даже (*sic!* – *A.O.*) открытие Антарктиды» [Кушнер, Васильев 1950: 114]. Еще более эклектичным, выглядело следующее их утверждение: «Географическое общество нашей страны, членами которого в свое время были М.П. Лазарев и Ф.Ф. Беллинсгаузен, выражая мысли советской общественности, в начале 1949 г. подняло голос протеста против попыток западных правительств обойти СССР в решении вопроса о международном режиме Антарктики» [Кушнер, Васильев 1950: 114].

Впрочем требовать от флотских соавторов объективности в этом вопросе вряд ли правомерно. Дело в том, что эклектизм, а то и попросту фальсификацию фактов, демонстрировали в этом вопросе «первые лица» советской географической науки, и, прежде всего, президент Географического общества Союза ССР академик Л.С. Берг [Овлащенко 2013: 115–119]. Например, в 1945 году в журнале «Природа» был опубликован материал, тогда еще члена-корреспондента АН СССР Л.С. Берга, посвященный столетию Географического общества. В этой, весьма объемной своей статье, сам Л.С. Берг, ни разу не упомянул ни экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева, ни самих этих адмиралов, состоявших, как известно, действительными членами Географического общества [Берг 1945(а): 78–88].

В 1946 году в официальном органе ВГО была опубликована 65-страничная работа Л.С. Берга «Летопись Географического общества за 1845–1945 годы». В летописи – за столетний период (! – *А.О.*), т. е. со дня основания этого общества, среди важнейших событий и публикаций, антарктические вопросы Л.С. Бергом не были упомянуты ни разу [Берг 1946(в): 25–90]. В 1947 году, в статье опубликованной к юбилейным торжествам Всесоюзного географического общества, Л.С. Берг (теперь уже академик) лишь упомянул (но и это уже было, своего рода, «прогрессом» советской историографии) при перечислении некоторых, избранных 19 сентября 1845 г., действительных членов Русского географического общества, «знаменитого мореплавателя адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Берг 1947: 6].

В своем докладе на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград) академик Л.С. Берг говорил: «Сообщим сначала биографические данные об этих замечательных русских моряках (Ф.Ф. Беллинсгаузене и М.П. Лазареве. – *А.О.*), имена которых вошли в историю мировых географических открытий и – этим мы гордимся (*sic!* – *А.О.*) – в списки членов нашего Географического общества. ...Лазарев был почетным членом Географического общества» [Русские 1949(а)]. Эклектизм в этом вопросе (а то и попросту тривиальную некомпетентность), как самого Л.С. Берга, так и ряда других представителей «верхушки» советской географии виден, хотя бы из того, что, еще в феврале 1947 года, работавший с 1931 г. в Институте географии АН СССР, физико-географ и топонимист (а также впоследствии «редактор и комментатор трудов Л.С. Берга» [Мурзаев 1985: 182]) Э.М. Мурзаев (1908–1998) в юбилейной статье, посвященной Русскому географическому обществу, вообще не упомянул Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в качестве выдающихся членов этого общества [Мурзаев 1947: 31–34].

Вот, как нес «свет географических знаний в массы», сам академик Л.С. Берг. В стенограмме публичной лекции, прочитанной им 15 декабря 1947 г. в Ленинграде (таким образом, до «антарктического» общего собрания оставалось чуть больше года) о результатах и итогах Первой русской антарктической экспедиции, можно было узнать «только и исключительно» следующее: «В первой половине XIX века русскими моряками во время кругосветных плаваний было открыто в Тихом океане и в Антарктике (?! – *А.О.*) множество островов – Суворова, Кутузова, Чичагова, Ермолова, Румянцева и других» [Берг 1948(б): 5–6]. Понятно, конечно, что публичная лекция этого советского академика совпала с кампанией по «русификации» исторических знаний. Но все-таки начало его лекции, в контексте его же трактовки итогов экспедиции (а оценить еще приниженные результаты экспедиции, как это сделал Л.С. Берг, вряд ли было бы возможно) звучит довольно цинично: «Испокон веков география была любимейшей наукой у русских» [Берг 1948(б): 5]. Закономерно, что при перечислении Л.С. Бергом «великих деятелей»

Географического общества, имена Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева не упоминались.

Всего лишь через год – в 1949 году – антарктические вопросы в деятельности ВГО заняли весьма немаловажное значение. Правда, этот год – 1949, был годом 130-летия отправления в кругосветное путешествие экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, но это, скорее уже было вторично, если вообще, сколько-нибудь связано с ростом антарктической активности Советского Союза [Овлащенко 2013: 119].

«Описание этого успешного, но трудного двухлетнего плавания, – писали в своей рецензии Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев, – представляет научно познавательный интерес, и читатель с большой пользой прочтет эту замечательную патриотическую книгу. ...Успех антарктической экспедиции можно целиком отнести на счет высокопатриотической деятельности передовых русских моряков и ученых» [Кушнарев, Васильев 1950: 113, 115]. Не менее интересно, что всего лишь годом ранее, два советских специалиста-библиографа критиковали (на самом деле это были, как тогда было принято говорить, «злобные нападки») за «непатриотизм», проявленный якобы русским-советским географом Г.С. Тихомировым при отборе им, источников для своей книги «Русская литература по истории географии» [Тихомиров 1948].

Несмотря на то, что в 1948 году потенциальному читателю была доступна лишь книга Ф.Ф. Беллинсгаузена, изданная в 1831 году (до 1949 года книга Ф.Ф. Беллинсгаузена была издана в России лишь однажды – в 1831 году, в количестве 600 экземпляров; как писал об этой книге еще в 1853 году мичман П.М. Новосильский, «...книга в настоящее время довольно уже редкая, так что многие из наших важнейших библиотек ее не имеют» [Южный 1853: б.с.]), Г.С. Тихомиров счел целесообразным в своей работе сообщить о ней (как и в своей предыдущей работе [Тихомиров 1947: 62]). Характеристики были такими же: «Замечательная книга содержит последовательное и подробное описание знаменитого плавания автора в южные моря, увенчанное открытием неизвестного материка Земли – Антарктиды. ...Книга написана живо и читается с неослабевающим интересом» [Тихомиров 1948: 66].

«...Перед составителем, – писали в этой связи критики-библиографы Р.М. Инглези и З.Л. Фрадкина, – стояла актуальная и благородная (*sic!* – А.О.) задача: отобрать для советских читателей все лучшее из дореволюционной русской литературы по истории географии и убедительно показать достижения советской географической науки; показать образцы выдающихся русских ученых и путешественников и тем содействовать воспитанию в советских читателях чувства патриотизма и законной гордости за свою отечественную географическую науку» [Инглези, Фрадкина 1949: 94, 97]. Очевидно, на взгляд этих двух «патриотов» – Р.М. Инглези и З.Л. Фрадкиной – все ими перечисленное, и было «несоблюдено» в книгах Г.С. Тихомирова.

Таким образом, согласно этим двум, стоящим на «патриотических позициях» библиографам, книга Ф.Ф. Беллинсгаузена не отвечала «критериям», причем, ими же обозначенными, не соответствовала, ими же «поставленными» для Г.С. Тихомиров «задачам», а именно, «отобрать для советских читателей все лучшее из дореволюционной русской литературы по истории географии..., показать образцы выдающихся русских ученых и путешественников и тем содействовать воспитанию в советских читателях чувства патриотизма и законной гордости за свою отечественную географическую науку» [Овлащенко 2013: 153–154].

Считая, что «нет смысла» пересказывать содержание книги Ф.Ф. Беллинсгаузена и излагать ход русской экспедиции в Антарктику, Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев, в своей рецензии решили остановиться на «некоторых вопросах» затронутых в книге, и сделать «свои замечания по предисловию, вступительной статье и справочному материалу» [Кушнарев, Васильев 1950: 113]. Как известно, предисловие и вступительную статью к первому советскому переизданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, написал доктор военно-морских наук, профессор, контр-адмирал Е.Е. Шведе (подробнее эти его материалы [Шведе 1949(а); Шведе 1949(б)] были проанализированы в предыдущей работе автора [Овлащенко 2013: 234–237]).

Важно, что при подготовке своей публикации Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев пользовались архивными материалами. В частности, они писали: «В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ. – *А.О.*) хранится много документов об экспедиции к Южному полюсу, в том числе ценнейшие официальные рапорты и донесения Ф.Ф. Беллинсгаузена в морское министерство из разных портов земного шара. Если бы автор рассматриваемого издания доктор военно-морских наук Е.Е. Шведе или издательство (Государственное Издательство географической литературы (Географгиз). – *А.О.*) сделали выборку хотя бы из наиболее важных документов и дали их в качестве приложения к ниге, то она значительно обогатилась бы и стала более полной и интересной по сравнению с первым изданием» [Кушнарев, Васильев 1950: 113].

Далее они писали: «В рецензируемой книге помещены предисловие и вступительная статья Е.Е. Шведе. Во вступительной статье рассказывается о подготовке экспедиции, снаряжении кораблей, комплектовании экипажей, излагаются основные этапы плавания, его научные результаты и значение экспедиции.

...Вместе с тем вступительная статья страдает рядом недостатков.

Главным недостатком статьи является то, что Е.Е. Шведе не дал должной оценки экспедиции, которая была крупнейшим событием в области географических открытий первой половины XIX в., а ограничился, в основном, беспристрастным объективистским перечислением известных фактов: одни предложили экспедицию, другие

осуществили и описали ее, третьи опубликовали результаты. Всюду Шведе тщательно указывает год, месяц, а если известно, то и число. Тем не менее повествование ведется, в сущности, вне исторической обстановки, так как простое упоминание календарных лет ничего не раскрывает.

В нашей печати (см. журнал «Большевик» № 24 за 1948 г.) отмечалось, что переиздаваемые труды великих русских исследователей необходимо снабжать вводными статьями, которые бы четко освещали исторические условия организации той или другой экспедиции, отмечали сущность ее научных результатов и роль в дальнейшем развитии науки и культуры. При переиздании рецензируемой книги Географгиз не учел этого и снабдил ее недоработанной вводной статьей.

...Именно русские передовые ученые (так авторы рецензии именовали в том числе Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. – *А.О.*)... пришли к твердому выводу о существовании южного континента. Об этом ясно свидетельствуют упомянутые выше докладные записки ученых на имя морского министра. К сожалению, Е.Е. Шведе не обратил внимания на это важнейшее обстоятельство. А ведь Крузенштерн, например, объясняя наличие в южных полярных водах колоссального количества льда, еще в 1819 г. писал: «происхождение его может быть только от великой матерой земли, находящейся в близости Южного полюса (здесь у Е.Г. Кушнера и А.В. Васильева, шла ссылка на документ из фондов ЦГАВМФ. – *А.О.*)».

...Во вступительной статье, к сожалению, нечетко определяется дата открытия антарктического материка. Правда, там говорится, что еще в январе и феврале 1820 г. русские мореплаватели несколько раз находились в непосредственной близости от материка Антарктиды. Но вместо того, чтобы сделать из этого правильный вывод, Е.Е. Шведе неопределенно отмечает: «Лишь исключительная честность и требовательность к вопросам достоверности открытия не позволила русским морякам утверждать, что они фактически видели низменную часть материка, а не ледяной береговой припай» (стр. 27). Скромность и требовательность к себе русских мореплавателей делают им честь, но замечание автора статьи не меняет существа дела. Известно, что советские ученые, всесторонне исследовав все документальные исторические материалы, относящиеся к экспедиции, пришли к правильному научному выводу о том, что Антарктида открыта русскими именно в январе 1820 г. (см., например, статью акад. А.А. Григорьева «Русские открытия в Антарктике» в газете «Красный флот» от 8 марта 1949 г.)» [Кушнар, Васильев 1950: 116–119].

Таким образом, директор Института географии АН СССР, академик А.А. Григорьев уже совсем вскоре после общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград), в ходе которого, как известно, конкретно не прозвучала фраза о том, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева

открыла Антарктиду (причем открыла ее – 16 января 1820 г.) указал на действительную дату первооткрытия континента. 4 марта 1949 года, т. е. менее чем через месяц после проведения общего собрания Географического общества, на заседании Ученого совета Института географии АН СССР, был зачитан доклад о ходе, открытиях и достижениях экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Этот доклад был затем напечатан в журнале «Известия Академии наук СССР» за подписями двух авторов: академика А.А. Григорьева (с 1931 по 1951 г. работал директором Института географии АН СССР) и профессора Д.М. Лебедева, и представляет собой, необычайно интересный и важный источник в деле изучения советской историографии Первой русской антарктической экспедиции [Григорьев, Лебедев 1949: 185–193] (подробный анализ, дан в книге «Материк льда. Первая русская антарктическая экспедиция и ее освещение в советской историографии (1920-е – 1940-е годы)» [Овлащенко 2013: 184–192]. – А.О.).

В рецензии Е.Г. Кушнарева и А.В. Васильева были отмечены и некоторые другие недостатки во вступительной статье Е.Е. Шведе, как отметили рецензенты, «ряд мелких ошибок» (в частности, касающиеся тактико-технических данных кораблей Первой русской антарктической экспедиции, собственно географических деталей) [Кушнарев, Васильев 1950: 119]. Замечание вызвал приведенный в книге список библиографии: «Библиографический список, помещенный в конце книги (составлен старшим библиографом Н.С. Богаткиной), неудачен. Материал в нем не систематизирован. ...В списке не упоминаются такие важные работы, как книга участника плавания П.М. Новосильского «Южный полюс», дневник участника экспедиции матроса Егора Киселева» [Кушнарев, Васильев 1950: 119–120]. К некоторым другим моментам их рецензии, целесообразнее вернуться несколько позднее.

В заключении своей рецензии Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев писали: «Географгиз сделал большое дело, переиздав замечательное произведение начальника первой русской антарктической экспедиции. В книге показано величие подвига русских людей, открывших шестой материк нашей планеты и пронесших флаг родины там, где до того никогда не бывал человек. Вместе с тем Географгизу следовало более внимательно отнестись к оценке предисловия и вступительной статьи. От этого издание значительно выиграло бы» [Кушнарев, Васильев 1950: 120]. Это замечание следует признать достаточно справедливым (не применяя лишь к ряду отмеченных рецензентами и допущенных Е.Е. Шведе, сугубо идеологических «отклонений»), как, и то, что самим рецензентам, следовало бы внимательнее отнестись к изложенному Е.Е. Шведе.

Еще в 1947 году в одном из выпусков «Известий Всесоюзного Географического общества», была опубликована рецензия Е.Е. Шведе на английский перевод книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831). На протяжении всей своей рецензии, Е.Е. Шведе «счастливо» избежал постановки

самого главного вопроса: отчего этот «знаменитый труд» (в трактовке Е.Е. Шведе) ни разу не переиздавался на языке оригинала у себя на родине? Но, пожалуй, еще более странным выглядело, то, что Е.Е. Шведе, даже и не попытался (пусть и в виде общих, неких «благих пожеланий») завести речь о переиздании в Советском Союзе книги Ф.Ф. Беллинсгаузена. К примеру, как еще в 1928 году это сделал Ю.М. Шокальский [Овлащенко 2013: 139].

Е.Е. Шведе писал тогда: «...В своем «Введении» редактор (директор Полярного института им. Скотта в Кембридже Ф. Дебенхэм. – *А.О.*) дает блестящую оценку морским и организационным способностям Беллинсгаузена, его смелости и настойчивости, его заботам о состоянии здоровья личного состава экспедиции. Для характеристики значения экспедиции в целом он приводит слова выдающегося авторитета в области антарктических открытий, доктора Хью Роберта Милля, который считал русскую экспедицию достойной быть поставленной в один ряд с экспедицией Кука» [Шведе 1947: 357] (как хорошо известно – Антарктиду не открывшей. – *А.О.*). «Несколько часов ясной погоды в этот (надо полагать, что речь шла о 16(28) января 1820 г. – *А.О.*) день, – воспроизводит Е.Е. Шведе слова Ф. Дебенхэма, – и открытие было бы сделано на 110 лет ранее» [Шведе 1947: 358]. Некое, якобы «открытие», согласно Ф. Дебенхэму (да и согласно пассивно соглашавшемуся с последним, Е.Е. Шведе) «состоялось» в 1929–1930 годах.

Изданной в 1945 году в Великобритании книгой, как и текстом рецензии на нее, подготовленным Е.Е. Шведе, несомненно пользовались для своих работ отдельные советские географы и историки, иные специалисты. Дебенхэмская версия о «нескольких часах ясной погоды» попала в советскую историографию экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, стала весьма «живучей» [Овлащенко 2013: 142].

В частности, в той или иной степени «соглашательскую позицию» с этой версией занимали: участник (состоявшейся в 1947–1948 гг.) второй экспедиции в южное полушарие Первой советской антарктической китобойной флотилии «Слава», научный сотрудник Г.М. Таубер (12 и 19 ноября 1948 г. на научном собрании Государственного океанографического института, этим географом-метеорологом, был сделан доклад о подходе кораблей флотилии к Земле принцессы Марты; при этом не может не обратить на себя внимания корреляция повествования Г.М. Таубера с дебенхэмской версией о «нескольких часах ясной погоды» [Таубер 1949: 369–370]) [Овлащенко 2013: 173]; в своей статье фактически призывали к себе в «союзы» Ф. Дебенхэма академик А.А. Григорьев и профессор Д.М. Лебедев [Григорьев, Лебедев 1949: 188]; постоянно «разыгрывал карту» плохой погоды, причем, в ее дебенхэмской версии, советский историк А.И. Андреев [Андреев 1949(6): 7–8] («Вполне вероятно, – отмечал А.И.

Андреев, – что «обширное ледяное поле, усеянное пригорками и простиравшееся от востока через юг на запад» указывало на край континента. Как справедливо (! – *А.О.*) уже отмечено, «несколько часов ясной погоды в этот день позволили бы, вероятно, открыть здесь землю на 110 лет ранее» [Андреев 1949(в): 172].

Наконец, сам редактор первого советского переиздания книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, Е.Е. Шведе (он же стал автором вступительной статьи и комментариев к ней) при описании хода экспедиции подчеркнул: «Если бы не плохие (! – *А.О.*) условия видимости, то уже 16 января Беллинсгаузен и Лазарев смогли бы дать совершенно точные сведения о землях антарктического материка. Автор предисловия к английскому переводу книги Беллинсгаузена, вышедшему в 1945 г., антарктический исследователь Франк Дебенхэм, по этому поводу пишет: Беллинсгаузен «видел материк, но не опознал его как таковой»..., и далее – «нельзя было дать лучшего описания сотням миль антарктического материка, каким мы теперь его знаем...» [Шведе 1949(б): 26]. Таким образом оценки Ф. Дебенхэма «попали», точнее говоря, были корреспондированы в редакционную статью Е.Е. Шведе. Вполне можно утверждать, что этот советский географ фактически отстаивал дебенхэмовскую версию о «нескольких часах ясной погоды».

Вообще, если исходить из оценок участников экспедиции – самого Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, П.М. Новосильского – континент, вопреки «плохим условиям видимости», был совершенно точно, этими же участниками опознан и классифицирован, причем далеко опережая научно-географические представления тех лет. Так с какой целью Е.Е. Шведе, цитировал (причем без своих комментариев) Ф. Дебенхэма: Беллинсгаузен «видел материк, но не опознал его как таковой» [Шведе 1949(б): 26]? И на чем тогда, строил Е.Е. Шведе последующие, уже свои «двухкратные» утверждения: «...Экспедиция выполнила главное задание – открыла материк Антарктиды и тем самым утвердила приоритет нашей Родины в этом отношении... Русские мореплаватели на русских кораблях первыми открыли Антарктиду и тем самым утвердили приоритет нашей Родины на это открытие» [Шведе 1949(б): 28, 30]?

Рецензия доктора географических наук Д.Г. Панова (1950).

Другую, весьма краткую рецензию на переизданную в Советском Союзе книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена, написал в 1950 году доктор географических наук, профессор Д.Г. Панов. Интересно что именно то, что предыдущие рецензенты ставили Е.Е. Шведе «на вид», а именно, что он недостаточно использовал (не использовал) архивные материалы, в трактовке Д.Г. Панова, приняло прямо противоположную интерпретацию. Он писал: «Новое издание открывается большой вступительной статьей проф. Е.Е. Шведе «Первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг.», в которой автор подробно останавливается на подготовке, ходе и результатах экспедиции, основываясь во многих случаях на архивных материалах» [Панов 1950(б): 563].

Дальше Д.Г. Панов писал: «Русская антарктическая экспедиция не только дала первые географические сведения об антарктическом материке, но впервые осветила природу омывающих Антарктиду вод. Разнообразные ее научные наблюдения были в течение многих лет единственными сведениями о природе океанических просторов южных полярных широт. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что русская антарктическая экспедиция не только открыла антарктический материк, но открыла в научном отношении и омывающие его воды.

...К сожалению, меньше внимания при переиздании книги было обращено на ее картографические иллюстрации. Мы не находим здесь замечательно интересных по своей документальности карт первого издания, как, например, карты плавания у берегов Земли Александра I и у острова Петра I. Отсутствие этих и некоторых других карт первого издания безусловно является недочетом.

...Библиография (73 названия) составлена неудовлетворительно; в ней пропущен ряд основных работ.

Благодаря новому изданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена широкие круги советской общественности, проявляющие большой интерес к русским географическим открытиям в Антарктике, получают возможность познакомиться с этим классическим произведением русской географической литературы» [Панов 1950(б): 563–564].

Тем не менее анализ специальных, литературных (в том числе мемуарных) источников за последующие десятилетия не позволяет сказать, что труд Ф.Ф. Беллинсгаузена стал «настойной книгой», не то что, у участников советских антарктических экспедиций (в том числе у профессиональных литераторов), но, в целом ряде случаев, даже у их руководителей. В отличие, скажем, от ставшими действительно настольными и, широко ими цитировавшимися, работами зарубежных полярников, участников южнополярных экспедиций своих стран [Овлащенко 2013: 155].

Вторая рецензия доктора географических наук Д.Г. Панова (1950). В 1950 году была опубликована другая короткая рецензия Д.Г. Панова, на изданный в 1949 году Географизом сборник «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах». Историографический анализ последнего был проведен в предыдущей работе автора [Овлащенко 2013: 180, 214–218].

Согласно приведенным в биобиблиографическом справочнике сведениям, Д.Г. Панов (1909–1965) – физикогеограф и геоморфолог, доктор географических наук (1940), профессор (1941). В 1930–34 гг. работал в Арктическом институте, в 1934–37 гг. в Институте геоморфологии АН СССР. С 1937 г. в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена (с 1937 г. – доцент, с 1941 г. – профессор кафедры физической географии). В 1946–51 гг. – профессор кафедры полярных стран Ленинградского государственного университета, с 1951

г. – заведующий кафедрой физической географии Ростовского государственного университета [Панов 1993: 172].

Интересный эпизод в научной биографии Д.Г. Панова связан с Общим собранием действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград). При обсуждении доклада академика Л.С. Берга, профессор Д.Г. Панов подчеркнул: «Среди продолжающихся и по настоящее время споров о принадлежности отдельных пространств Антарктики различными государствами забывается, что этот материк был впервые открыт русскими, что основа его научному исследованию тоже была положена работами русских исследователей. Поэтому не может возникать сомнений в том, что Советский Союз имеет полные основания для участия в разделении территории Антарктики. Советскому Союзу должны принадлежать (! – *А.О.*) в Антарктике пространства земель, которые стали известны человечеству благодаря их открытию русскими мореплавателями». «Мы не можем мириться, – заключал свой доклад Д.Г. Панов, – с отрицанием великих заслуг русских людей в открытии и исследовании нового материка Антарктиды. Утверждением их приоритета должно явиться выделение (! – *А.О.*) антарктических земель, принадлежащих Советскому Союзу» [Берг 1949(а): 26].

Этот текст доклада Д.Г. Панова не вошел в отчетный материал об Общем собрании, опубликованный в газете «Известия» [Русские 1949(а)]. Доклад Д.Г. Панова был опубликован в брошюре Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Берг 1949(а)]. Возможно именно подобные требования и стали главной причиной того, что доклад Д.Г. Панова не был опубликован в центральной газете. Такие радикальные требования очевидно не соответствовали основным положениям, только еще формировавшейся антарктической политики СССР. При лишь, еще только намечающемся отторжении идеи (при предыдущей, на протяжении нескольких десятилетий, полной индифферентности к ней) о секторальном разделе Антарктики, Советский Союз, официально, пока еще не проявлял большой заинтересованности и к интернационализации (при имеющейся определенной склонности к проведению последней) континента и окружающих его океанических и морских вод. Замечание Д.Г. Панова о том, что Географическое общество «постоянно отмечало и защищало приоритет русских географов» в отношении факта первооткрытия Антарктиды, безусловно не соответствовало действительности.

Интересно, что в докладе профессора Кафедры географии полярных стран Ленинградского университета Д.Г. Панова (а также в выступлениях других видных деятелей Всесоюзного географического общества – члена Ученого совета ВГО проф. В.Ю. Визе, члена Президиума Общества проф. Е.Е. Шведе) были даны более конкретные указания на факт первооткрытия Антарктиды русской экспедицией, чем это было отражено в докладе самого президента ВГО, академика Л.С.

Берга. Кроме того в их докладах более предметно получили отражение те, начинавшие понемногу выкристаллизовываться, антарктические правопритязания Советского Союза [Овлащенко 2013: 200, 206].

«Как известно, – писал теперь в своей рецензии Д.Г. Панов, – русская экспедиция под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева разрешила географическую проблему существования южного полярного материка. Она не только доказала существование Антарктического материка, но впервые положила на карту его берега в части их, открытой русской антарктической экспедицией» [Панов 1950(а): 100]. Как видно, и этот советский географ «счастливо» избежал прямого указания на то, что русская военно-морская кругосветная экспедиция 1819–1821 гг. – открыла Антарктиду. Экспедиция у него: «разрешила проблему существования южного полярного материка»; «доказала существование Антарктического материка»; «впервые положила на карту его берега в части их, открытой русской антарктической экспедицией». Все это в комплексе должно было (? – А.О.) очевидно заменить, более наукообразно, одно-единственное слово «открыла».

«Открывается настоящий сборник, – писал дальше Д.Г. Панов, – кратким предисловием, в котором указано, что приводимые в сборнике материалы лишний раз (*sic!* – А.О.) подчеркивают неоспоримый приоритет русского открытия (в этом контексте это слово, все-таки, прозвучало. – А.О.) Антарктиды. В статье «Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в южный ледовитый океан в 1819–1821 годах и открытие русскими моряками Антарктиды» кратко описан ход экспедиции, ее задачи и ее результаты.

...Изданием этого сборника Государственное издательство географической литературы сделало очень нужное дело – оно предоставило возможность широкому кругу читателей ознакомиться с ходом и результатами замечательного географического предприятия, выполненного русскими моряками. ...На врезках показаны группы островов Россиян и Южно-Шетландских. Для последних приведены географические названия, данные русской антарктической экспедицией. Карты эти весьма интересны, но, к сожалению, даны в очень мелком масштабе и вследствие этого теряют свою выразительность» [Панов 1950(а): 100]. Таким образом, только лишь в потере «выразительности» используемых в этом издании мелкомасштабных карт, видел этот советский географ, недостатки рецензируемой книги. Упомянув в начале своей краткой рецензии (скорее некоего «анонса») вводную статью к изданному сборнику, Д.Г. Панов не указал, что автором ее является советский историк А.И. Андреев, и, что статья эта, как и его редакторские примечания, были одними из самых ярких примеров эклектизма советской историографии.

В биобиблиографическом справочнике, об А.И. Андрееве приведены следующие данные: А.И. Андреев (1887–1959) – историк,

специалист в области источниковедения и истории географических знаний, доктор исторических наук (1940), профессор (1945). С 1939 г. – член бюро, с 1950 г. – председатель отделения географических знаний Географического общества СССР. Опубликовал более двадцати работ о вкладе русских географов и путешественников в исследование страны [Андреев 1993: 40].

В приводимых Санкт-Петербургским филиалом Архива РАН кратких сведениях о фондообразователе (Фонд № 934), приводится много дополнительных сведений об А.И. Андрееве. В частности, указано, что А.И. Андреев – историк, археограф и архивист, сотрудник ряда научных учреждений Академии наук (Постоянной исторической комиссии, Института истории и его Ленинградского отделения, Комиссии по истории АН СССР, Ленинградского отделения Института истории естествознания и техники АН СССР и др.) с 1913 г. (с небольшим перерывом в первой половине 30-х годов) по день смерти. Преподаватель Археологического института и Историко-архивно-археографического отделения Ленинградского государственного университета (1919–1927); преподаватель, профессор Историко-архивного института (1943–1949), действительный член Всесоюзного географического общества (1938–1959). В 1956 г. именем А.И. Андреева назван один из горных пиков на Земле Королевы Мод (в Антарктиде) [Андреев 2011].

В 1929 г. А.И. Андреев был арестован по так называемому «академическому делу» и через некоторое время по приговору был отправлен в ссылку в Красноярский край. В 1947 г. был обвинен в «преклонении перед Западом», неоднократно подвергался критике, в связи с чем вернулся из Москвы в Ленинград. 29 марта 1939 г. состоялось организационное собрание вновь созданного Отделения истории географических знаний Географического общества, на котором присутствовало 90 человек. После выборов, в бюро отделения вошли: И.Ю. Крачковский (председатель), П.П. Померанцев (секретарь), Л.С. Берг, Г.А. Князев, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.И. Андреев, В.А. Бриллиант и А.М. Черников [Отчет 1940: 845–846].

Отчего именно этот советский специалист-историк взялся освещать экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева, комментировать труды участников этой экспедиции, судить достаточно сложно. Научные интересы А.И. Андреева лежали в иной области исторической и историко-географической науки. Известно, что 5–11 января 1949 г. в Ленинграде состоялось Общее собрание Академии наук СССР, посвященное истории отечественной науки и 200-летию постройки Академией наук химической лаборатории М.В. Ломоносова. В ряде мероприятий приняли участие академик Л.С. Берг, а также представлявший Институт истории А.И. Андреев.

По итогам работы этих мероприятий было принято Постановление Общего собрания Академии наук СССР от 11 января 1949 года «О

развитии научно-исследовательских работ в области истории отечественного естествознания и техники». При этом Общее собрание Академии наук СССР руководствовалось постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и указаниями И.В. Сталина «о значении марксистско-ленинской разработки истории науки». В Постановлении особо подчеркивалось, что «советские исследования в области истории науки и техники привели к восстановлению исторической истины в вопросе о приоритете отечественной науки в ряде важнейших открытий и изобретений» [Постановление 1949].

Еще раньше, в июльской книжке «Морского сборника» за 1947 год, в статье о роли русского военно-морского флота в географических открытиях XIX–XX вв., А.И. Андреев писал, что «в ряду кругосветных путешествий, совершенных русскими моряками в первой половине XIX в., особое место занимает единственная наша экспедиция в Антарктику» [Андреев 1947: 74]. Возможно впервые в советской историографии 1920-х–1940-х годов [Овлащенко 2013: 126] наиболее отчетливо прозвучала его мысль о том, что попытка русских моряков разрешить вопрос о Южном материке, «представляет во всех отношениях смелое и отважное начинание и вместе с тем является показателем самостоятельности нашей передовой научной мысли; ...экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева блестяще подтвердила научную догадку русских ученых».

Очевидно одним из первых в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, было следующее описание А.И. Андреевым экспедиционных дней 1820 года. В частности, он писал: «...Корабли экспедиции произвели четыре плавания к югу, достигнув в одном случае (17 января 1820 г.) (согласно большинству известных источников это произошло 16(28) января 1820 г. – А.О.) широты 69°21' S и долготы 1°15' W. Важным моментом этого этапа трудного пути было установление в феврале 1820 г. возможности нахождения близкого берега: в широте 67° S были замечены береговые птицы. Беллинсгаузен и его спутники пришли к заключению о существовании поблизости земли, хотя льды и не позволили им убедиться (? – А.О.) в правильности своего предположения. Как известно, в 1831 г. капитан Биско открыл здесь землю и назвал ее землей Эндерби» [Андреев 1947: 75].

Такое разъяснение итогов экспедиционных дней января – февраля 1820 г., уже отличалось от фактической фальсификации итогов первого этапа экспедиции другими советскими авторами, в первую очередь Н. Введенским [Введенский 1940: 46–47] и М. Райхенбергом [Райхенберг 1940: 66] (подробный анализ приведен в предыдущей работе автора [Овлащенко 2013]). Однако А.И. Андреев, все-таки считал, что «русские мореплаватели первыми в мире достигли берега южного материка – Антарктиды», лишь, когда они открыли остров Петра I и Землю Александра I, т. е. в 1821 году [Андреев 1947: 76].

В опубликованной в 1949 году, но, скорее всего, написанной еще до проведения Общего собрания Географического общества Союза ССР

статье А.И. Андреева (статья была опубликована в очередном, за январь и февраль, томе издания «Известия Академии наук СССР») писал, что «Составленное Беллинсгаузеном описание... первой русской экспедиции в Антарктику ...вышло спустя десять лет по возвращении экспедиции в Россию, в 1831 г., и до сих пор считается основным источником по истории этой замечательной экспедиции..., к которому обращаются интересующиеся этим плаванием» [Андреев 1949(а): 77]. Сам этот историк «замечательность» экспедиции видел прежде всего в следующем: «...17 января 1821 г. на широте 68°43'20" S русские первыми из европейцев достигли южного материка и открыли берег его с высокою горою, получивший название «Берег императора Александра I».

Продемонстрировав такую «политическую лояльность» (а именно, упомянув титул Александра I), А.И. Андреев, уже несколько «расширил» сами достижения экспедиции: «Экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева продолжалась 751 день, и за это время были открыты 28 групп островов, одна коралловая мель и часть берега Антарктиды» [Андреев 1949(а): 77]. На события января – февраля 1820 года, как видно, вообще (скажем в отличие от его же, чуть выше процитированной работы 1947 года [Андреев 1947: 75]), не было теперь обращено никакого внимания.

В сборнике, изданном летом 1949 года (т. е. уже после проведения Общего собрания ГО СССР) и включившим в себя четыре описания плавания 1819–1821 гг., (именно этот сборник рецензировал Д.Г. Панов) можно было встретить парадоксальную точку зрения относительно «понимания» участниками экспедиции факта первооткрытия ими Антарктиды. Редактор этого сборника, все тот же доктор исторических наук А.И. Андреев, комментируя события произошедшие 16(28) января 1820 г., пришел в своих «примечаниях редактора» к следующему выводу: «...Русские моряки... первыми подошли столь близко к материку Антарктиды... и, не зная точно, что они сделали (*sic!* – А.О.), этот материк открыли...» [Андреев 1949(в): 172]. Такое заключение выглядело достаточно странным, тем более на фоне того, что А.И. Андреев, будучи редактором делал его в примечаниях к сборнику документов (куда, в частности, вошли: известное письмо М.П. Лазарева А.А. Шестакову; речь астронома экспедиции И.М. Симонова, произнесенная им в Казанском университете; работа П.М. Новосильского «Южный полюс»), содержащих свидетельства, которые никак не могли дать оснований для вывода о том, что руководители и участники экспедиции «не понимали» значения своих открытий.

Но еще более странным, такой вывод становился от того, что буквально через несколько строк (в пределах одной страницы текста! – А.О.) в другом своем «редакторском примечании», А.И. Андреев, противореча сам себе, заявлял: «Описание П.М. Новосильского от 5 февраля 1820 г., соответствующее место в «Двукратных изысканиях»

Беллинсгаузена не оставляют сомнений, что и сам Беллинсгаузен и его спутники прекрасно понимали (?! – *А.О.*), что они находятся вблизи берега, который, как известно, и открыт был здесь в 1931 г. (Земля принцессы Рагнхильды)» [Андреев 1949(в): 172]. В то же время, А.И. Андреева «не устроило» то, что в январе – феврале 1820 г., участники экспедиции уже несколько раз подходили к материку, «хотя и не отметили этот факт в более решительных и определенных выражениях» [Андреев 1949(в): 173]. Приходится здесь сослаться на адмирала С.О. Макаров, который приводил знаменитое изречение старого штурмана: «...Пишем, что наблюдаем, а чего не наблюдаем, не пишем...» [Орлов 1948: 14]. Кстати, в отличие от многих и многих советских историков и географов.

Вместо постоянного «разыгрывания карты» плохой погоды, причем, в ее дебенхэмовской версии, А.И. Андрееву, стоило лишь более внимательно (а еще лучше – объективно) прочитать редактируемую им же книгу. В письме М.П. Лазарева А.А. Шестакову, с описанием плаваний шлюпов «Восток» и «Мирный», есть такие строки: «16 генваря достигли мы широты $69^{\circ}23' S$, где встретили матерой лед (! – *А.О.*) чрезвычайной высоты, и в прекрасный (! – *А.О.*) тогда вечер, смотря по салангу, простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег» [Плавания 1949: 21].

Рассуждения редактора этого сборника о некоем, «ведении-неведении» участников экспедиции, звучали явным диссонансом его объективной оценке книги П.М. Новосильского «Южный полюс». Как писал сам А.И. Андреев, книга эта «служит ценным свидетельством тех великих открытий, которые были совершены русскими моряками в Антарктике в 1819–1821 гг.» [Андреев 1949(б): 15]. Такая, уже привычная при анализе советской историографии двойственность, а то, и полная эклектичность в освещении советскими авторами истории открытия Антарктиды (в конкретном случае с А.И. Андреевым, это обыгрывание дихотомии «ведение-неведение») довершалась неброским, но прямым отрицанием факта первооткрытия континента русской экспедицией. «8 февраля, – писал А.И. Андреев, – шлюпы пересекли 20° в. д. и вступили в Индийский океан. Троекратные попытки продвинуться к югу в границах 70° ю. ш. показали т о л ь к о (разрядка моя. – *А.О.*), что здесь и летом лежат неподвижные льды, но где к югу лежит граница неподвижных льдов – установить не удалось» [Андреев 1949(б): 8].

А теперь сравним этот отрывок текста, принадлежащего доктору исторических наук А.И. Андрееву, с фрагментом, из опубликованной в 1940 году книги советского автора Н. Введенского. «8 февраля, – писал последний, – шлюпы пересекли 20° в. д. и вступили в пределы Индийского океана. Всем стало ясно (*sic!* – *А.О.*), что в высоких широтах

Атлантического океана на всем пройденном шлюпами пространстве к востоку от Сандвичевых островов никаких (?! – *А.О.*) признаков Южного материка нет, нет даже (? – *А.О.*) островов» [Введенский 1940: 46–47]. «Беллинсгаузен теперь точно знал, – писал далее Н. Введенский, – как далеко к югу простираются открытые воды этого океана и где лежит здесь граница неподвижных льдов. А что скрывается за ней? Установить это было не в силах Беллинсгаузена и его спутников. Три раза он продвигался к югу в пределах этого океана и каждый раз убеждался лишь (! – *А.О.*) в том, что в границах 70° ю. ш. здесь и летом лежат неподвижные льды» [Введенский 1940: 47].

О такой «ясности» (согласно интерпретационным моделям Н. Введенского а, вслед за ним, и А.И. Андреева) однако нельзя обнаружить никаких свидетельств ни в книге Ф.Ф. Беллинсгаузена (даже подвергнутой чужому редактированию), ни в отзывах об этих днях, других участников экспедиции. Напротив, еще 16(28) января 1820 г. – в день открытия Антарктиды русской экспедицией, все признаки «ледяного материка» были налицо (и он был совершенно точно опознан и классифицирован) – это «сплошные льды», которые «простираются от востока чрез юг на запад» (Ф.Ф. Беллинсгаузен), «сплошной лед», «неподвижный ледяной берег» (П.М. Новосильский), «вечные, непроходимые льды» (И.М. Симонов), «матерой лед чрезвычайной высоты», который «простирался... так далеко, как могло только достигать зрение», наконец, «...льдинный материк, не доходя 70°» (М.П. Лазарев). Последние описания Антарктиды приведены из лазаревского письма к А.А. Шестакову; оно было опубликовано в одном из номеров журнала «Морской сборник» за 1918 год, и было вполне доступно Н. Введенскому [Овлащенко 2013: 75] (сам автор получил в Риге этот номер журнала «Морской сборник», в сентябре 2013 г. по межбиблиотечному обмену с Российской Государственной Библиотекой).

В частности, М.П. Лазарев сообщал: «16-го генваря достигли мы широты 69°23' S где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер, смотря на саленгу, простирался оный так далеко как могло только *достигать* (выделено в тексте. – *А.О.*) зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2°35' W от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк не доходя 70°» [Письма 1918: 55].

В другом месте своей работы, Н. Введенский писал: «В результате своих изысканий в двух океанах Беллинсгаузен мог спокойно сказать, что во всей пройденной им впервые субполярной и полярной полосе Южного полушария простирается один океан. Сделанные им три попытки продвижения к югу на этом пространстве показали, что

границы океана уходят за пределы 69° ю. ш. и что дальше начинаются непроходимы льды, препятствующие дальнейшим поискам в этом направлении. Научно-географические достижения первого периода исследований расширили представления о границах Атлантического и Индийского океанов, обогатили географию разносторонними данными о природе субполярной и полярной зон океанического пространства Южного полушария и привели к открытию большой группы Южных Сандвичевых островов» [Введенский 1940: 52]. Как видно, в трактовке Н. Введенского, отнюдь не Антарктиды.

Однако до произвольно избранного Н. Введенским (и, опять-таки, вслед за ним, А.И. Андреевым) дня – 8 февраля 1820 г., указания на континент у Ф.Ф. Беллинсгаузена есть еще, при описании им экспедиционных дней 21 января 1820 г. («обозревая пространство сего поля на восток, юг и запад, мы не могли видеть пределов оно; конечно [оно] было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 генваря...») и, 5 февраля 1820 г. («льды... примыкаются к льду гористому, твердо стоящему»; «...мы заключили, что... ледяные громады и все подобные льды... отделились от матерого берега, ветрами отнесенные...») [Овлащенко 2013: 76].

Еще раз воспроизведем абзац из текста А.И. Андреева: «8 февраля шлюпы пересекли 20° в. д. и вступили в Индийский океан. Троекратные попытки продвинуться к югу в границах 70° ю. ш. показали только, что здесь и летом лежат неподвижные льды, но где к югу лежит граница неподвижных льдов – установить не удалось» [Андреев 1949(б): 8]. Следующий сразу же за этим, другой абзац, на взгляд автора должен был повергнуть внимательного читателя в полное, если только, не в абсолютное недоумение. Теперь уже, А.И. Андреев писал: «Беллинсгаузен трижды подходил очень близко к границам южного материка и по праву может считаться первым, открывшим этот материк еще в январе 1820 г., хотя и не представлявшим отчетливо, что именно было им открыто... Когда 8 февраля шлюпы были на... ю. ш., они увидели в далеком расстоянии покрытые снегом горы; Беллинсгаузен лишь (! – *А.О.*) отметил, что эти горы, вероятно, составляют продолжение тех, о которых было упомянуто ранее» [Андреев 1949(б): 8].

В другом месте своих «примечаний» А.И. Андреев, писал о том, что «16 января 1820 г. русские моряки... впервые подошли близко к Южному матерiku и т е м с а м ы м (разрядка моя. – *А.О.*) первыми его открыли» [Андреев 1949(в): 168]. Одновременно, А.И. Андреев соглашался с уже приведенными выше, словами Ф. Дебенхэма о «нескольких часах ясной погоды...», находил их справедливыми и тем самым, однозначно отрицал факт открытия Антарктиды русскими мореплавателями 16(28) января 1820 г. «Вполне вероятно, – отмечал А.И. Андреев, – что «обширное ледяное поле, усеянное пригорками и простиравшееся от востока через юг на запад» указывало на край

континента. Как справедливо (?! – *А.О.*) уже отмечено, «несколько часов ясной погоды в этот день позволили бы, вероятно, открыть здесь землю на 110 лет ранее» [Андреев 1949(в): 172].

«Комментируя это известие отчета Беллинсгаузена – писал А.И. Андреев – редактор английского перевода этого отчета Ф. Дебенхем отмечал (1, стр. 117, примеч. 2), что шлюпы были в нескольких милях, не более 20 от берега, который теперь называется Землей принцессы Марты. Таким образом русские шлюпы подошли впервые подошли к твердой (? – *А.О.*) земле не в январе 1821 г., как принято обычно считать, а годом раньше – еще 16 января 1820 г.» [Андреев 1949(б): 7–8]. Комментируя в свою очередь последующие события, когда шлюпы вновь подходили вплотную к берегу, А.И. Андреев опять ссылается на «исследовательский авторитет» Ф. Дебенхэма. «По поводу этого известия, – продолжал А.И. Андреев, – английский полярный исследователь Ф. Дебенхэм (стр. 121, прим. 1) справедливо замечает: «шлюпы были, вероятно, вновь в 30 милях от континента», т. е. во второй раз подошли близко к материку (Земля принцессы Ранхильды), хотя и не отметили его как «землю» [Правания 1949: 8, сноска].

Такая, отмеченная выше личная позиция А.И. Андреева (хотя скорее, надо говорить о позиции «андреево-дебенхэмовской»), помимо прочего, входила в полное противоречие с тезисом, заявленным в разделе «От издательства» и приведенном в этом сборнике, относительно того, что публикуемые в сборнике работы (настолько искажил их содержание и смысл А.И. Андреев) «еще раз подтверждают русский приоритет в открытии Южного материка – Антарктиды» [Плавания 1949: 3].

В своей предельно краткой рецензии на изданный под редакцией А.И. Андреева сборник, Д.Г. Панов не обратил внимания ни на один из перечисленных моментов. В другой, опубликованной еще в 1949 году рецензии на этот же сборник, можно было увидеть еще более удивительные оценки. «Редактор издания А. Андреев, – заканчивал свое «книжное обозрение» Эд. Мурзаев, – в небольшом предисловии правильно охарактеризовал значение работ экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, приведших (? – *А.О.*) к открытию Антарктиды. Полезными для читателя будут и пояснительные редакционные примечания» [Мурзаев 1949: 261]. Насколько «полезными» могли оказаться такие, одобряемые Эд. Мурзаевым «редакционные примечания», читатель мог уже убедиться.

Вот еще один, скорее всего связанный с А.И. Андреевым эпизод из советской историографии. В июльском за 1949 год номере журнала «Знание – сила», был опубликован художественно-публицистический материал советского писателя А.Г. Адамова. Речь в очерке этого автора, судя по всему, шла о собрании московских географов, состоявшемся вскоре после проведения общего собрания действительных членов Всесоюзного географического общества (10 февраля 1949 г.,

Ленинград). Дело в том, что этот автор, упоминает в качестве вводного доклад директора Института географии АН СССР академика А.А. Григорьева (который, согласно официальным отчетам общего собрания 10 февраля 1949 года, на последнем не выступал [Русские 1949(а); Общее 1949(а)]), а не доклад президента Географического общества СССР академика Л.С. Берга, который и озвучил, ставший затем «знаменитым» в советской историографии, свой доклад «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Русские 1949(а); Общее 1949(а)].

В своем, по сути беллетристическом очерке, А.Г. Адамов не пренебрег особо остановиться на ключевых для Первой русской антарктической экспедиции, событиях января – февраля 1820 года. Однако сделанные им при этом, его выводы, были (при внешней их «последовательности» и «логичности», большей даже, чем у многих профессиональных советских историков и географов) на самом деле преисполнены все того же советского эклектизма, попросту лукавства. А.Г. Адамов писал: «16 января 1820 года на широте 69 градусов 53 минуты Беллинсгаузен встретил сплошные льды особой бугристой формы. Он их тщательно описал и не забыл отметить, что огромное множество птиц кругом указывало на близость земли. Плававшая среди льдов в пределах 68–69 градусов южной широты, корабли 21 января на широте 69 градусов 25 минут снова подошли к гигантскому ледяному полю, границ которого нигде не было видно.

В настоящее время бесспорно установлено, что описание льдов, данное Беллинсгаузеном, в точности соответствует внешнему виду льдов, покрывающих в этом месте антарктический материк. Кроме того, по новейшим данным береговая линия материка проходит как раз по тем точкам, которые определил 16 и 21 января 1820 года Беллинсгаузен. Таким образом, следует считать твердо доказанным, что впервые Антарктида – шестая часть света – была открыта на год раньше, чем подозревал (недаром в последующие годы А.Г. Адамов стал специалистом в области детективного жанра. – А.О.) сам Беллинсгаузен, а именно в январе 1820 года.

Скромность (вот она, «разменная монета» советской историографии. – А.О.) и огромная требовательность к себе не позволили в свое время Беллинсгаузену и Лазареву объявить о своем открытии. Но это обстоятельство не играет решающей роли. Ведь когда Семен Дежнев проплыл пролив, разделяющий Азию и Америку, он и не подозревал об огромном значении своего отважного плавания, однако его справедливо считают открывателем этого пролива. Колумб тоже был уверен, высадившись в Кубе, что он находится в Индии, однако это не умаляет его подвига, и всеми считается, что именно он открыл Америку» [Адамов 1949: 27].

А теперь приведу цитату из своей прошлой работы: «На наш взгляд, в очерк А. Адамова были «инкорпорированы» взгляды кого-то из

профессиональных историков или географов (вполне допустимо предположить, что ключевого докладчика московского собрания географов, академика А.А. Григорьева), стремившихся внедрять в научный оборот и общественное мнение подобные эклектичные измышления. Чуть позднее в советской историографии подобную версию о «ведении-неведении» обыгрывал доктор исторических наук А.И. Андреев (подробнее об этом будет сказано ниже) [Овлащенко 2013: 203]. Поскольку теперь, в несколько сокращенном виде об этом было рассказано выше, стоит лишь добавить, что, уже в ходе работы над настоящей книгой, в сведениях о фонде А.И. Андреева в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, автор, нашел информацию о том, что среди корреспондентов этого историка был А.Г. Адамов (среди корреспондентов А.И. Андреева, в свою очередь можно обнаружить академика Л.С. Берга) [Андреев 2011].

Рецензия подполковника В.А. Дивина и инженер-капитана 2 ранга Л.Д. Черноусько (1950). Весной 1950 года в советской печати, была опубликована еще одна рецензия, так или иначе, связанная с темой Первой русской антарктической экспедиции, с открытием Антарктиды. На этот раз, военные специалисты – подполковник В.А. Дивин и инженер-капитан 2 ранга Л.Д. Черноусько – рецензировали в журнале Военно-Морского Флота «Морской сборник», изданный в 1949 году Воениздатом сборник статей «Новаторы русского флота». Название этой рецензии, что называется, говорило само за себя: «Неудачное осуществление хорошего замысла». Согласно аннотации к этому сборнику, последний «знакомит читателя с выдающимися русскими флотоводцами..., с военными моряками – отважными кругосветными мореплавателями и исследователями, пополнившими сокровищницу человеческих знаний...». Сборник был рассчитан «на широкий круг советского молодежи» [Новаторы 1949].

В статье кандидата военно-морских наук, капитана 1 ранга Р.Н. Мордвинова, посвященной личности и заслугам адмирала М.П. Лазарева, в частности было сказано: «Но главным научным результатом этого плавания (экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. – *А.О.*) было открытие шестой части света – Антарктиды.

Шлюпы «Восток» и «Мирный» в середине января и начале февраля 1820 г. находились вблизи антарктического материка (в районе земель принцессы Марты и принцессы Ранхильды – 69°21' и 69° южной широты). После этого корабли пошли в Тихий океан. Вернувшись оттуда, почти через год – 9 января 1821 г. – Лазарев и Беллинсгаузен открыли остров Петра I, а через неделю... была открыта гористая земля, которая была названа берегом Александра I. Этим открытием русские мореплаватели доказали ошибочность мнения английского путешественника Джемса Кука, объявившего Антарктиду неприступной.

...Плавание «Востока» и «Мирного» является замечательным вкладом в историю географических открытий. За Россией тем самым

было закреплено право приоритета открытия ряда земель Антарктики» [Мордвинов 1949: 13 – 14].

Как видно, упомянув январские и февральские – 1820 года – события в жизни экспедиции, Р.Н. Мордвинов, все-таки основной акцент сделал на открытиях января 1821 года. Ни о каком открытии русской экспедицией самого континента, речь у Р.Н. Мордвинова вообще не идет. Его точка зрения об «открытии ряда земель Антарктики», коррелирует с позицией академика Л.С. Берга, озвученной последним на февральском, «антарктическом» собрании действительных членов Всесоюзного географического общества. С другой стороны, не может не обратить на себя внимания достаточно объективная, данная Р.Н. Мордвиновым, его оценка «заблуждений» Дж. Кука. Поскольку в советской историографии антарктических путешествий и исследований, буквально «лавинообразно», в те годы нарастали фальсифицированные подходы, в которых проводилась та идея, что Кук, якобы утверждал, что вокруг южного полюса вообще «ничего не существует» [Овлащенко 2013: 222].

В этом же сборнике статей, был помещен очерк действительного члена Географического общества СССР, капитана 2 ранга Е.С. Юнга «Великие географические открытия русских мореплавателей». Того самого, Е.С. Юнга, который в 1941 году в своем историко-публицистическом материале об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева писал: «...Так было совершено русскими моряками величайшее географическое открытие XIX века: найден и положен на карту шестой материк земного шара, известный человечеству под названием Антарктиды» [Юнга 1941: 30]. Необходимо еще раз отметить, что само по себе такое признание, в те годы было достаточно заметным событием. Правда, имелось в виду открытие острова Петра I и Земли Александра I, то есть поздние открытия экспедиции. Теперь, в 1949 году, Е.С. Юнга писал: «Велико значение нашего отечественного, русского и советского, мореплавания в географическом познании мира. Третью пространства земного шара занята областями, которые целиком, с морскими путями вдоль них, открыты, изучены и освоены многими поколениями наших соотечественников. ...Вот что необходимо помнить, когда речь идет о величине вклада, внесенного русским мореплаванием в сокровищницу человеческих знаний» [Юнга 1949: 39].

Однако, если судить по тексту Е.С. Юнга, просвещавшего «широкий круг советской молодежи», сам он, помнил далеко не все о «величине вклада» Первой русской антарктической экспедиции. Изображая последовательность исторических событий во времени, Е.С. Юнга писал: «1820 год. – Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, направленная на шлюпах «Восток» и «Мирный» в полярные широты Южного полушария и в Океанию, открыла в Полинезии девятнадцать островов, присвоив им общее название Островов Россиян и дав название каждому... На пути между Южной Америкой и

Австралией... русские моряки открыли ряд неизвестных до тех пор островов... и точно установили, что Сандвичева земля, принятая Д. Куком за один остров, на самом деле является архипелагом» [Юнга 1949: 47]. Таковы были в трактовке Е.С. Юнга, итоги первого этапа этой русской кругосветной экспедиции.

Дальше, в своей хронологии Е.С. Юнга писал следующее: «1821 год. – М.П. Лазарев и Ф.Ф. Беллинсгаузен открыли... остров Петра Великого... землю Александра. Это была шестая часть света – Антарктида. Значение открытия Антарктиды тем более важно, что мореплаватели всех стран, в том числе и Д. Кук, побывавший в южных полярных морях, отрицали и возможность плаванья за южным полярным кругом и существование материка в тех широтах. Русские моряки доказали и то и другое» [Юнга 1949: 48]. Помимо того, что Е.С. Юнга, весьма вольно обращался с географическими названиями вновь открытых географических объектов, он, в очередной раз тиражировал фальсифицированную, упомянутую чуть выше версию «взглядов» Дж. Кука.

Небезынтересно что, и в описании Р.Н. Мордвинова, и в очерке Е.С. Юнга, имя М.П. Лазарева шло впереди имени руководителя экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена. Возможно, что демонстрируя подобную «лояльность», эти военно-морские специалисты вносили свой своеобразный вклад в проводившуюся тогда в стране, кампанию по борьбе с «безродным космополитством» [Овлащенко 2013: 222–224].

На эти, отмеченные выше моменты, связанные с воениздатовским сборником «Новаторы русского флота», автор обращал внимание в ходе своего анализа советской историографии 1920-х–1940-х годов [Овлащенко 2013]. Примерно на эти же моменты обратили внимание в *1950 году* (но, надо учесть, что такой их подход, был тогда для советской историографии весьма необычен) подполковник В.А. Дивин и инженер-капитан 2 ранга Л.Д. Черноусько. В частности, они писали: «Советские ученые немало сделали для разоблачения фальсификаторских, антипатриотических взглядов дворянско-буржуазной историографии. Большую роль в установлении исторической правды сыграли двухтомный труд Академии Наук СССР «Люди русской науки»...» [Дивин, Черноусько 1950: 111].

Объективности ради, надо сказать, что информация о русских антарктических открытиях вообще не попала в этот, изданный под эгидой АН СССР, сборник. В августовском, за *1949 год* номере журнала «Природа», в разделе «Критика и библиография», советский автор Д.В. Лебедев при аннотировании очерков о выдающихся людях русской науки подчеркнул, что к недостаткам упомянутых очерков следует отнести то, что, «пропущены некоторые имена, безусловно заслуживающие включения в число самых выдающихся русских ученых». Среди последних (т. е. «пропущенных») он упомянул «замечательного путешественника, открывшего Антарктиду, Ф.Ф.

Беллинсгаузена» [Лебедев 1949: 100]. Интересно, что ровно за 10 лет до этого – в 1939 году, фальсификатор и попросту «злопахатель» М. Райхенберг, в журнале «Наша страна», прямо писал, что «ни Беллинсгаузен, ни Лазарев не были учеными-исследователями» [Райхенберг 1939: 30].

Если учесть, что фундаментальный двухтомный сборник «Люди русской науки» был издан в 1948 году с предисловием и вступительной статьей академика С.И. Вавилова, то, скорее всего, речь можно вести о следующих двух альтернативах: отсутствие упоминания открытий и научных достижений экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева (причем всего лишь за год до широкой инициации антарктических интересов Советского Союза) наглядно отражало реальный интерес к Антарктике как со стороны государства, так и, как бы сказали теперь, советского «научного сообщества»; или же, такая информация намеренно, с конкретной целью была пропущена в этом сборнике.

Подполковник В.А. Дивин и инженер-капитан 2 ранга Л.Д. Черноусько, писали дальше в своей рецензии: «Рецензируемый сборник статей «Новаторы русского флота» представляет некоторый познавательный интерес, способствует воспитанию советской национальной и военной гордости. Однако он имеет ряд существенных недостатков, значительно снижающих его ценность. Не пересказывая содержание сборника, остановимся на отдельных его недостатках и ошибках, имеющих принципиальное значение.

...Статья «Флотоводец Михаил Петрович Лазарев» представляет собой набор фактов из жизни и деятельности русского адмирала, приведенных без анализа и оценки. Прежде всего отметим, что автор (капитан 1 ранга, кандидат военно морских наук Р.Н. Мордвинов. – А.О.) неправильно определяет задачи антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, сводя их к разного рода «уточнениям» и «исправлениям ошибок» иностранных мореплавателей (интересно, что в опубликованной в 1948 году в одном из флотских изданий, одноименной статье Р.Н. Мордвинова, последний писал: «...но главным научным результатом этого плавания было открытие южной части света – Антарктиды; этим открытием русские мореплаватели исправили ошибку известного английского путешественника Джемса Кука, объявившего Антарктику неприступной» [Мордвинов 1948: 14]; однако, в любом случае, важно то, что, этот автор, в 1948 г. вообще указал на факт открытия Антарктиды русской экспедицией. – А.О.). На стр. 13–14 мы читаем, что сначала экспедицией были «значительно уточнены сведения о самом острове Ю. Георгия», затем русские мореплаватели «доказали ошибочность мнения английского путешественника Джемса Кука», и, наконец, на заключительном этапе русской экспедиции «была исправлена ошибка другого английского мореплавателя – Смита».

В действительности, главной целью русской экспедиции согласно инструкции Морского министерства было «отыскивать неизвестные

земли» в районе Южного полюса, а не «исправлять» ошибки иностранцев и «уточнять» сведения, сообщенные англичанами или американцами. И русские моряки, следуя самостоятельным путем, вопреки утверждениям иностранных ученых и мореплавателей о невозможности проникновения в южно-полярную зону, блестяще справились с порученной задачей – открыли новую часть света – Антарктиду. Неправильно определив цели и задачи экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева и не подчеркнув значения великого географического открытия русских мореплавателей, автор вольно или невольно искажает историю. Следует отметить, что автор почему-то не указал на особые заслуги М.П. Лазарева как в организации экспедиции, так и в достижении поставленных перед нею целей [Дивин, Черноусько 1950: 111, 113].

И вновь, справедливости ради надо заметить, что в советской историографии можно обнаружить и более «тяжкие огрехи», пишущих на эту тему авторов. Например, в одном из номеров журнала Военно-Морских Сил «Морской сборник» за 1946 год, была опубликована статья капитана 1 ранга П.Ф. Морозова и майора К.И. Никульченкова, посвященная адмиралу М.П. Лазареву. В достаточно объемном материале, при описании хода экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, соавторы отметили, что «экспедиция эта явилась выдающимся научным событием того времени». П.Ф. Морозов и К.И. Никульченков писали: «Беллинсгаузен и Лазарев шесть раз пересекали Южный полярный круг. ...10 января (1821 года. – *А.О.*) русскими моряками был открыт остров, названный именем Петра Великого (широта 68°57' S, долгота 90°46' W), а 17 января – берег Александра I (широта 68°45' S, долгота 73°10' W)» [Морозов, Никульченков 1946: 82]. Перечислив открытые этой экспедицией острова в Тихом океане, авторы статьи еще раз подчеркнули, что «экспедиция эта внесла огромный вклад в науку» [Морозов, Никульченков 1946: 82].

Таким образом, в этой, написанной двумя советскими военно-морскими специалистами статье, при указании, на «огромный вклад в науку», констатации фактов, что «для русского флота доступны широкие океанские просторы» и, что, «русские люди – прекрасные моряки, способные преодолевать любые трудности», при всем при этом, не упоминалась вовсе Антарктида (Антарктика) [Овлащенко 2013: 119]. Свою ошибку, капитан 1 ранга П.Ф. Морозов и подполковник К.И. Никульченков «исправили» через три года, в сентябрьской, за 1949 год книжке «Морского сборника». Теперь эти авторы указали, что русские моряки «установили существование в южном полушарии крупного материка – Антарктиды», подчеркнув, что открытие (! – *А.О.*) произошло 16(28) января 1820 г. [Морозов, Никульченков 1949: 52, 57]. Они же, возможно одни из первых в советской историографии, кто правильно расставил приоритеты в достижениях экспедиции: «Научные результаты экспедиции были огромны и имели исключительное

значение для развития отечественной и мировой географической науки. Кругосветное путешествие русских моряков во главе с Беллинсгаузеном и Лазаревым ознаменовалось открытием Антарктиды и 28 неизвестных до того времени островов» [Морозов, Никульченков 1949: 61]. Как хорошо видно, П.Ф. Морозов и К.И. Никульченков, действительно искупили свою «вину» перед советской исторической наукой [Овлащенко 2013: 224].

«...Значительное место в сборнике, – продолжали подполковник В.А. Дивин и инженер-капитан 2 ранга Л.Д. Черноусько, – отведено географическим открытиям русских мореплавателей.

...Однако в статье Е.С. Юнга «Великие географические открытия русских мореплавателей» читатель, к сожалению, вместо ярких образов выдающихся русских моряков, найдет лишь сухой перечень событий.

...Говоря об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева (стр. 47), Е.С. Юнга совершенно не упоминает об открытии Антарктиды, которое состоялось в январе 1820 г., когда русские моряки, находясь в южной широте 69°25' и западной долготе 2°10', обнаружили ледяные горы, простиравшиеся с востока на запад, айсберги материкового происхождения и много береговых птиц. Таким образом, Антарктида открыта на год раньше, чем об этом говорит автор на стр. 48» [Дивин, Черноусько 1950: 114–115].

Итоговые выводы рецензентов звучали так: «Создание сборника о новаторах русского флота – очень хорошая идея, но реализована она плохо, в результате получился сборник с весьма существенными недостатками. Книга не дает читателям того, что обещает ее название и аннотация.

...Советский читатель ждет высокоинтересных, доброкачественных в научном отношении книг о нашем доблестном Военно-Морском Флоте, написанных с учетом возросших потребностей читательских масс, на основе постановлений и указаний ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам» [Дивин, Черноусько 1950: 120].

Однако нельзя утверждать и то, что только «доброкачественные в научном отношении» материалы об Антарктике, попадали в Советском Союзе в издания для служебного пользования. В изданных в 1948 году Гидрографическим Управлением Военно-Морских Сил «Материалах по лоции Антарктики», для составления материалов по «Лоции» (согласно данным, приведенным начальником I Отдела Издательства ГУ ВМС капитаном I ранга Новоселов в предисловии к «Материалам»; его предисловие было подписано 19.VIII-1948 г.) были использованы: «...английская Лоция Н. О. № 138 «*Sailing Directions for Antarctica*» изд. 1948 г. прокорректированная по июнь 1944 г., английские «*Notices to Mariners*» по еженедельный выпуск № 18-1948 г. включительно, а также другие материалы («*Discovery Reports*» vol. I-VIII и отдельные номера

журнала «*The Geographical Review*», начиная с 1932 г., а также журнал «*The Polar Times*» за 1946 г.)» [Новоселов 1948: IV].

В написанном капитаном 2 ранга В.И. Воробьевым «Общем очерке», определенное внимание было уделено «политическому делению Антарктики» и истории ее исследования. В частности, этот советский военно-морской специалист писал: «Политическое деление Антарктики в некоторых (! – *A.O.*) частях еще не является окончательно установленным и, следовательно, государственная принадлежность некоторых территорий еще официально не определена и не признана. Однако, в основном раздел Антарктического материка с прилегающими к нему островами, а также отдельных островов, расположенных в антарктических водах следует считать законченным» [Воробьев 1948: 2]. Такая постановка вопроса военными выглядела вполне естественно, поскольку, Советский Союз действительно не заявлял о каких-либо правопритязаниях в Антарктике. Партийно-правительственные инстанции, лишь в январе 1949 года ([Докладная 1950]) «дали добро» на проведение шумной пропагандистской, общесоюзной «антарктической» кампании, предваряющей Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики.

«В западной части Фолклендского сектора, – продолжал В.И. Воробьев, – на которую претендует Чили, лежит берег Земли Александра I, открытой русской Антарктической экспедицией под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена в январе 1821 года; известно, что честь открытия Антарктического материка принадлежит русским морякам-исследователям и северный берег материка, названный ими Землей Александра I, был первым берегом материка» [Воробьев 1948: 3]. Такое усиленное акцентирование выглядело странным, поскольку, именно как «о. Александра I», был этот «берег материка» обозначен на карте Антарктики, вошедшей в изданный в 1947 году Военно-топографическим управлением «Атлас офицера» [Антарктика 1947: 74] (в изданном, в 1938 году «Атласе командира РККА», присутствует еще надпись «З. Александра I» [Антарктика 1938: 7]). Неужели в среде военных специалистов-картографов «правая рука не знала, что делает левая»?

Делая краткий обзор правопритязаний различных государств в Антарктике, капитан 2 ранга В.И. Воробьев информировал своего читателя: «Восточнее Фолклендского сектора лежит Норвежский сектор, объявленный владением Норвегии...

Между Новозеландским и Фолклендским секторами, т. е. между меридианами 150° W и 69° W лежит сектор США (однако в специальном приложении «Замеченные опечатки» было указано: «Напечатано: «сектор США,»; «Следует читать: «сектор.» [Материалы 1948: б. с.]; несмотря на это, в приведенной в книге схеме «Объявленное политическое деление Антарктики», был отмечен «сектор США» [Материалы 1948: 480]. – *A.O.*), объявленный принадлежащим США.

...Остров Петра I, расположенный в секторе США, открытый в январе 1821 года русской Антарктической экспедицией на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена, объявлен собственностью Норвегии» [Воробьев 1948: 3–4] (в другом месте своего обзора, В.И. Воробьев скромно писал, что «в 1929 г. остров Петра I был обследован с корабля «*Norvegia*» [Воробьев 1948: 11]. – *А.О.*). Таким образом, в трактовке этого специалиста, «в основном раздел Антарктического материка с прилегающими к нему островами, а также отдельных островов, расположенных в антарктических водах следует считать законченным» [Воробьев 1948: 2].

Не была им, хотя бы упомянута (сложно предположить, что она не была известна капитану 2 ранга В.И. Воробьеву) советская нота. Как известно, в ответ на норвежскую ноту от 14 января 1939 г., в которой говорилось о том, что правительство Норвегии объявило антарктические пространства «между восточной границей Фолклендской зоны» (20° з. д.) и 45° в. д. своими владениями, последовала советская нота от 27 января 1939 г. по поводу норвежских правопритязаний в Антарктике. В дипломатическом документе, подписанном М.М. Литвиновым и адресованном послу Норвегии в Москве А.Т. Урбюе, в частности говорилось, что «Советское Правительство считает необходимым зарезервировать его позицию по вопросу о суверенитете этой территории, которая была открыта русским мореплавателем Беллинсгаузенем во время его экспедиции в 1819–21 гг.» [Bush 1982: 152].

В своем историческом обзоре В.И. Воробьев в частности писал: «...Лишь русским морякам-исследователям удалось опровергнуть регрессивные высказывания Кука и с несомненностью установить существование Антарктического материка.

...26 января был впервые пересечен южный полярный круг. Корабли достигли широты 69°25' S, на меридиане 2°15' W; лишь плохая видимость не позволила им тогда же усмотреть тот берег Антарктического материка, который теперь называется Землей Королевы Мод. Сплошной тяжелый лед преградил дальнейший путь к югу; с трудом выйдя из льда, корабли прошли к востоку, снова повернули на юг и 18 февраля дошли до не проходимых льдов в шир. 69°06' S, долг. 15°52' O. Снова выйдя из тяжелых льдов, в третий раз пересекли полярный круг в направлении на юг, достигнув шир. 66°59' S в долг. 37°38' O. Берег Антарктического материка был близок, но туман и снег не позволили русским морякам увидеть его. Начиналась антарктическая осень, корабли вышли из льдов и, располагая курсы по необследованной части Индийского океана, направились в Австралию, куда и прибыли после 4 ½ месячного тяжелого плавания.

...29 января, при отличной видимости, был усмотрен берег, названный Землей Александра I; это был выступ Антарктического

материка, но подступы к нему были преграждены сплошным льдом» [Воробьев 1948: 5–8].

Очевидно все эти «исторические сведения», были почерпнуты в перечисленных выше зарубежных источниках. В советской историографии сходные интерпретационные модели демонстрировали Н. Введенский [Введенский 1940; Введенский 1941], М. Райхенберг [Райхенберг 1941(6)], другие авторы и, конечно же Ю.М. Шокальский. Кстати, работы последнего, были использованы капитаном 2 ранга В.И. Воробьевым в его «Общем очерке».

Статья доктора географических наук Д.Б. Карелина во втором томе второго издания «Большой Советской Энциклопедии» (1950). В 1950 году был издан (подписан к печати 18 марта 1950 г.) второй том Большой Советской Энциклопедии (БСЭ). Это было, предпринятое Государственным научным издательством «Большая Советская Энциклопедия», второе издание одноименных томов. Статья «Антарктида» на этот раз, была написана Д.Б. Карелиным.

Стоит напомнить, что в изданном в 1926 году третьем томе «Большой Советской энциклопедии», были размещены статьи об Антарктиде, Антарктике и Антарктической области. История открытия Антарктиды в них не рассматривалась [Антарктида 1926: ст. 32–35], что, само по себе, не может не вызвать вопросов.

Редактором географического отдела «Большой Советской энциклопедии» (БСЭ) на тот момент являлся экономикогеограф, страновед и картограф, доктор географических наук (1935), профессор (1929), член-корреспондент АН СССР (1939) Н.Н. Баранский (1881–1963). В издаваемых Академией наук материалах к биобиблиографии ученых СССР, доктором географических наук, профессором Ю.Г. Саушкиным было отмечено, что «конец 1920-х годов был исключительно продуктивным в жизни Н.Н. (Баранского. – *А.О.*)». Среди его деятельности важное место занимала «организация редакции географии Государственного научного института «Советская энциклопедия», которую он возглавил, создание множества статей для этого издания» [Николай 1971: 18].

Одним из основателей и главным редактором БСЭ (в 1924–1944 гг.) был «народный академик» О.Ю. Шмидт (1891–1956). В 1930–1932 гг., О.Ю. Шмидт – директор Всесоюзного Арктического института, в 1932–1939 гг. – начальник Главсевморпути. В 1932–1933 гг., был одним из организаторов проводимых в Советском Союзе научных исследований по программе II Международного Полярного года [Шмидт 1985: 300–301]. В 1930–1934 гг., он руководил арктическими экспедициями на ледокольных пароходах «Седов», «Сибиряков» и «Челюскин». В 1935 г., за заслуги в области географии О.Ю. Шмидта выбирают академиком Академии наук СССР по Отделению математических и естественных наук. Он был утвержден председателем

географической группы Академии наук, при которой создали геофизическую секцию.

В самом начале февраля 1927 года, увидел свет пятый том «Большой Советской энциклопедии». В статье о Ф.Ф. Беллинсгаузене, следующим образом был описан ход и охарактеризованы результаты русской экспедиции: «В течение трех летних и двух зимних периодов Б. (Беллинсгаузен. – *А.О.*) объехал весь земной шар в южных широтах, шесть раз пересек южный полярный круг, доходя до 69° ю. ш., закончил съемку берегов Южной Георгии, показал, что Сандвичева Земля, открытая за 45 лет до него Куком, представляет архипелаг небольших вулканических островов, открыл остров Петра I и Землю Александра I, лежащие к югу от мыса Горн, обследовал много других островов и составил замечательное описание физико-географических условий южно-полярных морей, не утратившее значения и до настоящего времени. Плавание Б., по справедливости, считается одним из самых важных и трудных из всех когда либо совершенных. Б. обследовал за полярным кругом гораздо большие пространства, чем его предшественник, знаменитый английский мореплаватель Кук. Написал книгу «Двукратные изыскания в Южно-Полярном океане», в 2 тт., с атласом, СПб, 1831» [Беллинсгаузен 1927: ст. 330–331].

Совершенно очевидно, что приведенный фрагмент (в котором, опять-таки, ни слова не сказано об открытии Антарктиды) текстуально совпадает с описанием хода и итогов Первой русской антарктической экспедиции вошедшим, в изданную в 1917 году книгу Ю.М. Шокальского «Океанография» [Шокальский 1917(а): 33–34]. Редактором географического отдела «Большой Советской энциклопедии», как уже было отмечено, являлся Н.Н. Баранский, учеными секретарями И.А. Витвер (1891–1966) и Э.М. Давидов. В изданном в 1937 году, тридцать пятом томе «Большой Советской энциклопедии», о командире шлюпа «Мирный» М.П. Лазареве можно было узнать следующее: «...Адмирал, гидрограф, ...в 1819–21 участвовал в антарктической экспедиции Беллинсгаузена...» [Лазарев 1937: ст. 668]. Как и в статье о Ф.Ф. Беллинсгаузене, размещенной в изданном десять лет назад – в 1927 году – пятом томе БСЭ, об открытии этими мореплавателями Антарктиды сказано не было.

В 1940 году, Государственным институтом «Советская энциклопедия», был издан 46-й том «Большой Советской Энциклопедии» (БСЭ). В статье о полюсах в этом издании, было отмечено, что «южный полюс был открыт Амундсеном в 1911 г». В этом же томе довольно большими по объему были статьи о полярной фауне (авторы В. Гептнер и В. Богоров) и флоре (автор В. Говорухин). «Крупная статья» (согласно терминологии БСЭ) была посвящена полярным странам, их физико-географическому описанию (авторы В. Перевалов и Е. Балашкова). Следующая же за ней статья о полярных экспедициях была напечатана без указания ее авторства. В частности, в

статье говорилось: «Начало путешествий в южно-полярные страны положил Д. Кук; он первый (1772) прошел за Южно-полярный круг до 71°10' ю. ш., достигнув границы ледяных полей. После этого южно-полярные страны не посещались до 19 в., когда вновь пробудился научный интерес к Антарктике. Первой такой научной экспедицией была русская экспедиция Ф. Беллинсгаузена (1819–21), задачей которой стояло открытие и описание земель на пути к Южному полюсу, что и было выполнено с большим успехом» [Полярные 1940: ст. 387].

Помимо краткого упоминания последующих экспедиций в Антарктику, были особо выделены «блестящие результаты» американских экспедиций 20-х–30-х гг. XX в. Среди источников в этой статье, автором (авторами?) были указаны книги К. Гассерта «История полярных путешествий» [Гассерт 1923] и С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» [Григорьев 1937] (при этом ссылка шла на 3-е издание книги, 1937 года; эту работу умершего С.Г. Григорьева, «редактировал и снабдил добавлениями» Ю.М. Шокальский [Шокальская 1960: 118]. – *А.О.*). Ответственным редактором отдела «География» в БСЭ, по-прежнему являлся Н.Н. Баранский, редактором-консультантом Б.Ф. Добрынин (1885–1951; доктор географических наук (1935), в 1938–1941 гг. заведующий созданной по его инициативе кафедрой физической географии МГУ, в 1934–1939 гг. заведующий отделом в Институте географии АН СССР). Таким образом, ни в 1926–1927 гг., ни в 1937 и 1940 г., в «Большой Советской энциклопедии» не было каким-либо образом, упомянуто открытие Антарктиды русской кругосветной экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

Ничего нового не привнесла в этот вопрос, изданная в 1948 году государственным научным институтом «Советская энциклопедия», однотомная сводка «Союз Советских Социалистических Республик». В статье о развитии географической науки в СССР, автор этой статьи, Л.С. Берг (явно используя историографические «мотивы» Ю.М. Шокальского) писал: «Первая половина 19 в. ознаменовалась рядом кругосветных плаваний, к-рые (которые. – *А.О.*) открылись в 1803–06 путешествием Крузенштерна и Лисянского на кораблях «Надежда» и «Нева» и имели следствием открытие (Коцебу, Беллинсгаузенем и Лазаревым, снова Коцебу, Литке и др.) множества островов в Тихом океане. Замечательны открытия, сделанные Беллинсгаузенем и Лазаревым в Антарктике: 17 января 1821 года они увидели берег, к-рому дали название Земли Александра I; это был антарктический материк, часть к-рого впервые положена на карту русскими мореплавателями» [Берг 1948(а): 1355].

Строго говоря, академику, вряд ли стоило в середине 1948 года подчеркивать то, что Земля Александра I – это «антарктический материк», поскольку, уже в заметках и менее маститых советских авторов, в том числе, делавших обзоры зарубежных антарктических экспедиций, было указано, что это остров. Именно такому,

эклектичному «светилу» советской науки, было поручено озвучивать через год, не менее эклектичные подходы к основным результатам и итогам Первой русской антарктической экспедиции.

Интересно, что на подобный подход редакции БСЭ, было обращено внимание в *1949 году*, но, уже после общего собрания действительных членов Географического общества СССР, состоявшегося 10 февраля 1949 г. в Ленинграде. Член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов в своей публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Москва), говорил: «Кстати отметим, что если посмотреть Большую Советскую Энциклопедию на слово «Антарктида», то там можно найти много интересных сведений об этой суровой и негостеприимной, в то же время грандиозной части света, последней из открытых человечеством. Но ни слова там не сказано о том, что эту часть света открыли русские (экспедиция Беллингаузена и Лазарева) в 1820 году. Решающая роль русских в открытиях (? – А.О.) Антарктиды составителями энциклопедии, очевидно, признавалась обстоятельством, не заслуживающим внимания» [Ефимов 1949(а): 23] (эту же свою мысль, А.В. Ефимов озвучил в ходе состоявшегося 5–11 января 1949 года Общего собрания Академии наук СССР, посвященного истории отечественной науки [Ефимов 1949(б): 741]).

В этом контексте небезынтересно, что «с 1927 г. в редакции БСЭ (с 1930 г. – научный редактор)» [Краснопольский 1993(б): 47], работал И.П. Магидович, «автор фундаментальных работ по истории географических исследований» [Краснопольский 1993(б): 47].

Одним из корреспондентов академика Л.С. Берга (в частности, в 1944 и 1946 г.) был Ф.А. Ротштейн (1871–1953), историк, академик АН СССР. С 1890 по 1920 г. (на протяжении 30 лет! – А.О.) – в эмиграции в Великобритании. В 1923–1930 гг. – дипломат, член коллегии Народного комиссариата иностранных дел СССР. В редакции БСЭ с 1927 по 1945 г.; 1930–1941 гг., заместитель главного редактора БСЭ. В 1942–1953 гг. – в Институте истории АН СССР.

О самом А.В. Ефимове, автор биобиблиографического издания сообщает: Ефимов А.В. (1896–1971) – историк, доктор исторических наук, специалист в области новой и новейшей истории, этнографии и истории географических открытий, профессор (1938), член-корреспондент АН СССР (1939), член-корреспондент АПН СССР (1947). С 1938 г. – профессор исторического факультета МГУ. В 1936–1941 гг. – старший научный сотрудник, заведующий сектором Института истории АН СССР. В 1956 г. – старший научный сотрудник Института этнографии, затем заведующий сектором народов Америки (до 1971 г.). С 1965 г. – профессор Института международных отношений МИД СССР [Ефимов 1993: 308–309].

Не менее интересно, что, в изданной в *1971 году* другой работе А.В. Ефимова, была сохранена критика (правда, слегка видоизмененная)

в адрес составителей и редакторов БСЭ. Теперь этот абзац в работе А.В. Ефимова выглядел следующим образом: «Если открыть «Большую советскую энциклопедию» (изд. I) на слово «Антарктида» (речь идет о томе, изданном в 1926 г. – А.О.), то там можно найти много интереснейших сведений об этой суровой и негостеприимной и, в то же время, грандиозной по своему протяжению, последней из открытых человечеством частей света. Однако ни слова там не сказано о том, что Антарктиду открыли в 1820–1821 гг. (и именно в этом «удвоении» даты, тоже проявилось лукавство советской историографии. – А.О.) русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева)» [Ефимов 1971: 24–25].

Известно, что автор статьи «Антарктида» для второго издания БСЭ, сотрудник Арктического научно-исследовательского института, доктор географических наук Д.Б.Карелин, в изданной в 1947 году научно-популярной книге «Завоевание полюсов», писал, что «...Южного материка Кук не обнаружил», а «первые сведения о суше за полярным кругом дала русская экспедиция Ф. Беллинсгаузена, и, «...таким образом, ...доказала, что за Южным полярным кругом существует суша» [Карелин 1947: 97–98]. Правда и в том, и в другом случае, не было понятно – о какой «суше» идет речь (континентальной, островной)? Речь у Д.Б. Карелина, шла очевидно об открытиях, которые произошли в 1821 году. Д.Б. Карелин относится к тем, писавшим об Антарктике советским авторам, в исследовательских подходах которых, понемногу стали занимать место обзоры текущей политической обстановки в южнополярном регионе [Овлащенко 2013: 128]. Интерес представляет фраза из заключения книги Д.Б. Карелина. Он писал: «...Можно не сомневаться в том, что из соревнования за дальнейшее изучение околополюсных пространств Советский Союз выйдет, как и до сих пор, победителем» [Карелин 1947: 108].

Несмотря на подобные «победные реляции», другая книга Д.Б. Карелина, изданная в 1949 году Государственным Издательством Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР (Детгиз), его книга «Антарктика» (Серия: «В помощь школьнику»; тираж 30 000 экземпляров) вряд ли может быть оценена однозначно положительно. В качестве основного исходного посыла, или главного тезиса своей новой работы, Д.Б. Карелин, решил избрать «скромность» в оценках результатов Первой русской антарктической экспедиции, причем, исходящую из «скромности» (как человеческого качества) самих же участников этой экспедиции.

Ранее, чем Д.Б. Карелин, тему «скромности» в той или иной интерпретации уже давали некоторые советские авторы. Например, в 1948 году в предисловии к книге Н.А. Бендер «Имена русских людей на карте мира», автор этого предисловия, доктор географических наук Ю.Г. Саушкин писал: «...Надо заметить, что русские имена, встречающиеся на карте мира от северных полярных островов до Антарктиды, далеко не исчерпывают всего, что было открыто и исследовано русскими.

Причиной тому – величайшая скромность русских людей, которые в очень редких случаях присваивали открытым ими географическим объектам свои имена и сравнительно редко давали имена своих предшественников, современников и товарищей» [Саушкин 1948: 3–4].

Упомянутой Ю.Г. Саушкиным, «скромности русских людей», предстоит сыграть в дальнейшем – в качестве своеобразной интерпретационной модели – особую роль в исследовательских подходах советских историков, географов, а также беллетристов, писавших в своих работах об открытии Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева [Овлащенко 2013: 238]. Например, в 1949 году А. Адамов писал: «Скромность и огромная требовательность к себе не позволили в свое время Беллинсгаузену и Лазареву объявить (?! – А.О.) о своем открытии. Но это обстоятельство не играет решающей роли» [Адамов 1949: 27]. О том, что «скромность и исключительно высокая требовательность к достоверности научных открытий не позволили русским морякам утверждать тогда, что это материк Антарктиды», писал в 1949 году С. Михайлов [Михайлов 1949: 72]. Подобную же «скромность», упоминал целый ряд других советских авторов.

Сам Д.Б. Карелин, на этот раз писал: «Нельзя не восхищаться блестящими географическими открытиями русских людей в различных частях земного шара. Русские исследователи побывали в тропиках и в полярных зонах, на вершинах гор, в пустынях, морях и океанах.

...Много крупных географических открытий было сделано русскими. Это они обнаружили шестую часть света – материк Антарктиду – и расширили область географической науки.

Скромно русские исследователи изучали («скромно... изучали»? – А.О.) новые пространства, но их дела навеки остались в памяти людей.

...О делах великих русских путешественников и об открытой ими части света будет полезно вспомнить сейчас, когда многие страны проявляют интерес к Антарктике и когда некоторые представители капиталистических стран пытаются предать забвению первые русские открытия и исследования на Крайнем Юге» [Карелин 1949: 3–4]. Получается, что если бы не, «некоторые капиталистические страны», то «воспоминания» об открытии русскими Антарктиды, можно было бы «отложить» еще на неопределенное время.

Затем в повествовании Д.Б. Карелина шли, уже становившиеся расхожими, оценки плаваний Дж. Кука. Интересно, что этот советский автор был одним из первых, кто цитировал труд мичмана П.М. Новосильского «Южный полюс». Но, пожалуй, еще более интересным было то, что в издании под рубрикой «В помощь школьнику», Д.Б. Карелину удалось уклониться от прямого ответа на вопрос об открытии Антарктиды. Кратко рассматривая будущие задачи освоения Антарктики, он писал лишь: «К нашему времени стало ясно, что южная полярная область, впервые обследованная (?! – А.О.) русской

антарктической экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева около ста тридцати лет назад, может принести пользу людям» [Карелин 1949: 72].

В контексте того, что в своей книге Д.Б. Карелин нигде конкретно не указал об открытии континента (когда, где и в чем оно выразилось), эклектичными выглядели заключительные строки его произведения: «Об интересах Советского Союза в Антарктике и о правах его, основанных на приоритете географических открытий убедительно высказалось общее собрание членов Географического общества Союза ССР 10 февраля 1949 года.

...Великие подвиги совершили русские богатыри-мореплаватели, сделавшие самые важные (? – *А.О.*) географические открытия за южным полярным кругом и обнаружившие существование шестой части света – Антарктиды. Этот подвиг убедительно доказывает, что именно наша Родина имеет бесспорные права на решение вопроса о землях Антарктики.

Наша задача – помочь дельнейшему изучению Антарктики, содействовать вовлечению ее в круг мирных хозяйственных интересов демократических народов.

Огромная, малоизученная антарктическая область еще ждет своих настоящих (? – *А.О.*) исследователей» [Карелин 1949: 75].

В то же время, его статья для второго тома БСЭ, вызывает очевидный интерес при изучении советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Познакомив читателя с физико-географическими характеристиками Антарктики, ее климатом, флорой и фауной, Д.Б. Карелин, обратился затем к истории исследований Антарктики. В частности, он писал: «Исследование А. (Антарктиды. – *А.О.*) началось сравнительно поздно. В 1772–75 англ. (английский. – *А.О.*) мореплаватель Д. Кук совершил плавание вокруг южной полярной области, причем заходил в глубь ледовой зоны, но антарктической суши не обнаружил. Он высказал ошибочное мнение, что сколько-нибудь значительной и интересной для людей суши в этой части земного шара быть не может. Честь открытия антарктической суши за Южным полярным кругом принадлежит русской экспедиции *Ф. Беллинсгаузена* (см.) и *М. Лазарева* (см.) (выделено в тексте. – *А.О.*), которая в 1819–21 на кораблях «Восток» и «Мирный» совершила кругосветное антарктическое плавание и впервые установила наличие огромного материка (! – *А.О.*) в Южном полушарии, чем и опровергла утверждения Кука.

В январе и феврале 1820 суда русской экспедиции проникли к Ю. от 69° ю. ш. на границе Индийского и Атлантического океанов, встретили обширные бугристые льды, поверхность к-рых (которых. – *А.О.*) поднималась к Ю. (югу. – *А.О.*). Участники экспедиции по ряду признаков установили, что находятся возле материковой суши, но скопления непроходимого льда не позволили им подойти к ней. Впоследствии выяснилось, что указанные льды на самом деле являлись

окраиной материка. В январе 1821 экспедиция открыла и нанесла на карту о-в Петра I... и Землю Александра I, связанную (? – *А.О.*) с материком. Море, в к-ром было сделано это выдающееся открытие южной полярной суши, получило название моря Беллинсгаузена.

Помимо (! – *А.О.*) открытия нового материка, русская экспедиция открыла и нанесла на карту еще ряд антарктических островов...» [Антарктида 1950: 483]. Такая, объективная и единственно реальная картина хода экспедиции, указание, как на главное ее достижение и заслугу – открытие Антарктиды, разительно отличались от бытовавших в советской историографии 1920-х–1940-х годов [Овлащенко 2013], оценок научно-географических итогов Первой русской антарктической экспедиции. Такая переоценка выглядела тем более показательной, что она, была осуществлена на страницах энциклопедического издания, которое до этого, на протяжении почти тридцати лет, фактически фальсифицировало историю экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Вполне вероятно, что определяющую роль в таком освещении хода, результатов и главных итогов этой экспедиции, сыграло то обстоятельство, что в числе членов Главной редакции БСЭ, был теперь академик А.А. Григорьев, который и выступил вскоре после Общего собрания Географического общества Союза ССР, на страницах советской печати с указанием на то, что Антарктида была открыта русской экспедицией, еще 16(28) января 1820 года. Этому могла способствовать и, приведенная уже выше, критика в адрес БСЭ со стороны члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова.

Коротко описав дальнейшие антарктические экспедиции, Д.Б. Карелин обращал внимание на следующие факты: «В 1946 правительство США, в целях подкрепления и расширения своей экспансии в А., отпустило большие средства для продолжения работы по изучению последней. Американские экспедиции преследовали при этом не научные, а агрессивные военные цели, в их задачу входило освоение полярных военных театров. Была организована съемка очертаний материка с самолета.

В политическом отношении А. до 20 в. не была объектом чьих-либо притязаний и не являлась предметом каких-либо международных соглашений. Оживлению интереса к А. в 20–30-х гг. 20 в. способствовало ее стратегическое положение на кратчайших воздушных путях между Африкой, Австралией и Юж. Америкой (автор уже задавался вопросом – отчего именно этот момент, всегда так интересовал советских специалистов? [Овлащенко 2013: 240–241]. – *А.О.*), открытие на ней ряда полезных ископаемых – угля, цветных и драгоценных металлов; возникли предположения о наличии в А. и урановых руд. Большую роль в этом отношении сыграло также развитие весьма прибыльного китобойного промысла и мореплаваний, что связано с созданием баз на суше. Ряд государств (Англия, Австралия, Новая Зеландия, Норвегия, Франция, Аргентина, Чили) односторонними

актами, гл. обр. (главным образом. – *А.О.*) в период между первой и второй мировыми войнами и по окончании последней, заявили о своих притязаниях на ту или иную «Землю» или на сектор А. Например, в 1931 и 1939 Норвегия объявила своим о-в Петра I (Норвегия объявила «своим» этот, открытый экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, остров в 1931 г.; см. подробнее: Глава II. 1939 год. «...На берегу был оставлен небольшой балаган... и поднят норвежский флаг»: остров Петра I в советской историографии [Овлащенко 2013: 49–68]. – *А.О.*). После второй мировой войны усилились незаконные попытки разрешить вопрос об А. без участия СССР. Однако советское правительство уже в 1939 резервировало свою точку зрения по вопросу о государственной принадлежности территорий А., основываясь на неоспоримом праве СССР участвовать в решении судеб антарктических земель, открытых русскими исследователями» [Антарктида 1950: 483–484].

В следующей затем статье («Антарктика»), многие вопросы были повторены, но, со своими нюансами, интересными деталями и смысловыми оттенками: «Изучение А. (Антарктики. – *А.О.*) началось лишь в 19 в. До этого плавание вокруг южной полярной области совершил в 1772–75 англичанин Д. Кук, к-рый не встретил суши южнее Полярного круга и способствовал распространению ошибочных взглядов, отрицавших существование Антарктического материка. Первые правильные представления об антарктической области были созданы русскими, которым принадлежит и приоритет в открытии Антарктического материка. В 1819–21 выдающееся плавание с неоднократными заходами далеко за Южный полярный круг совершила русская антарктич. экспедиция на судах «Восток» и «Мирный»..., впервые обошедшая вокруг Антарктического материка.

Эта экспедиция много дней провела сдв антарктич. льдов и в январе и феврале 1820 обнаружила границу неподвижных материковых льдов, являющуюся границей материка. 9 янв. (ст. ст.) (9 января старого стиля. – *А.О.*) 1821 был открыт остров Петра I, а 17 янв. – берег Земли Александра I» [Антарктика 1950: 484]. Собственно, это указание на «границу неподвижных материковых льдов, являющуюся границей материка», также, было отчетливой новеллой в советской историографии экспедиции.

«После русской экспедиции, – сообщалось дальше во втором томе второй редакции БСЭ, – в А. направились отдельные суда и экспедиции других стран. Среди них известны плавания Д. Уэдделла, Д. Биско, Ж. Дюмон-Дюрвиля, Ч. Уилкса, Д. Росса и др., достигших новых участков берега Антарктич. материка» [Антарктика 1950: 484]. Следует подчеркнуть, что в статьях второго тома БСЭ, было обращено достаточно много внимание правопритязаниям (территориальным и природоресурсным) различных государств в Антарктике. Причем опять первоочередное внимание, было обращено на «скрещивание воздушных путей между юж. (южными. – *А.О.*) оконечностями материков Африки,

Юж. Америки и Австралии». В качестве «примера таких действий», была приведена экспедиция США под руководством Р. Бэрда в 1946–1947 гг. [Антарктика 1950: 484].

Не менее важно, что в БСЭ, было рассмотрено собственно правовое положение Антарктики. Тем более, что до этого скольконбудь подробное (да и краткое тоже) изложение правовых проблем Антарктики с советской специальной литературе практически отсутствовало. Например, ни слова не говорилось о правовых вопросах Антарктики в составленном контр-адмиралом В.А. Белли и, изданном в 1940 году Военно-Морским Издательством Народного Комиссариата ВМФ, «Военно-морском международно-правовом справочнике» [Военно-морской 1940]. Выше было обращено внимание, что согласно отдельным современным источникам [Лукин 2009: 7–13], в конце 1946 г. Председатель Совета Министров СССР И.В. Сталин поручил Министерству иностранных дел СССР приступить к обеспечению правовых вопросов деятельности СССР в Антарктике, а в январе 1947 г. Коллегия МИД СССР возложила эти обязанности на Договорно-правовое управление этого министерства.

Появлявшиеся в те годы единичные упоминания, правового режима Антарктики, нельзя признать удовлетворительными, соответствующими перспективным интересам страны в южнополярном регионе. Однако эти упоминания вполне адекватно отвечали тому, пока еще, все-таки, достаточно низкому уровню заинтересованности государства в Антарктике, а также, фактически «зачаточному» состоянию доктринальных подходов в СССР к антарктическим правовым вопросам [Овлащенко 2007: 245–259; Овлащенко 2009(а): 194–209; Овлащенко 2009(б): 34–39; Ovlashchenko 2009: 210–224; Голицын, Овлащенко 2009: 209–231; Овлащенко 2010: 17–24]. Что касается русской дореволюционной доктрины, то очевидно, исчерпывающими здесь являются слова русского (советского) правоведа, автора изданных в 1958 году «Материалов к истории литературы международного права в России (1647–1917)» профессора В.Э. Грабаря, который, говоря о периоде с 1856 по 1917 г., констатировал: «Об Антарктике юридических работ не появилось» [Грабарь 1958: 408].

В подготовленном в Институте права Академии наук СССР и изданном в 1947 году учебнике по международному праву (текст учебника в основном был выполнен его авторами в 1946 году и подготовлен к печати в начале 1947 г.; последняя правка, внесенная редакторами, относится к августу 1947 г.) авторы главы «Территория в международном праве», профессор В.Н. Дурденевский и профессор В.Э. Грабарь, писали: «Под «полярными секторами» разумеют в настоящее время пространства Арктики и Антарктики, ограниченные определенными меридианами, причем все земли и острова внутри «сектора» вплоть до полюса считаются территорией государства,

объявившего сектор своим. Впервые Англия в 1917 г. установила свой сектор в Антарктике к югу от земли Росса (передан в управление Новой Зеландии)» [Международное 1947: 215–216]. В сноске говорилось: «В настоящее время имеются (1946) арктические секторы у СССР, США, Канады, Дании, Норвегии; в Антарктике – у Великобритании и США (у США не было и они не объявляли своего антарктического сектора. – *А.О.*); на часть побережья претендует Норвегия, устроившая там охотничье хозяйство» [Международное 1947: 216, сноска 1] (об острове Петра I, как видно, не было сказано ни слова. – *А.О.*).

В советской науке международного права отмечались заслуги В.Н. Дурденевского в разработке вопросов территории в международном праве и ряде других его отраслей. С января 1944 г., В.Н. Дурденевский являлся экспертом-консультантом Договорно-правового отдела МИД СССР [Персоналия 1960: 435–436]. Ответственный редактор указанного учебника по международному праву (переведенного на несколько иностранных языков) профессор С.Б. Крылов, с февраля 1942 г. являлся экспертом-консультантом МИД СССР [Персоналия 1959: 482–483].

Подобные, отмеченные только что подходы, косвенно свидетельствует о «привычности» для советских специалистов (юристов-международников, военных и др.) теории южнополярных секторов и владений [Овлащенко 2009(б): 35]. Такой подход, к примеру, находил свое выражение в советской картографии. В 1938 году, Генеральным штабом Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) был издан «Атлас командира РККА». Отдельным листом в атласе представлена карта Антарктики (масштаб 1 : 30 000 000). В легенде карты даны обозначения британских и французских «владений», а принадлежность британских секторов обозначена следующим образом: «О-вам Фальклэнд, Австралии, Новой Зеландии» [Антарктика 1938: Лист 7]. Изданный 7-м Отделом Генерального штаба РККА, Атлас создавался, «учитывая запросы начальствующего состава РККА». В редактировании карт атласа принял участие ряд научных работников в области географии. На карте Антарктики (карта 7; масштаб 1 : 30 000 000) были выделены: «Квадрант Ведделя (американский)»; «Квадрант Росса (тихоокеанский)»; «Квадрант Виктории (австралийский)»; «Квадрант Эндерби (африканский)». В целом обозначались: «Владения Британские» и «Владения Французские» (Земля Адели). Земля Александра I «находилась» в соответствии с этой картой в Британском секторе, «принадлежащем» Фолклендским островам (и, одновременно, в «Квадранте Ведделя (американском)»; остров Петра I находился точно на границе «Квадранта Ведделя» и «Квадранта Росса» и не попадал в «Британский сектор».

В предисловии к атласу указано: «Коллектив работников Военно-Топографической Службы РККА, учитывая запросы начальствующего состава РККА, поставил перед собой задачу издать наглядное пособие в виде Атласа Командира. ...Для построения карт атласа избраны наиболее

употребительные... проекции; ...карты Арктики и Антарктики в полярных проекциях. ...Атлас Командира РККА является результатом длительного упорного труда картографов Московской Картографической Части Военно-Топографической Службы РККА и коллектива рабочих и инженерно-технического состава Картографической фабрики им. Дунаева. В редактировании карт атласа принял участие ряд научных работников в области географии» [Антарктика 1938: б. с.].

Известно, что в этой работе принимал участие Ю.М. Шокальский. «В 1937 г., – вспоминала его дочь, доктор географических наук З.Ю. Шокальская, – Юлий Михайлович начал участвовать в большой работе, предпринятой Картографической частью Штаба РККА – в составлении «Атласа командира РККА». Он был не только составителем карт всех океанов, как и в Большом Советском Атласе Мира (карты не представляли собой повторения последних), но принимал участие в редактировании всех карт атласа» [Шокальская 1960: 110–111].

Имеющееся в легенде карты Антарктики примечание («Во время печатания карты было получено извещение о результатах работы английской экспедиции Римилля. Экспедиция выяснила, что земля Грэма является непосредственным продолжением Антарктиды и что никаких проливов Стефенсона и Кэзи, по крайней мере, со стороны Тихоокеанского побережья не существует») практически дословно воспроизводило текст из заметки Ю.М. Шокальского, опубликованной в 1937 году [Шокальский 1937: 667]. Около изображений островов на карте Антарктике, была указана их государственная принадлежность: «О-ва Тристан да Кунья (Бр.) (Британия. – *А.О.*)»; «О. Фалькленд (Бр.)»; «О-ва Макквари (Бр.)»; «О-ва Крозэ (Фр.) (Франция. – *А.О.*)»; «О. Кергуэлен (Фр.)»; «О. Буве (Норвегия)» и пр. Примечательно, однако, что государственная принадлежность острова Петра I, обозначена не была.

В ряду профессиональной деятельности Ю.М. Шокальского, которая, так или иначе, была связана с антарктическими вопросами, можно упомянуть консультации в карто-составительской части Картографического треста, консультации в Научно-издательском институте Большого советского атласа мира, где этот специалист состоял консультантом и составителем карт океанов [Шокальская 1946: 91]. С 1925 по 1931 г., он был директором Государственного картографического института [Юлий 1959: 511]. К 1937 году относится начало участия Ю.М. Шокальского в масштабном деле, предпринятом Картографической частью Штаба РККА, – в составлении упомянутого «Атласа командира РККА». До этого он был редактором трех изданий дореволюционного, первого русского Большого настольного географического атласа (изд. А.Ф. Маркса) [Юлий 1959: 511].

Для школ и учебных заведений, Ю.М. Шокальский составил и выпустил малый «Учебный атлас», «десять изданий которого в течение

многих лет служили основным пособием при преподавании географии в школе» [Почетный 1940: 119]. Ю.М. Шокальский много раз посещал все главные картографические учреждения в Европе и в США. По картам и атласам, составленным Ю.М. Шокальским, «учились и учатся миллионы» [Юлий 1940: 93–94]. Школьный атлас Ю.М. Шокальского разошелся в 2 миллионах экземпляров [Берг 1940: 710]. В советской историографии специально обращалось внимание, что Ю.М. Шокальским были составлены отдельные «карты Арктики и Антарктики» [Ющенко 1956: 56]. Во всех этих картографических работах безоговорочно (без каких-либо комментариев) признаются «секторы» и «владения» соответствующих государств в Антарктике [Овлащенко 2013: 101]. Например, фактически ведет к признанию зарубежных правопритязаний на антарктические земли, подача и трактовка картографического материала представленная в изданных в 1939 году, географических картах для начальной школы. На политической карте мира здесь, были указаны «сильнейшие капиталистические государства и их владения», с обозначением последних, в том числе на континенте («владения» Англии и Франции) [Политическая 1939: 8–9].

В изданном в 1947 году Военно-топографическим управлением Генерального штаба Вооруженных сил Союза ССР «Атласе офицера» (был подписан к печати с 1 января по 25 октября 1947 г.), на карте Антарктики (масштаб 1 : 50 000 000) обозначены были секторы, подписанные: «Британские владения» (куда и «попал», открытый русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, остров Александра I), «Австралийские владения», «Новозеландские владения». Земля Адели, была обозначена как принадлежащая Франции. Норвежский сектор обозначен не был (не были отмечены и секторы Аргентины и Чили), как не была указана и государственная принадлежность острова Петра I [Антарктика 1947: 74]. Редакционно-составительные работы данного атласа, были выполнены в Центральной ордена Красной Звезды Научно-Картографической Части Военно-Картографической Службы Вооруженных Сил СССР. «Атлас офицера» имел редакционный совет под председательством Генерал-лейтенанта технических войск М.К. Кудрявцева (ответственный редактор). Значительную помощь при создании атласа оказали Институт истории Академии наук СССР, военные академии, целый ряд консультантов – известных академиков, профессоров и докторов наук.

Во втором томе второго издания БСЭ, в самой статье о правовом положении Антарктики, отмечено следующее: «Взгляды юристов-международников на положение А., как и других «приполярных областей» (к «другим», могут быть отнесены, только арктические пространства. – А.О.), сводятся гл. обр. (главным образом. – А.О.) к трем основным точкам зрения: 1) А. – пространство общего пользования, открытого моря и ничьей земли; 2) А – район международного

совместного властвования – кондоминиума; 3) владения в А. должны представлять систему секторов, принадлежащих разным странам» [Антарктика 1950: 485]. Относительно каждого из этих политико-правовых подходов приводились точки зрения представителей западной доктрины международного права. Формально не отрицая секторальный принцип (а это, в частности, подтверждает советская картография 1920-х–1940-х годов) советские специалисты уже тогда, больше склонялись к выработке международного соглашения по Антарктике. Как отмечалось в статье, «для установления соответствующего режима необходима международная конференция» [Антарктика 1950: 485].

«При оценке указанных теорий, – говорилось дальше в размещенной в БСЭ статье, – необходимо иметь в виду существенное различие северных и южных приполярных областей... На юге – особый обледенелый безлюдный материк, далекий от населенных центров, важный в промысловом отношении даже для отдаленных стран, в частности для СССР, тем более, что приоритет открытия Антарктич. материка принадлежит русским (очевидно, что под этим подразумевалось открытие Антарктиды – 16(28) января 1820 года, а не открытия, которые состоялись годом позже – острова Петра I и Земли Александра I. – *А.О.*). Совместное международное решение о режиме такого материка может (! – *А.О.*) иметь основания и имеет серьезных защитников в зап. лит-ре (западной литературе. – *А.О.*) (канадец Ривс в 1934, бразилец Асиоли в 1942). Однако ряд стран в одностороннем порядке заявил притязания на отдельные части А.» [Антарктика 1950: 485].

Затем кратко перечислялись правопритязания конкретных стран, выдвинутые ими в отношении Антарктики, в том числе на самом материке. Немаловажным было следующее замечание: «Свою точку зрения на вопрос суверенитета в А. официально резервировали также США в 1939 и Япония в 1940. США, впрочем, еще в 1934 заявили претензии на территории, обследованные экспедицией Бэрда («Земля Мэри Бэрд»); заявление было сделано в официозном порядке адмиралом Бэрдом, возглавлявшим экспедицию. Но государственный департамент не высказался определенно за создание сектора США в А. Рассчитывая иметь гегемонию на всем материке, США начали в августе 1948 неофициальные переговоры с Аргентиной, Чили, Норвегией, Австралией, Новой Зеландией, Великобританией и Францией об «интернационализации» А.» [Антарктика 1950: 485].

Именно послевоенные инициативы Государственного департамента США по организации таких переговоров, но без участия Советского Союза (как говорилось в БСЭ, «эти факты и предложения США об «интернационализации» А. не могли пройти мимо внимания советской общественности» [Антарктика 1950: 485]), повлекли за собой соответствующие «контринициативы» СССР. Советская историография, ответила на это следующими практическими шагами: активизацией

поиска документов, относящихся к русской южнополярной экспедиции 1821 г.; углубленным анализом (а то, и переосмыслением) уже имеющегося научного наследия экспедиции; наконец, на основе всего этого и, в рамках партийно-правительственных руководящих указаний, заявлением о правах Советского Союза в Антарктике.

Как видно, в томе БСЭ позиция США, была представлена более корректно, чем, у советских юристов-международников в подготовленном ими учебнике по международному праву (и которые писали: «В настоящее время имеются (1946)... секторы... в Антарктике – у Великобритании и США...» [Международное 1947: 216, сноска 1]). Более корректно, как с правовой, так и собственно с фактологической точек зрения, были представлены правопритязания Норвегии и ответные действия на них Советского Союза. «Норвегия, – говорилось в статье БСЭ, – 23 янв. (января. – *А.О.*) 1928 объявила под своим суверенитетом остров Бувэ, 23 апр. (апреля. – *А.О.*) 1931 – о-в Петра I (открытый русскими в 1821) (1 мая 1931 г. [Bush 1982: 135] правительство указом короля Норвегии Хокона VII провозгласило суверенитет над островом Петра I, а закон, которым была закреплена принадлежность этого острова Норвегии, был принят Стортингом 24 марта 1933 г. – *А.О.*) и 14 янв. 1939 – всю часть А. от зависимой земли Фолклендских о-вов с запада до Австралийской А. на востоке. СССР официальной нотой 27 янв. 1939 заявил протест норвежскому правительству и резервировал свою точку зрения относительно государственной принадлежности земель, открытых русскими мореплавателями» [Антарктика 1950: 485].

Таким образом, статьи об Антарктиде и об Антарктике, размещенные во втором томе БСЭ (второе издание) выполнили, если можно так ее назвать – «программу-максимум», как в отношении объективного отражения хода и результатов Первой русской антарктической экспедиции, в первую очередь, открытия этой экспедицией Антарктиды в январе 1820 года, так и отразили, существовавшие тогда в СССР, политико-правовые позиции в отношении будущности Антарктики. Причем сделано это было, еще прежде доведения до сведения заинтересованных государств Меморандума Советского Правительства о режиме Антарктики.

Статьи во втором томе БСЭ сопровождалась некоторыми современными фотографиями, а также рисунками участника экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, художника П. Михайлова. В списке использованной в «антарктических» статьях БСЭ литературы, была указана работа Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» (М., 1949). Вероятнее всего, речь идет об изданном летом 1949 года по распоряжению Президиума Всесоюзного географического общества стенографическом отчете, прошедшего в феврале в Ленинграде, общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР. Этот «стенографический отчет» был издан в виде брошюры (вновь созданным Государственным

издательством географической литературы – Географгиз) сотысячным тиражом [Берг 1949(а)]. При сравнении текста доклада Л.С. Берга, опубликованного в отчете газеты «Известия» [Русские 1949(а)] с текстом, приведенным в этой брошюре (несмотря на ее «стенографичность»), обращает на себя внимание [Овлащенко 2013: 198], что в одном из ключевых абзацев, его выступления, слово «Антарктика», было все-таки исправлено. Абзац этот, теперь заканчивался так: «...и открыли существование Антарктиды» [Берг 1949(а): 6].

Очевидно, что в качестве «первоочередного» источника эта работа Л.С. Берга, была отмечена в БСЭ, исходя из того, что, именно он, причем в качестве президента Всесоюзного географического общества, озвучил одноименный, «официальный» доклад 10 февраля 1949 года в Ленинграде. Понятно, что попросту «отмахнуться» от этого доклада, было нельзя. Однако основой «антарктических» статей в БСЭ, послужила работа, указанная второй. Это была книга академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева «Приоритет русских открытий в Антарктике» (М., 1950).

Академик А.А. Григорьев (1883–1968) в 1907 г. окончил с дипломом первой степени физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета по естественному отделению. В 1908–1909 гг. учился в Берлинском и Гейдельбергском университетах (в этом университете учился вторично в 1911–1914 гг.). В 1915 г. был избран действительным членом Русского географического общества. В 1918–1936 гг. – преподаватель, затем профессор и заведующий кафедрой физической географии Географического института, с 1925 г. – географического факультета Ленинградского государственного университета. В 1931–1933 гг. – ученый секретарь, позднее заместитель председателя и председатель Географической ассоциации АН СССР. В 1931–1947 гг. – директор Геоморфологического института АН СССР в Ленинграде, а с 1934 по 1951 г. – Института физической географии в Москве. В 1932 г. избран членом *American Geographical Society* в Нью-Йорке. В 1933 г. избран членом оргкомитета Всесоюзного географического общества. В 1935 г. присуждена степень доктора физической географии без защиты диссертации. В 1939 г. избран действительным членом АН СССР [Андрей 1947: 3–6].

Д.М. Лебедев (1892–1978) – историк географии и физикогеограф, доктор географических наук (1952). Получил высшее образование в области гуманитарных и естественных наук (1917), кандидат географических наук (1941). В 1917–1930 гг. преподавал в Москве физическую, экономическую географию и страноведение. В 1941–1951 гг. – заведующий кафедрой общей географии Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС. С 1945 г. – занимается историей географии (историей географических знаний) в Институте географии АН СССР [Лебедев 1993: 18–19]. Именно в работах самого директора

Института географии АН СССР академика А.А. Григорьева и его соавтора, профессора Д.М. Лебедева отстаивалась точка зрения, что Антарктиду русская экспедиция открыла – 16(28) января 1820 года [Григорьев 1949(в); Григорьев, Лебедев 1949].

Статья доктора географических наук К.К. Маркова (1950). Интересно, что в 1950 году в печатном органе ВГО «Известия Всесоюзного географического общества», появилась статья советского географа К.К. Маркова (согласно современным источникам, в научно-образовательном плане на К.К. Маркова, большое влияние оказал Л.С. Берг [Бондарев, Буякова 2008]), причем с весьма симптоматичным названием – «Ошибки академика А.А. Григорьева».

«Советский географ академик А.А. Григорьев, – писал К.К. Марков, – на протяжении ряда последних лет занимал неверные географические позиции и, по нашему мнению, нанес тяжелый ущерб развитию советской географии, задержав ее рост и запутав немало советских географов.

Я не хочу этими словами отрицать значение в с е й (разрядка в тексте. – А.О.) научной деятельности А.А. Григорьева...

Однако начиная с 1943 г., А.А. Григорьев перешел в основном к разработке своей о б щ е й теоретической концепции и именно на этом последнем, теперь уже семилетнем, этапе допустил тяжелые ошибки принципиального характера.

Широко используя советские (отчасти и зарубежные) научные органы печати, он в разных вариантах и многократно пропагандировал эти свои ошибочные взгляды, пытаясь доказать, что его концепция является единственно правильной...

В этом, т. е. в широкой пропаганде ошибочных взглядов, состоит... основная (т. е. «основная ошибка» не в самих по себе, якобы неверных взглядах, а, в их «широкой пропаганде». – А.О.) ошибка А.А. Григорьева...» [Марков 1950: 453].

М.М. Марков писал эти слова в основном применительно к физико-географической науке. Однако с точки зрения историко-географической науки (которая, в конечном счете, определяла практические, прикладные интересы Советского Союза в южнополярном регионе), гораздо более «тяжелый ущерб развитию советской географии» (и внешней политики) нанес своими эклектичными оценками итогов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, академик Л.С. Берг. Небезынтересно «совпадение» выхода «антигригорьевской» статьи К.К. Маркова с публикациями самого академика А.А. Григорьева, в которых последний, указывал датой открытия Антарктиды русской экспедицией – 16(28) января 1820 года. Не эту ли «линию поведения» А.А. Григорьева, также имел в виду К.К. Марков, когда писал о том что этот академик «запутал немало советских географов», «в разных вариантах и многократно пропагандировал эти свои ошибочные взгляды» и пр., и пр.?

Так, в июне 1949 года в литературно-художественном и общественно-политическом журнале ЦК ВЛКСМ «Смена», была опубликована его статья, посвященная Первой русской антарктической экспедиции. Уже в короткой вводной аннотации к этой статье, говорилось: «Обычно считали, что открытие Антарктического материка было совершено экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева в январе 1821 года. Академик А.А. Григорьев путем детального исследования текста описания, данного Беллинсгаузенем, установил факт открытия материка на 1 год раньше. В связи с этим публикуемая редакцией журнала «Смена» статья академика А.А. Григорьева представляет особый интерес» [Григорьев 1949(в): 10].

Само название этой статьи – «Русские открытия в Антарктике» – несло в себе своеобразный «вызов», поскольку было одноименно первой части названия доклада академика Л.С. Берга («Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней»), озвученному им, 10 февраля 1949 г. в Ленинграде на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР. Показательно что, ни сам Л.С. Берг, ни его доклад вовсе не упоминались в этой статье А.А.Григорьева. Как известно, в докладе Л.С. Берга, крайне малое внимание было уделено ключевым для итогов экспедиции, дням января – февраля 1820 года, а факт открытия Антарктиды русской экспедицией, так и не получил в рамках этого доклада, публичного оглашения. И, следовательно, не попал в резолюцию общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР [Овлащенко 2013: 195–196].

Следующий источник, использованный при подготовке «антарктических» статей во втором томе (второго издания) БСЭ, вряд ли мог внушить доверие, как достоверный. Это была книга М.А. Дьяконова «История экспедиций в полярные страны» (Архангельск, 1938). Того самого М.А. Дьяконова, который дважды – в 1932 и 1934 г., проводил в своих работах «тезис» о том, что, «в 1819 году вышел в кругосветное плавание русский военный фрегат «Надежда» (! – *А.О.*) под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Овлащенко 2013: 33–34].

Среди источников, были также перечислены: третье издание книги С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» (М., 1937); отчетный труд Ф.Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания...» (СПб., 1831); статья советского историка Б.Г. Островского «О позабытых источниках и участниках антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева» (1949); статья В.И. Воронина «Первый поход советской флотилии «Слава» за китами в Антарктику» (1948); переведенные на русский язык и изданные в Советском Союзе книги Р. Амундсена (1937), Р. Скотта (1934), Э. Шэклтона (1935). Наконец, завершала этот список, книга французского юриста-международника П. Фошиля (*Fauchille P. Traité de droit international publique, v. 1–2, 8 éd., P., 1921–26*). Очевидно из этого источника были взяты абзацы, описывающие правовые подходы и

концепции в отношении Антарктики. Примечательно, что сам П. Фошиль, приводился в качестве примера специалиста, который поддерживает теорию кондоминиума («международного совместного властвования»).

Статья о Ф.Ф. Беллинсгаузене в четвертом томе «Большой Советской Энциклопедии» (1950). Невероятно, но буквально в следующем же томе БСЭ (который тоже увидел свет в 1950 году; том был подписан к печати 31 августа 1950 г.) советская историография в очередной раз продемонстрировала свой исследовательский эклектизм – отсутствие единства, целостности, последовательности в убеждениях, беспринципное сочетание разнородных, несовместимых, противоположных воззрений.

В статье, о Ф.Ф. Беллинсгаузене, можно было прочитать следующее: «16 и 21 янв. 1820 шлюпы на широте 69°21' и 69°25' дважды подошли почти вплотную к ледяной окраине Антарктического материка в районе Земли кронпринцессы Марты, замеченной лишь 100 лет спустя норвежскими судами. 5–6 февр. 1820 экспедиция снова близко подошла к побережью Антарктиды. Офицеры экспедиции отчетливо представляли, что вблизи от корабля находится земля, хотя плохая погода не дала возможности ее увидеть. Спутник Лазарева мичман П.М.Новосильский в анонимном сочинении «Южный полюс» (1853, стр. 30) писал: «Множество полярных птиц и снежных петрелей (буревестников. – *Ред.*) вьются над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды». Таким образом, русские мореплаватели Б. (Беллинсгаузен. – *А.О.*) и Лазарев на русских кораблях в январе – феврале 1820 открыли существование Антарктиды.

...Помимо открытия Антарктиды и многих островов в полярной и тропической зонах, помимо непосредственной продолжительной близости экспедиции к антарктическому матерiku на протяжении сотен миль, экспедиция также провела ряд важнейших исследований...» [Беллинсгаузен 1950: 450].

Несмотря на то что, автор этой статьи, в четвертом томе БСЭ указан не был, первоисточник этого текста установить несложно. В своей, опубликованной в 1949 году статье, академик А.А. Григорьев и профессор Д.М. Лебедев писали, что «офицеры экспедиции отдавали себе ясный отчет в том, что в непосредственной близости от них должна была находиться земля», что «...признаки близкой земли были замечены и по достоинству оценены командирами экспедиции» [Григорьев, Лебедев 1949: 187]. При этом они, цитировали слова мичмана П.М. Новосильского и выглядело это, следующим образом: «Так, в принадлежащем мичману П.М. Новосильскому анонимном сочинении «Южный полюс» (СПб., 1853, стр. 30) Новосильский писал: «5 февраля при сильном ветре тишина моря была необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных петрелей (у П.М. Новосильского в оригинале «петерлей»; очевидно опечатка. – *А.О.*) вьются над шлюпом. Это значит,

что около нас должен быть берег или неподвижные льды» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

Затем в своей статье, А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев заочно призывали к себе в «союзнники», уже знакомого нам, директора Полярного института им. Скотта в Кембридже Ф. Дебенхэма (редактора изданного в 1945 г. в Великобритании, перевода книги Ф.Ф. Беллинсгаузена). Редактор этот, в качестве «наивысшей» оценки результатов русской экспедиции, процитировал слова известного английского географа и метеоролога, бывшего вице-президента Лондонского географического общества Х. Милля, который, в свою очередь, считал эту экспедицию «достойной быть поставленной в один ряд с экспедицией Дж. Кука» [Шведе 1947: 357]. Как очень хорошо известно – Антарктиду не открывшей.

Подтверждая свою «бесспорную» точку зрения А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев пишут: «Это близко совпадает и с высказыванием английского ученого Дибенхэма..., считающего, что 16 января 1820 г. шлюпы были в 20 милях расстояния от побережья Антарктиды» [Григорьев, Лебедев 1949: 188]. Но, что «считает» Ф. Дебенхэм, тоже хорошо известно: «Несколько часов ясной погоды в этот день (т. е. 16 января 1820 г. – *А.О.*) и открытие было бы сделано на 110 лет ранее» [Шведе 1947: 358]. Тем более, что в другом месте А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев многозначительно пишут: «Территорию эту спустя сто с лишним лет (это же имел в виду и Ф. Дебенхэм. – *А.О.*) видела норвежская экспедиция, назвавшая ее «Землей принцессы Марты» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

Статья этих соавторов, была указана в списке литературы, приведенному в БСЭ после материала о Ф.Ф. Беллинсгаузене.

Именно «таким образом», согласно А.А. Григорьеву и Д.М. Лебедеву, а также автору (авторам) статьи в БСЭ, русскими «было открыто существование Антарктиды». В этой связи еще раз хотелось бы обратить внимание: изданной в 1945 году в Великобритании книгой (переводом на английский язык книги Ф.Ф. Беллинсгаузена), как и текстом рецензии на нее, подготовленным Е.Е. Шведе [Шведе 1947], несомненно пользовались для своих работ отдельные советские географы и историки, иные специалисты. Дебенхэмовская версия о «нескольких часах ясной погоды» (своеобразная историко-географическая «диверсия» этого англичанина, совершенно неслучайно осуществленная накануне активизации антарктической политики Советского Союза) попала в советскую историографию экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, стала весьма «живучей» [Овлащенко 2013: 142].

Небезынтересно, что статья А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева заключала состоящий из трех источников список. На первом месте, согласно уже сложившемуся в советской историографии «ранжиру», шла статья Ю.М. Шокальского, опубликованная в 1928 году в одном из

выпусков «Известия государственного Русского географического общества» и посвященная столетию со времени отправления русской антарктической экспедиции. Но, хорошо известно, что Ю.М. Шокальский, многократно повторяя свой же тезис о «замечательности плавания» Первой русской антарктической экспедиции, никогда не говорил об открытии, этой самой экспедицией целого континента – Антарктиды.

В своей статье «Столетие со времени отправления Русской антарктической экспедиции под командою Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева 4 июля 1819 г. из Кронштадта», Ю.М. Шокальский, в частности писал: «Плавание Кука выяснило, что если Южный материк и существует, то его берега надо искать к югу от 60° ю. ш., но где, в каких широтах он лежит, на этот вопрос плавание Кука никакого положительного ответа не дало, и самое существование Антарктики осталось недоказанным. В течение 50 лет после Кука никаких других попыток плавания в высоких южных широтах никем не было сделано. Ученый мир удовлетворился тем неполным решением вопроса о Южном материке, какое ему дал Кук, а интерес к обследованию собственно южных полярных стран еще не возникал» [Шокальский 1928: 178]. Как видно, Ю.М. Шокальский весьма «тактично обошелся» (в отличие от тех, в большей или в меньшей степени, но равно фальсифицированных оценок, свойственных более поздней советской историографии) с результатами плаваний Дж. Кука.

В свое время Ю.М. Шокальский подготовил статью о Дж. Куке для издаваемого Ф.А. Брокгаузом и И.А. Ефроном «Энциклопедического словаря». В ней он, в частности писал, что Дж. Кук, достиг « $71^{\circ}10'$ ю. ш., где льды преградили ему дальнейший путь» [Ю. Ш. 1895: 951]. Надо учесть, что в год, когда была опубликована вышеупомянутая статья Ю.М. Шокальского – 1928-й, отмечалось 200 лет со дня рождения Дж. Кука. Причем в самой Британии широко признавалась роль последнего, как основателя Британского господства на Тихом океане [В. А. 1929: 186].

В своей статье 1928-го года, Ю.М. Шокальский продолжал: «...14 января пересекли полярный круг, а 16 достигли $69^{\circ}21'$ ю. ш. на 30 меридиане з. д. (очевидно ошибка Ю.М. Шокальского, или опечатка в тексте его статьи. – А.О.). Тут льды снова преградили путь к югу. После 5 дней лавировки среди льдов, 21 января достигли $69^{\circ}25'$ ю. ш. и $1^{\circ}11'$ з. д. Кругом везде были льды, и в воздухе стоял легкий мороз в $2^{\circ} R$ (по шкале Реомюра. – А.О.).

Пришлось снова повернуть к северу, огибать льды, и только около 17° меридиана восточной долготы снова могли повернуть на юг и 6 февраля достигли $69^{\circ}6'24''$ ю. ш. и $15^{\circ}51'45''$ в. д. Сделали еще попытку пройти далее к югу и также неудачно (! – А.О.), снова пришлось подниматься к северу до 65° параллели, где среди более редкого льда

пошли на восток. 7 февраля пересекли меридиан мыса Доброй Надежды; 12-го льды позволили снова подвинуться к югу и достигнуть $66^{\circ}59'$ ю. ш. и $37^{\circ}38'$ в. д., как раз в том месте, где Кук 47 лет ранее, в 1773 г. 6 января, достиг $67^{\circ}15'$ ю. ш. и дальше не мог продвинуться. То же самое (! – *А.О.*) случилось и с Беллинсгаузеном, тем самым показывая, что граница плотного пака, по-видимому, на этом меридиане занимает более или менее постоянное место.

...Весь путь от Южных Сандвичевых островов до пересечения курса Кука был пройден Беллинсгаузеном значительно южнее, от 5° до 10° , и, следовательно, этим самым было сделано большое дополнение для решения вопроса о местоположении берегов Антарктического материка.

После Беллинсгаузена в этих долготах, да и то до много меньших широт, доходил только один англичанин Биско в 1831 г. (между 10° и 50° в. д.), а Беллинсгаузен в двух местах на протяжении от меридиана 3° з. д. до меридиана 41° в. д. достиг до 69° широты и больше, и в одном месте до $69^{\circ}59'$ ю. ш.» [Шокальский 1928: 184–185].

Увлечение Ю.М. Шокальского сугубо цифровыми выкладками, абсолютизирование их, по сути, лишь затеняло, если не скрывало главный результат Первой русской антарктической экспедиции – открытие Антарктиды 16(28) января 1820 года (согласно русской пословице, Ю.М. Шокальский, «лесом шел, а дров не видал»). Современной западной историографии не может не импонировать такой его подход, в котором де-мол, с Ф.Ф. Беллинсгаузеном «случилось» то же, что и с Дж. Куком. Свою позицию Ю.М. Шокальский предельно ясно выразил фразой: «и также неудачно». Вполне понятно, что, ни о каком «открытии» Антарктиды, в январские – февральские экспедиционные дни, он и не помышляет.

Работы Ю.М. Шокальского, включая только что упомянутую, не дают оснований считать, что этот специалист «отдавал должное» факту первооткрытия Антарктиды русской экспедицией (эта работа Ю.М. Шокальского, по объективным причинам осталась недоступной автору в ходе его работы над предыдущей книгой, и, на что, в самой этой книге, прямо было указано [Овлащенко 2013: 94]; любезно предоставленная для настоящего исследования британским историком Р. Балкли, статья Ю.М. Шокальского (1928), лишь утвердила автора, в его оценках подходов этого советского географа к основным итогам и главным результатам экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева).

По крайней мере, автору не удалось обнаружить в работах советских географов и историков, написанных ими в 20-е–40-е годы и посвященных антарктической тематике, ни одной цитаты из работ Ю.М. Шокальского, где говорилось бы о таком приоритете. Такие цитаты непременно появились бы, поскольку в 30-е годы Ю.М. Шокальский был президентом Государственного географического общества. В случае

если бы он стоял на позиции первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, это соответствующим образом отразилось бы и на его публикациях в 20-е–30-е годы [Овлащенко 2013: 93].

В некоторых своих материалах Ю.М. Шокальский писал, лишь о том, что «русскими моряками были найдены первые действительно антарктические земли: острова Петра I и Земля Александра I» [Шокальский 1928: 196] (эти «острова», позволяют думать, что уже тогда Ю.М. Шокальский рассматривал Землю Александра I, как остров), что, «первооткрывателем антарктических земель был русский мореплаватель Ф. Беллинсгаузен в 1821 г.; им открыта была Земля Александра I» [Шокальский 1937: 667].

Интересно, что никогда (! – *А.О.*) в советской историографии не цитировалась следующая оригинальная мысль Ю.М. Шокальского, из его статьи 1928 года. «Если бы экспедиция, – писал он, – имела хорошие погоды в это время (речь идет о втором этапе плавания экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. – *А.О.*), то она, конечно, открыла бы Землю Граам, лежащую так близко от ее пути к востоку. Но пасмурная и свежая погода, в соединении с сильно уже расшатанным корпусом «Востока» и порядочною течью на нем, заставили Беллинсгаузена итти прямо к выходу из высоких южных широт» [Шокальский 1928: 191].

Предпочтение в советской историографии отдавалось цитированию сравнительно-цифровых выкладок «от Шокальского» (которые Ю.М. Шокальский, производил якобы «для того, чтобы понять и оценить как следует заслуги Кука и Беллинсгаузена» [Шокальский 1928: 193]), или же, общему указанию Ю.М. Шокальского на «замечательность» плавания русской экспедиции. Примечательно, что советская историография, к месту и не к месту цитируя Ю.М. Шокальского, этим же «наступила на собственные грабли». С определенного момента, такое его отношение к факту первооткрытия стало очевидно расходиться с объективно складывающейся в историографии картиной. Впрочем это не остановило советских авторов (согласно сложившейся в историко-географической науке «табели о рангах», вынужденных цитировать Ю.М. Шокальского) и традиционный выход был найден: цитировалось то, что подходило к «текущему моменту».

На втором месте, вслед за статьей Ю.М. Шокальского (и эта четкая очередность приближалась к порядку цитирования в советской историографии «классиков марксизма-ленинизма») в списке литературы в БСЭ, была указана уже неоднократно упомянутая выше работа Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Берг 1949(а)].

Заметка «Памяти Ю.М. Шокальского» (1950). В 1950 году в официальном отделе «Известий Всесоюзного географического общества», была опубликована заметка «Памяти Ю.М. Шокальского». В частности, в заметке сообщалось: «24 марта 1950 г. в Большом зале

Географического общества состоялось многолюдное общее собрание членов Географического общества СССР, посвященное памяти Юлия Михайловича Шокальского в связи с 10-летием со дня смерти этого выдающегося русского географа.

Вступительное слово произнес акад. Л.С. Берг, подробно и тепло обрисовавший жизненный путь Ю.М. Шокальского, его работу в Географическом обществе и его большие заслуги перед отечественной и мировой наукой.

Ю.М. (Шокальский. – *А.О.*) работал в самых разнообразных отраслях географии, но с особенно большой любовью – в областях океанографии, картографии и метеорологии.

...Неизмерим вклад Ю.М. в картографию, картометрию и гипсометрию... Перу Ю.М. принадлежит большое число трудов по метеорологии, вопросам гляциологии, истории географической науки и т. д.» [Памяти 1950: 432]. Однако, как в выдержках из выступления Л.С. Берга, так и, в приведенных дальше, основных тезисах выступлений других участников этого общего собрания, не были упомянуты усилия Ю.М. Шокальского в деле освещения приоритета русских путешественников (а такие его заслуги, в дальнейшем советской историографией широко пропагандировались).

Статья об академике Л.С. Берге в четвертом томе «Большой Советской Энциклопедии» (1950). В изданном в 1950 году четвертом томе БСЭ (второе издание), была размещена статья об академике Л.С. Берге. В частности, в этой статье утверждалось: «Б. (Берг. – *А.О.*) исследовал древнерусские географич. сочинения, карты, атласы, историч. документы и доказал приоритет русских путешественников в географич. открытиях... Этим вопросам посвящены: «Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 года) (1929)»..., «Очерки по истории русских географических открытий» (два изд., 1946, 1949), «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» (1949) и др.» [Берг 1950(а): 618].

Однако проведенный относительно недавно историографический анализ, убеждает, что Л.С. Берг, не привнес в освещение открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, хода и главных результатов последней, абсолютно ничего нового. Более того, результаты того же анализа не менее убедительно показывают эклектизм позиции Л.С. Берга (сопровождаящий его до самого конца его научного творчества), а, в конечном счете, фактическое отрицание им открытия Антарктиды Первой русской антарктической экспедицией [Овлащенко 2013]. В рамках этой эклектичности, как самого Л.С. Берга, так и советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в целом, были (помимо приведенных выше «рабочих» моментов) своего рода «кульминационные» моменты.

Например, в своей работе *1926 года* (краткое предупреждение Л.С. Берга было датировано: «8 декабря 1923 г. – 19 декабря 1926 г.»; в

выпускных данных книги, было указано: «Начато набором в декабре 1927 г. – Окончено печатанием в феврале 1929 г.» Л.С. Берг писал: «В феврале 1820 г. были (Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев. – *А.О.*) по близости Земли Эндерби (38° в. д.). 10 января 1821 г. ...открыт высокий остров Петра I, а зетем, 17 января, ...матерой берег, которому дали название Земли Александра I. Это был антарктический материк, которого до тех пор не видел ни один мореплаватель. Таким образом, честь открытия (об использовании в советской историографии фразеологизма «честь открытия», применительно к экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, подробно рассказано в предыдущей работе автора [Овлащенко 2013: 24–25, 27 и далее]) Антарктики принадлежит экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева» [Берг 1929: 47]. Как видно, о январских подходах к Антарктиде не упоминалось вовсе, а впервые увиденный «антарктический материк» Л.С. Берг, отождествлял с открытием Земли (Берега) Александра I. Но, если в работе 20-х годов, Л.С. Берг, хотя бы обращает внимание на события февраля 1820 года, то в своей работе *1946 года*, он дает совершенно иную (причем, более чем странную) хронологию главных событий.

В этой, изданной под эгидой Академии наук СССР книге очерков по истории русских географических открытий, Л.С. Берг писал: «В 1819 г. была снаряжена первая и последняя (*sic!* – *А.О.*) русская антарктическая экспедиция... Об открытиях Беллинсгаузена в Антарктике будет сказано ниже.

30 марта 1820 г. корабли пришли в Сидней... 31 октября 1820 г. «Восток» и «Мирный» вышли из Сиднея. ...28 ноября вошли в плавучие льды... 10 января 1821 г. ...открыли высокий остров...; 17 января... увидели высокую матерую землю, которой дали название Земли Александра I. Это был материк Антарктики, который до тех пор не был положен на карту ни одним из мореплавателей» [Берг 1946(а): 106–109].

Нельзя не заметить, что Л.С. Берг несмотря на свое обещание, об открытиях в январе – феврале 1820 года, «ниже» не упоминает, как не упоминает о них вообще, а «рассказывает» лишь, об открытиях 1821 года. Кроме того, если в своей работе 20-х годов, Л.С. Берг пишет, что «это был антарктический материк, которого до тех пор не видел ни один мореплаватель», то, в работе 1946 года, он уже ограничивается лишь тем, что «это был материк Антарктики, который до тех пор не был положен на карту ни одним из мореплавателей (но был увиден кем-то до русской экспедиции? – *А.О.*)».

В более широком контексте подходы и научные способности Л.С. Берга, историком советской «географической мысли» И.М. Забелиным охарактеризованы так: «...Насчет «настольности» книги Берга о ландшафтных зонах (это при ремарке, самого же И.М. Забелина о том, что позиции Л.С. Берга в ландшафтоведении были в советской науке «непоколебимыми». – *А.О.*) я бы лично не стал высказываться столь категорично. Все три издания (1931, 1936, 1947, имеется в виду первый

том, но это же относится ко второму) скучны и мелочны в отборе материала. Не уверен впрочем, что слово отбор – точно; мышлению Л.С. Берга более свойственен как раз «неотбор», неспособность отсеивать мелочное от фундаментального в своем восприятии мира. Мелочь искажала и перспективу, и очертания большого – большое уменьшалось, а малое увеличивалось, и разрушалась естественная систем координат...» [Забелин 1989: 189].

И действительно, совершенно опустив главное событие – открытие экспедицией Антарктиды, Л.С. Берг, с момента отправления этой экспедиции 4(16) июля 1819 г. из Кронштадта, затем, сразу же «перепрыгнул» – к 30 марта 1820 года, когда корабли пришли в Сидней. Что же делала экспедиция все это время? Неужели она шла до Сиднея – порта Жаксона, без малого год?! Зато дальнейшие события, согласно верно подмеченной И.М. Забелиным берговской «неспособностью отсеивать мелочное от фундаментального в своем восприятии мира» (впрочем, зачастую Л.С. Берг напротив был, сам «злоупотребить» этой своей научной «слабостью»; ведь согласно оценкам того же И.М. Забелина, Л.С. Берг, занимаясь систематикой рыб, должен был обладать «изошренным мышлением») изложены настолько пунктуально, насколько это вообще возможно. Подробно, на полные две страницы, перечислены (с названиями на двух языках и географическими координатами) все остальные открытия Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, когда они «отправились в Полинезию, к островам Паумоту, где открыли острова...» [Берг 1946(а): 106–107]. Самое главное, что огромные «событийные лакуны» в своем изложении, Л.С. Берг даже не пытался каким-либо образом затушевать. Все получалось у него «естественно».

Показательно в контексте неоднократно упомянутой «подвижной», предельно эклектичной позиции Л.С. Берга относительно факта первооткрытия Антарктиды, его отношение к этому факту в новой редакции его же очерков по истории русских географических открытий, изданных в 1949 году, т. е. совсем вскоре после состоявшегося «антарктического» общего собрания ВГО. В это издание был включен специальный раздел «Русские открытия в Антарктике». Так вот, Л.С. Берг, по ходу всей, новой своей работы упоминает об «открытиях в Антарктике» в 1821 году [Берг 1949(б): 6 и др.], о том, что Ф.Ф. Беллинсгаузен «посетил Антарктику и сделал там замечательные открытия» (использована фразеология Ю.М. Шокальского). Наконец, о том, что «весьма вероятно (! – *А.О.*), что описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собою именно окраину антарктического материка» [Берг 1949(б): 181]. И, вот она, «кульминация» советской историографии 1920-х–1940-х годов: упоминая плавание в Антарктике американского капитана-промышленника Палмера, Л.С. Берг, неожиданно пишет, что «во всяком случае Беллинсгаузен и Лазарев еще 16 января и 5 февраля 1820 г.

видели (! – *А.О.*) берег антарктического материка» [Берг 1949(б): 181, сноска 2].

Можно убедиться, как в пределах работы одного и того же автора, более того – на одной странице! – вполне мирно соседствовали сомнение («весьма вероятно») и уверенность («во всяком случае»). В книге, уже процитированного выше советского географа И.М. Забелина, «Очерки истории географической мысли в СССР (1917–1945)» можно встретить такие, характеризующие Л.С. Берга, строки: «Сам же Л.С. Берг, сказав «а», тут же сказал противоположное «б»...» [Забелин 1989: 193].

В этой же редакции очерков Л.С. Берга в подразделе «Оценка трудов русской антарктической экспедиции» были приведены, лишь оценки ряда второстепенных фактов, связанных с путешествием. Основной результат вновь не был предметно обозначен, а был прикрыт витиеватой метафорой. Л.С. Берг писал: «Наши славные мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев по справедливости могут быть названы Колумбами Антарктиды» [Берг 1949(б): 186] (само сравнение с Колумбом неоднократно использовалось в советской историографии. – *А.О.*). Как было указано в самом, этом новом издании очерков Л.С. Берга, вошедший в это издание раздел «Русские открытия в Антарктике», был первоначально напечатан во втором выпуске «Известий Географического общества», за 1949 год. Однако элементарное сравнение этих текстов, показывает, что они отличаются друг от друга.

В частности, значительно разнятся в оценке факта первооткрытия Антарктиды. Так, в «изначальном», опубликованном в «Известия ВГО» тексте, Л.С. Берг пишет (дословно повторяя свой доклад на общем собрании ВГО) о дне 16(28) января 1820 г.: «Теперь ясно, что описываемые Беллинсгаузеном бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собой именно окраину антарктического материка» [Берг 1949(в): 141]. В тексте новой редакции очерков (якобы «перепечатанному» с «Известий ВГО») этот же экспедиционный день предстает в трактовке советского географа, уже следующим образом: «Весьма вероятно, что описываемые Беллинсгаузеном бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, предстали собою именно окраину антарктического материка» [Берг 1949(б): 181].

Как видно, позиция Л.С. Берга в отношении факта первооткрытия, после Общего собрания ВГО в очередной раз «эволюционировала» (собрание состоялось 10 февраля 1949 г., а рукопись очерков была подписана в печать 30 сентября 1949 г.): от «теперь ясно», до «весьма вероятно». Вообще, комментируя «стиль мышления» Л.С. Берга, И.М. Забелин (явно не относившийся к поклонникам научных дарований этого советского академика-эклектика) отмечал, что, «...тут уйма любопытного для исследователей творчества, и особенностей научного мышления...» [Забелин 1989: 219]. Автор проводимого исследования

позволит себе повторить, свой же тезис [Овлащенко 2013: 211] о том, что в отношении итогов Первой русской антарктической экспедиции позиция Л.С. Берга могла быть, попросту не выработана.

Вот что пишет дальше, об этом «энциклопедисте», И.М. Забелин: «Некоторая неловкость в историко-географической оценке его работ заключается в том, что Берг, ученый-энциклопедист (?! – *А.О.*), выступил с программной статьей (имеется в виду одна из его достаточно ранних статей. – *А.О.*) о сути географии и месте ее в системе наук, выступил, лишь приблизительно (! – *А.О.*) зная историю географической мысли, историю географии как науки. ...Естественно, что при ограниченном знании предмета невозможно было выступить убедительно... (что Л.С. Берг и «продемонстрировал» в очередной раз, но, теперь уже через тридцать лет, в ходе своего доклада «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». – *А.О.*)» [Забелин 1989: 57]. Позволительно задать вопрос: в чем, тогда, заключался «энциклопедизм» Л.С. Берга, при его, констатируемом, «приблизительном» знании истории географической мысли, истории географии как науки?

Однако, как бы то ни было, единокатное и даже, лишь «сносочное» указание Л.С. Берга на то, что, «во всяком случае Беллинсгаузен и Лазарев еще 16 января и 5 февраля 1820 г. видели (! – *А.О.*) берег антарктического материка» [Берг 1949(б): 181, сноска 2] заслуживает внимания при изучении советской историографии. Здесь, пожалуй, академик Л.С. Берг пошел даже дальше, чем академик А.А. Григорьев и, его соавтор, профессор Д.М. Лебедев, считавших, что открытие произошло 16(28) января 1820 года, но, одновременно, при этом умудрившихся, фактически соглашаться с дебенхэмовской версией о «нескольких часах ясной погоды» (в своей статье, эти соавторы фактически призывали Ф. Дебенхэма к себе в «союзники» [Григорьев, Лебедев 1949: 188]).

В своей ленинградской речи – 10 февраля 1949 г., Л.С. Берг сказал: «16 января 1820 г. под 69°21' ю. ш. оказались вблизи антарктического материка (в районе Земли принцессы Марты), замеченного впоследствии (1930) норвежскими судами. Берега эти до сих пор никем не посещены и не положены на карту. Теперь (! – *А.О.*) ясно, что описываемые Беллинсгаузеном бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собой именно окраину антарктического материка.

...5 февраля 1820 г. примерно под 69° ю. ш. и 15° в. д. экспедиция находилась поблизости антарктического материка (район Земли принцессы Ранхильды)» [Русские 1949(а)].

Упоминание материковых участков, уже косвенно свидетельствовало о подвижках в точке зрения относительно момента открытия Антарктиды. О том, что это произошло не в 1821, а, в 1820 году [Овлащенко 2013: 177]. Вполне понятно, что упомянул Л.С. Берг, в ходе этого собрания, тот факт, что русские моряки не просто «оказались

вблизи» (16 января), или «находились поблизости» (5 февраля), а, в эти даты, именно «видели берег антарктического материка», результативность собрания (в первую очередь с историко-географической точки зрения) была бы несравненно выше.

«Исторически за Россией (выделено в тексте. – *А.О.*), – подчеркивал Л.С. Берг, – и, по преемству, за СССР **остается** право приоритета открытия ряда земель Антарктики – **такое же право, по которому Франция претендует на Землю Адели**, открытую Дюмон-Дюрвилем» [Русские 1949(а)]. Скажи Л.С. Берг на собрании так, как он, всего лишь один раз, «позволил себе» сказать в сноске, то его, только что приведенные слова обесмысливались: за СССР, по правопреемству осталось не «право приоритета открытия ряда земель Антарктики», а право открытия всего континента. Последнее право – право первооткрытия – ни с географической, ни с международно-правовой точек зрения не может быть тождественно, неким «правам Франции», которых, с этих же позиций, строго говоря, никогда не существовало [Овлащенко 2013: 177].

Поскольку книга Л.С. Берга «Очерки по истории русских географических открытий», была подписана к печати 30 ноября 1949 года, не без оснований можно предположить, что его указание на то, что «во всяком случае Беллинсгаузен и Лазарев еще 16 января и 5 февраля 1820 г. видели берег антарктического материка» [Берг 1949(б): 181, сноска 2] было своеобразной «страховкой», хотя и запоздалой (уже с марта 1949 г. в Советском Союзе вышло несколько публикаций академика А.А. Григорьева с указанием на дату открытия Антарктиды – 16(28) января 1820 года). Стоит отметить, что автору, в рамках анализа советской историографии 1920-х – начала 1950-х годов, в более чем двадцати научных работах, принадлежащих Л.С. Бергу, не довелось больше обнаружить подобные, данные последним оценки.

По ходу предыдущей книги [Овлащенко 2013] неоднократно упоминалось, что, уже вскоре после проведения общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, академик А.А. Григорьев в своих публикациях (а также в публикациях, написанных совместно с профессором Д.М. Лебедевым) стал отстаивать тот факт (правда происходило это не всегда последовательно), что Антарктида была открыта экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, еще 16(28) января 1820 года. Этот подход нашел конкретное отражение в ряде публикаций *1949 года* [Григорьев 1949(в); Григорьев, Лебедев 1949].

Брошюра академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева «Приоритет русских открытий в Антарктике» (1950). В *1950 году*, под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, была издана брошюра академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева «Приоритет русских открытий в Антарктике» (подписано к печати 21/І 1950 г., тираж 60 000 экз.).

Редактором брошюры выступил член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов (биографические сведения о нем смотрите выше). В отличие от прошлогодней статьи А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева [Григорьев, Лебедев 1949], брошюра эта, открывалась кратким физико-географическим описанием Антарктики. Подчеркивалось, что «с 1947 года советские ученые возобновили свои исследования вод Антарктики, используя для этого прекрасно оборудованную советскую китобойную флотилию «Слава», недавно успешно завершившую свой третий рейс» [Григорьев, Лебедев 1950: 9]. Были приведены, некоторые «научные данные советской китобойной флотилии «Слава» о рачке «крили» [Григорьев, Лебедев 1950: 8].

О собственно исторических вопросах эти советские специалисты, писали следующее: «Открытие Антарктического материка – историческая заслуга русских мореплавателей.

Мужественные русские люди – патриоты родины – внесли этим открытием неоценимый вклад в развитие географической науки. Русская антарктическая экспедиция являлась одним из многочисленных географических исследований русских ученых, играющих важную роль в развитии народного хозяйства и культурной жизни нашей страны.

...Открытие материка Антарктики – одна из славных страниц в истории русской географической науки. Русские исследователи Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев в 1819–1821 годах четырежды подходили к берегам Антарктиды. Своими открытиями русские мореплаватели опровергли утверждения ряда иностранных исследователей и прежде всего англичанина Дж. Кука о том, что на Южном полюсе материка не существует (здесь академик А.А. Григорьев и его соавтор, шли, на получавшую широкое распространение в советской историографии, явную фальсификацию. – А.О.) или что он очень мал.

...Как установлено последними исследованиями, в подготовке и организации экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева близкое участие принимал Иван Федорович Крузенштерн – знаменитый русский путешественник и ученый.

...16 января 1820 года на широте 69°21' шлюпы «встретили льды, которые, – как отмечает Беллинсгаузен, – представлялись нам сквозь шедший тогда снег в виде белых облаков» [Григорьев, Лебедев 1950: 9–10, 14]. Стоит особо отметить, что цитирование этих слов Ф.Ф. Беллинсгаузена было абсолютно новым, как для исследовательских практик самих, этих двух авторов (эти слова отсутствовали в статье академика А.А. Григорьева, а также, в его совместной с профессором Д.М. Лебедевым статье, которые были опубликованы в 1949 году [Григорьев 1949(в): 10–11; Григорьев, Лебедев 1949: 185–193]), так и для советской историографии в целом.

«Командиры судов, – продолжали А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев, – ясно представляли огромную величину его («льдяного поля». – А.О.)

протяжения» [Григорьев, Лебедев 1950: 14]. Для сравнения две цитаты из предыдущих работ: «Командиры экспедиции ясно представляли огромность протяжения виденного ими ледяного поля и близость земли» [Григорьев 1949(в): 10]; «Таким образом командиры экспедиции ясно представляли себе огромность протяжения этого поля» [Григорьев, Лебедев 1949: 187]. Говоря о событиях 5 и 6 февраля 1820 года, А.А. Григорьев и Д.М. Лебедев, пишут теперь, что «необычайный вид льдов поразил командиров экспедиции» [Григорьев, Лебедев 1950: 15]. В работе 1949 года эмоциональный фон описываемых событий преподносился ими несколько в ином виде. Они писали: «Командиры судов, описывая эту часть маршрута, обратили особое внимание на необычный вид сплошных льдов, к которым они приблизились» [Григорьев, Лебедев 1949: 187].

И в первом, и во втором случае эти комментарии относились к следующей цитате из работы Ф.Ф. Беллинсгаузена: «Льды на SSW (в работе 1949 г.: «льды к SSW») примыкаются ко льду гористому, твердо стоящему; закраины оного были перпендикулярны и образовали заливы, а поверхность возвышалась отлого к Югу на расстояние, пределов которого мы не могли видеть с салинга» [Григорьев, Лебедев 1949: 187; Григорьев, Лебедев 1950: 15].

И в статье, и в брошюре рефреном звучат слова Ф. Дебенхэма о том, что «16 января 1820 года шлюпы были в 20 милях расстояния от материка» [Григорьев, Лебедев 1949: 188; Григорьев, Лебедев 1950: 15]. Однако указание самого Ф. Дебенхэма, о «нескольких часах ясной погоды», отсутствие которой, якобы «помешало» открытию, полностью нивелирует его указание на близость материка. Эклектизм двух советских специалистов проявился именно в этом цитировании Ф. Дебенхэма, фактически отрицавшего открытие Антарктиды 16(28) января 1820 года.

При описании подхода кораблей китобойной флотилии «Слава» к побережью Антарктиды (во время рейса в Антарктику в 1947–1948 гг.), в брошюре, по сравнению со статьей вновь усилен эмоциональный фон повествования (возможно, что в связи с тем, что указанная брошюра, была издана под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, а значит *a priori* предназначалась в первую очередь для лекторов и пропагандистов). Если в статье, сказано что «участники китобойной экспедиции подчеркнули сходство описания льдов, сделанного Беллинсгаузенем, с очертаниями береговой линии материка» [Григорьев, Лебедев 1949: 188], то в брошюре, заявлено что эти же участники, «подтверждают поразительное сходство виденных ими прибрежных материковых льдов с теми, о которых писал Беллинсгаузен» [Григорьев, Лебедев 1950: 15].

Если в статье А.А. Григорьева отмечалось что, «обычно считали, что открытие Антарктического материка было совершено экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева в январе 1821 года» [Григорьев 1949(в): 10],

то, в брошюре, уже прямо говорилось по этому поводу, что «раньше ошибочно (! – *А.О.*) считали датой открытия материка Антарктики русской экспедицией январь 1821 года, в действительности же открытие это было сделано годом раньше» [Григорьев, Лебедев 1950: 17]. Итак, советская историография начала переход «Антарктического Рубикона», точнее, в условиях «холодной войны», его форсирования. Однако это не дает оснований для далеких от действительности, радикальных выводов, к которым приходит современная западная историография. Или, к примеру, идущая в «кильватерной струе» последней, современная эстонская историография.

Вот, что можно прочесть в обзоре докладов, озвученных на международной конференции «Мороз, лед и холод: холодный климат и русская история» (Москва, Германский исторический институт в Москве (ГИИМ), 16–18 февраля 2012 г.): «Совсем иной подход к теме первопроходцев избрал эстонский географ Эрки Таммиксаар (Тарту) в докладе «Российские экспедиции к Южному полюсу в контексте политических интересов Российской империи и Советского Союза», предприняв попытку ответить на вопрос, имеет ли смысл (таким вопросом задается действительно историк, историко-географ? – *А.О.*) стремление к однозначному определению первооткрывателя Антарктического континента. Ведь сам факт достижения земли, как в случае с Колумбом или Янсоном, не был воспринят обществом как открытие Америки или Австралии. А Антарктика, так же как и эти континенты, была «открыта» не один раз: признавая существование земли под толщей льда, ни Беллинсгаузен, ни его последователи не могли этого доказать. Рассмотрев историю рецепции результатов экспедиции Беллинсгаузена вплоть до 1949 года, когда в советской историографии впервые появилось утверждение об открытии Антарктики (точнее – Антарктиды. – *А.О.*) уже в 1820 году, Таммиксаар отметил, что вопрос о первооткрывателях приобрел значение исключительно в политическом контексте холодной войны, в то время как научное значение (не вполне понятна проводимая дихотомия: «первооткрыватели – научное значение», поскольку в таком первооткрытии и заключается главное научное значение экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. – *А.О.*) экспедиции 1819–1921 годов (так в тексте. – *А.О.*) так и не стало объектом дискуссий» [Гадалова 2013].

Очевидно, что считать так может только писавший, который не вполне подробно знаком с советской историографией экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, но, в унисон современной западной, в первую очередь британской историографии [Овлащенко 2013: 267–273] пытающийся таким образом, «оскопить» исследовательские подходы советских историков и географов, вообще, сам ход историко-географической мысли в Советском Союзе (вопрос о попытке хоть сколько-нибудь проследить внутренние механизмы развития

историографического процесса в Советском Союзе, в 1920-е–1940-е годы, тут «отпадает» уже сам по себе).

Комментируя указания американцев на то, что Антарктиду открыл Н. Палмер, академик А.А. Григорьев и профессор Д.М. Лебедев среди прочего, пишут: «...Впрочем, если бы указанное открытие Пальмером Северной Земли Грейама и подтвердилось, это вовсе не изменило бы дела, так как русская экспедиция, как этот уже отмечено, открыла Антарктический материк еще в январе 1820 года, т. е. раньше почти на год. Она подошла почти вплотную к берегам самого Антарктического материка, бесспорно видела (! – *А.О.*) их и отдавала себе отчет в том, что находится вблизи обширной земли. Таким образом, при всех условиях, Беллинсгаузен и Лазарев и их доблестные спутники должны по праву считаться первыми открывателями Антарктического материка, и приоритет их остается незыблемым.

...Наряду с описанным крупнейшим достижением экспедиции 1819–1821 годов ею был сделан и ряд других ценнейших для науки наблюдений и открытий, особенно в области океанографии и океанологии – науки, которая тогда только еще зарождалась...» [Григорьев, Лебедев 1950: 20].

Это были радикально новые подходы в российской историографии (причем вновь продемонстрированные в пределах одной работы, одних и тех же авторов): признание крупнейшим достижением экспедиции – открытие Антарктиды (а, не только «29 островов и одной коралловой мели»); констатация того факта, что участники экспедиции «бесспорно видели» Антарктический материк и, «отдавали себе отчет, что находятся вблизи обширной земли». Это уже не была, затеянная целым рядом советских авторов, «игра» в «ведение-неведение» участников экспедиции. Фактически, это же означало отказ от дебенхэмовской версии о «нескольких часах ясной погоды».

К парадоксу советской историографии следует отнести то, какая именно литература об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, была представлена в статье академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева. Помимо трудов и работ участников экспедиции (Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, П.М. Новосильского, И.М. Симонова, Е. Киселева) это были: две работы Л.С. Берга [Берг 1949(в): 137–144; Берг 1949(г): 22–25] (как хорошо известно, придерживавшегося очень непоследовательных подходов и оценок в отношении факта первооткрытия Антарктиды); книга Н. Введенского [Введенский 1940] (ее автор, даже и не делал попытки дать правильную оценку январским и февральским подходам к Антарктиде, а, напротив, фактически фальсифицировал действительность); книга С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» (1937) (анализ ее будет проведен дальше); статья Б.Г. Островского «Новое об историческом походе Беллинсгаузена – Лазарева в Антарктику» [Островский 1949(б): 96–99] (сам Б.Г. Островский, в отношении факта и датировки первооткрытия, ничего нового не

привнес); статья Ю.М. Шокальского (1928) (уже проанализированная выше).

Поскольку, брошюра академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева, была издана Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, завершалась их работа, не только собственно историческими, но и политическими выводами: «Все сказанное о значении плавания Беллинсгаузена – Лазарева и его спутников не помешало правительствам буржуазных государств объявить в последние годы отдельные секторы этого материка своей собственностью без привлечения к участию в переговорах СССР и пытаться оспаривать приоритет русского открытия Антарктического материка (для такого «оспаривания» своего первооткрытия, сама страна-первооткрыватель, должна была по крайней мере внятно заявить о нем. – А.О.).

...У советских ученых есть бесспорные доказательства (к сожалению, такие «бесспорные доказательства», не были в тот момент представлены советскими специалистами; речь, в первую очередь, идет об отчетно-навигационной карте русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. – А.О.) того, что Антарктический материк был впервые обнаружен именно русскими путешественниками. Героическими трудами отважных русских моряков обеспечено Советскому Союзу неопровержимое право на участие в решении всех вопросов, касающихся режима Антарктики. Решения же в этой области, принимаемые без участия СССР, не могут признаваться законными» [Григорьев, Лебедев 1950: 22].

Очевидно стоит привести очередной пример, подтверждающий правильность тезиса А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева, о том, что в советской историографии, «раньше ошибочно считали датой открытия материка Антарктики русской экспедицией январь 1821 года...» [Григорьев, Лебедев 1950: 17]. Так, в январе 1941 года в газете «Комсомольская правда», была опубликована статья Н. Нозикова «Открытие русскими Антарктиды». Сам подзаголовок этой статьи – «К 120-летию со дня открытия Южного Полярного материка» – при соотношении этого подзаголовка с датой публикации упомянутой статьи, чисто арифметически «давал понять»: «открытие» состоялось в 1821 году (более того, статья была опубликована 29 января 1941 г.; Берег Александра I был открыт экспедицией – 29/17 января 1821 г.).

Итоги первого этапа экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, были представлены Н. Нозиковым следующим образом. В частности, он писал: «Идя на юг, 4 января 1820 г. экспедиция вошла в полосу густого разбитого льда. Полтора месяца экспедиция настойчиво стремилась к югу, пробиваясь через пловучие льды.

Несколько раз суда экспедиции пересекали Южный Полярный круг и заходили за 69° южной широты. Здесь везде был сплошной лед, преграждавший путь. Экспедиция настойчиво продолжала пробираться

среди льдов и дошла почти до 70°... Далее идти к югу было невозможно вследствие сплошного льда» [Нозиков 1941(а)].

А теперь, сравним это описание итогов первого этапа русской экспедиции с, описанными в этой же статье Н.Нозиковым, главными результатами экспедиции Дж. Кука. На сей раз, советский автор писал: «В юго-восточной части Великого океана ему (Куку. – А.О.) удалось достичь весьма значительной широты – 71°10' южной широты...

Капитан Кук сделал много открытий разных островов в Южном полушарии, но Антарктического материка не нашел.

Он встретил сплошной лед и многократно пробовал его обойти, но не мог этого выполнить» [Нозиков 1941(а)]. Как видно – разница в итогах и главных результатах невелика.

Отметив открытие Земли Александра I, Н. Нозиков, делает вывод: «Таким образом, русским морякам впервые удалось достигнуть Антарктической суши, и им принадлежит честь открытия Антарктиды – Южного Полярного материка» [Нозиков 1941(а)]. Справедливости ради надо отметить, что в статье этого советского автора (в отличие от многих и многих других, причем, писавших в последующие годы советских авторов), уже в 1941 г., было обращено внимание на то что, «позднейшие экспедиции установили, что открытая русскими моряками под руководством Беллинсгаузена земля представляет собою остров, прилегающий к Антарктическому материка» (в опубликованной в 1939 году статье Н. Введенского, на карте «маршрута путешествия вокруг Антарктиды» был обозначен – «о. Александра I» [Введенский 1939: 47]).

Свою статью Н.Нозиков завершал цитированием, части заключительного абзаца книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, отметив, что во время плавания были открыты 29 островов и одна коралловая мель (в опубликованной несколько ранее, в 1938 году в официальном журнале «Советская Арктика», другой своей статье Н.Н. Нозиков писал, что «во время путешествия были открыты: часть Южно-полярного материка – Земля Александра I, 29 островов и одна коралловая мель» [Нозиков 1938: 111]; подобную расстановку приоритетов вполне можно рассматривать в качестве своеобразной новации в советской историографии, нашедшей затем (в конце 40-х–начале 50-х годов) в последней более широкое распространение. – А.О.).

Обращение военного моряка Н. Нозикова к историко-антарктической тематике, само по себе, вряд ли выглядит необычным, или тем более, странным. Гораздо интереснее то, что перед самым началом Великой Отечественной войны, в том же 1941 году (когда в «Комсомольской правде», была издана его работа «Русские кругосветные мореплаватели» (книга была подписана к печати 19 мая 1941 года, т. е. буквально за месяц до начала войны). Так вот, в этой книге, ее автор вовсе не описывал экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева! Некоторую информацию об этой экспедиции можно было

обнаружить во вступительной статье редактора книги, географа М.А. Сергеева (1888–1965).

Последний, в частности, писал: «Результаты кругосветных плаваний занимают важнейшее место, в первую очередь в области географических открытий XIX в., особенно в водах Тихого океана и Антарктики. Следует отметить, что многие из этих открытий были совершены русскими мореплавателями в таких акваториях, где, казалось, не могло уже быть после английских и французских плаваний никаких новых земель. Важнейшие из этих открытий следующие: ...В 1819–1822 гг. состоялась известная антарктическая экспедиция капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена (военный шлюп «Восток») и лейтенанта М.П. Лазарева (военный шлюп «Мирный»). Экспедиция эта спустилась до 70° южной широты, проникла в совершенно новые области и совершила много открытий. ...В южных полярных водах открыта громадная земля Петра I (остров Петра I. – *А.О.*) и земля Александра I (Антарктический материк)» [Нозиков 1941(6): 8–9].

Несмотря на ошибки в датировке событий (как известно, экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева состоялась в 1819–1821 гг.) и указание на некую «громадную землю Петра I», сама трактовка М.А. Сергеевым хода и результатов русской экспедиции («открытие Антарктического материка») были новым веянием в советской историографии рассматриваемого вопроса. Подобным же «новым веянием», была расстановка приоритетов в январской статье самого Н. Нозикова [Нозиков 1941(6)]. Это позволяет говорить о позитивных подвижках в советской предвоенной историографии.

В переизданной в 1947 году, книге Н. Нозикова о русских кругосветных путешествиях, в предисловии к ней, М.А. Сергеев писал, что экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева «в южных полярных водах открыты земли Петра I и Александра I (Антарктический материк)» [Нозиков 1947: 12–13]. Как видно, хорошо просматривается, становившаяся уже устойчивой для советской историографии, «корреляция» открытия Земли Александра I с открытием самой Антарктиды. Что касается вторичного отзыва историка М.А. Сергеева об острове Петра I, как о некоей «земле Петра I», то, к сожалению, подобные «небрежности» иногда бытовали в советской историографии тех лет.

Например, в изданной в 1948 году книге В.А. Касименко (автор ряда научно-популярных книг) «Как люди открывали землю», были такие строки: «...Славные мореплаватели проникли в высокие широты южных полярных морей, где открыли Антарктический материк, назвав его части: «Земля Петра I» и «Земля Александра I...» [Касименко 1948: 17–18]. На самом деле, хорошо известно, что экспедиция открыла остров Петра I, сразу же опознав, определив и обозначив его именно как остров.

Уже хорошо известный нам М. Райхенберг, так в 1939 году в журнале «Наша страна» описывал ход и итоги первого этапа плавания в

Антарктике: «По мере продвижения кораблей на юг пловучие льды становились все гуще. 21 января отряд остановился перед непроходимой стеной сплошного льда. Дальнейший путь на юг был закрыт. В этот день корабли достигли предельной широты – 69°25'...

В начале февраля удалось снова свернуть на юг и вторично пересечь 69°. Но льды снова сомкнулись и преградили дорогу отважным морякам...

Беллинсгаузен не разделял мнения Кука об отсутствии земли за полярным кругом. Однако, сколько моряки не всматривались в даль, они видели только сверкающие льды, уходящие в бескрайние просторы, к полюсу» [Райхенберг 1939: 32]. А большего им видеть и не надо было...

«Здесь, – сообщал Ф.Ф. Беллинсгаузен, – за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк (! – *A.O.*) льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212]. «16-го генваря, – писал М.П. Лазарев, – достигли мы широты 69°23' *S* где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер, смотря на саленгу, простирался оный так далеко как могло только *достигать* (выделено в тексте. – *A.O.*) зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2°35' *W* от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк (! – *A.O.*) не доходя 70°» [Письма 1918: 55].

Интересно, после этого, читать следующие сентенции М. Райхенберга: «Открытие острова Петра I опровергало предположение Кука об отсутствии земли за полярным кругом. Однако несмотря на твердое убеждение Беллинсгаузена, что поблизости должны находиться еще острова, он, как и Кук, не догадывался (*sic!* – *A.O.*) о существовании Антарктического материка. Беллинсгаузен считал, что Южный полюс покрыт неподвижными торосистыми льдами, застрявшими на мелководье» [Райхенберг 1939: 34]. Здесь уже как видно, М. Райхенберг, идет что называется на двойную фальсификацию, приписывая Дж. Куку, как и Ф.Ф. Беллинсгаузену некую «недогадливость». Основную заслугу русских моряков М. Райхенберг, видел в том, что они «первыми обнаружили землю в Антарктике»: остров Петра I и Берег Александра I. В отношении последнего он сообщал: «Долго оставался спорным вопрос, является ли «Берег Александра I» островом или частью Антарктиды. Только в самое последнее время установлено, что «Берег Александра I» – остров» [Райхенберг 1939: 34].

Об отсутствии в советской историографии сколько-нибудь единых, «унифицированных» подходов к оценке основных результатов и главных итогов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, свидетельствует опубликованная в 1943 году статья И. Жегалова. В

частности, при описании экспедиции, этот автор свел все ее «заслуги», лишь к открытию 29 островов и одной коралловой мели, «насытив» при этом свое повествование совершенно второстепенными (если не «третьестепенными») деталями [Жигалов 1943: 31–34].

Подтверждают отмеченный выше тезис академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева, и публикации, увидевшие свет непосредственно в первые послевоенные годы. Например, в опубликованной (без указания авторства) в 1946 году во флотской газете статье «Открытие первой земли в Антарктике», особый акцент был сделан на открытии экспедицией острова Петра I. Именно этим открытием, как отмечалось в статье, «было впервые доказано наличие суши в районе южного полюса и положено начало исследований шестой части света – Антарктиды» [Открытие 1946]. Соответственно, в этой статье практически никакого внимания не было уделено первому этапу экспедиции, а, самое большое, что увидел в нем анонимный автор, это то, что «25 февраля с кораблей были замечены птицы». «Моряки решили, – продолжал этот автор, – что земля неподалеку. В самом деле, поблизости к югу находилась земля, но Беллинсгаузен ее не обнаружил» [Открытие 1946]. Именно исходя из фактов открытия экспедицией острова Петра I и Земли Александра I (как замечал автор статьи, «ныне остров Александра I») и был, им, сделан вывод о том, что «русским морякам принадлежит честь открытия суши в Антарктике – Антарктиды».

Дальше у анонимного автора статьи во флотской (окружной) газете, шли мотивы, явно навеянные «сюжетами из Шокальского». В частности, аноним писал: «Русские моряки не только разрешили многовековое недоразумение (? – А.О.) о существовании какого-то обширнейшего в мире южного материка, но и доказали, что в южных широтах существует непрерывное водное кольцо Мирового Океана, среди которого встречается только (! – А.О.) несколько небольших островов.

Мировая загадка Птолемея была разрешена (? – А.О.)» [Открытие 1946].

Примерно в таком же историческом «ключе», была написана, также опубликованная в 1946 году в журнале «Пропагандист и Агитатор Красной Армии» статья профессора, доктора исторических наук Е. Штейнберга, посвященная русским кругосветным плаваниям XIX века. Вот, к примеру, в чем (разумеется в трактовке самого Е. Штейнберга) заключались итоги и, следовательно, заслуги экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева после окончания первого ее этапа. Профессор-историк пишет: «Беллинсгаузен произвел описание открытого знаменитым Куком острова Георгия, а затем, на пути к южным Сандвичевым островам, открыл три острова... Далее корабли вступили в область южных полярных морей и достигли 69 градусов южной широты. Непроходимые льды преградили экспедиции

дальнейшее движение к полюсу, однако и то, что было достигнуто, имело огромное значение для науки и навигации. Корабли Беллинсгаузена и Лазарева были первыми после Джемса Кука, проникшими в эти антарктические воды. Заслуга их была отмечена присвоением водам к западу от Антарктического архипелага названия «Море Беллинсгаузена» [Штейнберг 1946: 55].

Упомянув, что в январе 1821 г. экспедицией, «были открыты острова Петра I и Александра I» [Штейнберг 1946: 55], этот «пропагандист и агитатор» Красной Армии, даже не попытался – как это уже было принято в советской историографии – привязать отмеченные открытия к открытию самого антарктического материка (континента). Согласно профилю издания, в статье Е. Штейнберга с пафосом сообщалось: «Так в отдаленных суровых морях Антарктики была увековечена боевая слава русского воинства, сокрушившего мечту Наполеона о мировом господстве» (при этом имелись в виду острова: Бороздино, Смоленск, Малый Ярославец, Березина и др.). С другой стороны, в отдельных публикациях, увидевших свет в первые послевоенные годы, можно обнаружить подходы уже совсем не свойственные для этой самой историографии.

Например, в опубликованной в 1947 году в одной из флотских газет статье, автор последней, писал: «В 1774 году в антарктических водах побывал знаменитый английский путешественник Джемс Кук. Его корабль встретил непреодолимые льды, вдоль кромок которых он и обошел вокруг таинственной полярной области. Кук не нашел Антарктиды, но по ряду признаков решил, что этот материк существует (! – А.О.) и находится где-то дальше к югу от обследованного им района» [Кудрявцев-Скайф 1947]. В советской историографии становились более привычными, иные «взгляды» и «решения» Дж. Кука, которые, он якобы и высказывал – об отсутствии южнополярного материка как такового. В то же время и в этой статье, открытие Антарктиды, было лишь «следствием» открытия Земли Александра I, а не самостоятельным итогом первого этапа плавания экспедиции.

С. Кудрявцев-Скайф писал: «Блестяще выполнили русские моряки и свою главную задачу. ...29 января 1821 года «Восток» и «Мирный» на 70-м градусе южной широты достигли полярного материка. Антарктида, волновавшая столько веков весь ученый мир, была, наконец, открыта» [Кудрявцев-Скайф 1947]. Интересным и, также, еще совсем не характерным для советской историографии, было подчеркивание этим автором факта открытия Антарктиды русской экспедицией (пусть и при соотнесении этого факта с открытиями января 1821 г., а не, января – февраля 1820 г.). «Балтийские моряки, – пишет С. Кудрявцев-Скайф, – достойно отметили память знаменитого адмирала... Они собрали по подписке деньги, на которые соорудили ему памятник. Этот памятник человеку, открывшему Антарктиду, украшает разведенный им кронштадтский Советский бульвар. Именем Беллинсгаузена названо

одно из южных полярных морей, омывающих открытую им Антарктиду» [Кудрявцев-Скайф 1947].

Карта «Русские открытия в Антарктике» (редактор академик Л.С. Берг) (1950). В 1950 году, Главным управлением геодезии и картографии (ГУГК) при Совете Министров СССР и Географическим обществом СССР, была издана карта «Русские открытия в Антарктике». Согласно выпускным данным карты последняя, была составлена Научно-редакционной картосоставительской частью ГУГК по авторскому эскизу П.П. Померанцева. Карта (ответственный редактор со стороны ГУГК И.Л. Криммер) была подписана к печати 28 июля 1950 г. и отпечатана тиражом 10 000 экз. (Свердловская картографическая фабрика ГУГК).

Известно, что активно работавший в Географическом обществе картограф, автор нескольких карт, среди которых – карта Новой Земли, П.П. Померанцев (1903–1979), был арестован в мае 1936 г., но, в 1937 г. был освобожден благодаря ходатайству Н.И. Вавилова, Ю.М. Шокальского, В.Л. Комарова и др. В качестве председателя Картографической комиссии Всесоюзного географического общества, П.П. Померанцев принимал участие в памятном ленинградском («антарктическом») собрании, которое состоялось 10 февраля 1949 г. Однако в его выступлении речь шла, только лишь о картографировании русской экспедицией «антарктических островов», а не материковой части [Русские 1949(а)].

Именно на эту, редактируемую академиком Л.С. Бергом карту, было обращено в статье З.Ф. Караваевой (анализ этой статьи проведен выше). «Широкие круги советской общественности, – писала З.Ф. Караваева, – проявляют глубочайший интерес к географическим подвигам наших предков..., и дело стоит лишь за тем, чтобы дать пищу этому патриотическому чувству.

...Начало этому делу положено. По инициативе Всесоюзного Географического общества ГУГК (Главным управлением геодезии и картографии. – *А.О.*) будет издана под редакцией Л.С. Берга карта «Русские открытия в Антарктике». На карте, кроме плавания Ф.Ф. Беллинсгаузена, нанесен маршрут Кука. Сравнение этих маршрутов наглядно показывает, что именно Ф.Ф. Беллинсгаузену принадлежит честь открытий (? – *А.О.*) материка Антарктики» [Караваева 1950: 131–132]. Что же, возможно в целом карта и давала пищу, упомянутому З.Ф. Караваевой патриотическому чувству. Однако вот, что это была за «пища» («приготовленная» для советской общественности Л.С. Бергом)?

В центре листа располагалась карта (масштаб 1 : 50 000 000) на которой были показаны маршруты плаваний Дж. Кука и экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Есть обозначение двух подходов русской экспедиции к антарктическому берегу: «Крайний южный пункт, достигнутый Русск. экспедиц. 16 янв. 69°22' (Земля Принцессы Марты)»; «6 февр. 69°06' (Земля Принцессы Рагнхильды)». Между этими пунктами есть надпись: «Замечены признаки берега» [Русские

1950: карта]. Однако то, как «расставили акценты» Л.С. Берг и П.П. Померанцев, свидетельствует о том, чему в действительности они отдавали приоритет. По периметру листа карты были расположены дополнительные карты («эти карты являются уменьшенным изображением подлинных карт», помещенных в атласе Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831). Каждой дополнительной карте соответствовала порядковая римская цифра. Так, под первым номером, была помещена карта Южных Шетландских островов, затем, под вторым номером (нарушая всякую хронологическую последовательность открытий, а давая прямо-таки, противоположную «последовательность») – карта с изображением Берега Александра I, вслед за этим – Петра I, о. Южная Георгия, о-ва Траверсе.

Сопровождающий основную (масштаб 1 : 50 000 000) карту текст заканчивался так: «Русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг. принадлежит честь открытия и первого научного исследования Антарктиды (хотя бы, не «Антарктики», как это было обычно принято у Л.С. Берга. – *А.О.*). Она первая доказала существование материка у южного полюса. Это открытие – одно из величайших в истории географической науки» [Русские 1950: карта]. Названия островов и берегов, открытых русской экспедицией, были подчеркнуты красной линией; названия мест, исследованных экспедицией, были подчеркнуты красным пунктиром. Вполне понятно, что, при обозначении подходов к антарктическому берегу в январе–феврале 1820 г., такие условные знаки Л.С. Бергом и П.П. Померанцевым не использовались.

Таким образом академик Л.С. Берг в очередной раз выразил свое отношение к факту первооткрытия Антарктиды. Как видно, статьи и брошюра академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева, в которых, подчеркивалась ошибочность соотнесения факта первооткрытия с географическим открытием островов Петра I и Александра I, не оказали на Л.С. Берга (как и на картографа П.П. Померанцева) никакого влияния. Возможно, это и не было бы так плохо, если бы Л.С. Берг, не выступал от имени всего Географического общества Союза ССР.

Сообщения о китобойной флотилии «Слава» (1950). Короткое сообщение о китобоях, было опубликовано весной 1950 года в журнале «Вокруг света». В частности, там говорилось «В водах Антарктики успешно закончила промысел китов советская китобойная флотилия «Слава». Несмотря на 15 тысяч километров, отделяющих район промысла от берегов СССР, с китобоями поддерживается непрерывная связь. Танкер «Серго», преодолевая сильные штормы, шквалы, снежные метели, пробиваясь сквозь скопление крупных айсбергов, доставил в Южное Заполярье для флотилии необходимые ей грузы. Встреча советских кораблей произошла за 61-й параллелью.

15 марта, в полдень, в соответствии с международной конвенцией, флотилия прекратила промысел китов.

Добыча китов советской антарктической китобойной флотилией «Слава» увеличивается из года в год» [За 61-й южной 1950: б. с.].

То внимание, которое стало уделяться тогда антарктическому китобойному промыслу, подтверждает присвоение звания Героя Социалистического Труда капитану-директору китобойной флотилии «Слава» А.Н. Солянику, «за выдающиеся успехи в деле освоения китобойного промысла в Антарктике и достижение высоких показателей по бою китов в Антарктике...» [За расцвет 1950: 5]. Этому же званию, был удостоен гарпунер китобойной флотилии «Слава» А.Н. Пургин. Как сообщал в 1950 году орган Министерства рыбной промышленности СССР журнал «Рыбное хозяйство»: «За освоение китобойного промысла в Антарктике и достижение высоких показателей по добыче китов и выработке пищевого и технического жира большая группа работников антарктической и дальневосточной китобойных флотилий награждена орденами и медалями» [За расцвет 1950: 5]. Орденами и медалями Советского Союза были награждены более двухсот работников китобойного промысла.

Деятельность флотилии уже традиционно, особенно с 1949 года, использовалась в рамках пропагандистских усилий Советского Союза. Так, в мае 1949 года в журнале «Огонек», было напечатано «переданное по радио для читателей «Огонька» сообщение капитана-директора «Славы» тов. (товарища – А.О.) Соляника». В этом сообщении говорилось: «...Наши китобои прошли славным путем Беллинсгаузена и Лазарева. Мы первыми посетили группу южных Сандвичевых островов, часть которых носит русские названия... Ледяные пустыни Антарктики нами прочно освоены. Этот факт еще раз подтверждает права Советского Союза на пространства, открытые русскими мореплавателями» [К родным 1949: 11].

Статья заместителя министра рыбной промышленности А.А. Сбродова о китобойной флотилии «Слава» (1950). В опубликованной в этом же журнале статье заместителя министра рыбной промышленности СССР А.А. Сбродова, в частности говорилось: «В 1946 г. была организована и направлена в Антарктику китобойная флотилия «Слава» в составе 9 кораблей. Красный флаг Советского Союза зарделся на китобойных судах в водах Антарктики – в тех местах, где в начале прошлого века на парусных шлюпах «Мирный» и «Восток» прошли отважные русские флотоводцы Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев. Эти знаменитые моряки и участвовавший с ними в походе профессор Казанского университета Иван Симонов сделали выдающееся открытие, прославившее русский флот и русскую науку.

Советские китобои Сталинской эпохи с честью продолжают дело своих предков и используют богатые ресурсы Антарктики для получения пищевого и технического жира.

Советская китобойная флотилия «Слава» ежегодно совершает рейсы от солнечной Одессы до ледяного барьера Антарктиды. Продолжительность каждого рейса – более 7 месяцев.

15 марта «Слава» успешно закончила свой четвертый Сталинский промысловый рейс в Антарктике. В этот рейс флотилия выходила в составе 15 кораблей, включая промысловые, научно-исследовательские и вспомогательные суда.

Отважным морякам-китобоям приходится работать в исключительно трудных природных условиях. ...Крен на китобойном судне «Слава» и на других китобойных судах во время сильных штормов иногда доходит до 60 градусов» [Сбродов 1950: 12–13].

Небезынтересным с точки зрения историографического анализа, выглядит четкое разделение автором этой статьи «знаменитых моряков» и, «участвовавшего с ними в походе профессора», прославивших «русский флот» и «русскую науку». В этом отношении в советской историографии бытовали следующие подходы и трактовки. В 1917 году Ю.М. Шокальский писал в своей работе, что благодаря снаряженной в 1819 г. Морским ведомством экспедиции, «русские моряки и ученые оказались причастны к изучению... отдаленнейшей области земного шара, возбуждающей столь большой интерес в настоящее время» [Шокальский 1917(а): 33].

В резолюции общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР от 10 февраля 1949 г., говорилось: «...Общество считает необходимым констатировать выдающуюся роль русских исследователей-ученых (понятно, что речь здесь шла не только о профессоре И. Симонове. – А.О.) в деле открытия Антарктики» [Русские 1949(а)]. В 1949 году, академик А.А. Григорьев писал так: «Совершенное в 1819–1821 годах плавание русских ученых-моряков Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в высоких широтах Южного полушария впервые открыло истину» [Григорьев 1949(в): 10–11]. В августовском, за 1949 год номере журнала «Природа», в разделе «Критика и библиография» советский автор Д.В. Лебедев, при аннотировании изданных под эгидой АН СССР очерков о выдающихся людях русской науки, подчеркнул, что к недостаткам упомянутых очерков, следует отнести то, что «пропущены некоторые имена, безусловно заслуживающие включения в число самых выдающихся русских ученых». Среди последних (т. е. «пропущенных») он упомянул «замечательного путешественника, открывшего Антарктиду, Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Лебедев 1949: 100].

В 1950 году Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев, в своем материале отмечали: «...Именно русские передовые ученые (так авторы рецензии именовали в том числе Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. – А.О.)... пришли к твердому выводу о существовании южного континента» [Кушнарев, Васильев 1950: 116–119].

Краткое сообщение А.В. Ступишина (1950). В 1950 году в одном из выпусков печатного органа ВГО «Известия Всесоюзного географического общества», было опубликовано краткое сообщение А.В. Ступишина «Ф.Ф. Беллинсгаузен и учение о коралловых островах». В частности, этот советский специалист писал: «До сих пор считают основоположником учения о коралловых сооружениях и автором первой теории образования коралловых островов – атоллов знаменитого ученого Чарльза Дарвина (1842). Широкой известностью пользуется также теория океанографа Меррея (1880).

...К сожалению, авторы ряда наших учебных руководств не обратили внимания на то, что эту теорию, ...создал и опубликовал еще в 1831 г. наш знаменитый мореплаватель Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен. Еще в 1827 г. Морской Ученый комитет предупреждал, что «может случиться и едва ли уже не случилось, что учиненные капитаном Беллинсгаузеном обретения, по неизвестности оных, послужат к чести иностранных, а не наших мореплавателей» (у А.В. Ступишина, вслед за этой цитатой, шла ссылка: «Из предисловия к труду Ф.Ф. Беллинсгаузена: Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820, 1821 годов. I, СПб., 1831» [Ступишин 1950: 319, сноска 1]. – *А.О.*).

Справедливость этих слов полностью подтверждается сейчас, когда разбирается нами вопрос о забытой отечественной теории (упомянутая «справедливость», да и, сами эти слова, относились к собственно географическим открытиям, совершенными экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева. – *А.О.*). ...Отечественная теория возникла в результате открытия и исследования русскими моряками в 1820 г. большой группы коралловых островов – «островов Россиян» в центральной части Тихого океана.

...Весь вышеперечисленный материал дает нам полное основание заявить, что учение о коралловых островах возникло не в Англии, а в нашей стране» [Ступишин 1950: 318–320]. Использованный этим автором фразеологизм («дает нам полное право заявить»), несколько коррелировал с резолюцией общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР. С той лишь разницей, что в резолюции говорилось о приоритете русских географических открытий в Антарктике, но, не об открытии Антарктиды.

В сообщении самого А.В. Ступишина вообще не упоминались антарктические географические открытия экспедиции. Надо заметить, что в советской историографии экспедиции присутствуют отдельные, достаточно объемные научные материалы, в которых, вообще не упоминается факт первооткрытия материка русскими. Например, в опубликованной в 1949 году статье об этнографических наблюдениях И.М. Симонова на островах Тихого океана [Воробьев, Бусыгин, Юсупов 1949: 496–504], где в ряду общих оценок, речь идет, лишь о «несравненном первом походе русских в Антарктику». Зато вполне в

«духе времени» были некоторые ремарки А.В. Ступишина. Так, говоря о теории возникновения кораллов, он писал, что профессор И.М. Симонов «твердо стоял» в этом вопросе «на позициях Ф.Ф. Беллинсгаузена». Как известно, «твердо стоять» тогда, было принято на позициях «единственно верного» учения – марксизма-ленинизма.

Еще один пример. «Открытие и исследование коралловых островов, – подводил итог А.В. Ступишин, – позволили Ф.Ф. Беллинсгаузену выдвинуть в науку первую теорию происхождения атоллов, одобренную его соратником И.М. Симоновым» [Ступишин 1950: 320]. Такой абзац, должен был в свою очередь вызвать одобрение советского читателя, уже буквально на «рефлексивном» уровне воспринимавшего позитивные импульсы «соратничества». Известно, что в советской пропаганде широко использовались слоганы: «Сталин – соратник Ленина», «Микоян – соратник Сталина», «Молотов – соратник Сталина» и т. д., и т. п.

Статья капитана-директора китобойной флотилии «Слава» А.Н. Соляника (1950). Еще один материал о китобоях был опубликован в 1950 году в августовском номере журнала «Вокруг света». Капитан-директор китобойной флотилии «Слава», Герой Социалистического Труда А.Н. Соляник, описывал в своей статье поход флотилии «из Черного моря в Антарктику». В своем повествовании он отмечал: «...Китобойная флотилия быстро шла на юг. Приближалась Антарктика – места, где 130 лет назад плавали впервые русские моряки. Три раза побывали уже мы, советские китобои, в этих водах, и всякий раз при приближении к матерiku Антарктиды нас охватывало глубокое волнение» [Соляник 1950: 18]. И наконец: «...Все ближе подходим мы к Антарктиде. В 1819–1821 годах здесь плавали наши смелые предки на шлюпах «Восток» и «Мирный» под командованием капитанов Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева. Они покрыли себя неувядаемой славой, прочно утвердили приоритет нашей родины в открытии шестой части света» [Соляник 1950: 20].

Статья С.В. Узина «Антарктида открыта русскими» (1950). Сразу за материалом А.Н. Соляника, в этом же номере журнала «Вокруг света», была опубликована статья С.В. Узина «Антарктида открыта русскими». Того самого С.В. Узина, который выступил в качестве редактора книги К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду» [Осипов 1950]. Статья С.В. Узина, начиналась с такого предупреждения: «Советская научная общественность и весь советский народ законно обращают внимание мира на бесспорное право СССР использовать природные богатства Антарктиды и участвовать в разрешении всех вопросов, касающихся шестой части света. Однако с осени 1948 года США, не уведомив об этом СССР, начали переговоры с Великобританией, Францией, Норвегией, Австралией, Аргентиной, Новой Зеландией и Чили по вопросу о режиме Антарктики» [Узин 1950(a): 27].

Из такой логической последовательности, выстроенной этим автором, выходило, что Советский Союз (в лице «научной общественности и всего советского народа») «заявил» о своих правах на природные ресурсы Антарктики еще до того, как США, осенью 1948 года, начали свои неофициальные переговоры с указанными странами. Интересно, что в отличие от процитированных выше советских авторов, описывая ход экспедиции, С.В. Узин правильно писал, что «отдельным островам... были присвоены имена участников экспедиции Завадовского, Лескова, Торсона» [Узин 1950(а): 33].

Зато в дальнейшие интерпретационные модели С.В. Узина, были инкорпорированы уже знакомые нам, эклектичные, а то, и попросту, основанные на фальсификациях подходы. Так, дальше он писал: «...Наконец кораблям удалось пересечь Южный полярный круг и 16 января 1820 года подойти к полосе сплошных льдов, к широте $69^{\circ}25'$ и долготе $2^{\circ}10'$.

Всего лишь в двадцати милях к югу (сравним с «указаниями» Ф. Дебенхэма, вполне соглашавшимся с ним Е.Е. Шведе, или, к примеру, с трактовкой К. Осипова (Купермана), с его, «если бы они могли продвинуться еще на два десятка километров, то извечная загадка Антарктиды была бы разрешена уже в 1820 г.» [Осипов 1950: 26–27]. – *А.О.*) простирался берег южного материка (та часть его, которая в настоящее время носит имя Земли принцессы Марты), но отважные мореплаватели из-за постоянно густых туманов и непрерывно идущего снега не могли его видеть. «...Весь горизонт покрылся пасмурностью при снеге и дожде», – записал Беллинсгаузен в своем дневнике.

Трижды пересекли русские корабли Южный полярный круг, трижды штурмовали ледяное кольцо (? – *А.О.*) вокруг антарктического материка, подходя вплотную к его побережью и не имея возможности разглядеть его из-за плохой видимости» [Узин 1950(а): 36]. Нельзя не задаться простыми вопросами: для чего С.В. Узин рисовал в центральном географическом журнале Советского Союза, такую «безотрадную» картину? На кого были рассчитаны его откровенные фальсификации? Наконец, какую конкретно цель преследовал этот советский автор (еще раз напомним, редактор книги И. Купермана) такими фальсификациями?

Выше уже были дважды процитированы слова из письма М.П. Лазарева А.А. Шестакову: «16-го генваря достигли мы широты $69^{\circ}23' S$ где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер (этими словами, напроць разрушается дебенхэмовская версия «о нескольких часах ясной погоды»... – *А.О.*), смотря на салангу, простирался оный так далеко как могло только *достигать* (выделено в тексте. – *А.О.*) зрение, но удивительным сим зрением наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе $2^{\circ}35' W$ от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь

свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк не доходя 70°» [Письма 1918: 55].

Прочитируем в очередной раз донесение, посланное Ф.Ф. Беллингаузеном в Россию из Порт-Жаксона. Он сообщал о событиях, произошедших с 5 на 6 февраля 1820 г.: «Здесь за льдяными полями мелкого льда и островами виден (виден! – *А.О.*) материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения (! – *А.О.*), возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212]. Так что же именно, согласно С.В. Узину, не смогли еще разглядеть «из-за плохой видимости» участники экспедиции?

Похоже, что именно в 1950 году, причем происходило это «на фоне» Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики, в советской историографии экспедиции Беллингаузена – Лазарева разгоралась, своего рода «война»: взглядов, оценок, трактовок и подходов. Крылу, которое возглавлял «великий эклектик» академик Л.С. Берг, в большей или меньшей степени принадлежали: А.Г. Адамов, А.З. Алейнер, И.Н. Александров, А.И. Андреев, Н.А. Бендер, Н.В. Введенский, А. Георгиев, В.А. Касименко, Г.И. Кублицкий, К. Осипов (Куперман), Б.Г. Островский, М. Райхенберг, С.В. Узин, Е.Е. Шведе, Е. Юнга, В. Якубович и некоторые другие. Этому крылу, в свою очередь противостояло другое крыло советской историографии, к которому можно отнести: академика А.А. Григорьеву, В.А. Дивину, А.В. Ефимову, Д.Б. Карелину, Д.М. Лебедеву, И.П. Магидовича (?! – *А.О.*), П.Ф. Морозова, К.И. Никульченкова, Л.Д. Черноусько, а также некоторых других советских специалистов.

Естественно, надо учитывать, что позиция некоторых из них эволюционировала, а иногда претерпевала полную метаморфозу. Некоторые ведущие советские географы вообще избегали более или менее ясно обозначить свою позицию по вопросу первооткрытия Антарктиды. К их числу относятся некоторые участники Общего собрания (10 февраля 1949 г., Ленинград), такие, как В.Ю. Визе, С.В. Калесник (позиция этого специалиста и ученого секретаря Географического общества, вообще отличалась противоречивостью [Овлащенко 2013: 229–231]), Д.Г. Панов, П.П. Померанцев.

В этой связи небезынтересно узнать: какие в целом, цели и задачи ставила перед собой советская историография? Вот, в частности, что говорил в ходе Общего собрания Академии наук СССР, посвященном истории отечественной науки (5–11 января 1949 г., Ленинград) член корреспондент АН СССР Н.М. Дружинин: «Для того чтобы написать историю любой науки, необходимо ясно представлять себе ход гражданской истории, социально-экономические процессы, политические события и культурную обстановку, которые выдвигали научные проблемы и создавали условия для их разрешения.

...Решению этой задачи помогает историография.

...Было бы неправильно сводить эту дисциплину только к истории обобщающих построений исторического процесса, как думают некоторые историки. Если мы хотим охватить всю полноту научного знания в этой области, надо взять все стороны исследовательского процесса: с одной стороны, выяснить проблематику, подсказываемую очередными задачами социально-экономического развития, выяснить круг исторических источников, которые для решения данных проблем подбирались историками, выяснить методы изучения фактического материала, которые соответствуют данному уровню идейного, в частности философского развития, наконец, выяснить возникновение и взаимную борьбу обобщающих концепций, которые в той или иной мере пронизывают все построения исторических трудов.

Эти четыре основных момента исследования должны быть показаны в неразрывном единстве, в закономерной зависимости от породивших их социально-экономических процессов, показаны как выражение классовых интересов тех общественных групп, которые представляли историки. Каждый историк должен быть дан не изолированно, а как представитель определенного классового течения, находившегося в борьбе с другими классовыми течениями; в этой борьбе идеологически отражалась вся вообще классовая борьба в стране.

В деятельности каждого историка и представляемого им направления должны быть выяснены все этапы развития и, – ...внутренние противоречия, свойственные идеологии классового общества» [Обсуждение 1949(б): 853–854]. Многое из отмеченного Н.М. Дружининым справедливо и при анализе самой советской историографии, если только, конечно, не рассматривать советский строй, советское общество, как якобы «бесклассовые».

Но вернемся к опубликованной в 1950 году в журнале «Вокруг света», статье С.В. Узина. Если часть его материала, в которой речь шла о первом этапе экспедиции, называлась «Сорок лет спустя» («...минуло сорок с лишним лет после возвращения Джемса Кука из его второго плавания в южных морях», как писал С.В. Узин), то, следующая за ней часть, называлась «Русский флаг у берегов Антарктиды». Получается, что, во время январских и февральских – 1820 года, подходов к Антарктиде, «русский флаг» у ее берегов, еще не был? Или С.В. Узин не рассматривал их как «берега»? Тем не менее, этот советский автор писал: «Совершив беспрецедентный по длительности и трудности рейс вокруг антарктического материка, русские корабли, несколько раз подходившие к нему вплотную, своим маршрутом определили его примерные очертания.

...Южный материк перестал быть тайной, неразрешимой загадкой. Бесплодные поиски многочисленных западноевропейских мореплавателей, в течение трех столетий безуспешно бившихся над разрешением этой заманчивой проблемы, увенчались блестящим успехом русских моряков» [Узин 1950(а): 36]. Как видно, в трактовке

С.В. Узина, Антарктида перестала «быть тайной» в результате январских, но уже 1821 года, открытий.

Книга С.В. Узина «Загадочные земли» (1950). В том же 1950 году, Географическое издательство сочло целесообразным и полезным издать пятидесятитысячным тиражом, книгу С.В. Узина «Загадочные земли». В этот сборник был включен раздел, повествующий об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. «Удастся ли русским морякам найти Южный материк, – вопрошал С.В. Узин, – или они разделят участь своих многочисленных неудачливых предшественников»? Дальнейшее изложение в этой книге, относящееся к первому этапу плавания шлюпов «Восток» и «Мирный», в точности совпадало с таким же описанием в статье. Впрочем одно слово в книжном варианте описания, было С.В. Узиным, все-таки опущено. Если в журнале он писал, что берег южного материка, «отважные мореплаватели из-за постоянно густых туманов и непрерывно идущего снега не могли... видеть», то, в тексте книги, туманы стали просто «густыми» [Узин 1950(б): 29], а не «постоянно густыми».

Не менее интересно сравнить следующий, за этим абзац. В журнальной публикации он выглядит так: «Трижды пересекли русские корабли Южный полярный круг, трижды штурмовали ледяное кольцо вокруг антарктического материка, подходя вплотную к его побережью и не имея возможности разглядеть его из-за плохой видимости» [Узин 1950(а): 36]. В книге же, можно было прочитать: «Трижды русские корабли пересекли Южный полярный круг, трижды упорно и решительно штурмовали ледяные барьеры Антарктического материка, подходя почти вплотную к его побережью, но не видя его за сплошной завесой тумана» [Узин 1950(б): 29]. Несмотря на появившиеся в книжном варианте текста усилительные эпитеты, «упорно» и «решительно», теперь получалось, что шлюпы «Восток» и «Мирный» подходили к побережью, только лишь «почти вплотную». «Не видели» Антарктиду теперь русские моряки, согласно С.В. Узину, «за сплошной завесой тумана», а не, «из-за плохой видимости».

Как и статьи во втором томе «Большой Советской Энциклопедии», статья и книга С.В. Узина, были снабжены картой Антарктиды с маршрутом экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. На этой карте, были отчетливо показаны подходы к Антарктиде – 16 января и 5 февраля 1820 г. Разными были только выводы, к которым приходили авторы соответствующих публикаций (Д.Б. Карелин и С.В. Узин).

Докладная записка министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину (1950). Ранее уже было отмечено [Овлащенко 2013: 173], что ведущим организационным событием повлекшим за собой, как проведение самого общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, так и активизацию исследовательского поиска, связанного с экспедицией

Беллинсгаузена – Лазарева, стало решение ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 года.

В докладной записке (под грифом «совершенно секретно») министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину (копии докладной записки были разосланы: И.В. Сталину, В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии, А.И. Микояну, Л.М. Кагановичу, Н.А. Булганину) от 20 февраля 1950 года, в частности, говорилось: «...Осенью 1948 года по инициативе США между рядом государств, проявляющих интерес к Антарктике (США, Англия, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Норвегия, Аргентина и Чили), были начаты неофициальные переговоры по вопросу о режиме Антарктики. Из общей печати и по сведениям, полученным из неофициальных источников, стало известно, что США, желая обеспечить свое влияние в районе Антарктики, выдвинули в ходе этих переговоров предложение об установлении так называемого «международного режима» для Антарктики и о создании для управления этой областью комиссии из представителей указанных восьми государств.

В связи с решением ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. было признано целесообразным заявить, сначала в неофициальной форме, о заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики, в дальнейшем, в зависимости от последующих обстоятельств, сделать такое заявление в официальной форме. В соответствии с этим 10 февраля п. г. (прошлого года. – *А.О.*) состоялось заседание Географического общества СССР с докладом президента Общества академика Берга, осветившим выдающуюся роль русских исследователей в открытии Антарктики и давшим научное обоснование (далее будет показано, какое на самом деле «обоснование» дал Л.С. Берг. – *А.О.*) права СССР на участие в решении вопроса о режиме этого континента. На указанном заседании Географического общества была принята соответствующая резолюция, опубликованная 11 февраля п. г.

На эту резолюцию последовал ряд откликов в зарубежных странах, причем в США и Англии выступление Географического общества было встречено неблагоприятно. Смысл этих откликов в Англии и США сводится к тому, что СССР якобы никогда не заявлял официальных претензий на район Антарктики и поэтому нет оснований для его участия в переговорах об этом районе. Переговоры указанных выше 8 держав об Антарктике к настоящему времени к определенным результатам, по имеющимся сведениям, не привели.

Министерство иностранных дел считает целесообразным в настоящее время (т. е. через год после проведения общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР. – *А.О.*) официально выступить по вопросу об Антарктике, направив всем странам – участникам переговоров об Антарктике меморандум с обоснованием своих прав в этом вопросе и с предупреждением, что

СССР не признает законным никакое решение по вопросу о режиме Антарктики, принятое без его участия. В меморандуме также сказать, что этот вопрос следует решать с участием всех заинтересованных стран и что советское правительство готово обсудить любые предложения заинтересованных сторон как относительно порядка обсуждения вопроса о режиме Антарктики, так и о характере этого режима.

Наши дальнейшие шаги целесообразно определить по получении ответов на этот меморандум.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается.

Прошу рассмотреть.

ВЫШИНСКИЙ

Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК ВКП(б)

Утвердить представленный МИД текст меморандума правительствам США, Великобритании, Франции, Норвегии, Австрии, Новой Зеландии и Аргентины (прилагается)» [Докладная 1950].

Говоря в дальнейшем об этом Меморандуме, следует иметь в виду, что с международно-правовой точки зрения, меморандум – это дипломатический документ, в котором излагается фактическая сторона вопроса, дается анализ тех или иных положений, приводится обоснование позиции. Меморандум может быть либо приложением к личной или вербальной ноте, либо самостоятельным документом, который передается лично или пересылается с курьером. В дипломатической практике СССР применялись Меморандумы Советского правительства по важнейшим международным вопросам [Словарь 1982: 103].

Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики (1950). Сам, Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики («Меморандум направлен также правительствам Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии. Разослано: Вышинскому, Громыко, Подцеробу» [Сноска 2012(a)]), в интересах анализа советской историографии заслуживает того, чтобы его, процитировать полностью:

«Вручен Временным поверенным в делах СССР в США В.И. Базыкиным заместителю Государственного секретаря США Дж. Уэббу 9 июня 1950 г.

С осени 1948 года в ряде заявлений представителей министерств иностранных дел США, Великобритании и некоторых других стран, равно как и в сообщениях мировой печати, указывалось на переговоры об Антарктике, начатые по инициативе Государственного департамента США между Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией, Норвегией, Австралией, Новой Зеландией, Аргентиной и Чили. Из тех же заявлений представителей министерств иностранных дел некоторых государств и сообщений печати следует, что целью переговоров является решение вопроса о режиме Антарктики.

Правительство Союза ССР не может согласиться с тем, чтобы такой вопрос, как вопрос о режиме Антарктики, решался без его участия. В этой связи советское правительство считает нужным напомнить о выдающихся заслугах русских мореплавателей в открытии Антарктики. Общеизвестным является тот факт, что русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев в начале XIX века впервые достигли берегов (открытия января – февраля 1820 г., или января 1821 г.? – *А.О.*) Антарктики (? – *А.О.*), обошли этот материк кругом и тем самым доказали ошибочность распространенного в то время взгляда, будто за южным полярным кругом нет земли. Эта заслуга русских мореплавателей не менее (?! – *А.О.*) важна, чем позднейшие изыскания на самом материке (значит до этого речь шла не о достижении шлюпами берегов материка? – *А.О.*) и его берегах, производившиеся экспедициями некоторых стран, представители которых заявляют в настоящее время о своей заинтересованности в определении режима Антарктики.

Как известно, территория Антарктики и прилегающие к ней воды представляют большую ценность в экономическом отношении, причем с этой стороны антарктический материк имеет значение не только для перечисленных выше государств, участвующих в переговорах о режиме Антарктики, но и для многих других государств, в том числе и для Советского Союза. Достаточно указать, что девять десятых мировой добычи китов приходится на воды Антарктики. СССР – участник китобойного промысла и международной китобойной конвенции 1946 года. его китобойные флотилии регулярно ведут китобойный промысел в антарктических водах.

То же самое следует отметить и о научном значении Антарктики, поскольку этот материк и прилегающие острова являются удобной базой для важнейших метеорологических наблюдений, имеющих значение и для северного полушария.

На указанные обстоятельства уже было обращено внимание советской общественностью. В частности, они были отмечены в резолюции общего собрания Географического общества СССР от 10 февраля 1949 г., в которой Общество подчеркнуло важнейшее значение открытий русских мореплавателей в Антарктике.

Советское правительство считает нужным заявить, что, согласно международной практике, к участию в обсуждении режима какой-либо области международного значения должны привлекаться все заинтересованные страны. Советское правительство считает, что эта международная практика должна соблюдаться и при решении вопроса об Антарктике. Оно уже имело случай указать на незаконность сепаратного разрешения вопроса о государственной принадлежности Антарктики в официальной ноте норвежскому правительству 27 января 1939 г.

Вследствие изложенного советское правительство не может признать законным любое решение о режиме Антарктики, принятое без

его участия. Оно считает, что, поскольку судьбы Антарктики представляют интерес для многих стран, в настоящее время было бы целесообразным обсудить вопрос о режиме Антарктики в международном порядке, имея в виду достижение такого соглашения, которое отвечало бы законным интересам всех заинтересованных государств.

Советское правительство со своей стороны готово рассмотреть любые предложения заинтересованных правительств как о порядке обсуждения указанного вопроса, так и о характере режима Антарктики. Оно будет признательно правительству Соединенных Штатов Америки за сообщение его точки зрения по данному вопросу» [Меморандум 1950(а)].

Как же восприняли в США этот Меморандум? Совсем краткие комментарии, приведенные на сайте «Фонда Александра Н. Яковлева», дают на этот вопрос, достаточно исчерпывающий ответ: «Перевод меморандума опубликован: *FRUS. 1950. Vol. I. P. 911–913*. Представители Государственного департамента сообщили прессе 9 июля 1950 г. о вручении меморандума, заявив, что в нем выражается желание Советского Союза, чтобы с ним консультировались при обсуждении вопроса об Антарктике, но не выдвигается (! – *А.О.*) каких-либо территориальных притязаний. Американские дипломаты заявили, что меморандум изучается, но опубликован не будет. США разослали копии перевода в британское, французское, норвежское, австралийское, новозеландское и чилийское посольства в США. В 1948 г. с этими странами, а также с Аргентиной США проводили неофициальное обсуждение вопроса о возможности соглашения по территориальным проблемам Антарктики (*Department of State Bulletin. September 5. 1948. P. 301*). При обсуждении этого вопроса в Министерстве иностранных дел Великобритании представитель Государственного департамента выразил мнение о том, что в скором времени США ответ на советский меморандум давать не будут (*Ibid. P. 915*). До конца 1950 г. не было предпринято каких-либо дальнейших действий (*FRUS. 1950. Vol. I. P. 911*)» [Сноска 2012(6)].

В центральной советской газете «Известия», от 10 июня 1950 г., было опубликовано сообщение Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС). В сообщении, в частности говорилось, что «7 июня Правительство Советского Союза направило правительствам Соединенных Штатов Америки, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии через своих дипломатических представителей в столицах указанных выше государств... меморандум по вопросу о режиме Антарктики...» [Меморандум 1950(б)]. В газете был напечатан и текст самого Меморандума.

Это сообщение ТАСС с текстом Меморандума было опубликовано в 1950 году, в одном из выпусков «Известий Всесоюзного географического общества» [Меморандум 1950(в): 337–338]. Далеко

небезынтересен состав редакционной коллегии (на начало 1950 года) этого печатного органа: академик Л.С. Берг (главный редактор), член-корреспондент АН СССР И.П. Герасимов (заместитель главного редактора), профессор С.В. Калесник (заместитель главного редактора), П.М. Алампиев, академик А.А. Григорьев, профессор О.А. Константинов, Л.Е. Родин, профессор К.А. Салищев, профессор Н.Н. Степанов.

Итак, «Антарктический Рубикон» был Советским Союзом перейден, правда, не с цезаревским «жребий брошен», а с возгласом: «Советское Правительство считает нужным заявить...». Но по смыслу происходящего, это был действительно брошенный жребий, точнее, уже выбранная и конкретно оформившаяся внешнеполитическая линия.

Интересно что, западная историография, воспринимала все происходящие события только лишь в рамках осуществления Советским Союзом его внешнеполитической, в том числе военно-морской экспансии. «Сталин и его последователи постоянно заявляют о наличии интересов СССР в морях и океанах, – писал в 1957 году в одном из выпусков *«U.S. Naval Institute Proceedings»*, французский исследователь С. Хуан. – В период после 1945 г. СССР постоянно заявляет о своих притязаниях, как морских, так и океанских, на всех направлениях: путем попыток ревизии конвенции Монтре (Конвенция о режиме Черноморских проливов 1936 г. – *А.О.*), постановкой вопроса о совместной с Турцией защите пролива Дарданеллы, требованием доступа к военно-морским базам в Триполи и Эритреи (на Потсдамской конференции) и создания международного контроля над Датскими проливами и Кильским каналом, ревизией условий договора о статусе Шпицбергена (Договор о Шпицбергене 1920 г. – *А.О.*), претензиями на территории, открытые Беллинсгаузеном на Южном полюсе...» [Киличенков 2009: 168–169].

Несмотря на то, что 7 июня 1950 г. правительство СССР направило правительствам США, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии – Меморандум по вопросу о режиме Антарктики [Меморандум 1950(6)] и мир, таким образом, был недвусмысленно оповещен о начале проведения Советским Союзом его антарктической политики, о планируемом активном участии СССР в связанных с южнополярным континентом межгосударственных отношениях, до полноправного признания в Советском Союзе, а затем и в России факта открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, должно еще было пройти определенное время [Овлащенко 2013: 285].

И если цезаревское «*Alea jacta est!*», означало начало гражданской войны, то, «оглашенный» Меморандум, таковой причиной для межгосударственных войн не стал. Как только что было отмечено, при обсуждении этого вопроса в Министерстве иностранных дел Великобритании, представитель Государственного департамента

выразил мнение о том, что в скором времени, США ответ на советский меморандум давать не будут. Согласно с этим, до конца 1950 г. не было предпринято каких-либо дальнейших действий [Сноска 2012(б)]. Зато в самом Советском Союзе набирала ход «историографическая война» между географами и историками – сторонниками и противниками признания факта первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, которое произошло 16(28) января 1820 г..

При только еще, лишь намечающемся отторжении идеи (при предыдущей, на протяжении нескольких десятилетий, полной индифферентности к ней) о секторальном разделе Антарктики, Советский Союз, официально, в середине-конце 40-х годов не проявлял большой заинтересованности и в интернационализации (при имеющейся определенной склонности к проведению последней) Антарктиды и окружающих ее океанических и морских вод.

О том что, для СССР, предпочтительным было заключение международного соглашения по Антарктике, и то, что антарктические сектора (владения) формально не отрицались в России, а затем, и в Советском Союзе на протяжении длительного периода времени, свидетельствует упоминание в докладе академика Л.С. Берга на собрании в Географическом обществе 10 февраля 1949 г. так называемой Африканской конференции (в Берлине), когда в 1884–1885 гг., встал вопрос о территориальном разграничении в Экваториальной Африке и о судоходстве по р. Конго. На этой конференции вопрос был разрешен, причем участвовали в ней не только государства, имевшие владения в Африке (Англия, Франция, Италия, Португалия), но и другие страны, заинтересованные в разрешении этого вопроса для политико-экономического упорядочения африканской торговли (Россия, США, Нидерланды). В качестве серьезного прецедента для разрешения проблемы правового режима Антарктики, как, в свое время, это было в случае с недостаточно еще изученным «черным материком» – Африкой, этот пример, в дальнейшем использовался в статьях советских юристов-международников (тем не менее, советский юрист-международник В.Н. Дурденевский подчеркивал, что принцип эффективной оккупации был распространен участниками Берлинской конференции лишь на африканский материк) [Овлащенко 2009(б): 37].

Собственно юридических, международно-правовых работ по антарктической проблематике с момента проведения общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР в феврале 1949 г., и, до заключения Договора об Антарктике 1 декабря 1959 г., т. е. за десятилетие, в ведущих научных изданиях Советского Союза было опубликовано чрезвычайно мало, – только две! Это свидетельствует, как об осторожности в освещении этих вопросов, так и о реальном отсутствии в стране, выработанной доктринальной точки зрения на них (в этот период можно говорить лишь о своеобразной

международно-правовой «протодоктрине» в этой области). А ведь такие работы были тогда очень востребованы.

Все в том же 1949 году С. Михайлов, автор статьи в журнале «Вопросы экономики», писал: «...Борьба вокруг Антарктики является одним из ярких примеров того, как... попирают международное право и стремятся урезать законные права Советского Союза... вытекающие из великих русских открытий в Антарктике» [Михайлов 1949: 71]. В конце его статьи, было подчеркнуто: «Историческая справедливость, благоговение перед памятью бесстрашных русских мореплавателей – первооткрывателей Антарктики обязывают самым решительным образом протестовать против попыток установления без Советского Союза какого-либо статута для Антарктиды» [Михайлов 1949: 73].

В последующем, упомянутая чуть выше подобная «осторожность», приняла совершенно гипертрофированные, и, вряд ли действительно оправданные интересами государства, формы. Практически до 1991 года, без разрешения Отдела по проблемам атмосферы и Мирового океана Государственного комитета СССР по науке и технике или Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований (ВНИИСИ) Академии наук СССР, запрещено было, открытое опубликование материалов (а также оглашение на международных зарубежных и открытых внутрисоюзных съездах, конференциях, совещаниях, симпозиумах, публичная защита диссертаций), в которых затрагивались проблемы, связанные с международно-правовыми вопросами изучения и освоения Антарктики (южнее 60-й параллели южной широты). Причем даже в случае опубликования, ряд сведений в необходимых случаях требовал согласования ВНИИСИ АН СССР с Министерством иностранных дел СССР, Государственным комитетом СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды, другими министерствами (ведомствами) в части, их касающейся [Перечень 1987: 99] (этот «Перечень», был приобретен автором в 2004 г. в одном из рижских книжных магазинов. – А.О.). Это обстоятельство, фактически исключающее научную дискуссию, конечно не могло не сказаться на числе и уровне публикаций – в 60–80-е годы, поскольку у ряда юристов-международников («территориальщиков», специалистов по международному морскому праву) попросту «отбили охоту» заниматься проблемами эволюции Системы Договора об Антарктике [Овлащенко 2009(б): 39, сноска 25; Овлащенко 2013: 264–265].

Ключевые положения резолюции общего собрания Всесоюзного географического общества, были положены в основу Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики от 7 июня 1950 г. [Меморандум 1950(б)]. В этом Меморандуме, который зарубежные юристы-международники образно называли «становым хребтом» советской антарктической политики [Antarctica 1965: 13], говорились в частности, о том, что «в настоящее время было бы

целесообразно обсудить вопрос о режиме Антарктики в международном порядке, имея в виду достижение такого соглашения, которое отвечало бы законным интересам всех заинтересованных государств».

Статья доктора юридических наук В.Н. Дурденевского о правом положении Антарктики (1950). В 1950 году была опубликована первая (первая со времени открытия Антарктиды русской экспедицией?) работа русского (советского) юриста, посвященная правовым вопросам Антарктики. Эта небольшая, представленная кафедрой международного права МГУ, статья доктора юридических наук, профессора В.Н. Дурденевского, поступила в редакцию Вестника Московского университета 6 апреля 1950 г., т. е. ровно за два месяца до опубликования Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики (опубликована статья была в июльском номере Вестника).

В своей работе, В.Н. Дурденевский обращал внимание прежде всего на то, что «правовое положение так называемых приполярных областей принадлежит к числу важных вопросов международного права и практики» [Дурденевский 1950: 111]. При оценке правовых теорий («пространства общего пользования – открытого моря и ничьей земли»; «международного совместного властвования – кондоминиума»; «системы секторов») предлагалось иметь в виду весьма существенные различия северных и южных полярных областей – Арктики и Антарктики (материка Антарктида). В.Н. Дурденевский особо подчеркивал, что, «совместное международное решение о режиме такого материка имеет серьезных защитников даже в западной литературе (канадец Ривс в 1934 г., бразилец Аксиоли в 1942 г., египетский юрист Даниэль в 1949 г.)» [Дурденевский 1950: 112].

Обращает на себя внимание, буквально дословное совпадение текста статьи В.Н. Дурденевского, с процитированным уже выше, описанием правовых проблем Антарктики. Последнее, вошло во второй том (второго издания) «Большой Советской Энциклопедии» [Антарктика 1950: 485] (автор этого фрагмента статьи в энциклопедии В.Н. Дурденевский?). В то же время, интересна ремарка этого юриста-международника по поводу того, что, «в смысле минеральных ресурсов этот материк обещает очень многое» [Дурденевский 1950: 112].

Следующее за этим описание антарктических правоприятий различных государств, установления ими секторов в Антарктике, В.Н. Дурденевский заключает следующей фразой: «Государственный Департамент не высказался определенно за создание сектора США, рассчитывая иметь гегемонию на всем материке» [Дурденевский 1950: 112]. Такая оценка В.Н. Дурденевского, исправляла, его же (но, «совместную» с профессором В.Н. Грабарем) «ошибку», допущенную в изданном в 1947 году учебнике по международному праву (текст учебника в основном был выполнен его авторами в 1946 году и подготовлен к печати в начале 1947 г.; последняя правка, внесенная

редакторами, относится к августу 1947 г.). Тогда, авторы главы «Территория в международном праве» – профессор В.Н. Дурденевский и профессор В.Э. Грабарь, писали: «Под «полярными секторами» разумеют в настоящее время пространства Арктики и Антарктики, ограниченные определенными меридианами, причем все земли и острова внутри «сектора» вплоть до полюса считаются территорией государства, объявившего сектор своим. Впервые Англия в 1917 г. установила свой сектор в Антарктике к югу от земли Росса (передан в управление Новой Зеландии)» [Международное 1947: 215–216]. В примечании к этому абзацу, было отмечено: «В настоящее время имеются (1946) арктические секторы у СССР, США, Канады, Дании, Норвегии; в Антарктике – у Великобритании и США (у США не было и они не объявляли своего антарктического сектора. – *А.О.*); на часть побережья претендует Норвегия, устроившая там охотничье хозяйство» [Международное 1947: 216, сноска 1].

Несмотря, на то, что правительственным Меморандумом, Советский Союз фактически выступил за интернационализацию Антарктики, в самой статье В.Н. Дурденевского, это слово бралось в еще кавычки. Он писал: «Эти факты и предложения США об «интернационализации» Антарктики не могли пройти мимо внимания советской общественности» [Дурденевский 1950: 113].

Процитированный выше, К. Осипов (Куперман), «бил» уже «прямо в цель»: «...В августе 1948 г. правительство США объявило, что оно вступило в переговоры с заинтересованными капиталистическими странами об организации «международного управления» Антарктикой. Нетрудно понять, в чем смысл такого предложения: прикрываясь формальной «интернационализацией Антарктики», США в действительности хотят сосредоточить в своих руках все нити, заставив послушные им «маршализованные» страны отодвинуться на задний план.

...Среди этой вакханалии жадных поползновений, взаимных происков и связанных с подготовкой новой войны манипуляций, исключение представляет позиция Советского Союза».

Конечно же никакого «исключения» позиция Советского Союза не представляла. Даже такой документа как Меморандум был преисполнен эклектизмом, не говоря конкретно, о каких-либо правопритязаниях СССР на Антарктиду. «По простому», это объяснял все тот же К. Осипов (Куперман): «...Советский Союз не может и не желает допустить, чтобы судьба Антарктиды решалась помимо него, без его участия» [Осипов 1950: 58–60].

Интересно что, рассматривая правовые вопросы арктических территорий и морских пространств, В.Н. Дурденевский, писал о том, что «в порядке обычая «молчаливых соглашений» установились пределы секторов США, Канады (из перечисленных, только эта страна первая установила и всегда придерживалась секторального принципа. – *А.О.*),

Дании, Норвегии, показанные на карте Арктики в итальянском атласе «Туринг-Клуб» (изд. 1936 г.)» [Дурденевский 1950: 113]. Однако в советских атласах, изданных в 30-е–40-е годы, также безоговорочно (в порядке «молчаливого соглашения»?) обозначены были антарктические сектора (подробнее об этом сказано выше). Современный российский автор, согласно с этим, пишет: «До середины XX в. антарктическая политика СССР ограничивалась спорадическими акциями. ...На советских географических картах 30-х–50-х годов пунктиром (не обязательно «пунктиром». – *А.О.*) наносились самопровозглашенные антарктические владения великих держав. Сталин, похоже, допускал возможность признания раздела Антарктики по образцу других континентов» [Фененко 2011: 20].

Что же побудило Советский Союз, активизировать, а фактически заново – в течение 1949–1950 гг., сформировать свою антарктическую политику, попытаться выработать конкретную международно-правовую позицию по этому вопросу. Наряду с другими, несколько причин сыграли здесь определяющую роль. В наиболее широком контексте такой, стратегически важный регион, как Антарктика, в условиях уже наметившегося глобального политического, экономического и военного противоборства между СССР и США, не мог, естественно, не привлечь к себе пристального внимания советского руководства. Сыграла здесь свою конкретную роль, полученная зарубежными экспедициями информация об антарктических минеральных ресурсах, о вероятности нахождения на материке урановых руд [Овлащенко 2009(б): 38].

Уже с первых послевоенных лет в открытых публикациях, советские специалисты, начинают обращать на это особое внимание. Например (и, как обычно, в таких случаях со ссылкой на «публикации в иностранной печати»), в опубликованной в 1947 году статье, речь шла о поисках американцами антарктического урана. Автор статьи, писал: «Иностранная печать, особенно тех стран, которые заинтересованы в Антарктике (Англия, Аргентина), прямо указывала: «Они (американцы) ищут минеральные богатства – уголь, нефть, медь. Они ищут самый дорогой металл – уран» [Рябчук 1947: 117]. «Самолеты центральной группы (экспедиции Бэрда. – *А.О.*), – обращал внимание, автор этой статьи В.Г. Рябчук, – имевшие электронные поисковые приборы, нашли гору высотой в 4500 м, с залежами радиоактивного вещества. Американцы упоминают о ней вскользь, называя ее гора «Х-лучи» (*X-ray*)» [Рябчук 1947: 119]. Советский военно-морской специалист, также процитировал следующие слова Бэрда: «Когда мы сможем снять часть ледяного покрова, мы найдем ископаемые, которые можно будет отлично использовать для атомной бомбы» [Рябчук 1947: 119].

Статья В.Г. Рябчука, стала возможно одной из первых, где особое внимание обращалось на поиски антарктического урана. Вообще для понимания возникновения и последующей эволюции антарктической политики Советского Союза, тема военного (в первую очередь) и

мирного атома, поисков и добычи урана, представляется весьма значительной (в том числе, опосредствованно, для понимания историографии факта первооткрытия Антарктиды Первой русской антарктической экспедицией) [Овлащенко 2013: 132–136].

Объективности ради, надо отметить, что, на уран, иногда «не обращали внимание» профильные специалисты, а именно, военные (возможно, что намеренно «не обращали внимания»). В изданных в 1948 году Гидрографическим Управлением Военно-Морских Сил «Материалах по лоции Антарктики», капитан 2 ранга В.И. Воробьев давал весьма сдержанные оценки: «Природные богатства Антарктики еще не выяснены. Обнаруженный в небольшом количестве каменный уголь оказался низкосортным и, кроме того, большинство залежей расположены на Антарктическом материке в значительном удалении от побережья и труднодоступны. На побережье материка в районе мыса Денисон (шир. 67° S, долг. 143°40' O, берег Короля Георга V) обнаружены кварцевые жилы, содержащие в небольшом количестве берилл, турмалин, гранат, а также железная руда и молибден. Здесь же были найдены следы золота, серебра и олова. На побережье Земли Мэри Берд обнаружены железо и свинец. На островах архипелага Пальмер была обнаружена медь, а сведения о наличии меди на Южных Шетландских островах пока не подтвердились» [Воробьев 1948: 13]. Наибольшее внимание в «Материалах по лоции Антарктики», было обращено на развитие китобойного промысла [Воробьев 1948: 13–31].

В области внешней политики и дипломатии основным иницирующим фактором, заставившим СССР «вспомнить» об Антарктике, активно отстаивать, использовать и пропагандировать на международной арене и внутри страны факт первооткрытия континента Антарктида русской экспедицией 1819–1821 гг., стало опубликованное в августе 1948 г. (весь год прошел под знаком напряженной борьбы между Англией, с одной стороны, и Аргентиной и Чили – с другой, за районы Антарктики; когда этот спор, в общем длившийся уже десять лет в 1949 г. внезапно затих, появились основания считать, что это произошло не без участия Соединенных Штатов, «стремящихся сколотить блок против Советского Союза в вопросе о режиме антарктического района» [Денисов 1950: 25–26]) Государственным департаментом США было опубликовано сообщение о том, что им начаты неофициальные переговоры с Англией и ее доминионами, с Францией, Норвегией, Аргентиной и Чили о возможности «интернационализации» Антарктики.

Таким образом, Советский Союз, не имевший на материке территориальных претензий, не проводивший южнополярных научных исследований с момента первой экспедиции (если не считать начавшихся, с первых походов китобойной флотилии «Слава», отдельных научных наблюдений; согласно оценкам некоторых советских авторов, китобойная флотилия, «имела одной из своих основных задач постановку научно-исследовательских работ» [Голубев

1949: 68]), был произвольно исключен из числа государств, определявших судьбу Антарктики.

С другой стороны, стремительно набиравший внешнеполитическую мощь сталинский Советский Союз, не имевший в то время (только что закончилась тяжелейшая для страны война и, шел период восстановления народного хозяйства, экономики в целом) возможности осуществлять в Антарктике влиятельное морское и тем более континентальное присутствие (в принципе верно, что «без океанского флота СССР вряд ли мог бы содержать полноценную инфраструктуру в Антарктике» [Фененко 2011: 4]), был склонен в качестве реального компромисса, к проведению международных переговоров, которые, в конечном счете, с учетом интересов СССР определили бы правовой статус и режим континента и окружающих его вод, а также находящихся там природных ресурсов [Овлащенко 2007: 245–259; Овлащенко 2009(б): 34–39; Овлащенко 2013: 263–264].

Статья Б. Леонтьева «К вопросу о режиме Антарктики» (1950). В июле 1950 года в газете «Правда», была опубликована статья Б. Леонтьева «К вопросу о режиме Антарктики». Появление этой статьи, было непосредственно связано с июньским Меморандумом Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики. Одна из главных целей автора опубликованного материала, заключалась в том, чтобы в максимальной степени фальсифицировать (вполне понятно, что в нужном «направлении») отзывы зарубежной прессы на упомянутый Меморандум.

Вот, в частности, что писал Б. Леонтьев: «Меморандум Советского Правительства от 7 июня 1950 г. по вопросу о режиме Антарктики вызвал оживленные отклики зарубежной печати. Наиболее характерной и интересной чертой этих откликов является прямое или косвенное, добровольное или вынужденное признание справедливости и законности точки зрения СССР. Даже самые злобные и провокационные «возражения» американской, английской, французской или норвежской прессы содержат такие исторические и правовые аргументы, которые целиком и полностью говорят в пользу (*sic!* – *A.O.*) требований, выдвинутых в Меморандуме Правительства СССР.

Точка зрения Советского Союза, как известно, состоит в том, что никакое решение о режиме Антарктики, принятое без участия СССР, не может быть признано законным.

...Это основное требование, содержащееся в Меморандуме, неоспоримо. Ничто не может оправдать произвольного выбора восьми стран, которые начали в 1948 году, по инициативе госдепартамента США, сепаратные переговоры по вопросу о режиме Антарктики. Вся пресса западных держав вынуждена признать, что эта затея правящих кругов Соединенных Штатов Америки и Великобритании «оправдывается» исключительно тем, что эти державы... не желают

«расширения круга вопросов» международной жизни, в решении которых Советский Союз принимает участие.

...Еще десять месяцев тому назад, в сентябрьском номере американского журнала «Юнайтед нейшнс уорлд» за 1949 год, была помещена статья члена английского парламента Эдуарда Шеклтона, сына известного полярного путешественника. Он пишет: «Антарктика должна находиться под международным управлением, осуществление которого необходимо поручить Организации Объединенных Наций. Прискорбно, что боязнь привлечь в этот район России заставила Америку и Англию созвать конференцию помимо Организации Объединенных Наций».

Наконец, завуалированное (? – *А.О.*) признание правильности требований, выдвинутых в Меморандуме..., содержится и в первом отклике (действительный текст его, см. выше. – *А.О.*) государственного департамента США на этот Меморандум. Неуклюже (напротив, опираясь на положения международного права. – *А.О.*) пытаюсь «оправдать» свои сепаратные действия по созыву конференции без участия СССР, госдепартамент заявил, что это случилось (*sic!* – *А.О.*) потому, что «ни одно правительство России ни при советском, ни при царском режиме никогда не выдвигало никаких требований в отношении Антарктики».

В Меморандуме от 7 июня содержится такое требование...» [Леонтьев 1950].

Каким же историческим материалом подкреплял, в своей статье Б. Леонтьев, требования Советского Союза. Он отмечал: «...Общепризнанным является тот факт, что русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев в начале XIX века впервые достигли берегов Антарктики, обошли этот материк кругом и тем самым доказали ошибочность распространенного в то время взгляда, будто за Южным полярным кругом нет земли.

Приоритет в деле открытия южного материка – Антарктики (надо «Антарктиды!»! – *А.О.*) принадлежит русским.

...Экипажи русских кораблей «Восток» и «Мирный» являются подлинными колумбами Антарктики.

Всесоюзное географическое общество на своем заседании в феврале 1949 года, заслушав доклад своего президента академика Л.С. Берга..., констатировало «выдающуюся роль русских исследователей-ученых в деле открытия Антарктики, опровергнувших своими открытиями утверждение ряда иностранных исследователей, в том числе известного английского мореплавателя Джеймса Кука, отрицавших существование Антарктического материка».

Русские мореплаватели... обошли вокруг Антарктического материка, впервые подошли к его берегам и открыли 22 января 1821 года остров Петра Первого, Землю Александра Первого, острова Траверсе и другие» [Леонтьев 1950].

Как видно, в основу собственно «исторической части» статьи Б. Леонтьева, был положен доклад Л.С. Берга – со всеми его эклектизмами, а то, и нелепостями. Наконец, с неприкрашенной фальсификацией (Л.С. Берг был одним из «первоисточников» таких исторических фальсификаций. – *А.О.*) «взглядов» Дж. Кука на проблему «южного материка», его якобы, «отрицания» существования последнего.

Громогласные заявления Б. Леонтьева, по типу того, что «приоритет в деле открытия южного материка (да еще и названного в его тексте «Антарктикой». – *А.О.*)... принадлежит русским», или же, его указание на участников экспедиции, как на «подлинных колумбов Антарктики», мало интересовало Запад. Нужны были иные, конкретные политико-правовые аргументы. В своей, опубликованной в середине 1950 года статье, Б. Леонтьев даже не упомянул те факты, которыми обогатилась советская историография со времени общего собрания ВГО в феврале 1949 года. Вместо этого, он приводит ничего не добавляющие по существу, некие, и, якобы «говорящие сами за себя признания» секретаря британского Королевского географического общества Л. Кируэна.

«Таковы..., – убеждал своего читателя Б. Леонтьев, – и все другие высказывания иностранной печати о великих русских открытиях в Антарктике. Их просто невозможно отрицать» [Леонтьев 1950]. И продолжал: «Американская газета «Кричсен сайенс монитор» лепечет (*sic!* – *А.О.*), что вклад русских в исследовании Антарктики якобы «никогда не умаялся намеренно нерусскими авторами» [Леонтьев 1950]. Парадокс в том, что не возвышался, а намеренно умаялся такой вклад и русскими, и «нерусскими авторами» в самой советской историографии. Сам Б. Леонтьев, вслед за Л.С. Бергом фальсифицируя итоги и главные результаты Первой русской антарктической экспедиции, занимался подобным «умалением».

«Ни норвежская, – продолжал уверять Б. Леонтьев, – ни французская, ни британская пресса не решается «опровергать» всем известные факты (вопрос только в том, что этот автор подразумевал под такими, «всем известными фактами»? – *А.О.*). Вместе с тем англо-франко-американская пропаганда все же пытается найти хоть какие-нибудь «аргументы» для несогласия с требованиями СССР.

Враги международного сотрудничества ищут «аргументы» в юридически-правовой области. «Претензии русских в Антарктике основаны на путешествиях русских мореплавателей Беллинсгаузена и Лазарева... – писала, откликаясь на Меморандум Советского правительства, английская газета «Ньюс кроникл», – однако Россия не закрепила эти открытия методами, признанными международным правом – занятием территории и управлением ею». Ту же мысль повторяет и еженедельник «Спектейтор», разъясняющий с видом авторитета: «Открытие само по себе... имеет небольшое значение с точки зрения международного права, если за ним не следует утверждение прав

и признание этих прав другими державами». «Советский Союз никогда не аннексировал каких-либо территорий в Антарктике», – вторит норвежская газета «Норгес хандельс ог шефартстиденде».

Что все это означает по отношению к ненаселенным областям далекой и непригодной для жизни человека Антарктики? Ровно ничего, кроме пустой болтовни...

Сейчас речь идет именно о том, чтобы вынести имеющие юридическую силу международные решения по вопросу о режиме и правах разных стран в Антарктике, и к этому призывает Меморандум Советского правительства.

...Буржуазная пресса не смогла подсказать правительствам англо-американского блока никаких убедительных аргументов для возражений на Меморандум...» [Леонтьев 1950]. Очевидно подобными публикациями, советская пропаганда намеревалась «справиться» с (во многом уже консолидированной) антарктической политикой Запада.

Статья В. Первалова «Приоритет русских открытий в Антарктике» (1950). В 1950 году в ежемесячном общественно-политическом и теоретическом журнале ЦК ВЛКСМ «Молодой большевик», была опубликована статья В. Первалова – «Приоритет русских открытий в Антарктике». Нетрудно заметить что, статья эта, была одноименна брошюре академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева, напечатанной под эгидой Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний [Григорьев, Лебедев 1950]. Статья начиналась с невероятной по своей откровенности мистификации. «Русскому народу, – писал В. Первалов, – принадлежит великая, признанная (*sic!* – А.О.) всем культурным миром честь географического открытия материка Антартиды и нескольких островов в омывающих ее водах» [Первалов 1950(а): 69].

Лишь на высоте «видений» самой советской пропаганды, только и можно было «дописаться» до такого. Действительно, «культурный мир» прекрасно знал об открытии экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, но, об открытии «нескольких островов» – Петра I и Александра I. Говорить о подобном же признании за русской экспедицией – со стороны зарубежной историографии – открытия самой Антарктиды, было со стороны В. Первалова что называется «чересчур».

Поскольку статья В. Первалова носила «постмеморандумный» характер, в своей статье, он реализовывал соответствующую линию повествования. «...Этот материк, – продолжал В. Первалов, – имеет большие экономические перспективы, и отношение к нему со стороны различных стран мира может развиваться прежде всего на основе того исторического права, которое определяется историей его географического открытия. В этом случае важно помнить о приоритете русских в открытии Антарктиды» [Первалов 1950(а): 70]. Не вполне понятно, почему было «важно помнить» об упомянутом приоритете, если честь открытия Антарктиды русским народом, согласно самому В.

Перевалову, была признана всем «культурным миром». Кроме того, отношение к Антарктиде, давно уже развивалось далеко не только на основе «исторического права».

Несогласие Советского Союза с инспирированными, в 1948 году США переговорами о режиме Антарктики, В. Перевалов объяснял прежде всего тем, что «за Советским Союзом остается непререкаемое право приоритета географических открытий в Антарктике» [Перевалов 1950(а): 70]. Интересно, что характеризуя научно-прикладное значение Антарктики, В. Перевалов (помимо уже ставшими традиционными для советских авторов, упоминаний о богатстве ее природных ресурсов), обратил особое внимание на метеорологические наблюдения. Причем он развил эту тему, вплоть до того (и это, очевидно, впервые прозвучало так явно в открытых советских изданиях), что, «в транспортном отношении метеорологические данные Антарктики могут иметь существенное значение для Северного морского пути» [Перевалов 1950(а): 70].

Надо заметить, что в Советском Союзе важность метеорологических наблюдений в Антарктике обосновывалась и ранее. Директор Арктического научно-исследовательского института Главсевморпути при СНК СССР В.Х. Буйницкий, в 1945 году в связи с двадцатипятилетием этого института, писал: «Нынешний уровень развития арктической науки ставит перед советской наукой и такую новую задачу, как переход от изучения арктической области к изучению полярных стран. Занимаясь исследованиями циркуляции атмосферы в Арктике, В.Ю. Визе подметил, что в течении атмосферных процессов высоких широт северного и южного полушарий существует весьма определенно выраженная сопряженность. Установлено, что потеплению Арктики отвечает потепление в Антарктике, колебания атмосферного давления в Антарктике предвещают соответствующие колебания давления в Арктике.

Таким образом, познание атмосферных процессов, формирующих погоду в северном полушарии, не может быть полным, если эти процессы будут изучаться оторванно от южного полушария. Безусловно, что еще более тесной должна быть сопряженность явлений и процессов, происходящих в стратосфере, ионосфере и особенно магнитном поле северной и южной полярных областей. Однако наблюдениями, которые могли бы это бесспорно доказать, мы пока не располагаем. Не располагаем потому, что, несмотря на довольно большое количество экспедиционных исследований, проведенных в Антарктике в различное время различными государствами, до сих пор там нет, ни одной постоянной даже обыкновенной метеорологической станции.

Нам представляется, что именно советские ученые должны положить начало систематическому изучению Антарктики путем организации постоянно действующей геофизической обсерватории, в частности в районе Южного полюса. К этому имеются все предпосылки,

и в первую очередь, предпосылки, обусловленные достижениями советской арктической науки» [Буйницкий 1945: 12–13].

Говоря о собственно исторических вопросах, В. Перевалов задавался вопросом: «Когда и как произошло открытие Антарктиды, исследование ее вод»? И дальше, сам отвечал на этот вопрос так: «Первое обследование последних, приведшее к открытию самой Антарктиды, было сделано 130 лет тому назад русскими моряками и учеными. История их плавания – непрекращаемое (как видно, тезис о «непрекращаемости» В. Перевалов повторял уже дважды. – *А.О.*)» [Перевалов 1950(а): 70]. Конечно же, «первое исследование последних» произошло раньше, взять хотя бы, плавания Дж. Кука. Но, для пропаганды все средства хороши, а поэтому, прежние южнополярные исследования «в счет не шли».

Несмотря на упомянутую, заявленную «непрекращаемость», В. Перевалов писал дальше: «Советское правительство в своем меморандуме сочло нужным напомнить о выдающихся заслугах русских мореплавателей в открытии Антарктики (опять «Антарктики»! – *А.О.*). Этот общепризнанный факт («открытие Антарктики»?! – *А.О.*) ускользает из поля внимания некоторых зарубежных дипломатов, когда они вступают в беседы (? – *А.О.*) о режиме Антарктики. Между тем этот факт утверждает за Советским Союзом право первооткрывателя, которое обычно учитывается международной практикой при разрешении вопроса о режиме какой-либо области международного значения. Антарктика же как раз является такого рода областью.

Право первооткрывателя в данном случае представляется еще более значительным потому, что англичане в прошлом были на пути к открытию Антарктиды, но ошибочно сошли с этого пути.

...Английские ученые согласились с мнением Джемса Кука о том, что антарктический материк не существует, и прекратили дальнейшие поиски его.

...Задачу первоначального исследования южно-полярных вод приняла на себя Россия» [Перевалов 1950(а): 71–72].

А вот, как предстают в описании В. Перевалова, важнейшие экспедиционные дни: «16 января 1820 года шлюпы... вплотную подошли к берегу антарктического континента... Сильный снегопад не позволил путешественникам увидеть простирающиеся вдали горы Антарктиды. Но буристые льды и полет птиц убеждали их в близости земли. На современных картах эта часть Антарктиды носит название Земли принцессы Марты; так называли ее норвежцы в 1930 году, через 110 лет после ее открытия русской экспедицией. Теперь точно известно, что Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев находились всего лишь 20 километрах от антарктического материка» [Перевалов 1950(а): 72]. Из такой интерпретационной модели В. Перевалова (или же, по крайней мере, из такого его изложения) следовало, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева, якобы открыла Землю принцессы Марты, а,

отнодь не Антарктиду, в близости которой «убеждали их» бугристые льды и полет птиц. «Помешал» сильный снегопад.

Конечно ничего нового в такой трактовке событий 16(28) января 1820 года, у В. Перевалова, нет. Она уже хорошо знакома нам, и широко бытовала в советской историографии. Могли отличаться лишь некоторые нюансы, те или иные – действительные или мнимые – события выходили на первый план, либо «задвигались» на второй.

«5 февраля 1820 года, – продолжал В. Перевалов, – ...шлюпы снова находились поблизости от антарктического материка. Участник экспедиции мичман П.М. Новосильский писал о разных признаках берега, он не сомневался в том, что перед путешественниками открылось пространство неизвестной суши. Такого же мнения был и руководитель экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузен (с другой стороны, у В. Перевалова, вопреки новым тенденциям в советской историографии, четко было указано: «Шлюпом «Восток» командовал начальник экспедиции капитан Ф.Ф. Беллинсгаузен [Перевалов 1950(а): 72]. – *А.О.*)» [Перевалов 1950(а): 72–73]. И вновь В. Перевалов, старается перевести всю суть происходившего лишь к неким, «разным признакам». Причем в угоду своей «линии», этот советский автор, ставит здесь мнение мичмана на первое место, а руководителя всей экспедиции – на второе. А, «мнение» это, было предельно конкретным: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212].

«24 февраля – продолжает еще дальше В. Перевалов – суда еще раз приблизились к берегу Антарктиды в районе, впоследствии названном Землей королевы Мод.

Так впервые в истории науки русские мореплаватели установили существование южно-полярного материка. Дата 16 января 1820 года – это первый факт (? – *А.О.*) географического открытия Антарктиды» [Перевалов 1950(а): 73]. Не вполне понятно, что из повествования самого В. Перевалова, должно было убедить читателя в таком «первом факте»? Но во всяком случае (и это становилось уже достаточно характерным для публикаций советских авторов, пусть и непоследовательных в своих оценках и выводах), на сопровождающей статью В. Перевалова карте плавания Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, особо были выделены даты: 16.I.1820 г.; 21.I.1820 г.; 5–6.II.1820 г. [Перевалов 1950(а): 71].

После этого В. Перевалов писал: «Второй антарктический рейс (здесь этот автор явно «путал» экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева с советской китобойной флотилией «Слава». – *А.О.*) принес крупнейшие географические открытия» [Перевалов 1950(а): 73]. Но если само открытие Антарктиды весьма скромно обозначено у В. Перевалова, как «первый факт географического открытия Антарктиды», то открытие

островов Петра I и Александра I, уже, как «крупнейшие географические открытия». Налицо также явное, причем неверное смещение в оценке масштабов этих, в общем-то несопоставимых, но действительно взаимодополняющих событий.

Описывая дальнейшую политико-правовую судьбу острова Петра I, В. Перевалов давал такие, свои пояснения: «В 1931 и 1939 годах Норвегия пыталась объявить остров Петра I своею собственностью. Однако советское правительство сообщило Норвегии, что оно не может признать законным это ее действие и считает необходимым резервировать свою точку зрения на государственную принадлежность территории, открытой русскими мореплавателями.

В меморандуме советского правительства по вопросу о режиме Антарктики факт непризнания действия Норвегии по захвату острова Петра I упоминается как указание на незаконность сепаратного разрешения вопроса о государственной принадлежности Антарктики. В нем говорится о необходимости соблюдать международную практику, одним из оснований которой является признание приоритета открытия, историческое право первооткрывателя на преимущественное использование части территории, находящейся в целом под международным управлением» [Перевалов 1950(а): 73].

Давая традиционную для советской историографии, искаженную картину ситуации вокруг острова Петра I (в случае В. Перевалова, Норвегия, де-мол, дважды – в 1931 и 1939 г. – «пыталась объявить» и пр.) этот советский автор довольно расширительно «цитировал-толковал» текст самого Меморандума. Текст Меморандума гласит: «...Советское правительство считает нужным заявить, что, согласно международной практике, к участию в обсуждении режима какой-либо области международного значения должны привлекаться все заинтересованные страны. Советское правительство считает, что эта международная практика должна соблюдаться и при решении вопроса об Антарктике. Оно уже имело случай указать на незаконность сепаратного разрешения вопроса о государственной принадлежности Антарктики в официальной ноте норвежскому правительству 27 января 1939 г.» [Меморандум 1950(а)].

Как видно, в Меморандуме, совсем не идет речь о соблюдении некоей «международной практики», одним из оснований которой, согласно В. Перевалову, «является признание приоритета открытия, историческое право первооткрывателя на преимущественное использование части территории, находящейся в целом под международным управлением» [Перевалов 1950(а): 73]. Такая переваловская новелла однако, могла бы «сделать честь» для советских юристов-международников тех лет. Любое достижение и итоги экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева советская историография в то время, использовала для подтверждения «приоритета русских открытий в Антарктике». Но пожалуй самые «крайние формы» это приняло,

именно в статье В. Перевалова (возможно что это произошло в связи с самой направленностью журнала «Молодой большевик»). К примеру, В. Перевалов писал: «Экспедиция привезла в Россию богатые коллекции по ботанике, зоологии и этнографии посещенных ею местностей. Они хранятся в музеях нашей страны и в настоящее время как вещественное подтверждение русского приоритета в исследовании Антарктики» [Перевалов 1950(а): 73]. Не стоит очевидно и говорить, насколько богатые коллекции были собраны в результате плаваний Дж. Кука. Как хорошо известно, в составе участников его экспедиций, широко были представлены ученые-естественники.

Цитируя в очередной, который уже для советских авторов раз некоторых западных специалистов («виднейших авторитетов зарубежной географии»), якобы «восторженно» отзывавшихся об итогах Первой русской антарктической экспедиции (но, вовсе никогда и не заикавшихся о том, что эта экспедиция открыла Антарктиду) В. Перевалов утверждал: «Блестящие результаты русской антарктической экспедиции получили сразу же признание, и не только в России, но и за ее рубежом. Русская экспедиция, открывшая материк Антарктиду (еще раз подчеркнем, что, ничто в изложении и оценках самого В. Перевалова, не могло свидетельствовать о таком открытии. – *А.О.*) и около 30 ранее неизвестных островов, совершила великий географический подвиг.

Весь ход дальнейших исследований Антарктики и вся документальная (? – *А.О.*) литература о ней подтверждают факт общенаучного мирового признания приоритета русских открытий.

...Англичане изучили опубликованный Ф.Ф. Беллинсгаузеном отчет по экспедиции и предали забвению (!? – *А.О.*) ошибочные суждения Джемса Кука об отсутствии южно-полярного материка...

...Тем не менее эти бесспорные успехи русской науки современные прислужники англо-американских империалистов нагло пытаются подвергнуть сомнению. В этих целях из хлама (*sic!* – *А.О.*) забвения вытаскивается имя американского китобоя Н. Пальмера... Реакционеры от науки, услужливо выполняя требование своих уоллстритовских хозяев, маловразумительно пытаются приписать Пальмеру честь открытия Антарктиды. Затем, без каких-либо доказательств и обоснований, «деятели» Канадского географического журнала заявили в июне 1948 года о том, что Антарктида была открыта в 1820 году британским морским офицером Э. Бренсфилдом. Эти надуманные в интересах долларовой науки «открытия», конечно, не могут быть приняты всерьез не только при решении вопроса о судьбах Антарктики, но даже при изложении истории ее исследования.

...Вклад русских в исследование Антарктики велик и широко доказан. По следам русских первооткрывателей Антарктиды пошли исследователи из стран Западной Европы и Америки» [Перевалов 1950(а): 73–74].

Наконец, перечисляя политико-территориальные притязания в Антарктике, В. Перевалов, так заканчивал свою статью: «В 1939 году против односторонних заявлений правительств о территориальном разграничении Антарктики выступил не только (*sic!* – А.О.) Советский Союз, но и Соединенные Штаты Америки...

В августе 1948 года правительство США опубликовало сообщение о том, что оно начало переговоры... об установлении в Антарктике международной формы управления при участии восьми... стран. Приоритет русских географических открытий в Антарктике, историческое право русских на участие в управлении Антарктидой не были приняты во внимание. Это вызвало протест советской научной общественности» [Перевалов 1950(а): 75].

Очевидно одним из самых примечательных моментов в этой статье, более того, случаем совершенно необычным в советской историографии, стало «неупоминание» имени академика Л.С. Берга. Ни одна из работ последнего не была включена в приведенный В. Переваловым в его статье, список литературы. Этот список (из шести названий) также, был очень примечателен. В него включены: книга Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949]; изданный Географгизом сборник [Плавания 1949]; брошюра А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева [Григорьев, Лебедев 1950]; книга Дм. Голубева [Голубев 1949] (этот источник вообще редко упоминался в советской историографии); изданная Деггизом книга Д.Б. Карелина [Карелин 1949] и одна из работ Е. Шистера (1949) [Перевалов 1950(а): 75]. Остается лишь догадываться, что «толкнуло» В. Перевалова не упоминать, ставшие «культовыми», обязательными для цитирования в советской историко-географической науке, а также в пропагандистской и агитационной работе, книги и статьи Л.С. Берга. В первую очередь, его доклад на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград).

Например, уже в день проведения этого собрания, Телеграфным Агентством Советского Союза (ТАСС) был подготовлен специальный материал, перепечатанный через несколько дней в республиканских газетах (в частности, в органе Центрального Комитета КП(б) Латвии и Президиума Верховного Совета Латвийской ССР, газете «Советская Латвия» [Советский 1949(а)], и, в другой латвийской республиканской газете – «Советская молодежь» [Советский 1949(б)]). В основу этого материала был положен упомянутый доклад академика Л.С. Берга.

В любом случае в проанализированном дальше библиографическом обзоре В. Перевалова, этот советский специалист исправил свою «ошибку». В первом же абзаце новой статьи, был особо упомянут академик Л.С. Берг и его выступление на собрании ВГО (с подробным перечислением того, где этот доклад был затем напечатан).

Библиографический обзор В. Перевалова (1950). Одноименный брошюре академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева,

(«Приоритет русских открытий в Антарктике») обзор антарктической библиографии, был опубликован в 1950 году, в августовском номере журнала «Вокруг света». Автор этого обзора, В. Перевалов (один из соавторов статьи о полярных странах, опубликованной в 1940 году в 46-м томе БСЭ и, автор проанализированной выше, статьи «Приоритет русских открытий в Антарктике» [Перевалов 1950(а)]) в частности писал: «Более года тому назад советская научная общественность обратила особое внимание на вопрос о приоритете русских открытий в Антарктике. ...Доклад президента Географического общества академика Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» вызвал широкое обсуждение этого вопроса в среде советских географов, моряков и различных деятелей культуры» [Перевалов 1950(б): 62].

Воспроизведя выдержки из резолюции общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, В. Перевалов, произвел свои дополнения к тексту резолюции. Выглядело это, следующим образом: «...Географическое общество... отметило с предельной ясностью, что из бесспорного факта приоритета русских открытий в Антарктике (как в докладе Л.С. Берга, так и в резолюции общего собрания к таким, «бесспорному факту» и «приоритету открытий», были отнесены открытия января 1821 года – острова Петра I и Земли Александра I. – *А.О.*) вытекает не менее бесспорное право Советского Союза на участие в решении любых вопросов Антарктики. Они должны решаться прежде всего теми государствами, которые имеют историческое право на участие в таком решении, право первооткрывателей тех или иных частей Антарктики и ее материка – Антарктиды» [Перевалов 1950(б): 62]. Такой подход для советской историографии вопроса был новым и невольно заставлял задуматься: что было первично с собственно исторической точки зрения, так и, с точки зрения обоснования возможных притязаний Советского Союза в Антарктике (открытие «тех или иных частей Антарктики», т. е. очевидно, островов, или же «ее материка – Антарктиды». – *А.О.*)?

«Столь решительное заявление (об открытии Антарктиды, ГО СССР «решительно» не заявляло. – *А.О.*) Географического общества Союза ССР, – продолжал В. Перевалов, – было вызвано тем, что, согласно опубликованным в мировой печати сообщениям, некоторые государства пытаются добиться решения вопросов Антарктики без участия Советского Союза. Само собой (*sic!* – *А.О.*) разумеется, что всякое решение вопроса о режиме Антарктики без участия Советского Союза не может иметь законной силы.

...Откликом на тот интерес, который вызвало обсуждение русских открытий в Антарктике, является издание многих новых книг, брошюр и статей» [Перевалов 1950(б): 62].

Среди этих «многих новых книг, брошюр и статей», автор обзора упомянул: опубликованный в 1949 году в ряде советских научных и

общественно-политических изданий доклад академика Л.С. Берга; опубликованную в 1949 году Отделением геолого-географических наук Академии наук СССР и Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, статью академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева («Открытие Антарктического материка русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева 1819–1821 гг.») и лекцию тех же авторов, опубликованную в 1950 году, под названием «Приоритет русских открытий в Антарктике».

«Наряду со статьями по истории открытий в Антарктике появилось, – как обращал внимание В. Перевалов, – немало научных работ, рефератов по физической географии этого района. Из них особое внимание привлекает статья ученого секретаря Географического общества СССР профессора С.В. Калесника» [Перевалов 1950(6): 62]. Из «наиболее удачных популяризаций темы», В. Перевалов считал уместным отметить изданную в 1949 году Детгизом, «книжку» Д. Карелина «Антарктика».

«Вместе с этим, – писал он дальше, – вниманию советской научной общественности представлены и документальные издания о приоритете русских открытий в Антарктике.

К ним прежде всего относится фундаментальная книга (переизданная в 1949 году книга Ф.Ф. Беллинсгаузена. – А.О), выпущенная в свет Государственным издательством географической литературы...

Изданию классического труда русских исследователей Антарктики, первооткрывателей ее материка предпосланы предисловие и содержательная вступительная статья редактора, доктора военноморских наук Е.Е. Шведе» [Перевалов 1950(6): 62]. Однако как было уже неоднократно показано, упомянутая, «содержательная» вступительная статья Е.Е. Шведе содержала в себе положения, фактически отрицающие открытие Антарктиды русской экспедицией в январе 1820 года. Этим же «недоговали» многие другие советские географы и историки, лишь внешне в «патриотическом порыве», якобы ратовавшие за «русский приоритет».

В. Перевалов, видел преимущества и недостатки этого издания в следующем: «Книга богато иллюстрирована: кроме карт и чертежей, опубликованы почти все рисунки участника этого исторического плавания художника Павла Николаевича Михайлова. Его антарктический альбом хранится в Государственном историческом музее (Москва). Рисунки Михайлова сделаны в красках, и можно лишь пожалеть о том, что Географгиз не воспроизвел хотя бы самые ценные из них тоже в красках» [Перевалов 1950(6): 62]. Кроме того, он писал: «Этой ценной книгой не исчерпываются документальные издания, подтверждающие приоритет русских открытий в Антарктике. Географгиз опубликовал сборник описаний плаваний русской

антарктической экспедиции 1819–1821 годов, составленных также участниками плавания» [Перевалов 1950(б): 62].

Упомянув письмо М.П. Лазарева, «имеющее характер краткого отчета о плаваниях экспедиции в водах Антарктики», В. Перевалов, отметил опубликование в этом сборнике речь И.В. Симонова, произнесенную им по возвращении из экспедиции, на торжественном собрании Казанского университета. «Ярким свидетельством высокой культуры русских матросов и офицеров, участников этого плавания, – как считал В. Перевалов, – являются также сочинения двух из них: мичмана П.М. Новосильского – «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера», и дневник матроса Егора Киселева под названием «Памятник» [Перевалов 1950(б): 63].

Как видно, в данном случае, автор обзора ограничился перечислением опубликованных в сборнике работ, не упомянув при этом вошедшие в этот сборник вступительную статью доктора исторических наук А.И. Андреева и его же комментарии (в которых, также фактически отрицался приоритет русской экспедиции в открытии Антарктиды 16(28) января 1820 года). «Сборник, – лишь добавил В. Перевалов, – по оформлению издан значительно беднее, чем новое издание труда Ф.Ф. Беллинсгаузена. Несомненно, это упущение Географгиза» [Перевалов 1950(б): 63].

Гораздо больший историографический интерес представляют некоторые, высказанные В. Переваловым пожелания. Так, он отмечал, что «обзор новых изданий о приоритете русских открытий в Антарктике нельзя закончить, не упомянув о некоторых не разрешенных еще задачах». «Первой из них, – продолжал он, – является издание рукописи И.М. Симонова по описанию антарктического путешествия 1819–1821 годов. Эта рукопись, насчитывающая 508 страниц, хранится в научной библиотеке Казанского университета и представляет ценный труд ученого, изучавшего природу Антарктики и ее земель» [Перевалов 1950(б): 63] (в этой связи, также интересно, что в находящемся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН личном фонде А.И. Андреева, находятся «материалы к предполагавшемуся изданию «И.М. Симонов. Шлюпы «Восток» и «Мирный» или плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света под начальством капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Андреев 2011]. – *А.О.*).

«Приоритет русских открытий в Антарктике, – считал В. Перевалов, – должен найти отражение и в искусстве. Художники уделяют этому внимание (например, М. Семенов, воспроизведший на полотне шлюпы «Восток» и «Мирный»). В долгу – кинематография, которая могла бы создать на эту тему ценный документальный фильм» [Перевалов 1950(б): 63].

Очевидно, одно из первых упоминаний принадлежности некоторых участников экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева к «тайным обществам» (в частности, к так называемым «декабристам»),

также состоялось в советской историографии, в обзоре В. Перевалова. Он писал: «В составе экспедиции шлюпов «Восток» и «Мирный» находился... лейтенант К.П. Торсон. В последующем выяснилось, что он участник одного из тайных обществ, организовавших вооруженное восстание против царского правительства в декабре 1825 года. Декабрист К.П. Торсон был судим и сослан в Восточную Сибирь. О своем плавании в Антарктику он написал воспоминания. Их следует извлечь из архивных фондов и опубликовать» [Перевалов 1950(б): 63].

Возможно, что это было одним из первых упоминаний К.П. Торсона в советской историографии экспедиции (в любом случае, тема, что называется «оживала»...; в самом конце 1950 года в журнале «Вокруг света», была опубликована глава из книги Л. Чуковской «Декабристы – исследователи Сибири», в которой, ее автор отметила: «...декабрист Торсон участвовал в экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева» [Чуковская 1950: 35]).

Годом раньше, в 1949 году советские авторы демонстрировали такие подходы (а иногда и полное отсутствие таких подходов и незнание предмета) к этому вопросу. В напечатанной в апрельском номере журнала «Вокруг света», совсем небольшой заметке журналиста, полярного исследователя, историка Арктики Н.Я. Болотникова (1905–1977), повествующей об альбоме рисунков художника Первой русской антарктической экспедиции П.Н. Михайлова, было отмечено, что «художник с большой точностью запечатлел виды трех островов, открытых и названных мореплавателем именем тогдашнего морского министра де-Траверсе: острова Лескова, острова Высокий и третьего вулканического острова – Завадовского» [Болотников 1949: 9]. В опубликованной в том же номере журнала «Вокруг света», статье геодезиста, начинающего беллетриста и путешественника Г. Кублицкого «Колумбы Антарктики», была дана и вовсе фантастическая версия событий. «...Потом показался, – писал он, – не значащийся на картах какой-то высокий остров. Его так и назвали – Высоким» [Кублицкий 1949(а): 5].

Несколько ранее, в 1946 году, Л.С. Берг во втором издании своих «Очерков по истории русских географических открытий» писал: «В группе Южных Сандвичевых островов Беллинсгаузен открыл... покрытый снегом и льдом *остров Лескова* (курсив в тексте. – А.О.), названный в честь лейтенанта Лескова, *остров Высокий* высотой (*sic!* – А.О.) около 900 м и действующий вулкан *остров Завадовского*, названный в честь капитан-лейтенанта Завадовского. ...Все упомянутые три острова названы островами де-Траверсе в честь тогдашнего морского министра» [Берг 1946(а): 180]. В опубликованной в 1947 году статье А.И. Андреева, он упомянул, что «среди лейтенантов «Востока» находился будущий декабрист К.П. Торсон» [Андреев 1947: 74].

В своей вступительной статье к опубликованному в 1949 году сборнику «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в

1819, 1820 и 1821 годах», А.И. Андреев, писал об открытии нового острова, которому дали название остров Торсона. Вслед за этим, без каких-либо комментариев, в скобках была приведена такая ремарка А.И. Андреева: «позднее, вероятно, после 1825 г., его стали называть островом Высоким» [Андреев 1949(а): 6–7]. Кроме того, у А.И. Андреева в его примечаниях к тексту, есть такие пояснения: «...Эти три острова из группы островов маркиза де-Траверсе были названы по имени капитан-лейтенанта Завадовского, лейтенанта Торсона и Лескова; в альбоме П.Н. Михайлова (табл. 5) второй из этих островов носит название острова Торсона, но позднее – после 1825 г., когда лейтенант Торсон был привлечен по делу декабристов и осужден – остров с его именем был переименован в остров Высокий» [Андреев 1949(в): 171].

Но, даже в опубликованной в том же 1949 году, статье ученого секретаря Географического общества профессора С.В. Калесника, можно было прочитать следующее: «...Далее на пути к Сандвичевой земле были открыты о-ва Лескова, Завадовского и Высокий – первые два получили названия по именам капитан-лейтенанта И.И. Завадовского и лейтенанта А.С. Лескова, плававших на «Востоке» [Калесник 1949(б): 80]. Так же преподносили материал и некоторые другие советские исследователи [Александров 1949(а): 25; Морозов, Никульченков 1949: 56].

Советский военно-морской беллетрист Е.С. Юнга, в 1941 году в своем историко-публицистическом материале об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, давал такую картину открытий: «До нового года Дивизия совершила успешные предприятия, составив карту найденных, доселе неведомых островов, трем из которых господином командующим даны названия в честь виновников сих открытий: остров с огнедышащею горою, откуда беспрестанно поднимается дым столпом, – именем третьего лейтенанта шлюпа «Восток» господина Лескова, другой остров, чья вершина постоянно окутана облаками, – именем второго лейтенанта шлюпа «Мирный» господина Анненкова, и третий, також с огнедышащею горою, но больший, – именем старшего господина Завадовского...» [Юнга 1941: 23–24].

Надо полагать, Е. Юнге, было вполне понятно о чем идет речь, когда он выводил следующие диалоги и «размышления»:

« – Маётся, Иван Федорович (правильно Иван Михайлович. – А.О.)?

Симонов обернулся и увидел в дверном просвете юношески стройную фигуру лейтенанта Торсона.

– Нынче отмаюсь, Константин Петрович. А вы что же не почиваете? На вахте?

– ...Досадуя, что расстаемся с местами, где люди счастливы, ибо не обучены подлостям...

Торсон вспыхнул.

– Неужели не найдется силы, которая могла бы поставить предел узурпаторству и насилию и тем сохранить в прелестном естестве сей уголок света?

– Наша экспедиция, к сожалению, не облечена властью привести здешних обитателей в подданство государю, – отвечал Симонов.

Лейтенант пристально посмотрел на него.

– И низвести островитян на участь крепостных душ, – договорил он за профессора.

Тот замялся, ибо не одобрял свободомыслия молодого лейтенанта, не однажды затевавшего в кают-компании «Востока» страстные споры на щекотливую тему о достоинстве человека и открыто стыдившего иных участников экспедиции, привыкших поддерживать свой авторитет среди матросов пинками и зуботычинами» [Юнга 1941: 27–28].

Примерно такой, «счастливо избежавшей» вопроса об открытии экспедицией острова «Торсона–Высокий», была трактовка событий в изображении В. Якубовича (его статья была опубликована в журнале «Наука и жизнь» в 1944 году). В частности, В. Якубович писал: «...По пути мореплаватели открыли ряд неизвестных островов, примыкающих к группе Сандвича. Беллинсгаузен назвал их островами маркиза де-Траверсе, а отдельные острова именами своих спутников – Анненкова, Лескова, Завадовского» [Якубович 1944: 37].

В своей статье, опубликованной в 1948 году в журнале «Вокруг света», В. Якубович указывал: «...На следующий день, когда «пасмурность и снег прекратились», открылся третий остров, с высокой горой посредине, совершенно неприступный. Беллинсгаузен назвал его Высоким» [Якубович 1948: 59]. В опубликованной в 1948 году книге Н.А. Бендер «Имена русских людей на карте мира», автор этой книги считала, что «второй остров этой группы был назван «Высокий», так как он был выше других» [Бендер 1948: 45].

На были забыты в «антарктических» статьях, изданного в 1950 году второго тома «Большой Советской Энциклопедии», советские китобои. Например, в статье «Антарктика» (помимо указания на то, что Антарктика важна «в промысловом отношении даже для отдаленных стран, в частности для СССР» [Антарктика 1950: 485]) было отмечено: «Советский Союз, начиная с 1946, ежегодно снаряжает китобойные экспедиции в А. (походы китобазы «Слава»), добывающие китов среди пловучих льдов. Помимо ценных пищевых и технич. (технических. – А.О.) продуктов, эти советские экспедиции привозят богатые естественнонаучные материалы о природе и режиме морей А.» [Антарктика 1950: 484–485]. Такие, особые указания на «хозяйственный выход» Советского Союза в Антарктику, были важны если исходить из существующего в международном праве критерия хозяйственного освоения территории, как одного из критериев по обоснованию государственной принадлежности последней.

Действительно, с 1946 года, во многом как показатель реального присутствия и хозяйственного использования, СССР осуществлял в Антарктике китобойный промысел, что важно с международно-правовой точки зрения в случае отстаивания своих правопритязаний на антарктические пространства и природные ресурсы. Да, цели хозяйственного использования, сами по себе действительно были важны – в стране не хватало жиров. Но, одновременно, и, как уже было подчеркнуто, преследовались цели собственно геополитические, опосредствованные реальным присутствием китобоев и ученых в южнополярном регионе [Овлащенко 2009(б): 34–39].

Статья И. Денисова «Антарктика» (1950). В опубликованных в 1950 году, «географических заметках» И. Денисова (его статья была напечатана в журнале «Новое время»), этот советский специалист уделил определенное внимание экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Но, до этого, он воспроизвел в своем тексте, становившуюся уже расхожей в советской историографии, фальсифицированную версию «взглядов» Д. Кука. И. Денисов писал: «Английский мореплаватель Джеймс Кук, предпринявший в 1772–1775 годах кругосветное плавание, посетил высокие широты Южного полушария. Но он не сумел обнаружить антарктический материк и пришел к выводу, что его не существует. Кук писал в своей книге:

«Я обошел океан Южного полушария в высоких широтах и отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса, в местах, недоступных для плавания».

Этот неправильный вывод был принят западноевропейскими учеными в качестве неоспоримой истины...» [Денисов 1950: 22].

Об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева и, об основных ее итогах, И. Денисов писал в частности, следующее: «Честь открытия антарктического материка принадлежит русским мореплавателям – капитану (впоследствии адмиралу) Фаддею Беллинсгаузену и лейтенанту (впоследствии адмиралу) Михаилу Лазареву. В 1819–1821 годах они предприняли на двух парусных деревянных шлюпах... первое в истории глубокое научное исследование Антарктики» [Денисов 1950: 22]. Похожие подходы, в тех или иных вариациях уже были использованы в советской историографии экспедиции. Например, согласно опубликованной в 1940 году работе Н. Введенского, Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев, «выполнили... первое глубокое проникновение в Антарктику» [Введенский 1940: 13]. Вслед за Н. Введенским, в 1948 году В. Якубович писал, что русские моряки «...совершили первое глубокое проникновение в Антарктику» [Якубович 1948: 59].

«16 января 1820 года, – продолжал И. Денисов, – ...русские исследователи впервые в истории подошли (только «подошли»? – А.О.) к берегам антарктического материка. Во время своего плавания русские моряки еще три раза подходили (только «подходили»? – А.О.) к самому

континенту. В январе 1821 года они открыли в непосредственной близости от материка остров Петра I. Несколько севернее ими была обнаружена гористая земля, названная Землей Александра I.

Эти мореплаватели – Беллинсгаузен и Лазарев – не только впервые достигли берегов Антарктиды, но и обошли вокруг этого материка, доказав тем самым (? – *А.О.*) несостоятельность распространенного в то время взгляда, будто за Южным полярным кругом нет земли. Беллинсгаузен и Лазарев по праву считаются первооткрывателями антарктического континента» [Денисов 1950: 22]. Некоторые вариации на «заданную тему» в советской историографии, до этого уже встречались. Доктор исторических наук А.И. Андреев писал в *1949 году*, о том, что «16 января 1820 г. русские моряки... впервые подошли близко к Южному матерiku и тем самым первыми его открыли» [Андреев 1949(в): 168]. С такой точки зрения, у И. Денисова, образовалась явная лакуна: «...Русские исследователи впервые в истории подошли к берегам антарктического материка...». И все..?

Советскую историографию, отличает в те годы пристрастное отношение к цитированию иностранных географических «авторитетов», в первую очередь, англичан. Цитаты эти (далеко не всегда в корректном переводе; зачастую попросту искажающие исходный текст) «кочевали» из работы в работу, создавая нужный «историографический» фон. Так, И. Денисов сообщал: «Приоритет открытия антарктического материка всегда признавался научным миром за русской экспедицией 1819–1821 годов. Секретарь Британского королевского географического общества Лоренс Кэруэн писал в журнале «Спектейтор» 18 февраля 1949 года:

«Это была превосходно подготовленная экспедиция, которой императорское адмиралтейство дало чрезвычайно подробные инструкции по собиранию научной информации. И экспедиция добилась замечательных результатов. Между 1819 и 1821 годами Беллинсгаузен объездил все районы Антарктики... и стал *первым* (курсив в тексте. – *А.О.*) исследователем, *открывшим* землю внутри Антарктического круга... Беллинсгаузен... сделал множество других открытий, на которые русские могут претендовать по *справедливости* и которые поставили его в *первые ряды* пионеров антарктических открытий. В январе 1821 года он открыл остров, названный им островом Петра I, и вскоре после этого Землю Александра (Александра I. – *А.О.*) в том районе, который теперь известен как британский сектор Антарктики».

Между тем некоторые буржуазные географы, потеряв чувство элементарной порядочности и научной добросовестности, пытаются отрицать огромные заслуги русских мореплавателей в деле открытия Антарктики. Им вторит продажная пресса монополий. Попытки эти делаются для того, чтобы оправдать планируемый Соединенными Штатами незаконный захват антарктического континента» [Денисов 1950: 23–24]. Справедливости ради надо сказать, что, это целый ряд не иностранных, а, советских географов и историков (иных авторов),

«пореряв чувство элементарной порядочности и научной добросовестности», искажали (понятно, что вслед за своими зарубежными визави, а иногда, и «опережая» их в этом деле) ход, основные научные итоги и географические достижения Первой русской антарктической экспедиции.

Уже в прошлом своем исследовании, автор, обратил внимание на то, что советских специалистов пишущих об Антарктике, волновал вопрос, странный даже с точки зрения стремительно расширяющихся геополитических амбиций Советского Союза. Речь идет о трансантарктических перелетах [Овлащенко 2013: 240–241]. Вот и И. Денисов писал: «Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы понять значение антарктического материка для создания крупных авиационных баз, которые могли бы облегчить организацию кратчайших трасс между Южной Америкой, Африкой и Австралией.

...Империалистическая печать не скрывает этих целей. Так, английская консервативная газета «Дейли телеграф энд Морнинг пост» прямо пишет о стремлении держав захватить базы для военно-воздушного флота. Поджигатели войны прежде всего интересуются стратегическим положением антарктического района...» [Денисов 1950: 24, 26].

Интересно, этот автор, отзывался о первой экспедиции Р. Бэрда, которая, согласно мнению И. Денисова, «положила начало планомерному американскому проникновению в антарктические области» и «носила сугубо разведывательный характер». Он писал, что третья экспедиция Р. Бэрда, «имела совершенно определенную политическую цель – обосновать претензии Соединенных Штатов на антарктические территории, на которые претендовали также Англия, Аргентина и другие страны (но, не Советский Союз. – *А.О.*)» [Денисов 1950: 24].

Не обошел своим вниманием И. Денисов и, важный для СССР [Овлащенко 2013: 132–136] «урановый вопрос», причем рассмотрен он был в контексте мировой политики: «Назначение экспедиции (действовавшей уже после окончания Второй мировой войны. – *А.О.*) состояло в том, чтобы закрепить «права» Соединенных Штатов на громадные территории, содержащие в своих недрах ценные металлы, особенно уран.

В прошлом году в американской печати появились сообщения о том, что... Соединенные Штаты рассматривают планы пятой антарктической экспедиции под командованием того же Бэрда.

...Экспедицию снаряжает в основном морское министерство, что уже само по себе говорит о военно-стратегическом характере нового американского похода в Антарктику, имеющего также целью поиски месторождений урана.

...Англия, все более оттесняемая Соединенными Штатами от мировых месторождений урановых руд, боится отстать от своего более сильного американского партнера в погоне за ураном в Антарктике.

...Следует заметить, что ни количество урана в предполагаемых месторождениях, ни глубина этих месторождений и характер залегания руд не известны, а географическое положение этих месторождений крайне неудобно. Но это не останавливает империалистические державы в их бешеной погоне за источниками атомного сырья» [Денисов 1950: 24–25]. Судя по всему в статье И. Денисова, было уделено наибольшее, по сравнению с предыдущими материалами других советских авторов, внимание к проблеме антарктического урана.

С другой стороны в его же статье, была воспроизведена наиболее некорректная (но широко распространенная в советской историографии) версия, пытающаяся объяснить линию поведения Советского Союза в связи с ситуацией вокруг острова Петра I. Как писал И. Денисов: «...27 января 1939 года советское правительство известило Норвегию нотой, что считает незаконным присоединение норвежским правительством острова Петра I и резервирует свою точку зрения о государственной принадлежности земель, открытых русскими исследователями» [Денисов 1950: 25]. В статье подчеркивалось, что 27 декабря 1949 года американское информационное агентство Юнайтед пресс в инспирированном сообщении пыталось утверждать, будто Соединенные Штаты «не заявляют своих прав на Антарктику». «Подобное лицемерное утверждение, – как считал И. Денисов, – никого, однако, не может ввести в заблуждение, ибо оно находится в полном противоречии с истинной политикой правительства Вашингтона в этом вопросе» [Денисов 1950: 25].

По его мнению, «формально не заявляя пока еще своих прав на определенные антарктические районы, правительство Соединенных Штатов пытается навязать такую форму «международного» управления Антарктикой, в которой оно играло бы доминирующую роль» [Денисов 1950: 24]. «Советский Союз, – писал дальше в своей «постмеморандумной» статье И. Денисов, – являющийся законным наследником выдающегося русского географического открытия начала XIX века, имеет все исторические права (жаль, что даже в самом первом приближении, они не были понятны самому автору этой статьи. – А.О.) на участие в разрешении вопроса об Антарктике» [Денисов 1950: 25].

Явно завышенными были оценки научной деятельности (реально, первичных научных наблюдений), осуществляемой в тот период СССР в Антарктике. «Советский Союз, – писал И. Денисов, – регулярно посылающий в антарктические воды свои китобойные флотилии, проводит глубокое научное исследование южнополярного района. Используя в качестве базы прекрасно оборудованную китобойную флотилию «Слава», советские ученые с 1946 года возобновили

систематическую научно-исследовательскую деятельность в Антарктике» [Денисов 1950: 26].

Заканчивалась статья И. Денисова в сугубо пропагандистском ключе, не имеющим ничего общего ни с политической аналитикой, ни с наукой в целом. «Неведомые земли Антарктиды, – утверждал он, – ждут своих исследователей. Действительное (? – *А.О.*) изучение этого континента начнется лишь тогда, когда его смогут исследовать люди, чуждые захватническим устремлениям. Тогда Антарктический материк перестанет быть недоступной и необитаемой ледяной пустыней.

Люди нового общества, свободные от духа наживы, с мыслью о благородном служении науке, во имя прогресса человечества, придут на этот великий белый материк и снимут с него покровы тайны, которой он окутан» [Денисов 1950: 26].

Не в такой утопической степени, писали об этом еще до И. Денисова, некоторые другие советские авторы. Например, А. Георгиев в 1948 году полагал, что «...Антарктида ждет еще своих исследователей, которые бы пришли в эту страну так же бесстрашно, как смелые русские моряки, 125 лет тому назад проникшие в суровый Южный океан во имя науки, для славы Родины» [Георгиев 1948: 27–28].

Д.Б. Карелин в 1949 году писал следующее: «...Великие подвиги совершили русские богатыри-мореплаватели, сделавшие самые важные географические открытия за южным полярным кругом и обнаружившие существование шестой части света – Антарктиды. Этот подвиг убедительно доказывает, что именно наша Родина имеет бесспорные права на решение вопроса о землях Антарктики.

Наша задача – помочь дельнейшему изучению Антарктики, содействовать вовлечению ее в круг мирных хозяйственных интересов демократических народов.

Огромная, малоизученная антарктическая область еще ждет своих настоящих (? – *А.О.*) исследователей» [Карелин 1949: 75].

Всем этим некорректным политизированным «пожеланиям» советских авторов, можно было бы противопоставить цифры, которые приводил другой советский специалист. В 1948 году в периодическом издании Всесоюзного географического общества был опубликован обзорный материал советского географа А.З. Алейнера, освещавшего экспедиционную деятельность других государств в Антарктике в период с 1942 по 1948 г. Статья начиналась с напоминания, что «прошло 127 лет со времени открытия русской антарктической экспедицией под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева первых участков суши за южным полярным кругом» [Алейнер 1948: 446]. Согласно подсчетам А.З. Алейнера, «за прошедшие с тех пор годы около ста (! – *А.О.*) экспедиций, специально или попутно, занимались изучением и исследованиями Антарктики».

Небезынтересна в этом контексте одна из ремарок И.П. Магидовича: «Напоминаем, что последнее издание... работы Бейкера (о

ней речь пойдет ниже. – *А.О.*) вышло в 1945 г. – за три года до новой советской экспедиции к берегам Антарктиды...» [Магидович 1950: 555, сноска 3]. Надо полагать, что в 1950 году этот советский специалист назвал «экспедицией», поход в Антарктику советской китобойной флотилии «Слава».

Книга Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований», изданная в переводе с английского под редакцией и с предисловием И.П. Магидовича (1950). В 1950 году Издательством иностранной литературы, был издан русский перевод книги преподавателя исторической географии Оксфордского университета Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований» (*A History of Geographical Discovery and Exploration, by J.N.L. Baker, London, 1945*). Перевод книги, был сделан «с последнего, исправленного издания, перепечатанного без изменений в 1945 г.». Русское издание книги вышло под редакцией и с переводом И.П. Магидовича.

Историк географии, экономикогеограф и демограф, И.П. Магидович (1889–1976), окончил юридический факультет Петербургского университета в 1935 году. Тогда же, как это было принято в те годы, без защиты диссертации ему была присуждена степень кандидата технических (?) наук. С 1927 г. – в редакции «Большой Советской Энциклопедии» (с 1930 г. – научный редактор). В 1932–1937 гг. – преподаватель экономической географии зарубежных стран Института мирового хозяйства и мировой политики, в 1934–1951 гг. – на географическом факультете МГУ. Позиционирован в российской биобиблиографии, как «автор фундаментальных работ по истории географических исследований» [Магидович 1993: 46–47]. В первую очередь в своем редакторском предисловии к книге Дж. Бейкера, И.П. Магидович дал оценку того, что последняя, «более, чем другая иностранная работа, отвечает тем требованиям, которые можно предъявить к изданиям такого типа» [Магидович 1950: 8].

Интересно, что всего лишь год назад, в 1949 году в своей вводной статье к русскому переводу книги Дж. Кука «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света», И.П. Магидович ссылаясь на книгу «претендующего на объективность» профессора Оксфордского университета Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований» (1937). Комментируя научные цели (наблюдение прохождения Венеры по диску Солнца. – *А.О.*) одной из экспедиций Дж. Кука, И.П. Магидович писал: «Что научная цель была только ширмой для экспедиции, преследующей чисто политические цели, не отрицают и современные английские историки географических открытий. Так, упомянутый выше Бейкер в главе «*Terra Australis* и Тихий океан» своей книги «История географических открытий и исследований» в разделе, названном «Эпоха Кука», прямо говорит:

«Наблюдение за прохождением Венеры через диск солнца было мнимой главной целью путешествия..., только предлогом для

путешествия, реальной целью которого было открытие Южного материка и *присоединение новых земель к Британской Империи* (курсив у И.П. Магидовича. – *А.О.*). Кук был снабжен полезной для этого дела информацией. Он получил копию французской книги де-Бросс «история плаваний к южным землям», которая содержала некоторые интересные наблюдения над Южным материком и *решительную аргументацию в пользу французской активности в той стране*» [Магидович 1948: 23] (сразу же после этого, у И.П. Магидовича шла сноска следующего содержания: «Речь идет о материке Австралии. Цитирую по английскому изданию 1931 г. Курсив мой. – *И.М.*» [Магидович 1948: 23, сноски]. – *А.О.*).

Теперь, в 1950 году, И.П. Магидович считал, что книга Дж. Бейкера «несомненно, ...лучшая из всех иностранных... работ, вышедших в XX в.» [Магидович 1950: 8]. В частности, этот советский автор писал: «...Нет в его (Дж. Бейкера. – *А.О.*) работе ни тени стремления умалить или обесценить великие достижения русских путешественников и советских экспедиций в деле изучения поверхности земного шара, а тем более умалчать о них. Например, автор полным голосом (*sic!* – *А.О.*) говорит о великом вкладе русских исследователей в дело открытия... Антарктики. Есть в данной работе ряд существенных, даже досадных пробелов..., но нет оснований думать, что они объясняются злой волей; здесь дело в том, что Бейкер вынужден был часто получать сведения о русских открытиях из иностранных географических журналов или из работ других иностранных авторов, которые, как правило, либо недооценивали, либо сознательно замалчивали великие достижения русских» [Магидович 1950: 9].

Давая дальнейшую характеристику книге Дж. Бейкера, И.П. Магидович писал, что «...раздел 8-й, посвященный Антарктике, он (Бейкер. – *А.О.*) начинает, как и следует, изложением хода русской экспедиции Беллинсгаузена и ее достижений» [Магидович 1950: 10]. Небезынтересно указание И.П. Магидовича на следующий недостаток книги Дж. Бейкера: «...Автор, употребляя слова открытие (*discovery*) и исследование (*exploration*), как будто различает эти понятия, но он не определяет и часто смешивает их» [Магидович 1950: 11].

Прежде чем проводить дальнейший анализ, но, теперь уже не предисловия, а редакторских примечаний И.П. Магидовича, стоит отметить, что редактируемая им книга, была «ровесницей» другой книге – рассмотренной уже выше работы К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду». В выпускных данных последней указано: «Сдано в производство 28/III-50 г. Подписано к печати 23/V-50 г.»; в книге Дж. Бейкера: «Сдано в производство 13.01.1950 г. Подписано к печати 20.04.1950 г.». Однако заявленные, по крайней мере внешне, подходы в них были принципиально различными. К. Осипов (Куперман) однозначно, что называется безоговорочно, отрицал факт открытия Антарктиды русской экспедицией 16(28) января 1820 года,

старался в максимально возможной степени исказить, сам смысл январских и февральских – 1820 года, экспедиционных дней. Послушаем теперь И.П. Магидовича.

К фрагменту текста Дж. Бейкера о том, что Ф.Ф. Беллинсгаузен, «повернув на восток, ...в первый раз пересек южный полярный круг под 3° з. д. », И.П. Магидович, дает следующий свой комментарий: «В первый же раз, 16 января 1820 г., русские подошли к Антарктическому материку у широты 69°23' (по показанию Лазарева) или 69°21'28'' (по показанию Беллинсгаузена), а именно к той части континента, которая в наше время называется «Землей Кронпринцессы Марты». В письме Лазарева «Описание плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в 1819–1821 годах» есть следующее очень важное (! – А.О.) место: «16 генваря (1820) достигли мы широты 69°23', где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение... Это было в долготе 2°35' W от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюду, но **всегда встречали льдинный материк** (выделено у И.П. Магидовича. – А.О.), не доходя 70°. – *Прим. ред.*» [Бейкер 1950: 555, сноска 4].

Очевидно И.П. Магидович, был первым в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, кто цитировал (пусть пока, всего лишь в сноске) письмо М.П. Лазарева, причем цитировал до этого конкретного места, указывающего на непреодолимое для кораблей и, на том этапе экспедиции, постоянно сопутствующее им препятствие – «льдинный материк». Кроме того, И.П. Магидович не пропустил слова М.П. Лазарева о, «прекрасном тогда вечере», о видимости «матерого льда» на таком удалении (он пропустил лишь указание М.П. Лазарева на то, что такое обозрение к тому же проводилось «смотря по саленгу», т. е. с салинга – второй снизу площадки на мачте), «как могло только достигать зрение». Последнее делало полностью нежизнеспособной дебенхемовскую версию о «нескольких часах ясной погоды», версию, которую вслед за Е.Е. Шведе, с благосклонностью восприняли многие советские географы и историки.

По крайней мере, автору в ходе проведенного им анализа советской историографии за 1917–1949 гг., посвященной экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, в текстах 186 источников (непосредственно относящимся к указанным хронологическим рамкам [Овлащенко 2013]) не удалось обнаружить подобного цитирования текста, письма М.П. Лазарева. В этом смысле правдиво выглядит ремарка И.П. Магидовича: «...В редакционных примечаниях широко привлечена литература на русском языке – как оригинальная, так и переводная. Редакция стремилась к тому, чтобы советский читатель, желающий расширить свои знания по истории географических открытий и исследований, мог

найти в примечаниях указания на важнейшую русскую и советскую литературу, посвященную отдельным путешествиям, в частности на труды, составленные самими путешественниками. Несомненно, в этой редакционной библиографической работе очень много существенных пробелов...» [Магидович 1950: 13].

Однако такие «пробелы» кандидата технических наук И.П. Магидовича, по крайней мере в отношении главных географических итогов русской экспедиции, «перевешивали» работы многих и многих «остепененных» и облеченных высокими академическими званиями, профессиональных историков и географов. А слова И.П. Магидовича о том, что «больших успехов, конечно, должны добиться специальные советские научно-исследовательские географические и библиографические институты и крупнейшие библиотеки Союза» [Магидович 1950: 13] вполне проецируются на последующую ситуацию с изучением научного наследия экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Приведем текст Дж. Бейкера о втором пересечении русской экспедицией Южного полярного круга («...второй – под 18° в. д.» [Бейкер 1950: 556]), И.П. Магидович, давал свои комментарии и делал вывод: «9 (? – *А.О.*) февраля 1820 г. русские второй раз подошли к материку Антарктиды несколько западнее «Земли Принцессы Рагнхильды». Один из участников экспедиции (Новосильский) отмечает: «С 7 февраля появились небольшие дымчатые птицы вроде ласточек... Таких же птиц мы видели у острова Георгия; следовательно, нет сомнения, что близ 69° ю. ш. и долготы от 15° и далее к востоку должны находиться берег». Уже этих двух достижений вполне достаточно, чтобы признать русский приоритет в открытии материка Антарктиды. – *Прим. ред.*» [Бейкер 1950: 556, сноска 1]. К словам Дж. Бейкера о третьем «пересечении» (у Дж. Бейкера: «...и в третий раз – под 36° в. д.» [Бейкер 1950: 556]) И.П. Магидович, от себя добавлял: «На этот раз, 14 февраля, русские приблизились, но не подошли почти вплотную (как подходили ранее) к Антарктиде в районе Земли Королевы Мод. – *Прим. ред.*» [Бейкер 1950: 556, сноска 2].

Описав первый этап экспедиции Дж. Бейкер подчеркнул, что «этот триумф увенчался открытием сначала острова Петра I, а затем Земли Александра I, где до Беллинсгаузена уже успели побывать китобойные суда» [Бейкер 1950: 557].

Комментируя этот фрагмент текста английского специалиста, И.П. Магидович, в свою очередь, отмечал: «Ни один из участников русской экспедиции не встретил на Земле Александра I каких-либо следов посещения китобоев (это замечание И.П. Магидовича выглядит весьма странным, поскольку участники экспедиции не ступали на берег; Ф.Ф. Беллинсгаузен писал: «...В сие время (17 января 1821 года. – *А.О.*) с салинга видели повсюду мелкий сплотившийся лед, не допускавший до берега на расстояние сокрока миль» [Беллинсгаузен 1949: 312]. – *А.О.*), и нет никаких доказательств, что иностранные китобойные суда посещали

в то время береговые воды этого сектора (! – *А.О.*) Антарктиды. Автор принял на веру необоснованные утверждения некоторых американских «историков», будто американский промышленник Палмер открыл в ноябре 1820 г. какой-то берег к югу от Южно-Шетландских островов (то есть северо-восточный берег Земли Грэема, крупнейшего и самого северного из островов, примыкающих к Антарктиде). Никаких указаний на такое открытие нет и в корабельном журнале самого Палмера. Цель этого измышления – подтвердить ссылкой на мнимое «право первого открытия» претензии США на захват Антарктиды. Сам автор (Дж. Бейкер. – *А.О.*) ниже относит открытие Палмером части Земли Грэема к 1821 г. Во всяком случае это открытие (если оно было в действительности) было сделано после встречи Беллинсгаузена с Палмером у Южно-Шетландских островов. Палмер во время встречи сообщил русским об огромной добыче ценных шкур, но ничего не сообщил об открытии не известной еще земли (см. «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах», Географгиз, 1949, стр. 158). – *Прим. ред.*» [Бейкер 1950: 557, сноска 1].

Дж. Бейкер писал: «В конце своего плавания по водам Антарктики Беллинсгаузен повстречал промышленника Палмера и очень удивился, узнав, что область вокруг Южно-Шетландских островов была, по-видимому, хорошо известна» [Бейкер 1950: 557–558]. На это, редактор русского перевода давал такой комментарий: «Беллинсгаузен и Лазарев знали, что за два года до них Южно-Шетландские острова были открыты англичанином В. Смитом, который закончил их краткую опись в октябре 1819 г. Лазарев по этому поводу писал: «Так как в Англии и, можно сказать, по всей Европе заключили, что открылась, наконец, та матерая на юге земля, которую так долго искали... то мы по одному названию Южной экспедиции обязанностью почли таковое заключение или еще более подтвердить, или вовсе опровергнуть тем, чтобы обойти землю сию с южной стороны...». – *Прим. ред.*» [Бейкер 1950: 558, сноска 1].

Таким образом, И.П. Магидович, первым из советских специалистов активно вводил в научный, собственно исследовательский оборот письмо М.П. Лазарева. Причем цитировал из него в первую очередь, те места, которые подтверждали факт первооткрытия Антарктиды – 16(28) января 1820 года. В частности, это письмо было перепечатано в изданном Географгизом в 1949 году сборнике «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах». Как показано в предыдущей работе [Овлащенко 2013: 213–218], редактор, автор вступительной статьи и примечаний к этому сборнику, доктор исторических наук А.И. Андреев, в своих эклектичных авторских текстах, совсем не ссылаясь на это письмо М.П. Лазарева. Вместо этого, он фактически соглашался в версией Ф. Дебенхэма о «нескольких часах ясной погоды» («Как справедливо (! – *А.О.*) уже отмечено, – писал А.И. Андреев и тут же цитировал Ф. Дебенхэма, – «несколько часов ясной

погоды в этот день позволили бы, вероятно, открыть здесь землю на 110 лет ранее» [Андреев 1949(в): 172]), постоянно «разыгрывал карту» плохой погоды и окончательно запутывал (с большим трудом можно поверить в то, что «вышло» это у А.И. Андреева, непреднамеренно) своего читателя [Андреев 1949(б): 5–16; Андреев 1949(в): 168–173].

Между тем, в своих редакторских примечаниях, А.И. Андреев приводил довольно подробную информацию об этом письме. В частности, он сообщал: «Письмо М.П. Лазарева не имеет даты; подлинник его хранится в Центральном государственном архиве военноморского флота в Ленинграде; по подлиннику было напечатано в «Морском сборнике» 1918, № 1, неофиц. отд., стр. 53–63, с датой: 24 сентября 1824 г., ...речь идет о поздравительном письме А.А. Шестакова от 3 сентября, конечно, 1821 г., когда М.П. Лазарев 24 июля вернулся в Кронштадт, откуда и пишет свое письмо; в нем он, между прочим, сообщает, что «Иринарх Степанович (Тулубьев) на сих днях отправился в Аполлоне... в Ситху...», что, как известно, произошло 28 сентября 1821 г. Вероятно, в ближайшие после того дни М.П. Лазарев и написал свое письмо» [Андреев 1949(в): 169–170].

Проведенный выше анализ редакторского предисловия и примечаний И.П. Магидовича, написанных им к книге Дж. Бейкера «История географических открытий и исследований», очевидно стоит завершить кратким рассмотрением вопроса, к которому, упомянутый советский специалист имел самое непосредственное отношение. Речь идет об оценке в советской историографии английского мореплавателя Дж. Кука. Например, сам И.П. Магидович, с своих редакторских примечаниях к тексту Дж. Бейкера, писал: «Утверждения Кука о существовании (! – *А.О.*) южного континента сопровождалось, однако, заявлениями, которые могли только оттолкнуть других исследователей от поисков этого материка. ...Иными словами, Кук утверждал, что достигнуть южного континента нельзя, да и незачем...» [Магидович 1950: 555, сноска 2].

На основе анализа советской историографии, автором, в прошлом его исследовании был сделан вывод о том, что редкое упоминание в советской литературе, даже специализированной, экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, фактическая «кукофикация» истории изучения южной полярной области советскими авторами в массовых книгах (в том числе детских и для юношества), изданных в СССР в 20–е–30–е годы, практически исключали для советского читателя, даже саму возможность узнать правду об открытии Антарктиды русской экспедицией, о ее заслугах в научном изучении Антарктики. Такая ситуация сложилась далеко не случайно. Ей способствовала широко проводившаяся коммунистической властью и ее агитационно-пропагандистским аппаратом, кампания 20–х–30–х годов по «дерусификации» истории. Вполне очевидно, что конкретные исполнители такой кампании были «продуктом» своего времени,

оказавшимися (точнее поставленными) «на нужном месте и в нужное время» и выполняющими свой «интернациональный долг». Естественно, что «кукофикация» отвечала интересам Англии в освещении истории географических открытий, фальсификации такой истории, в первую очередь истории открытия Антарктиды [Овлащенко 2013: 84–85].

Отмеченное в той же работе «внешнеполитическое» и личное англофильство руководителя НКВД СССР М.М. Литвинова, подкреплялось на внутреннем «историко-литературном фронте» интернационал-англофильством советского поэта и переводчика, до 1937 г. руководителя ленинградского отделения Детгиза С.Я. Маршака (1887–1964) и, подобным же англофильством, а, в узком смысле, «кукофильством» выполнявших конкретный социальный заказ «англофильской» власти: Н.К. Чуковского [Чуковский 1941] (еще ранее, Н.К. Чуковским была написана «художественная биография» Дж. Кука, «Капитан Джеймс Кук» (1927). – *А.О.*), М.А. Дьяконова [Дьяконов 1932], В.Н. Владимиров [Владимиров 1933], А.Д. Некрасова [Некрасов 1941] и других.

Например, трижды – в 1929 (с предисловием профессора С.Г. Григорьева; издательство «Молодая гвардия» [Владимиров 1933: б. с.]), 1937 и 1941 году – издавалась книга последнего из указанных авторов, доктора биологических наук, профессора А.Д. Некрасова «В поисках южного материка. Повесть о втором путешествии капитана Кука в Южном полушарии на судах «Решение» и «Предприятие»» (в последних двух случаях, Детгиз издал эту книгу тиражами, соответственно – 25 300 и 60 000 экземпляров). При этом профессиональная ориентация ее автора, была весьма далека от географии и истории географических открытий. Профессор А.Д. Некрасов (1874–1960) – советский зоолог, эмбриолог и историк биологии, популяризатор дарвинизма (автор книги «Борьба за дарвинизм» (2-е изд., М., Л., 1937); читал курс дарвинизма в Академии коммунистического воспитания, а, в период с 1954 по 1960 г., курс истории биологии в МГУ). Работал на пресноводных и морских биологических станциях в Неаполе, Виллафранке, Севастополе. А.Д. Некрасов написал еще одну художественную повесть – «С капитаном Куком?» [Биография 2012].

«Несомненно, – говорилось в опубликованном в 1951 году очерке, посвященном 75-летию профессора А.Д. Некрасова, – что по знанию биологии и, в частности, вопросов истории эволюционного учения, по эрудиции и, наряду с этим, способности в самой популярной и доступной форме излагать свои знания проф. А.Д. Некрасов является выдающимся ученым нашей страны. Его жизнь служит примером неустанного, непрерывного служения науке и делу ее пропаганды» [Никитенко 1951: 78]. Вопрос только в том, что пропагандировал этот «неутомимый труженик и пропагандист»? Интересно, что в юбилейном очерке, ни слова не было сказано об иных, историографических «увлечениях» и «достижениях» профессора-дарвиниста. Было отмечено,

что научная деятельность А.Д. Некрасова «протекала в трех направлениях»: вопросы размножения и развития в животном мире; второе и основное направление – это эволюционная теория Дарвина, ее «популяризация» и разработка отдельных ее проблем; история русской биологической науки [Никитенко 1951: 78–79].

В «засекреченной» книге А.Д. Некрасова можно было встретить, к примеру, следующие пояснения: «С XVIII века, в особенности после путешествия Кука, описанного в настоящей книге, и до второго десятилетия XIX века в науке довольно твердо держалось мнение, что за Южным Полярным кругом лежит покрытый пловучими льдами океан, который был назван Южным Ледовитым океаном. В настоящее время твердо установлено, что никакого Южного Ледовитого океана нет, а за Южным Полярным кругом лежит большой материк, Антарктида...» [Некрасов 1941: 52, сноска 1]. Вся информация о Первой русской антарктической экспедиции заключалась, у А.Д. Некрасова, в одной единственной сноске (!): «Земля Сандвича, открытая Куком в южной части Атлантического океана, впоследствии оказалась архипелагом вулканических островов, за которыми осталось название «Южные Сандвичевы острова». Большая часть этих островов была открыта русским моряком Беллинсгаузеном в 1821 году» [Некрасов 1941: 236, сноска 1].

В этом контексте, также небезынтересна характеристика одной из книг А.Д. Некрасова, данная все в том же юбилейном очерке. «В этой книге («Оплодотворение в животном царстве» (1930). – А.О.), – писал М.Н. Никитенко, – вопреки установленной зарубежными биологами традиции замалчивания и игнорирования достижений русских ученых, проф. Некрасов, может быть, впервые так полно и всесторонне осветил роль русских ученых в решении кардинальных проблем развития» [Никитенко 1951: 79]. Возможно это и так. Однако равно справедливо, что, в случае истории географических открытий, А.Д. Некрасов, быть может действительно впервые, так слепо отнесся к экспедиции 1819–1821 гг.

Другой, из перечисленных только что советских авторов, М.А. Дьяконов написал статью к очередному юбилею, правда не связанному с окончанием русской экспедиции в 1821 году, а, в связи с «двадцатой годовщиной открытия Южного полюса Амундсеном (14 декабря 1911 г. – 14 декабря 1931 г.)». Эта, одноименная его статья, была опубликована в январском – за 1932 год – выпуске журнала «Морской сборник». О Дж. Куке, М.А. Дьяконов писал так: «...Англичанин Джеймс Кук положил начало серьезному изучению Антарктики. ...Кук трижды пересек южный полярный круг и на 106°54' з. д. спустился к 71°10' ю. ш. Здесь его остановил ледяной барьер (! – А.О.), тянувшийся на сотни километров в обе стороны» [Дьяконов 1932: 107–108].

А так, в описании М.А. Дьяконова, проходила экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева: «В ...1819 году в кругосветное плавание

вышел русский военный фрегат «Надежда» (так в тексте! – *А.О.*) под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена, дошедший до 69° южной ширины (так в тексте. – *А.О.*). «Надежда» (*sic!* – *А.О.*) тоже трижды пересекала южный полярный круг и совершила кругосветное плавание в тех же высоких южных широтах, в которых плывал Кук. Это было первое в истории географического исследования антарктическое кругосветное плавание. ...Беллинсгаузен установил возможность плавания в море Росса и открыл остров Петра I и берег Александра I» [Дьяконов 1932: 108].

В 1934 году Всесоюзным арктическим институтом был издан дневник Р. Скотта. Нас, в данном случае, будет интересовать редакционное предисловие к этому изданию. Поскольку сам раздел, «От редакции», подписан не был, позволительно предположить, что автором его выступил все тот же М.А. Дьяконов (1885–1938) – ответственный редактор книги. Известно, что работавший с 1929 г. в «Экспортлесе» М.А. Дьяконов, затем переменял свою деятельность на издательское дело: он был принят на должность заведующего издательством Всесоюзного арктического института, где работал до октября 1936 года (в 1938 г. он был арестован и расстрелян; реабилитирован в 1956 г.).

Интересны места редакционного предисловия, где описано путешествие Дж. Кука: «После Буве в южных водах плавали французские моряки Дюфрен и Кергелен, но лишь знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук положил начало серьезному изучению Антарктики. Во время своего второго кругосветного плавания (1772–75 гг.) он проплыл 115 долготных градусов к югу от 60° ю. ш. и трижды пересек южный полярный круг. Кук доходил до 71°54' ю. ш. и здесь был остановлен (! – *А.О.*) ледяным барьером, тянувшимся на сотни километров в обе стороны. То был знаменитый ледяной барьер, получивший позднее наименование «барьера Росса» и неизменно описываемый всеми полярными путешественниками, плававшими в антарктических водах» [Дневник 1934: 6]. Далее автор предисловия писал, что «антарктические области почти исключительно изучались и изучаются иностранцами: в этих водах побывала всего лишь одна русская экспедиция (в 1820–21 гг.)» [Дневник 1934: 6].

Дальнейшее описание, данное М.А. Дьяконовым, можно рассматривать в качестве своего рода «кульминационной точки» некомпетентности (невежества) и откровенного небрежения советских авторов 20-х–30-х годов, при описании ими хода Первой русской антарктической экспедиции. Опять, как и в 1932 г., М.А. Дьяконов писал: «...В 1819 году вышел в кругосветное плавание русский военный фрегат «Надежда» (! – *А.О.*) под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена, дошедший до 60° ю. ш. «Надежда» (! – *А.О.*) тоже трижды пересекала южный полярный круг (экспедиция Беллинсгаузена–Лазарева шесть раз пересекала Южный полярный круг. – *А.О.*) и совершила кругосветное

плавание в тех же высоких широтах, в которых плавал и Кук. Это было первое в истории географического исследования антарктическое кругосветное плавание. Позднее его повторил «Фрам» во время экспедиции Амундсена в 1910–1912 гг. Экспедиция Беллинсгаузена считается первой научной экспедицией, проведенной в Антарктиде» [Дневник 1934: 7]. Таким было разъяснение ответственным редактором дневника Р. Скотта, «смысла» и «результатов» Первой русской антарктической экспедиции.

В ряду работ, изданных в 30-е–40-е годы в Советском Союзе и, так или иначе посвященных путешествиям английского мореплавателя Дж. Кука, стоит упомянуть книгу советского писателя, переводчика Н.К. Чуковского (1904–1965), сына К.И. Чуковского. Книга «Водители фрегатов», была издана «Детиздатом» в 1941 году, т. е. накануне (книга была подписана в печать 5 мая 1941 г.) Великой Отечественной войны. В этой связи стоит еще заметить, что, несколько раньше, в конце 20-х годов вышла другая «познавательная повесть для детей и подростков», этого же автора. Это была «художественная биография» Дж. Кука, «Капитан Джеймс Кук» (1927). Приверженность к «куковской» теме в творчестве Н.К. Чуковского (впрочем, как мы уже убедились, и в творчестве ряда других советских писателей того периода) на первый взгляд трудно объяснима. Поскольку, сам Н.К. Чуковский, в своем письме к отцу, написанном 28 июня 1927 г. из Калуги (говоря об одной из своих повестей) сообщал: «Повесть движается быстро, и если выйдет так, как я хочу, то я отрекусь от всех Куков...» [Никитин 2004].

В свою очередь, К.И. Чуковский (известный писатель и отец Н.К. Чуковского), побывав в 1930 г. в одном из советских пионерских лагерей (в Крыму в Симеизе), свидетельствовал в письме к сыну, что книга «Капитан Кук» пользуется у пионеров «неотразимой популярностью». Читательская любовь, писал исследователь творчества Чуковских Е.Н. Никитин, стала еще сильнее после того, как увидели свет «Водители фрегатов» – книга Н.К. Чуковского, выдержавшая наибольшее количество переизданий [Никитин 2009]. Часть первая этой книги, снова была посвящена Дж. Куку [Чуковский 1941: 9–121]. Очевидно существовал совершенно определенный, конкретный социальный заказ на подобного рода литературу «для юношества».

Вот драматичное (и весьма недвусмысленное при этом), сделанное Н.К. Чуковским, описание эпизодов плавания: «...14 декабря льды сомкнулись перед кораблями. Смерзшиеся глыбы превратились в холмистое ледяное поле и преградили дальнейший путь на юг. В течение двух недель Кук пытался обогнуть это поле то с востока, то с запада, но безуспешно. В ледяной плотине не было ни одного прорыва, ни одного канала. Быть может, Южный материк находится еще южнее, за этими льдами. Но доступ к нему был невозможен.

...Ледяное поле преградило путь кораблю. На всем том пространстве, где, по мнению ученых, должен был находиться Южный

материк, Кук не нашел ничего, кроме моря (? – А.О.). если Южный материк все-таки существует, он лежит там, за непроходимыми льдами, возле самого Южного полюса» [Чуковский 1941: 47, 67].

Наконец, о творчестве последнего из перечисленных выше, советских «авторов-куковедов». В 1933 году в серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ), была издана книга литератора В.Н. Владимирова (Долгорукова) (1899–1966) об английском мореплавателе Дж. Куке. Какое бы то ни было упоминание русской экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в книге напрочь отсутствовало. Интересными на этом фоне выглядели сентенции автора книги, о том, что «в екатерининской России тоже читали о Куке» [Владимиров 1933: 161]. Действительно, в России сочинения Дж. Кука и книги о нем переводились с конца XVIII в. Интересно, что в беллетристике XIX века имя Кука встречается чаще всего в юмористическом контексте. Так, входящий в «Записки одного молодого человека» (1840) журнал «Патриархальные нравы в городе Малинова», А.И. Герцен посвящает «памяти Кука и его (вероятно) превосходительству Дюмон-д'Юрвиллю, *capitaine de vaisseau*...». Упоминается Кук и в повести Е.П. Гребенки «Перстень» (1841), в «Селе Степанчикове и его обитателях» Ф.М. Достоевского (1859) и др. Использование этого исторического имени зачастую носило каламбурный характер [Капитан 2012].

Среди прочего, В.Н. Владимиров (Долгоруков) писал: «Увидев... ледяные громады, плавающие в океане, Кук первый заявил, что он убежден в их образовании на твердой земле и что такая земля должна быть у Южного полюса, покрытая снегом и льдом. Вид этих гор только подтверждал его прежние предположения. Столь простая, как кажется нам теперь, догадка, полностью оправдавшаяся через полтора столетия (?! – А.О.) отважными поисками Роальда Амундсена и капитана Скотта, утвердившего взгляд своего знаменитого соотечественника, почему-то упорно не принималась учеными, всячески старавшимися доказать ее несостоятельность» [Владимиров 1933: 65]. «Эти четыре месяца небывалого в истории путешествий плавания вдоль границ Антарктиды, – писал далее В.Н. Владимиров, – в условиях полной непригодности кораблей и экипажей, при отсутствии карты и каких бы то ни было указаний, были истинным героизмом» [Владимиров 1933: 66].

Давая оценку второму плаванию Кука, советский автор-англофил отметил: «...На этих скромных наблюдениях и данных наука построила все дальнейшие свои изыскания, открывшие навигации важнейшие пути к достижению Южного полюса, к точному географическому изучению Южного полярного моря и Антарктики... Человечество двинулось к новым научным завоеваниям, оглядываясь на эту отважную горсть людей, одной своей волей пробившихся сквозь льды неведения... Результаты, достигнутые Куком, были огромны. ...Все главнейшие отрасли знаний приобрели ценнейший и обширный материал, наука –

огромное поле для новых исследований. ...Куку одержал величайшую победу и встал в почетный ряд замечательных людей XVIII века» [Владимиров 1933: 66–67, 160–161]. Самое же главное, как подчеркивал В.Н. Владимиров, задача второго кругосветного путешествия Кука была решена: есть (! – *А.О.*) Южный Материк, но подступы к нему заграждены льдом [Владимиров 1933: 98].

В изданном Учпедгизом в 1940 году (книга была сдана в набор еще 19 июня 1939 г.; подписана в печать 30 октября 1940 г.) пособия для преподавателей географии – «Словаре-справочнике по физической географии», автор этого пособия, профессор (1926), доктор географических наук (1936) А.С. Барков (1873–1953), достаточно объективно и без всяких «идеологических наслоений» (о которых речь пойдет ниже), но и без встреченной выше, некоей «экзальтации», объяснял в пособии деятельность Дж. Кука. Автор словаря-справочника писал: «...Открытия Кука значительно расширили владения Англии и ее колониальную торговлю и имели большое научное значение, разъяснили вопрос о размерах водных пространств и суши, установили отсутствие антарктического континента, по прежним представлениям доходившего до 40° ю. ш., определили расположение морей, океанов и континентов» [Барков 1940: 94].

В 1940 году в Советском Союзе была издана небольшая научно-популярная книга Н. Введенского (ставшая весьма известной в советской историографии), посвященная южной полярной области. Вот точка зрения Н. Введенского на факт первооткрытия континента: «Важным достижением экспедиции являлось открытие островов Петра I и Земли Александра I. Эти открытия позволяли думать, что и далее к югу возможны новые, неизвестные земли, а может быть (*sic!* – *А.О.*) существует и сам Южный материк. Экспедиция, вопреки Куку, своими работами подтверждала наличие такого материка, что позже (? – *А.О.*) и было установлено» [Введенский 1940: 83].

В рассматриваемом контексте нас интересуют слова этого советского автора, о том, что экспедиция подтвердила (правда «подтвердила» в трактовке Н. Введенского, отсылавшего лишь к январским, 1821 года, открытиям) наличие материка «вопреки Куку». Автор настоящего исследования не берется окончательно ответить на вопрос: была ли работа Н. Введенского своеобразной «поворотной точкой», в оценках в Советском Союзе плаваний Дж. Кука? Но, в любом случае, в последующие годы, в условиях «борьбы за приоритет» русских открытий в Антарктике, в исследовательских практиках (в данном, конкретном случае, во многом идеологизированных, пропагандистских) советских авторов, уже получали распространение иные подходы к итогам второго кругосветного плавания Кука.

Впрочем, начало таким подходам, было положено еще в работе С.Г. Григорьева [Григорьев 1925: 7–8]; «преемственно» продолжены они затем были: Н. Введенским [Введенский 1940: 12–13], М. Райхенбергом

(так, в 1941 году, М. Райхенберг прямо утверждал, что «Кук пришел к убеждению, что южный материк не существует...» [Райхенберг 1941(а); Райхенберг 1941(б): 62, 64–65], Г.С. Тихомировым [Тихомиров 1948: 106], В. Якубовичем [Якубович 1948: 50], К. Осиповым (Куперманом) [Осипов 1950: 5–6] и многими другими советскими авторами. К примеру, К. Осипов (Куперман) писал: «Открытие этой земли (Александра I. – *А.О.*) – а также острова Петра I – опровергло высказанное Куком утверждение, что в районе Южного полюса нет (! – *А.О.*) материка. ...Труды экспедиции опровергли пущенное в обиход Куком и господствовавшее до тех пор мнение об отсутствии (! – *А.О.*) или недостижимости материка в районе Южного полюса [Осипов 1950: 48]. Такие и подобные им фальсификации, стали обычным явлением в советской послевоенной историографии.

Надо сказать, что сами участники экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, были от таких фальсификаций очень далеки. Они воздавали должное заслугам этого выдающегося английского мореплавателя. Да по другому и быть не могло. Новую эпоху в океанических исследованиях открывают плавания Дж. Кука. Некоторые зарубежные авторы даже называют этот период «веком Кука». Три кругосветных плавания Джеймса Кука в 1768–1771, 1772–1775 и 1776–1780 гг., дали в итоге выдающиеся результаты [Исаченко 1971: 157].

В 1855 году П.М. Новосильский писал о Дж. Куке и его плавании: «Этот отважный мореходец обошел в 1773–74 годах, около параллели 60°, все Южное полушарие, несколько раз проникал и за черту полярного круга, но везде, в больших Широтах, встречал непроходимые льды. Единственным открытием Кука в Южном Ледовитом море, близ параллели 60° Ш. (так в тексте. – *А.О.*) были четыре маленькие острова, названные им Сандвичевою землею. Но Южный материк как бы убежал от смелого плователя, который хотя и не отвергал (! – *А.О.*) его существования, но был уверен, что льды, туманы, снег, морозы, бури, словом, все возможные препятствия не допустят и самого предприимчивого мореплавателя до него достигнуть.

На долю Русских выпал завидный жребий разрешения этой задачи» [Новосильский 1855: 20].

В 1948 году (очевидно в силу «инерционных процессов», но и, с уже несколько иными целями) была продолжена «кукофикация» сознания советского читателя. Государственное Издательство географической литературы (ОГИЗ) выпустило в свет книгу Дж. Кука «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света». Книга Дж. Кука была переведена с английского и снабжена комментариями Я.М. Светом (1911–1987). Согласно информации С. Федоровой: «Яков Михайлович Свет родился в Санкт-Петербурге в 1911 году. Его отец Михаил Яковлевич Свет был адвокатом. Жили они неподалеку от Литейного проспекта. По соседству располагалась знаменитая типография А.С. Суворина, основанного в 1872 году в Санкт-Петербурге книжный

магазин и издательство. Можно полагать, что на полках отцовской библиотеки Яша Свет находил и суворинские книги для народного чтения.

...Романтик, крупнейший (?! – *А.О.*) ученый-исследователь, он был замечательным писателем, и эти редкие качества выявили его книги, которые с упоением читает молодежь...».

Книга Дж. Кука в переводе Я.М. Света, вышла под научной редакцией и со вступительной статьей И.П. Магидовича. Историк географии, экономикогеограф и демограф, И.П. Магидович окончил юридический факультет Петербургского университета. Известно, что И.П. Магидович в 1912–1914 гг. работал в Петербурге присяжным поверенным [Магидович 1993: 46–47]. Что же побудило этот научно-творческий «тандем» (со стороны редакции ОГИЗ, их «надежно прикрывал» редактор Я.А. Марголин) взяться за, столь популярные в 20-е–30-е годы в Советском Союзе, труды Дж. Кука? Во всяком случае, название вводной статьи И.П. Магидовича – «Джемс Кук, его действительные и мнимые открытия» – выглядело уже достаточно симптоматичным и означало некоторые, определенные подвижки в советской историографии.

В частности, И.П. Магидович писал: «Имя известного английского мореплавателя Джемса Кука тесно связано с открытиями в Тихом океане. ...Английские правящие круги... сделали из Д. Кука национального героя. ...Англосаксонские авторы обычно преуменьшают или совсем игнорируют роль мореплавателей других наций в тихоокеанских открытиях до Кука. ...Действуют здесь различные причины: с одной стороны – высокомерное националистическое, великодержавное презрение ко всему неанглийскому, а с другой – нередко и соображения чисто «коммерческого» порядка: не может рассчитывать на рекламу, а следовательно и на широкое распространение своей книги автор, уклоняющийся от стандартного (! – *А.О.*) преувеличения роли Кука в истории тихоокеанских открытий» [Магидович 1948: 3]. Упомянув коротко «истинные и мнимые заслуги» Дж. Кука, И.П. Магидович подчеркнул, что, «теперь уже нужны некоторые усилия, чтобы восстановить историческую истину» [Магидович 1948: 4]. Еще большие усилия требовались от советской историографии, чтобы «восстановить историческую истину» в отношении результатов и главных итогов Первой русской антарктической экспедиции.

Между прочим, в своей вводной (на тридцати с лишним страницах!) статье, И.П. Магидович цитировал Дж. Кука (уже очевидно в переводе Я.М. Света): «Я обошел, – пишет Кук, – южный океан на высоких широтах и совершил это таким образом, что неоспоримо отверг возможность существования здесь материка, который, если и может быть обнаружен, то лишь вблизи полюса, в местах, недоступных для плавания... Положен конец дальнейшим поискам Южного материка,

который на протяжении двух столетий неизменно привлекал внимание некоторых морских держав...» [Магидович 1948: 33]. «Кук, – теперь уже от себя добавил И.П. Магидович, – только в одном месте перешел за 70-ю параллель по направлению к южному полюсу. Если даже не считать этого пункта, то его заявление можно понять только так, что никакая часть Южного материка (Антарктиды) не может существовать севернее 70° ю. ш. и во всяком случае, севернее полярного круга. На самом же деле первый участок подлинной антарктической суши (Земля Александра I), открытый замечательной русской экспедицией Беллинсгаузена-Лазарева (1819–1821) против Огненной Земли, расположен севернее 70-й параллели» [Магидович 1948: 33].

И снова, И.П. Магидович, цитирует Дж. Кука: «Я не стану отрицать, – пишет дальше Кук, – что близ полюса может находиться континент или значительная земля. Напротив, я убежден (! – *А.О.*), что такая земля там есть и возможно, что мы видели часть ее... (здесь стоит особо обратить внимание, что, собственно на «понимание» и «запоминание» этого, была направлена вся, предназначенная для советской молодежи книга профессора-дарвиниста А.Д. Некрасова [Некрасов 1941]. – *А.О.*). Это земли обреченные Природой на вечную стужу, лишённые тепла солнечных лучей. У меня нет слов для описания их. Таковы земли, которые мы открыли (! – *А.О.*). Но каковы же должны быть страны, расположенные еще дальше к югу... Если кто-либо обнаружит решимость и упорство, чтобы разрешить этот вопрос и проникнет дальше меня на юг, я не буду завидовать славе его открытий. Но должен сказать, что миру его открытия принесут немного пользы» [Магидович 1948: 33–34].

Оставляя на совести переводчика, взявшего на себя такую ответственность, Я.М. Света качество и достоверность его перевода (и И.П. Магидовича, избравшего именно эти «цитаты»), скажем только, что все «только что перечисленное» (а. в первую очередь, фраза о том, что Дж. Кук, «неоспоримо отверг возможность существования здесь материка...»), стало наиболее цитируемым «материалом» советских авторов, пишущих об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

«Таким образом, – продолжал И.П. Магидович, – Кук признавал наличие антарктической суши, но отодвигал ее слишком далеко к полюсу и не видел никакого практического интереса в ее открытии (т. е. намеренно не хотел, сам ее «открывать»? – *А.О.*). Что научные интересы были чужды ему, видно из его пренебрежительной фразы о славе будущих антарктических путешественников, если такие найдутся.

Сам Кук не верил в то, что какой-либо смертный может совершить в Антарктике больше, чем он совершил» [Магидович 1948: 33–34].

«Риск, – в очередной раз цитировал Дж. Кука советский научный редактор, перевода книги английского мореплавателя, – связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках южного материка, – пишет он в шестой главе четвертой книги, –

настолько велик, что я *смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юг дальше, чем это удалось мне. Земли, что могут находиться на юге, никогда не будут исследованы...* (курсив в тексте И.П. Магидовича. – *А.О.*).

Но такие люди нашлись, а исследование южного материка началось менее, чем через полвека после того, как Кук писал эти горделивые слова, и начали его – русские» [Магидович 1948: 34].

Вышеприведенные абзацы, стали для советских историков и географов, иных авторов, если не «классическими», то, во многом хрестоматийными. Они цитировали их, зачастую без указания авторства, «первоисточника» – И.П. Магидовича, так удачно, своими цитатами попавшего в требуемую идеологическими и пропагандистскими соображениями «точку». Заканчивал свою статью И.П. Магидович следующим «предупреждением»: «Перевод записок капитана Кука выполнен по английскому изданию 1784 г. Я.М. Светом. Им же написаны комментарии и составлены вспомогательные таблицы. Глава «Общее введение» – предисловие Дж. Кука – переведена Т.Е. Фрумкиной» [Магидович 1948: 34].

Плоды всего этого, не заставили себя ждать долго. Так, в мартовском, за 1949 год номере журнала «Вокруг света», в передовой (редакционной) статье под претенциозным названием «Русский приоритет», можно было узнать следующее: «Замечательно, что подвиг русских моряков был совершен вопреки предсказаниям иностранных авторитетов и в первую очередь английского капитана Кука, в ту пору уже не верившего (! – *А.О.*) в существование «Южного материка» [Русский 1949: 2]. В опубликованной в 1949 году статье академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева, было отмечено, что, «честь опровержения взглядов Кука принадлежит России» [Григорьев, Лебедев 1949: 185]. Таким образом, речь шла уже не о «чести открытия», а, о некоей «чести опровержения». Надо признать, что сама по себе такая постановка вопроса, была уже некорректной со стороны ведущих советских представителей академической географической науки. В те годы, в советской историографии антарктических путешествий и исследований, буквально «лавинообразно» нарастали фальсифицированные подход в которых проводилась, та идея, что Дж. Кук якобы утверждал, что вокруг Южного полюса вообще «ничего не существует» [Овлащенко 2013: 222].

Отметим, что в более поздней советской историографии даны были достаточно объективные оценки такой постановке вопроса. В 1960 году В.Л. Лебедев писал: «Кук категорически отрицал в своих записках возможность существования Южного континента, имея в виду не Антарктиду, а тот, значительно более обширный, населенный и плодородный материк, на поиски которого и была отправлена его экспедиция» [Лебедев 1961: 10]. Отзываясь о русских переводах работ Дж. Кука, В.Л. Лебедев, так отзывался о переводе текста Я.М. Светом:

«...К сожалению, переведенный... с некоторыми сокращениями и неточностями...» [Лебедев 1961: 10].

Продитировав некоторые разъяснения, которые дал сам Дж. Кук (В.Л. Лебедев цитировал его по английскому изданию 1777 г.), советский специалист писал: «Приведенные разъяснения Кука иногда упускаются из виду, и некоторые авторы принимают его отрицание «Южного континента» за отрицание возможности существования всякого материка и даже всяких земель близ Южного полюса.

Такие высказывания можно привести из юбилейных статей, посвященных 140-летию открытия Антарктиды (статьи эти были опубликованы в 1960 г. в Советском Союзе. – *А.О.*). Они были заимствованы авторами этих статей из работ конца 40-х – начала 50-х годов нынешнего века.

...Высказывания Кука, ...свидетельствующие о том, что он, отрицая так называемый Южный континент в умеренных широтах, не отвергал возможности существования материка в полярной области, были правильно поняты современниками Кука в России (это была еще не коммунистическая, Советская Россия, с ее мощнейшими – к 40-м–50-м годам – идеологическим и пропагандистским аппаратами. – *А.О.*) и многими авторами впоследствии» [Лебедев 1961: 11]. Наконец, В.Л. Лебедев отмечал, что «имеющаяся в ряде издательств (советских. – *А.О.*) практика, когда экспедиции предшественников Беллинсгаузена и Лазарева описываются односторонне, лишь в свете их неудач и ошибок, не может содействовать успеху... международного признания приоритета России на открытие шестого материка» [Лебедев 1961: 24].

Таким образом, в советской историографии «маятник» оценок заслуг Дж. Кука качнулся в противоположную сторону – от полной, безоговорочной, можно даже сказать тотальной «кукофикации» (сопровожаемой «кукофильством»), к столь же радикальной «декукофикации» (в свою очередь, породившей своеобразное научное и околонуучное «кукофобство»). Вполне понятно, что ни первое, ни второе не служили в основе своей, продуктивности историографического процесса, развитию в Советском Союзе как историко-географического, так и, собственно исторического и географического знания. Вряд ли оба, отмеченных этих процесса («кукофикация» и, последовавшая за первой, «декукофикация»), были в советской историографии случайными.

Но если отмеченные выше явления были характерны прежде всего для работ советских авторов, написанных ими в 40-е–50-е годы (а не, скажем, для русских дореволюционных авторов), а затем, были в целом в советской историографии более или менее благополучно преодолены, то, тем интереснее, обнаруживать рецидивы (возврат, повторение каких-либо явлений после кажущегося их исчезновения) таких явлений в современной западной историографии, но, теперь уже в отношении главных итогов и результатов Первой русской антарктической

экспедиции. Автор имеет в виду уже приведенные выше слова (явно основывающиеся на неких «конспирологических теориях») современного британского историка и историографа Рипа Балкли: «...*Thirdly, a facsimile of the fifth report has been on display at the Arctic and Antarctic Museum in St Petersburg for about fifty years, according to curators. But the exhibit does not contradict what has just been said. With the exception of two pages, 1 and 8, the rest are displayed in pairs with on page overlapping about half the following one. Few visitors are likely to read through such an interrupted text. Should they read it, they do not meet the words 'I found no evidence anywhere for a great Southern land', which happen to fall in the overlapped part of page. Just as they were in the Dokumenty (Samarov 1952), they have been redacted*» [Bulkeley 2013].

Чем тогда, отличается этот представитель современной западной историографии, от тех, критикуемых этой же историографией (да и, в общем-то, самой советской географической наукой тоже, причем еще в самом начале 60-х годов), «идеологически подкованных» советских авторов 40-х–50-х годов, пытавшихся ввести в заблуждение «широкую советскую географическую общественность» своими откровенными, непрекрытыми фальсификациями результатов экспедиций Дж. Кука. А результат получился обратный: такие подходы, как справедливо заметил В.Л. Лебедев, не могли «содействовать успеху... международного признания приоритета России на открытие шестого материка» [Лебедев 1961: 24].

Так вот, хотя эти слова сказал Ф.Ф. Беллинсгаузен, но всем понятно, что под «*a great Southern land*» подразумевался континент в трактовке, существовавшей до второго кругосветного плавания Дж. Кука – цветущий, с населением и пр. Руководитель первой русской антарктической экспедиции лишь подтверждает здесь отсутствие «куковой земли», как ее называли в России, такого мифического материка (с огромным населением, изобилием растений, животных и пр.).

В.В. Невский. Русские путешественники-исследователи. Фотоальбом (1950). В 1950 году ленинградским издательством «Фотохудожник», был издан фотоальбом «Русские путешественники-исследователи» (автор В.В. Невский; редактор академик Л.С. Берг). Во введении к этому просветительско-пропагандистскому изданию (тираж 500 экземпляров; подписано к печати 17.01.1950 г.), в частности говорилось: «Русские путешественники-исследователи внесли огромный вклад в изучение природы земного шара. Труды их известны всему миру и составляют славу и гордость не только русской, но и мировой науки. Они исследовали, описали и положили на карту территорию нашей Родины, ...и, наконец, впервые увидели и положили на карту берега Антарктиды.

Имена Крашенинникова, Черского, Чихачева, ...Лазарева, Беллинсгаузена и многих других встречаются на карте мира от Арктики до Антарктики.

...Серия фотографий «Русские путешественники-исследователи» составлена в соответствии с программой по географии для средней школы» [Невский 1950: 1].

Текст на листе посвященном Ф.Ф. Беллинсгаузену, гласил: «Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич – адмирал, знаменитый русский исследователь антарктических морей и Тихого океана. «Колумб Антарктиды». ...В 1819 г. Беллинсгаузен был поставлен во главе южной полярной экспедиции... В течение трех лет (1819–1821) русская антарктическая экспедиция обошла вокруг земного шара в южных широтах, шесть раз пересекла южный полярный круг, трижды подошла вплотную к границам Антарктиды и открыла крупную составную часть этого материка – Землю Александра I.

Во время плавания были открыты: остров Петра I (68°57' ю. ш.), Земля Александра I (остров, лежащий у самых берегов материка Антарктиды)...» [Невский 1950: лист «Ф.Ф. Беллинсгаузен»].

Как видно редактор этого издания Л.С. Берг и тут остался «верен себе» (вообще, по мнению автора, всем своим научным творчеством (а также, используя свое общественное положение) сделавший все от него возможное, чтобы сокрыть, затушевать действительную дату открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева. – А.О.): речь шла, только лишь о троекратных подходах «вплотную к границам (? – А.О.) Антарктиды», т. е. не об открытии последней; при этом подчеркнуто говорилось об открытии Земли Александра I. Именно, как о географическом открытии (с указанием географических координат) говорилось об открытии острова Петра I. В этом контексте эклектично выглядел текст об адмирале М.П. Лазареве: «Лазарев, Михаил Петрович – адмирал, знаменитый русский мореплаватель, кому, наряду с адмиралом Беллинсгаузенем, принадлежит честь открытия Антарктиды...» [Невский 1950: лист «М.П. Лазарев»].

Писавшие статьи по антарктической тематике для учителей и школьников, советские географы не стремились (умышленно или по неведению – это другой вопрос) осветить истинный ход и результаты Первой русской антарктической экспедиции. К примеру, вот что писал в 1948 году в журнале «География в школе», советский географ Б.А. Шлямин: «Честь открытия материка Антарктиды, являющегося шестой частью света, а также заслуга в организации первой научной антарктической экспедиции (Беллинсгаузен и Лазарев на шлюпах «Восток» и «Мирный») принадлежит России.

...10 января 1821 г. ...эта экспедиция открыла высокий остров, названный островом Петра I. 17 января... участники экспедиции увидели высокий берег земли, которой дали название Земли Александра I. Это был материк Антарктида, который до тех пор не был нанесен на карту

ни одним из мореплавателей. Таким образом, честь открытия Антарктиды принадлежит экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева» [Шлямин 1948: 36]. Помимо того что в описании этого автора январские и февральские экспедиционные дни не упоминаются вовсе, его дальнейшие пояснения являются одними из наихудших (тем более, что его текст предназначался учителям и учащимся).

Б.А. Шлямин писал: «Описание этой замечательной русской экспедиции переведено на многие языки. Интерес к ней до сих пор не угас; об этом свидетельствует появление в 1945 г. полного перевода книги Беллинсгаузена на английский язык... Однако иностранные авторы нередко умалчивают о приоритете русских, в частности об этом открытии (отдавал ли себе отчет Б.А. Шлямин, что сам он, абзацем ранее умолчал о таком приоритете. – *А.О.*). Если в свое время это можно было раньше объяснить незнанием, что представляет собой Земля Александра I – остров или часть материка – то с 1937 г. всякие сомнения на этот счет исчезли (*sic!* – *А.О.*). В 1947 г. вышел в свет отчет английской антарктической экспедиции (1935–1937 гг.), проведенной под руководством Раймилла, в котором было доказано, что Земля Александра I является выдвинутым к северу полуостровом южнополярного материка» [Шлямин 1948: 36].

Между тем, еще *1932 году*, один из советских авторов писал: «В феврале 1924 года норвежец Матисен, плававший в этом районе на одном из мелких китобоев, обслуживавших плавучие салотопки «Севилья» и «Руал Амундсен», хорошо видел Землю Александра I и вынес впечатление, что это остров» [Дьяконов 1932: 108]. В одной из своих, напечатанных в *1937 году* заметок, упоминал (причем, прямо в противоположной трактовке) об «экспедиции Раймилла» Ю.М. Шокальский: «...Английская экспедиция под руководством Д. Римиля, ...не только работала с самолета, но и обошла значительное пространство по суше, пешком. ...Земля Александра I оказалась островом (! – *А.О.*) очень значительного размера, притом почти вплотную прижатом к материку. От последнего ее отделяет очень узкий пролив, очевидно чисто тектонического происхождения [Шокальский 1937: 667].

«Только недавно (в 1935 году) удалось установить, – писал в *1941 году* в журнале «Советская Арктика» М. Райхенберг, – что «Берег Александра» является островом, отделенным от Антарктиды нешироким проливом, постоянно забитым льдом. Таким образом, обе земли, открытые русскими за Южным полярным кругом... не являются частью Антарктического материка (читай, «русские не открыли Антарктический материк». – *А.О.*), но достаточно близко к нему расположены» [Райхенберг 1941(б): 66–67]. Весьма показательно, что академик Л.С. Берг, еще и, в *1948 году* (как и Б.А. Шлямин) в только ему известных целях утверждал, что это часть антарктического материка. «Замечательны открытия, – писал Л.С. Берг, – сделанные

Беллинсгаузеном и Лазаревым в Антарктике: 17 января 1821 года они увидели берег, к-рому (которому. – *А.О.*) дали название Земли Александра I; это был антарктический материк, часть к-рого впервые положена на карту русскими мореплавателями» [Берг 1948(а): 1355]. – *А.О.*).

Выше уже было отмечено, что, строго говоря, академику вряд ли стоило в середине 1948 г. подчеркивать, что Земля Александра I – это «антарктический материк», поскольку уже в заметках и менее маститых (правда, и менее эклектичных) советских авторов, в том числе делавших обзоры зарубежных антарктических экспедиций, было верно указано, что это остров. По некоторым признакам именно в 1948 году, своего рода «антиантарктическая» *claque* пыталась окончательно «провалить» приближающуюся верную, объективную оценку хода, основных итогов и результатов русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. Оценку, указывающую в том числе и на действительную дату открытия Антарктиды – 16(28) января 1820 года. В том же 1948 году был издан учебник известного советского географа-картографа, профессора К.А. Салищева (1905–1988) «Основы картоведения». На момент издания этой книги, отношение ее автора (среди прочих крупных работ, осуществленных в последующие годы под руководством К.А. Салищева, было создание «Атласа истории географических открытий и исследований») к итогам Первой русской антарктической экспедиции, было сформулировано им следующим образом: «...Кругосветное плавание 1819–1821 гг. на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, во время которого был открыт Антарктический континент (Земля Александра I), остров Петра I и ряд островов в Тихом океане» [Салищев 1948: 196].

В 1949 году доктор географических наук Эд. Мурзаев (в последующем один из биографов Л.С. Берга) писал: «...В истории открытия Антарктиды выдающуюся роль сыграли русские путешественники, утвердив за нашей Родиной право первооткрытия материковых земель в Антарктике.

...Русские путешественники в 1820–1821 годах... открыли новый материк – Антарктиду. В январе 1820 года шлюпы дважды подошли к материковому берегу (! – *А.О.*); в феврале того же года они вновь достигли границы сплошного льда, за которой громоздились плоские горы; в январе следующего года шлюпы опять оказались у новых земель – то были остров Петра I и берег Александра I, являющиеся частью материка» [Мурзаев 1949: 260–261]. Не может не возникнуть вопрос: для чего, доктор географических наук Эд. Мурзаев, объявлял «берег Александра I», а тем более остров Петра I, «частью материка»?

Сразу же после этого своего абзаца, Эд. Мурзаев цитировал слова Ф.Ф. Беллинсгаузена о берегу Александра I, что, для конца 1949 года, было уже явно неоправданным. К тому времени, практически достоверно стало известно, что это остров, а не «берег». Об этом писали

в своих статьях не только зарубежные, но советские авторы, освещавшие деятельность последних иностранных экспедиций в Антарктику. «Мы знаем теперь (?! – *А.О.*), – утверждает тем не менее Эд. Мурзаев, – что берег Александра I есть часть Антарктиды, до сих пор не ясно только, является ли эта земля прямым продолжением материка или она отделена от него узким морским проливом» [Мурзаев 1949: 261].

На состоявшемся 10 февраля 1949 года в Ленинграде общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР, интересную точку зрения высказал выступавший после академика Л.С. Берга, профессор С.В. Калесник. Он заявил: «Если открытие Багамских и Антильских островов справедливо считается одновременно и открытием **американского** (выделено в тексте. – *А.О.*) континента, то тем больше оснований считать открытие многих островов, вплотную прилегающих к Антарктиде, и, в частности, Земли Александра I (если она даже действительно остров, а не часть материка) открытием **антарктического** континента» [Русские 1949(а)].

Подготовленный Р.И. Стомахиной рекомендательный указатель литературы «Выдающиеся люди Военно-Морского Флота нашей Родины» (1950). В 1950 году под эгидой Военного отдела Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В.И. Ленина, был издан рекомендательный указатель литературы «Выдающиеся люди Военно-Морского Флота нашей Родины». Вышедший под редакцией подполковника Н.П. Мазунина, указатель имел тираж – 5 000 экз., и был рассчитан «на массовые библиотеки и на широкие круги военных и гражданских читателей». «В указатель, – как было отмечено в предисловии к нему, – включены книги и журнальные статьи, в основном, за период с 1944 по 1949 гг. Газетные статьи включались в указатель в тех случаях, когда тот или иной вопрос недостаточно освещен в книгах и журналах» [Стомахина 1950: 4].

В предисловии особо было подчеркнуто, что русские моряки, «отважные кругосветные мореплаватели и исследователи пополнили сокровищницу человеческих знаний; их географические открытия имели всемирно-историческое значение» [Стомахина 1950: 3].

Книга В. Якубовича и Г. Смирновой «Записки географического клуба» (1950). В 1950 году Государственным Издательством Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, была издана книга В. Якубовича и Г. Смирновой «Записки географического клуба» (в выпускных данных этой книги указано: Сдано в набор 3/VIII 1949 г. Подписано к печати 2/XII 1949 г.; тираж 30 000 экземпляров). Ответственным редактором книги выступил В. Касименко. Известно, что упомянутый несколько раз на протяжении настоящей книги В.Я. Якубович, являлся членом бюро Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества Союза ССР. Это Отделение было создано в

июне 1947 г. в составе Московского филиала Географического общества Союза ССР по решению его Президиума. В круг ведения нового Отделения вошли вопросы истории географических знаний и исторической географии [Соколов 1950: 241].

В опубликованном в сентябрьском выпуске журнала «Наука и жизнь» за 1944 год, достаточно объемном материале В.Я. Якубовича (написанном «на основе» книги Ф.Ф. Беллинсгаузена), присутствовало упоминание, что «отважные русские мореплаватели во главе с Беллинсгаузенем первые открыли земли далеко за Южным полярным кругом» [Якубович 1944: 40]. Речь в данном случае шла об открытой экспедицией в 1821 г. острове Петра I и Земле Александра I. «Не зная, – писал «передергивая» первоисточник В.Я. Якубович, – является ли открытая вновь земля островом или «матерью землею» – частью материка, Беллинсгаузен назвал ее берегом Александра Первого» [Якубович 1944: 40]. В.Я. Якубович был одним из тех советских авторов, в исследовательских практиках которых, получили распространение фальсифицированные подходы к итогам второго кругосветного плавания Кука [Якубович 1948: 50].

В январском номере журнала «Вокруг света» за 1948 год была опубликована заметка В. Якубовича, посвященная русской антарктической экспедиции. Вслед за Н. Введенским [Введенский 1940: 13], В. Якубович писал, что русские моряки «...совершили первое глубокое проникновение в Антарктику» [Якубович 1948: 59]. «Честь открытия антарктических земель, – указывал далее советский автор, – принадлежит русской экспедиции, отправившейся в южные моря в 1819 году под начальством Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева» [Якубович 1948: 59]. В данном случае уже довольно сложно определить, из какого источника был заимствован В. Якубовичем устойчивый оборот «честь открытия»: непосредственно из книги П.М. Новосильского, либо из одной работ, вышедших из под пера Л.С. Берга, или же, наконец, из опубликованной незадолго до выхода статьи В. Якубовича, книги М.С. Боднарского. В самой статье, В. Якубович цитирует Ф.Ф. Беллинсгаузена, но взяты ли эти цитаты из первоисточника – работы 1831 года – или же заимствованы из материалов советского времени, определить сложно [Овлащенко 2013: 149]. Дело в том, что в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, даже в более поздние годы, чаще всего практиковалась подмена первичного описания материала исследуемого текста описаниями, данными по его описаниям.

В интерпретации В. Якубовича, события первого антарктического этапа экспедиции выглядели следующим образом: «Больше двух месяцев продолжалась борьба со льдами. Приходилось лавировать, делая огромные обходы плавающих ледяных полей. Шлюпы стремились идти вдоль сплошных льдов, льды теснились, грозили гибелью. Несколько раз Беллинсгаузену удавалось спускаться за Полярный круг,

три раза он заходил за 69° южной широты, но всюду путь преграждала сплошная масса пловучего (! – *А.О.*) льда» [Якубович 1948: 60]. По сути, подобная интерпретационная модель, построенная на «сплошной массе пловучего льда», лишь внешне отличалась от утверждения Н. Введенского о том, что, «всем стало ясно, что в высоких широтах Атлантического океана на всем пройденном шлюпами пространстве к востоку от Сандвичевых островов никаких признаков Южного материка нет» [Введенский 1940: 47]. Или, того же М. Райхенберга с его, «уже было пройдено около трех четвертей земной окружности в высоких южных широтах, причем кораблям несколько раз удавалось проникнуть за Полярный круг, а море кругом оставалось по-прежнему пустынным» [Райхенберг 1941(б): 66]. «Очевидно, – лицемерно-риторически добавлял от себя М. Райхенберг, – Кук оказался прав...» [Райхенберг 1941(а)].

Что же предлагал на этот раз В.Я. Якубович, теперь уже, юному советскому читателю? В разделе «Вместо предисловия» В.Я. Якубович упомянул, что «во времена, когда о южных полярных странах почти ничего достоверного не было известно, русские мореплаватели Фаддеем Фаддеевичем Беллинсгаузеном и Михаилом Петровичем Лазаревым открыли шестую часть света – Антарктиду» [Якубович, Смирнова 1950: 6]. В разделе «Открытие Антарктиды» соавторы писали: «...На следующий день открыли третий остров с высокой горой посередине. ...Беллинсгаузен назвал его островом Торсона (в честь лейтенанта «Востока» К.П. Торсона). Так же называет его и художник Михайлов. После событий 1825 года, когда лейтенант Торсон был сослан в Сибирь за участие в декабристском восстании, остров переименовали в Высокий.

...В дневнике Беллинсгаузена указывается, что 14 января 1820 года шлюпы «Восток» и «Мирный» впервые пересекли Южный Полярный круг и 16 января в полдень достигли 69°22' южной широты и 2°15' западной долготы, впервые подойдя к самой кромке неподвижного льда у материка Антарктиды» (как видно, такая оценка уже разительно отличалась от версии В.Я. Якубовича двухгодичной давности, когда он писал о том, что «несколько раз Беллинсгаузену удавалось спускаться за Полярный круг, три раза он заходил за 69° южной широты, но всюду путь преграждала сплошная масса пловучего (! – *А.О.*) льда» [Якубович 1948: 60]. – *А.О.*). 20–21 января 1820 года шлюпы достигли еще более высокой широты, наконец 6 февраля в третий раз приблизились к этим (? – *А.О.*) местам. Изучение карт, составленных в 30-х годах нынешнего столетия, показало, что поход (подход? – *А.О.*) экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева к кромке неподвижного льда и есть *открытие антарктического материка* (выделено в тексте. – *А.О.*) – Антарктиды. Таким образом, 16 января 1820 года шлюпы были в нескольких милях – не более двадцати (нескольких? – *А.О.*) – от берега, который теперь называется Землей принцессы Марты.

Все эти факты со всей очевидностью подтверждают, что еще в январе 1820 года русские моряки открыли антарктический материк, опередив в этом англичан, американцев, норвежцев» [Якубович, Смирнова 1950: 153, 156].

Какие именно «факты», если следовать пояснениям самого В.Я. Якубовича, должны были со «всей очевидностью» подтверждать январское открытие Антарктиды, оставалось все-таки не до конца понятным. Для В.Я. Якубовича (впрочем, как и для целого ряда других советских авторов) открытие Антарктиды русской экспедицией состоялось лишь после «изучение карт, составленных в 30-х годах нынешнего столетия». Кроме того, сам факт «открытия», опять же в трактовке В.Я. Якубовича, заключался в «подходе к кромке неподвижного льда», это и было, «открытие антарктического континента». Но ведь кроме чисто фактических подходов (что уже само по себе стало результатом огромных усилий русских моряков), было и наблюдение Антарктиды, и осознание руководителями и участниками экспедиции их открытия, и, наконец, описание последнего.

Такое, продемонстрированное В.Я. Якубовичем и Г. Смирновой, весьма «серое бытописание» открытия, не отвечало назначению самого этого издания, которое было предназначено для читателей «среднего и старшего возраста». Ведь живописали, причем «на разные лады» на протяжении всех 30-х, да и 40-х годов тоже, советские писатели путешествия Джеймса Кука. Теперь у советских школьников и их учителей, должно было отложиться в сознании: «...поход экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева к кромке неподвижного льда и есть *открытие антарктического материка...*».

А вот как выглядело у этих авторов, описание одного из главных результатов второго этапа экспедиции: «...Вновь открытую землю Беллинсгаузен назвал берегом Александра Первого.

...Он не ошибся. Как оказалось впоследствии (? – А.О.), это был берег неизвестного ранее приполярного большого материка – Антарктиды.

Отважные русские мореплаватели во главе с Беллинсгаузеном открыли новую часть света далеко за Южным Полярным кругом» [Якубович, Смирнова 1950: 163].

Книга академика Л.С. Берга «Великие русские путешественники» (1950). В 1950 году Государственным Издательством Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, для детей среднего и старшего возраста была издана книга академика Л.С. Берга «Великие русские путешественники» (подписано к печати 18/XII 1950 г.; тираж 45 000 экз.). «В наступающем (1950. – А.О.) году, – сообщал чуть раньше сам Л.С. Берг, – должна выйти в свет написанная мною по предложению Детгиза книга для детей старшего возраста «Великие русские путешественники». В книге, представляющей собой серию очерков, я рассказываю о

странствованиях замечательных русских землепроходцев и путешественников» [Берг 1950(в): 1].

В отдельном, посвященном экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева разделе, Л.С. Берг писал: «Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев открыли антарктический материк, и их по справедливости можно назвать Колумбами Антарктиды» [Берг 1950(б): 131]. Причем подраздел, где было использовано такое сравнение, назывался так: «Важное географическое открытие. Антарктический материк, или Антарктида».

Полностью в рамках описанных выше подходов, был написан этим советским академиком подраздел «Плавание Кука. Поспешный вывод». В частности, Л.С. Берг писал: «...29 января 1774 года под 71°10' южной широты в районе теперешнего моря Амундсена, западнее моря Беллинсгаузена, Кук достиг сплошного ледяного барьера, простиравшегося на необозримое расстояние. Не было никакой возможности пробиться сквозь эти льды, и Кук оставил дальнейшие поиски. «Теперь, – говорил он, – я твердо убежден, что на юге Тихого океана материка нет».

Ровно через год Кук был на юге Атлантического океана. Он открыл здесь остров Южную Георгию и «Землю Сандвича» (Южные Сандвичевы Острова), но желанного «южного», или антарктического, материка не нашел. «Я обошел – говорил он – океан южного полушария в высоких широтах и отверг возможность существования материка, который если и может быть обнаружен, то лишь близ полюса в местах, недоступных для плавания».

По словам Кука, им положен конец дальнейшим поискам южного материка...

Однако русские моряки сделали великие открытия в Антарктике» [Берг 1950(б): 135–136].

Описание Л.С. Бергом событий января-февраля 1820 года, приведенные в этой его книге, не указывающее прямо на открытие Антарктиды русской экспедиции, как и описание открытий января 1821 года, практически повторяли текст его же доклада на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР [Русские 1949(а)] (вряд ли школьников могло действительно заинтересовать подобное описание). Описывая открытие острова Петра I, Л.С. Берг не преминул отметить, что «пристать к острову не оказалось возможным». «Вторично в истории, – отмечал он, – к нему подошло норвежское судно «Одд» только в 1927 году» [Берг 1950(б): 145]. Каковы были политико-правовые последствия такого «подхода» норвежского судна к острову, юному читателю академик не сообщал.

С точки зрения дальнейшего анализа советской историографии, можно уже сейчас обратить внимание на слова Л.С. Берга, о том, что «Беллинсгаузен был учеником Крузенштерна, и от своего знаменитого учителя он заимствовал точность и добросовестность в своих исследованиях» [Берг 1950(б): 148]. К каким интересным и весьма

своеобразным интерпретационным моделям могло склонить советского исследователя такое указание, рассказано будет дальше.

«В настоящее время, – заканчивал академик Л.С. Берг свое повествование, – моряки и географы высоко ставят морское искусство и научные достижения Беллинсгаузена и Лазарева, славных открывателей антарктического материка» [Берг 1950(б): 150].

Вообще для указанной возрастной категории книга, по крайней мере в части, описывающей экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева, скорее была скучна. В ней напрочь отсутствовали характеристики и описания открытия «льдиного материка», данные самим Ф.Ф. Беллинсгаузенем, М.П. Лазаревым, захватывающие описания путешествия, которые можно найти в книгах П.М. Новосильского. Именно фрагменты последних, больше всего могли бы заинтересовать юного читателя – любителя географии.

Отчет Географического общества СССР за 1950 г. (1951).

Насколько в 1950 году антарктические вопросы интересовали Географическое общество СССР? Частично ответ на этот вопрос можно найти, в опубликованном уже в 1951 году одним из выпусков «Известий ВГО», отчете Общества. Например, в Отделении истории географических знаний совместно с Комиссией военной географии, был (в рамках направления XIII, «История исследования Арктики, Антарктики и Китая») заслушан доклад А.Ф. Лактионова «Содержание и цели исследований в зарубежной Арктике и Антарктике за последнее десятилетие» [Отчет 1951: 418].

Второе общее собрание членов Географического общества 10 июня 1950 г. (Ленинград) заслушало отчет Государственного Издательства географической литературы за 1949 г., план работ и перспективы Издательства на 1951 и 1952 г. В отчете, в частности сообщалось: «Открывая собрание, академик Л.С. Берг сообщил об опубликованном в этот день меморандуме советского правительства о режиме Антарктики. Л.С. Берг напомнил резолюцию, принятую на общем собрании членов Общества 10 февраля 1949 г. по вопросу о приоритете нашего государства в открытии материка Антарктиды, и с большим удовлетворением указал, что эта резолюция упомянута в меморандуме правительства» [Отчет 1951: 419] (по иному и быть не могло, поскольку появление такой резолюции, было изначально в рамках инициативы самого правительства; однако предметным наполнением резолюции руководил ученый-экслектик Л.С. Берг. – *А.О.*).

В том разделе отчета, где говорилось о деятельности Ученого совета и Президиума ВГО, было отмечено, что «по поручению Президиума член Ученого совета Общества проф. В.Е. Егорьев принимал участие в качестве представителя Общества в торжественном заседании китобойной флотилии «Слава» в Одессе, посвященном 5-му рейсу флотилии в Антарктику» [Отчет 1951: 421] (доклад В.Е. Егорьева рассмотрен дальше. – *А.О.*). «Заклучения и консультации, – отмечалось

в отчете, – давались учреждениям ГУГК (Главное управление геодезии и картографии. – *А.О.*) – по изданию учебной физической карты Антарктики...» [Отчет 1951: 421]. В 1950 году в стационаре Лектория имени Ю.М. Шокальского, председателем Комиссии военной географии, профессором Е.Е. Шведе, была прочитана лекция «Русские открытия в Антарктике (к 130-летию плавания русской экспедиции у берегов Антарктиды)» [Отчет 1951: 428–429]. В Комиссии пропаганды географических знаний состоялось предварительное прослушивание и обсуждение лекции В.И. Мусатова «Советский китобойный промысел» [Отчет 1951: 428].

Глава II. 1951 год

«...Таково положение с новейшей литературой о приоритете русских открытий в Антарктике...»

«...Но русским географическим открытиям положительно до сих пор не везло... Как общее правило, русские географические открытия замалчиваются и картина этих открытий дается извращенная...»

Член-корреспондент АН СССР
А.В. Ефимов (1949)

«...Но все три раза (16 января, 21 января и 5 февраля 1820 года), когда все предвещало морякам появление земли, корабли наталкивались на сплошную линию бесконечного ледяного поля...»

С. Узин, Б. Юсов (1951)

Статья Н.В. Введенского «Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг.» (1949/1951). Прошедшее в 1949 году специальное общее собрание Львовского отдела ВГО (основан в 1947 г. во Львове) было посвящено «защите приоритета великих русских открытий в Антарктике». В кратком отчете об этом собрании указано: «Доклад «Открытие русскими Антарктики и современный интерес к ней» сделал Н.В. Введенский. Кроме того, члены Отдела поместили в местной прессе 13 научно-популярных статей, освещающих приоритет русских географов и отечественной географии» [Краткий 1950: 662].

При анализе советской историографии немалый интерес представляет опубликованная в 1951 году статья кандидата географических наук, «ветерана» советской историко-антарктической тематики Н.В. Введенского – «Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг.» (очевидно прямо коррелирующая с его, только что упомянутым докладом). Необходимо учитывать тот факт, что материал Н.В. Введенского, поступил в редакцию «Ученых записок Львовского Государственного Университета имени Ивана Франко», еще 5 июля 1949 года [Введенский 1951: 5–10]. Как уже многократно было показано в предыдущей книге автора [Овлащенко 2013], а также в настоящем исследовании, работы этого советского географа [Введенский 1940; Введенский 1941], на протяжении 40-х годов широко использовались в советской историографии – как в виде прямого их цитирования, так и, в виде заимствования из них «идей». Оценки Н.В. Введенского, его трактовки и интерпретационные модели экспедиционных событий,

оказались востребованными в советской историографии. И дело здесь вовсе не только в том, хотя и это нельзя сбрасывать со счетов, что иных специальных работ (если только не отнести к таковым работы С.Г. Григорьева) посвященных Первой русской антарктической экспедиции, в Советском Союзе попросту не было.

Особое отношение к этому «фигуранту» наблюдается в современной западной историографии, в частности в статьях британского историка и историографа Рипа Балкли [Bulkeley 2013]. Это и понятно. Вот к примеру, что сообщал Н. Введенский в 1939 году читателям журнала «География в школе»: «...По своим достижениям экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева не уступает (! – *А.О.*) экспедиции Кука.

...От Южных Сандвичевых островов экспедиция направляется в южную полярную зону, следуя в направлении с запада на восток, до пересечения пути Кука на широте 66°49' ю. ш. и 41°26' в. д. Пространство от 20° з. д. до 41°26' в. д. было впервые пройдено экспедицией в зоне, до этого никем из мореплавателей не посещенной. Наши моряки впервые ознакомились с суровыми условиями антарктической зоны, пробиваясь в хаосе огромных ледяных полей, неопределенных морских течений, часто меняющихся ветров, длительных частых туманов и почти непрерывной облачности.

На этом пути Беллинсгаузен три раза делал попытки максимального продвижения к югу и достиг широты 66°59'.

...Отсюда Беллинсгаузен решил направиться в Австралию, в порт Жаксон...» [Введенский 1939: 43–44].

Вот и все итоги, если угодно, «смысл» первого этапа русской антарктической экспедиции «по Введенскому». Более того, уже описав открытия января 1821 г., этот советский географ совершенно безосновательно утверждает: «Не зная о существовании материка в высоких южных широтах, к отысканию которого он так настойчиво стремился, Беллинсгаузен (несмотря на «уверения» Н. Введенского, Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщал о событиях с 5 на 6 февраля 1820 г.: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212]. – *А.О.*) не мог правильно объяснить происхождение антарктических столовых айсбергов» [Введенский 1939: 46].

Подмешав очередную «ложку дегтя», Н. Введенский, одновременно пытается сохранить и «бочку меда». Он пишет: «Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. является пока единственной, принятой из нашей страны в эту далекую и интересную зону земли.

Ее проведение показало не только высокие качества и отвагу русских моряков, но было богатым и по своим конечным результатам. Беллинсгаузен с полным основанием можно назвать «Колумбом Антарктиды». Вопреки Куку он показал, что в высоких широтах южного

полушария имеется суша: открытые им острова Петра I и Александра I являются составными звеньями южного материка, его выдвинутым к северу островным образованием.

Этим открытием Беллинсгаузен окрылил стремления ученых и географов глубже проникнуть в эту неведому область.

...Ряд ценных научных достижений этой экспедиции сочетался с новыми географическими открытиями новых островов, островных групп и мелей в Тихом и Атлантическом океанах» [Введенский 1939: 47].

В очередной раз становится понятным почему подобная «историографическая классика», «ласкает слух» некоторым, только что упомянутым представителям современной западной историографии, последовательным противникам признания факта открытия Антарктиды русской экспедицией 1819–1821 гг. Причем они действительно относятся к таким материалам, как к некоей «классике», рассматривая последующие работы как «противоречащие» якобы «устоявшимся», чуть ли не «канонизированным» (ими же, и, в их же интересах) взглядам.

Довершала статью Н. Введенского карта «маршрута путешествия вокруг Антарктиды», с обозначениями: «пути Кука»; «пути Беллинсгаузена»; «современных очертаний Антарктиды (в то время еще не открытой)» [Введенский 1939: 47]. Опять же вполне понятно, что последняя ремарка не оставляла экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева никаких «шансов» на географический приоритет.

Что же нового сообщал своему читателю Н.В. Введенский, через десять лет после своих первых «антарктических шагов»: статьи (1939), брошюры (1940) и статьи (1941)? В статье Н.В. Введенского 1949 (1951) г. есть свои, безусловно интересные моменты. В частности, он писал: «...Мощный голос протеста со стороны всей географической общественности Советского Союза против незаконных посягательств империалистов на решение такого вопроса (о политическом разделе Антарктики. – А.О.) вызван тем, что эту зону земли впервые глубоко исследовали наши русские люди. Это они 130 лет тому назад открыли там неведомые острова и новый Южный материк – Антарктиду. Они сделали это открытие вопреки установившимся в эту эпоху представлениям, что такого материка нет» [Введенский 1951: 5].

В опубликованной в 1940 году небольшой книге Н.В. Введенского об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, описывалось это «смелое и интересное по научным результатам плавание», которое «для нас... имеет не только научно-географический, но и исторический интерес» [Введенский 1940: 4]. Согласно Н.В. Введенскому, в «версии 1940 года», Беллинсгаузен и Лазарев «выполнили... первое глубокое проникновение в Антарктику» [Введенский 1940: 13]. В начале 1941 года «Известия Всесоюзного географического общества» опубликовали статью Н.В. Введенского о русских открытиях в Антарктике, написанную им, якобы в «свете новейших географических открытий» (по крайней мере, если

исходить из названия, именно на это претендовал сам автор этой статьи). Причем целый ряд положений этой работы Н.В. Введенского, самым разительным образом отличался от совсем недавних (1940 года), его же интерпретационных моделей хода экспедиции. О январских – 1820 года – экспедиционных событиях, теперь не было сказано практически ни слова, если не считать упоминания о четырех, осуществленных шлюпами «Восток» и «Мирный», «продольных продвижениях к югу» (при этом, в двух работах Н.В. Введенского географические координаты таких «продвижений» разнились).

Самое значительное, что удалось усмотреть советскому автору при описании первого антарктического этапа экспедиции – это «установление возможного близкого берега на меридиане острова Мадагаскар, где в широте 67° Ю. (ю. ш. – *A.O.*) Беллинсгаузен увидел береговых ласточек и где впоследствии был открыт берег (Земля Эндерби)» [Введенский 1941: 119]. Как видно в интерпретационной модели Н. Введенского все смешалось – от отмеченного им, в 1940 г. «глубокого проникновения» к, им же выдуманному в 1941 г., неким «продольным продвижениям». Кроме того, акценты первооткрытия в статье 1941 года, теперь окончательно смешались ее автором на январь 1821 года, когда были открыты остров Петра I, а затем Земля (Берег) Александра I. «Беллинсгаузен и его спутники, – писал Н. Введенский, – увидели подлинный берег Южного материка – Антарктиды» [Введенский 1941: 119].

«Неоспоримое право нашего Советского государства, – продолжал в 1951 г. Н.В. Введенский, – на земли, открытые в Антарктике, и на территорию самого материка (! – *A.O.*) определяются историческим подвигом русских моряков, открывших впервые эти земли.

...Первый раз корабли пересекли южный полярный круг 14 января 1820 года и, пробиваясь сквозь тяжелые льды к югу, 20 (совершенно очевидно, что в соответствии с приведенными дальше географическими координатами, речь должна идти о 16 января 1820 г.; в одной из сносок в этой статье Н.В. Введенского было указано, что «все даты даны по старому стилю» [Введенский 1951: 7, сноска 2]. – *A.O.*) января 1820 г. в долготе 2°15' з. достигли кромки берегового припая в широте 69°22' ю., тем самым достигнув впервые Южного материка. Перед судами, уходя за горизонт, тянулось ровное ледяное поле, вдоль кромки которого они шли на значительном протяжении» [Введенский 1951: 9]. Такая, своеобразная – «по Введенскому» – констатация дня открытия Антарктиды – 16(28) января 1820 г. – в любом случае, уже разительно отличалась от ранних подходов самого же Н.В. Введенского.

Однако отмеченная только что, чуть выше интерпретация факта первооткрытия «по Введенскому», оказывается не принадлежала ему одному. В союзники были взяты весьма серьезные «историографические силы». «Только в наше время, – писал он, – это открытие берега стало

общепризнанным (*sic!* – *A.O.*) научным фактом, о котором говорит в своем предисловии к переводу трудов Беллинсгаузена и известный полярник, английский профессор Дебенэм, рассматривая этот подход Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева к берегу Антарктиды как начальный момент открытия данного материка.

Позднее, в четвертом продвижении к югу (Н.В. Введенский почему-то решил опустить второе и третье «продвижения»... – *A.O.*), в пределах Индийского океана в долготе 37°38' в. 13 февраля 1820 года корабли снова подошли к ледовой кромке берегового припая, где была встречена береговая ласточка. Беллинсгаузен сделал правильное предположение о наличии здесь близкого берега. Это было второе (?! – *A.O.*) открытие берега Антарктиды. Сюда в 1831 году, по данным Беллинсгаузена, прошел китобой Биско и в более благоприятных ледовых условиях увидел выступы материковой части берега, назвав его Землей Эндерби.

...Первое изыскание Южного материка в высоких южных широтах было закончено. Оно увенчалось двумя прибоями к ледовой кромке берегового припая этого материка» [Введенский 1951: 8].

Как, сам Ф. Дебенхэм, оценивал первый подход в качестве «открытия» материка, известно со слов Е.Е. Шведе. «Несколько часов ясной погоды в этот (надо полагать, что речь шла о 16(28) января 1820 г. – *A.O.*) день, – воспроизводит Е.Е. Шведе слова Ф. Дебенхэма, – и открытие было бы сделано на 110 лет ранее» [Шведе 1947: 358]. Вряд ли Н.В. Введенскому, был доступен оригинал английского перевода (1945) книги Ф.Ф. Беллинсгаузена. Скорее он отталкивался в своих рассуждениях от слов Е.Е. Шведе, нашедших место в его рецензии на упомянутое английское издание [Шведе 1947: 358]. Правда интерпретировал Н.В. Введенский «дебенхэмовско-шведские» взгляды, теперь уже по-своему, «по Введенскому».

Таким образом, «по Введенскому», первое южнополярное плавание экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, «увенчалось двумя прибоями к ледовой кромке берегового припая... материка». Повторяемое в статье навязчивым рефреном упоминание о «береговом припае», вкупе с некими «двумя прибоями» (очевидно, что лишь глубокий этимологический анализ позволит выяснить, что же в конечном счете имел в виду Н.В. Введенский) как «венцом изысканий», не могли привести к пониманию, оставляли вопрос открытым: каковы же все-таки главные, истинные достижения русской экспедиции?

Не ставя главной задачей разобраться в той путанице с датировкой событий, которая была допущена Н.В. Введенским в его статье, стоит только обратить внимание на тот, совершенно очевидный по своей нелепости факт, что при упоминании «четвертого продвижения к югу», этот советский географ пишет затем, что, «это было второе открытие берега Антарктиды» (причем произошло оно «по Введенскому», 13 февраля 1820 г. по старому стилю – *A.O.*). Тогда же якобы была

«встречена береговая ласточка», исходя из чего «Беллинсгаузен сделал правильное предположение о наличии здесь близкого берега» [Введенский 1951: 8].

Характеризуя происходящие в Советском Союзе историографические изыскания, Н.В. Введенский писал: «В настоящее время ведется ценная работа по изучению всех неопубликованных материалов этой экспедиции и готовится к изданию специальная карта. Многие материалы будут дополнительно опубликованы, часть их стала известной только в последнее время. К этим документам относятся: дневник (? – *А.О.*) Ф. Беллинсгаузена, описания и письма М. Лазарева (одно письмо было опубликовано еще в 1918 году в журнале «Морской сборник» и было вполне доступно Н.В. Введенскому. – *А.О.*), материалы профессора И. Симонова, материалы мичмана П. Новосильского и матроса Е. Киселева» [Введенский 1951: 10].

Затем, Н.В. Введенский воспроизводит один из главных мифов советской историографии [Овлащенко 2013: 91–93, 277–283], посвященной экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева: «Чрезвычайно интересной и научно ценной является найденная действительным членом Географического общества Б.Г. Островским книга участника данной экспедиции П. Новосильского под названием «Южный полюс». Она была анонимно издана автором в 1853 году и только в 1948 году открыта (*sic!* – *А.О.*) т. (товарищем. – *А.О.*) Островским в библиотеке Географического общества...» [Введенский 1951: 10].

В своей предыдущей книге, автор, показал по крайней мере два достоверных эпизода использования (упоминания) книги «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» в качестве источника, еще до ее «официального» введения («возвращения») в научный оборот советским географом Б.Г. Островским (произошло это якобы «летом 1948 года» [Островский 1949(а): 242–243]): в 1946 году эта работа П.М. Новосильского была указана среди источников в статье П.Ф. Морозова и К.И. Никульченкова [Морозов, Никульченков 1946: 84]; эта же книга П.М. Новосильского была указана в списке литературы (в разделе «История русской географии»), приведенном в изданной в 1947 году работе М.С. Боднарского (причем в скобках после указания источника, значится: «автор – один из участников экспедиции Беллинсгаузена» [Боднарский 1947: 252]) [Овлащенко 2013: 139].

В 1949 году Б.Г. Островский особо обращал внимание: «Мне никогда не приходилось встречать книгу Новосильского в списках литературы, посвященной экспедиции Беллинсгаузена, а также читать об эпизодах, приводимых в ней. Лишь в русской библиографии морского дела за 1701–1882 гг., изданной Н.Г. Мартыновым в Петербурге в 1885 г., упомянута книга под вышеприведенным заглавием, с той же датой выхода в свет и с обозначением цены в 1 рубль, но без фамилии автора и аннотации, о чем именно идет речь» [Островский 1949(а): 243]. Но тогда, совершенно ясно, что речь скорее

следует вести не об «открытии» книги, а о личных исследовательских «просчетах» (непредумышленных или умышленных) самого Б.Г. Островского.

Свою статью Н.В. Введенский закачивал так: «Историческое общее собрание действительных членов Всесоюзного Географического общества, состоявшееся в Ленинграде 10 февраля 1949 года, заслушало глубоко обоснованный и богатый данными доклад президента общества академика Л.С. Берга, *посвященный вопросу приоритета русских в открытии Антарктиды и историческом праве нашего государства в решении судеб Антарктики* (курсив в тексте. – А.О.).

...Решение общего собрания действительных членов Всесоюзного Географического общества о приоритете русских в открытии Южного материка и о правах СССР на открытие нашими морями земли в Антарктике является предупреждением тем империалистическим кругам, которые сознательно забывают и искажают научные и исторические факты.

Русские моряки «Востока» и «Мирного» открыли миру новый материк, шестую часть света – Антарктиду...» [Введенский 1951: 10].

Несмотря на подобный пафос, слова Н.В. Введенского относительно тех, кто «сознательно забывает и искажает научные и исторические факты», относятся в первую очередь к нему самому. Основания для такого вывода дает анализ работ этого советского географа, проведенный автором в предыдущем [Овлащенко 2013] и в настоящем исследованиях. Небезынтересно, что в своей статье 1949/1951 гг., Н.В. Введенский, совершенно не упоминает действия Норвегии в отношении острова Петра I. Однако в общем контексте физико-географического описания Антарктической области, его экономико-географических аспектов, он подчеркивает: «При этом важным фактором выступают островные группы и острова, прилегающие к матерiku, которые облегчают ведение промыслов и исследование вод Антарктики, являясь природными базами для стоянки кораблей и для организации промысловых факторий» [Введенский 1951: 5].

Совершенно непонятную смысловую нагрузку имели следующие выводы Н.В. Введенского: «Историческое определение (?! – А.О.), данное Беллинсгаузеном в отношении открытой им Земли Александра I, как обширного берега с развитой подводной платформой, было утверждением (? – А.О.) не островного, а материкового его характера. Берег Антарктиды был тем самым открыт экспедицией еще раз» [Введенский 1951: 9]. В какой момент этот «берег», был открыт экспедицией «первый раз», т. е. когда произошло само открытие Антарктиды, из текста Н.В. Введенского вывести было нельзя (скорее, можно было задаться вопросом – а произошло ли оно вообще?). В любом случае, в изданной еще в 1940 г. брошюре этого советского автора, на приложенной карте, присутствовало обозначение «о.

Александра» [Введенский 1940: карта], а не Земля (Берег) Александра I. Весьма вольно обошелся этот автор и с географическим названием острова Петра I, «переименовав» его, в «о. Петра» [Введенский 1940: карта].

Описанные только что и граничащие с откровенной бессмыслицей историко-географические «покушения» самого Н.В. Введенского, соседствовали у него с весьма трезвыми оценками и указаниями на желаемые направления международного сотрудничества в Антарктике. Именно к подобного рода сценарию склонялся Советский Союз. Н.В. Введенский писал: «Учитывая все данные практического и научного значения Антарктиды, следует считать нормальным одно – согласованное участие специалистов различных отраслей знания, представленных всеми странами для планомерного и последовательного изучения, в первую очередь, его географии, геологического строения и природы. Опыты проведения международного полярного года показывают высокую научную эффективность таких совместных усилий ученых» [Введенский 1951: 7].

Рецензия В.К. Агенорова «Новое издание трудов Крузенштерна и Головнина» (1951). В самом начале 1951 года в журнале «Морской сборник», был опубликован критико-библиографический обзор, написанный кандидатом географических наук, капитаном 2 ранга В.К. Агеноровым. В частности, автор обзора отметил: «Издание трудов великих русских мореплавателей имеет большое политическое значение. Эти книги разоблачают современных американских и подручных им фальсификаторов (а таких, что называется «с избытком» хватало прежде всего в самом Советском Союзе. – А.О.) истории и способствуют воспитанию у советских людей чувства национальной гордости за своих выдающихся соотечественников.

...Особенно выдающимися были экспедиции Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна в 1803–1806 гг., плавания В.М. Головнина в 1807–1809, 1811 и 1817–1819 гг., антарктическая экспедиция М.П. Лазарева и Ф.Ф. Беллинсгаузена (такое «месторасположение» в свою очередь заслуживает внимания при анализе советской историографии экспедиции; при дальнейшем изложении, на это будет еще обращено особое внимание. – А.О.) в 1819–1821 гг. ...

Эти экспедиции имели огромное значение не только в истории географических открытий, но и в формировании науки об океане. ...Особенно важны исследования в районах Тихого океана, Антарктики и Арктики.

На географических картах сохранилось множество русских названий (много – не сохранилось. – А.О.). ...В районе Южных Шетландских островов находятся открытые русскими острова Бородино, Малый Ярославец, Смоленск и многие другие, названные так в память Отечественной войны 1812 г. У берегов Антарктического материка есть острова (! – А.О.) Петра I и Александра I» [Агеноров 1951: 113].

Кратко упомянуть этот обзор стоило, потому что, он показывает политическую основу историографического процесса в Советском Союзе, а также идеолого-пропагандистские аспекты этой основы, в наибольшей степени, проявившиеся в конце 40-х – начале 50-х годов. Этому процессу во многом предшествовало Общее собрание Академии наук СССР, проходившее 5–11 января 1949 г. в Ленинграде. Собрание было посвящено истории отечественной науки и 200-летию постройки Академией наук химической лаборатории М.В. Ломоносова. По итогам работы этих мероприятий, было принято Постановление Общего собрания Академии наук СССР от 11 января 1949 года «О развитии научно-исследовательских работ в области истории отечественного естествознания и техники». При этом Общее собрание Академии наук СССР руководствовалось постановлениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам и указаниями И.В. Сталина «о значении марксистско-ленинской разработки истории науки». В Постановлении особо подчеркивалось, что «советские исследования в области истории науки и техники привели к восстановлению исторической истины в вопросе о приоритете отечественной науки в ряде важнейших открытий и изобретений» [Постановление 1949].

В изданном в 1949 году томе докладов этого собрания, президент Академии наук СССР академик С.И. Вавилов подчеркнул, что Академия «ставит перед собой задачу... разоблачить фальсификаторов, искажающих и понижающих роль науки и техники нашей страны в мировой культуре» [Председателю 1949: 1]. «...Еще в XVIII в. вместе с новой западной наукой, – продолжал С.И. Вавилов, – в Россию проникло позорное преклонение перед иностранной наукой – во многих случаях только потому, что она иностранная, – и презрительное отношение к собственной науке. Над Ломоносовым смеялись; его научная деятельность в течение полутора столетий в наиболее важных достижениях практически была забыта. С тяжелым сердцем приходится сознаться, что Ломоносова-ученого пришлось заново открывать в XX веке.

...Таких примеров из истории нашей отечественной науки, к сожалению, можно привести великое множество в любых отраслях науки. К этому невниманию и даже презрению к своей собственной стране, к отечественной науке присоединялось высокомерие со стороны ученых других стран, да и не только высокомерие, а иногда и сознательный обман, сокрытие исторической истины.

...Нетерпимая и явно вредная недооценка достижений отечественной науки, намеренно культивировавшаяся в дореволюционной России, должна быть навсегда искоренена.

...Обязанность всей советской науки, и Академии Наук в особенности, восстановить историческую правду, показать истинное высокое место отечественной науки в мировой культуре, восстановить и аргументировать многие ее несправедливо забытые приоритеты» [Председателю 1949: 13].

В опубликованном в этом томе докладе члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова, обращалось внимание на то, что «мысль о русских географических открытиях как о великих географических открытиях начинает приобретать права гражданства в советской науке». «В весьма ценной работе, – отмечал дальше А.В. Ефимов, – «Очерки по истории русского землеведения» проф. М.С. Боднарский говорит о великих русских географических открытиях» [Ефимов 1949(б): 737]. Кстати, рассуждая об этих вопросах А.В. Ефимов затронул небезыңтересные их аспекты. В частности, он писал: «...Таким образом, великие русские географические открытия явились продолжением и развитием великих географических открытий на Западе. Мы говорим о том, что Колумб открыл Америку, но это не совсем точно. Колумб открыл один из Багамских островов, мы даже не знаем точно, какой, и лишь предполагают, что это – Гуаанахи или Сан-Сальвадор. Колумб никогда не был в Северной Америке и до конца своих дней был убежден, что он открыл морской путь в «Индию».

...Таким образом, будет точнее сказать, что Колумб не «открыл Америку», а «начал открытие Америки», начал дело, продолженное десятками других колумбов и тысячами их спутников. Открытие новых территорий и новых морей было результатом усилий народов и правительств разных стран» [Ефимов 1949(б): 738].

Очевидно далеко не случайным было в советской историографии сравнение руководителей Первой русской антарктической экспедиции с Колумбом, с «колумбами Антарктиды» и пр., примеры которого (сравнения), были неоднократно приведены выше. В целом ряде случаев, смысловая нагрузка такого сравнения отчетливо проступала. Перефразируя А.В. Ефимова: «Беллинсгаузен не «открыл Антарктиду», а «начал открытие Антарктиды». Стоит привести лишь два примера (они использованы в предыдущей книге [Овлащенко 2013: 90–91]), по смыслу близко расположенных к подобной интерпретационной модели.

В опубликованной в 1941 году статье М. Райхенберга, последний писал: «Плавание Беллинсгаузена и Лазарева заставило географов пересмотреть «куковскую» концепцию об отсутствии земли за Южным полярным кругом и толкнуло будущих мореплавателей заняться поисками того, что лишь нащупали русские капитаны» [Райхенберг 1941(б): 68] (еще в одной публикации М. Райхенберга, этот его тезис, был им вновь воспроизведен [Райхенберг 1941(а)]. – А.О.). В опубликованном в том же году, очерке советского географа и писателя Б.Г. Островского об адмирале М.П. Лазареве, можно было найти следующую интерпретацию: «Экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева заложила, таким образом, первый камень познания Антарктики, что привело впоследствии (! – А.О.) к открытию шестой части света – огромного по протяжению антарктического материка» [Островский 1941: 52].

Подобная точка зрения Б.Г. Островского прямо коррелировала с позицией в этом вопросе М. Райхенберга, с его «поисками того, что лишь нащупали русские капитаны». Примечательно, что Б.Г. Островский и в дальнейшем придерживался такой же точки зрения. Так, уже в 1949 году, он писал: «Открытия, сделанные русскими за южным полярным кругом, повели к открытию полярного материка – шестой части света» [Островский 1949(а): 239]. Вполне понятно, что слова «повели к открытию», не совпадают со словом «открытие»; их смысловые нагрузки совершенно различные. Тем не менее, Б.Г. Островский, как «верный представитель» советской историографии, в очередной для нее и для себя раз, продемонстрировал эклектизм – отсутствие единства, целостности, последовательности в убеждениях, беспринципное сочетание разнородных, несовместимых, противоположных воззрений. Этот советский автор ратовал за переиздание в СССР книги «Южный полюс», мотивируя это, так: «В момент, когда за рубежом, особенно в Америке, всячески стараются умалить приоритет русских в открытии антарктического материка и приписать себе эту заслугу, разбросанные в книге Новосильского замечания о «новом шестом континенте» еще раз с полной очевидностью подтверждают, кто именно впервые обнаружил (?! – А.О.) континент» [Островский 1949(а): 247].

Явно с удовольствием разыгрывал «колумбовскую» тематику К. Осипов (Куперман). Прочитируем его, еще раз: «История дальних плаваний знает много случаев, когда путешественники совершали великие открытия, не подозревая того. Так случилось с Колумбом, Семеном Дежневым (именно географические заслуги С. Дежнева были предметом анализа в докладе члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова. – А.О.); то же произошло и во время экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. В день 16 января 1820 г. они находились не более чем в 20 милях («То-есть свыше 35 километров», как значилось в сноске к тексту К. Осипова. – А.О.) от берега Южного материка. Если бы они могли продвинуться еще на два десятка километров, то извечная загадка Антарктиды была бы разрешена уже в 1820 г.» [Осипов 1950: 26–27].

В другом месте своей работы К. Осипов (Куперман), писал так: «Участников Русской Антарктической экспедиции иногда называют Колумбами Антарктиды. Это не совсем точно. Колумб не подозревал, что открыл новую часть света. Русские же моряки отправились на поиски таковой: несколько раз были у цели уже в январе 1820 г., хотя лишь подозревали это, но не знали достоверно, так как не видели берега: а затем, в 1821 г., открыли земли, о которых с уверенностью отзывались как о крайней оконечности Антарктиды. Доказать это они не могли, вследствие несовершенств их кораблей, и завещали эту задачу будущим исследователям, имеющим в распоряжении лучшую технику. Но факт

приоритета русских мореплавателей остается несомненным» [Осипов 1950: 49].

Один из самых интереснейших фактов в советской историографии связан, с самим членом-корреспондентом АН СССР А.В. Ефимовым. Вот какие свои мысли А.В. Ефимов озвучил в ходе, состоявшегося 5–11 января 1949 года Общего собрания Академии наук СССР, посвященного истории отечественной науки: «Особняком стоит одно из великих открытий XIX в., открытие шестой части света – Антарктиды (1821 г.) (! – А.О.). По своему характеру оно примыкает к великим географическим открытиям XVII–XVIII вв., когда были установлены соотношения основных массивов суши и моря нашей планеты.

Кстати отметим, что в Большой советской энциклопедии можно найти много интереснейших сведений об Антарктиде, этой суровой, негостеприимной и в то же время грандиозной по своему протяжению, последней из открытых человечеством частей света. Однако там ни слова не сказано о том, что эту часть света открыли русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева) в 1821 г. (! – А.О.). Решающая роль русских в открытии Антарктиды составителями энциклопедии, очевидно, признавалась обстоятельством, не заслуживающим внимания» [Ефимов 1949(б): 741].

При весьма справедливой критике позиции, занятой редакцией БСЭ, А.В. Ефимов, дважды повторяет свой тезис о годе открытия Антарктиды, и это у него – 1821 год. Надо учесть, что в том же сборнике, где был опубликован доклад А.В. Ефимова, помещен был и доклад академика А.А. Григорьева, в котором последний твердо подчеркнул, что «...в южные районы океанов была послана специальная экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1819–1821 гг.), открывшая в начале 1820 г. (! – А.О.) Антарктический материк» [Григорьев 1949(а): 340]. Как видно, в пределах одного тома докладов на Общем собрании Академии наук СССР, посвященном истории отечественной науки, действительным членом этой Академии и ее членом-корреспондентом, высказаны две, совершенно различные точки зрения на дату (год) открытия Антарктиды. О каком уж тут «единомыслии» в рядах советских географов и историков, можно вести речь?

Вряд ли можно предположить, что в текст члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова попала «двукратная» опечатка. Или же, что опечатка «попала» в текст доклада академика А.А. Григорьева. Подобную версию, напроць разбивает последующее развитие этого эпизода из советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов в своей публичной лекции, прочитанной им в том же, 1949 году в Центральном лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Москва), теперь уже сказал: «Особняком стоит одно из великих открытий XIX в., открытие шестой части света – Антарктиды

(1820 г.) (! – *А.О.*), но по своему характеру и типу оно относится к великим географическим открытиям XVII–XVIII вв., когда были установлены соотношения основных массивов суши и моря нашей планеты.

Кстати отметим, что если посмотреть Большую Советскую Энциклопедию на слово «Антарктида», то там можно найти много интересных сведений об этой суровой и негостеприимной, в то же время грандиозной части света, последней из открытых человечеством. Но ни слова там не сказано о том, что эту часть света открыли русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева) в 1820 (! – *А.О.*) году. Решающая роль русских в открытиях (? – *А.О.*) Антарктиды составителями энциклопедии, очевидно, признавалась обстоятельством, не заслуживающим внимания» [Ефимов 1949(а): 23].

Теперь уже, как хорошо видно при сравнении этих двух фрагментов, открытие Антарктиды дважды отнесено А.В. Ефимовым к 1820 году. В выпускных данных тома сборника докладов и отдельной брошюры с лекцией А.В. Ефимова, обнаруживаем соответственно: «Подп. к печ. 30/X 1949 г.» [Вопросы 1949: выпускные данные]; «Подп. к печ. 20/X – 49 г.» [Ефимов 1949(а): выпускные данные].

Выше уже было упомянуто, что в изданной в 1971 году другой работе А.В. Ефимова, этот абзац выглядит следующим образом: «Если открыть «Большую советскую энциклопедию» (изд. I) на слово «Антарктида» (речь идет о томе, изданном в 1926 г. – *А.О.*), то там можно найти много интереснейших сведений об этой суровой и негостеприимной и, в то же время, грандиозной по своему протяжению, последней из открытых человечеством частей света. Однако ни слова там не сказано о том, что Антарктиду открыли в 1820–1821 гг. («удвоение» даты первооткрытия! – *А.О.*) русские (экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева)» [Ефимов 1971: 24–25].

В ходе своего доклада на Общем собрании Академии наук СССР (5–11 января 1949 г.) профессор Д.М. Лебедев, в частности, говорил: «По каким же основным направлениям должны идти исследования в области истории географии?»

Прежде всего это – история географических открытий, физико-географических исследований отдельных территорий и история картографии. В этой области имеется больше всего ценных работ дореволюционных и особенно советских исследователей. Труды великих русских путешественников XVIII–XX вв. содержат богатейший материал и о природе и о человеке... Надо обратить больше внимания, чем до сих пор, на организацию походов и экспедиций. Анализ отчетов, инструкций, правительственных постановлений часто дает возможность по-новому осветить не только задачи этих экспедиций, но и постановку географических проблем.

...Второе важнейшее направление – изучение культурного наследия великих русских путешественников и ученых географов и опубликование их биографий. Многое уже сделано, но это лишь начало.

...Третья задача истории географии – изучение развития физико-географической и экономико-географической мысли, географических идей и представлений.

Наконец, крайне необходимы исследования, дающие общую комплексную характеристику состояния и развития физико-географических и экономико-географических знаний и мысли определенных эпох. Без таких характеристик мы не можем создать полную историю русской географии» [Обсуждение 1949(а): 869].

Таким образом историю предвоенного, военного и, в еще большей степени, послевоенного роста интереса в Советском Союзе к проблемам Антарктики следует рассматривать двояко. С одной стороны такой интерес (именно в смысле объективизации исторического и собственно историко-географического знания) объясним в рамках народившегося национал-большевизма, с его поисками «русского следа» в истории. Как известно, этот период охватил военные годы, дальнейшее строительство советской империи, и завершился со смертью И.В. Сталина в 1953 году. В совсем небольшой, опубликованной в 1950 году в «Литературной газете» (орган Правления Союза советских писателей СССР) заметке, весьма откровенно указал на это, академик Л.С. Берг: «Отделение истории географических знаний, которое я возглавляю в Географическом обществе Союза ССР, поставило одной из своих целей установление приоритета в ряде открытий русских географов, бесстрашных исследователей «белых пятен» земного шара» [Берг 1950(в): 1].

С другой стороны, безусловно важными являлись прикладные аспекты такого интереса: нарастающий учет геостратегического положения Антарктиды (правда, с довольно странным, зачастую проявляемым советскими авторами, повышенным интересом к трансантарктическим перелетам), перспективы поиска и последующей добычи в Антарктиде урановой руды, и, что тогда было для Советского Союза наиболее реальным, возможность освоения окружающих Антарктиду и богатых морскими биологическими ресурсами (в частности, морскими млекопитающими) океанических и морских пространств [Овлащенко 2013: 276].

«Антарктику открыли русские» (выездное заседание Всесоюзного географического общества) (1951). В конце января 1951 года в органе ЦК ВЛКСМ, всесоюзной молодежной газете «Комсомольская правда» был опубликован материал, который предваряла аннотация: «29 января 1951 года отмечается знаменательная дата – 130-летие открытия и исследования русскими моряками Антарктики (строго говоря, такая дата отмечается 28 января, когда и был опубликован рассматриваемый материал. – А.О.). В связи с этим

выдающимся событием в истории русских географических открытий, на борту «Славы» – флагманского судна советской антарктической флотилии – было проведено заседание Всесоюзного географического общества.

Заседание состоялось перед отходом флотилии в пятое плавание к далеким берегам Антарктиды, по путям, проложенным ее первооткрывателями Ф.Ф. Беллинсгаузеном и М.П. Лазаревым.

Участники заседания заслушали выступления ученых и моряков. Было оглашено письменное выступление академика Л.С. Берга, не смогшего из-за болезни прибыть на заседание» [Антарктику 1951] (как известно, академик Л.С. Берг скончался 24 декабря 1950 г. – *А.О.*).

В частности, Л.С. Берг писал: «Англо-саксы, которые обычно всячески преуменьшают роль путешественников других наций в географических открытиях, уже издавна стали на путь фальсификации истории, стараясь умалить заслуги русских моряков экспедиции Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева – действительных первооткрывателей Антарктического материка.

...Все попытки фальсифицировать историю предпринимаются буржуазными учеными для того, чтобы оправдать стремления США, Англии и других капиталистических государств захватить антарктические земли, прибрать к своим рукам их богатства.

...Наша страна – законный наследник выдающихся русских географических открытий, совершенных в южнополярных морях в начале XIX века.

Исторически за Россией и по преемственности за СССР навечно остается право приоритета в открытии и исследовании ряда земель Антарктики» [Антарктику 1951].

Как видно, в посмертно опубликованном докладе Л.С. Берга, этот советский специалист остался верен себе: ничто в его материале, не могло даже навести на мысль об открытии Антарктиды 16(28) января 1820 г. Упоминание в его «письменном выступлении» открытия берега Александра I, слова из редакционной аннотации («29 января 1951 года отмечается знаменательная дата – 130-летие открытия и исследования русскими моряками Антарктики» [Антарктику 1951]) фактически, в очередной раз подтверждали позицию Л.С. Берга – основным итогом экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, было открытие земли Александра I.

Интересно, что уже в следующем, опубликованном фрагменте из выступления капитан-директора китобойной флотилии «Слава», Героя Социалистического Труда А.Н. Соляника (понятно, что не географа и не историка) собственно исторические акценты были расставлены совсем по другому. «Когда в январе и феврале 1820 года, – отмечал А.Н. Соляник, – русские корабли «Восток» и «Мирный» подошли к кромке неподвижного льда, то перед взорами моряков из океана поднялась гористая ледяная стена.

На палубе шлюпа «Мирный» было тихо. После недолгого молчания, обращаясь к своим друзьям, молодой мичман Павел Новосильский произнес:

– Достижение настоящей ледяной стены означает близость скрывающегося за нею Южного материка... Не нам, так, может быть, более счастливому будущему мореплавателю вековые горы льда, от бури или других причин расступившись в этом месте, дадут дорогу к таинственному берегу!

Слова русского моряка-патриота (очевидно впервые в советской историографии мичман П.М. Новосильский был так позиционирован. – *А.О.*) сбылись в марте 1948 года, когда корабли флотилии «Слава» и теплоход «Иосиф Сталин» впервые подошли к берегам Антарктического материка, где некогда наши смелые соотечественники совершили великие открытия.

Десять дней советские моряки пробыли у побережья Антарктиды. Стояли ясные дни, столь редкие в этих широтах. Штурманы флотилии «Слава» и теплохода «Иосиф Сталин» точно определили местонахождение своих кораблей. В судовых журналах были записаны следующие координаты: 69°25′ южной широты и 1°11′ западной долготы.

Находясь в этой точке, советские моряки не только хорошо рассмотрели ледяную стену, ограждающую полярную землю от океана, но и видели побережье (! – *А.О.*) Антарктического материка» [Антарктику 1951].

Открывала подборку выступлений на выездном заседании Всесоюзного географического общества, выдержка из выступления члена Ученого совета общества, заслуженного деятеля науки РСФСР, профессора В.Е. Егорьева. Современный биобиблиографический справочник сообщает об этом географе: Егорьев Всеволод Евгеньевич (1883–1967) – гидрограф, доктор военно-морских наук (1935), профессор (1918), заслуженный деятель науки РСФСР, почетный член Всесоюзного географического общества. Окончил Морской корпус (1902). Участник русско-японской войны. После революции – начальник Главного морского штаба. С 1918 г. – профессор кафедры военно-морской географии, затем и начальником кафедры Военно-морской академии. В 1921–1931 гг. – редактор журнала «Морской сборник» [Егорьев 1993: 304].

Известно, что В.Е. Егорьев принимал участие в обсуждении доклада академика Л.С. Берга, однако его выступление не было опубликовано в отчете об общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград), напечатанном в центральных советских газетах [Русские 1949(а); Общее 1949(а)]. Указанные прения были воспроизведены в 1949 году, в одном из выпусков «Известий ВГО». В частности, В.Е. Егорьев сказал: «Я позволю себе кратко напомнить собранию, что накануне первой

мировой войны, в этом самом зале, с этой же самой кафедры выступал французский исследователь Антарктики доктор Шарко.

Шарко плывал на своем судне как-раз в тех районах, где были сделаны наиболее крупные открытия Беллинсгаузеном и Лазаревым (имеется в виду открытие островов Петра I и Александра I. – *А.О.*).

...Я думаю, что можно будет присоединить к сегодня высказанному вполне исчерпывающему мнению собрания и свидетельство Шарко, который лишний раз устанавливает, что действительно Беллинсгаузен сделал весьма крупное и по тем временам исключительно трудное и точное исследование южного полярного моря.

...Я вполне присоединяюсь к тем соображениям, которые были высказаны здесь – и в совершенно исчерпывающем докладе нашего уважаемого президента, и в последующих выступлениях» [Берг 1949(в): 147].

Эти же слова В.Е. Егорьева, были затем воспроизведены в изданной в 1949 году Географгизом, отдельной брошюре [Берг 1949(а): 27–28], а также в одном из напечатанных в 1949 году, выпусков «Вестника Академии Наук СССР» [Общее 1949(б): 68–69]. Можно заметить, что в своем выступлении, В.Е. Егорьев даже не упомянул в качестве основной заслуги русской экспедиции – открытие Антарктиды (пусть и «привязанное» к открытию Берега Александра I). Цитируя Шарко, В.Е. Егорьев фактически согласился с ним, что «наиболее крупные открытия» произошли в январе 1821 года.

Тем не менее, в опубликованных в январе 1951 года «Комсомольской правдой», отрывках из выступления В.Е. Егорьева на борту «Славы», есть следующие положения: «Сохранившиеся до наших дней документы первой русской южно-полярной экспедиции Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева дали возможность советским ученым установить и неоспоримо (! – *А.О.*) доказать, что 16 января 1820 года шлюпы «Восток» и «Мирный» находились в непосредственной близости от Антарктического материка. День достижения 69°21' южной широты является датой открытия (! – *А.О.*) Антарктиды – этой новой, в те годы еще неизвестной части земного шара.

21 января и 5 февраля 1820 года русские корабли вновь оказались у побережья Южного материка. «Нет сомнения, – читаем мы в дневнике мичмана шлюпа «Мирный» Павла Новосильского, – что близ 69° южной широты и долготы от 15° и далее к востоку должен находиться берег» [Антарктику 1951].

Сам по себе тот факт, что ведущие советские географы начали цитировать работы участника экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, мичмана П.М. Новосильского, был очень и очень положителен. Однако в данном случае, более уместным было процитировать не ту часть труда, где шла речь о возможном нахождении берега (пусть и при твердой уверенности в этом), а прямое указание на существование (открытие) Антарктиды. Автор имеет в виду строки из донесения, посланного в

Россию из Порт-Жаксона. В этом донесении Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщает о событиях с 5 на 6 февраля 1820 г.: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк (! – *А.О.*) льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212].

Относительно первого подхода и действительной даты открытия Антарктиды – 16(28) января 1820 года, упоминания (в контексте того, что «советские ученые установили и неоспоримо доказали») требовало в первую очередь письмо М.П. Лазарева А.А. Шестакову. В частности, М.П. Лазарев сообщал: «16-го генваря достигли мы широты 69°23' S где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер, смотря на салангу, простирался оный так далеко как могло только *достигать* (выделено в тексте. – *А.О.*) зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2°35' W от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк (! – *А.О.*) не доходя 70°» [Письма 1918: 55].

Оба, только что упомянутых источника, были уже вполне доступны для советской историографии; оба этих источника упоминались и цитировались в широкоизвестной работе Е.Е. Шведе [Шведе 1949(б): 7–30]. Другое дело, что эти, на том этапе ключевые для выяснения и подтверждения факта первооткрытия Антарктиды, источники широко не использовались в советской историографии, что называется «были не в ходу».

Статья А. Адамова «Бессмертный подвиг русских моряков» (1951). В январе 1951 года в научно-популярном журнале Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний «Наука и жизнь», была опубликована статья Аркадия Адамова «Бессмертный подвиг русских моряков». Скорее всего это был первый случай в советской историографии, когда статья об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, была намеренно напечатана именно в номере за январь, подчеркивая, тем самым, приуроченность материала к открытию Антарктиды – 16(28) января 1820 года. В последующие годы такой поход будет довольно обычным явлением.

Выше уже был рассмотрен опубликованный в, июльском за 1949 год номере журнала «Знание – сила», художественно-публицистический материал А.Г. Адамова [Адамов 1949]. Теперь этот советский беллетрист начинал с самого главного: «130 лет отделяют нас от того дня, когда корабли русской антарктической экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева пробились сквозь снежную пургу, дожди и туманы, рискуя быть раздавленными гигантскими айсбергами, к широте 69°23'. Это произошло 16 января 1820 года, через шесть с

лишним месяцев после выхода из Кронштадта. В этот день погода внезапно прояснилась (! – *А.О.*), и перед глазами русских моряков вырисовались очертания таинственного материка, о существовании которого сотни лет спорили географы. Об этом выдающемся событии М.П. Лазарев писал следующее: «16 января достигли мы широты 69°23' (*S. – А.О.*), где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение... Это было в долготе 2°35' *W* от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюду, но всегда встречали л ь д и н н ы й м а т е р и к (разрядка в тексте. – *А.О.*) не доходя 70°» [Адамов 1951: 41].

Первым в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, кто цитировал письмо М.П. Лазарева до этого конкретного места, указывающего на непреодолимое для кораблей и, на том этапе экспедиции, постоянно сопутствовавшее им препятствие – «льдиный материк», очевидно был И.П. Магидович. Причем он тоже посчитал необходимым, особо выделить слова М.П. Лазарева о «льдином материке». И.П. Магидович писал: «В письме Лазарева «Описание плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в 1819–1821 годах» есть следующее очень важное место: «16 января (1820) достигли мы широты 69°23', где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер... простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение... Это было в долготе 2°35' *W* от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к осту, покушаясь при всякой возможности к зюду, но **всегда встречали льдиный материк** (выделено у И.П. Магидовича. – *А.О.*), не доходя 70°...» [Бейкер 1950: 555, сноска 4].

Как и И.П. Магидович, А.Г. Адамов пропустил указание М.П. Лазарева на то, что такое обозрение, к тому же проводилось «смотря по салангу» (т. е. с салинга – второй снизу площадки на мачте), «как могло только достигать зрение». В любом случае для советской историографии это были совершенно новые подходы и оценки. Правда демонстрировали и давали их, отнюдь не ведущие представители советской академической географической и исторической науки. Получается, что кроме этих двух авторов, никто не смог «разглядеть» истинное значение для экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, дня – 16(28) января 1820 года? Никто, кроме И.П. Магидовича и, только лишь два года назад закончившего исторический факультет А.Г. Адамова, не смог внимательно прочитать письмо М.П. Лазарева?

«Следующий год плавания русских кораблей в водах Антарктики, – продолжал свое повествование А.Г. Адамов, – увенчался новыми замечательными открытиями.

...Русские мореплаватели открыли Антарктиду и положили начало научному исследованию этого района.

...Вышедшее в 1831 году описание плавания Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева произвело огромное впечатление за границей и было сразу переведено на несколько иностранных языков... Приоритет русских в открытии Антарктиды в то время ни у кого не вызывал сомнения» [Адамов 1951: 41–42]. Тут уже, как хорошо видно, этот автор впадал в традиционный для советской историографии вопроса, эклектизм.

Небезынтересными были политико-правовые рассуждения А.Г. Адамова. В частности, он писал: «В последние годы правительства ряда империалистических держав и прежде всего США начали проявлять повышенный интерес к Антарктике. Стремясь решить судьбу обширного антарктического материка без участия СССР, эти державы дали указания своим ученым «доказать», что приоритет в открытии Антарктиды принадлежит американцам и англичанам, чтобы воспользоваться так называемым «правом первого открытия» для аннексии (! – *А.О.*) Антарктики» [Адамов 1951: 42].

По некоей иронии (знанию вопроса? – *А.О.*) А.Г. Адамов указал на политико-социальный заказ к ученым, но, к советским ученым со стороны советской партийно-государственной верхушки (в частности, именно об этом говорится в «Докладной записке министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину по вопросу о меморандуме ряду правительств о режиме Антарктике» [Докладная 1950]. – *А.О.*). Правда ни о какой «аннексии» в Антарктике со стороны Советского Союза, речь вообще не шла; необходимо было для начала добиться того, чтобы на страну, в данном случае, на ее антарктические интересы, начали бы «обращать внимание».

Дальше А.Г. Адамов, без обиняков давал понять «прикладное значение» установления факта первооткрытия Антарктиды 16(28) января 1820 года: «В 1938 году на Международном географическом конгрессе в Амстердаме представитель США Л. Мартин нагло (*sic!* – *А.О.*) заявил: «Вопреки общему признанию за капитаном Беллинсгаузенем его исторического права на открытие Антарктиды, последняя была открыта американцем Пальмером на 80 дней ранее, чем состоялось Беллинсгаузена». Это произошло, утверждает Мартин, в ноябре 1820 года.

Однако никакого указания на это открытие в корабельном журнале Пальмера не оказалось. Известно, что когда русские мореплаватели встретили этого промышленника у Южно-Шетландских островов, он с восторгом сообщил им о богатом промысле морских котлов (котиков? – *А.О.*), но ни словом не обмолвился об открытии какой-либо неизвестной земли. Наконец, если бы даже Пальмер, как утверждал Мартин, и открыл в ноябре 1820 года побережье Антарктиды, то первенство все равно остается за русскими мореплавателями, совершившими этот подвиг на девять месяцев раньше американца, в январе 1820 года» [Адамов 1951: 42–43].

То, о чем писал А.Г. Адамов дальше, прямо проецировалось на ситуацию сложившуюся в советской историографии: «Необоснованность притязаний американцев и англичан подтверждается еще и тем, что даже среди англо-американских ученых в этом вопросе не оказалось единодушия. Английский географ Д. Бейкер в своей «Истории географических открытий и исследований», вышедшей в Англии третьим изданием в 1945 году, относит «открытие» Пальмера к 1821 году. Однако, следуя примеру своих буржуазных коллег, Бейкер также пытается оспаривать приоритет русских в открытии Антарктиды туманной фразой о том, что около земли Александра I «до Беллинсгаузена уже успели побывать китобойные суда». Но ни названий этих судов, ни имени их капитанов Бейкер, видимо, придумать уже не смог.

Таковыми же беспомощными и неубедительными оказались и другие попытки некоторых буржуазных ученых оспорить приоритет русских моряков в открытии Антарктиды и приписать эту заслугу то английскому лейтенанту Бренсфильду, то английскому промышленнику Смиту» [Адамов 1951: 43].

Но, еще меньшее «единодушие» демонстрировали советские специалисты, научные (и околonaучные) работники, рассматривавшие в своих материалах вопросы открытия русской экспедицией Антарктиды. Точнее, подобное «единодушие» все-таки наблюдалось: в 1920-х–1940-х годах, практически подавляющее большинство из этих авторов, относили дату открытия к 1821 году, и связывали последнюю с открытием острова Петра I и Земли (Берега) Александра I. «Антарктический Рубикон» советская историография начала преодолевать в 1949–1950-м гг. Но «преодолевать» непоследовательно, с вошедшей в ее «плоть и кровь», эклектикой.

В опубликованной в 1949 году статье академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева, утверждалось, что «экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Антарктический материк еще в январе 1820 г.» [Григорьев, Лебедев 1949: 190], но, письмо М.П. Лазарева, как и книги П.М. Новосильского, в списке использованной ими литературы вообще не упоминались. Зато, среди пяти источников значились ничего не дающие для понимания факта первооткрытия «классические труды»: Ю.М. Шокальского [Шокальский 1928] и Н. Введенского [Введенский 1941]. Использование А.А. Григорьевым и Д.М. Лебедевым в своей статье в качестве источника, только лишь книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831) (если исходить из списка использованной ими литературы. – *А.О.*), привело к тому, что эти советские ученые, фактически стали «союзниками» Ф. Дебенхэма с его «несколькими часами ясной погоды» (отсутствие каковых, якобы помешало русской экспедиции открыть Антарктиду 16(28) января 1820 года) [Овлащенко 2013: 188].

В анонсе, опубликованной в 1949 году в журнале «Смена» статьи академика А.А. Григорьева, было указано: «Обычно считали, что открытие Антарктического материка было совершено экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева в январе 1821 года. Академик А.А. Григорьев путем детального исследования текста описания, данного Беллинсгаузенем, установил факт открытия материка на 1 год раньше» [Григорьев 1949(в): 10]. К сожалению, в самой статье академика, опубликованной в этом литературно-художественном и общественно-политическом журнале ЦК ВЛКСМ, не уточнялось какой именно «текст описания, данный Беллинсгаузенем», использовал А.А. Григорьев. По каким-то, только ей одной известным причинам, советская историография «выцезивала» историческую правду, что называется «по капле».

«Советская общественность, – продолжал убеждать своего читателя А.Г. Адамов, – единодушно выступила в защиту исторической правды (а у целого ряда советских специалистов она, в этом вопросе, была «своя». – *А.О.*). Всесоюзное географическое общество, заслушав на своем специальном заседании в феврале 1949 года доклад академика Л.С. Берга, подтвердило приоритет русской экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в открытии Антарктиды и безусловное право СССР участвовать в решении судьбы этого материка» [Адамов 1951: 43].

Как хорошо известно, в качестве основного докладчика на собрании Географического общества выступил его президент, академик Л.С. Берг, с его, широко растиражированным затем докладом «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». В этом докладе, как тоже хорошо известно, крайне малое внимание было уделено ключевым для итогов экспедиции дням, января – февраля 1820 года, а факт открытия Антарктиды русской экспедицией так и не получил, в рамках этого доклада, публичного оглашения (и, следовательно, не попал в резолюцию общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР). В известной резолюции этого собрания [Русские 1949(а)], ключевая фраза о том, что русская правительственная экспедиция открыла Антарктиду – так и не прозвучала.

Будущий мастер советского детективного жанра, А.Г. Адамов (и в этом его определенная заслуга, поскольку профильные специалисты – советские юристы-международники, практически не обращали на эти моменты абсолютно никакого внимания) вообще уделил в своей статье много внимания политико-правовым аспектам антарктических проблем. В частности, он (понятно, что используя образный, даже сочный язык «холодной войны») отмечал: «Но враги международного сотрудничества не успокоились. Вынужденные согласиться с доводами советских географов, они, отбросив не сослуживший им службу принцип «права первого открытия», начали лихорадочно искать новые «аргументы» и,

вопреки всем законам логики и здравого смысла, уцепились за прямо противоположные соображения.

«Принцип первого открытия или даже официального вступления во владение определенной территорией, – писал в сентябре 1949 года английский парламентарий Э. Шеклтон, – имеет небольшое значение по сравнению с принципом действительной оккупации, с так называемой силой давности владения». Стремясь доказать свое «право владения», англичане насмешили весь мир, устроив на берегу Антарктиды бездействующее почтовое отделение, которое вскоре были вынуждены закрыть.

Попытка Шеклтона и его вдохновителей применить принцип «давности владения» к безжизненным пространствам Антарктики бесславно провалилась.

Поэтому такой переполох и злобный вой (*sic!* – *A.O.*) вызвал в стане врагов всеобщего мира и сотрудничества меморандум Советского Правительства от 7 июня 1950 года по вопросу о режиме Антарктики. Советское Правительство твердо заявило, что оно не может согласиться с тем, чтобы такой важный вопрос, как вопрос о режиме Антарктики решался без участия Советского Союза» [Адамов 1951: 43].

Конечно же никакого «злобного воя» этот документ на Западе не вызвал. Напротив, встречен он был весьма индифферентно, причем сразу и конкретно было указано на самое слабое место (да и было бы удивительно, если бы это «бельмо» западные специалисты не заметили), только еще нарождающейся советской антарктической политики: «Представители Государственного департамента сообщили прессе 9 июля 1950 г. о вручении меморандума, заявив, что в нем выражается желание Советского Союза, чтобы с ним консультировались при обсуждении вопроса об Антарктике, но не выдвигается (! – *A.O.*) каких-либо территориальных притязаний. Американские дипломаты заявили, что меморандум изучается, но опубликован не будет. ...При обсуждении этого вопроса в Министерстве иностранных дел Великобритании представитель Государственного департамента выразил мнение о том, что в скором времени США ответ на советский меморандум давать не будут... До конца 1950 г. не было предпринято каких-либо дальнейших действий...» [Сноска 2012(б)].

Ну и совсем уж, пропагандистским, был заключительный абзац статьи А.Г. Адамова. Последний проникновенно сообщал, что «советский народ свято чтит память о бессмертном подвиге русских моряков, обеспечивших своей Родине неоспоримое право на участие в решении судьбы антарктического материка» [Адамов 1951: 43]. Несмотря на традиционные для советской историографии эклектизмы, а в более широком плане – идеолого-пропагандистские штампы, этот материал А.Г. Адамова, важен и интересен прежде всего с собственно историографической точки зрения. В его статье наиболее полно и объективно было использовано в качестве источника, письмо М.П.

Лазарева; были правильно расставлены приоритеты в достижениях экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Возможно стоит упомянуть еще один, пусть и не первостепенный, связанный с публикациями А.Г. Адамова момент. Вряд ли он имел прямое отношение к нему самому, но, именно его две статьи, сопровождали очевидно самые безобразные в советской историографии, необычайно далекие от действительности, «портреты» Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. Это были некие фантазмагорические персонажи (в исполнении Б. Езикеева [Адамов 1949: 27] и И. Старосельского [Адамов 1951: 41]), строго, а то и сурово, вззирающие из далекого прошлого на тех, кто покусился на «беспорное право» СССР участвовать в решении судьбы Антарктики.

Посмертно опубликованная статья Л.С. Берга «Беллинсгаузен и Пальмер (Из истории открытия Антарктики)» (1951). В 1951 году в печатном органе ВГО «Известия Всесоюзного географического общества», была опубликована статья академика Л.С. Берга «Беллинсгаузен и Пальмер (Из истории открытия Антарктиды)». Публикация этой статьи последовала уже после смерти Л.С. Берга (скончался 24 декабря 1950 года). Случайно ли совпадение этих двух событий, или нет – ответить на этот вопрос (по крайней мере автору проводимого исследования) не представляется возможным. Кроме того, в качестве исходного прием то предположение, что весь текст этого материала действительно принадлежит перу Л.С. Берга и, статья его, была закончена и подготовлена к публикации им самим (редакция не давала по этому поводу никаких комментариев).

Что подвигло академика Л.С. Берга обратиться к такой теме? Если исходить из текста статьи, то таким внешним «толчком» стала точка зрения по вопросу первоткрытия, высказанная полярным исследователем профессором Свердрупом в норвежской газете «*Morgenbladet*» от 24 июня 1950 г.

Вот, как выглядит текст из этой газеты в изложении Л.С. Берга: «Беллингсгаузен вряд ли видел Землю королевы Мод. Корабль Беллинсгаузена, по его собственным координатам, плавал на расстоянии 60 морских миль от Земли королевы Мод, и нет никаких данных о том, чтобы он видел там землю. Однако он видел о. Петра I и о. Александра I. На сушу он никогда не сходил. Если Беллингсгаузен, являвшийся руководителем русской экспедиции в 1820–1821 гг., и видел что-нибудь из антарктического материка, то это должно было быть побережьем Земли Грезма. Стоит однако заметить, что первым, кто, по-видимому, сам видел антарктический материк, был американский промышленник Пальмер, занимавшийся промыслом котиков. Он встретил Беллинсгаузена и рассказал ему о своих открытиях. Это было возле Земли Грезма, и там, должно быть, Беллингсгаузен увидел землю. Русские теперь склонны игнорировать, что первым, кто увидел материк,

был американец и что этот американец сообщил об этом русскому» [Берг 1951(а): 25].

«Чтобы восстановить истину, – делал предварительный вывод Л.С. Берг, – надо сообщить некоторые факты из истории Антарктиды» [Берг 1951(а): 25]. Однако еще до цитаты из норвежской *«Morgenbladet»*, Л.С. Берг, очень интересно трактовал итоги экспедиции. «Как известно, – писал он, – русская антарктическая экспедиция... обошла вокруг всего антарктического материка, несколько раз подходила к окраине его в районе Земли королевы Мод, открыла и нанесла на карту как Землю Александра I, так и ряд островов в Антарктике» [Берг 1951(а): 25]. Совершенно непонятно, для чего в 1951 г. географ-академик «разделял» открытие Земли Александра I (тем более, хронологически поставив это открытие на первое место) и неких «островов в Антарктике»? Его западный визави, профессор Свердруп демонстрировал гораздо более здравый, да и просто, единственно возможный подход обозначив тот же самый географический объект именно, как «о. Александра I». Если зарубежный оппонент не был авторитетом для Л.С. Берга, то, в изданном в 1947 году в Советском Союзе, Военно-топографическим управлением «Атлас офицера», этот «берег материка» был обозначен на карте Антарктики, как «о. Александра I» [Антарктика 1947: 74].

Итак, что же сообщает Л.С. Берг в разделе «Русские открытия», об этих самых открытиях. В частности, он пишет: «16(28) января и 21 января (2 февраля) 1820 г. русская экспедиция находилась под южной широтой 69°21'–69°25' и западной долготой 2°15'–1°11', в непосредственном соседстве с материком Антарктиды, в области теперешней Земли королевы Мод, в частности – в районе берега принцессы Марты, описанного впоследствии норвежской экспедицией в 1929–1930 годах» [Берг 1951(а): 26]. Сразу же после этого, у Л.С. Берга (или, все-таки, у редакции «Известий ВГО»? – А.О.) шла сноска следующего содержания: «Научные работники советской китобойной флотилии «Слава» удостоверяют (? – А.О.), что Беллинсгаузен и Лазарев были в непосредственном соседстве с материком» [Берг 1951(а): 26, сноска 1]. Интересно, что этот «аргумент-удостоверение» отсутствует (как и сама сноска) в изданных в 1956 году Академией наук СССР, «Избранных трудах» Л.С. Берга [Академик 1956: 370].

Действительно, на определенном этапе советская историография разыгрывала этот сюжет, связанный с деятельностью китобойной флотилии «Слава». Соответствующие описания попадали в некоторые популярные советские издания. Так, в опубликованной в 1949 году в журнале «Огонек» заметке С. Богорад, говорилось: «Прямо по курсу, в 5–6 милях видим кромку плотного льда, растянутого по всему горизонту. За кромкой хорошо виден массивный ледяной барьер высотой в 35–40 метров, отвесно обрывающийся в воду. За ледяным барьером видны две горных вершины антарктического материка, покрытые льдом и снегом».

Показав нам эту выписку из вахтенного журнала корабля «Слава», начальник экспедиционного отряда Океанографического института, сопровождавшего советскую китобойную флотилию в антарктических водах, кандидат географических наук Георгий Михайлович Таубер стал рассказывать о своем недавнем путешествии:

– Экспедиция побывала в тех местах, где 129 лет тому назад открывшие Антарктический континент (! – *А.О.*) русские мореплаватели... почти вплотную подошли к ледяному барьеру Земли принцессы Марты.

– К берегам Антарктиды, – говорит тов. Таубер, – в районе Земли принцессы Марты наше судно подошло 20 марта 1948 года. Перед нами открылась величественная картина обледенелого материка.

Никаких признаков жизни, мертвая тишина; нет даже птиц, огромными стаями сопровождавших нас в океане. Берега в этом месте неприступны. Глубоко в море выдается язык ледяного барьера. Поражает необычайная правильность его линий: плоская, совершенно ровная поверхность. В море, у отвесного склона барьера, плавают торосистый паковый лед, представляющий собой нагромождения самой причудливой формы. Среди них возвышаются огромные столообразные айсберги.

За барьером поднимается заснеженная поверхность материка, кое-где в бинокль видны обнаженные вершины скал. Вдали у горизонта вырисовываются две горные вершины.

У этого побережья Беллинсгаузен и Лазарев достигли наибольшей южной широты своего плавания и плавания всех предыдущих экспедиций – $69^{\circ}25'$, на западной долготе $1^{\circ}11'$ » [Богорад 1949: 18].

12 и 19 ноября 1948 г. на научном собрании Государственного океанографического института, участник (состоявшейся в 1947–1948 гг.) второй экспедиции в южное полушарие Первой советской антарктической китобойной флотилии «Слава», географ-метеоролог Г.М. Таубер, сделал доклад о подходе кораблей флотилии к Земле принцессы Марты. Не может не обратить на себя внимания корреляция повествования Г.М. Таубера, опубликованного в *1949 году* в одном из выпусков «Известий Всесоюзного географического общества» [Таубер 1949: 369–370], с дебехэмовской версией о «нескольких часах ясной погоды» (отсутствие которых, согласно этому английскому специалисту, якобы «помешали» открыть Антарктиду 16(28) января 1820 года) [Овлащенко 2013: 173].

Кстати, сам Л.С. Берг, не преминул сослаться на мнение Ф. Дебехэма в этих вопросах. В трактовке советского академика, это выглядело так: «Не может быть сомнения, – говорит Дибенхэм, – что усмотренные Беллинсгаузенем «сплошные льды», которые «простираются от востока через юг на запад»..., представляли собою окраину Антарктиды. Нелья дать лучшего описания края антарктического материка, который тянется здесь буквально на сотни

милль, чем какое представлено Беллинсгаузенom. ...Но пасмурная погода не позволила тогда нанести на карту край материка» [Берг 1951(а): 26]. Иными словами – открытие не состоялось.

Затем, Л.С. Берг упоминает события 5(17) и 6(18) февраля 1820 г., причем цитирует (по работе Е.Е. Шведе [Шведе 1949(б): 26]; этой ссылки на Е.Е. Шведе, уже нет в работе Л.С. Берга в редакции *1956 года* [Академик 1956: 371]) донесение Ф.Ф. Беллинсгаузена из порта Жаксона. В последующих своих абзацах Л.С. Берг цитирует «печатный текст» Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831), книгу П.М. Новосильского «Южный полюс» (1853) и, вновь Ф. Дебенхэма. «Таким образом, – подытоживает Л.С. Берг, – не может быть сомнения в том, что как Беллинсгаузен, так и Лазарев в и д е л и (выделено в тексте. – А.О.) берег антарктического материка в районе Земли королевы Мод» [Берг 1951(а): 26]. «Лишь чрезвычайная пунктуальность и добросовестность, – добавляет Л.С. Берг, – не позволила русским морякам нанести на карту усмотренную сушу» [Берг 1951(а): 26]. Станным в этом контексте выглядит неиспользование Л.С. Бергом, в качестве источника письма М.П. Лазарева.

Упомянув дальше открытие «гористой земли, названной Берегом Александра I», Л.С. Берг, все-таки сообщает, что «в настоящее время считают, что Земля Александра I есть громадный остров длиною свыше 500 км, отделенный от материка узким проливом». «Однако, – продолжает Л.С. Берг, – при широком развитии здесь ледяных покровов, нельзя быть уверенным, что эта земля не соединяется с материком» [Берг 1951(а): 26–27].

Давая затем характеристику самому Н. Палмеру, описывая его «встречу» с Ф.Ф. Беллинсгаузенom, Л.С. Берг использует при этом с десяток источников из западной историографии [Берг 1951(а): 27–31]. Критические выводы, сделанные им, выглядят довольно жесткими, подобранные цитаты убедительными. Конечный вывод следующий: «...Для всех непредубежденных людей ясно, что Беллинсгаузен и Лазарев в 1821 г. ничего не слышали об открытиях Пальмера. Таким образом, обвинение наших мореплавателей в сокрытии достижений Пальмера отпадает» [Берг 1951(а): 30–31].

Между прочим, помимо повествования самого Ф.Ф. Беллинсгаузена о встрече с Н. Палмером (которое тоже цитирует Л.С. Берг [Берг 1951(а): 28–29]), об этом же событии, нам сообщает П.М. Новосильский. Вот что писал он, в *1854 году*: «Если верить американцу Фанингу, то в 1820 году в Новой Южной Шотландии находилось, для добывания морских котиков, пять американских судов, стоявших на якоре у острова Обольщения (*Deception*). Часовой, поставленный на самом высоком месте острова, увидел в ясную погоду, к югу, горы, из которых одна была вулканическая. Американский купеческий капитан Пальмер на шлюпе «Геро» отправился для обозрения этой земли действительно нашел обширный, гористый берег, покрытый льдом и

снегом, еще более угрюмый и безжизненный, чем Новая Шотландия и, несмотря на летнее время, до того окруженный льдами, что пристать к нему не было никакой возможности. Возвратясь в остров Обольщения, Пальмер был удивлен, увидя в этих водах два русских военных судна – это были «Восток» и «Мирный», возвращавшиеся, в 1821 году, из продолжительного путешествия к южному полюсу. Пальмер был у начальника русской экспедиции, который будто бы узнав о сделанном им открытии обласкал американца и назвал по его имени обретенный им берег. Пальмер действительно приезжал к капитану Беллинсгаузену, но об открытом им берегу, по крайней мере в это время, не было помину, и вышеприведенный рассказ Фанинга – чистая выдумка, а между тем берег, виденный Брансфильдом, назван впоследствии именем Пальмера...» [Шестой 1854: 19–20]. Эту книгу П.М. Новосильского Л.С. Берг, в своей посмертно опубликованной статье не использовал.

Можно обратить внимание на приведенные, два примера изменений в тексте работы Л.С. Берга. Речь идет об изменениях, которые были внесены в изданные в 1956 году Академией наук СССР, «Избранные труды» Л.С. Берга. Такие, сущностного плана изменения расходились с заверениями ответственного редактора книги, доктора географических наук Э.М. Мурзаева. Последний в частности писал (в марте 1955 г.), что «редактор позволил себе устранить лишь опечатки и фактические ошибки технического порядка, а также сделать небольшие примечания в сносках» [Мурзаев 1956: 4]. В работе Л.С. Берга 1951 года, имелась сноска следующего содержания: «Научные работники советской китобойной флотилии «Слава» удостоверяют, что Беллинсгаузен и Лазарев были в непосредственном соседстве с материком» [Берг 1951(а): 26, сноска 1]. Этот текст отсутствует в изданных в 1956 году Академией наук СССР, «Избранных трудах» Л.С. Берга [Академик 1956: 370]. Так что же «позволил себе» устранить Э.М. Мурзаев в данном случае: «опечатку» или «фактическую ошибку технического порядка»? Понятно что ни первое и не второе.

Если коснуться характеристик данных самому, этому советскому академику, то в официальных советских источниках они были чуть ли не восторженными (ниже приведены отзывы, относящиеся только к историко-географической деятельности Л.С. Берга, в первую очередь, связанной с Антарктикой). Например, в 1951 году в печатном органе Министерства рыбной промышленности СССР, подчеркивалось, что Л.С. Берг, «с патриотической страстностью советского ученого... утверждал приоритет русских исследователей в Антарктике» [Академик 1951: 59]. В 1951 году в ежемесячном географическом научно-популярном журнале ЦК ВЛКСМ «Вокруг света», было написано: «Горячий патриот, Л.С. Берг в ряде своих работ показал громадную роль русского народа в познании природы земного шара, в особенности Азии и Тихого океана. В феврале 1949 года, выступая на собрании действительных членов Географического общества Союза ССР в

Ленинграде, Л.С. Берг в своем докладе «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» привел убедительные факты, доказывающие приоритет русских людей в открытии и исследовании Антарктиды» [Л.С. Берг 1951: 57]. Так создавались жизнеописательные мифы.

«Лев Семенович, – говорилось в *1951 году* в печатном органе ВГО, – был страстным патриотом – он горячо любил нашу славную Родину, нашу науку и гордился нашими достижениями, современными и былыми. В своих работах он всегда подчеркивал заслуги и приоритет русских ученых и путешественников. Это особенно ярко выразил Лев Семенович в своем докладе (1948) (?! – *А.О.*) о первых исследователях Антарктиды, Ф.Ф. Беллинсгаузене и М.П. Лазареве, подчеркнув всю незаконность притязаний стран англо-американского блока на безраздельное владение Антарктидой.

...Велики заслуги Льва Семеновича и перед нашими картографическими учреждениями, а также перед Арктическим институтом, который удостоил его звания «почетного полярника».

...Лев Семенович много сделал и для развития деятельности Государственного Географического издательства, и как член Ученого совета, и как автор ряда книг, выпущенных этим Издательством» [Лев 1951: 7].

Судя по всему имя Л.С. Берга, применительно к историко-антарктическим вопросам, должно было вызывать своеобразный «условный рефлекс», причем, непременно с неким, якобы «патриотическим» оттенком. Доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии профессор Г.В. Никольский в *1951 году* писал: «Лев Семенович Берг был не только крупнейшим ученым, но и общественным деятелем. Он уделял очень много внимания борьбе в защиту русских ученых в различных областях естествознания. Трудящимся всего Советского Союза известны выступления Льва Семеновича, посвященные роли русских ученых в изучении Антарктики. Как убедительно показал Лев Семенович, вклад русских ученых в изучение южных полярных стран настолько велик, что решать в настоящее время судьбы Антарктики без участия нашей страны невозможно» [Никольский 1951: 52].

Примерно в том же ключе, писал в *1951 году* профессор А.Н. Световидов: «Много внимания уделял Л.С. (Берг. – *А.О.*) истории географических открытий и географической науки. Из большого числа работ этого его направления упомянем лишь... «Очерки по истории русских географических открытий» (1946, 1949), «Всесоюзное Географическое общество за 100 лет» (1946). Как в этих книгах, так и в многочисленных статьях он показал, как много сделано отечественной наукой в области географических открытий» [Световидов 1951: 91]. На самом деле, в упомянутых только что работах, крайне малое внимание было уделено освещению заслуг и истинных достижений экспедиции

Беллинсгаузена – Лазарева. В некоторых же из них, эти вопросы не упоминались вовсе [Овлащенко 2013].

На уровне выработанного в советской историографии стереотипа-рефлекса, А.Н. Световидов тем не менее продолжал: «Как в этих книгах, так и в многочисленных статьях он (Л.С. Берг. – *А.О.*) показал, как много сделано отечественной наукой в области географических открытий. В этом отношении достаточно хорошо известны его выступления в печати и ряд докладов по поводу русских открытий в Антарктике» [Световидов 1951: 91].

Нельзя сказать, что абсолютно все советские специалисты, писавшие на кончину Л.С. Берга, непременно упоминали его «антарктический доклад». Этого к примеру, избежал в *1951 году* Э.М. Мурзаев [Мурзаев 1951(а): 102–104]. Но такие публикации, скорее были редкостью, если не исключением («забывчивой случайностью»). В том же *1951 году*, доцент П.С. Кузнецов, в частности, писал: «Лев Семенович горячо любил свою Родину; на протяжении всей жизни он страстно и настойчиво отстаивал приоритет русских исследователей. ...Важное политическое значение имеют устные и печатные выступления Л.С. Берга о приоритете русских в открытии Антарктиды и о праве Советского государства на земли, открытые там нашими соотечественниками» [Кузнецов 1951: 82].

В опубликованном в *1951 году* коллективном сборнике, московские географы (Н. Баранский, К. Марков, Э. Мурзаев, Ю. Саушкин, Я. Селих, А. Соловьев, М. Сперанская, В. Сукачев) утверждали, что «никто из современных географов не сделал так много для истории отечественной науки, как Л.С. Берг» [Памяти 1951: 8]. Особо они упоминали при этом, брошюру Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». Вновь упомянув историко-географические работы этого академика, соавторы писали, что «во всех этих трудах Л.С. Берг выступает перед нами как подлинный патриот, безгранично любящий свой народ, нашу науку и ее замечательных людей» [Памяти 1951: 10]. Интересна их ремарка относительно того, что Л.С. Берг «никому не навязывал своих убеждений» [Памяти 1951: 11].

«С огромным достоинством, – писали они, – нес Л.С. Берг почетное звание Президента Географического общества Союза ССР, ...со всей страстностью выступая в защиту приоритета отечественных географических открытий, в защиту чести и славы нашей науки и нашего Отечества. Все мы хорошо помним такого рода выступления Л.С. Берга и, в частности, доклад его на заседании Географического общества СССР о приоритете русских географических открытий в Антарктике» [Памяти 1951: 11]. «Гордимся, однако, мы, – продолжали московские географы, – ведь не разговорами и не числом заседаний и выступлений на них, а реальными научными исследованиями, нужными народу нашему, нужными Родине. Вклад Льва Семеновича Берга в эти

реальные научные исследования исключительно велик» [Памяти 1951: 12].

В свою очередь, автор не побоится в очередной раз подчеркнуть, что реальный вклад Л.С. Берга в историографию русской южнополярной экспедиции, на самом деле, был исключительно мал. Академик Л.С. Берг, худо-бедно, но выполнил свою «общественную нагрузку», возложенную на него партийно-государственным руководством СССР (он прекрасно понимал, что без такого ее выполнения, не состоится его посмертная «канонизация» в советской официальной науке; кроме того, «жребий» пал на Л.С. Берга в разгар борьбы с «безродным космополитством», и, этим ему, было оказано «особое доверие», которое он и оправдал). «В связи с решением ЦК ВКП(б) от 29 января 1949 г. было признано целесообразным заявить, сначала в неофициальной форме, о заинтересованности Советского Союза в вопросе о режиме Антарктики, в дальнейшем, в зависимости от последующих обстоятельств, сделать такое заявление в официальной форме. В соответствии с этим 10 февраля п. г. (прошлого года. – *А.О.*) состоялось заседание Географического общества СССР с докладом президента Общества академика Берга, осветившим выдающуюся роль русских исследователей в открытии Антарктики и давшим научное обоснование права СССР на участие в решении вопроса о режиме этого континента. На указанном заседании Географического общества была принята соответствующая резолюция, опубликованная 11 февраля п. г. [Докладная 1950].

«Особенный интерес, – «свидетельствовал» в 1955 году Н.Н. Соколов, – вызвали выступления Л.С. Берга о приоритете наших мореплавателей – Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева – в открытии Антарктики; выступления эти были отмечены и правительством при переговорах (!? – *А.О.*) с Англией и США по вопросу о притязаниях этих стран на территорию южного континента» [Соколов 1955: 56]. На самом деле, «обоснование», которое дал Л.С. Берг, было слабым, непоследовательным, эклектичным. Великий эклектик – именно так можно охарактеризовать Л.С. Берга, применительно к его позиции в отношении основных итогов и главных результатов Первой русской антарктической экспедиции, прежде всего, в отношении факта первооткрытия этой экспедицией Антарктиды. Собственно, все его, немногочисленные работы в этой области, свидетельствуют о том, что Л.С. Берг никогда не считал, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Антарктиду 16(28) января 1820 года.

В упомянутом коллективном сборнике московских географов, будущий биограф Л.С. Берга Э.М. Мурзаев, отметил, что «Л.С. Берг защищал права нашей Родины в Антарктике, когда опубликовал ряд работ об открытиях русских в начале прошлого столетия в этой части земного шара» [Мурзаев 1951(6): 18]. Как уже было отмечено, без

подобных упоминаний, не обходилась практически ни одна работа о Л.С. Берге.

Несколько позднее, в 1952 году Н.Н. Соколов писал: «Особенное значение имели выступления Льва Семеновича по вопросу об открытии нашими знаменитыми мореплавателями – Беллинсгаузеном и Лазаревым – Антарктиды, в которых был подчеркнут несомненный приоритет наших исследователей. В этих выступлениях, как и во многих своих работах, в особенности по истории географических открытий и географической науки, Лев Семенович проявил себя горячим патриотом, глубоко преданным Родине и родной науке: он, не переставая, подчеркивает огромное значение наших географических достижений...» [Соколов 1952: 120].

В 1952 году, Академией наук СССР в серии «Материалы к биобиблиографии ученых СССР», была издана брошюра о жизни и деятельности академика Л.С. Берга. В одной из вступительных статей говорилось: «Любовь и уважение Л. С. (Берга. – *А.О.*) к географическим трудам и подвигам русских географов нашли свое отражение в его многочисленных трудах историко-географического характера. В разнообразном научном творчестве Л. С. последние занимают почетное место.

...С большой любовью (? – *А.О.*) описывает Л. С. ...открытие Антарктиды, отстаивает приоритет русских открытий в Антарктике, выступая в 1949–1950 гг. с рядом статей, направленных против необоснованных притязаний агрессивных кругов США на Антарктику под видом ее «интернационализации»... Историко-географические характеристики Л.С. замечательны во многих отношениях. Они поражают редким знанием источников и глубоким пониманием задач, стоявших перед отечественными путешественниками, как задач гражданских, государственных и важных для современности» [Лев 1952: 17].

В 1955 году Академией наук СССР был издан сборник работ по географии и биологии – «Памяти академика Л.С. Берга». Статья «Л.С. Берг в Географическом обществе» для этого сборника, была написана академиками И.П. Герасимовым и Е.Н. Павловским, членом-корреспондентом АН СССР С.В. Калесником. В частности, эти соавторы писали: «Об исключительно высоком авторитете Географического общества, достигнутом под руководством Л.С. Берга, свидетельствует общее собрание членов общества, состоявшееся в Ленинграде 10 февраля 1949 г. На этом собрании Л.С. Берг сделал доклад «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней», с целью защитить приоритет русских в открытии Антарктиды и тем самым противопоставить истинное положение вещей той неправде, какая по этому вопросу распространялась отдельными представителями зарубежной географии. Свыше 400 членов общества, присутствовавших на докладе, приняли резолюцию, в которой, подтверждая заслуги

русских первооткрывателей Антарктиды, заявили решительный протест против попыток некоторых государств добиться решения ряда политических вопросов Антарктики без участия Советского Союза. Отчет об этом заседании опубликован в центральных газетах «Известия» и «Правда» от 11 февраля 1949 г., в «Известиях ВГО» (1949, вып. 2), в отдельной брошюре, изданной Географгизом, и в ряде научных советских журналов. Доклад Л.С. Берга вызвал широкий отклик не только в СССР, но и за границей. Постановления с горячей поддержкой резолюции, принятой в связи с докладом, поступили в общество от всех его филиалов и отделов и ряда различных учреждений Советского Союза. Принятая Географическим обществом резолюция упомянута в меморандуме Советского правительства по вопросу о режиме Антарктики, направленном 7 июня 1950 г. правительствам США, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии» [Гарасимов, Калесник, Павловский 1955: 65].

В вошедшем в этот же сборник, биографическом очерке Н.Н. Соколова, можно было обнаружить следующие его отзывы: «Огромную работу выполнил Л.С. Берг в связи с празднованием столетнего юбилея Географического общества и организацией II Всесоюзного географического съезда. К юбилею общества Л.С. Берг написал короткий очерк его истории за 100 лет и летопись общества» [Соколов 1955: 40].

После этого, Н.Н. Соколов приводил мнение по этому вопросу двух советских географов: «Н.Н. Баранский и Ю.Г. Саушкин писали в рецензии на «Историю Географического общества»: «Книга эта (речь идет о книге Л.С. Берга: Всесоюзное Географическое общество за сто лет (1845–1945). М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946. – А.О.) составлена исключительно удачно и представляет громадную ценность для каждого советского географа... Л.С. Берг... в своей сравнительно небольшой книге ясно, просто и интересно осветил всю столетнюю деятельность Географического общества... Особенно ценно то, что характеристика деятелей общества дается их собственными, особо для них характерными поступками, а не описательно от лица автора... С большим умением и вкусом отобраны также конкретные факты для характеристики деятельности общества и отдельных более крупных путешествий и экспедиций.

Книга возбуждает в читателе гордость за русскую географическую науку и ее выдающихся представителей» (География в школе, 1946, № 2)» [Соколов 1955: 40, сноска 1].

Возможно, что в 1946 г. эта книга Л.С. Берга и «возбудила» в двух советских географах (явных «бергофилах»), отмеченное ими, чувство гордости. С другой стороны, в 1948 году очень интересно отозвался на эту книгу Л.С. Берга, гидролог и гидробиолог С.Д. Муравейский (1894–1950). В частности, он писал: «Доклад Л.С. Берга (на Втором Всесоюзном географическом съезде, который происходил в Ленинграде

с 25 по 31 января 1947 г. – *А.О.*) был построен главным образом как юбилейный, посвященный столетию Географического общества. Доклад явился кратким изложением его прекрасной, широко задуманной, документальной книги «Всесоюзное Географическое общество за сто лет» (изд. Академии наук СССР, 1946). Однако, прочтя его книгу, невольно убеждаешься, что мы далеки еще от полного и всестороннего знания истории Географического общества, что необходима еще большая работа в различных архивах для того, чтобы вскрыть даже историю возникновения Общества.

Как-то не верится, что душой Общества в момент его возникновения был Ф.П. Литке, который сам не знал, «как сделался одною из главных пружин предприятия полезного и уже обещающего сделаться важным» (из воспоминаний Литке, Труды съезда, стр. 71). Как-то (*sic!* – *А.О.*) в истории Общества отошла на второй план так называемая «русская группа», возглавляемая В.И. Далем. Имеется много данных утверждать, что именно она была душой Общества, главным инициатором его основания. Об этом, например, говорит в воспоминаниях о Дале П.И. Мельников-Печерский. Чрезвычайно симптоматично, что П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своей «Истории полувековой деятельности Географического общества (СПб., 1896) так тепло отзывался о деятелях кружка Даля, «которые с серьезною научною подготовкою соединяли несомненную талантливость и горячий патриотизм, и могли служить достойными представителями тех свободных сил русского общества, содействие коих должно было принести обширную пользу географическим наукам, при всестороннем изучении России» [Муравейский 1948: 135].

В настоящем исследовании (как и в предыдущей книге автора [Овлащенко 2013]) приведена выборка послевоенных работ Л.С. Берга, в которых, ни словом не упоминается экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева, имена ее руководителей. В этом контексте, только лишь в качестве мистифицирования можно рассматривать дальнейший текст Н.Н. Соколова, среди прочего, писавшего: «Особенно много внимания уделял Л.С. Берг истории географических открытий и географической науки... Эти работы были основаны в значительной мере на изучении первичных исторических материалов – старинных карт, донесений, актов, помимо разнообразных географических сочинений разных времен и на разных языках. Исторические труды Л.С. Берга, как и труды географические..., отличаются глубоким, «доскональным» знанием предмета и поразительной широтой и разносторонностью.

Длинный список этих исторических исследований заканчивается трудами по истории Географического общества и об истории открытия Антарктики русскими моряками. Многие сделал Л.С. Берг и для ознакомления широких кругов читателей с нашими географическими достижениями в научно-популярных книгах, журналах и газетах.

...В последние годы особенное значение имели статьи и доклады Л.С. Берга об открытии Антарктиды нашими моряками – Ф.Ф. Беллинсгаузеном и М.П. Лазаревым – в которых он со всей решительностью подчеркнул приоритет наших исследователей и всю незаконность притязаний американцев» [Соколов 1955: 42–43].

Пожалуй единственное с чем можно согласиться из этого пассажа Н.Н. Соколова, так это, с, им же самым поставленным в кавычки, словом «досконально». Действительно ли работы по истории географических открытий, вышедшие из под пера Л.С. Берга, «поражают редким знанием источников и глубоким пониманием задач...» [Лев 1952: 17]? Проведенный автором историографический анализ работ Л.С. Берга, опубликованных за, более чем тридцатилетний период научной деятельности последнего, не позволяет согласиться с подобной точкой зрения.

По поводу замечания Н.Н. Соколова относительно того, что Л.С. Берг, «многое сделал... для ознакомления широких кругов читателей с нашими географическими достижениями в научно-популярных книгах, журналах и газетах». Да, действительно – это так. К примеру, летом 1949 г. в центральных, отраслевых (ведомственных) и республиканских газетах появился целый ряд статей этого академика, посвященных экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, а также «современному положению» Антарктики (вполне понятно, что статьи эти стали прямым следствием проведенного, в феврале того же года в Ленинграде, общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, где с ключевым докладом выступил Л.С. Берг).

Так, в июле 1949 года в органе Совета Министров, Президиума Верховного Совета и ЦК КП(б) Белоруссии, газете «Советский крестьянин» была напечатана статья Л.С. Берга «Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг.». «16 июля, – начинал свою статью советский академик, – исполняется 130 лет со времени отплытия из Кронштадта знаменитой русской экспедиции, прославившей себя открытием антарктического материка» [Берг 1949(е)]. Сам по себе этот факт, интересен тем, что это было очевидно одно из единичных упоминаний отмеченной круглой даты. Крайне редко – в 1949 году – советские специалисты (историки, географы) соотносили с этой датой рост в Советском Союзе интереса к Антарктике. Что же подразумевал Л.С. Берг под «открытием антарктического материка»?

Л.С. Берг писал дальше: «...Наши моряки нашли Антарктиду и нанесли ее на карту...

16 января 1820 года оказались вблизи антарктического материка под 69°21'... оказались вблизи антарктического материка в районе земли принцессы Марты, замеченной впоследствии (1930) норвежскими судами. Берега эти до сих пор никем не посещены и не положены на карту (обратим внимание на эти, двукратные реплики Л.С. Берга о нанесении-положении на карту. – А.О.). Теперь ясно (отчего же именно

«теперь»? – *А.О.*), что описываемые Беллинсгаузенем бугристые льды, простиравшиеся с востока на запад, представляли собою именно окраину антарктического материка» [Берг 1949(е)].

Л.С. Бергу, лучше было бы здесь ссылаться не на текст Ф.Ф. Беллинсгаузена, а на письмо М.П. Лазарева, сообщавшего: «16-го генваря достигли мы широты $69^{\circ}23'$ *S* где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер, смотря на салангу, простирался оный так далеко как могло только *достигать* (выделено в тексте. – *А.О.*) зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе $2^{\circ}35'$ *W* от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк (! – *А.О.*) не доходя 70° » [Письма 1918: 55].

«5 февраля 1820 г., – продолжает Л.С. Берг, – экспедиция снова находилась поблизости антарктического материка в районе Земли принцессы Рагнхильды. Спутник Лазарева, мичман Новосильский пишет:

«5 февраля, при сильном ветре тишина моря была необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных буревестников вьются над шлюпами. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды...».

Действительно, как мы теперь знаем, в этом месте «Восток» и «Мирный» находились у самого берега антарктического материка» [Берг 1949(е)].

Возможно, что здесь Л.С. Бергу, было более целесообразно процитировать донесение Ф.Ф. Беллинсгаузена, посланное в Россию из Порт-Жаксона. В этом донесении руководитель экспедиции сообщает о событиях с 5 на 6 февраля 1820 г.: «Здесь за лдяными полями мелкого льда и островами виден материк льда (! – *А.О.*), коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212].

Собственно, из всего последующего изложения Л.С. Берга, включая упоминание им открытия острова Петра I и берега Александра I («...но во всяком случае даже если это и остров, то он тесно примыкает к материку», вновь, и, в который уже раз, непонятно для чего добавляет Л.С. Берг), не становится понятным – как же именно русская экспедиция, все-таки «прославила себя открытием антарктического материка»? Не проясняла ситуацию и другая, опубликованная на следующий день (15 июля 1949 года) в газете «Красный Флот», еще одна статья Л.С. Берга. По большому счету (что, впрочем, вполне понятно и совсем не удивительно), эта статья, в вопросах описания хода и основных итогов экспедиции, буквально дословно повторяла текст статьи в газете «Советский крестьянин». Л.С. Бергом, был лишь несколько усилен эмоциональный фон повествования.

Так, он писал: «Беллинсгаузен и Лазарев – открыватели южного материка – занимают одно из почетнейших мест в истории географической науки. Советские люди свято чтут имена этих новаторов науки» [Берг 1949(ж)]. Если оставить в стороне эти, весьма далекие от действительности пропагандистские «новации» советского академика, можно заметить в качестве подобной же «новации», критику Л.С. Бергом Дж. Кука. Коротко описав плавание последнего, Л.С. Берг подчеркнул, что «ошибка английского капитана, сильно затормозившая дальнейшие исследования, была доказана русскими мореплавателями, которые открыли, нашли Антарктиду и положили ее на карту» [Берг 1949(ж)].

«Волна» берговских статей продолжала катиться по Советскому Союзу. На следующий день (16 июля 1949 года) в органе ЦК ВЛКСМ, всесоюзной молодежной газете «Комсомольская правда», была опубликована беседа с этим советским академиком, которая так и называлась – «Русские открытия в Антарктике» (саму публикацию этой «беседы» редакция объясняла тем, что она «получила много писем молодых читателей, интересующихся, как была открыта Антарктика» [Русские 1949(г)]. – *А. О.*). Сама, «формальная» причина появления этих публикаций – 130-летие со дня отплытия из Кронштадта Первой русской антарктической экспедиции – заслуживает внимания. Как и, то «историческое наполнение» итогов экспедиции, которое в очередной раз дано было Л.С. Бергом.

«Продолжая путь, – писал он, – 16 января 1821 г. под широтой (южной. – *А.О.*) 68°43' и западной долготой 73°10' русская экспедиция открыла гористую землю, названную берегом Александра I. Так русские моряки открыли Антарктический материк, подойдя к нему трижды: дважды в 1820 году и в третий раз – в январе 1821 года» [Русские 1949(г)]. Надо заметить, что подобную интерпретационную модель можно и ранее встретить в советской историографии. В частности, в 1949 году академик А.А. Григорьев и профессор Д.М. Лебедев резюмировали: «Так русские открыли Антарктический материк, подойдя к нему дважды в январе 1820 г., один раз в феврале того же года и наконец в январе 1821 г.» [Григорьев, Лебедев 1949: 187]. По крайней мере такая, отражавшая реальный ход экспедиционных дней и событий хронологическая последовательность, была уже весьма позитивной, тем более на фоне широко распространенных иных, исследовательских подходов в советской историографии [Овлащенко 2013: 188] (правда в другой публикации академика А.А. Григорьева, можно было обнаружить арифметические «несоответствия», когда он писал, что «...таким образом, именно русские ученые-мореплаватели первыми в мире открыли Антарктический материк, подойдя к нему четыре раза: два раза в январе 1820 года и еще раз – в январе 1821 года» [Григорьев 1949(в): 10–11]. – *А.О.*).

Дальнейшее повествование в рассматриваемой статье Л.С. Берга, являет собой типичный пример эклектизма этого специалиста. «Нашей стране, – пишет он, – принадлежит первенство в открытии ряда земель Антарктики. ...Советские люди – достойные преемники своих славных предков, первооткрывателей Антарктики» [Русские 1949(г)]. Таким образом, снова речь у него идет не об открытии Антарктиды, а, об открытии некоей «Антарктики». Можно полагать, что смешение этих понятий вряд ли было у академика Л.С. Бергом случайным.

В тот же день (16 июля 1949 года) еще одну статью академика Л.С. Берга опубликовала центральная газета «Труд». Называлась эта статья – «Русские – первые исследователи Антарктики». Подводя итог, Л.С. Берг писал: «Из предыдущего ясно, что русским ученым морякам, а никому иному, принадлежит приоритет в открытии Антарктиды.

...Советские люди никогда не забывали о великих открытиях, сделанных русскими в Антарктике, и всегда считали необходимым напоминать о том, что приоритет в деле открытия Южного материка принадлежит русским людям.

...Флаг советской державы развевается там, где в прошлом столетии русские мореходы открыли южный материк.

Празднуя 130-летие со дня знаменитой экспедиции, советский народ отмечает выдающуюся роль русских исследователей и ученых в деле открытия Антарктики (опять «Антарктики!» – А.О.), опровергших утверждения некоторых иностранных исследователей о том, что антарктического материка не существует.

Имена наших замечательных моряков, открывших антарктический материк, занимают одно из почетнейших мест не только в летописях русского мореплавания, но и в истории мировой географической науки. Честь и хвала нашим соотечественникам, Колумбам шестой части света!» [Берг 1949(з)].

Тезис о том, что «...советские люди никогда не забывали...» и т. д., был заимствован Л.С. Бергом у В.Ю. Визе, из выступления последнего на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград). Эклектичной и конъюнктурной выглядела точка зрения этого полярного исследователя, члена-корреспондента АН СССР и контр-адмирала, когда он убеждал присутствующих в том, что «советские люди никогда не забывают о великих открытиях, сделанных русскими в Антарктике, и всегда считали необходимым напоминать о том, что приоритет в деле открытия Южного материка принадлежит русским» [Русские 1949(а)]. Гораздо интереснее был отзыв Л.С. Берга о походе в Антарктику «первой советской южно-полярной китобойной флотилии «Слава», как, о «первой советской антарктической экспедиции» [Берг 1949(з)].

Вернемся вновь к работе Н.Н. Соколова. «Лев Семенович, – уверяет дальше своего читателя Н.Н. Соколов, – резко порицал беспринципность в науке, быстрое изменение, без достаточных

оснований, научных убеждений, либо отсутствие последних» [Соколов 1955: 58]. Но именно это, демонстрирует на примере своих многочисленных историко-антарктических работ, сам Л.С. Берг, якобы порицающий все эти «скверны» (при своих «видоизменениях», «шатаниях» Л.С. Берг демонстрировал свою же инвариантность – неизменность, независимость, но только лишь от новых исторических доказательств). Так называемый «энциклопедизм», его этакое «вольтерьянство» в наиболее широком, манифестном виде показан самим Л.С. Бергом в одной из его работ (1922). Ее цитирует И.М. Забелин: «...Она (наука. – А.О.) учит терпимости и гуманности, искореняя догматизм, деспотизм и абсолютизм – во всех его видах, формах и превращениях. Ни у кого нет монополии на истину – таков девиз науки» [Забелин 1989: 88]. В этой связи, в очередной раз нельзя не вспомнить девиз этого «корифея» советской науки, который в своей летописи Географического общества за столетний период, избрал таким девизом, выражение «*La verità è figliola del tempo*» («Истина – дитя времени») Леонардо-да-Винчи [Берг 1946(в): 25].

Выше уже было показано, как в пределах работы одного и того же автора – Л.С. Берга, более того – на одной странице! – вполне мирно соседствовали сомнение («весьма вероятно») и уверенность («во всяком случае»). Поэтому автор, прежде всего исходя из подходов Л.С. Берга к историко-антарктической тематике, склонен солидаризироваться с оценками, которые даны этому советскому ученому И.М. Забелиным [Забелин 1989]. Давая характеристику «стилю мышления» Л.С. Берга, И.М. Забелин (явно не относившийся к поклонникам «научных дарований» этого советского академика-эклектика) отмечал, что, «...тут уйма любопытного для исследователей творчества, и особенностей научного мышления...» [Забелин 1989: 219].

Применительно к советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, истории развития географической науки в СССР в целом, и, истории Географического общества в частности, не выясненными (либо не до конца выясненными) остаются следующие вопросы: действительные взгляды самого Л.С. Берга относительно факта первооткрытия Антарктиды 16(28) января 1820 года; почему выбор со стороны партийно-государственных органов выпал именно на академика Л.С. Берга (только лишь как на президента Географического общества?), а не, скажем, на академика А.А. Григорьева?; чьи взгляды озвучивал Л.С. Берг в ходе Общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград) и насколько они совпадали с его личными взглядами на эти проблемы; степень влияния взглядов и мнений зарубежных и советских специалистов на Л.С. Берга в этом вопросе при их взаимном корреспондировании (ответ на последний вопрос, очевидно может дать только обращение к соответствующим архивным фондам, к личным архивам).

Завершить этот раздел можно еще одним примером, демонстрирующим, как действительно состоявшуюся в официальной советской историографии «канонизацию» Л.С. Берга, так и, примитивные, слишком упрощенные оценки ею некоторых направлений его деятельности. В изданной в 1956 году книге (была издана под эгидой Министерства высшего образования СССР и Кишиневского Государственного Университета), ее авторы, И.Ф. Правдин и В.С. Чепурнов писали: «Все работы Л.С. Берга пронизаны историзмом, «будь то монография или небольшие статьи» (Мурзаев).

...Как человек в высшей степени впечатлительный, Л.С. Берг особенно «неравнодушен» был к описанию подвигов прежних русских «землепроходцев» и «следопытов»

...Что касается истории географических исследований, то здесь Л.С. Берг является крупным историком-патриотом (? – А.О.). Он изучил все (*sic!* – А.О.) карты путешествий и все, что относится к подвигам русских путешественников.

...Великой любовью (? – А.О.) к родине и ее людям проникнуты статьи Льва Семеновича о русских открытиях в Антарктике. ...Доклад, прочитанный на эту тему в Географическом обществе 10 февраля 1949 г., заслуживает исключительного внимания. «Антарктику открыли русские мореплаватели капитан Беллинсгаузен и лейтенант Лазарев в 1820–1821 гг.», заявил Л.С. Берг.

...Никто лучше Л.С. Берга не знал историю открытий Камчатки, Берингова пролива, Антарктики...» [Правдин, Чепурнов 1956: 50–51].

Сборник «Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах» (1951). В 1951 году Географгиз издал (тиражом – 25 000 экземпляров) сборник под редакцией профессора В.Н. Сементовского «Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах».

Как уже было отмечено выше, согласно отчету ВГО за 1949 г., Казанский отдел ВГО (основан в 1947 г. в Казани) в лице своего председателя В.Н. Сементовского, представил доклад «О приоритете русских исследователей в открытии Антарктиды» [Краткий 1950: 659]. В современном биобиблиографическом справочнике, о В.Н. Сементовском можно узнать следующее: «Сементовский Владимир Николаевич (13.10.1882–8.8.1969). Физикогеограф, геоморфолог и лимнолог, профессор (1919), заслуженный деятель науки Татарстана (1947). ...Окончил Казанский университет по кафедре географии, этнографии и археологии (1907). В 1907–18 – в Казанском университете (...с 1913 – приват-доцент). ...В 1919–26 – профессор Петербургского ун-та и пединститута им. А.И. Герцена. С 1926 снова в Казанском ун-те (в 1926 – 51 – зав. Кафедрой физической географии). С 1957 на пенсии. ...Работал в области методики преподавания географии и популяризации географической науки. Председатель татарского филиала Географического общества СССР (1946–62)» [Сементовский 1993: 304–305].

Очевидно именно последний момент сыграл значительную роль, в том, что этот казанский географ стал редактором сборника. Кроме того в сборнике были «помещены избранные главы (впервые публикуемые) из работы И.М. Симонова «Плавание Россиян в Южном Ледовитом океане в 1819–1821 гг.» [Соловьев 1951: 6]. Как было отмечено в предисловии: «Рукопись этого труда И.М. Симонова обнаружена в научной библиотеке Казанского госуд. (государственного. – *А.О.*) университета им. В.И. Ленина» [Соловьев 1951: 6, сноска 3].

В этой связи стоит заметить, что исследовательский поиск в предвоенные и даже, в военные годы, осуществлялся отдельными энтузиастами историко-архивного дела. Например, русский советский поэт, прозаик, историк, географ, архивист С.Н. Марков (1906–1979) всю жизнь занимавшийся поиском и исследованием материалов о принадлежащих русским мореплавателям открытиях на Тихом океане, в октябрьской книжке «Морского сборника» за 1944 год призывал поискать во Владимире материалы об адмирале М.П. Лазареве [Марков 1944: 87].

После запроса С.Н. Маркова в Казань, было отыскано наследие участника экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, астронома И.М. Симонова. В частности, в архиве «Научной библиотеки Татарской республики» при Казанском университете были найдены два письма адмирала И.Ф. Крузенштерна к И.М. Симонову, датированные 1831 и 1833 г., которые посвящены открытиям английских моряков в Антарктиде, совершенным после плавания русской экспедиции. В большом томе подшитых бумаг нашлась рукопись И.М. Симонова «Шлюпы «Восток» и «Мирный» или плавание россиян в Южном Ледовитом океане и около света». «Ясно, – считал С.Н. Марков, – что казанский архив Симонова нужно исследовать более подробно» [Марков 1944: 88]. И действительно, такая необходимость остро возникла уже всего лишь через пять лет – в 1949 году. Характеризуя И.М. Симонова, С.Н. Марков писал, что русский астроном был «свидетелем открытия... скалистого острова Петра Великого и Берега Александра I в Антарктиде...» [Марков 1944: 87–88].

Очень интересны выводы, сделанные С.Н. Марковым из опыта изучения архивов и музеев «на местах». Так, он предлагал: «Ценнейшие документы, рассказывающие о русской морской славе, надо тщательно разыскивать, изымать их из общих архивных фондов, брать на строжайший учет и тщательно изучать. Редкие печатные издания, карты, планы, чертежи, гравюры, портреты, и т. д. должны тоже подлежать строгому учету». «Мы должны знать, – писал С.Н. Марков, – содержание всех фондов в хранилищах архивных управлений, музеев, библиотек, научных институтов и т. д. Надо издать описи фондов, составить хотя бы краткое описание важнейших архивных документов» [Марков 1944: 88]. С.Н. Марков предлагал создать единый тихоокеанский архив, куда в дальнейшем – по мере увеличения архивных находок – должны будут

поступать все свидетельства русской морской славы на Тихом океане, в том числе связанные с экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

«В настоящий сборник, – писал автор предисловия А.И. Соловьев, – включены сочинения участников экспедиции 1819–1821 гг.: письмо М.П. Лазарева А.А. Шестакову о плавании шлюпов «Восток» и «Мирный», доклад астронома И.М. Симонова «Об успехах плавания» (сделанный им в Казанском университете 7 июля 1822 г.), записки матроса Егора Киселева, записки морского офицера П.М. Новосильского (после этого шла сноска следующего содержания: «Все эти материалы ранее были опубликованы в сборнике «Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» в 1819, 1820 и 1821 годах»). Под ред. проф. А.И. Андреева. М., Географгиз, 1949» [Соловьев 1951: 6, сноска 2]. – *А.О.*). Доклад И.М. Симонова и записки П.М. Новосильского печатаются с небольшими сокращениями. В книгу включена работа Президента Географического общества СССР акад. Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Соловьев 1951: 6].

Вообще над сборником потрудились «разноплановый» коллектив. «Общая редакция сборника, – отмечал в предисловии А.И. Соловьев, – проведена профессором Казанского университета В.Н. Семеновским. Ему же принадлежит редакция рукописи И.М. Симонова, археографическая обработка которой выполнена научным сотрудником библиотеки Казанского университета А.И. Андреевым.

Комментарии к сборнику составлены Я.М. Светом, а в этнографической части – С.А. Токаревым.

Словарь морских терминов составлен Л.Д. Черноусько» [Соловьев 1951: 6].

Составитель современного биобиблиографического справочника А.В. Краснопольский, сообщает следующее: «Соловьев Алексей Иванович (6.8.1907–27.2.1983). Физикогеограф, методист и историк географии, доктор географических наук, профессор (1955), член-корреспондент АПН (Академия педагогических наук. – *А.О.*) СССР (1950). ...Окончил МГУ (1931) и аспирантуру там же (1935). К. г. н. (кандидат географических наук. – *А.О.*) (1937). С 1931 в Московском ун-те (в 1938–49 – зав. каф. (заведующий кафедрой. – *А.О.*) физической географии, с 1949 – зав. кабинетом истории географии). ...В 1936–47 работал также в Ин-те географии АН СССР, в 1948–51 – гл. редактором Географгиза, в 1951–56 – директором Ин-та методов обучения АПН СССР» [Соловьев 1993: 331].

Свое предисловие А.И. Соловьев начал, со ставшими уже традиционными для советской историографии, «мнений» Дж. Кука о возможности (точнее, скорее «невозможности») существования южного материка. Прочитировав в свою очередь, ставший уже «классическим» абзац из книги Дж. Кука (эту книгу в переводе с английского и с комментариями Я.М. Света, Географгиз издал в 1948 году [Джемс 1948]), А.И. Соловьев считал, что в открытии Антарктиды «...сказалось

превосходство русской научной мысли над географической мыслью Запада» [Соловьев 1951: 3].

«Русские ученые, – писал он, – были уверены в существовании Южного материка (в этом был уверен и Дж. Кук! – *А.О.*), и экспедиция была снаряжена специально для его открытия. ...16 января (ст. ст.) (старого стиля. – *А.О.*) 1820 г. их труд увенчался замечательным успехом. В этот день был открыт последний – шестой материк – Антарктида. Описания неподвижных, бугристых «матерых» льдов, которые оставили Беллинсгаузен и его спутники, удивительные по своей точности, не оставляют сомнений в том, что русские моряки отчетливо понимали (! – *А.О.*) значение своего открытия.

Второй раз шлюпы подошли к покрытой «матерыми» льдами окраине Антарктиды 21 января и в третий раз 5 февраля 1820 г. Это историческое событие произошло в районе «Земли принцессы Марты» и «Земли принцессы Рагнхильды».

Приведем хотя бы свидетельство мичмана П.М. Новосильского. В своих записках («Южный полюс...». – *А.О.*) он отметил: «5 февраля, при сильном ветре тишина моря была необыкновенная. Множество полярных птиц и снежных петрелей (буревестников) вьется над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды».

...9 января 1821 г. ...был открыт остров... Петра I...

16 января 1821 г. ...вновь показалась суша.

...«Это был новый участок обширной антарктической суши – южнейшей из всех донныне известных земель на земном шаре» (Симонов). Мореплаватели назвали ее берегом Александра I.

Так было завершено открытие Антарктического материка» [Соловьев 1951: 3–4].

Именно такой, продемонстрированный А.И. Соловьевым подход к трактовке событий, оценке основных результатов и главных итогов Первой русской антарктической экспедиции, начинал получать свое право на существование в советской историографии. Это были уже не (всего лишь годичной давности) рассуждения А.И. Андреева [Андреев 1949(б)] о некоем, «ведении – неведении» участников экспедиции; его же фактическая солидарность с дебенхэмовской версией о «нескольких часах ясной погоды» и пр. С другой стороны, привычный уже для советской историографии «парадокс»: сборник открывала эклектичная, расходящаяся с упомянутым только что подходом А.И. Соловьева, статья (доклад) Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». Сложившаяся в изрядно политизированной советской историографии «табель о рангах», несмотря ни на что, должна была соблюдаться.

Интересно, что характеризуя доклад «покойного президента Географического общества Союза ССР академика Л.С. Берга», А.И. Соловьев сообщил лишь, что читатель найдет в этом докладе «краткий

обзор тех событий, которые развернулись за последнее время в связи с вопросом о режиме Антарктики» [Соловьев 1951: 4]. Как видно, ни словом не упомянув при этом собственно источниковедческих (историографических) «заслуг» академика, в освещении экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Излишняя политизированность написанного А.И. Андреевым предисловия, сказалась в том, что в это предисловие полностью был «встроен» текст Меморандума Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики.

«Это четкое и ясное заявление нашего Правительства, – подчеркивал А.И. Соловьев, – показывает, что СССР, кровно (! – А.О.) заинтересованный в решении вопроса об управлении Антарктикой, стремится к тому, чтобы этот вопрос решился на основе исторической правды и исторического права (видимо подразумевалось «право первооткрывателей», или «право первооткрытия». – А.О.)» [Соловьев 1951: 7].

Приведенные выше несколько сумбурные рассуждения А.И. Андреева о датировке письма М.П. Лазарева А.А. Шестакову [Андреев 1949(в): 169–170], теперь, очевидно в исполнении Я.М. Света, выглядели гораздо стройнее и логичнее. В частности, в тексте «Комментариев и примечаний» говорилось: «Текст письма впервые был напечатан в «Морском сборнике», 1918, № 1, неофиц. (неофициальный. – А.О.) отдел, стр. 53–63, с безусловно ошибочной датой «24 сентября 1824 г.» (в 1824 г. М.П. Лазарев совершил третье кругосветное плавание на фрегате «Крейсер»). Дату письма можно установить на основании косвенных указаний, в нем содержащихся. ...Таким образом, можно считать, что письмо М.П. Лазарева к А.А. Шестакову написано **вскоре после 28 сентября 1821 г.** (выделено в тексте. – А.О.)» [Русские 1951: 286–287].

Показательно на фоне приведенных выше восторженных отзывов о Л.С. Берге, якобы с «огромной любовью» описывавшего экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева, непревзойденного ее «знатока» и т. п., не использование академиком, в своем докладе 10 февраля 1949 г., этого важнейшего исторического источника. Л.С. Берг не цитировал те строки письма, где М.П. Лазарев, говорил о «матером льде чрезвычайной высоты», не цитировал он и тех строк, в которых говорилось о том, что дальше суда «всегда встречали льдиный материк, не доходя 70°» [Русские 1951: 23]. «Великому» патриоту Л.С. Бергу, больше приглянулось эпическое восклицание М.П. Лазарева, писавшего другу: «Каково ныне русачки наши ходят!» [Русские 1951: 23]. Именно это лазаревское восклицание, использовал Л.С. Берг в своем докладе на общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР [Русские 1949(а)].

Так все-таки прав И.М. Забелин, отзывавшийся о трех изданиях книги Л.С. Берга, что: «все три издания... скучны и мелочны в отборе материала»? «Не уверен впрочем, – продолжал И.М. Забелин, – что

слово отбор – точно; мышлению Л.С. Берга более свойственен как раз «неотбор», неспособность отсеивать мелочное от фундаментального в своем восприятии мира. Мелочь искажала и перспективу, и очертания большого – большое уменьшалось, а малое увеличивалось, и разрушалась естественная систем координат...» [Забелин 1989: 189].

Есть и еще один небезыңтересный, и, прямо связанный с этим момент, позволяющий считать, что когда это было необходимо, с «системой координат» у Л.С. Берга было все в порядке. Не цитируя приведенных слов М.П. Лазарева, президент ВГО академик Л.С. Берг в своем официальном докладе (впрочем, эти слова не попали в текст доклада Л.С. Берга, опубликованный в газете «Известия» [Русские 1949(а)], зато практически во всех последующих «перепечатках» доклада, это цитирование присутствует) счел целесообразным привести пространную цитату «из Кука». Вот она: «29 января 1774 года под 71°10' южной широты и 106°54' западной долготы, в районе теперешнего моря Амундсена, западное моря Беллинсгаузена, Кук достиг сплошного ледяного барьера, простиравшегося на необозримое расстояние. Не было никакой возможности пробиться сквозь эти льды, и Кук оставил дальнейшие поиски» [Берг 1951(б): 9].

Относительно этого места в письме М.П. Лазарева, где он, описывает экспедиционный день 16 января 1820 г., в «Комментариях и примечаниях» было указано следующее: «Беллинсгаузен в своих «Двукратных изысканиях» дает для 16 января другую широту (69°21'28'' S) и долготу (2°14'50'' W), которых достиг «Восток»; он же сообщает, что в последние 24 часа видели снежно-белых и голубых петредей и слышали крик пингвинов. В этот день шлюпы были на расстоянии не более 20 миль от берега, названного Норвежской антарктической экспедицией 1929 г. Землей принцессы Марты. Таким образом, 16 января 1820 г. русские моряки шлюпов «Восток» и «Мирный» впервые подошли к окраине Южного материка и тем самым первыми его открыли» [Русские 1951: 287–288].

Если в первой части этого абзаца можно обнаружить результаты сравнительного анализа, проведенного И.П. Магидовичем [Бейкер 1950: 555, сноска 4], то во второй, не менее четко прослеживаются «веяния» А.И. Андреева, писавшего о том, что «16 января 1820 г. русские моряки... впервые подошли близко к Южному матерiku и тем самым первыми его открыли» [Андреев 1949(в): 168]. Правда, приведенные до этого, а также последующие рассуждения А.И. Андреева, были проникнуты эклектизмом, а то и попросту сумбурны [Овлащенко 2013: 215–217].

Совершенно непонятным в рассматриваемом сборнике был комментарий Я.М. Света на фразу из письма М.П. Лазарева, который писал, что «берег сей получил название Александра I и, вероятно, ...состоит из одного, а может быть и нескольких островов» [Русские

1951: 25] (т. е., уже сам первооткрыватель делал верные физико-географические выводы. – *А.О.*). Комментарий к этому фрагменту (сделанный в 1951 г.! – *А.О.*), звучал так: «Как установлено в 1937 г., Берег Александра I является частью материка Антарктиды, от которого он отделен узким проходом» [Русские 1951: 289]. Да, боялась советская историография называть остров (Берег) Александра I – островом (вероятные причины уже были рассмотрены выше).

Через всю советскую историографию в конце 40-х – начале 50-х годов, своеобразной «красной нитью» проходит противопоставление Дж. Кука и русских мореплавателей, их заслуг. Помимо уже упомянутой, фальсифицированной в основе своей критики в адрес Дж. Кука, данной во введении к рассматриваемому сборнику А.И. Соловьевым, в «комментариях и примечаниях» составители сочли необходимым опять вернуться к этому вопросу. После цитаты из Дж. Кука, автор комментариев писал: «...Этому мрачному предсказанию не суждено было сбыться. Русские мореплаватели проникли в необследованные моря Антарктики и открыли южный материк...» [Русские 1951: 297].

Вполне устоявшейся в советской историографии становилась, та точка зрения, что «вопрос о происхождении коралловых островов нашел блестящее объяснение в работах Ф.Ф. Беллингаузена». В очередной раз (как и, в прокомментированной выше, заметке А.В. Ступишина [Ступишин 1950]) был «принесен в жертву» Ч. Дарвин. Комментаторы писали: «Беллингаузен за много лет до Дарвина рассматривал коралловые острова как образования, возникающие в ходе сложного геологического процесса...» [Русские 1951: 299].

Не может не привлечь к себе внимание примечание под номером 133: «Новосильский П.М. Шестой континент, или краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса, с картой. СПб., 1854» [Русские 1951: 302]. Сделано оно было после следующих слов П.М. Новосильского из помещенной в сборнике, его работы «Южный полюс»: «Мне казалось также полезным присоединить к этой книжке известия о всех последующих к Южному полюсу плаваниях, имевших целью открытие антарктических земель, но обилие довольно интересных материалов заставляет издать сведения о новом шестом континенте отдельной книжкой» [Русские 1951: 192].

Похоже, что это вообще было одним из первых упоминаний в советской историографии, столь важной работы П.М. Новосильского – «Шестой континент» [Шестой 1854]. К самому первому, такому упоминанию, можно судя по всему отнести библиографическое описание этой книги, данное в списке библиографии к первому советскому переизданию книги Ф.Ф. Беллингаузена. Старший библиограф Н.С. Богаткина дала такое описание: «Шестой континент или краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса, Изд. 3-е, доп. СПб., тип. Имп. Акад. наук, 1854, IV, 59 стр., 1 карта.

Об экспедиции капитана Беллинсгаузена – см. стр. 2–3» [Беллинсгаузен 1949: 356].

Не вполне понятно, почему Н.С. Богаткина решила так «сузить», ограничить («стр. 2–3»), тот материал, который был посвящен в книге русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. На самом деле, в книге сравнительно небольшого объема – около 60 страниц – этой экспедиции посвящено, по крайней мере два десятка страниц. Среди них, к примеру, можно найти следующее свидетельство П.М. Новосильского: «Шлюпы достигнув до 69°25' ю. ш. и 2°15' з. д. остановлены были в дальнейшем на юг плавании *неподвижным ледяным берегом* (выделено мною. – А.О.), усеянным бесчисленными кусками льда, один на другой взгроможденными, и поэтому должны были повернуть на север» [Шестой 1854: 8]. Это утверждение П.М. Новосильского прошло вообще незамеченным в советской историографии, либо сознательно замалчивалось.

Составителю библиографии Н.С. Богаткиной рецензенты ставили в вину, что она не указала в своем списке книгу П.М. Новосильского «Южный полюс» [Кушнарев, Васильев 1950: 119–120], но, при этом, автор вводной статьи к книге Ф.Ф. Беллинсгаузена Е.Е. Шведе, оперировал содержанием именно этой книги («анонимная брошюра, написанная П.М. Новосильским», как называл эту книгу Е.Е. Шведе), а о книге «Шестой континент» не упоминал вовсе. Отчего-то, при явном «неизбытке» источников об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, советская историография, далеко «не спешила» использовать работу непосредственного участника этой экспедиции. «Нежданный гость» советской историографии – мичман П.М. Новосильский, оказался во многом для нее – гостем нежеланным. Возможно, что «идеологам от истории», что-то не понравилось в дальнейшей биографии этого военного моряка (также возможно, что Е.Е. Шведе, не устроили «излишние излияния верноподданических чувств» со стороны П.М. Новосильского, и которые, первый «изъял» из редактируемой им книги Ф.Ф. Беллинсгаузена [Шведе 1949(а): 5]).

Известно, что после возвращения из экспедиции, П.М. Новосильский был назначен в сентябре 1821 г. корпусным офицером в Морской кадетский корпус, преподавал гардемаринам навигацию, астрономию и высшую математику. По воспоминаниям его ученика, будущего адмирала А.И. Зеленаго, пользовался любовью и уважением. 20 сентября 1824 г. – произведен в лейтенанты. Вот что сообщает дальше, трехтомный биографический словарь «Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры». В феврале 1825 г. П.М. Новосильский выдержал в Петербургском университете установленный для гражданских чиновников экзамен, в августе того же года «вышел из военной службы» и переведен в Министерство народного просвещения. Здесь он в 1825–1828 гг. служил в канцелярии министра столоначальником по духовным делам иностранных исповеданий, с

1825 г. исполнял обязанности заведующего. С 1831 г. утвержден правителем канцелярии министра, а с введением должности директора канцелярии в 1835 г., стал ее директором.

Проработав некоторое время в другом учреждении, 6 октября 1838 г. П.М. Новосильский по просьбе прокурора Синода занимает должность директора хозяйственного управления Синода. Впоследствии работал в Министерстве внутренних дел директором департамента духовных дел иностранных исповеданий, а в последние годы жизни цензором Петербургского цензурного комитета. 5 мая 1862 г. П.М. Новосильский уволился из цензурного комитета согласно прошению по состоянию здоровья и выехал за границу для лечения, где и умер. Награжден орденами, знаком отличия беспорочной службы за 35 лет. Имел чин действительного статского советника. Похоронен в Берлине, на городском кладбище Луизы.

Кроме своих работ «Южный полюс» и «Шестой континент», П.М. Новосильский автор и многих других научно-популярных работ, опубликованных как отдельными книгами, так и в различных журналах, посвященных естественно-научным проблемам, географии, астрономии. Помещал статьи в журналах «Сын Отечества», «Журнал Министерства народного просвещения», перепечатывавшиеся затем отдельными брошюрами и оттисками. Свои работы публиковал в большинстве случаев анонимно или под псевдонимами. Состоял действительным членом Русского Географического Общества. Именем Новосильского Ф.Ф. Беллинсгаузен назвал один из заливов на о. Южная Георгия [Шилов 2013].

Можно ли говорить об интересе к Антарктике в широких кругах русского дореволюционного общества, в частности в середине XIX века? Через тридцать три года после окончания экспедиции, в 1854 году П.М. Новосильский писал о своих книгах: «Издавая этот беглый очерк плаваний к южному полюсу, я надеялся, что при всей его краткости, он принесет некоторую пользу, потому что ни на отечественном, ни на иностранных языках нет еще особого сочинения о *южном континенте* (курсив в тексте П.М. Новосильского. – *А.О.*), первоначальное открытие которого, по всей справедливости, принадлежит Русским мореплавателям. Успех был выше моей надежды. В самое короткое (! – *А.О.*) время, все экземпляры *шестого континента* и *южного полюса* были разобраны и отзывы о них в отечественных повременных сочинениях (периодических изданиях. – *А.О.*), так были снисходительны и благосклонны, что я предположил, со временем, издать *южный полюс* в более обширном объеме и с рисунками. Между тем, для удовлетворения поступающих на шестой континент в значительном количестве требований, напечатал эту книжку сначала вторым и потом ныне третьим (! – *А.О.*) изданием, с некоторыми пополнениями» [Шестой 1854: III–IV].

На что же рассчитывал тогда советский фальсификатор (и якобы «первооткрыватель», что он и подчеркивал буквально в каждой своей публикации) Б.Г. Островский, когда писал: «Однако странная судьба постигла книгу мичмана П.М. Новосильского..., которую мне удалось обнаружить летом 1948 года в одном из книгохранилищ Ленинграда. ...Вероятно, вследствие того, что книга появилась анонимно, под общим и весьма неопределенным названием «Южный полюс (куда уж определеннее! – *А.О.*). Из записок бывшего морского офицера», никак нельзя было заключить, что речь идет о *русском* офицере, участнике *русской* (выделено в тексте. – *А.О.*) антарктической экспедиции; вероятно, вводил в заблуждение и год издания книги – более чем через тридцать лет после окончания экспедиции (ну совсем никаких шансов не хотел оставлять Б.Г. Островский русскому обществу тех лет, когда рисовал «интеллектуальный потенциал» последнего. – *А.О.*). Ничего нет удивительного, что книга не привлекла внимания современников и прошла совершенно (*sic!* – *А.О.*) незамеченной.

...Основным стимулом, побудившим Новосильского издать свою книгу, было желание возможно шире популяризовать поход, в котором ему довелось принять участие. ...Книга Новосильского, ее судьба ни в какой мере не оправдали желания ее автора: широко популяризовать антарктическую экспедицию русских» [Островский 1949(б): 97].

Приведенные в предыдущем [Овлащенко 2013], а также в настоящем исследовании выдержки из целого ряда работ советских авторов, писавших об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, дают веские, как косвенные, так и прямые основания утверждать, что им (в первую очередь, тому же Л.С. Бергу) прекрасно были известны книги П.М. Новосильского, причем известны они им стали, гораздо раньше, чем произошло официальное «открытие» одной из этих книг Б.Г. Островским. «Открытие» Б.Г. Островского, стало официальным «брендом» советской науки тех лет [Овлащенко 2013: 280]. Так, профессор С.В. Калесник, упоминая в одной из своих публикаций 1949 года работу мичмана П.М. Новосильского, добавляет что «заслуга установления авторства Новосильского принадлежит Б.Г. Островскому» [Калесник 1949(б): 81, сноска 1].

Оценки и трактовки Б.Г. Островского сразу же подхватила чутко (точнее конформистски) настроенная советская историография. В сентябрьской за 1949 год книжке «Морского сборника», два советских военно-морских специалиста «бодро» рапортовали: «Даже отчет Беллинсгаузена об экспедиции..., изданный в 1831 г., был предан забвению. Труд другого участника экспедиции, П. Новосильского, – «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» (1853 г.) – остался незамеченным» [Морозов, Никульченков 1949: 51]. Согласно иным, гораздо более реалистичным оценкам, опубликованная П.М. Новосильским книга воспоминаний «Южный полюс...» (1853), у современников имела «несомненный интерес», и, «в отличие от

капитального труда Ф.Ф. Беллинсгаузена, давала живое описание и наблюдения очевидца и участника экспедиции» [Шилов 2013] (в любом случае, наиболее объективными представляются приведенные выше, оценки самого П.М. Новосильского. – *А.О.*).

Несколько более осторожны в оценках были другие, современные российские авторы: «Историческое плавание Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в Антарктику, завершённое в 1821 г., понемногу стерлось (?! – *А.О.*) в памяти многих, затененное последующими мировыми и российскими событиями. И несмотря на это книга («Южный полюс...». – *А.О.*) привлекла внимание читателей, ибо просто и непосредственно рассказывала о походе к Южному полюсу, о героизме российских моряков» [Беллинсгаузен 2008: 965–966]. Эти же российские специалисты пишут, что «автор повествования был определен почти сразу – П.М. Новосильский, бывший во время плавания под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена мичманом на шлюпе «Восток» [Беллинсгаузен 2008: 966] (на самом деле П.М. Новосильский, был мичманом на шлюпе «Мирный», плававшем, как хорошо известно, под командой М.П. Лазарева. – *А.О.*).

Правда, что в данном контексте, означает «почти сразу», не до конца понятно: определение авторства П.М. Новосильского его же современниками, в частности, рецензентами его работы, или же советским «первооткрывателем» книг П.М. Новосильского, Б.Г. Островским? Последний писал: «...Автор нигде не называет своей фамилии, но просто говорит о себе в первом лице: «я». Раскрыть это «я» не представляет больших затруднений. На «Мирном» находилось 5 офицеров: трое лейтенантов, в числе их командир Лазарев, затем Обернибесов и Анненков и два мичмана: Куприянов и Новосильский. За исключением последнего, все четыре офицера упоминаются по фамилиям неоднократно, в различных комбинациях... Из этого можно было сделать вывод, что автором книги является никто иной, как неупоминаемый мичман П.М. Новосильский» [Островский 1949(а): 242–243].

Вслед за этим, у Б.Г. Островского под его текстом, шла сноска такого содержания: «Петр Новосильский, как находим у Симонова» [Островский 1949(а): 242, сноска 1]. Опять же непонятно, зачем надо было искать эти, к тому же неправильные сведения, «у Симонова»? Следует подчеркнуть, что Б.Г. Островскому прекрасно была известна работа Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831), которую сам, этот советский географ, охарактеризовал так: «Труд Беллинсгаузена – главный источник по историческому плаванью «Востока» и «Мирного», но не единственный» [Островский 1949(а): 242]. А в самом, этом «главном источнике», среди команды шлюпа «Мирный» четко указан, не «Петр», а мичман – Павел Новосильский.

Позволительно предположить, что упомянутое современным российским исследователем «узнавание» П.М. Новосильского, «почти

сразу», все-таки подразумевает определение его авторства, его же современниками. С другой стороны в российском, «четвертом издании» книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, можно прочитать следующее: «Новосильский в 1854 г. под свои именем издал книгу «Шестой континент, или Краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса с картою» (СПб., 1854), в которой отметил, что посчитал целесообразным издать отдельно от описания плавания исторический очерк исследования, зучения Южного полюса – Антарктиды» [Беллинсгаузен 2008: 966]. Если речь идет о книге П.М. Новосильского «Шестой континент...», изданной в 1854 году, то это 3-е, ее издание, также вышло без указания авторства. Авторское предуведомление было подписано так: «бывший Морской Офицер» [Шестой 1854: IV]. Лишь в приложенной к этой книге карте с изображением южнополярных пространств, есть надпись: «Рисовал Гард. (гардемарин? – А.О.) Анд. Новосильский» (но, не П.М. Новосильский. – А.О.).

Автору, не ставившего себе в качестве основной задачи анализ русской дореволюционной историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, удалось обнаружить только один источник, связанный с упомянутыми П.М. Новосильским на его книги, благосклонными отзывами в отечественных «повременных сочинениях» (т. е. периодических изданиях). В апрельской книжке «Морского сборника» за 1855 год в разделе «Библиография», был проведен обзор изданной в 1854 году русской морской литературы.

Автор обзора – Н. М-н, разбирая работу «Шестой Континент или краткое обозрение плаваний к югу, от Кука до Росса. С двумя картами, 3-е издание», писал: «Эта брошюра составляет необходимое дополнение к другой книжке того же автора (Новосильского) (как видно, современники быстро разобрались, «кто есть кто». – А.О.): Южный полюс. ...Показаны в последовательном порядке все открытия, сделанные в последнее время и заставляющие предполагать, что все... разорванные острова составляют один материк. Эту-то мысль и старается доказать автор в своей брошюре. ...Для большей же очевидности, автор изобразил на карте все открытия у южного полюса, сделанные, через двадцать лет после русских мореходцев, Дюмон-Дюрвилем и Россом. ...«После всех этих путешествий», говорит автор в заключении своей брошюры, «существование огромного южного материка (курсив в тексте. – А.О.) не подлежит более сомнению. Честь первого открытия его, по справедливости, должна принадлежать русскому мореплавателю Беллинсгаузену» [Н. М-н 1855: 8–9].

Внутри этой рецензии, есть ссылка на другую рецензию: «Эта брошюра («Шестой континент...». – А.О.) составляет необходимое дополнение к другой книжке того же автора (Новосильского): *Южный Полюс*, о которой мы говорили в Обзоре Русской Морской Литературы за предыдущее трехлетие [Н. М-н 1855: 8] (См. вторую ст. в 8 кн. «Морского Сборника» за 1854 год)» [Н. М-н 1855: 8, сноска]. В этой

связи в очередной раз, можно высказать пожелание о поиске всех, связанных с книгами П.М. Новосильского материалов (как и об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в целом), путем сплошного обследования многочисленных дореволюционных изданий и сборников, просмотра каталогов российских библиотек. Возможно, что в результате удастся обнаружить и ввести в научный оборот немало материала, представляющего ценность, но «забытого» и «затерянного».

По-своему интересна экспедиционная запись П.М. Новосильского от 1(13) февраля 1821 г.: «...В одиннадцать часов вечера... прошли мимо небольшого ледяного острова (айсберга. – *А.О.*) и навсегда с ним простились. Едва ли кто-нибудь из нас опять их увидит: путешествия к южному полюсу принадлежат к числу редко предпринимаемых» [Южный 1853: 86]. Едва ли сам, П.М. Новосильский предполагал, что следующая, организованная Россией экспедиция в южные полярные моря, состоится, через долгие 135 лет – это будет 1-я Советская антарктическая экспедиция 1956 г. А книги самого мичмана – одного из лучших представителей образованных русских моряков-патриотов XIX в. – у себя на родине, действительно, в дальнейшем будут преданы забвению, точнее – подвергнуты замалчиванию со стороны отрабатывающих конкретный социальный заказ псевдоученых. Помимо «забытости» книг (в смысле, их непереиздания и замалчивания) П.М. Новосильского, уровень внимания государства к Антарктике наглядно демонстрирует следующий факт: второе издание фундаментальной книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, увидело свет в нашей стране только в 1949 году [Беллинсгаузен 1949] – без малого через 130 лет! Книга вышла относительно небольшим для Советского Союза, тиражом – 20 000 экземпляров.

Кстати в записках П.М. Новосильского «Южный полюс», им самим, с сожалением было отмечено, что книга Ф.Ф. Беллинсгаузена – с немалыми перипетиями, изданная только в 1831 году, т. е. через десять лет после окончания экспедиции (причем с чужим и далеко не всегда хорошим редактированием; согласно Е.Е. Шведе, «по вопросу о редактировании книги Беллинсгаузена в архивных делах существует целый том переписки» [Шведе 1949(а): 4]), «в настоящее время довольно уже редкая, так что многие из наших важнейших библиотек ее не имеют» [Южный 1853: 6/с]. В 1831 г. книга Ф.Ф. Беллинсгаузена была отпечатана в количестве 600 экземпляров. Для сравнения: после посещения в 1823 г. антарктических вод Дж. Уэдделлом, уже в 1825 г. вышло «изящно изданное» (по словам француза В. Фонвиеля [Фонвиель 1896: 84]) описание его путешествия. Не затягивали с изданием отчетов о путешествиях своих соотечественников в Антарктику и в других странах.

Но вернемся к «Комментариям и примечаниям», помещенным в сборнике «Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах». Так, на текст П.М. Новосильского («...В полдень, в широте 69°25′,

долготе 2°15' западной, сквозь шедший снег открылся впереди сплошной лед; приведя в бейдевинд, шли этим курсом еще две мили и достигли до обширного ледяного поля, усеянного пригорками и простиравшегося от востока чрез юг на запад; надо было выйти из этой бухты, почему и поворотили на северо-запад» [Южный 1853: 29; Русские 1951: 218]) дан был такой комментарий: «16 января 1820 г. сюда (суда? – *А.О.*) впервые подошли к окаймленному неподвижными льдами (береговым припаем) краю Антарктического материка, близ берегов земли принцессы Марты» [Русские 1951: 302].

Для сравнения можно привести редакционные примечания Е.Е. Шведе, данные им, к соответствующим местам книги Ф.Ф. Беллинсгаузена (в том числе, к тем, где сам Е.Е. Шведе цитировал фрагменты текста П.М. Новосильского). У Е.Е. Шведе: «В этот момент Беллинсгаузен находился в расстоянии не более 20 миль от материка Антарктиды в районе так называемой Земли принцессы Марты. В своем предварительном донесении из Порты-Жаксона Беллинсгаузен писал, что 16 января он проник на юг до широты 69°25', в долготе 2°10' (западной). Пасмурная погода не дала Беллинсгаузену с уверенностью утверждать, что он открыл Антарктиду. – *Ред.*» [Беллинсгаузен 1949: 110, сноска 2].

На другой фрагмент текста П.М. Новосильского («Капитан Беллинсгаузен опять идет к югу; ночью на 21 генваря впереди стали показываться льды. В 2 часа мы шли (у П.М. Новосильского несколько иначе: «В два часа мы уже шли...» [Южный 1853: 29]. – *А.О.*) посреди разбитого льда, а далее простиралось сомкнутое ледяное поле, в котором затерто было до 50 ледяных островов; итти вперед уже не было возможности (у П.М. Новосильского: «итти вперед не было уже ни малейшей возможности» [Южный 1853: 29]; здесь уже, как видим, исправление сущностного характера и редакторы, надо полагать, считали, что продвигаться вперед «возможность» была. – *А.О.*); надлежало поворотить и взять курс на северо восток» [Южный 1853: 29]) в сборнике, дан был следующий редакционный комментарий: «21 января, как отмечает Беллинсгаузен, корабли экспедиции находились на 69°25' ю. ш. и 1°11' з. д. От этого пункта до материка не более 30 миль, как и в день 16 января. Экспедиция в этот день вторично подошла к окраине Антарктиды. Установив пределы распространения неподвижных «матерых» льдов, она тем самым указала границу открытого ими шестого материка» [Русские 1951: 302].

Редакторское примечание Е.Е. Шведе к тексту Ф.Ф. Беллинсгаузена, на этот раз, было предельно лаконичным: «Беллинсгаузен вновь находился в расстоянии около тридцати миль от материка Антарктиды» [Беллинсгаузен 1949: 112, сноска 1].

Наконец, на особо отмеченный П.М. Новосильским, экспедиционный день – 5 февраля 1820 г. [Южный 1853: 31; Русские 1951: 219], в сборнике последовал такой комментарий: «Описание П.М.

Новосильского от 5 февраля 1820 г. и соответствующее место в «Двукратных изысканиях» Беллинсгаузена не оставляет сомнений, что и сам Беллинсгаузен и его спутники прекрасно понимали, что они находятся вблизи берега, который, как известно, и открыт был здесь в 1931 г. (Земля принцессы Рангхильды)» [Русские 1951: 302].

В свою очередь, Е.Е. Шведе дал следующий, свой комментарий на текст Ф.Ф. Беллинсгаузена: «В третий раз русская экспедиция находилась вплотную к материку Антарктиды. Беллинсгаузен, по-видимому, считал, что перед ним материк, что видно из следующих слов его предварительного донесения, присланного в Россию из Порт-Жаксона: «...не прежде как с 5-го на 6-е число дошел до широты 69°7'80" южной (в отчете Ф.Ф. Беллинсгаузена: «S 69°7'30"»), долготы 16°15' восточной. Здесь за лдяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается (в публикации 1823 года: «...и который продолжался...» [Донесение 1823: 212]. – *А.О.*) по мере нашего зрения, возвышаясь к югу *подобно берегу*» (курсив наш). Лишь исключительная добросовестность не позволила ему уже тогда заявить об открытии русскими Антарктиды, поскольку все же у него не было полной уверенности, что «материк льда», «возвышаясь к югу подобно берегу», действительно является сушей. – *Ред.*» [Беллинсгаузен 1949: 118, сноска 1].

Заметка «Пингвин – птица Антарктики» (1950). В опубликованной в 1951 году в журнале «Вокруг света», совсем короткой заметке, можно было прочитать следующее: «Моряки русской антарктической экспедиции на шлюпах «Восток» и «Мирный» с интересом наблюдали на одном из вновь открытых ими островов громадные скопления пингвинов.

...«Это птицы – не птицы, звери – не звери, на них перья – не перья, шерсть – не шерсть...», – так рассказывал о пингвинах один из участников экспедиции.

...Пингвинов наблюдали в Антарктике и участники многократных рейсов в Антарктику советской китобойной флотилии «Слава».

«...Нередко встречаются пингины, отдыхающие на льду..., – записал один из участников первого антарктического похода советских китобоев» [Пингвин 1951: 34].

И хотя в этой короткой заметке нет никаких указаний на первооткрытие Антарктиды, понятно, что смысл ее – показать преемственность в деле изучения и освоения Антарктики. Кстати, не столько уж «многократными», были к моменту публикации этой заметки, походы советских китобоев. Но и эти, немногочисленные пока походы, давали свои не только собственно промысловые, но и научные результаты. Например, в одной из опубликованных в 1951 году статей, особо отмечалось, что «в третьем и четвертом промысловых рейсах советской китобойной флотилии «Слава», собраны данные о

содержании витамина А в печени кашалотов..., блювалов, финвалов и горбачей, добытых в одном и том же районе» [Мрочков 1951: 54].

Также немаловажным моментом было цитирование в заметке «Пингвин – птица Антарктики», рассказа участника Первой русской антарктической экспедиции, поскольку в дальнейшем, в частности в книгах, написанных участниками советских антарктических экспедиций, работы участников экспедиции 1819–1821 гг. цитировались не так уж и часто (а то и просто не упоминались, как и сама, эта экспедиция).

Заметка С. Маркова «Герой Антарктики и Наварина» (1951). В марте 1951 года в журнале «Вокруг света» (в рубрике «Наша летопись») была опубликована заметка С. Маркова «Герой Антарктики и Наварина». Заметка была посвящена столетию со дня смерти адмирала М.П. Лазарева.

В частности, автор заметки писал: «В 1819 году Лазарев, командуя шлюпом «Мирный», принял участие в историческом походе русских кораблей к берегам далекой Антарктики, чем сделал бессмертным свое имя.

...Герой Антарктики и Наварина похоронен в Севастополе» [Марков 1951: б. с.]. Как видно, С. Марков избежал, какого бы то ни было указания на факт открытия Антарктиды русской экспедицией.

Русское издание книги Ч.Ч. Хайда «Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки» (1951). В 1951 году Издательство иностранной литературы, выпустило в свет русский перевод книги Ч.Ч. Хайда «Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки» (тираж этого издания, был предназначен специально для научных библиотек). Перевод был осуществлен по второму, пересмотренному изданию 1947 года (Бостон).

Для настоящего исследования интерес представляют международно-правовые рассуждения, подходы и выводы, продемонстрированные редактором русского перевода (автором предисловия и примечаний) кандидатом юридических наук Б.А. Драновым. Вопросы режима Антарктики становились существенно важными для Советского Союза, поэтому уже в предисловии ко второму тому издания, Б.А. Дранов обратил на эти вопросы особое внимание.

В частности, он писал: «В свете обширной экспансионистской программы Соединенных Штатов весьма обращает на себя внимание параграф (этот параграф из книги Ч.Ч. Хайда, был основан на его статье, опубликованной еще в 1934 году в США, соответственно переработанной и расширенной. – *А.О.*)..., посвященный вопросам Антарктики. Известно, что районы Антарктики в последнее время привлекают особенное внимание империалистических хищников и в первую очередь Соединенных Штатов. Американские монополии проявляют большую активность, пытаясь прибрать к рукам эти, как выражается Хайд, «вожделенные районы» (*coveted areas*). ...Хайд,

разумеется, старается замаскировать агрессивные замыслы США в Антарктике. Он даже пытается заверить, что США, дескать, не выдвигают прямых притязаний на Антарктику, хотя, как известно, именно Соединенные Штаты являются инициаторами закулисных переговоров о статуте Антарктики, переговоров, которые ведутся за спиной великого Советского Союза и которые имеют целью передать Антарктику под американско-английский контроль.

Лицемерно утверждая, что «Соединенные Штаты не проявляли склонности использовать деятельность американских исследователей в целях приобретения права суверенитета на полярные районы»..., Хайд «на всякий случай» подчеркивает в примечаниях, что экспедиции различных американских исследователей, вроде Пири, Берда, Элсворта, декларировали присоединение обширных антарктических районов к США.

Миф об отсутствии у США притязаний на антарктические районы невольно разоблачается самим Хайдом, когда он указывает, что правительство США «отдает себе отчет, что действия некоторых американских исследователей могут рассматриваться... как достаточное основание для того, чтобы Соединенные Штаты предприняли соответствующие меры к утверждению права суверенитета над районами, взятыми во владение от их имени»...

Оказывается далее, что якобы «не имеющие притязаний» Соединенные Штаты даже нотифицировали, что они «резервируют за собой все права, которые могли для них возникнуть из действий некоторых американских исследователей»...

Но Хайд ни одним словом не упоминает об исторических правах Советского Союза в районах Антарктики, пытается замолчать тот факт, что Антарктика была открыта, за много лет до экспедиции Пири, великими русскими мореплавателями Лазаревым и Беллинсгаузеном (можно обратить внимание на «порядковое расположение», у Б.А. Дранова, фамилий этих мореплавателей. – *А.О.*).

Вряд ли можно замалчивание этих неоспоримых фактов объяснить невежеством Хайда. Бесспорно, что мы имеем здесь дело со злостной попыткой игнорировать законные права Советского Союза в деле установления международноправового статута Антарктики. Следует, однако, подчеркнуть, что, как показал исторический опыт, всякие попытки умаления законных прав и интересов СССР заранее обречены на провал» [Дранов 1951(а): 9–10].

Вряд ли однако Ч.Ч. Хайд действительно «пытался замолчать», пока еще, отнюдь не «неоспоримые» факты (поскольку о таких фактах не спешила заявить сама страна-первооткрыватель). Он писал свою работу основываясь на широко, если не единственно распространенных в западной исторической, географической и международно-правовой доктрине, устоявшихся взглядах и подходах. Поэтому все, отмеченные

выше сетования Б.А. Дранова, рассчитаны были в первую очередь на «внутреннего пользователя», т. е. советского читателя.

В своих «Примечаниях редактора», Б.А. Дранов, еще раз повторил некоторые свои же тезисы: «Буржуазные юристы-международники злостно замалчивают неоспоримое право Советского Союза участвовать в решении судеб антарктических земель. Антарктика впервые была открыта в 1820 г. известными русскими мореплавателями и исследователями Беллинсгаузеном и Лазаревым. В результате экспедиции и работ этих выдающихся русских мореходов было доказано наличие суши в районе Южного полюса и тем самым опровергнуты неправильные утверждения иностранных исследователей, ссылавшихся на неудачу антарктической экспедиции английского мореплавателя Джемса Кука. Проникнув за Южный полярный круг, Лазарев и Беллинсгаузен открыли остров Петра Первого, а затем под широтой 68°43' и землю Александра Первого» [Дранов 1951(б): 509–510].

Тут уж, как говорится, все было «свалено в одну кучу». Было ли самим советским специалистам известно, что Антарктида была открыта (а не «впервые открыта») именно в январе 1820 года? Анализ советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, за 20-е – 40-е годы, не дает оснований для такого утверждения. Что же можно было требовать тогда от «злостно замалчивающих» этот факт, зарубежных юристов-международников? К сожалению, советская доктрина международного права не шла далее подобных «громогласных разоблачений», больше подходящих не для предисловия, написанного правоведом к книге его западного коллеги, а для возмещающих об очередном судебном процессе, советских газетных передовиц 30-х годов.

Кого на Западе, к примеру, могли убедить следующие «аргументы»: «Как справедливо указывает авторитетная (для кого? – *А.О.*) резолюция Всесоюзного географического общества от 10 февраля 1949 г., «вопросы Антарктики должны решаться прежде всего теми государствами, которые имеют историческое право на участие в таком решении». Среди них первое место занимает Советский Союз (не участвовавший в антарктических исследованиях и не посылавший в Антарктику экспедиций на протяжении 130 лет? – *А.О.*), народы которого помнят (не помнили об этом не только «народы», но даже, многие и многие профильные специалисты – советские географы и историки. – *А.О.*) о великих заслугах Лазарева и Беллинсгаузена (обратим внимание на то, что Б.А. Дранов, в своем тексте дважды ставит М.П. Лазарева на первое место; это уже вряд ли можно объяснить простой случайностью, совпадением. – *А.О.*), которым принадлежит приоритет открытия Антарктического материка» [Дранов 1951(б): 510].

Поэтому-то и вызвал за рубежом столь спокойно-равнодушную реакцию тот самый, Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики, основанный на невразумительной резолюции

общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР. Последняя, как известно, в свою очередь вобрала в себя положения из невнятного, эклектичного доклада академика Л.С. Берга. А «ломать голову» советским юристам-международникам, было на чем: в сборнике протоколов работ Имперской конференции 1926 г. содержался перечень антарктических районов, в отношении которых «уже существует правовой титул Великобритании, основанный на открытии» (*Parliamentary Papers, 1926, Cmd. 2768, p. 33–34*) [Хайд 1951: 61, сноска 4].

Статья Б.В. Кострицына «К вопросу о режиме Антарктики» (1951). 1951 год был ознаменован публикацией довольно объемной статьи, посвященной правовому режиму собственно Антарктики. Именно этим, она отличалась от статьи В.Н. Дурденевского [Дурденевский 1950], рассматривавшего в своем сравнительно небольшом материале проблемы правового режима Арктики (в первую очередь) и Антарктики.

Статья Б.В. Кострицына (некоторые фрагменты его статьи идентичны фрагментам из проанализированной выше, статьи Б. Леонтьева [Леонтьев 1950]) была опубликована в ведущем советском правовом журнале «Советское государство и право». В частности, этот автор сообщал: «В начале 70-х годов XVIII в. на поиски... загадочной земли отправился английский мореплаватель Джеймс Кук. Но он не достиг антарктического материка и сделал ложный вывод, что на полярном юге земли нет.

Доказать миру, что Южный материк существует, что Кук ошибся, довелось русским мореплавателям Ф.Ф. Беллинсгаузену и М.П. Лазареву, которые 28 января (16 января по старому стилю) 1820 г. открыли существование шестой части света Антарктиды. Мировая наука признала эти географические заслуги Беллинсгаузена и Лазарева. Тем самым исторически за Россией и, по преемству, за Советским Союзом остается приоритет в деле открытия Южного материка.

...Советский Союз обладает неотъемлемым правом первооткрытия Антарктики, а потому – и правом на участие в разрешении вопроса о ее режиме и правом реального использования китобойного промысла» [Кострицын 1951: 38].

Такой «многогранный», вводный пассаж Б.В. Кострицына, не может не вызвать некоторых, пусть даже самых кратких, комментариев. Конечно же такого «вывода» Дж. Кук не делал, а скорее, далал он прямо противоположные выводы. Таким образом, уже устоявшиеся в советской историографии фальсификации, были подхвачены и специалистами из других областей знания, в частности, крайне немногочисленными, занимающимися антарктической тематикой советскими юристами-международниками. Из компоновки текста Б.В. Кострицына следовало, что мировая наука «признала», именно как таковой, факт открытия русской экспедицией Антарктиды, которое было

совершено – 16(28) января 1820 года. На самом деле, пожалуй не было более далекого от признания, со стороны «мировой науки» факта (да еще и в виде «географической заслуги»), как факт первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева именно в указанный день.

Неаккуратным для юриста-международника было «оперирование» Б.В. Кострицыным разными географическими терминами – Антарктида и Антарктика – в одном и том же контексте, а именно, при указании на факт первооткрытия. Впрочем для юриста-международника это было более простительно, чем для академика Л.С. Берга, сообщившего в своем «знаменитом» докладе, что Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев, «...открыли существование Антарктики» [Русские 1949(a)].

Наконец, при справедливом указании на тот факт, что «правовое положение Антарктики является одним из наиболее спорных вопросов международного права», не вполне понятным, был тезис Б.В. Кострицына относительно того, что Советский Союз, «обладая неотъемлемым правом первооткрытия», обладал «и правом реального использования китобойного промысла». Дело в том, что Советский Союз уже несколько лет реально осуществлял в Антарктике китобойный промысел (и, судя по всему, никто его лишать такого права на тот момент не собирался). В 1946 г. в Вашингтоне СССР подписал Международную конвенцию по регулированию китобойного промысла (вступила в силу в 1948 году) [Международная 1956]. Советский Союз стал членом созданной в рамках конвенции для целей ее реализации Международной китобойной комиссии.

Об острове Петра I, Б.В. Кострицын, писал следующее: «В 1931 г. Норвегия заявила претензии на остров Петра I. Королевским указом от 14 января 1939 г. Норвегия подтвердила (? – *А.О.*) аннексию этого острова и заявила права на большой сектор Антарктики площадью 2,9 млн кв. км., т. е. в 7 раз превышающей площадь самой Норвегии.

Советский Союз не признал эту акцию и в официальной ноте от 27 января 1939 г. заявил протест норвежскому правительству и резервировал свою точку зрения относительно государственной принадлежности земель, открытых русскими мореплавателями» [Кострицын 1951: 40].

Называть, совершенные в 1939 г. Норвегией, действия неким «подтверждением» ее же акций – 1929 и 1931 г., потребовалось этому юристу-международнику очевидно для того, чтобы хоть как-то затушевать неизбежный вопрос: почему Советский Союз тогда же – в 1931 году – не заявил Норвегии протест?

Говоря о возможных формах и масштабах американских правоприязнаний в Антарктике, Б.В. Кострицын отметил: «Американское общественное мнение высказывалось в то время (до Второй мировой войны. – *А.О.*) за создание сектора США. Так, журнал «*Scientific American*» в сентябрьском номере за 1937 г., возмущаясь

политикой госдепартамента, который не торопился с созданием американского сектора (в Антарктике. – *А.О.*), патетически восклицал: «Мы, американцы, имеющие законные права на обширные районы этого континента ввиду исследований Берда, даже не поднимаем в конгрессе вопроса о законодательном оформлении наших претензий».

Действительно, позиция «законопослушных» (в отношении в первую очередь своих, внутренних законов, а не норм международного права) США, была выражена в письме на имя А.В. Прескотта 13 мая 1924 г. государственным секретарем Юзом: «...Государственный департамент полагает, что открытие новых земель, не известных цивилизованному человечеству, даже в том случае, когда оно сочетается с формальным взятием их во владение, недостаточно для обоснования юридически действительного притязания на суверенитет, если только открытие не сопровождается фактическим заселением вновь открытой земли (можно подумать что Госдепартаменту не было понятно, что в случае Антарктики, такое «заселение» было нереальным. – *А.О.*). Ввиду того, что не имеется акта конгресса, утверждающего в законодательном порядке власть Соединенных Штатов над землей Вилкса, государственный департамент не считал бы возможным заявить, что Соединенные Штаты обладают правом суверенитета в отношении этой территории» [Хайд 1951: 63–64, сноска 3].

Аналогичную позицию занял Госдепартамент в отношении правопритязаний Франции на Землю Адели. В 1924 г. Франция предъявила свои притязания на Землю Адели, подчинив ее генерал-губернатору Мадагаскара, расположенного от нее на расстоянии около 8000 км. Ч.Ч. Хайд, так описывал развитие этой ситуации: «24 февраля 1939 г. информация о французских притязаниях была сообщена государственному департаменту депешей американского посольства в Париже, к которой была присоединена нота французского министерства внутренних дел. 16 мая 1939 г. американскому посольству были даны инструкции информировать французское правительство о том, что Соединенные Штаты не могут согласиться с тем, что суверенитет возникает только из факта открытия» [Хайд 1951: 61–62].

Конечно, были в самих США и «поползновения» в сторону их суверенитета в Антарктике. Тот же Ч.Ч. Хайд (со ссылкой на *Hackworth*) приводит следующую информацию: «...См. отчет Линкольна Эллсворта с моторного судна «*Wyatt Earp*», 21 января 1936 г., опубликованный в *New York Times*, 22 января 1936 г., стр. 1. В нем между прочим говорится: «Депеша и публикации адмирала Берда показывают, что он заявил от имени Соединенных Штатов притязания на всю территорию, которую он открыл или обследовал к востоку от 150° западной долготы во время своих двух антарктических экспедиций, и что название «Земля Мэри Берд» охватывает всю эту территорию» (письмо государственного секретаря Хэлла члену палаты представителей Данну 28 марта 1936 г., *Hackworth, Dig., I, 454*)» [Хайд 1951: 64, сноска 4].

При этом Ч.Ч. Хайд обращает внимание на очень важный момент американской антарктической политики: «...Другим государствам было нотифицировано, что Соединенные Штаты резервируют за собой все права, которые могли для них возникнуть из действий некоторых американских исследователей. Этим путем были приняты меры для того, чтобы заранее отвести всякие споры о том, что Соединенные Штаты сами отказались от того, что они могли сохранить за собой. Так, 6 января 1939 г. американским посольствам в Лондоне и Париже были даны инструкции резервировать права Соединенных Штатов как в вопросе о воздушных полетах в Антарктике, так и в вопросах территориального суверенитета» [Хайд 1951: 65].

Делая затем «некоторые выводы», Ч.Ч. Хайд писал: «В антарктических районах принятие на себя власти, требуемой для осуществления контроля, не вытекает из одного только факта отнесения данной земли к определенной территориальной единице государства, с которой эта земля географически не связана. Такого рода действия недостаточны, чтобы создать или претворить в жизнь право суверенитета. Значение системы секторов, как она применяется в антарктических районах, и соответствующих законодательных актов заключается, главным образом, в официальном провозглашении объема территориальных притязаний» [Хайд 1951: 66]. Но, именно таких, конкретно оформившихся притязаний, не хватало формирующейся антарктической политике Советского Союза, и на это, разумеется, сразу же было обращено внимание Соединенными Штатами.

В чем был прав Б.В. Кострицын (пользовавшийся в том числе русским изданием книги Ч.Ч. Хайда), так это в том, что США действительно, фактически «признали научные исследования достаточным критерием для завладения антарктическими районами» [Кострицын 1951: 40]. «Так выяснилась, – добавлял от себя этот советский правовед, – истинная цель американских экспедиций в Антарктику» [Кострицын 1951: 40]. Со ссылкой на советский журнал «Проблемы Арктики» (1939, № 6) Б.В. Кострицын сообщал: «В июле 1939 г., выступая в конгрессе США на секретном заседании палаты представителей, адмирал Берд настаивал на том, чтобы США распространили доктрину Монро на антарктические земли в пределах Западного полушария, мотивируя это требование тем, что Земля Грехема (наиболее северная часть Антарктиды) является продолжением территории Южной Америки и, следовательно, находится в пределах действия этой доктрины» [Кострицын 1951: 40].

«Итак, – делал вывод Б.В. Кострицын, – политика США в отношении секторального раздела Антарктики ясна: отрицая политику захвата антарктических земель другими государствами, Соединенные Штаты в то же время готовили условия для захвата всей Антарктики, т. е. по сути дела проводили ту же политику только в

гораздо больших масштабах, считая своим «сектором» весь Антарктический материк» [Кострицын 1951: 40–41].

Оставляя в стороне подобную гиперболизацию, отметим лишь, что выше Б.В. Кострицын уже упоминал американское общественное мнение, высказывавшееся за создание антарктического сектора США. А как относилось к этим вопросам советское общественное мнение? Во всяком случае, никакой широкой пропагандистской кампании о выделении Советскому Союзу антарктического сектора, развернутой в послевоенные годы не было. Возможно, что среди советских специалистов подобная точка зрения и находила более широкое понимание, однако в печать «прорывались» буквально единичные упоминания этой проблемы.

Так, в самом конце 1947 года, орган Министерства рыбной промышленности западных районов СССР журнал «Рыбное хозяйство», опубликовал заключительную часть статьи советского специалиста Б.А. Зенковича, о китобойном промысле СССР и перспективах его развития в Антарктике [Зенкович 1947: 15–21].

По предложению норвежских биологов И. Хьерта, И. Ли и И. Рууда, писал в своей статье Б.А. Зенкович, Южный Ледовитый океан разделен на четыре промысловых сектора: Уэдделла (II), Буве (III), Кергелен (IV) и Росса (V). Сектор I названия не имел, фактически являясь тихоокеанским районом от 170° до 60° з. д. Этот район не посещался китобоями, так как он был объявлен запретным для промысла до 1941 года.

В связи с этим, Б.А. Зенкович обращал внимание на следующее: «Этот район впервые открыт и описан русскими мореплавателями Фаддеем Беллинсгаузеном и Михаилом Лазаревым, руководителями русской ученой экспедиции в южнополярные моря. Русская экспедиция впервые проникла так далеко на юг, опровергнув заявления знаменитого капитана Кука, что дальше него никто не сможет проникнуть на юг (обратим внимание, что в 1947 году, Б.А. Зенкович еще не пишет о том, что Дж. Кук, вообще отрицал существование «Южного материка», т. е. не воспроизводит ставшую потом чуть ли не «официальной» в советской историографии, версию о «взглядах» и «убеждениях» Дж. Кука. – А.О.). За два года русская экспедиция сделала чрезвычайно много для исследования южнополярных стран, и книга Беллинсгаузена... является классическим трудом, имеющим большое значение и в настоящее время» (для 1947 года, эта ремарка Б.А. Зенковича представляется достаточно важной. – А.О.). «Принимая во внимание, – подводил итог своим рассуждениям Б.А. Зенкович, – что каждый сектор назван страной, которая его «осваивала», вполне закономерно и правильно назвать тихоокеанский сектор (I) «Русским (даже не «советским»! – А.О.) сектором». На это мы имеем историческое право первооткрывателей» [Зенкович 1947: 17–18].

Правда, чисто промысловые, хозяйственные интересы вступили бы в очевидное противоречие с объективными, наличествующими физико-географическими характеристиками «Русского сектора». Автор статьи признавал, что «попытка китобоев вести охоту в этом районе окончилась неудачей, а поэтому предложение объявить его запретным для охоты не встретило возражений» [Зенкович 1947: 18]. В объяснение этого Б.А. Зенкович приводил информацию о том, что, хотя в районе моря Беллинсгаузена и встречались большие стада китов, но «охота на них была затруднена льдом и особенно суровой погодой».

Таким образом не конкретизируя что именно, открыла и описала экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева (сам континент, конкретные участки материка, остров Петра I, Землю Александра I с окружающими их водами), Б.А. Зенкович, возможно впервые в советской исследовательской практике построил свою аргументацию, основываясь на «историческом праве первооткрывателей». С этой точки зрения, опубликованная в ведомственном журнале «Рыбное хозяйство» статья Б.А. Зенковича, занимает в историографии Первой русской антарктической экспедиции, как и, в самой постановке вопроса правопреемства СССР в отношении исторических и политико-правовых итогов этой экспедиции, совершенно особое и, пожалуй, даже исключительное место [Овладченко 2013: 144].

Следует добавить, что эта статья Б.А. Зенковича, а значит и приведенные в ней его выводы, были хорошо известны академику Л.С. Бергу, цитировавшему эту статью в своих «Очерках по истории русских географических открытий» (1949) [Берг 1949(б): 189]. Небезынтересно, что академик со ссылкой на статью, приводил цифры добычи китов в Антарктике в сезон 1937/1938 г., причем номера страниц при цитировании, приводил как раз, те [Берг 1949(б): 189, сноска 2], где у Б.А. Зенковича, помимо этих статистических данных, говорилось об «историческом праве первооткрывателей» [Зенкович 1947: 18].

В те годы, в Советском Союзе исследовательский поиск приводил иногда к следующего рода выводам. В опубликованном в 1948 году реферате кандидатской диссертации В.Г. Смирновой («Плавания русских в Тихом океане в XVII, XVIII и первой половине XIX вв.»), можно было прочесть: «...Таким образом, по праву первого открытия, освоения и исследования север Тихого океана, его побережья и острова с полным основанием могут быть названы русским (! – А.О.) районом. К концу XVIII в., в силу этого бесспорного права, все побережья и острова Тихого океана оказались принадлежащими России».

...К 50-м годам XIX в. русскими были открыты многочисленные острова в архипелагах... и много отдельных островов в различных частях Тихого океана. Под командованием Беллинсгаузена (в опубликованных в том же 1948 году Гидрографическим Управлением Военно-Морских Сил «Материалах по лоции Антарктики», такое написание этой фамилии было признано ошибочным, и помещено в таблице «Замеченные

опечатки»: «Напечатано – Беллингсгаузен»; «Следует читать – Беллингсгаузен» [Материалы 1948: б. с.]. – *А.О.*) и Лазарева была совершена антарктическая экспедиция, во время которой была открыта (! – *А.О.*) Антарктика и результаты которой во много раз превзошли результаты антарктической экспедиции Джемса Кука» [Смирнова 1948: 123–124].

Еще один эпизод на эту тему связан в советской историографии с общим собранием действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград). При обсуждении доклада академика Л.С. Берга, профессор Д.Г. Панов подчеркнул: «Среди продолжающихся и по настоящее время споров о принадлежности отдельных пространств Антарктики различными государствами забывается, что этот материк был впервые открыт русскими, что основа его научному исследованию тоже была положена работами русских исследователей. Поэтому не может возникнуть сомнений в том, что Советский Союз имеет полные основания для участия в разделении территории Антарктики. Советскому Союзу должны принадлежать (! – *А.О.*) в Антарктике пространства земель, которые стали известны человечеству благодаря их открытию русскими мореплавателями».

«Мы не можем мириться, – заключал свой доклад Д.Г. Панов, – с отрицанием великих заслуг русских людей в открытии и исследовании нового материка Антарктиды. Утверждением их приоритета должно явиться выделение (! – *А.О.*) антарктических земель, принадлежащих Советскому Союзу» [Берг 1949(а): 26].

Неслучайно, что этот текст доклада Д.Г. Панова не вошел в отчетный материал об общем собрании, опубликованный в газете «Известия» [Русские 1949(а)]. Доклад Д.Г. Панова был опубликован в брошюре Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Берг 1949(а)]. Возможно именно подобные «требования», стали главной причиной того, что доклад Д.Г. Панова не был опубликован в центральной газете. Такие радикальные «требования» очевидно не соответствовали основным положениям только еще формирующейся антарктической политики СССР [Овлащенко 2013: 200]. При только еще намечающемся отторжении идеи (при предыдущей, на протяжении нескольких десятилетий, полной индифферентности к ней) о секторальном разделе Антарктики, Советский Союз, официально, пока еще не проявлял большой заинтересованности и в интернационализации (при имеющейся определенной склонности к проведению последней) континента и окружающих его океанических и морских вод.

Интересно, что контр-адмирал профессор Е.Е. Шведе фактически солидаризировался с позицией Д.Г. Панова, когда призвал собрание «выразить громкий протест против всех и всяких посягательств на антарктические земли, открытые русскими мореплавателями, и против всяких попыток раздела (! – *А.О.*) Антарктиды без участия Советского

Союза» [Берг 1949(а): 25] (не менее интересно, что эти слова Е.Е. Шведе, также не вошли в текст его речи, опубликованной в газете «Известия» 11 февраля 1949 г. [Русские 1949(а)]. – *А.О.*).

Еще один, крайне редкий пример «секторального позыва», озвученного на страницах советской печати. Описывавший в журнале «Знание – сила» (июльский, за 1949 год, номер) ход собрания московских географов – членов ВГО, советский писатель А. Адамов упоминал некоего «молодого ученого», только что вернувшегося «из тех районов Земного Шара, которые сейчас привлекли внимание всей советской общественности».

«И я предлагаю, товарищи, – говорит персонаж А. Адамова, – назвать тот район, где наши славные мореплаватели Фаддей Беллинсгаузен и Михаил Лазарев открыли остров Петра I и землю Александра I, русским (как видим, снова, даже не «советским»! – *А.О.*) сектором Антарктики.

Гром аплодисментов был ответом на это справедливое предложение» [Адамов 1949: 26].

Объяснить официально-отрицательное отношение, к идее о выделении Советскому Союзу некоего «антарктического сектора», можно следующим. Стремительно набравший после окончания войны внешнеполитическую мощь Советский Союз, не имевший в то время (только что закончилась тяжелейшая для страны война и шел период восстановления народного хозяйства, экономики в целом) возможности осуществлять в Антарктике влиятельное морское и тем более континентальное присутствие, был склонен в качестве реального компромисса к проведению международных переговоров, которые, в конечном счете, определили бы правовой статус и режим континента и окружающих его вод, а также находящихся там природных ресурсов [Овлащенко 2007: 245–259; Овлащенко 2009(б): 34–39; Овлащенко 2013: 263–264].

Так, Б.В. Кострицын, прокомментировав «антарктический спор» между Англией – с одной стороны, и Аргентиной и Чили – с другой (в феврале 1948 г. Англия предложила передать этот спор на рассмотрение Международного Суда ООН), делал вывод о том, что «теория секторов в применении ее к Антарктике совершенно неприемлема» [Кострицын 1951: 41]. Рассматривая зарубежные доктринальные мнения, Б.В. Кострицын упомянул мнение бразильского специалиста Х. Аксиоли, который, еще в 1942 г., предлагал созвать международную конференцию «не для установления международного управления Антарктикой (как это предлагал в частности, канадец Ривс. – *А.О.*)...», а для разрешения вопроса об оккупации антарктического района» [Кострицын 1951: 42].

«Египетский юрист Даниэль, – как писал Б.В. Кострицын, – идет гораздо дальше Аксиоли. Он предлагает заключить международный договор между заинтересованными государствами, который, не затрагивая вопроса о суверенитете, установил бы свободу исследований,

охоты и рыбной ловли для граждан всех стран (очевидно имеются в виду не, буквально «все страны», а, все те же, «заинтересованные страны», подписавшие этот договор. – *А.О.*). Для обеспечения этих условий Даниэль предлагает создать международную антарктическую комиссию.

...В августе 1948 г. государственный департамент США объявил о начале неофициальных переговоров... о «форме интернационализации Антарктики», о создании «международного управления» ею» [Кострицын 1951: 42].

Все это не могло не привлечь к себе внимания советского руководства. Не имевший на материке территориальных претензий, не проводивший южнополярных научных исследований с момента Первой русской антарктической экспедиции (если не считать, начавшихся с первых походов китобойной флотилии «Слава», отдельных научных наблюдений), Советский Союз был произвольно исключен из числа государств, определявших судьбу Антарктики. В трактовке Б.В. Кострицына это выглядело следующим образом: «Закулисные переговоры о режиме Антарктики, ведущиеся Соединенными Штатами с другими государствами за спиной СССР, не могли не обратить на себя внимания советской общественности и советской науки» [Кострицын 1951: 43].

Выводы Б.В. Кострицына, были следующими: «Ведя закулисные переговоры о режиме Антарктики без участия СССР, американские империалисты стремятся урезать законные права Советского Союза, вытекающие из великих русских открытий в Антарктике. Совершенно ясно, что американская теория «интернационализации» является фиговым листком, прикрывающим стремление американских империалистов к полному захвату Антарктики.

...Истинная (!? – *А.О.*) интернационализация Антарктики должна быть построена на идее действительного международного сотрудничества, идее уважения к интересам и правам других государств, при обязательном активном участии Советского Союза, которому принадлежит честь открытия Антарктического материка.

...Советский Союз предлагает единственно правильный путь достижения соглашения по вопросу о режиме Антарктики.

Обладая неотъемлемым правом на участие в разрешении антарктической проблемы, Советский Союз предлагает решить ее в международном порядке на основе соглашения всех заинтересованных государств» [Кострицын 1951: 42–43].

Иными словами, факт первооткрытия Антарктиды русской экспедицией, «честь открытия» рассматривалась как основа «неотъемлемого права» Советского Союза на участие в определении политико-правовой судьбы Антарктики. Поэтому всю советскую историографию (конца 40-х – начала 50-х годов) экспедиции

Беллинсгаузена – Лазарева, можно уместить в рамки русской поговорки: «Не было бы счастья, да несчастье помогло».

Статья С. Узина и Б. Юсова «Великий исследователь Антарктики (К столетию со дня смерти М.П. Лазарева)» (1951). В апреле 1951 года в журнале «Вокруг света» была опубликована статья С. Узина и Б. Юсова «Великий исследователь Антарктики», посвященная столетию со дня смерти адмирала М.П. Лазарева («Столетие со дня его смерти, – как подчеркивали эти соавторы, – отмечает... весь советский народ» [Узин, Юсов 1951: 46]). Достаточно качественный иллюстративный ряд к статье, подготовлен был художником П. Павлиновым.

Анализ этой статьи, как и других материалов этого автора (опубликованных в 1950 году статьи и книги [Узин 1950(а); Узин 1950(б)], его редактирования в этом же году книги С. Осипова (Купермана) [Осипов 1950]), позволяет прийти к выводу о том, что С.В. Узин был одним из самых изощренных и, одновременно (наряду с С. Куперманом) откровенных фальсификаторов в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Несомненно и то, что С.В. Узин принадлежал к тому крылу этой историографии, которое объединяло в себе противников признания факта первооткрытия Антарктиды русской военно-морской экспедицией 1819–1821 гг.

Кроме того в рассматриваемой статье С.В. Узина и Б. Юсова получило свое, вполне логичное развитие в советской историографии, новое в ней «веяние». По ходу настоящей (а также предыдущей [Овлащенко 2013]) книги, автор уже обращал несколько раз внимание на казалось бы «безобидное» размещение фамилии командира шлюпа «Мирный» М.П. Лазарева, впереди фамилии начальника экспедиции (начальника «первой дивизии») и командира шлюпа «Восток» Ф.Ф. Беллинсгаузена. Совсем коротко упомянем еще раз некоторые из этих эпизодов. В апреле 1949 года в журнале «Вокруг света» была опубликована статья геодезиста, начинающего беллетриста и путешественника Г. Кублицкого «Колумбы Антарктики». Среди прочего он писал: «...Но Лазарев и Беллинсгаузен не уставали обходить айсберги..., они выбирали участки свободной воды, чтобы еще хоть немного продвинуться к югу» [Кублицкий 1949(а): 6].

В опубликованном в 1949 году сборнике, в статье кандидата военно-морских наук, капитана 1 ранга Р.Н. Мордвинова, посвященной личности и заслугам адмирала М.П. Лазарева, в частности было сказано: «...После этого корабли пошли в Тихий океан. Вернувшись оттуда, почти через год – 9 января 1821 г. – Лазарев и Беллинсгаузен открыли остров Петра I, а через неделю... была открыта гористая земля, которая была названа берегом Александра I... [Мордвинов 1949: 13]. В этом же сборнике действительный член Географического общества СССР, капитан 2 ранга Е.С. Юнга писал следующее: «...М.П. Лазарев и Ф.Ф. Беллинсгаузен открыли... остров Петра Великого... землю Александра...»

[Юнга 1949: 48]. Как видно, в описании Р.Н. Мордвинова и в очерке Е.С. Юнга, имя М.П. Лазарева шло впереди имени руководителя экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена. В качестве одного из вариантов можно предположить, что демонстрируя подобную «лояльность», эти военноморские специалисты вносили свой своеобразный вклад в проводившуюся тогда в стране, кампанию по борьбе с «безродным космополитизмом» [Овлащенко 2013: 222–224].

В опубликованном в 1950 году кратком отчете Географического общества Союза ССР за 1949 г., указано: «Лекторием им. Ю.М. Шокальского были проведены лекции, в том числе, посвященные «приоритету отечественных путешественников и исследователей в географических открытиях...». За отчетный период, в лектории были прочитаны лекции «о таких выдающихся русских путешественниках, как... М.П. Лазарев, Ф.Ф. Беллинсгаузен и многие другие» [Краткий 1950: 643–644]. В опубликованной в 1950 году в журнале «Морской сборник» рецензии, ее авторы, Е.Г. Кушнарев и А.В. Васильев утверждали: «Географическое общество нашей страны, членами которого в свое время были М.П. Лазарев и Ф.Ф. Беллинсгаузен, выражая мысли советской общественности, в начале 1949 г. подняло голос протеста против попыток западных правительств обойти СССР в решении вопроса о международном режиме Антарктики» [Кушнарев, Васильев 1950: 114].

В 1950 году ленинградским издательством «Фотохудожник» был издан фотоальбом «Русские путешественники-исследователи» (автор В.В. Невский, редактор академик Л.С. Берг). Во введении к этому просветительско-пропагандистскому изданию (тираж 500 экземпляров; подписано к печати 17.01.1950 г.), в частности говорилось: «...Имена Крашенинникова, Черского, Чихачева, ...Лазарева, Беллинсгаузена и многих других встречаются на карте мира от Арктики до Антарктики [Невский 1950: 1]. В 1951 году в журнале «Морской сборник» кандидат географических наук, капитан 2 ранга В.К. Агеноров сообщил: «...Особенно выдающимися были экспедиции Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна в 1803–1806 гг., ...антарктическая экспедиция М.П. Лазарева и Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Агеноров 1951: 113]. В 1951 году Б.А. Дранов, в своем редакторском предисловии к книге Ч.Ч. Хайда, писал: «...Но Хайд ни одним словом не упоминает об исторических правах Советского Союза в районах Антарктики, пытается замолчать тот факт, что Антарктика была открыта, за много лет до экспедиции Пири, великими русскими мореплавателями Лазаревым и Беллинсгаузенем» [Дранов 1951(a): 9].

В своих «Примечаниях редактора», Б.А. Дранов, еще раз подчеркнул: «...Проникнув за Южный полярный круг, Лазарев и Беллинсгаузен открыли остров Петра Первого, а затем под широтой 68°43' и землю Александра Первого; ...народы (СССР. – А.О.) помнят о великих заслугах Лазарева и Беллинсгаузена, которым принадлежит

приоритет открытия Антарктического материка» [Дранов 1951(б): 509–510]. Случайными ли были такие подходы в советской историографии? Безусловно нет. И такие подходы получали свое дальнейшее, весьма «оригинальное» исследовательское наполнение.

А пока, С.В. Узин и Б. Юсов, слегка «развили тему»: «Командование кораблями («Восток» и «Мирный». – А.О.), направлявшимися в столь ответственное и трудное плавание, было поручено молодым, но уже завоевавшим авторитет первоклассных моряков капитану 2-го ранга Ф.Ф. Беллинсгаузену и лейтенанту М.П. Лазареву...

Почти всю заботу по подготовке кораблей к дальнему и трудному походу выпали на долю М.П. Лазарева, так как Беллинсгаузен получил назначение лишь за месяц с небольшим до намеченного срока отплытия экспедиции» [Узин, Юсов 1951: 49]. Лишь ближе к концу своей статьи, соавторы сообщали: «...Беллинсгаузен, которому, как старшему по чину (только лишь по чину? – А.О.), было поручено общее руководство экспедицией, самым лестным образом характеризовал Лазарева...» [Узин, Юсов 1951: 52].

Впрочем подобное «уравнивание в правах» Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (у С.В. Узина и Б. Юсова присутствует некое «противопоставление» этих мореплавателей) можно было обнаружить в советской историографии и раньше. В изданном в 1948 году учебнике советского географа-картографа, профессора К.А. Салищева (1905–1988) «Основы картоведения», можно было прочитать следующее: «...Кругосветное плавание 1819–1821 гг. на шлюпах «Восток» и «Мирный» под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, во время которого был открыт Антарктический континент (Земля Александра I), остров Петра I и ряд островов в Тихом океане» [Салищев 1948: 196].

А вот как выглядел в изложении С.В. Узина и Б. Юсова первый, самый важный этап плавания в «больших южных широтах»: «...Закончив опись Южных Сандвичевых островов, Беллинсгаузен и Лазарев предприняли первую попытку пройти по меридиану на юг. Трижды углублялись корабли к югу, трижды был пересечен Южный полярный круг. И все это, несмотря на крайне тяжелые условия плавания... Но все три раза (16 января, 21 января и 5 февраля 1820 года), когда все предвещало морякам появление земли, корабли, наталкивались на сплошную линию бесконечного ледяного поля. Впоследствии подтвердилось, что мореплаватели все три раза находились в непосредственной близости от Антарктического материка, на расстоянии не более двадцати-тридцати миль от него. Как видно из записей участников экспедиции, они и не сомневались в том, что поблизости должна находиться земля. Новосильский, служивший на шлюпе «Мирный» в чине мичмана, в своем дневнике отмечал: «...вокруг шлюпа летали птицы; мы видели одну эгмондскую курицу, а с 7 февраля

появились небольшие дымчатые птицы вроде ласточек... таких же птиц мы видели у острова Георгия; следовательно, нет сомнения, что близ 69° ю. ш. и долготы 15° и далее к востоку должен находиться берег» [Узин, Юсов 1951: 50].

Да-а, лукавые представители советской историографии, когда это им было надо и выгодно, цитировали столь нелюбимого в этой историографии мичмана П.М. Новосильского (кстати, эта его запись относилась к 5 и 7 февраля 1820 г., а не к первым двум подходам – 16 и 21 января 1820 г. [Южный 1853: 30]. – *А.О.*). И, все-таки, участники экспедиции видели не только «эгмондскую курицу»...

Дата 16(28) января 1820 года, особо отмечена у Ф.Ф. Беллинсгаузена: «16 Января проникнул отряд до широты *S.* 69°25' в долготе 2°10' *W*, где встретил сплошной лед, а далее к югу ледяные горы...» [Выписка 1821(а): 134].

В письме М.П. Лазарева А.А. Шестакову, о событиях 16(28) января 1820 года повествуется так: «16 генваря достигли мы широты 69°23' *S*, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер, смотря по саленгу, простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение...» [Плавания 1949: 21] (а это письмо, но, не эти строки, использовали в своей статье С.В. Узин и Б. Юсов. – *А.О.*).

В своем донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщает о событиях с 5 на 6 февраля 1820 года: «...Не прежде как с 5 на 6 число дошел до широты *S.* 69°, 7', 30'', долготы *O.* 16°, 15'. Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212].

Еще одна «ловушка» советской историографии была связана как раз с «птицами, возвещающими о близости земли». Именно такой рисунок П. Павлинова («Птицы, возвещающие о близости земли») сопровождал статью С.В. Узина и Б. Юсова [Узин, Юсов 1951: 50]. Однако скептические отзывы о таких «предвестниках» земли, можно найти, к примеру, у самого Ф.Ф. Беллинсгаузена (и эти его отзывы, конечно же находят «живой отклик» в современной западной историографии). В частности, вот что можно узнать из «Выписки из письма Капитана Беллингсгаузена к Морскому Министру из Порта Жаксона от 8 апреля 1820 года»: «...Птиц же хотя и видел много, но они все морские, не могут служить знаком близости земли и суть разных родов: некоторые летают до полярного круга, а иные из-за онаго не вылетают; другие же обитают по обе его стороны, и сии были почти всегдашними нашими спутниками; им, как кажется, нет надобности в земле, ибо отдыхают они и спят на воде; питаются же, по замечанию нашему, мертвыми китами, шримсами, моллюсками и другими

морскими животными и растениями. Притом, по опытам нашим, они весьма долго могут жить без пищи; ибо раненные крупною дробью, проживали 8 дней без пищи и питья» [Выписка 1821(б): 136–137].

Говоря «словами Новосильского» о птицах, С.В. Узин и Б. Юсов, теперь уже от себя, писали дальше: «Не довольствуясь этими предположениями, отважные русские моряки продолжали штурмовать ледяной барьер, окружавший Южный материк...» [Узин, Юсов 1951: 51]. Иными словами, шлюпы «штурмовали» не саму Антарктиду, а, некий «ледяной барьер», окружавший ее. В другом месте С.В. Узин и Б. Юсов утверждали, что «героические попытки Беллинсгаузена и Лазарева проникнуть на юг, пробиться к берегам таинственного материка встречали непреодолимые препятствия в виде сплошных полей многолетнего льда» [Узин, Юсов 1951: 51].

Советская историография не была бы «сама собой», если бы, не продемонстрировала в очередной (какой уже по счету?!) раз, свой, ставший уже ее сутью, эклектизм. Упоминая открытие Берега Александра I, соавторы подчеркивали: «...Открытием этого берега русская экспедиция окончательно установила существование Антарктического материка (что из предыдущего повествования С.В. Узина и Б. Юсова могло говорить, хотя бы о «предварительном» его открытии экспедицией? – А.О.). К краю этого материка (!? – А.О.) она неоднократно подходила во время длительного плавания вокруг него» [Узин, Юсов 1951: 52]. И вновь, С.В. Узин и Б. Юсов (и в этом отличительная черта их статьи) лукаво используют текст мичмана П.М. Новосильского: «С полным правом и законной (? – А.О.) патриотической гордостью мог заявить спутник М.П. Лазарева по экспедиции мичман Новосильский: «Русским предоставлена была честь впервые приподнять угол завесы, скрывающей отдаленный таинственный юг, и доказать, что за ледяною стеною, его опоясывающею, таятся острова и земли» [Узин, Юсов 1951: 52].

Как и во множестве работ других советских авторов, патетические выводы этих авторов плохо коррелировали, не соотносились с содержанием их же подходов и трактовок. С.В. Узин и Б. Юсов писали: «Кругосветное плавание, слава о котором вскоре прогремела на весь мир, было закончено. Успехи русской антарктической экспедиции трудно переоценить. Совершив путешествие вокруг света по малому кругу, корабли прошли расстояние, более чем вдвое превышающее длину экватора.

Было открыто множество островов в жарком и умеренном поясах, и, что самое главное, блестяще оказалась выполненной основная задача экспедиции – существование Антарктического материка было доказано. Дружная совместная работа русских исследователей и замечательные качества моряков обеспечили этот успех» [Узин, Юсов 1951: 52].

Рецензия В.С. Шломина «Военные и военно-морские вопросы в первых томах второго издания Большой Советской Энциклопедии»

(1951). В мае 1951 года, в журнале «Морской сборник» была опубликована рецензия капитана 3 ранга В.С. Шломина «Военные и военно-морские вопросы в первых томах второго издания Большой Советской Энциклопедии». В первую очередь, автор рецензии обращал внимание на цель, предпринятого издания: «Новое издание Большой Советской Энциклопедии, выпускаемое по постановлению Совета Министров СССР, – важное событие в культурной жизни нашей страны. Совет Министров СССР следующим образом сформулировал основные задачи этого издания: «Второе издание Большой Советской Энциклопедии должно явиться систематизированным сводом знаний по социально-экономическим и естественным наукам, технике, военному делу и стать универсальным справочником для широких кругов советской интеллигенции...» [Шломин 1951: 107].

По ходу критико-библиографического обзора, В.С. Шломиным было обращено особое внимание на следующие моменты. В частности, он писал: «В статьях «Антарктида» и «Антарктика» подробно рассказывается об открытии и исследовании русскими мореплавателями нового материка и южных полярных областей. Авторы статей отмечают, что «первые правильные представления об антарктической области были созданы русскими, которым принадлежит и приоритет в открытии Антарктического материка» (т. 2, стр. 484).

В 1819–1821 гг. русская антарктическая экспедиция под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева («соруководители»? – *А.О.*)... совершила кругосветное плавание в водах Антарктики, во время которого установила наличие огромного материка в Южном полушарии, обстоятельно исследовала и нанесла на карту много новых островов. В результате открытий было опровергнуто утверждение англичанина Кука о невозможности существования Антарктического материка (здесь В.С. Шломин в очередной, для советской историографии раз, воспроизвел сфальсифицированные этой же историографией «взгляды» и «мнения» Дж. Кука. – *А.О.*). Две прекрасно оформленные карты наглядно воспроизводят путь русских кораблей и сделанные русскими моряками открытия. На картах мы встречаем много русских названий, запечатлевших великие дела наших соотечественников.

Англо-американские империалисты, стремящиеся использовать район Антарктики в своих интересах, хотели отстранить Советский Союз от участия в решении вопроса Антарктики. в этих целях они пытались умалить заслуги русских в исследовании этой области. фальсифицируя историю, они заменили русские названия островов иностранными. Однако советские ученые напомнили в 1949 г. всему миру о приоритете русских в открытии Антарктики (кстати, Энциклопедия почему-то не указывает даты открытия Антарктиды – январь 1820 г.)» [Шломин 1951: 111].

Действительно, в написанной Д.Б. Карелиным статье (смотрите подробный анализ выше, в разделе «Статья доктора географических наук Д.Б. Карелина во втором томе второго издания «Большой Советской Энциклопедии») такая дата, именно как дата первооткрытия Антарктиды – указана не была. Несмотря на это, в его статье был целый ряд новых, позитивных для советской историографии моментов. Кстати, у самого В.С. Шломина дата, также не была указана, если только не считать за «дату», указание на месяц январь.

Известно, что скончавшийся 21 декабря 1953 г. Д.Б. Карелин, с 1935 г. опубликовал свыше 60 научных работ (не считая многочисленных мелких заметок). Д.Б. Карелин состоял членом Союза советских писателей и Географического общества СССР [Биркенгоф 1954: 202; Карелин 1993: 378].

Историко-библиографическая справка В.А. Перевалова «К 130-летию открытия Антарктиды русскими мореплавателями» (1951). Издаваемый Академией наук СССР популярный естественно-исторический журнал «Природа», в июне 1951 года опубликовал историко-библиографическую справку В.А. Перевалова «К 130-летию открытия Антарктиды русскими мореплавателями». Одной из задач журнала, согласно редакционному анонсу, было реферирование естественно-научной литературы.

Среди работ В.А. Перевалова, в настоящем исследовании уже была упомянута статья с физико-географическим описанием полярных стран (авторы В. Перевалов и Е. Балашкова), вошедшая в изданный в 1940 году 46-й том «Большой Советской Энциклопедии». Также выше был проведен подробный анализ (смотрите раздел «Библиографический обзор В. Перевалова») подготовленного В.А. Переваловым обзора антарктической библиографии, опубликованного в 1950 году в августовском номере журнала «Вокруг света» [Перевалов 1950(б)], и, его же, опубликованной в 1950 году в журнале «Молодой большевик» статьи «Приоритет русских открытий в Антарктике» [Перевалов 1950(а)].

Новая «историко-библиографическая справка» В.А. Перевалова в частности сообщала: «В текущем году исполнилось 130 лет со времени открытия Антарктиды русскими моряками. Это выдающееся событие всегда (?! – А.О.) привлекало внимание отечественной науки. Естествоиспытатели и географы нашей страны посвятили немало трудов исследованию (какие именно «труды» имел в виду В.А. Перевалов? – А.О.) Антарктики, ее географических особенностей и природных богатств. Подавляющая часть этих трудов связана с освещением результатов и значения того исторического плавания, которое было совершено в 1819–1821 гг.

...Первыми в истории науки именно в те годы русские мореплаватели, направившись в южнополярные воды, установили существование материка Антарктиды. В тяжелых условиях ледового

плавания они в ряде мест собрали данные о характере береговых очертаний этого материка, точно определили его части – остров Петра I и Землю Александра I – и таким образом опровергли необоснованное утверждение английских моряков об отсутствии суши в районе Южного полюса» [Перевалов 1951: 81].

В первую очередь нехитрый арифметический подсчет показывает, что согласно В.А. Перевалову, «открытие» Антарктиды состоялось в 1821 году. Его статья, опубликованная в середине 1951 года, была посвящена «130-летию открытия Антарктиды» (подобно тому, как статья М. Райхенберга, в 1941 году была посвящена «120-летию» [Райхенберг 1941(6)]).

Если оставить в стороне ставшие уже традиционными для советской историографии (с ее буквально патологической ложью в большом и малом) – фальсификации и эклектизмы, то, все равно, в этом абзаце В.А. Перевалова можно обнаружить очередную для этой историографии новеллу. Характеристика итогов первого этапа южнополярного плавания экспедиции была «встроена» им в следующую конструкцию: «...Они в ряде мест собрали данные о характере береговых очертаний этого материка» [Перевалов 1951: 81].

Удовлетворившись такой интерпретационной моделью, В.А. Перевалов обрушивался на западную историографию: «Заслуга русских мореплавателей признана всем прогрессивным (*sic!* – *A.O.*) миром. ...Реакционные круги английской и американской науки, ...встали на путь фальсификации всей истории географических открытий в Антарктике. Чтобы умалить общеизвестные заслуги экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, единственных действительных (? – *A.O.*) первооткрывателей Антарктического материка, они выдвинули лживую версию о первом приближении к берегам Антарктиды одного безвестного американского китолова (после этого у В.А. Перевалова шла ссылка на статью «маститого ученого» Л.С. Берга [Берг 1951(a)]. – *A.O.*). Цель фальсификации истории ясна: оправдать агрессивные стремления США, Англии и других капиталистических государств к захвату и разделу Антарктиды.

При этом совершенно упускается из виду то, что Советский Союз является законным наследником русских географических открытий в южнополярных водах и что исторически за Россией и по преемственности за СССР навечно остается приоритет в открытии и исследовании ряда земель Антарктики» [Перевалов 1951: 81].

Напомним, что весь этот, иначе и не назовешь – абсурд, был опубликован на страницах журнала издаваемого Академией наук СССР. Говоря о «единственных действительных» первооткрывателях Антарктического материка, заслуги которых к тому же «умалются», В.А. Перевалов в следующем же абзаце своего теста воспроизводит слова Л.С. Берга об «открытии ряда земель Антарктики».

Первопричину «всплеска» исследовательского интереса к историко-антарктической тематике В.А. Перевалов видел, именно в состоявшемся в феврале 1949 года, общем собрании ВГО. «В связи с этим, – писал он, – за последние два-три года литература об Антарктике получила широкое общественное значение, так как она обосновывала и подтверждала приоритет русских географических открытий в южнополярной области» [Перевалов 1951: 81]. Как, «обосновывала и подтверждала», советская историография факт первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, неоднократно можно было убедиться выше. Точно также, «обосновывал и подтверждал», этот факт сам В.А. Перевалов.

Невольно указывая на политизированность историографического процесса в этой области исторических (историко-географических, собственно географических) знаний, В.А. Перевалов писал дальше: «Интерес к этой теме приобрел еще более действенный характер после опубликования меморандума Советского правительства по вопросу о режиме Антарктики. ...Ссылаясь на факт приоритета русских географических открытий в южнополярных водах, правительство СССР уведомляло... о том, что оно «не может согласиться с тем, чтобы такой вопрос, как вопрос о режиме Антарктики, решался без его участия».

...Как указывается в статье Б. Леонтьева «К вопросу о режиме Антарктики» (газета «Правда», № 201 от 20 июня 1950 г.) (смотрите анализ этой статьи выше. – *А.О.*), «наиболее характерной и интересной чертой... откликов является прямое или косвенное, добровольное или вынужденное признание справедливости и законности точки зрения СССР». Даже самая реакционная печать зарубежных стран (и тут В.А. Перевалов, идет в своих фальсификациях еще дальше, чем Б. Леонтьев. – *А.О.*) не смогла опровергнуть исторические и правовые аргументы меморандума правительства СССР по вопросу о режиме Антарктики» [Перевалов 1951: 81–82].

Переходя таким образом к собственно «историко-библиографическому обзору» В.А. Перевалов пишет, что «факты этих открытий широко и обоснованно освещены в ряде весьма ценных и интересных изданий» [Перевалов 1951: 82]. Естественно, что согласно сложившейся в советской историографии вопроса «табели о рангах», на первое место поставлены опубликованные в различных советских периодических изданиях (и отдельными брошюрами) работы академика Л.С. Берга. Все эти работы были подробно проанализированы как в предыдущей монографии автора [Овлащенко 2013], так и в настоящем исследовании.

Отметив, что «отделение геолого-географических наук Академии Наук СССР уделило этой теме пристальное внимание», В.А. Перевалов давал информацию о двух работах академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева [Григорьев, Лебедев 1949; Григорьев, Лебедев 1950]. «Наша статья, – добавлял после этого В.А. Перевалов, –

«Приоритет русских открытий в Антарктике» напечатана в журнале «Молодой большевик» (№ 17, 1950)» [Перевалов 1951: 82].

Затем этот советский специалист отмечал, что «наряду со статьями по истории вопроса появилось немало научных рефератов по физической географии Антарктики». К последним он отнес две статьи, написанные профессором Ю.М. Шокальским – в 1928 и 1939 г. [Шокальский 1928; Шокальский 1939(а)]. Можно заметить, что оба этих материала Ю.М. Шокальского были в значительной мере посвящены той самой, обозначенной В.А. Переваловым, «истории вопроса». К новым работам «такого же характера» и, которые «обращают на себя внимание», В.А. Перевалов отнес одну из статей профессора С.В. Калесника [Калесник 1949(в)], а также статью И.Н. Александрова [Александров 1949(а)]. Вопросы картографии Антарктики нашли, согласно В.А. Перевалову, «интересное освещение» в статьях А.З. Алейнера [Алейнер 1949(а); Алейнер 1949(б)], а «естественно-научные вопросы» были затронуты в статьях А.В. Ступишина [Ступишин 1950] и Н.И. Воробьева с соавторами [Воробьев, Бусыгин, Юсупов 1949].

Из наиболее удачных «популяризаций темы» В.А. Перевалов отмечал книгу Дм. Голубева [Голубев 1949] (и в этом, с ним можно вполне согласиться). Однако лишь с изрядной долей горькой иронии можно воспринимать размещение в перечне «наиболее удачных популяризаций темы», книги С. Осипова (Купермана) [Осипов 1950]. К наиболее удачным иллюстрированным научно-популярным статьям В.А. Перевалов отнес лишь одну – статью С.В. Узина «Антарктида открыта русскими» [Узин 1950(а)].

«Вместе с тем, – как отмечал В.А. Перевалов, – широким кругам советской общественности предложены и документальные издания о приоритете русских открытий в Антарктике» [Перевалов 1951: 82]. К таким изданиям он в первую очередь отнес книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949], тексту которого, «предпосланы предисловие и солидная вступительная статья редактора Е.Е. Шведе». Автором «историко-библиографической справки» отмечен также был сборник, изданный Географгизом [Плавания 1949]. Интересно, что характеризую этот сборник В.А. Перевалов писал: «Ярким свидетельством высокой культуры русских морских офицеров, участников плавания, является небольшой труд мичмана П.М. Новосильского «Южный полюс...» [Перевалов 1951: 83]. Такие оценки работ П.М. Новосильского, да и всего офицерского состава экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, еще не были в ходу в советской историографии.

К примеру из опубликованной в 1949 году статьи капитана 1 ранга П.Ф. Морозова и подполковника К.И. Никульченкова, можно было узнать, что «...среди офицеров шлюпов было немало отъявленных (в русском языке слово «отъявленный» означает, обладающий каким-либо отрицательным качеством в очень высокой степени [Словарь 1975: 351]. – А.О.) крепостников» [Морозов, Никульченков 1949: 53–54].

Не менее интересно, что В.А. Перевалов сообщал: «Завершением документальных изданий о русской антарктической экспедиции должно быть опубликование рукописи И.М. Симонова, хранящейся в научной библиотеке Казанского университета. Такое издание осуществляется Всесоюзным Географическим обществом СССР» [Перевалов 1951: 83].

Его вниманием не были обойдены и следующие вопросы. В частности, В.А. Перевалов писал: «Приоритет русских открытий в Антарктике находит отражение и в искусстве. Художник М. Семенов воспроизвел на полотне шлюпы «Восток» и «Мирный»... Министерство кинематографии подготавливает выпуск научно-популярного документального фильма о плавании русских в Антарктику в прошлом веке. Студия «Диафильм» выпустила в свет диафильм на эту тему, составленный по нашему сценарию под редакцией чл.-корр. Академии педагогических наук РСФСР А.И. Соловьева» [Перевалов 1951: 83].

Репродукцию упомянутой картины художника М. Семенова («Корабли экспедиции Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева «Восток» и «Мирный» у берегов Антарктики»), в апреле 1949 года напечатал еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек». В сопроводительном тексте говорилось: «В Историческом зале ленинградского Центрального военно-морского музея создан новый отдел «Открытие Антарктического материка русскими военными моряками». В отделе выставлены портрет Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, карта Антарктики, медаль из красной меди, вычеканенная в честь плавания в Южном ледовитом океане Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева. На медали надпись: «Шлюпы «Восток» и «Мирный». 1819 год». Эти корабли изображены на бюваре (настольная папка, обычно с писчей и промокательной бумагой, конвертами. – А.О.) тисненой кожи, подаренном Беллинсгаузену академиком живописи И. Щедровским в 1844 году.

Среди экспонатов (! – А.О.) – резолюция общего собрания Всесоюзного географического общества по докладу президента общества академика Л. Берга о приоритете русских моряков в открытии Антарктики (не Антарктиды! – А.О.). В зале стоит хорошо сохранившийся пятиметровый деревянный челн, привезенный Беллинсгаузенем с одного из открытых экспедицией островов» [В память 1949: 11].

Упомянув деятельность китобоев В.А. Перевалов подчеркнул, что «в текущем (1951. – А.О.) году советская китобойная флотилия «Слава» осуществляет свой пятый рейс в Антарктике». Традиционно было подчеркнуто, что «участники этих плаваний, представители географии, океанографии, метеорологии и биологии выполняют плодотворные научно-исследовательские работы». «Деятельность флотилии, – сообщал автор историко-библиографической справки, – освещена в брошюре ее капитан-директора А.Н. Соляника «Четыре похода в Антарктику», изданной в 1950 г. в Москве Всесоюзным обществом по

распространению политических и научных знаний» [Перевалов 1951: 83].

«Таково положение, – подводил итог В.А. Перевалов, – с новейшей литературой о приоритете русских открытий в Антарктике. К 130-летию этого замечательного события наука обогатилась серией весьма ценных изданий и оригинальных статей». Наконец В.А. Перевалов высказал следующее пожелание: «Какая-либо из крупных библиотек нашей страны должна составить и опубликовать полную библиографию на тему об исследовании Антарктики русскими и советскими мореплавателями» [Перевалов 1951: 83].

Книга М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)» (1951). В 1951 году Военно-Морское Издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР предприняло издание книги М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)». Автор книги, Михаил Петрович Котухов – фронтовик, военно-морской специалист (штурман-подводник), соавтор в некоторых других военно-исторических изданиях. Книга М.П. Котухова содержит в себе главы как об организации экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева (о составе и задачах последней), так и главы в которых описываются ход путешествия, совершенные открытия, а также ставшие для послевоенных лет уже традиционными, вопросы режима Антарктики. Эффектной выглядит обложка книги в исполнении художника Ю.Б. Васильева. Книгу сопровождала карта плаванья Первой русской антарктической экспедиции.

Вот как, согласно интерпретационной модели М.П. Котухова, представал экспедиционный день 16(28) января 1820 года: «26 января (по новому стилю. – *А.О.*) 1820 года шлюпы... пересекли Южный полярный круг, а через два дня, находясь на 69°25' южной широты и 2°15' западной долготы, участники экспедиции увидели впереди сплошной неподвижный лед. По свидетельству мичмана Новосильского в этот день шлюпы «достигли обширного ледяного поля, усеянного пригорками и простиравшегося с востока через юг на запад».

Это был Южный материк, скованный ледяным панцирем.

В своем описании плаванья шлюпов Беллинсгаузен указывает, что 27–28 января 1820 года они «видели летающих снежных и синих бурных птиц и слышали крик пингвинов». 28 января Беллинсгаузен отметил, что в этот день около шлюпа летал серый альбатрос. Все эти признаки указывали на близость антарктического материка (выше было приведено иное мнение Ф.Ф. Беллинсгаузена. – *А.О.*). Об этом же говорят в своих воспоминаниях и другие участники экспедиции.

Достижение настоящей ледяной стены означает близость скрывающегося за ней Южного материка...», – заявил своим друзьям на шлюпе «Мирный» мичман Новосильский. Участники экспедиции понимали, что они подошли почти вплотную к землям неизвестного до этого материка, что преградившие им путь льды есть материковые льды,

скрывающие от их взоров сушу. Лейтенант Лазарев прямо указывал, что ими был встречен в этот день «матерой лед чрезвычайной толщины» (у М.П. Лазарева иначе, «матерой лед чрезвычайной высоты» [Плавания 1949: 21]. – *А.О.*).

28(16) января 1820 года русские моряки находились всего лишь в нескольких милях от земли, которая является частью Антарктиды и которая через сто лет была названа норвежцами Землей принцессы Марты.

День 28 января 1820 года является днем открытия русскими моряками Южного материка – последнего, шестого континента земного шара.

В этот знаменательный день моряки русского военно-морского флота благодаря своему беспримерному мужеству, отваге и героизму совершили один из величайших в истории географической науки подвигов.

Непроходимый лед и резкое ухудшение погоды не позволили экспедиции подойти непосредственно к материковой суше (? – *А.О.*) и высадить на нее людей. Пришлось несколько отойти на север и продолжить путь вокруг Южного материка вдоль неподвижных льдов, то отклоняясь к северу, то снова делая попытки пробиться возможно дальше на юг» [Котухов 1951: 44–45].

О дальнейших экспедиционных событиях М.П. Котухов писал так: «2 февраля в районе теперешней земли принцессы Ранхильды шлюпы опять подошли к антарктическому материку. Беллинсгаузен сделал совершенно правильный вывод о том, что сплошное ледяное поле, вставшее в этот день на их пути, является продолжением того, которое они видели 28 января. Этот вывод Беллинсгаузена явился своего рода определением границ Антарктиды в этом районе.

...17 февраля на 69° южной широты и 15° восточной долготы (район этот получил впоследствии название Земли королевы Мод) русские моряки в третий раз подошли к Южному материку. Наблюдая изменение цвета воды и полеты птиц, отмечая при сильном южном ветре малое волнение, они еще больше уверились, что находятся около земли» [Котухов 1951: 46–47].

После этого М.П. Котухов цитировал запись об этом дне у П.М. Новосильского (эту же запись П.М. Новосильского цитировал Е.Е. Шведе, в своей редакционной статье к переизданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена [Шведе 1949(б): 26]), и, самое главное, причем очевидно впервые в советской историографии, наиболее полно приводил текст рапорта Ф.Ф. Беллинсгаузена морскому министру от 8 апреля 1820 года, посланного из Порт-Жаксона в Россию. Текст этого рапорта использовал и Е.Е. Шведе – в своей редакционной статье, а также в редакционных примечаниях, но в сокращенном виде [Шведе 1949(б): 26; Беллинсгаузен 1949: 118, сноски 1].

«Таким образом, – делал вывод М.П. Котухов, – еще в начале 1820 года русские военные моряки, трижды подходившие к берегам шестого материка Земли, открыли неизвестную до них человечеству Антарктиду, утвердив бесспорный приоритет нашей Родины в этом открытии» [Котухов 1951: 47].

Продолжая, М.П. Котухов писал: «24 февраля экспедиция в третий раз пересекла Южный полярный круг и сделала очередную попытку пробиться на юг, но сплошные льды по-прежнему преграждали ей путь. И в эти дни участники экспедиции снова отмечали признаки близкой земли. «Я полагаю, – писал Беллинсгаузен, – что непременно по близости сего места должен быть берег...». В 1831 году здесь действительно была обнаружена земля Эндерби, увидеть которую русские моряки не смогли из-за плохой погоды» [Котухов 1951: 48].

Очень интересно, как в ранней советской историографии (ее главными действующими лицами и одновременно «персонажами» предыдущего [Овлащенко 2013] и настоящего исследований) были расставлены акценты при рассмотрении первого южнополярного этапа экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Так, в 1929 году в своем «Очерке истории русской географической науки» (книга была «написана по поручению Академии Наук в 1918 г.», «дополнена в 1923 г.», опубликована в 1929 г. в серии «Труды Комиссии по истории знаний» и должна была «служить справочником по вопросам истории географической науки в России») Л.С. Берг отметил лишь тот факт, что Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев «в феврале 1820 г. были по близости Земли Эндерби (38° в. д.)» [Берг 1929: 47].

Вопрос о том отчего Л.С. Берг указал только лишь и единственно это «покушение», остается открытым.

А что же одна из «ключевых фигур» ранней советской историографии – Н.В. Введенский? Самое значительное, что удалось усмотреть этому автору в описании хода первого южнополярного этапа экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, так это, то, что «установление возможного близкого берега на меридиане острова Мадагаскар, где в широте 67° Ю. (южной широты. – А.О.) Беллинсгаузен увидел береговых ласточек и где впоследствии был открыт берег (Земля Эндерби)» [Введенский 1941: 119].

Очевидно одним из первых в советской историографии Русской антарктической экспедиции было следующее описание экспедиционных дней 1820 года, которое дал А.И. Андреев. В частности, он писал: «...Корабли экспедиции произвели четыре плавания к югу, достигнув в одном случае (17 января 1820 г.) широты 69°21' S и долготы 1°15' W. Важным моментом этого этапа трудного пути было установление в феврале 1820 г. возможности нахождения близкого берега: в широте 67° S были замечены береговые птицы. Беллинсгаузен и его спутники пришли к заключению о существовании поблизости земли, хотя льды и

не позволили им убедиться (? – *А.О.*) в правильности своего предположения. Как известно, в 1831 г. капитан Биско открыл здесь землю и назвал ее землей Эндерби» [Андреев 1947: 75].

Еще один (правда, в отличие от первых двух, практически безвестный) «герой» советской историографии, А. Георгиев писал: «Все полярное лето – 131 день – провела экспедиция в ледяных морях, под мокрым снегом, в тумане. ...Корабли шли по неизведанным морям, пересекая маршруты Кука (и «только лишь»? – *А.О.*), но на всем пути от Сэндвичевых островов до Австралии земля не встречалась ни разу. Только однажды Беллинсгаузен заметил ласточек и предположил, что южнее, за льдами, находится земля. Действительно, одиннадцать лет спустя, в 1831 году, Биско открыл южнее этого пункта берег, названный Землей Эндерби [Георгиев 1948: 27–28].

Таким образом, отношение советской историографии к результатам первого этапа экспедиции шло: от берговского «в феврале 1820 г. были poblizados Земли Эндерби (38° в. д.)», через введенское «установление возможного близкого берега на меридиане острова Мадагаскар, где... Беллинсгаузен увидел береговых ласточек» (а также андреевское «были замечены береговые птицы»), и, до фактически говорящего о том же самом, георгиевском «только однажды Беллинсгаузен заметил ласточек...». На самом деле, подобная «эволюция» историографии как хорошо видно, не шла, а попросту «топталась» на месте...

Историко-беллетристические (а также поведенческо-эмоциональные) аспекты в книге М.П. Котухова, естественно, тоже отличались от продемонстрированных ранее другими авторами. В частности, вот как он изображал финал первого этапа путешествия: «В середине апреля шлюп «Восток» после 131-дневного непрерывного плавания стал на якорь в Порт-Джаксоне в Австралии. Восемью днями позже прибыл в Австралию и «Мирный».

С радостью смотрели моряки на зеленеющие берега залива, приятно ласкавшие взор после утомительного однообразного пейзажа Антарктики с ее туманами, штормами и снегопадами. И не только красоты природы радовали моряков. Их радовало сознание исполненного долга, сознание того, что их труд во славу родины не был напрасным, а увенчался великим географическим открытием» [Котухов 1951: 48–49].

Например, довольно безотрадную картину итогов первого этапа плавания рисовал в 1940 году Н.В. Введенский: «...8 февраля шлюпы пересекли 20° в. д. и вступили в пределы Индийского океана. Всем стало ясно (*sic!* – *А.О.*), что в высоких широтах Атлантического океана на всем пройденном шлюпами пространстве к востоку от Сандвичевых островов никаких (! – *А.О.*) признаков Южного материка нет, нет даже (? – *А.О.*) островов» [Введенский 1940: 46–47].

Наиболее «яркий» советский фальсификатор М. Райхенберг, «развивая тему» в 1941 году так описывал начало второго этапа русской южнополярной экспедиции: «Отряд уходил все дальше на восток, а вопрос о наличии земли за Полярным кругом оставался еще невыясненным. Льды зорко охраняли тайну Антарктиды. Уже было пройдено около трех четвертей земной окружности в высоких южных широтах, причем кораблям несколько раз удавалось проникнуть за Полярный круг, а море кругом оставалось по-прежнему пустынным» [Райхенберг 1941(б): 66].

«Просвещающая» советских учителей в том же 1941 году (темпоральная «исходная точка», когда наиболее отчетливо обнаруживается интерес советских авторов к Антарктике, к экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, интересна сама по себе – это самое начало 1940-х годов) М. Райхенберг в своем историко-географическом очерке «Русские в Антарктике», среди прочего о плавании Дж. Кука и о первом этапе плавания русской экспедиции сообщал следующее: «Во второй половине XVII века знаменитый английский мореплаватель Джеймс Кук совершил кругосветное плавание по «Южному океану» и впервые проник за Южный полярный круг, достигнув 71° южной широты. Однако, сколько Кук не всматривался в туманный горизонт, он ничего не видел, кроме бесконечных льдов, уходящих вдаль, к полюсу.

...Есть ли земля к югу...? ...Русские моряки должны были это выяснить.

...Однако льды не дали возможности проникнуть далее 69°. ...Ни малейшего признака земли нигде обнаружить не удалось..., новую землю все же обнаружить не удалось» [Райхенберг 1941(а)].

Вполне понятно, что ни в первом, ни во втором, а тем более в последнем случае – говорить, да и просто помышлять о «великом географическом открытии» даже не приходится.

Именно к этим, да и ко многим другим «действующим лицам» советской историографии вполне применимы, сказанные в 1949 году членом-корреспондентом АН СССР А.В. Ефимовым, слова: «...Русским географическим открытиям положительно до сих пор не везло. ...Как общее правило, русские географические открытия замалчиваются и картина этих открытий дается извращенная. ...Подобных примеров замалчивания русских географических открытий можно было бы привести много...» [Ефимов 1949(б): 738–739, 740].

Глава из книги М.П. Котухова, где рассказывается об открытиях января 1821 года, называется очень красноречиво: «Утверждение приоритета первооткрывателей». В этой главе он писал, что «открытием земли Александра I моряки вторично утвердили свой бесспорный приоритет в открытии Южного материка» [Котухов 1951: 62].

К сожалению, не избежал этот автор (как и практически все представители советской историографии при описании Берега Александра I) «физико-географического» эклектизма. «Исследования

проведенные в наше время, – сообщал М.П. Котухов, – показали, что земля Александра I (под таким названием значится она на современных картах) представляет собой или берег материка или огромный остров, отделенный от него узким проливом. Есть предположение, что земля Александра I – большой полуостров, соединенный с материком перешейком. Но как бы то ни было, земля эта, судя по ее размерам и местоположению, является частью Антарктиды» [Котухов 1951: 62].

А теперь очевидно самый интересный и немаловажный факт в советской историографии анализируемого периода (и, судя по всему, отмеченный впервые в уже рассмотренной выше брошюре А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева [Григорьев, Лебедев 1950: 17]). М.П. Котухов пишет: «В ряде книг, в журналах и газетных статьях (М.П. Котухов не указывает, но, совершенно ясно, что речь идет о советских изданиях. – *А.О.*) в качестве даты открытия Антарктиды русскими моряками ошибочно приводилось 28 января 1821 года, в то время как фактически Антарктида была открыта первой русской антарктической экспедицией годом раньше – 28 января 1820 года» [Котухов 1951: 62].

«Антарктический Рубикон» советской историографией был в очередной раз перейден...?

Вот какие пояснения давал в этой связи М.П. Котухов: «Эта ошибка вполне объяснима. Многие авторы статей и очерков о первой русской антарктической экспедиции, как правило, использовали в качестве материалов для литературных переложений и импровизированных рассказов труды, дневники и записки участников этого замечательного плавания (далеко не всегда дела обстояли так; даже в более поздние годы, чаще всего, практиковалась подмена первичного описания материала исследуемого текста описаниями, данными по его описаниям [Овлащенко 2013: 7]. – *А.О.*). При этом они больше всего внимания уделяли таким внешне эффектным моментам, как радостные возгласы матросов «Берег! Берег!», пушечный салют, крики «Ура!» и т. д. Подобные торжественные моменты в описаниях участников похода наиболее подробно освещены на страницах, где рассказывается об открытии острова Петра Первого 21 января и земли Александра I – 28 января 1821 года. Так все более и более стала выдвигаться дата 28 января 1821 года как дата открытия русскими моряками Антарктиды» [Котухов 1951: 62].

Стоит подчеркнуть, что давать такие пояснения взялся не профессиональный географ или историк, а советский военно-морской специалист. И все-таки советская историография не была бы «сама собой», если бы не попыталась совместить новые, верные трактовки и оценки с прежними, все теми же (очевидно уже набившими ей самой «оскомину») подходами.

Так, в главе «Итоги экспедиции» М.П. Котухов писал: «Русские моряки открыли шестую часть света – шестой материк, названный позднее Антарктидой. 28 января 1820 года – день, когда участники

экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева впервые подошли почти вплотную к берегам антарктического материка, увидели эти берега и прониклись твердой уверенностью в том, что перед ними неведомая, легендарная обширная земля «Терра аустралис инкогнита», – вошло в историю географической науки (насчет такого «вхождения» тезис был, более чем спорным. – *А.О.*) как дата открытия Антарктиды. Результаты русской экспедиции наглядно показали несостоятельность утверждений английского мореплавателя Кука и доводов многих иностранных географов, считавших, что за Южным полярным кругом никакой земли не существует» [Котухов 1951: 66].

Невероятно, но после всех своих вышеприведенных выводов М.П. Котухов цитировал Ю.М. Шокальского (фактически, если судить по научному творчеству последнего, никогда не признававшего факт первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева), да еще и, «что» цитировал: «В статье посвященной столетию со дня отправления антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, академик Ю.М. Шокальский отмечал, что трудами мореплавателей было «ясно доказано, что к северу от 60° ю. ш. нечего искать берегов Южного материка, т. е. именно благодаря плаванию русских моряков его границы были точно намечены» [Котухов 1951: 66].

Собственно, «по Шокальскому», экспедиция больше ничего и не «доказала» (в смысле – не открыла, если не считать открытий января 1821 года). Сам М.П. Котухов вслед за этим писал: «Участниками первой русской антарктической экспедиции были впервые открыты, описаны и нанесены на карты, кроме участков береговой черты (! – *А.О.*) Антарктиды, двадцать девять больших и малых островов...» [Котухов 1951: 67].

Оценивая труды участников экспедиции, он отмечал: «Участники первой русской антарктической экспедиции оставили богатое научное наследство – дневники и описания своего замечательного похода. Часть их работ в разные годы была опубликована. Так, в 1822 году профессор Симонов выпустил краткое описание плавания экспедиции. В 1822–1823 годах были опубликованы «Письма о плавании шлюпов «Восток» и «Мирный» Н. Галкина (практически до этого, не упоминавшаяся в советской историографии работа. – *А.О.*), медика шлюпа «Мирный». В 1831 году вышло в свет двухтомное, наиболее обстоятельное сочинение начальника экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена, а в 1853 году – анонимное сочинение мичмана Новосильского «Южный полюс», которое читается с исключительным интересом (очевидно, это первый такой отзыв в советской историографии об этой книге П.М. Новосильского. – *А.О.*). Все эти работы были переизданы в последние годы Государственным издательством географической литературы.

Уже в годы советской власти был опубликован интереснейший дневник русского матроса Егора Киселева, который он вел в продолжение всего плавания. В 1949 году были найдены подлинные

рисунки художника экспедиции П.Н. Михайлова. Найдено труд астронома Симонова, посвященный экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева» [Котухов 1951: 71–72].

Конечно у вдумчивого читателя не могли не возникнуть вопросы: почему так много было «найдено» именно в 1949 году, а также в последующие годы; почему результаты экспедиции, труды ее участников раньше практически не интересовали русских (советских) специалистов?

«Результаты открытий русской экспедиции в южном полушарии, – продолжал М.П. Котухов, – изумили весь мир.

...Вначале некоторое видимое равнодушие к экспедиции высказывали англичане, поскольку открытия Беллинсгаузена – Лазарева опровергли широко разрекламированные необоснованные доводы капитана Кука. Но вскоре и англичане должны были признать величие научных заслуг русских моряков и ученых.

...Русские военные моряки с честью пронесли свой флаг в самых высоких широтах Южного океана, совершив великий подвиг во имя науки» [Котухов 1951: 72, 75].

Говоря о прикладном, практическом использовании Антарктики М.П. Котухов обращал внимание: «Геологические разведки, проведенные всего лишь на одной сотой площади материка, показывают, что там имеется золото, серебро, свинцовые и медные руды, каменный уголь и, предположительно, урановые руды. Несмотря на то, что глубина залеганий урановых руд и их характеристика пока неизвестны, а предполагаемые места их нахождения исключительно труднодоступны, американцы предпринимают отчаянные попытки захватить Антарктиду, надеясь найти там сырье для изготовления атомных бомб.

Чтобы скрыть свои агрессивные намерения, англо-американские империалисты в тридцатых годах нынешнего столетия попытались весьма неуклюже фальсифицировать историю и умалить заслуги русских моряков как первооткрывателей Антарктиды» [Котухов 1951: 83].

Как обычно в советской историографии «мирно уживались» трезвые подходы и фальсифицированные, а то, и фантазмагорические версии и трактовки. Эклектичные подходы Л.С. Берга, инкорпорированные затем в резолюцию общего собрания географического общества Союза ССР, а еще позднее в Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики, поставили советскую историографию в вынужденные, далекие от исторической действительности рамки. Например, тот же М.П. Котухов упоминая Меморандум, вынужден был писать: «Советское правительство напомнило империалистическим хищникам, что выдающаяся заслуга открытия Антарктиды принадлежит русским морякам Беллинсгаузену и Лазареву, которые, «в начале XIX впервые достигли берегов

Антарктиды, обошли этот материк кругом и тем самым доказали ошибочность распространенного в то время взгляда, будто за Южным полярным кругом нет земли» [Котухов 1951: 84].

В главе «Антарктика и ее режим» М.П. Котухов, воспроизведя фальсифицированную версию о зарубежных отзывах на Меморандум («в этих откликах нет отрицания того факта, что именно русские моряки открыли шестой материк земного шара»), заканчивал свое повествование так: «СССР имеет в Антарктике свои экономические и научные интересы. Антарктика (опять «Антарктика», а не «Антарктида». – *А.О.*). Антарктика открыта русскими военными моряками, которые своим великим научным подвигом завоевали нашей Родине право участия в решении вопросов об Антарктике. Это право неоспоримо» [Котухов 1951: 85–86].

Однако то, что это право «неоспоримо», не давали оснований утверждать сами советские авторы. Итак, продолжим анализ советских источников тех лет...

Книга В.А. Арсеньева и В.А. Земского «В стране китов и пингвинов» (1951). В 1951 году под эгидой Московского Общества испытателей природы была издана книга В.А. Арсеньева и В.А. Земского «В стране китов и пингвинов». Во введении этой книги (авторы ее – представители естественных наук) в первую очередь корректно отмечалось, что «начальником всей экспедиции и командиром шлюпа «Восток» был назначен капитан Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен...» [Арсеньев, Земский 1951: 3].

Затем совсем кратко описав плавание Дж. Кука соавторы заявили, что этот английский мореплаватель «пришел к заключению, что никакого южного материка нет». При стандартной уже, подобной фальсификации, В.А. Арсеньев и В.А. Земский тем не менее не преминули подчеркнуть, что «во время своего трехлетнего плавания Кук обошел всю полярную область вдоль границы сплошного антарктического пака, достигнув на 106°4' западной долготы широты 71°10'» [Арсеньев, Земский 1951: 3]. В те годы, такие упоминания «координатно-географических» достижений этой английской экспедиции были в советской историографии буквально единичными. Да, и понятно. Поскольку, к примеру, в предыдущей проанализированной работе М.П. Котухов писал о том, что «ледовая обстановка позволила морякам (экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в январе 1821 года. – *А.О.*) достичь рекордной за все время похода южной широты – 69°53'; это было на 92°19' западной долготы в шесть часов утра 21 января...» [Котухов 1951: 58].

«Открыв и описав, – продолжали В.А. Арсеньев и В.А. Земский, – несколько неизвестных ранее островов, он (Кук. – *А.О.*) не обнаружил ничего в центральной части южного полярного бассейна, кроме сплошных тяжелых льдов и, в результате трехлетнего плавания, пришел к заключению, что никакого южного материка нет (*sic!* – *А.О.*). Даже

многочисленные громадные антарктические айсберги не навели (но именно на это, они его на самом деле и «навели». – *А.О.*) его на мысль о том, что своим происхождением они обязаны ледникам, спускающимся с большого материка» [Арсеньев, Земский 1951: 3].

По поводу «сплошных тяжелых льдов», кое-что применительно к экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева сообщал упомянутый выше С. Осипов (Куперман). «Можно было подвести кое-какие итоги, – как бы «от лица» участников экспедиции писал он, – экспедиция обследовала никем не исследованные ранее области Атлантического океана; выяснила, что приблизительно на 70° южной широты начинаются сплошные тяжелые льды (но это, как видно, уже прекрасно «выяснил» и Дж. Кук; как писал о Дж. Куке сам К. Осипов (Куперман), «да и кто мог спорить с человеком, трижды пересекшим полярный круг, трижды подходившим к границе сплошных льдов» [Осипов 1950: 6]. – *А.О.*); она открыла ряд новых островов и уточнила сведения, сообщенные Куком; наконец, она произвела ряд ценных наблюдений, важных для метеорологии, океанографии и других наук; «...Первое изыскание» было завершено... [Осипов 1950: 29, 34].

Говоря об экспедиционном дне 16(28) января 1820 года, С. Осипов (Куперман) «сокрушался» в своем тексте: «Увы! Корпуса кораблей были совершенно непригодны для продвижения в тяжелых льдах, и участники экспедиции не имели представления о том, что они находятся у самой цели [Осипов 1950: 27]. Напомним, что В.А. Перевалов признал книгу С. Осипова (Купермана), одной «из наиболее удачных популяризаций темы» [Перевалов 1951: 82].

После этого у В.А. Арсеньева и В.А. Земского шла пространная цитата из русского издания книги Дж. Кука (перевод с английского и комментарии Я.М. Света; под научной редакцией и со вступительной статьей И.П. Магидовича [Джемс 1948]). Именно эти советские специалисты (со стороны редакции ОГИЗ их «надежно прикрывал» редактор Я.А. Марголин), некорректно осуществив перевод книги Дж. Кука, расставив соответствующим образом «акценты» во вступительной статье, способствовали распространению в советской историографии фальсифицированных оценок взглядов Дж. Кука.

Между прочим, у книги В.А. Арсеньева и В.А. Земского был свой научный редактор – В.И. Цалкин (1903–1970) (редактором от издательства был М.И. Коган. – *А.О.*). В воспоминаниях об этом советском зоологе, докторе биологических наук можно прочитать, что В.И. Цалкин «...через всю жизнь пронес... высокие принципы – верность точно установленным фактам, ...мудрый скептицизм по отношению к разного рода эффектным, но плохо обоснованным гипотезам; это проявилось и при разработке исторических проблем» [Формозов 1970]. Даже если учесть, что В.И. Цалкин, на протяжении двадцати пяти лет занимался исследованиями костных остатков домашнего скота из археологических раскопок, а не историей географических открытий, то

все равно, такое его редактирование книги В.А. Арсеньева и В.А. Земского не соответствует приведенному отклику о нем. Кроме того, налицо очевидная заданность, характерная, уже хорошо знакомая нам направленность текста этой книги.

В частности, соавторы писали: ««Восток» и «Мирный» дошли до кромки льдов и направились вдоль нее на восток, используя каждый удобный случай для того, чтобы проникнуть возможно дальше к югу. Несколько раз пересекали они южный полярный круг и однажды заходили даже за 69° южной широты (но это были все равно не те, куковские 71°10', о которых чуть раньше писали В.А. Арсеньев и В.А. Земский. – *А.О.*). Дважды корабли подходили очень близко к материку, но сплошные льды и плохая видимость не позволили русским морякам увидеть материковые горы. Много раз они догадывались о близости земли, когда над кораблями появлялись снежные беревестники, обычно не улетающие далеко в открытое море. Однако обнаружить землю им так и не удалось» [Арсеньев, Земский 1951: 4–5].

Можно ли заключить из этого повествования В.А. Арсеньева и В.А. Земского (и их научного редактора В.И. Цалкина), что Первая русская антарктическая экспедиция – открыла Антарктиду? Вполне понятно, что вопрос прозвучит риторически... С другой стороны нельзя не заметить, что этот фрагмент текста во многом буквально воспроизводит интерпретационные модели, подходы и трактовки, продемонстрированные в первую очередь М. Райхенбергом [Райхенберг 1941(а), Райхенберг 1941(б)], С. Осиповым (Куперманом) [Осипов 1950], рядом других советских авторов.

Интересно, что будучи не географами, В.А. Арсеньев и В.А. Земский просто указали: «Теперь известно, что берег Александра I является не частью антарктического материка, а большим островом, отделенным от Антарктиды очень узким проливом» [Арсеньев, Земский 1951: 6].

Итоги экспедиции эти соавторы увидели в следующем: «...Русские моряки опровергли общепризнанное мнение (оно никогда и не было неким, якобы «общепризнанным». – *А.О.*) географов об отсутствии материка в южном полярном бассейне, открыв основные звенья Антарктиды» [Арсеньев, Земский 1951: 6]. Здесь вновь проглядывает, точнее, прямо коррелирует с приведенным фрагментом текст С. Осипова (Купермана). Последний писал в своей книге, что экспедицей «были открыты островные звенья (? – *А.О.*) Антарктиды (остров Петра I и Земля Александра I) [Осипов 1950: 48]. Впрочем ничего удивительного в этом нет: в разделе «Что читать об Антарктике», соавторы советовали читать именно эту книгу С. Осипова (Купермана).

Описывая территориальные притязания в Антарктике, В.А. Арсеньев и В.А. Земский оригинально отмечали, что «...Норвегия попыталась наложить лапу на некоторые территории, в том числе, между прочим, и на остров Петра Первого» [Арсеньев, Земский 1951: 6].

О том, что такая «лапа» давно и успешно «наложена», эти соавторы конечно же не сообщали. Упомянув Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики, В.А. Арсеньев и В.А. Земский между прочим утверждали, что США «вознамерились объявить своей собственностью чуть ли не всю Антарктику», и, именно поэтому, де-мол, «эта захватническая лихорадка вынудила Советский Союз выступить с меморандумом» [Арсеньев, Земский 1951: 7].

Последующее, ставшее уже «автоматическим» для советской историографии сообщение о том, что «приоритет нашей страны в открытии Антарктиды дает нам право на бесспорное участие во всех переговорах о режиме этой области» [Арсеньев, Земский 1951: 7] не мог не вызвать удивления, так как ничто, в изложении этих соавторов, о таком «приоритете» не свидетельствовало. Скорее наоборот.

В то же время, В.А. Арсеньев и В.А. Земский – вольно или невольно – но, совершенно точно, обрисовали ситуацию в иной, связанной тем не менее с Антарктикой области. Дело в том что советская пропаганда безапелляционно утверждала, что «попытки капиталистических государств решать вопрос о режиме Антарктики без участия СССР вызвали протест советской общественности» [Плавания 1949: 3]. Однако авторы анализируемой книги, участники похода в Антарктику китобойной флотилии «Слава» свидетельствовали: «Широкому советскому читателю до последнего времени Антарктика еще очень мало известна. Популярной литературы на русском языке почти нет совсем...» [Арсеньев, Земский 1951: 8].

Поэтому писать в 1949 году о том, что результаты экспедиции 1819–1821 гг. (как мы убедились выше во многом попросту забытые. – А.О.) якобы составляют «национальную гордость советских людей» [Плавания 1949: 3] было, скажем так, не вполне корректно, но с точки зрения советской пропаганды вполне допустимо, а с позиции коммунистической моноидеологии еще и удобно [Овлащенко 2013: 180].

Статья Н.Г. Рыбина «Русский приоритет в открытии Антарктиды» (Из доклада на заседании Сектора географии АН Казахской ССР) (1951). В 1951 году в издании «Известия Академии наук Казахской ССР» были опубликованы выдержки из доклада Н.Г. Рыбина, сделанного им на заседании Сектора географии АН КазССР. Н.Г. Рыбин (?–1957) – кандидат географических наук, выпускник МГУ, участник Великой Отечественной войны, после войны работал старшим научным сотрудником АН КазССР и одновременно заведовал кафедрой физической географии Алма-Атинского педагогического института. В 1948 г. Н.Г. Рыбиным была составлена первая схема физико-географического районирования территории Казахстана.

Давая в начале своего доклада краткий физико-географический обзор антарктической области, Н.Г. Рыбин, как это было еще принято у некоторых советских географов, особое внимание уделил Земле Александра I. В частности, этот советский специалист писал, что

«островной характер Земли Александра Первого не доказан» [Рыбин 1951: 78]. В то же время в подстраничной сноске к этой реплике Н.Г. Рыбиным было указано: «На современных картах, в том числе и на карте Большого Советского атласа мира, Земля Александра Первого указывается как остров. Основанием к этому являются данные воздушной экспедиции Д. Уилькинса. В отчете экспедиции Раймилла, вышедшем в свет в 1947 г., доказано, что Земля Александра Первого является полуостровом Антарктиды» [Рыбин 1951: 78, сноска 1].

Собственно исторический раздел своего доклада Н.Г. Рыбин открывал фразой о том, что «приоритет в открытии земель Антарктиды несомненно принадлежит русским исследователям» [Рыбин 1951: 78]. Как же была отражена и как трактовалась эта «несомненность» в докладе самого физико-географа? Прежде всего надо заметить, что Н.Г. Рыбин в своем описании весьма тактично «обошелся» с достижениями экспедиции Дж. Кука (не транслируя при этом якобы «ошибочные взгляды» последнего).

«За полярным кругом, – писал советский автор, – Джемс Кук земли нигде не видел, хотя и часто сталкивался с крупными ледяными горами, которые могли образоваться только на берегах полярных островов или материка.

После путешествия Джемса Кука в географической науке укрепился взгляд, что за южным полярным кругом суши нет, что там располагаются воды Южного Ледовитого океана. Честь опровержения этого ложного представления принадлежит русской экспедиции...» [Рыбин 1951: 79].

Однако и с заслугами русской экспедиции Н.Г. Рыбин обошелся аналогично, а именно, достаточно «тактично». Так, он сообщал: «16 января 1820 г. Беллинсгаузен достиг 69°22' ю. ш. и 2°15' з. д., впервые подойдя к кромке неподвижного льда, т. е. к берегу материка.

Изучение новейших карт показало, что поход (подход? – *А.О.*) к кромке неподвижных льдов был первым открытием («первым открытием»? – *А.О.*) материка Антарктиды.

Это признается и за границей. Так, английский географ проф. Дебенхем признает в комментариях к труду Беллинсгаузена, что русские корабли 16 января 1820 г. были не более чем в 20 милях от берега Антарктиды, который теперь называется Землей принцессы Марты.

5 февраля 1820 г. корабли экспедиции оказались снова в непосредственной близости от берегов Антарктиды, в районе Земли принцессы Ранхильды под 69° ю. ш. и 15° в. д. Пытаясь пробиться к Южному полюсу, экспедиция в январе и феврале 1820 г. трижды заходила за полярный круг, но тяжелая борьба со льдами и отсутствие попутного ветра заставили, наконец, путешественников взять курс на север» [Рыбин 1951: 80].

Как видно, в статье Н.Г. Рыбина нет ни упоминаний письма М.П. Лазарева, ни отчета Ф.Ф. Беллинсгаузена, а присутствует лишь ссылка

на «безусловный» авторитет Ф. Дебенхэма. Жаль, что при этом Н.Г. Рыбин не цитирует Ф. Дебенхэма, слова которого, еще в 1947 году, в свою очередь воспроизводил Е.Е. Шведе: «Несколько часов ясной погоды в этот (а речь у Ф. Дебенхэма шла именно о 16(28) января 1820 г. – *А.О.*) и открытие (Антарктиды. – *А.О.*) было бы сделано на 110 лет ранее» [Шведе 1947: 358].

Зато Н.Г. Рыбин цитирует иного автора, к которому практически не обращалась (а, тем более, так позиционируя его) советская послевоенная историография: «Крупный знаток Антарктики проф. С.Г. Григорьев, оценивая деятельность экспедиции Беллинсгаузена, пишет: «Помимо обстоятельных сведений о посещенных странах, Беллинсгаузен привез богатые коллекции; он открыл двадцать девять новых островов, из них два – остров Петра I и берег Александра I (неправильно называемый «Землею Александра I») – далеко за полярным кругом, так далеко, что вторично отыскать их удалось только 88 лет спустя (экспедиция Шарко в 1909 г.)» [Рыбин 1951: 81]. И снова после этой цитаты, сам Н.Г. Рыбин настаивает: «После смерти С.Г. Григорьева был вновь установлен материковый характер Земли Александра I» [Рыбин 1951: 81, сноска 1].

Затем Н.Г. Рыбин приводит широко известную, пространную цитату из работы «недавно скончавшегося (за 11 лет до опубликования статьи Н.Г. Рыбина... – *А.О.*) крупнейшего русского океанографа Ю.М. Шокальского» [Рыбин 1951: 81].

Наконец, заключительная часть доклада-статьи Н.Г. Рыбина была полностью посвящена цитированию, а если точнее, простому пересказу (причем весьма вольному) доклада академика Л.С. Берга. Среди прочего, первый писал: «...Но вне зависимости от противоречивых утверждений о характере Земли Александра I историческое право открытия ряда земель Антарктики и утверждения (Ф.Ф. Беллинсгаузена, М.П. Лазарева, П.М. Новосильского...? – *А.О.*) о существовании южнополярного материка остается за Россией и по преемству за СССР.

Замечательное в истории географических открытий плавание в антарктических льдах русских исследователей... Беллинсгаузена и... Лазарева, открывших двадцать девять антарктических земель (?! – *А.О.*) и в том числе остров Петра I и Землю Александра I...

Русские мореплаватели... открыли существование Антарктиды.

...Долгом географов Казахстана является энергичное присоединение к резолюции протеста, которую приняло по докладу академика Л.С. Берга общее собрание Всесоюзного географического общества» [Рыбин 1951: 83].

Самая последняя фраза позволяет предположить, что доклад Н.Г. Рыбина был зачитан уже вскоре после общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР (10 февраля 1949 г., Ленинград), а лишь напечатан в 1951 г. Это косвенно подтверждает и,

прямо скажем, «небогатый» (без более поздних публикаций) список литературы к статье-докладу Н.Г. Рыбина.

Список открывала книга Ф.Ф. Беллинсгаузена (1831). Затем следовал русский перевод книги К. Валло. Автор уже писал [Овлащенко 2013: 165] об этой, несколько «выпадавшей» из нарождающихся в советской историографии подходов – переведенной и опубликованной в 1948 году в Советском Союзе, книге Камилла Валло «Общая география морей». Редактор книги профессор Н.Н. Зубов подчеркивал, что эта книга, «...переведенная с французского, представляет интерес не только потому, что обобщающих книг в мировой океанографической литературе нет, но и по своей оригинальности». В разделе «От редактора» Н.Н. Зубов отмечал: «Эта оригинальность сказывается как в построении книги, так и в ее содержании. При чтении книги надо помнить, что она была напечатана в 1933 г., и поэтому некоторые наблюдения и выводы в ней являются устаревшими. Это по возможности учтено и исправлено редакторскими примечаниями, помещенными в конце книги. Перевод сделан с точностью почти приближающейся к буквальной, так что на книгу можно ссылаться» [Валло 1948: б/с].

Что же говорилось в этой, «на которую можно ссылаться» книге, в частности о факте открытия Антарктиды? В. Валло пишет: «Громадные пространства Южного океана и обширная земля, находящаяся в ледовитой зоне, где долгое время она оставалась неизвестной, окончательно были открыты лишь в первые десятилетия XIX в. Беллинсгаузен..., Уэдделем, Дюмон Дюрвилем и Россом...» [Валло 1948: 93]. Так вот оно – «открытие» Антарктиды, но, теперь уже, не «на троих» [Овлащенко 2013: 39, 48 и далее], а, на целых «четверых»... Однако здесь хотя бы нашлось место для Беллинсгаузена, в отличие от подобной же «периодизации» Р. Бэрда и вычитывавшего зады работ последнего, «ученого секретаря» Арктического института Н.Н. Урванцева [Бэрд 1935: 5, 62–63].

Следующими источниками в списке литературы, Н.Г. Рыбин указал две книги С.Г. Григорьева: «3. Григорьев С. Шестая часть света. М., 1925. 4. Григорьев С. Вокруг Южного полюса. М., 1925» [Рыбин 1951: 84]. Известно, что С.Г. Григорьев издал книгу «Вокруг Южного полюса» в 1906 году [Григорьев 1906]; книга «Шестая часть света (Антарктика)» была издана в 1925 году [Григорьев 1925].

Итак, о чем же писал сам, как его характеризует Н.Г. Рыбин, «крупный знаток Антарктики» [Рыбин 1951: 81] профессор С.Г. Григорьев. В изданной в 1925 году небольшой книге «Шестая часть света», ее автор, географ-страновед, профессор Московского университета С.Г. Григорьев (1874–1931; результатом его работы по истории исследования Антарктики явилась книга «Шестая часть света» и выдержавшая несколько изданий книга «Вокруг Южного полюса» [Сергей 1959: 654]) упомянул, что, «первый видел сушу за южным

полярным кругом наш соотечественник – Ф. Беллинсгаузен» [Григорьев 1925: 8]. Согласно интерпретационной модели С.Г. Григорьева, Беллинсгаузен и Лазарев в течение 1819–1821 гг. обошли «вокруг самую южную часть земного шара, у самой границы сплошного пловучего (! – *А.О.*) льда».

Григорьев писал, что Беллинсгаузен «увидел одетую снегом и льдом высокую землю – «Землю Александра I», а еще дальше, также покрытый снегом и льдом остров, который он назвал островом Петра Великого (довольно странное описание для «крупного знатока Антарктики»; на самом деле порядок открытий был обратный. – *А.О.*); но добраться до обоих этих кусков суши он не мог из-за пловучих льдов, хотя правильно определил их положение на карте и даже дал рисунок виденного» [Григорьев 1925: 8–9]. В последнем случае очевидно были упомянуты рисунки острова Петра I и Берега Александра I, выполненные участником экспедиции художником П. Михайловым.

Описывая дальнейшие антарктические исследования С.Г. Григорьев подчеркивал, что «особенно повезло» английской экспедиции 1839–1843 гг. на судах «Эребус» и «Террор» под командованием Дж. Росса. «Тем не менее, – продолжал С.Г. Григорьев, – даже после этих открытий о каком-нибудь материке, лежащем за южным полярным кругом, и не думали (? – *А.О.*); а открытые до тех пор участки суши считались, в лучшем случае, большими островами, разбросанными среди Южного Ледовитого океана» [Григорьев 1925: 12]. Оценивая уровень научных знаний об Антарктиде, в 1925 году С.Г. Григорьев писал, что «во всяком случае, мы знаем теперь уже очень много, так много, что природа новой (вернее, только теперь открытой) (! – *А.О.*) части света в главных своих чертах может считаться выясненной» [Григорьев 1925: 16].

Гораздо позднее, в 1968 году комментируя этот же абзац из работы С.Г. Григорьева, авторы книги «География Антарктиды» обращали внимание, что после открытий экспедиций Дюрвиля, Уилкса и Росса, в некоторых атласах XIX века ненадолго появились очень неуверенно нанесенные надписи: «Антарктический континент» (обычно в одном и том же атласе на одной и той же карте помещалась надпись «континент», а на другой – «океан» или надпись «океан» помещалась внутри границы, обозначенной надписью «континент») [География 1968: 22].

Весьма примечательно, что в предыдущей книге С.Г. Григорьева – «Вокруг южного полюса», изданной в 1906 году с целью ознакомить «русскую публику» с событиями происходившими и происходящими «в области, лежащей вокруг южного полюса», ее автор посвятил Первой русской антарктической экспедиции... всего лишь один небольшой абзац!

Стоит привести его полностью: «В июле... 1819 года из Кронштадского порта вышли два корабля, «Восток» и «Мирный», со

специальной задачей проникнуть как можно дальше на юг, и узнать, что находится в неведомом южно-полярном океане; командовал этими судами наш соотечественник Беллинсгаузен. В 1819–21 годах он (о М.П. Лазареве, как видим, не было упомянуто вообще. – А.О.) объехал в два приема антарктические страны кругом, стараясь по возможности держаться южнее; во многих местах на пути встречались сплошные массы плавучего льда, а в одном месте, к юго-востоку от Огненной Земли, Беллинсгаузен натолкнулся на небольшие участки суши, названные им в честь Петра Великого и Александра I» [Григорьев 1906: 7].

Так знакомили «русскую публику» с великим, совершенным их соотечественниками открытием...

Такие «скупые» оценки С.Г. Григорьева не укрылись в свое время от отдельных советских специалистов. В подготовленной в МГУ им. М.В. Ломоносова и изданной в 1947 году, книге Г.С. Тихомирова по истории географии (эта книга предназначалась в помощь студентам младших курсов географических факультетов при изучении курса общей географии) ее автор (аннотируя книгу С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» (М., 1915). – А.О.) писал: «К сожалению, в книге сравнительно мало сказано о русских мореплавателях, открывших этот материк...» [Тихомиров 1947: 73].

Последним источником (помимо указания на опубликованный в газете «Правда» отчет о собрании географов 10 февраля 1949 г. [Общее 1949(а)]) в списке литературы у Н.Г. Рыбина была указана напечатанная в 1948 году статья Б.А. Шлямина [Шлямин 1948: 36]. Как уже было показано выше, помимо того, что в описании этого автора январские и февральские экспедиционные дни не упоминаются вовсе, его дальнейшие пояснения хода и результатов экспедиции, можно рассматривать в качестве одного из наихудших примеров в советской историографии.

Книга А.В. Соколова и Е.Г. Кушнарева «Три кругосветных плавания М.П. Лазарева» (1951). В 1951 году Государственным издательством географической литературы была издана (тридцатитысячным тиражом) книга А.В. Соколова и Е.Г. Кушнарева – «Три кругосветных плавания М.П. Лазарева». Книга вышла под редакцией доктора географических наук А.Д. Добровольского и М.Б. Черненко.

Известно, что один из авторов книги – А.В. Соколов, являлся секретарем Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества Союза ССР. Это Отделение было создано в июне 1947 г. в составе Московского филиала Географического общества по решению его Президиума. В круг ведения нового Отделения вошли вопросы истории географических знаний и исторической географии. Первое заседание Отделения состоялось в октябре 1947 г. В апреле 1949 г. было избрано постоянное

бюро в числе пяти человек: В.К. Яцунского (председатель), А.В. Соколова (секретарь), Д.М. Лебедева, С.Е. Феля и В.Я. Якубовича [Соколов 1950: 241].

Некоторые из перечисленных членов Отделения так же являлись авторами публикаций об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева [Якубович 1944; Якубович 1948; Григорьев, Лебедев 1949]. К моменту выхода в свет (в самом начале 1950 года) выпуска «Вопросов географии», посвященного истории географических знаний, Отделением (за период с 1947 по 1949 г. включительно) было рассмотрено свыше 30 докладов. В официальном отчете о деятельности Отделения за этот период доклады об Антарктике, об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева не упоминаются [Соколов 1950: 241–246].

Работа соавтора А.В. Соколова – рецензия Е.Г. Кушнарера [Кушнарер, Васильев 1950] была подробно проанализирована выше.

Уже во введении своей книги А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарер дважды подчеркнули тот факт, что Антарктиду открыла русская экспедиция [Соколов, Кушнарер 1951: 3, 12]. Широко используя в книге документы из Центрального государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ. – *А.О.*) А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарер, возможно одними из первых в советской историографии цитировали докладную записку И.Ф. Крузенштерна морскому министру Траверсе: «Славу такого предприятия не должны мы допускать отнять другим у нас; она в продолжении краткого времени достанется непременно в удел англичанам или французам» [Соколов, Кушнарер 1951: 76]. Правда и, к сожалению, далеко не первыми уже в этой историографии, упомянутые соавторы в очередной раз растиражировали идеологизированные, квазинаучные версии «мнений» Дж. Кука [Соколов, Кушнарер 1951: 76–77].

Лучшему пониманию исходных посылок выхода в свет анализируемой книги (помимо, надо полагать, основного, формального – столетия со дня смерти адмирала М.П. Лазарева) способствует следующий абзац из нее. Стоит процитировать его полностью: «Самую главную роль в подготовке (экспедиции. – *А.О.*) сыграл Михаил Петрович Лазарев. К великому сожалению, приходится отметить, что ни у современников, ни в нашей, советской, литературе роль Лазарева в подготовке и проведении этой экспедиции не получила достаточной оценки. В свое время вся слава досталась, как это всегда бывало при царизме, лишь начальнику экспедиции – Беллинсгаузену. Его имя затмило собой не только имена главных героев – скромных рядовых матросов, вынесших на своих плечах всю тяжесть плавания, – но также и имена офицеров, среди которых первое место по праву принадлежит Лазареву.

...Опыт организации и проведения дальних плаваний он превосходил Беллинсгаузена.

...Экспедиция долгое время оставалась без начальника. Лазарева, вполне достойного этого поста, считали слишком молодым...» [Соколов, Кушнарев 1951: 82, 88].

Таким образом в подобном, совершенно надуманном противопоставлении нашла свое логическое завершение та тенденция в советской историографии, на которую уже было обращено внимание несколько выше (и приведено порядка десяти конкретных примеров из этой историографии).

В разделе «Открытие шестого континента» А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарев пишут: «Утром 16 января (1820 г. – *А.О.*) достигли широты 69°17', а льдов впереди еще не было... Но в полдень, когда дошли до 69°25' южной широты, моряков остановило обширное ледяное поле, за которым «в виде белых облаков» возвышался высокий ледяной барьер, с ровными, как стена, краями. Сплошным огромным массивом простирался он «от востока через юг на запад».

Этот ледяной барьер и был берегом Антарктиды. Беллинсгаузен назвал встреченные льды «матерыми». Он оставил их точнейшее описание.

Русские моряки ясно видели необычность льдов, встреченных на этот раз. Об этом писал в своем дневнике мичман Новосильский (запись от 5 февраля 1820 г., когда суда в третий раз подошли к окраине антарктического материка): «Множество полярных птиц и снежных петрелей выются над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды». И далее он писал еще более определенно: «...нет сомнения, что близ 69° южной широты и долготы от 15° и далее к востоку должен находиться берег».

...И далее: «множество разбитых полей и льда есть верный признак близости островов и земли, а достижение настоящей ледяной стены означает близость скрывающегося за ней южного материка».

Не менее определенно эту точку зрения высказал и Беллинсгаузен, писавший: «Я полагаю, что непременно по близости сего места должен быть берег».

Все приведенные высказывания русских мореплавателей с несомненной убедительностью показывают, что русские моряки отдавали себе ясный отчет в том, что 16 января 1820 года они открыли антарктический материк.

Исключительная скромность, высокая требовательность к себе и научная добросовестность, не позволившие русским людям более определенно заявить о своем открытии, делают им большую честь, но несколько не меняют существа дела. Шестая часть света открыта русскими 16 января 1820 года, и невозможно отнять у них эту великую честь, так же как нельзя лишить Колумба заслуги считаться открывателем Америки с востока на том основании, что сам он принял ее совсем за другой материк» [Соколов, Кушнарев 1951: 123–125].

Конечно же, соавторам – в 1951 году, необходимо было оперировать совсем иными аргументами, а не только «множеством полярных птиц и снежных петрелей выющихся над шлюпом», как подтверждением близости материка. Здесь в первую очередь требовалось цитирование донесения Ф.Ф. Беллинсгаузена, письма М.П. Лазарева, в которых четко и ясно сказано, что участники экспедиции видели (а не только «полагали», «предполагали» его близость) берег Антарктиды, опознавали и отождествляли его именно, как таковой. Эклектичным и двусмысленным в этом контексте выглядит очередное проведение в жизнь тезиса об «исключительной скромности» русских южнополярных путешественников, их «требовательности» к себе, а, тем более, такое же очередное сравнение их с Колумбом, открывшим Америку, но «принявшим ее за совсем другой материк».

«Открытие материка русскими в 1820 году, – пишут А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарев, – в настоящее время вынуждены признать и иностранные ученые. Так, один из современных английских исследователей Антарктики писал в 1945 году: «Беллинсгаузен видел материк, но не опознал его как таковой» [Соколов, Кушнарев 1951: 126]. Вот так «подтверждение»! Понятно, что соавторы в данном случае ссылаются на мнение Ф. Дебенхэма. После цитаты, в сноске текста указано: «Предисловие к английскому переводу труда Беллинсгаузена, 1945 г., стр. XVI». Не менее понятно, что перед нами вторичное (но скрытое) цитирование: текст взят из вступительной статьи Е.Е. Шведе к первому советскому переизданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена [Шведе 1949(б): 26]. Интересно, что в отличие от Е.Е. Шведе, молчаливо (но фактически) соглашавшегося с версией Ф. Дебенхэма, А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарев приходили совсем к другому выводу: «И далее этот ученый (Дебенхэм. – *А.О.*) признает, что материк был тогда не только (*sic!* – *А.О.*) открыт, но и описан: «нельзя было дать лучшего описания сотен миль антарктического материка, каким мы его теперь знаем» [Соколов, Кушнарев 1951: 126].

Конечно подобные натяжки да и попросту вымысел, приписывание западному ученому того, чего он совсем не считал и не говорил, были совсем не нужны. Советской историографии достаточно было лишь добросовестно и внимательно распорядиться доступными на тот момент источниками – донесением Ф.Ф. Беллинсгаузена и письмом М.М. Лазарева. В очередной раз обратим внимание читателя – эти источники [Донесение 1823; Письма 1918] были известны советской историографии, доступны и, в частности, фигурировали в списке библиографии к изданной под редакцией Е.Е. Шведе книге Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949: 354–357]. Справедливости ради надо указать, что соавторы все-таки цитировали известное письмо М.П. Лазарева.

В частности, А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарев писали: «Через пять дней после открытия материка, пройдя некоторое расстояние на северо-

запад, а затем на восток, снова повернули к югу. Но шли они недолго: около широты 69°25' уперлись в продолжение тех же льдов, которые были открыты 16 января...

В самом начале февраля при первой возможности круто повернули на юг и уже вскоре пересекли южный полярный круг во второй раз. а через три дня, достигнув широты 69°7', опять уперлись в тот же самый ледяной барьер. Снова, из-за непроходимых «матерых» льдов пришлось поворачивать в обратный путь.

Ныне мы знаем, что не было силы, которая позволяла бы отважным морякам преодолеть «матерые» льды. Это была земля (! – *А.О.*), укрытая льдом, – шестой материк, Антарктида.

Продвигаясь на северо-восток, шлюпы вскоре перешли 20° восточной долготы и вступили в пределы Индийского океана. Через несколько дней в третий раз пересекли южный полярный круг и снова сделали попытку проникнуть к югу.

В письме другу Лазарев писал об этом этапе плавания: «продолжали мы путь свой к востоку, покушаясь при всякой возможности к югу, но всегда встречали льдинный материк, не доходя 70°» [Соколов, Кушнарв 1951: 126] (соавторы цитировали этот фрагмент письма М.П. Лазарева из источника «Плавания шлюпов...» [Плавания 1949]. – *А.О.*).

Это описание следует признать на тот момент, как наиболее объективное и в целом наилучшее в советской историографии.

Описывая второй этап плавания А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарв в частности писали: «И вот 17 января в 11 часов утра в 40 милях к востоку моряки увидели долгожданный берег. Первым берег заметил в подзорную трубу Лазарев...

Не отрываясь от трубы, Лазарев приказал сообщить об этом на шлюп «Восток». Но в тот момент, когда сигнальщик приготовился исполнить приказание, на «Востоке» быстро замелькали сигнальные флаги, извеща «Мирный» о том же самом.

...Перед их взорами лежал берег той самой таинственной Антарктиды, которую они открыли со стороны Атлантики ровно год назад» [Соколов, Кушнарв 1951: 156–157].

Несмотря на сквозившее на протяжении всей книги, некое противопоставление заслуг Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, достаточно надуманное и в целом искусственное противопоставление самих их личностей, соавторы не стали скрывать от читателей тот факт, что «все рядовые, участвовавшие в плавании, как сообщает об этом Лазарев, были награждены двойным окладом жалованья до конца службы во флоте и сокращением срока службы на три года» [Соколов, Кушнарв 1951: 164].

В разделе «Значение антарктической экспедиции» А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарв подчеркивали, что «значение экспедиции на шлюпах

«Восток» и «Мирный» прежде всего состояло в том, что она открыла шестую часть света – Антарктиду» [Соколов, Кушнарв 1951: 165]. В дальнейшем описании соавторы, к сожалению, вновь уходят от «действительного к желаемому». Они пишут: «Открытие Антарктиды явилось важной вехой в развитии географической науки.

Мир был поражен величиим этого открытия, смелостью и искусством русских моряков, силою и правильностью предвидения русской науки.

Бесспорный приоритет русских в открытии Антарктиды тогда же (*sic!* – А.О.) был признан всем миром...» [Соколов, Кушнарв 1951: 166].

Справедливей было другое: «...Главная задача – открытие Южного материка – была выполнена блестяще. Русские моряки первые в истории достигли берегов этого материка, обошли вокруг него в наиболее южных, до того времени никем не пройденных водах, наметили его приблизительные границы и, наконец, дали описание сотен и тысяч миль его берегов.

...Совместное с Беллинсгаузенем, плавание Лазарева дало миру шестой материк...» [Соколов, Кушнарв 1951: 166–167, 205].

Статья А.В. Ступишина «К восстановлению приоритета русских исследователей в географии» (1951). В 1951 году в очередном томе «Ученых записок Казанского Государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина» была опубликована статья А.В. Ступишина «К восстановлению приоритета русских исследователей в географии».

Несмотря на такое название сам А.В. Ступишин, касаясь экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, писал: «Заслуги в исследованиях и открытиях этой замечательной и беспримерной экспедиции русских широко известны и не входят в наше рассмотрение. Лишь укажем, что после открытия в начале 1820 г. Антарктиды наши мореплаватели в июне этого же года проникли в малоисследованный район тропической части Тихого океана и совершили здесь – «в сердитом море» отважное плавание среди «опасного архипелага», как называли в то время этот участок океана иностранные мореплаватели» [Ступишин 1951: 7].

Помимо простого указания на тот факт, что «русские люди... открыли Антарктиду» [Ступишин 1951: 3], с точки зрения анализа советской историографии важен и темпоральный аспект такого указания. А.В. Ступишин, как только что было показано, уже в целом «буднично» упомянул, что такое открытие состоялось «в начале 1820 г.» [Ступишин 1951: 7].

В этой связи несколько нелогичным выглядит посвящение, которое предпослал статье ее автор: «Настоящая статья говорит о вопросах забытого приоритета русских географов и посвящается памяти выдающегося борца за восстановление приоритета отечественной географии, академика Льва Семеновича Берга» [Ступишин 1951: 3].

Нелогично, потому что сам «выдающий борец», если исходить из его книг, статей и очерков, выступлений, никогда не считал, что открытие Антарктиды русскими произошло 16(28) января 1820 года. Но, советской историографии нужны были свои мифы и, следовательно, свои мифические герои...

Книга Н.Н. Зубова и М.Б. Черненко «Русские люди в Арктике и Антарктике» (1951). В 1951 году Воениздатом в серии «Научно-популярная библиотека солдата» была выпущена книга профессора, доктора географических наук Н.Н. Зубова и научного сотрудника Арктического института М.Б. Черненко (один из редакторов книги А.В. Соколова и Е.Г. Кушнарева [Соколов, Кушнарев 1951]). Она называлась «Русские люди в Арктике и Антарктике».

Зубов Николай Николаевич (1885–1960) – ученый-гидрограф, доктор географических наук (1937), профессор (1930), инженер-контр-адмирал (1945). Участник русско-японской войны 1905 г., в Цусимском бою был тяжело ранен. С 1949 г. – в Московском университете (профессор кафедры гидрологии, 1952 г. – океанологии), организовал кафедру океанологии; автор целого ряда научных монографий [Зубов 1993: 344–345]. Чуть выше уже были процитированы некоторые замечания Н.Н. Зубова, выступившего в качестве редактора переведенной на русский язык и изданной в 1948 году в Советском Союзе, книги Камилла Валло «Общая география морей» [Валло 1948: б/с].

В 1949 году в мартовском выпуске советского общественно-политического журнала «Огонек» была опубликована статья Н.Н. Зубова «Русские в Антарктике». Процитировав руководителя английского Королевского географического общества Л.П. Кируэна, заявившего, что Англия всегда высоко ценила роль, которую русские моряки сыграли в открытии (не само открытие, а «роль в открытии». – А.О.) Антарктики, и сделав этим своеобразный экивок, Н.Н. Зубов дал в дальнейшем своем повествовании, свою же трактовку экспедиционных дней января 1820 года.

В частности, он писал: «...Все возрастающее число айсбергов, несомненно говорило о близости материка. Ведь эти ледяные громады могли отделиться только от колоссальных ледников, сползающих в океан с суши. Русские моряки были убеждены, что недалеко есть земля. Мичман Новосильский писал: «Около нас должен быть берег или неподвижные льды».

Однако время шло, а желанный берег не показывался. Несколько раз корабли спускались за Полярный круг, но всюду путь преграждал сплошной пловучий (! – А.О.) лед. Между тем антарктическое лето подходило к концу. ...Беллинсгаузен и Лазарев решили повернуть на север с тем, чтобы через полгода, по наступлении антарктического лета, возобновить поиски таинственного южного материка» [Зубов 1949: 22].

Такая вот, прямо скажем, невеселая картина...

Собственно это была не исключительно «зубовская» трактовка. Она сходилась с худшими, существовавшими еще в ранней советской историографии экспедиции, оценками и трактовками (например, продемонстрированными Н. Введенским [Введенский 1940; 1941] и М. Райхенбергом [Райхенберг 1941(б)]).

Автор уже отмечал, что, по сути, описание Н.Н. Зубова и продемонстрированные академиком А.А. Григорьевым и Д.М. Лебедевым (работы последних и статья Н.Н. Зубова были опубликованы в 1949 г.) подходы находятся, что называется на «разных полюсах». Поэтому говорить, как это пытаются делать сегодня некоторые зарубежные историки [Bulkeley 2013: 9–25], о некоей «унификации» исследовательских практик советских авторов, которая состоялась якобы на основании только лишь «самого факта» проведения общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, с точки зрения исторической науки, историографии не вполне корректно.

Описав кратко открытие экспедицией острова Петра I и Земли Александра I Н.Н. Зубов, затем неожиданно пишет: «Все перечисленные факты с несомненностью свидетельствуют, что Антарктида открыта русскими. ...Это великое географическое открытие, навеки прославившее русский флот, положило начало нашим познаниям о материке за Южным полярным кругом» [Зубов 1949: 22]. Но из самой статьи Н.Н. Зубова скорее следовало, что Антарктиду русские – не открывали. Во всяком случае абсолютно непонятно, что могло свидетельствовать об этом, упомянутое самим этим советским военноморским географом «все перечисленное»?

Между прочим в некоторых других опубликованных в 1949 году материалах, например в статье Г. Кублицкого (не являвшегося профессиональным географом), в отличие от статьи доктора географических наук Н.Н. Зубова хотя бы были выделены, упомянуты подходы к берегу Антарктиды в январе – феврале 1820 г. кораблей экспедиции [Кублицкий 1949(а): 6].

Предваряя настоящую книгу, свою прошлую работу автор закончил так: «...Взгляды, оценки, трактовки, позиции, исследовательские подходы и интерпретационные модели многих из уже знакомых нам советских авторов, претерпевали зачастую интереснейшую метаморфозу... [Овлащенко 2013: 285]. В первую очередь это можно сказать о научном, исследовательском творчестве Н.Н. Зубова. Причем здесь, надо полагать, речь не должна идти о некоей «конъюнктуризации» такого творчества, а, напротив, о более углубленном, добросовестном анализе доступных на тот момент документов (источников), касающихся экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева (автору сложно ответить на вопрос о том, насколько в данном, конкретном случае сказалось влияние соавтора Н.Н. Зубова – научного сотрудника Арктического института М.Б. Черненко).

В разделе «Антарктиду открывают русские» Н.Н. Зубов и М.Б. Черненко в частности писали: «Южный материк, шестой континент, Антарктиду открыли русские морские офицеры Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев и их соплатователи.

...16 января 1820 года шлюпы подошли к 69°22' южной широты и 2°15' западной долготы. С востока на запад по всему горизонту протянулась светлая широкая полоса неподвижных льдов. Дул крепкий юго-восточный ветер, но льды лежали безжизненно мертво, совершенно неподвижно. Через некоторое время суда вошли в просторную бухту, образовавшуюся среди обширного ледяного поля. Льды вокруг были усеяны невысокими пригорками. Эти «бугристые льды» (так их назвал Беллинсгаузен) и были окраиной Антарктиды.

Матерые неподвижные льды не позволили подойти вплотную к берегу (как видно от «сплошного пловучего льда», зубовской «версии 1949 года», теперь не осталось что называется и «следа». – *А.О.*). А желанная цель была совсем рядом, в немногих милях. Не покрывай ее ледники, она сама открылась бы русским морякам в награду за их смелость и упорный труд. Но, погребенная под льдом, эта южно-полярная суша своей поверхностью неприметно сливалась с хаосом ледовых нагромождений. Даже человек, который прошел бы по ней, и тот мог усумниться – суша ли это или морские льды. Русские исследователи добросовестно отметили все признаки, свидетельствовавшие о близости суши, но ничего больше они не стали утверждать. Так скромно в летопись великих открытий была внесена новая дата – день 16 января 1820 года (28 января 1820 года по новому стилю), когда русские открыли Антарктиду – последний, шестой континент земли.

Беллинсгаузен составил точнейшее описание его окраины.

...Вторично экспедиция вплотную подошла к Антарктиде 21 января 1820 года, третий раз – 5 февраля. Беллинсгаузен писал в своем донесении: «Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края обломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу».

Близость берега ясно сознавали и другие офицеры экспедиции. ...Новосильский занес в свой дневник: «Близ 69° южной широты и долготы от 15° и далее к востоку должен находиться берег. Может быть, более счастливому будущему мореплавателю и столь же отважному, как наш начальник, вековые горы льда, от бури или других причин, расступившись в этом месте, дадут дорогу к таинственному берегу!» [Зубов, Черненко 1951: 50, 54–55].

Казалось бы беллетристическое описание, но, на самом деле, оно было важным физико-географическим подтверждением состоявшегося

открытия (не менее важным было и указание этих соавторов на Антарктиду как на последний, шестой континент земли).

Вслед за Е.Е. Шведе [Шведе 1949(б): 25–26] и Г.И. Кублицким [Кублицкий 1949(б): 73–74], Н.Н. Зубов и М.Б. Черненко вводят в научный оборот ключевые слова из донесения Ф.Ф. Беллинсгаузена (похоже однако, что эти соавторы, как и Г.И. Кублицкий пользовались цитатой из статьи Е.Е. Шведе, несколько отличавшейся от оригинального текста, опубликованного в 1823 году в «Записках, издаваемых Государственным Адмиралтейским Департаментом» [Донесение 1823: 212]). Не побоялись эти соавторы интегрировать в свой текст слова (о «более счастливом будущем мореплавателе») из книги мичмана П.М. Новосильского, которые, на самом деле, конечно же не означают того, что открытие не состоялось.

В разделе «Советские люди в Антарктике» Н.Н. Зубов и М.Б. Черненко, обосновывая правопритязания Советского Союза на антарктические пространства и природные ресурсы, писали: «Суровые штормы, море, густо усеянное льдами, низкие температуры затрудняют доступ к антарктической суше. Исследования Антарктики, даже при современной технике, очень трудны... Но раз здесь запахло (*sic!* – *А.О.*) ураном – все это нипочем.

Антарктида – единственный пока еще не поделенный между державами материк. В последние годы вокруг вопроса о правах владения Антарктидой затеяна сложная возня... Переговоры об установлении какого-либо международного статута ведутся за кулисами и без консультации с СССР, хотя права нашей страны на участие в решении таких вопросов бесспорны.

...Организовав в Антарктике китобойный промысел, Советский Союз возобновил исследования этого далекого края. Советские ученые, находящиеся на судах китобойной флотилии «Слава», изучают воды и климат Антарктики, глубины океана, течения, животный мир. Они продолжают дело, начатое русскими моряками в начале XIX века. Много раз советские суда пересекали Южный полярный круг, доходили до Великого ледового барьера, до границ Антарктиды.

Во время одного из плаваний «Слава» близко подошла к побережью Земли принцессы Марты, где около 130 лет тому назад плавали Беллинсгаузен и Лазарев со своими спутниками. Участники советской экспедиции подтвердили поразительное сходство виденных ими прибрежных материковых льдов с тем описанием, которое оставил Беллинсгаузен. Они вместе с тем обратили внимание на то, что современные норвежские и английские карты весьма неточно изображают положение Земли принцессы Марты. В действительности, в этом районе материк несколько дальше выступает на север. Таким образом, русские военные моряки в январе 1820 года еще ближе подходили к окраине Антарктического материка, чем указывалось раньше (! – *А.О.*)» [Зубов, Черненко 1951: 137–138].

Рецензия Л.Д. Черноусько на сборник материалов о китобойной флотилии «Слава» (1951). В очередном номере «Известий ВГО» за 1951 год была опубликована краткая рецензия Л.Д. Черноусько. Выше уже был проведен анализ рецензии подполковника В.А. Дивина и инженер-капитана 2 ранга Л.Д. Черноусько на сборник статей «Новаторы русского флота» [Дивин, Черноусько 1950]. А в предыдущей монографии автора [Овлащенко 2013] неоднократно упоминалась более ранняя публикация Л.Д. Черноусько (тогда еще инженер-капитана 3 ранга). Эта (опубликованная в апрельском, за 1949 год, номере журнала «Морской сборник») статья примечательна тем, что открытие Антарктиды 16(28) января 1820 г. не упоминается вообще, а факт первооткрытия был автором статьи привязан к моменту открытия Земли Александра I, т. е. годом позднее. «Открытый материк (! – А.О.), – писал Л.Д. Черноусько, – был назван Берегом Александра I» [Черноусько 1949: 95–97].

В то же время Л.Д. Черноусько (судя по всему присутствовавший на состоявшемся в Москве 4 марта 1949 г. расширенном заседании ученого совета Института географии Академии наук СССР, в ходе которого был заслушан доклад академика А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева [Григорьев, Лебедев 1949]. – А.О.) писал в своей статье: «Затем корабли отправились к югу, достигнув 16 января (далее шло перечисление соответствующих координат. – А.О.); ...следовательно, уже в этот момент русские впервые в истории находились в непосредственной близости от антарктического материка» [Черноусько 1949: 95–97]. В этом смысле, точка зрения (при всех ее недостатках) «рядового» военно-морского офицера Л.Д. Черноусько, получившего «голос» в «Морском сборнике», разительно отличалась от взглядов многих, гораздо более «научных» гражданских (да и военных) советских специалистов.

Как это бывало в подобных случаях, резолюция собрания действительных членов Географического общества СССР от 10 февраля 1949 г. встретила в стране «всеобщее одобрение и поддержку». Как подчеркивал Л.Д. Черноусько, «к голосу советской общественности присоединяются также офицеры, адмиралы и генералы Военно-Морских Сил» [Черноусько 1949: 95].

В новой своей рецензии, Л.Д. Черноусько, в русле пропагандистских усилий писал следующее: «Вся советская общественность проявляет большой интерес к важнейшему историческому факту – открытию русскими морями шестой части света – Антарктиды и к исследованию Антарктики людьми сталинской эпохи, участвующими в походах в далекие края на судах китобойной флотилии «Слава». Этот интерес в значительной степени удовлетворяется выпуском литературы по указанным вопросам: в последние 1½–2 года в разных издательствах Советского Союза вышел

(особенно в связи с 130-летием открытия Антарктиды) ряд книг, рассчитанных на различные категории читателей.

Талантливый русский народ – народ великих географических открытий – встает со страниц этих книг. Читатель видит, с каким упорством, настойчивостью и мужеством русские мореплаватели-патриоты – от рядового матроса до начальника экспедиции – преодолевали огромные трудности в достижении поставленной цели. А трудности были не только в том, что нужно было, поборов силы природы, на небольших парусных судах, сквозь льды и пургу пройти туда, куда не смог проникнуть англичанин Кук, но и в том, чтобы преодолеть многие препоны, вытекающие из социально-экономической отсталости царской России. И каждый советский человек понимает, что не будь этих препон, достижения были бы еще более выдающимися, полными и многочисленными.

Книги об открытии Антарктиды обогащают географическую литературу, содействуя воспитанию советских людей в духе национальной гордости за нашу великую Родину, в духе советского патриотизма» [Черноусько 1951: 535].

Как видно, в последнем случае этот автор волей-неволей, но должен был указать на прикладную, идеологическую функцию изданных в Советском Союзе и посвященных экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева книг.

Аннотируя одну из статей сборник Л.Д. Черноусько пишет: «Открывается он (сборник. – *А.О.*) статьей капитана-директора китобойной флотилии «Слава» А.Н. Соляника «Советские китобои в Антарктике». Автор говорит о приоритете русских моряков в открытии антарктического материка, описывает климат Антарктики, животный мир, обстоятельно останавливается на освоении китобойного промысла советскими людьми.

...Промысловое плавание сопровождалось научными наблюдениями. Автор отмечает, что «во всех трех рейсах, особенно в третьем, Сталинском, большую работу проделали наши ученые, обогатив советскую науку новыми данными... Таким образом, советские ученые дополнили бессмертные, неоценимые научные труды об Антарктике русских ученых и мореплавателей Ивана Симонова, Михаила Лазарева и Фаддея Беллинсгаузена» (стр. 25) » [Черноусько 1951: 535–536] (не может не привлечь к себе внимания та последовательность, в которой Л.Д. Черноусько расположил упомянутых руководителей и участников русской антарктической экспедиции; руководитель экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузен в очередной, который уже раз, упоминается вслед за М.П. Лазаревым. – *А.О.*).

Кстати, упомянутые Л.Д. Черноусько ученые и специалисты советской китобойной флотилии «Слава», в своих публикациях 1951 года уже совсем не считали обязанностью напоминать о приоритете своих прешественников в деле открытия Антарктиды. Публикации эти

демонстрировали к примеру, в одном случае, некое «около антарктическое» присутствие Советского Союза [Давыдов 1951: 36–38], в другом будничным, ставший уже привычным труд советских китобоев в Антарктике [Пургин 1951: 42–48].

Зато в 1951 году о таком приоритете (правда в несколько странной трактовке) можно было встретить упоминание в работе представителя морской биологической науки. В частности, известный советский специалист Л.А. Зенкевич писал, что «почти одновременно проходят знаменитые плавания англичанина Джемса Росса (1818) и русские экспедиции («экспедиции»? – *А.О.*) Беллинсгаузена и Лазарева (1819–1821), открывших неизвестный до того Антарктический материк...» [Зенкевич 1951: 15].

Систематический указатель Всесоюзной книжной палаты «Ежегодник книги СССР 1951» (1952, 1953). Чуть выше были процитированы слова Л.Д. Черноусько о том, что «в последние 1½–2 года в разных издательствах Советского Союза вышел (особенно в связи с 130-летием открытия Антарктиды) ряд книг, рассчитанных на различные категории читателей» [Черноусько 1951: 535].

Действительно, в изданных Всесоюзной книжной палатой систематических указателях «Ежегодник книги СССР 1951» можно обнаружить информацию о следующих книгах: «1731. Белозеров С.Т. Антарктида (Пособие для геогр. фак. ун-тов и пед. ин-тов УССР). Киев, «Рад. школа», 1950... – Укр.»; «1772. Узин С.В. Загадочные земли (Из истории геогр. открытий и исследований). М., Географгиз, 1950 [Ежегодник 1952(б): ст. 135, 138]. Это были две, из сорока девяти книг, присутствовавших (в указателе за первое полугодие 1951 г.) в разделе «Геолого-географическая наука» (подраздел «Геолого-географическая наука в целом. География. Краеведение») (книга С.В. Узина [Узин 1950(б)] проанализирована выше. – *А.О.*).

За второе полугодие 1951 г. в том же разделе и подразделе были указаны следующие (три из 48 представленных) книги: «12502. Зубов Н.Н., Черненко М.Б. Русские люди в Арктике и Антарктике. М., Воениздат»; «12520. Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах (сборник материалов. Под ред. В.Н. Сементовского. Предисл. А.И. Соловьева. Коммент. Я.М. Света). М., Географгиз»; «12523. Соколов А.В., Кушнарев Е.Г. Три кругосветных плавания М.П. Лазарева. М., Географгиз» [Ежегодник 1953(а): ст. 139, 140] (анализ всех трех книг [Зубов, Черненко 1951; Русские 1951; Соколов, Кушнарев 1951] проведен автором выше. – *А.О.*).

Раньше уже было упомянуто, что второе общее собрание членов Географического общества СССР 10 июня 1950 г. заслушало отчет Государственного Издательства географической литературы за 1949 г. и план работ и перспективы Издательства на 1951 и 1952 г. [Отчет 1951: 419]. В частности, в отчете Географического общества СССР за 1950 г. говорилось: «Отчетный доклад о деятельности Географиза сделал

директор Издательства Я.Г. Селих; о плане на 1950 г. и перспективах Издательства на 1951–1952 гг. рассказал главный редактор издательства А.И. Соловьев. Собрание одобрило работу Географгиза. В порядке пожеланий было указано на необходимость улучшить организацию распространения географической литературы, на необходимость повышения качества бумаги и полиграфического оформления книг...» [Отчет 1951: 419–420].

«Третье общее собрание членов Общества, 20 октября 1950 г., – говорилось далее в отчете, – было посвящено знаменательной дате двухлетия Сталинского плана преобразования природы и пятилетней деятельности Государственного издательства географической литературы.

...Акад. Л.С. Берг приветствовал от имени Географического общества руководство и коллектив Государственного Издательства географической литературы в лице присутствующих на собрании директора Издательства Я.Г. Селиха и главного редактора А.И. Соловьева.

Об итогах пятилетней деятельности Географгиза доложил А.И. Соловьев. Отметив значение географической книги и связи с развитием географической науки, А.И. Соловьев рассказал о деятельности Издательства за истекшие 5 лет его существования, о его связи в работе с Географическим обществом и другими географическими учреждениями, охарактеризовал тематику и рост выпускаемой Издательством литературы и указал, что к концу 1951 г. количество выпущенной продукции достигнет 6119 тыс. экземпляров. А.И. Соловьев выразил надежду, что географическая общественность Советского Союза и впредь будет содействовать работе Издательства» [Отчет 1951: 420].

Другое дело, всегда ли само это издательство – Географгиз, шло навстречу действительным, соответствующим в том числе исторической объективности, интересам советской географической общественности. И даже впечатляющие «абсолютные» цифры при этом, отнюдь не говорили о том, что в этом смысле в Географгизе все обстоит благополучно, согласно только что приведенным празднично-юбилейным реляциям. Следует отметить, что, до А.И. Соловьева (краткие биографические сведения о нем уже были приведены выше) главным редактором Географгиздата был доктор географических наук Ю.Г. Саушкин (1911–1982). Советский экономико-географ Ю.Г. Саушкин в 1945–1949 гг. возглавлял Государственное издательство географической литературы – «Географгиз» (ОГИЗ), где, начиная с 1947 г., стал главным редактором.

В 1948 году Географгизом было осуществлено русское издание книги Дж. Кука «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света» (перевод с английского и комментарии Я.М. Света; под научной редакцией и со вступительной статьей И.П. Магидовича [Джемс 1948]).

Именно эти советские специалисты (со стороны редакции ОГИЗ их «надежно прикрывал» редактор Я.А. Марголин) некорректно осуществив перевод книги Дж. Кука, соответствующим образом расставив «акценты» во вступительной статье, способствовали распространению в советской историографии, фальсифицированных ими же, «взглядов» Дж. Кука (подробнее об этом, см. выше). В дальнейшем, именно Я.М. Светом были составлены комментарии и примечания к изданному в 1951 году сборнику «Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах» [Русские 1951: 284–305]. Предисловие к этому сборнику написал А.И. Соловьев [Соловьев 1951: 3–6].

В 1949 году Географгиз осуществил первое советское переиздание (второе русское издание) книги Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949]. Тираж этого издания составил – 20 000 экземпляров. Для сравнения: в 1950 году Государственное издательство географической литературы издало тиражом 50 000 экземпляров книгу советского беллетриста-фальсификатора К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду» [Осипов 1950]. Редактором книги выступил С.В. Узин. Кстати, только что упомянутый сборник «Плавания...» (куда вошли в частности письмо М.П. Лазарева А.А. Шестакову, две работы И.М. Симонова (одна из них публиковалась впервые), работа М.М. Новосильского «Южный полюс...») был издан Географгизом тиражом 25 000 экземпляров.

Изданный Географгизом русский перевод книги Дж. Кука «Путешествие к Южному полюсу и вокруг света» (перевод с английского и комментарии Я.М. Света) вышел тиражом 20 000 экземпляров (как и книга Ф.Ф. Беллинсгаузена). Станные, однако, «приоритеты» были у этого советского профильного издательства... В том же 1950 году Географгиз счел целесообразным и полезным издать тиражом 50 000 экземпляров книгу С.В. Узина (редактора книги К. Осипова-Купермана) «Загадочные земли» [Узин 1950(б)]. Анализ этой преисполненной фальсификациями работы был проведен выше.

В этом контексте, гораздо более позитивной предстает деятельность других, непрофильных советских издательств. Например, Госкульпросветиздата, издавшего (тиражом 50 000 экземпляров) в 1949 году небольшую, но заслуживающую внимания книгу Дм. Голубева «Русские в Антарктике». В главе «Открытие Антарктиды» этот автор писал: «16 января 1820 года русские моряки впервые подошли к берегу антарктического континента, и эта дата (или 28 января 1820 года по новому стилю) является датой открытия шестого материка земного шара» [Голубев 1949: 24]. Или же издание в 1950 году Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний брошюры академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева «Приоритет русских открытий в Антарктике» [Григорьев, Лебедев 1950].

Наконец, это деятельность военных издательств. В 1951 году Военно-Морское Издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР выпустило в свет книгу М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)» [Котухов 1951]. В том же 1951 году Военное Издательство Военного Министерства Союза ССР выпустило книгу Н.Н. Зубова и М.Б. Черненко «Русские люди в Арктике и Антарктике» [Зубов, Черненко 1951]. В 1952 году Военно-Морское Издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР предприняло издание сборника (книга была подписана в печать 15.12.51 г.) документов (в первую очередь, архивных) и материалов, посвященного жизни и деятельности адмирала М.П. Лазарева [Лазарев 1952].

Глава III. 1952 год

«...Итак, открытие русскими моряками Антарктиды в январе-феврале 1820 года не подлежит никакому сомнению...»

«...Смелые мореплаватели отметили здесь все признаки земли. Так скромно в летопись великих географических открытий вошла новая дата – 16 января 1820 года – день, когда русские моряки открыли шестой материк земного шара – загадочную Антарктиду»

Профессор Н.Н. Зубов (1952)

*«...И все три раза, когда вот-вот должна была появиться долгожданная земля, корабли наталкивались на сплошную линию бесконечного ледяного поля...
Как подтвердилось впоследствии, мореплаватели уже 16 января, а затем 21 января и 5 февраля 1820 года находились в непосредственной близости от цели своего плавания, – Антарктического материка, – на расстоянии не более двадцати-тридцати миль ...»*

С. Узин, Б. Юсов (1952)

Книга С.В. Узина и Б.В. Юсова «М.П. Лазарев» (1952). В 1952 году Географгиз издал (тиражом 50 000 экземпляров) книгу С.В. Узина и Б.В. Юсова «М.П. Лазарев». Как было указано в аннотации к этой книге: «Очерк С.Узина и Б. Юсова «М.П. Лазарев» входит в серию популярных очерков о замечательных русских путешественниках. В научной редакции серии принимают участие: член-корр. Академии наук СССР Н.Н. Баранский, доктор географических наук М.С. Боднарский, доктор географических наук Э.М. Мурзаев, профессор К.А. Салишев, член-корр. Академии педагогических наук РСФСР А.И. Соловьев» (последний выступил редактором изданной книги. – А.О.) [Узин, Юсов 1952: б/с].

Что же сообщили своим читателям нового авторы, столь широко растиражированного Государственным издательством географической литературы «очерка»?

В частности, С.В. Узин и Б.В. Юсов пишут: «Закончив опись Южных Сандвичевых островов, Беллинсгаузен и Лазарев предприняли первую попытку пройти по меридиану на юг. Трижды углублялись корабли далеко к югу, трижды, несмотря на крайне тяжелые условия плавания, был пересечен Южный полярный круг... И все три раза, когда

вот-вот должна была появиться долгожданная земля, корабли наталкивались на сплошную линию бесконечного ледяного поля.

Как подтвердилось впоследствии (? – *А.О.*), мореплаватели уже 16 января, а затем 21 января и 5 февраля 1820 года находились в непосредственной близости от цели своего плавания, – Антарктического материка – на расстоянии не более двадцати-тридцати миль. Как это видно из записей участников экспедиции, они не сомневались в том, что поблизости должна находиться земля... (после этого соавторы цитировали орнитологические наблюдения и выводы мичмана П.М. Новосильского, с его конечным выводом о том, что, «может быть, более счастливому будущему мореплавателю...» [Узин, Юсов 1952: 33–34] и т. д. – *А.О.*).

«Совершив путешествие вокруг света, – писали дальше С.В. Узин и Б.В. Юсов, – ...открыли множество островов в тропических и высоких широтах и, что самое главное, блестяще выполнили основную задачу экспедиции – неопровержимо доказали существование Антарктического материка.

Открытие Антарктиды показало ведущую роль русских ученых в решении важнейших научных проблем. Оно показало также, что передовая русская наука не преклонялась перед иностранными авторитетами, а шла самостоятельными путями к вершинам мировой культуры.

...Имена Беллинсгаузена, Лазарева и их спутников всегда будут напоминать миру об исторических заслугах русских в деле открытия Антарктического материка» [Узин, Юсов 1952: 32–33].

Исходя из приведенного, в «исполнении» С.В. Узина и Б.В. Юсова описания «первооткрытия», создается впечатление, что именно эти советские авторы «преклонялись перед иностранными авторитетами». Не может не обратить на себя внимание полное отсутствие каких-либо цитат из работ участников экспедиции, за исключением упомянутой выше цитаты из работы П.М. Новосильского, которая, при соответствующей ее «подаче» (а именно в этом «контексте» она использована С.В. Узиным и Б.В. Юсовым) может толковаться весьма двусмысленно.

Таким образом, Географгиз в очередной раз предпочел «качеству количество» (большой тираж), а С.В. Узин и Б.В. Юсов, также в очередной раз подтвердили свое историографическое «амплуа-реноме». Интересно, что в опубликованном в 1953 году в журнале «Вокруг света» библиографическом обзоре серии, говорилось, что «перед авторами очерков стояла трудная задача – в небольших книжечках, размером в 30–40 страниц, изложить важнейшие события из жизни и деятельности того или иного путешественника, дать его живой образ, рассказать о значении сделанных им открытий» [Мячин 1953: 59]. Правда, очерк С.В. Узина и Б.В. Юсова в этом обзоре не упоминался, а упоминалась книга, анализ которой следует ниже.

Книга С. Иванова и К. Голованова «Ф.Ф. Беллинсгаузен» (1952).

В 1952 году Географгизом была издана «книга-близнец» предыдущей книги (вновь под редакцией А.И. Соловьева, и вновь пятидесятитысячным тиражом) – очерк С. Иванова и К. Голованова «Ф.Ф. Беллинсгаузен». Появление книги объяснимо. «25 января 1952 года, – как отмечали С. Иванов и К. Голованов, – советская общественность отмечает столетнюю годовщину со дня смерти выдающегося русского исследователя Ф.Ф. Беллинсгаузена» [Иванов, Голованов 1952: 37].

«16(28) января 1820 года, – писали эти соавторы, – экспедиция достигла 69°21'21" ю. ш. и 2°14'50" з. д. С восточа на запад по всему горизонту тянулась широкая светлая полоса неподвижных льдов... Иногда корабли подходили столь близко ко льдам, что слышались крики пингвинов. Беллинсгаузен отметил в вахтенном журнале признаки близости суши.

Корабельные документы свидетельствовали (как потом стало известно) (книга-близнец! – *А.О.*), что «Восток» и «Мирный» находились всего в 20 милях от Антарктического материка. Этот день, 16(28) января 1820 года, считается датой одного из величайших географических открытий – открытия последнего, шестого, континента.

...21 января мореплаватели вновь подошли к матерiku, на расстояние 30 миль.

«Обозревая пространство сего поля на восток, юг и запад, мы не могли видеть пределов оного, – отмечал начальник экспедиции. – Конечно, (оно) было продолжением того, которое видели в пасмурную погоду 16 генваря, но по причине мрачности и снега хорошенько рассмотреть не могли».

...5 февраля экспедиция в третий раз близко подошла к Антарктиде. В донесении из Порт-Джаксона Беллинсгаузен писал:

«Здесь за ледяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу».

Над кораблем появился поморник – птица, далеко в открытом море не встречающаяся, и Беллинсгаузен тщательно заносит это в вахтенный журнал как еще одно подтверждение правильности своих выводов о близости суши [Иванов, Голованов 1952: 16–18].

Здесь, хотя бы, при акцентировании внимания на орнитологических наблюдениях руководителя экспедиции (а именно апеллирование советской историографии к «наблюдению за птицами», как к факту подтверждающему открытие Антарктиды русскими, вызывает наиболее рьяную критику, но, теперь уже со стороны историографии западной), соавторы все-таки процитировали один из ключевых документов, свидетельствующих об открытии Антарктиды. Говоря о дате 16(28) января 1820 года С. Иванов и К. Голованов конечно

же должны были процитировать письмо М.П. Лазарева, поскольку, самого факта того, что корабли находились пусть и «в 20 милях от Антарктического материка», очевидно было вряд ли достаточно, чтобы указанная дата «считалась датой одного из величайших географических открытий».

Интересной выглядит оценка, что «за время путешествия было открыто 29 островов, из них два в Антарктике (о. Петра I и Берег Александра I? – *А.О.*) и восемь в южном умеренном поясе» [Иванов, Голованов 1952: 29]. Соавторы отказались от входившего в обиход в советской историографии противопоставления Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева – противопоставления по роли в подготовке и проведения плавания, иным заслугам.

«Несмотря на большую разницу в воинских званиях, – писали соавторы об отношениях Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, – между ними установились теплые дружественные отношения» [Иванов, Голованов 1952: 18].

В отличие от получавшего распространение на волне «ур-патриотизма», сдержанного отношения советской историографии к самой личности Ф.Ф. Беллинсгаузена, С. Иванов и К. Голованов писали: «Русский морской офицер и ученый, гуманист и пламенный патриот своей Родины, он всю свою большую жизнь... посвятил... укреплению могущества России на морях» [Иванов, Голованов 1952: 33–34].

Вполне естественно, что в своей книге эти соавторы уделили определенное внимание «извротившим истину» американским историкам – противникам признания факта первооткрытия Антарктиды русской южнополярной экспедицией [Иванов, Голованов 1952: 34–37]. В любом случае, в рассматриваемой книге – в отличие от очерка С.В. Узина и Б.В. Юсова [Узин, Бсов 1952] – упор был сделан на события января 1820 года, а, не на события, которые произошли годом позже. Поскольку редактором этих изданных Географгизом книг было одно и то же лицо – А.И. Соловьев, в очередной раз можно убедиться, что никакой «унификации» исследовательских подходов в отношении факта первооткрытия в советской послевоенной историографии не произошло.

Сборник документов и материалов о М.П. Лазареве (1952). В 1952 году Военно-Морское Издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР предприняло важный для советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева шаг. Под эгидой Главного Архивного Управления МВД СССР, Центрального Государственного Архива Военно-Морского Флота СССР был издан первый том сборника документов и материалов «М.П. Лазарев» (книга являлась составной частью серии документальных публикаций «Русские флотоводцы» (Материалы для истории русского флота).

Сборник вышел под редакцией подполковника А.А. Самарова, составлен был подполковником Н.В. Жмакиным, подполковником К.И. Никульченковым и лейтенантом В.В. Петраш. Целый ряд как

положительных, так и негативных моментов в работах одного из составителей сборника – подполковника К.И. Никульченкова [Морозов, Никульченков 1946; Морозов, Никульченков 1949] был проанализирован выше. Теперь, автор введения и комментариев к сборнику документов «М.П. Лазарев» подполковник К.И. Никульченков, писал: «Сборник... содержит материалы о жизни и деятельности этого знаменитого русского ученого-мореплавателя и крупнейшего военноморского деятеля (интересно упомянуть, что в 1939 году М. Райхенберг в журнале «Наша страна» утверждал, что «ни Беллинсгаузен, ни Лазарев не были учеными-исследователями» [Райхенберг 1939: 30]. – А.О.).

...В научном отношении экспедиция явилась выдающимся событием того времени. Русское правительство ставило перед ней задачу – исследовать южно-полярные широты и найти антарктический континент.

...16 января 1820 г. «Восток» и «Мирный», пробиваясь сквозь льды, на 69°25' южной широты оказались вблизи антарктического материка. В этот знаменательный день, 16 января 1820 г., русскими моряками была открыта Антарктида. 20 января 1820 г. экспедиция вторично подошла к 69°20' южной широты – вплотную к краю материка. 6 февраля на 69°7'30'' южной широты «Восток» и «Мирный» снова подошли к Антарктиде... 9 января 1821 г. экспедиция открыла остров, названный именем Петра I, а 17 января «Восток» и «Мирный» еще раз подошли к южному матерiku. Не сомневаясь в том, что это Антарктида, Беллинсгаузен и Лазарев назвали открытую ими землю... берегом Александра I. Так русские мореплаватели... не только опровергли господствовавшее за рубежом мнение, что за Южным полярным кругом нет земли, но и первыми открыли Антарктиду, навсегда утвердив за нашей Родиной приоритет в этом открытии» [Никульченков 1952: V–VII].

Документ №57 в сборнике, был озаглавлен так: «Из рапорта Ф.Ф. Беллинсгаузена И.И. Траверсе о переходе шлюпов «Восток» и «Мирный» из Рио-де-Жанейро в порт Джексон» (речь идет о донесении 8 апреля 1820 г. – А.О.). Следует заметить, что в разделе «От составителей» последние отмечали: «Текст документов печатается по современной орфографии, но с сохранением всех особенностей стиля и языка авторов. Пунктуация современная. Слова или части слов, восстановленные составителями, заключены в прямые скобки. Явные ошибки и опiski в тексте документов исправлены...» [Лазарев 1952: XXVIII–XXIX]. Однако составители сборника позволяли себе «изымать» те фрагменты текста из соответствующих документов, которые очевидно, по их мнению, «не соответствовали» их видению, их «прочтению» этих документов. Именно это произошло с упомянутым только что «документом №57».

Вполне понятно, почему составители позволили себе «изъять» из текста следующий его фрагмент: «...Сии три острова, первоначально

открытые мною, почитаю благопристойнейшим назвать именем Попечителя в отправлении и снабжении избыточно всеми полезными вещами сей Экспедиции» [Донесение 1823: 207] (в сборнике о М.П. Лазареве эти слова отсутствуют [Лазарев 1952: 145]. – *А.О.*). В советской историографии не жаловали, как она выражалась, «верноподданические излияния». А ведь речь шла об открытии островов, названных Ф.Ф. Беллинсгаузенom в честь И.И. Траверсе.

Доходило до курьезного. В редакторском предисловии Е.Е. Шведе к советскому переизданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена сказано следующее: «Текст первого издания был сохранен почти в полной неприкосновенности, тем более, что литературный стиль его вполне удовлетворительный, хотя и несколько сухой.

Редактором были введены лишь следующие изменения в текст первого издания:

1. Изъятые все титулы и излишние излияния верноподданических чувств, столь не свойственные прямой натуре Беллинсгаузена и Лазарева, и, вероятно, внесенные в текст редакторами первого издания...» [Шведе 1949(а): 5].

Как видно, Е.Е. Шведе готов был оперировать «личностными характеристиками» Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, с целью отстаивания своей точки зрения. Только делалось это, тогда, когда в Советском Союзе лавинообразно нарастали публичные «излияния чувств» в первую очередь в отношении И.В. Сталина, а также в отношении других членов Политбюро.

Еще одно, произведенное составителями сборника «изъятие», имеет гораздо более принципиальный характер и касается, как принято говорить, «вопроса существа».

В опубликованном в 1823 году в одном из томов «Записок, издаваемых Государственным Адмиралтейским Департаментом», тексте все того же донесения Ф.Ф. Беллинсгаузена (от 8 апреля 1820 г.), есть такие строки: «Признаков большой Южной земли нигде я не встречал, хотя большую часть плаванья имел за полярным кругом и близ онаго, как токмо ветры позволяли; но если она и существует, то должна быть далеко во льдах и покрыта ими; и опознать оную нет возможности...» [Донесение 1823: 217]. Именно перед этим, вторым «отсутствующим абзацем» стоит в приведенном в сборнике «М.П. Лазарев» тексте донесения, отточие (точнее таким отточием заканчивается предыдущий абзац текста из донесения Ф.Ф. Беллинсгаузена [Лазарев 1952: 148]. – *А.О.*).

В свою очередь в тексте «Записок...» [Донесение 1823: 219] отсутствует «представление», которое делает Ф.Ф. Беллинсгаузен царю (через морского министра И.И. Траверсе) в отношении капитан-лейтенанта Завадовского. В тексте сборника «М.П. Лазарев» этот абзац идет последним в документе [Лазарев 1952: 149] (в конце этого

документа в легенде указано: ЦГАВМФ, ф. 166, д. 660, ч. II, лл. 239 – 245. Подлинник. – *А.О.*).

Небезынтересным в этом контексте выглядит следующее утверждение составителей сборника «М.П. Лазарев»: «Ряд архивных документов, опубликованных в разное время в периодической печати (в «Русском Архиве», «Морском Сборнике», «Русской Старине» и др. дореволюционных и советских изданиях), содержит неточности и искажения текста (не оговоренные сокращения, неверная датировка, произвольная стилистическая обработка и т. п.). Публикуя в настоящем издании эти документы, составители строго придерживались правил и требований советской археографии» [Лазарев 1952: XXVIII]. Однако текст, «строго придерживающихся» требований советской археографии, как раз и содержит те самые, упомянутые ими – не оговоренные сокращения. Современная западная историография конечно же не могла пройти мимо такого «лакогого кушанья» и, придавая ему большое значение, то и дело напоминает о факте изъятия «неудобных» слов Ф.Ф. Беллинсгаузена.

В приведенных к концу сборника комментариях подполковника К.И. Никульченкова на описание Ф.Ф. Беллинсгаузена дня 16 января 1820 г., говорилось: «Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев, дойдя 16 января 1820 г. до 69°25' южной широты и 2°10' западной долготы, вплотную приблизились к Антарктиде. Ледяные горы, о которых пишет в своем рапорте морскому министру Беллинсгаузен, представляли собой берег Антарктиды. После Беллинсгаузена лишь в 1930 г. к этому берегу подошли норвежцы, назвавшие его Землей Принцессы Марты. День 16 января 1820 г. является днем открытия русскими моряками шестой части земного шара – Антарктиды. 20 января и 6 февраля 1820 г. русские моряки снова вплотную подошли к Антарктическому материку. Таким образом, экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева навсегда утвердила за нашей Родиной приоритет в открытии Антарктиды» [Лазарев 1952: 420–421].

Заметка Я. Яковлева «В Антарктике – по московскому времени...» (1952). В новогоднем (1 января 1952 года) номере советского еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек», была опубликована небольшая заметка Я. Яковлева «В Антарктике – по московскому времени...» (сама эта заметка, стала частью очерка «В воздухе, на море, под землей...»).

«Редакция «Огонька», – говорилось в заметке, – связалась по радио с советской антарктической флотилией «Слава»... Капитан-директор флотилии Герой Социалистического Труда А.Н. Соляник ответил на вопросы редакции.

...ВОПРОС: Где вы будете промышлять накануне 1 января 1952 года?..

ОТВЕТ: Новый год мы будем встречать, охотясь на кашалотов, вблизи Южного полярного круга, в местах, где 132 года назад (т. е. в

1820 г. – А.О.) впервые в истории человечества прошли русские открыватели Антарктиды Фаддей Беллинсгаузен (не может не обратить на себя внимания, ставшее уже весьма необычным, написание фамилии Ф.Ф. Беллинсгаузена. – А.О.) и Михаил Лазарев...) [Яковлев 1952: 8].

Таким образом, «1820-й год», занимал свое прочное место в советских источниках, как в специальных, так и в общественно-политических.

Заметка С. Месяцева «Первооткрыватель Антарктиды» (1952). А вот что можно было узнать из другой, также опубликованной в январе 1952 года в журнале «Огонек», заметки. Ее автор, С. Месяцев, писал: «...В течение южного полярного лета 1819–1820 года деревянные парусные корабли, построенные на русских верфях, прошли меж пловучих льдов и айсбергов, достигая крайних широт и находясь в непосредственной близости от антарктического материка. В марте 1820 года они отправились в австралийский порт Сидней...» [Месяцев 1952: 12]. Вот и все...

Основной акцент сделан был С. Месяцевым на событиях января 1821 года. «Русские моряки, – подводил итог автор заметки, – открыли материк Антарктиды, 29 неизвестных ранее островов...» [Месяцев 1952: 12]. Поскольку журнал «Огонек» был заявлен как общественно-политическое издание, в заметке было уделено внимание политическим вопросам, связанным с Антарктикой.

Заметка С. Маркова «Открыватель Антарктиды» (1952). В январе 1952 года в журнале «Вокруг света» (рубрика «Наша летопись») была опубликована заметка С. Маркова «Открыватель Антарктиды». Как и предыдущая, заметка эта формально была посвящена столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена. Одновременно, опубликованные материалы служили своеобразным популярным «напоминанием» факта первооткрытия Антарктиды русской экспедицией.

С. Марков констатировал: «В 1819–1821 годах Беллинсгаузен вместе с М.П. Лазаревым совершил героический поход в Океанию и Антарктику, открыл южный полярный материк и ряд океанских островов» [Марков 1952: 3-я страница обложки].

Статья Д.М. Лебедева «Выдающийся русский ученый-мореплаватель (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)» (1952). В январе 1952 года в ежемесячном популярном естественно-научном журнале Академии наук СССР «Природа» была опубликована статья Д.М. Лебедева «Выдающийся русский ученый-мореплаватель (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)».

Сотрудник Института географии АН СССР, а также соавтор в историко-антарктических работах директора этого института, академика А.А. Григорьева, Д.М. Лебедев на этот раз писал: «25 (13 ст. ст.) января 1952 года исполняется сто лет со дня смерти Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена – выдающегося русского ученого моряка, руководителя

русской кругосветной экспедиции 1819–1821 годов, открывшей Антарктиду.

В настоящее время, когда империалистические государства стремятся захватить отдельные части огромного южного материка, жизнь и деятельность этого замечательного мореплавателя представляют не только исторический, но и современный интерес (как видно и здесь практический, собственно политико-прикладной интерес преобладал. – *А.О.*).

...В 1819 году он (Беллинсгаузен. – *А.О.*) был срочно вызван в Петербург и в чине капитана II ранга назначен начальником антарктической экспедиции, состоявшей из двух шлюпов – «Восток» и «Мирный». Первым из них командовал сам Беллинсгаузен, вторым – лейтенант М.П. Лазарев, впоследствии знаменитый флотоводец и ученый, мужеству и искусству которого экспедиция, не менее чем Ф.Ф. Беллинсгаузену, обязана своим успехом (обратим внимание, что оба моряка позиционированы как выдающиеся, знаменитые ученые; в связи с этим в очередной раз можно напомнить, что, к примеру, в 1939 году М. Райхенберг в журнале «Наша страна» утверждал, что «ни Беллинсгаузен, ни Лазарев не были учеными-исследователями» [Райхенберг 1939: 30]. – *А.О.*) [Лебедев 1952: 98].

Остановившись на традиционной, устоявшейся уже для советской историографии «роли» Дж. Кука в антарктических исследованиях, Д.М. Лебедев продолжал: «...Экспедиция неуклонно стремилась к своей цели – достижению полюса, что привело к открытию Антарктического материка.

В советской литературе последних лет этому вопросу уделялось много внимания, поэтому напомним лишь кратко дальнейшие этапы плаванья экспедиции.

16 января 1820 года на широте 69°21' шлюпы впервые подошли к сплошному ледяному полю. 21 января они снова увидели его. Оно беспредельно расстиралось в восточном, западном и южном направлениях. В действительности (?! – *А.О.*) «Восток» и «Мирный» находились у окраины Антарктического материка, в районе, который лишь спустя примерно 100 лет посетила норвежская экспедиция.

5–6 февраля шлюпы снова приблизились к Антарктиде почти вплотную. Офицеры «Дивизии» (как отмечал Д.М. Лебедев, «так в официальных бумагах называлась эта экспедиция». – *А.О.*) были убеждены, что они находятся в непосредственной близости от земли. Это подтверждается как записью Ф.Ф. Беллинсгаузена в своем судовом дневнике от 7 февраля 1820 года, так и воспоминаниями плававшего на «Мирном» мичмана П.М. Новосильского, опубликованными в 1853 году.

Итак, открытие русскими моряками Антарктиды в январе-феврале (в «январе-феврале». – *А.О.*) 1820 года не подлежит никакому сомнению.

...До 30-х годов XX века факт открытия русскими моряками Антарктиды считали бесспорным не только русские, но и все зарубежные ученые (более далеких от истинного положения вещей, приведенных Д.М. Лебедевым утверждений, придумать было бы пожалуй невозможно. – *А.О.*). Но в последнее время, в связи с усиленным стремлением к захвату Антарктики империалистическими государствами, был сделан ряд попыток оспорить приоритет открытий Беллинсгаузена – Лазарева. Советские ученые доказали беспочвенность этих утверждений. Интересно отметить, что советское китобойное судно «Слава» во время плавания 1947–1948 годов подошло к побережьям тех мест, где около 130 лет назад были отважные русские моряки.

Участники плавания на «Славе» подтверждают поразительное сходство виденных ими прибрежных материковых льдов с описанными Ф.Ф. Беллинсгаузенем в его сочинении о путешествии, вышедшем в 1831 году» [Лебедев 1952: 100–101].

Таким образом, для одного из ведущих представителей советской академической, историко-географической науки, факт первооткрытия Антарктиды русскими в январе-феврале 1820 года, больше «не подлежал никакому сомнению». Интересно, хотя и не вполне понятно обращение Д.М. Лебедева к записи Ф.Ф. Беллинсгаузена от 7 февраля 1820 года (а не, скажем, к записи от 5 февраля). Это была своеобразная новелла в советской историографии изучаемого вопроса.

В частности, в «судовом дневнике» за этот день можно прочесть следующее: «...В 4 часа пополудни встретили опять сплошные льды, из мелких горизонтальных льдин составившиеся; в середине их затерто было семь больших ледяных островов с плоскою поверхностью. С салинга не было видно конца льдам к югу...

Сегодня, кроме снежных и полярных бурных птиц, летало над шлюпами несколько птиц величиною с горлицу.... В течение дня видели одну курицу Эгмонтской гавани (поморник. – *А.О.*)... Вновь появившиеся птицы и курица эгмонтская подают повод к заключению, нет ли где поблизости сих мест берега (в первом советском переиздании книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, после этого места, в тексте идет сноски с редакционным примечанием Е.Е. Шведе: «Как видно, Беллинсгаузен опять высказывает предположение о близости материка Антарктиды. – Ред.» [Беллинсгаузен 1949: 120, сноски]. – *А.О.*), ибо первых нигде и никогда в открытом море мы не встречали» [Беллинсгаузен 1949: 119–120].

Статья Н.Н. Зубова «Выдающийся первооткрыватель Антарктического материка (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)» (1952). Историко-антарктическая тематика занимала важное место не только в центральной, но и в республиканской советской печати. Так, в январе 1952 года в органе Центрального Комитета КП(б) и Верховного Совета Латвийской ССР, газете «Советская Латвия», была опубликована статья профессора, доктора

географических наук Н.Н. Зубова «Выдающийся первооткрыватель Антарктического материка (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)».

С характерными, уже узнаваемыми «зубовскими» интонациями, трактовка событий выглядит в этом материале следующим образом: «Завтра исполняется сто лет со дня смерти Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, выдающегося русского мореплавателя, открывшего совместно с Михаилом Петровичем Лазаревым шестой материк земного шара – Антарктиду.

...Из всех экспедиций (первой трети XIX в. – *А.О.*), которые обогатили не только русскую, но и мировую науку, наибольшее значение, несомненно, имела экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева, ознаменовавшаяся величайшим географическим открытием XIX века.

До сих пор в науке точно еще не установлено, что именно следует понимать под географическим открытием. Мы говорим, например, что Кук открыл Гавайские острова, совершенно упуская из виду, что на этих островах в то время было уже около 250.000 жителей. Известно также, что Колумб открыл огромный материк – Америку. Но ведь древнее население этого материка уже имело свою цивилизацию.

Все эти открытия были лишь «открытиями» европейцев и для европейцев.

Совершенно иначе обстояло дело с экспедицией русских мореплавателей. Беллинсгаузен и Лазарев открыли никем не населенную и никому до этого не известную Антарктиду. Это величайшее географическое открытие было сделано русскими моряками вопреки утверждению английского мореплавателя Джемса Кука, который, совершив в семидесятых годах XVIII столетия плавание в Антарктику, пришел к твердому убеждению, что за Южным полярным кругом нет никакой земли.

Подвиг Беллинсгаузена и Лазарева был высоко оценен географами всех стран как действительно великое географическое открытие (в самом Советском Союзе, очевидно впервые такую оценку факту открытию Антарктиды, дал член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов [Ефимов 1949(а): 23]. – *А.О.*) в самом строгом смысле этого слова, открытие для всего человечества» [Зубов 1952].

Вполне понятно, что здесь этот маститый военно-морской географ, как и в приведенном выше примере с Д.М. Лебедевым, впадал в явное преувеличение (именно в отношении оценок географов «всех стран»), иными словами, «выдавал желаемое за действительное».

Н.Н. Зубов продолжал: «...Стремясь все далее на юг, «Восток» и «Мирный» 16 января 1820 года подошли к покрытым вечными льдами берегам Антарктиды. Смелые мореплаватели отметили здесь все признаки земли. Так скромно в летопись великих географических открытий вошла новая дата – 16 января 1820 года – день, когда русские

моряки открыли шестой материк земного шара – загадочную Антарктиду.

21 января и 5 февраля 1820 года шлюпы... еще раз подходили вплотную к вновь открытому материку.

...17 января 1821 года экспедиция открыла гористую землю, назвав ее землей Александра I. Это еще раз подтвердило русский приоритет в открытии Антарктического материка.

...Мировая наука признала бесспорную заслугу отважных русских мореплавателей, приоритет нашей Родины в открытии Антарктиды» [Зубов 1952].

К сожалению, подобная, далеко не соответствующая исторической действительности точка зрения о «бесспорном признании» (насаждаемая и поддерживаемая в Советском Союзе в рамках его пропагандистских усилий), становилась уже чуть ли не «официальной» в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Очерк Е. Васильева «Отважный первооткрыватель Антарктиды (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)» (1952). Еще одним приуроченным к 100-летию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена материалом, также опубликованным в январе 1954 года в латвийской республиканской печати, стал небольшой, напечатанный органом управления политотдела Латвийской дороги и Республиканского комитета профсоюзов железнодорожников газетой «Железнодорожник Латвии», очерк Е. Васильева «Отважный первооткрыватель Антарктиды (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена)».

В частности, Е. Васильев писал: «К числу выдающихся русских мореплавателей принадлежит и Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен..., первый среди европейцев, исследовавший и открывший в Антарктике совместно с Михаилом Петровичем Лазаревым шестую часть света – Антарктиду...

В то время в науке господствовало утверждение английского мореплавателя Джемса Кука, совершившего в семидесятых годах XVIII столетия плавание в Антарктику, о том, что земли за Южным полярным кругом нет» [Васильев 1952].

О совершенных экспедицией географических открытиях Е. Васильев писал следующее: «16 января 1820 года (все даты даны Е. Васильевым по старому стилю. – *А.О.*) шлюпы вошли в просторную бухту, образовавшуюся среди обширного ледяного поля, усеянного невысокими пригорками. «Бугристые льды», как их назвал Беллинсгаузен, и были окраины огромного южного материка. В этот знаменательный день русские мореплаватели открыли загадочную Антарктиду – шестую часть света.

Вторично экспедиция вплотную подошла к берегам Антарктиды 21 января, а затем 5 февраля 1820 года. В январе 1821 года шлюпы... опять подошли к Южному материку. Здесь отважные мореплаватели

открыли гористую землю и назвали ее Землей Александра I. Это еще раз подтвердило русский приоритет в открытии антарктического материка.

...Экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева не только открыла Антарктиду, она наметила границы нового материка. Мировая наука признала бесспорную заслугу отважных русских моряков, приоритет нашей родины в открытии Антарктиды» [Васильев 1952].

Не может не обратить на себя внимание идентичность строк очерка Е. Васильева и, только что проанализированной статьи Н.Н. Зубова [Зубов 1952] (вплоть до повторения последнего, выдававшего «желаемое за действительное» момента о «бесспорности». – *А.О.*). Был ли это материал действительно написан неким Е. Васильевым, или авторство принадлежало все тому же Н.Н. Зубову (или его материалом, в свою очередь, воспользовался Е. Васильев) – вопрос открытый. С другой стороны, интерес вызывает упомянутая в очерке Е. Васильева «просторная бухта».

В советской историографии подобную «просторную бухту» упоминал в 1949 году Дм. Голубев. Он писал: «...16 января 1820 года по достижении широты 69°21' при западной долготе 2°15' на горизонте показалась светлая широкая полоса, а через некоторое время суда вошли в просторную бухту обширного, простирающегося с востока на запад ледяного поля, усеянного пригорками. Эти «бугристые льды», как назвал их Беллинсгаузен, занимали все видимое пространство... [Голубев 1949: 24].

А теперь, прочитаем фрагмент из опубликованной в 1951 году Воениздатом брошюры Н.Н. Зубова и М.Б. Черненко: «...16 января 1820 года шлюпы подошли к 69°22' южной широты и 2°15' западной долготы. С востока на запад по всему горизонту протянулась светлая широкая полоса неподвижных льдов. Дул крепкий юго-восточный ветер, но льды лежали безжизненно мертво, совершенно неподвижно. Через некоторое время суда вошли в просторную бухту, образовавшуюся среди обширного ледяного поля. Льды вокруг были усеяны невысокими пригорками. Эти «бугристые льды» (так их назвал Беллинсгаузен) и были окраиной Антарктиды» [Зубов, Черненко 1951: 54].

Также видно, что этот фрагмент текста Дм. Голубева, в свою очередь нашел «отражение» (причем сходство хорошо прослеживается далеко не только в упоминании «бухты») в работе Н.Н. Зубова и М.Б. Черненко.

В книге Ф.Ф. Беллинсгаузена никакая «просторная бухта», при описании им экспедиционного дня 16(28) января 1820 г., не упоминается [Беллинсгаузен 1949: 110]. Не упоминается «просторная бухта» и в самых ранних, описывающих ход плавания шлюпов «Восток» и «Мирный», источниках [Прибытие 1821: 236; Выписка 1821(а): 134; Донесение 1823: 211].

Зато, есть упоминание бухты в опубликованной в 1853 году книге П.М. Новосильского: «...16-го (16 января 1820 г. – *А.О.*)... В полдень, в

широте 69°25', долготе 2°15' западной, сквозь шедший снег открылся впереди сплошной лед; ...достигли до обширного ледяного поля, усеянного пригорками и простиравшегося от востока чрез юг на запад; надо было выйти из этой бухты, почему и поворотили на северо-запад» [Южный 1853: 29].

Сводка А.А. Флейшера «Некоторые памятные даты из истории отечественной географии на 1952 год» (1952). В 1952 году в «Известиях Всесоюзного географического общества» была опубликована сводка А.А. Флейшера «Некоторые памятные даты из истории отечественной географии на 1952 год».

В подборке на месяц январь можно было прочесть следующее: «25(13) 1852. – Скончался Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, русский кругосветный мореплаватель и исследователь Антарктики. Совместно со своим помощником М.П. Лазаревым, Ф.Ф. Беллинсгаузен обошел вокруг Антарктического материка и открыл его» [Флейшер 1952: 110] (надо полагать, что открыл не самим фактом «обхода». – А.О.).

Статья Л.М. Николаевой «Ф.Ф. Беллинсгаузен (К 100-летию со дня смерти)» (1952). В феврале 1952 года «Известия Академии наук СССР» (серия географическая) опубликовали статью сотрудницы Института географии АН СССР Л.М. Николаевой «Ф.Ф. Беллинсгаузен (К 100-летию со дня смерти)».

Первый же абзац из этого материала не мог не навести внимательного исследователя на некоторые размышления. Так, Л.М. Николаева сообщила: «25 января 1952 г. исполнилось 100 лет со дня смерти Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, выдающегося мореплавателя и адмирала, талантливого исследователя, с чьим именем связаны замечательные открытия русских моряков в Антарктике в 20-х годах XIX века» [Николаева 1952: 56].

Как видно, в самом начале статьи речь шла не об открытии Антарктиды, а о «замечательных открытиях» в Антарктике. Семена, посеянные «великим эклектиком» советской науки – академиком Л.С. Бергом, продолжали давать свои «всходы» (в списке литературы, приведенном Л.М. Николаевой в ее статье, присутствовала брошюра Л.С. Берга [Берг 1949(а)]; она же характеризует Л.С. Берга в качестве «выдающегося советского географа» [Николаева 1952: 57]. – А.О.).

После такого «запева» Л.М. Николаева пишет: «...Результаты экспедиции были чрезвычайно велики.

Самым замечательным (опять «замечательным». – А.О.) достижением экспедиции явилось открытие южного полярного материка – Антарктиды, к которому шлюпы... приблизились почти вплотную в январе-феврале 1820 г. (в пристатейном списке литературы, у Л.М. Николаевой есть ссылка на совместную публикацию А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева [Григорьев, Лебедев 1949]. – А.О.). Через год – в январе 1821 г. – за южным полярным кругом были открыты расположенные вблизи Антарктического материка о. Петра I и Берг Александра I.

Открытием Антарктиды было разрушено неверное представление Дж. Кука о характере южной полярной области. Это навсегда утвердило русский приоритет открытия южного материка и высоко подняло честь русской науки и русского мореплавания.

...Выдающиеся заслуги русских мореплавателей, осуществивших под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева великий подвиг – открытие шестой части света, Антарктиды, – и положивших начало исследованию южной полярной области, делают бесспорным право Союза ССР на участие в международном решении вопросов, касающихся режима Антарктики [Николаева 1952: 57, 60].

Очевидно, что по мнению Л.М. Николаевой упомянутое «бесспорное право» возникало в первую очередь на основании того самого, «приблизились почти вплотную» (с другой стороны, обозначенного ею, как «великий подвиг – открытие шестой части света, Антарктиды»)...

Рецензия К. Михайлова «Славные страницы из истории отечественного флота» (1952). В мае 1952 года в газете «Красный флот» была опубликована (в разделе «Библиография») небольшая рецензия К. Михайлова, которая называлась «Славные страницы из истории отечественного флота», и, была посвящена, уже проанализированной выше книге А.В. Соколова и Е.Г. Кушнарера «Три кругосветных плавания М.П. Лазарева» [Соколов, Кушнарев 1951].

В своем обзоре К. Михайлов в частности писал: «В ряде ранее вышедших книг, посвященных описанию похода Беллинсгаузена и Лазарева в Антарктику, мало говорится или даже вовсе не говорится о роли Лазарева в достижении тех выдающихся результатов, которые ставят... экспедицию в ряд исключительных событий в истории мореплавания. Это противоречит исторической правде.

А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарев избежали этой ошибки. Не умаляя роли Ф.Ф. Беллинсгаузена, как исследователя и руководителя экспедиции, авторы подчеркивают значение трудов М.П. Лазарева (однако, как было показано выше, эти соавторы искусственно и надуманно противопоставляли заслуги этих двух моряков. – *А.О.*).

...Вопреки... самонадеянному заявлению Кука экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла шестую часть света – южный материк, названный позднее Антарктидой, и впервые в истории обошла вокруг этого материка, четыре раза подходя непосредственно к его границам.

28 января (по новому стилю. – *А.О.*) 1820 года русские моряки впервые подошли почти вплотную к берегам антарктического материка. Эта дата вошла в историю географической науки, как дата открытия Антарктиды.

В последние годы ряд империалистических государств делал попытки незаконно, односторонними заявлениями прибрать к рукам те или иные участки Антарктики. Чтобы как-то оправдать свои

агрессивные намерения, англо-американские империалисты пытались фальсифицировать историю, приписывая открытие Антарктиды людям, вовсе не имеющим отношения к этому делу. Всем, кто хоть немного знаком с историей географических открытий, очевиден абсурд подобных измышлений.

Авторы книги широко использовали сохранившиеся архивные документы, убедительно свидетельствующие о бесспорном приоритете русских моряков в открытии Антарктиды, чем еще раз опровергли лживые утверждения ученых прислужников империализма» [Михайлов 1952].

Читая эти строки не стоит забывать о том, что опубликовавшая рецензию газета была адресована «массовому флотскому читателю», а следовательно, выполняла конкретную идеолого-пропагандистскую функцию. Кстати в сравнительно небольшой рецензии, довольно много места было уделено ее автором критике (причем, довольно острой) рецензируемого издания. В итоге, К. Михайлов отметил: «Книга «Три кругосветных путешествия М.П. Лазарева» написана людьми, знающими море. Жаль только, что работники издательства (Географгиза. – А.О.) не оказали авторам квалифицированной редакторской помощи» [Михайлов 1952].

Заметка Д. Тихонова «Путями предков» (1952). В июле 1952 года в ежемесячном географическом научно-популярном журнале ЦК ВЛКСМ «Вокруг света», была опубликована небольшая заметка Д. Тихонова под названием «Путями предков». Автору заметки, после возвращения в Ленинград (в 1949 году он находился в походе с китобойной флотилией «Слава») «захотелось поделиться с читателями впечатлениями о далеких землях, у которых сто тридцать с лишним лет назад побывали русские мореходы и куда в наши дни заходят по пути в Антарктику суда под флагом... родины» [Тихонов 1952: 24].

Заметка Д. Тихонова примечательна тем, что ее автор, пока еще цитирует книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена в отличие, скажем, от последующих участников советских антарктических экспедиций. Не менее примечательно и то, что описывая в своей заметке прохождение судов флотилии вблизи Южных Сандвичевых островов, в частности недалеко от острова Высокий, Д. Тихонов (в качестве иллюстраций к заметке были напечатаны авторские рисунки с натуры) вообще не упоминает, что остров этот назывался – остров Торсона.

Автор заметки пишет: «Несколько лет назад наша флотилия, промышлявшая китов в южных полярных водах, оказалась недалеко от Южных Сандвичевых островов.

...В конце 1949 года корабли советской китобойной флотилии вошли в пролив Форстера.

...По другому борту «Славы» медленно проплывала целая группа островов – Беллинсгаузена, Туле, Кука...

Остров Высокий, самый возвышенный в архипелаге, мы увидели на следующий день. Свыше ста тридцати лет назад, 23 декабря 1819 года, начальник русской антарктической экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузен сделал в вахтенном журнале шлюпа «Восток» такую запись: «...когда пасмурность и снег прекратились, мы увидели высокий берег, коего вершина скрывалась в облаках». Почти такая же запись появилась и в бортовом журнале «Славы»...

Наш корабль салютовал колумбам Антарктиды – русским морякам экспедиции Беллинсгаузена» [Тихонов 1952: 24] (обратим внимание – не экспедиции «Беллинсгаузена – Лазарева», как это, уже чаще было принято в советской историографии. – *А.О.*). Несмотря на расхожесть метафоры о «колумбах», в заметке так и не было четко указано то, что русские моряки открыли Антарктиду.

Заседания географов на морских судах (хроника) (1954). В 1954 году в одном из выпусков «Известий Всесоюзного географического общества» была опубликована хроника «Заседания географов на морских судах». В частности, в хронике отмечалось: «За последние два года состоялись выездные заседания Географического общества СССР на борту морских кораблей в целях укрепления творческого содружества людей советской науки с производством. Первое выездное заседание Географического общества СССР было 8 октября 1950 г. на борту флагманского судна советской антарктической китобойной флотилии «Слава» перед уходом последнего в пятый рейс к берегам Антарктиды» [Заседания 1952: 421].

Как и в опубликованном в конце января 1951 года, в органе ЦК ВЛКСМ всесоюзной молодежной газете «Комсомольская правда» материале о выездном заседании ВГО [Антарктику 1951], в хронике особое внимание было уделено докладу на этом заседании профессора В.Е. Егорьева. Текст отчета гласил: «На заседании присутствовало около 200 моряков, студентов и научных работников высших учебных заведений Одессы. Доклад о великих русских открытиях в Антарктике сделал член Ученого совета Географического общества СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор В.Е. Егорьев. Он подчеркнул, что первооткрыватели Антарктического материка, опытные мореплаватели Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев, были членами Русского Географического общества, что решение русских ученых и моряков отыскать Антарктиду свидетельствует о полной самостоятельности нашей отечественной научной мысли. Сохранившиеся документы первой русской южнополярной экспедиции дали возможность советским ученым установить и неоспоримо доказать, что 16 января 1820 г. шлюпы «Восток» и «Мирный» находились в непосредственной близости от Антарктического материка» [Заседания 1952: 421] (текст опубликованный в 1951 г. в «Комсомольской правде» [Антарктику 1951] был несколько подробнее. – *А.О.*).

Дальше хроника сообщала: «На заседании было оглашено письменное выступление президента Географического общества СССР академика Л.С. Берга, не смогшего из-за болезни прибыть на флотилию «Слава». Его доклад, озаглавленный «Беллинсгаузен и Пальмер», посвящен разоблачению лживой версии о мнимом открытии Антарктиды американским капитаном Пальмером.

С большим интересом участники заседания выслушали выступления Героев Социалистического Труда – членов Географического общества СССР капитан-директора флотилии «Слава» А.Н. Соляника и капитан-гарпунера А.Н. Пургина, рассказавших о самоотверженной работе советских китобоев в Антарктике и о том, как в марте 1948 г. корабли флотилии «Слава» и теплоход «Иосиф Сатлин» подошли к берегам Антарктиды в том месте, где некогда наши мужественные соотечественники совершили великие географические открытия» [Заседания 1952: 421].

Статья С.А. Вышнепольского «К проблеме правового режима Арктической области» (1952). В июле 1952 года в журнале «Советское государство и право» была опубликована статья кандидата экономических наук С.А. Вышнепольского «К проблеме правового режима Арктической области». В этой статье, в очередной для советских специалистов раз [Дурденевский 1950; Леонтьев 1950; Кострицын 1951; Дранов 1951(а); Дранов 1951(б)] ставилась весьма непростая для них задача: показать «прогрессивное значение» системы секторов в Арктике, и, одновременно, «реакционный характер» этой же системы, но, теперь уже, применительно к Антарктике.

Для понимания политико-правовой позиции Советского Союза в этой сфере межгосударственных отношений, достаточно привести из статьи С.А. Вышнепольского всего лишь два абзаца. В частности, он пишет: «Одним из обстоятельств, породивших усиленные нападки в американской прессе на систему секторов (в Арктике. – *А.О.*), является также наличие американо-английских противоречий в Антарктике, где англичане, используя секторальный принцип, претендуют на подавляющее количество полярной территории, причем английский сектор перекрывает ряд секторов других наций и нарушает права других наций – первооткрывателей антарктических земель.

При обсуждении вопроса о секторальном принципе в полярных областях буржуазные международники, как правило, смешивают решения проблемы правового положения Арктики и Антарктики, несмотря на их коренные отличия. Этот момент получил уже надлежащее освещение в советской печати, и мы к нему возвращаться не будем» [Вышнепольский 1952: 37].

Несмотря на личные планы С.А. Вышнепольского, советские юристы-международники в отличие от него, в дальнейшем в своих работах постоянно возвращались к указанной проблеме, причем

рассматривали ее как с теоретической, так и с практической, прикладной точек зрения.

Еще один небезынтересный, связанный с С.А. Вышнепольским и, на этот раз, его соавтором Г.А. Агранатом, эпизод относится к 1949 году. В ноябрьском номере журнала «Советская книга» была опубликована их рецензия на сборник «Летопись Севера». В объемной, более чем пятистраничной рецензии вообще не были упомянуты вопросы Антарктики [Вышнепольский, Агранат 1949: 27–32]. Тем не менее в упомянутый сборник вошли два «антарктических» материала: отчет об общем собрании действительных членов Географического общества Союза ССР 10 февраля 1949 г. [Русские 1949(б)] и статья М.Е. Афонина «Борьба вокруг Антарктики» [Афонин 1949].

В статье последнего много внимания было уделено политико-правовым вопросам, поэтому С.А. Вышнепольский и Г.А. Агранат могли бы обратить внимание на этот материал в сравнительном, по отношению к ситуации в Арктике, плане. Интересно, что в своей статье М.Е. Афонин убежденно писал, что «конечно, упорно замалчивается (! – *А.О.*), что шлюпы «Восток» и «Мирный» открыли берега Антарктиды еще 16 января 1820 года под 69°21' южной широты» [Афонин 1949: 284].

Брошюра В.Х. Буйницкого «Природа Антарктики» (1952). В середине 1952 года под эгидой Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, в виде отдельной брошюры была опубликована стенограмма публичной лекции В.Х. Буйницкого «Природа Антарктики» (редактор – доктор географических наук Я.Я. Гаккель; редактор Отделения Общества – И.Я. Розенфарб).

Как уже было отмечено выше, В.Х. Буйницкий, еще в 1945 году считал, что «именно советские ученые должны положить начало систематическому изучению Антарктики путем организации постоянно действующей геофизической обсерватории, в частности в районе Южного полюса» [Буйницкий 1945: 13]. Что на практике, как известно, было реализовано правительством США, и, естественно, что в отношении американских же ученых.

О росте в конце 30-х – начале 40-х годов в Советском Союзе профессионального исследовательского интереса к Антарктике, свидетельствует в частности тот факт, что инженер-гидрограф, старший научный сотрудник Арктического научно-исследовательского института, доктор географических наук (1948) В.Х. Буйницкий (1911–1980) согласно сведениям его биографа, «начиная с 1940 года изучал всю (обратим на это внимание. – *А.О.*) доступную литературу по Антарктике» [Бойко 2007].

Свое, только что приведенное мнение о советских перспективах в изучении Антарктики, В.Х. Буйницкий высказал в связи с двадцатипятилетием Арктического научно-исследовательского

института Главсевморпути при СНК СССР. Директором этого института он являлся с 1941 года; в октябре 1947 г. В.Х. Буйницкий был снят с этой должности, а в 1950 г. уволен из института. Вообще в советской географической науке В.Х. Буйницкий считался инициатором международных исследований Антарктики [Потери 1981: 187].

Рассматриваемая брошюра В.Х. Буйницкого начиналась так: «16 января 1820 г. русская кругосветная экспедиция под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева открыла южно-полярный материк – Антарктиду» [Буйницкий 1952: 3]. Факт этот, В.Х. Буйницкий, в свою очередь охарактеризовал, как «величайшее географическое открытие» [Буйницкий 1952: 3]. «Главный итог экспедиции, – писал он, – заключался в том, что вопреки мнению западноевропейских «авторитетов», она доказала (! – А.О.) существование южно-полярного материка – Антарктиды и определила приблизительные его границы» [Буйницкий 1952: 4].

С другой стороны конкретный социальный заказ, политическая заданность, если угодно, политическая «первичность» историографического процесса наглядно проявляется и в работе В.Х. Буйницкого.

В частности, он пишет: «Стремясь к безраздельному господству в Антарктике, американские империалисты делают все, чтобы не допустить Советский Союз к решению вопросов об ее режиме. Но что бы они не предпринимали, опровергнуть бесспорные исторические факты нельзя. Антарктида открыта русскими людьми. Опираясь на эту историческую правду, советская общественность на заседании Географического Общества СССР 10 февраля 1949 г. заявила свой гневный протест по поводу происков поджигателей войны и их попыток отстранить Советский Союз от участия в решении хозяйственных и политических проблем в Антарктике.

7 июня 1950 г. Правительство СССР направило правительствам США, Англии, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии известный меморандум о режиме Антарктики, заявив, что вопрос об управлении Антарктикой должен быть решен на основе справедливости и исторического права и что Советский Союз не может признать любое решение о режиме Антарктики, принятое без его участия» [Буйницкий 1952: 32].

Статья М. Андреева «Дальний вояж казанского профессора» (1952). В июле 1952 года в ежемесячном географическом научно-популярном журнале ЦК ВЛКСМ «Вокруг света» была опубликована статья М. Андреева «Дальний вояж казанского профессора».

Среди прочего, этот автор сообщал следующее: «Жизнь и труды выдающегося астронома Ивана Михайловича Симонова (1794–1855) – спутника Ф.Ф. Беллинсгаузена по плаванию в Антарктику – сравнительно мало известны широкому читателю.

Обнаруженная в библиотеке Казанского Государственного университета рукопись И.М. Симонова – собственноручный дневник участника экспедиции, а также большой архив (более 500 писем) – его переписка с выдающимися деятелями русской науки – являются важнейшими документальными памятниками, относящимися к великим открытиям русских мореплавателей.

В своем дневнике Симонов дает подробное описание плавания, во многом дополняющее круг сведений, содержащихся в основном источнике – труде Ф.Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819, 1820 и 1821 годах.

...Вопреки мнению английского путешественника Джемса Кука, русские ученые справедливо предполагали существование материка в Южном Ледовитом океане. К этой плеяде передовых ученых принадлежал и Симонов» [Андреев 1952: 49].

Однако М. Андреев не приводит никаких цитат из работ или писем И.М. Симонова, подтверждающих принадлежность последнего к такой, упомянутой этим советским автором, «плеяде».

«...Лавируя среди ледяных гор, – пишет дальше М. Андреев, – высота которых достигала иногда нескольких сот метров, экспедиция в январе и феврале 1820 года не раз проходила вблизи берегов Антарктиды» [Андреев 1952: 50]. Но, это пишет именно М. Андреев, а не И.М. Симонов. Вот слова последнего, которые приведены сразу же после этого абзаца текста М. Андреева: «...Мне удалось видеть, что и там, близ Южного полюса, в местах, почти лишенных жизни, есть, однакож, жизнь в существах, которые там только и обитают и для которых наши климаты убийственны... Есть в этих местах и красота, и великолепие, и явления, удивляющие человека, и предметы, возбуждающие в нем живые впечатления», – писал Симонов о природе Антарктики» [Андреев 1952: 50].

Но получается, что в самом И.М. Симонове, январские и февральские подходы к Антарктиде «не возбудили» никаких чувств и эмоций ученого (в этом контексте небезынтересна сопровождающая статью М. Андреева карта плавания экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, на которой, январский и февральский подходы 1820 года изображены чрезвычайно удаленными от берега; рисунки к статье готовили П. Рябов и В. Цольмер. – *А.О.*).

Далее М. Андреев пишет: «Выступая на торжественном собрании Казанского университета 7 июля 1822 года, Симонов произнес «Слово об успехах плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» около Света и особенно в Южном Ледовитом море».

В своем «Слове» Симонов говорит, что 10 января 1821 года «открыли мы в южной широте... остров и назвали его островом Петра I...». А 17 января – «под тою же широтою, берег, который наименован берегом Александра I...» [Андреев 1952: 52].

«Торжественно звучат, – продолжает свой текст М.Андреев, – последние, заключительные слова воспоминаний казанского профессора об историческом путешествии. «Презрев все опасности, – пишет Симонов, – пройдя места непроходимые и, с успехом окончив возложенное на нас дело, возвратились мы в свое отечество, распространив круг человеческих знаний многими открытиями».

Советские ученые внимательно, шаг за шагом восстанавливают пути наших предков в их походах по освоению необозримых просторов земного шара. Немеркнувшей славой сияют имена русских моряков, открывших Антарктиду» [Андреев 1952: 53].

И, все-таки, почему «строевым морякам» – Ф.Ф. Беллинсгаузену, М.П. Лазареву, П.М. Новосильскому – была понятна суть событий и открытий января-февраля 1820 г., а ученому-астроному, профессору с европейским именем И.М. Симонову – нет...? Весьма интересные ответы на этот вопрос, давала иногда, сама советская историография.

Статья А. Зубкова «Приоритет русских и советских ученых и моряков в изучении морей и океанов» (1952). В августе 1952 года орган Министерства морского флота СССР, ежемесячный политико-экономический и производственно-технический журнал «Морской флот» опубликовал статью А. Зубкова, которая называлась «Приоритет русских и советских ученых и моряков в изучении морей и океанов». Особое место в этой статье было уделено истории открытия Антарктиды. Написан антарктический фрагмент статьи, был уже по некоему «алгоритму», заданному в советской историографии, прежде всего для массовых, популярных, «облегченных» версий изложения истории антарктических исследований.

Так, А. Зубков писал: «Южный материк – Антарктиду – открыли русские морские офицеры Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев (впоследствии знаменитый флотоводец) во время совершенного ими замечательного кругосветного плавания в 1819–1821 гг. ...За 45 лет до этого английский капитан Джеймс Кук совершил долгое, почти четырехлетнее плавание в южных водах. Несколько раз он спускался за южный полярный круг. «Риск, связанный с плаванием в этих необследованных и покрытых льдами морях в поисках южного материка, настолько велик, что я смело могу сказать, что ни один человек никогда не решится проникнуть на юн дальше, чем это удалось мне», – писал Кук. Он же заявлял, что Антарктида либо вообще не существует, либо ее достичь невозможно. Но моряков России слова Кука не убедили.

...Открыв Антарктиду, русские военные моряки подарили миру новый, последний материк» [Зубков 1952: 26].

Брошюра Е.Е. Шведе «Открытие Антарктиды русскими мореплавателями» (1952). В 1952 году под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний была издана работа профессора, доктора военно-морских наук, контр-

адмирала Е.Е. Шведе «Открытие Антарктиды русскими мореплавателями». С точки зрения анализа советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, эта работа представляет несомненный интерес, поскольку позволяет проследить эволюцию взглядов одного из ведущих, если не ключевых представителей этой историографии.

«Открытие материка Антарктиды, – начинал свою новую работу Е.Е. Шведе, – одна из славных страниц в истории русской географической науки. Более 130 лет назад первая русская антарктическая экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева открыла Антарктический материк, непреложно утвердив приоритет нашей Родины на это открытие» [Шведе 1952: 3].

Как, на этот раз, хотел подтвердить Е.Е. Шведе непреложность отмеченного им приоритета?

Сразу можно заметить, что в своей новой работе (в отличие от редакционной статьи к первому советскому переизданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена) Е.Е. Шведе упоминает не пять [Шведе 1949(б): 26], а шесть «покушений» [Шведе 1952: 15] с целью достигнуть материка Антарктиды (речь идет, о первом этапе плавания экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, с января по март 1820 г. – *А.О.*). Но, очевидно, даже не это самое главное. Важно, что выводы к которым приходит Е.Е. Шведе при упоминаниях им «покушения» 16(28) января 1820 г. – отличаются.

Трудно сказать, что же все-таки конкретно повлияло на позицию этого ведущего советского военно-морского географа, специалиста в данных вопросах: его личный, более углубленный анализ доступных на тот момент и, относящихся к ходу экспедиции документов; или появление за прошедшие три года нескольких работ академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева, где было обращено внимание на действительную дату открытия Антарктиды; или же, наконец, появление за эти же годы в советской историографии целой «совокупности» работ, в которой отмеченная дата была заявлена, как дата первооткрытия?

В любом случае, вряд ли позицию Е.Е. Шведе, подчеркнем это, как и позицию таких специалистов, как Н.Н. Зубов и В.Х. Буйницкий (да, и, тем более – И.П. Магидович) диктовали некие «идеологические» соображения, требующие «во что бы то ни стало» заявить о первенстве русских в открытии материка. Нет, эти советские специалисты (в первую очередь, тот же Е.Е. Шведе) действительно более внимательно изучили доступные на тот момент документы и материалы, относящиеся к антарктическому плаванью русских. Посмотрим, как такое внимательное прочтение отразилось на научном творчестве Е.Е. Шведе.

Итак, в 1949 году он считает, что, «если бы не плохие условия видимости, то уже 16 января Беллинсгаузен и Лазарев смогли бы дать совершенно точные сведения о землях антарктического материка».

«Автор предисловия к английскому переводу книги Беллинсгаузена, – продолжает Е.Е. Шведе, – вышедшему в 1945 г., антарктический исследователь Франк Дебенхэм, по этому поводу пишет: Беллинсгаузен «видел материк, но не опознал его как таковой» [Шведе 1949(б): 26]. Кроме того, в своей редакционной сноске-комментарии к тексту Ф.Ф. Беллинсгаузена, где повествуется об экспедиционном дне 16(28) января 1820 г., Е.Е. Шведе отмечает: «...Пасмурная погода не дала Беллинсгаузену с уверенностью утверждать, что он открыл Антарктиду...» [Беллинсгаузен 1949: 110, сноска 2].

Теперь, в 1952 году Е.Е. Шведе, пишет так: «Третье «покушение» было значительно удачнее: 28(16) января (первой у Е.Е. Шведе указана дата по новому стилю. – А.О.) экспедиция достигла своей наиболее южной широты (69°25') за первый этап своего плавания и, как мы теперь твердо (! – А.О.) знаем, вплотную (! – А.О.) подошла к материку Антарктиды, увидела (! – А.О.) его и впервые его открыла. Только исключительная честность и требовательность к вопросам достоверности открытия не позволили русским мореплавателям утверждать, что они действительно видели низменную часть материка, а не ледяной береговой припай. У самих участников экспедиции несомненно существовала уверенность, что они видят перед собой континент» [Шведе 1952: 15].

И, если, тезис об «исключительной честности и требовательности» присутствует у Е.Е. Шведе в тексте 1949 г. [Шведе 1949(б): 27], то, последнее предложение – это новелла 1952 г. Однако главное, все-таки, это смена его позиции в отношении вопроса условий видимости в день открытия Антарктиды. Е.Е. Шведе фактически отходит от «соглашательской позиции» с Ф. Дебенхэмом, хотя, и в 1952 г., также не избегает соблазна вновь процитировать последнего. Получается у него это, еще хуже, чем в первом случае.

«Даже иностранные авторы, – сообщает в 1952 г. Е.Е. Шведе, – выражают полную уверенность, что Антарктида была впервые открыта экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева в январе-феврале 1820 года. Так, автор предисловия к английскому переводу книги Беллинсгаузена, вышедшему в 1945 году, ...профессор Франк Дибенем по этому поводу пишет: Беллинсгаузен «видел материк, но не опознал его как таковой...» [Шведе 1952: 19].

Вот так «признание» открытия: «видел материк, но не опознал...»!

Для чего Е.Е. Шведе так эклектично, если не беспринципно цитирует своего «любимого» английского автора – непонятно...? Тем более, что несколькими страницами ранее советский географ утверждал, что «у самих участников экспедиции несомненно существовала уверенность, что они видят (! – А.О.) перед собой континент» [Шведе 1952: 15].

В подтверждение этого, Е.Е. Шведе цитирует письмо М.П. Лазарева к А.А. Шестакову [Шведе 1952: 18]. И это тоже новелла в

научном творчестве советского географа. Этот важнейший источник в своей редакционной статье, в 1949 году, он – не использовал, хотя в составленном старшим библиографом Н.С. Богаткиной, библиографическом списке указано: «70. Письма Михаила Петровича Лазарева к Алексею Антиповичу Шестакову в г. Красный Смоленской губернии» [Беллинсгаузен 1949: 357] (они были опубликованы в 1918 г. в ряде номеров журнала «Морской сборник». – А.О.).

Выше уже было обращено внимание на то, что, очевидно И.П. Магидович, был первым в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, кто цитировал письмо М.П. Лазарева, в котором было указано на непреодолимое для кораблей и, на том этапе экспедиции, постоянно сопутствующее им препятствие – «льдиный материк».

Очень интересно, что цитируя опубликованную в 1949 году статью Г.М. Таубера [Таубер 1949], Е.Е. Шведе (согласно его периодизации речь идет о четвертом «покушении», конкретно, о дате – 21(2) февраля 1820 г. – А.О.) делает свой вывод: «Несомненно, что при наличии здесь благоприятной погоды в момент пребывания Беллинсгаузена и Лазарева эта часть Антарктического материка была бы отмечена на карте» [Шведе 1952: 19]. Упоминание им положения на карту участка побережья – заслуживает внимания.

В своей редакционной статье к переизданной книге Ф.Ф. Беллинсгаузена, подводя итог всего плавания экспедиции (т. е. уже после открытия острова Петра I и Берега Александра I, других островов), Е.Е. Шведе подчеркнул, что «экспедиция выполнила главное задание – открыла материк Антарктиды и тем самым утвердила приоритет нашей Родины в этом отношении» [Шведе 1949(б): 28].

Теперь – в 1952 году, описав лишь «покушения» первого этапа, Е.Е. Шведе уже однозначно утверждает: «Из сопоставления всех перечисленных обстоятельств с несомненностью вытекает, что днем открытия материка Антарктиды первой русской антарктической экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева необходимо считать 28(16) января 1820 года» [Шведе 1952: 19].

Предыдущим абзацем Е.Е. Шведе цитирует секретаря Британского королевского географического общества Лоренса Кэруэна (очевидно и его высказывание советский географ относит к «перечисленным обстоятельствам»): «...Л. Кэруэн... (журнал «Спектейтор», 23 июля 1950 года) выразился еще более определенно: «Согласно опубликованным отчетам о путешествии Беллинсгаузена, он несомненно дважды видел Антарктический материк – в январе и феврале 1820 года, причем оба раза близ побережья Земли королевы Мод»; далее, объясняя причину, по которой Беллинсгаузен не заявил тогда о своем открытии, Кэруэн добавляет: «Он был слишком точным и добросовестным наблюдателем, чтобы пойти на это (? – А.О.)» [Шведе 1952: 19].

Так же небезынтересно, что открытию острова Петра I и Берега Александра I Е.Е. Шведе посвятил всего лишь два небольших абзаца, ясно показывая этим расстановку приоритетов в оценке географических открытий экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Ссылаясь на Л.С. Берга (вообще в своей брошюре Е.Е. Шведе цитирует его, но, всего несколько раз, и, только лишь в связи с аспектами не связанными собственно с первооткрытием) он отмечает: «Академик Л.С. Берг писал..., что в настоящее время считают, что Земля Александра I есть громадный остров, длиною свыше 500 км, отдаленный от материка узким проливом. Однако, при широком развитии здесь ледяных покровов, нельзя быть уверенным, что эта земля не соединяется с материком» [Шведе 1952: 23]. Таким образом, открытия января 1821 года – из «главного выхода» советской историографии, однозначно становились «выходом запасным».

Рецензия М. Котухова на сборник документов «М.П. Лазарев» (1952). В конце ноября 1952 года в газете «Красный флот», в разделе «Критика и библиография» была опубликована рецензия капитана 1 ранга М.П. Котухова, посвященная уже проанализированному выше первому тому сборника документов о М.П. Лазареве [Лазарев 1952]. Изданная в 1951 году Военмориздатом книга самого М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)» [Котухов 1951], также уже была разобрана выше.

В частности, в своей рецензии на указанный сборник М.П. Котухов писал: «Советские военные моряки тщательно изучают огромный вклад, который внесли в военно-морскую науку выдающиеся представители нашей Родины. На флоте с интересом встречается каждая книга о деятельности русских флотоводцев.

...Материалы третьего раздела тома относятся к Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг., возглавлявшейся капитаном 2 ранга Ф.Ф. Беллинсгаузенем и лейтенантом М.П. Лазаревым. Это самый большой раздел сборника.

Первая русская антарктическая экспедиция занимает исключительное место в истории географических открытий, в истории мореплавания. Ее участники открыли шестой материк земного шара – Антарктиду, впервые в истории обошли вокруг этого материка, четыре раза подходя непосредственно к его границам. Русские моряки сделали в ходе экспедиции много важнейших для науки открытий, наблюдений и исследований, преодолев огромные трудности ледового плавания на маленьких деревянных судах.

Читатель найдет в этом разделе проект экспедиции к Южному полюсу, составленный Г.А. Сарычевым, отдельные замечания И.Ф. Крузенштерна, план экспедиции, предложенный О.Е. Коцебу. Инициаторами экспедиции были передовые русские ученые и моряки, которые смело выступили против господствовавшего в то время на Западе убеждения об отсутствии земель за Южным полярным кругом.

Документы, таким образом, еще раз подтверждают ведущую, прогрессивную роль нашей отечественной науки, ее самостоятельный путь развития.

Большой интерес (! – *А.О.*) представляет письмо М.П. Лазарева к своему товарищу А.А. Шестакову с описанием похода, а также рапорты Ф.Ф. Беллинсгаузена об этапах перехода шлюпов и сделанных географических открытиях. Опубликованы также отрывки из сочинения П.М. Новосильского «Южный полюс», где рассказывается о мастерстве, мужестве и самоотверженности русских моряков...» [Котухов 1952].

Интересно, что отметив объемность третьего, «антарктического» раздела сборника, М.П. Котухов затем раскритиковал составителей последнего. Вот мнение М.П. Котухова: «Вследствие обилия второстепенных материалов от читателя иногда ускользает главное в деятельности выдающегося флотоводца. Сборник содержит крайне мало – не более 20–25 процентов общего объема книги – документов самого М.П. Лазарева. Из 55 документов, опубликованных в третьем разделе, только три принадлежат перу М.П. Лазарева, да и те, по существу, представляют одно его письмо, разбитое на три части» [Котухов 1952]. М.П. Котухов считал, что более тщательный отбор документов сделал бы сборник «более целеустремленным, всецело отвечающим своему названию».

Однако логика составителей сборника понятна: они стремились свести в одном томе максимально возможное и, ни в России, ни в Советском Союзе до этого не публиковавшееся число архивных документов, связанных с южнополярной экспедицией 1819–1821 гг. Не может не удивлять фраза М.П. Котухова, о том, что «читатель найдет в сборнике относительно мало новых, ранее не опубликованных документов» [Котухов 1952].

Более обоснованным выглядит другое критическое замечание М.П. Котухова, который отметил, что «осталась совершенно не освещенной ни в документальном материале, ни во введении огромная научно-исследовательская работа М.П. Лазарева в период кругосветных плаваний» [Котухов 1952]. В этой связи он считал целесообразным внесение в сборник выдержек из книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, дневника профессора И.М. Симонова, писем Н. Галкина и др.

Статья А.Е. Ершова «Из истории русской гидрографии» (1952). В декабре 1952 года в журнале «Морской сборник» была опубликована статья капитана 2 ранга А.Е. Ершова «Из истории русской гидрографии».

Статья эта была посвящена 125-летию организации в России гидрографического управления военно-морских сил и, примечательно также тем, что результат русской экспедиции – открытие Антарктиды, объявлено было ее автором, «событием всемирно-исторического значения» [Ершов 1952: 22]. Иными словами, «приравнено» по

значению к Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года.

Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1952 год (1952). Некоторое представление о том, какое внимание уделялось в Советском Союзе антарктической тематике, дает опубликованный в 1952 году «Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1952 год».

Отделение истории географических знаний (председатель – профессор А.И. Андреев) в течение 1952 г. провело одиннадцать заседаний, на которых были обсуждены доклады, включая доклад А.И. Андреева «Выдающийся мореплаватель и исследователь Антарктики Ф.Ф. Беллинсгаузен» [Краткий 1952: 634]. В разделе «Издательская деятельность» отмечено: «Подготавливается к печати сборник о природе Антарктики (ред. чл.-корр. АН СССР С.В. Калесник)» [Краткий 1952: 653].

В разделе «Филиалы и отделы Общества», при описании деятельности Украинского филиала было упомянуто, что: в Школьной комиссии этого филиала был заслушан доклад О.А. Кроткова «Приоритет русских открытий в Антарктике»; в Отделении истории и пропаганды географических знаний «подготовлены для печати и радио научно-популярные статьи» Р.А. Заездного «М.П. Лазарев» (принята в журнал «Наука і життя») и «К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена» (принята в газету «Юный Ленин») [Краткий 1952: 665].

Иных упоминаний антарктических проблем (в том числе, по итогам работы Московского филиала Общества) не было.

«Антарктика. Рекомендательный список литературы» (1952). В 1952 году под эгидой Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, Центральной политехнической библиотекой был издан рекомендательный список литературы «Антарктика» (составитель Л.И. Задерман; редактор-библиограф Н.Г. Павлов). Как и предыдущий, подобный рекомендательный список [Русские 1949(д)], новый был снабжен небольшим предуведомлением.

В изданном в 1949 году рекомендательном списке можно было узнать следующее: «Русские исследователи... в 1819–1821 гг. четырежды подходили к берегам Антарктиды: дважды в январе 1820 года, один раз в феврале 1820 года и один раз в январе 1821 г.

...16 января 1820 г. экспедиция подошла близко к северной окраине Антарктического материка, а 5–6 февраля – почти вплотную к краю материка, в районе «Земли Принцессы Марты», которую лишь 100 лет спустя увидела норвежская экспедиция, давшая ей это имя. Летом 1821 г. в антарктических водах экспедицией были открыты остров... Петра I, и полуостров Антарктического материка, названный «Берегом Александра I».

Таким образом, именно России принадлежит честь открытия большого Антарктического материка и, следовательно, бесспорное право на участие в использовании и освоении вод Антарктики» [Русские 1949(д): б. с.].

Понятно, что в 1949 году, такая трактовка событий была для советской историографии еще необычной, более того – прогрессивной.

В новом рекомендательном списке, автор введения отказался от какой бы то ни было, детальной исторической информации о ходе и итогах экспедиции, дав общую оценку ее результатов.

В частности, в тексте введения говорилось: «Открытие Антарктиды является одним из значительных вкладов русских в развитие географической науки. Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. ...впервые доказала существование материка у Южного полюса и возможность его достижения, опровергнув тем самым утверждение английского путешественника Дж. Кука о полной недоступности антарктического материка» [Антарктика 1952: 2].

Большее внимание уделено было текущему «политическому моменту»: «В недрах Антарктического материка обнаружены месторождения ценных минералов – золота, меди, цинка, свинца и урана, привлекающих внимание капиталистов и правительства США. Стремясь прибрать к рукам богатства Антарктиды и использовать эту область в военно-стратегических целях..., империалистические правительства ставят вопрос о разделе Антарктики и притом без участия Советского Союза. Между тем последнему по праву принадлежит одна из ведущих ролей в ее освоении (? – А.О.), так как именно русские открыли этот полярный материк и впервые провели исследование антарктического района. Советский Союз не может мириться с игнорированием его законных прав» [Антарктика 1952: 3].

В самом списке была «указана популярная литература, освещающая вопросы приоритета русских ученых (? – А.О.) в открытии Антарктиды, природные условия Антарктики и деятельность советских китобойных экспедиций в районе Антарктики» [Антарктика 1952: 3]. В раздел «История открытия русскими Антарктиды» вошли девять работ [Антарктика 1952: 3–5]. Предыдущий «Рекомендованный список литературы» собственно и состоял из источников, посвященных истории открытия Антарктиды и насчитывал десять наименований [Русские 1949(д): б. с.]. Какой логики, при составлении списка придерживался Л.И. Задерман, установить очень сложно (можно лишь это предположить).

Открывала список отпечатанная в 1949 году Географизмом отдельной брошюрой, «речь-статья» академика Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Берг 1949(а)]. В предыдущем издании этот берговский материал был представлен ссылками на две одноименные перепечатки 1949 года: в «Известиях Всесоюзного географического общества» [Берг 1949(в)] и в журнале

«Наука и жизнь» [Берг 1949(г)] (в последнем случае, работа называется несколько короче – «Русские открытия в Антарктике»). Следующей была упомянута изданная в 1951 году Воениздатом, брошюра Н.Н. Зубова и М.Б. Черненко «Русские люди в Арктике и Антарктике» [Зубов, Черненко 1951]. Причем работа Л.С. Берга была кратко отреферирована, а работа двух последних соавторов – нет.

Вслед за этим, Л.И. Задерман расположил библиографическую и краткую реферативную информацию об изданной в 1950 году брошюре А.А. Григорьева и Д.М. Лебедева «Приоритет русских открытий в Антарктике» [Григорьев, Лебедев 1950]. Сразу же после этого шло библиографическое описание изданной, также в 1950 году, книги К. Осипова (Купермана) «Как русские люди открыли Антарктиду» [Осипов 1950] (одна из самых ярких в советской историографии фальсификаций хода и результатов экспедиции. – *А.О.*).

После всего этого Л.И. Задерман, почему-то расположил информацию об изданной в 1949 году Госкультпросветиздатом книге Дм. Голубева «Русские в Антарктике» [Голубев 1949]. Затем (и что, в свою очередь, кажется уже совсем нелепым) идет библиографическое описание и краткое рефератирование изданной в 1949 году книги Л.С. Берга «Очерки по истории русских географических открытий» [Берг 1949(б)] (для чего было – в 1952 году, упоминать эту, уже и в 1949 году, ничего нового не привнесшую в историографию вопроса, книгу Л.С. Берга? – *А.О.*).

Следующей в списке, шла книга Ф.Ф. Беллинсгаузена [Беллинсгаузен 1949]. В отличие от списка 1949 года, в 1952 году Л.И. Задерман упомянул, что книга эта снабжена вступительной статьей Е.Е. Шведе [Антарктика 1952: 5].

Предпоследней шла информация об изданном в 1951 году Географгизом, сборнике «Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах» [Русские 1951]. В совсем кратком реферате Л.И. Задерман не забыл сообщить о том, что «в книгу включена также статья акад. Л.С. Берга «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней» [Антарктика 1952: 5].

Наконец, завершал список (и вновь, вопреки всякой логике; интересно, что бы сказали по поводу такого «списка», блюстители библиографических «нравов» Р.М. Инглези и З.Л. Фрадкина, известные уже нам по критике книги Г.С. Тихомирова? – *А.О.*) изданный в 1949 году Географгизом сборник «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах» [Плавания 1949] (с упоминанием вступительной статьи А.И. Андреева к этому сборнику [Андреев 1949(б)]).

Показательно, что при таком повышенном внимании к научному наследию Л.С. Берга (подчеркнем в очередной раз – ничего нового, а, тем более – в 1952 году, не привносящего в освещение итогов Первой русской антарктической экспедиции. – *А.О.*), из внимания Л.И.

Задермана «выпали» (т. е. он не сообщает о них потенциальному читателю; предположим, что попросту замалчивает) изданные в 1951 году две книги: М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)» [Котухов 1951] и А.В. Соколова и Е.Г. Кушнарера «Три кругосветных плавания М.П. Лазарева» [Соколов, Кушнарер 1951]. Что же не понравилось в этих книгах Л.И. Задерману?

Можно заметить и вот, еще что. В изданный в 1949 году «Рекомендательный список литературы» попали очень многие работы текущего года (таких работ можно насчитать – восемь). В изданном в 1952 списке, такие работы – отсутствуют. Между тем, именно в этом году были изданы: книга С.В. Узина и Б.В. Юсова «М.П. Лазарев» [Узин, Юсов 1952]; книга С. Иванова и К. Голованова «Ф.Ф. Беллинсгаузен» [Иванов, Голованов 1952]; первый том фундаментального сборника документов о М.П. Лазареве [Лазарев 1952]; брошюра В.Х. Буйницкого «Природа Антарктики» [Буйницкий 1952]; брошюра Е.Е. Шведе «Открытие Антарктиды русскими мореплавателями» [Шведе 1952].

На этом фоне, составленный Л.И. Задерманом (редактор-библиограф Н.Г. Павлов) рекомендательный список литературы выглядит особенно неполноценным, а то, и просто ущербным. Советская историография в 1952 году уже ушла вперед, поэтому этот «рекомендательный список» («рекомендующий» в первую очередь все того же Л.С. Берга) не давал объективного представления об актуальных источниках, посвященных русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг.

Глава IV. 1953 год

«...Однако наши мореплаватели не знали, что еще 16 января 1820 года они подходили к ледяному покрову Антарктиды...»

«...Нельзя не заметить, что в некоторых случаях описание дня первооткрытия Антарктиды – 16/28 января 1820 г. – сопровождается примечаниями, противоречащими документам, а именно, будто условия погоды помешали участникам экспедиции увидеть Антарктиду в этот день... Первооткрыватели не только видели Антарктиду, но и своевременно заявили об этом...»

В.Д. Таич (1953)

«...И лишь чисто случайное обстоятельство – плохая видимость и снегопад – не позволили Беллинсгаузену и его спутникам увидеть Антарктиду 16 января 1820 года... 6 февраля 1820 г. ...сплошной покров материковых льдов опять скрыл землю от исследователей...»

Доктор географических наук
В.Х. Буйницкий (1953)

Систематический указатель Всесоюзной книжной палаты «Ежегодник книги СССР 1952» (1953, 1954). В 1953 году Всесоюзной книжной палатой был издан систематический указатель «Ежегодник книги СССР 1952» (первое полугодие).

В указателе за первое полугодие нашли свое отражение: сборник документов о М.П. Лазареве [Лазарев 1952] (в разделе «История Вооруженных Сил СССР. История русской армии»); книга В.А. Арсеньева и В.А. Земского «В стране китов и пингвинов» [Арсеньев, Земский 1951]; книга С. Иванова и К. Голованова «Ф.Ф. Беллинсгаузен» [Иванов, Голованов 1952]; книга М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)» [Котухов 1951]; книга С.В. Узина и Б.В. Юсова «М.П. Лазарев» [Узин, Юсов 1952] (информация обо всех этих книгах была размещена в подразделе «Геолого-географические науки в целом. География. Краеведение. – А.О.») [Ежегодник 1953(б): 54, 67–68].

В изданном уже в 1954 году, указателе за второе полугодие 1953 г., в том же разделе можно было обнаружить информацию о трех изданиях: книге В.Х. Буйницкого «Природа Антарктики» [Буйницкий 1952]; книге А. Пургина «В морях Антарктики» (Киев, «Молодь», на

украинском языке); книге С.В. Узина «Загадочные земли» (Алма-Ата, Казгосиздат, на казахском языке) [Ежегодник 1954(а): 67–68].

Статья Н.Н. Зубова в сборнике «Русские мореплаватели» (1953). В 1953 году Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР выпустило в свет сборник «Русские мореплаватели» (редактор капитан 2 ранга В.С. Лупач; он же был редактором сборника «Новаторы русского флота» [Новаторы 1949] и книги М.П. Котухова «Великий подвиг (Открытие Антарктиды)» [Котухов 1951]). Статьей-введением к этому изданию стал материал профессора Н.Н. Зубова «Русские мореплаватели – исследователи океанов и морей».

В частности, Н.Н. Зубов писал: «До экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева сомневались в существовании Южного материка и в возможности его исследования. В XVIII в. в поисках его Джеймс Кук совершил кругосветное плавание в высоких южных широтах (1772–1775) и объявил, что «земли, которые могут (в отличие от уже распространенной, умышленно насажденной в советской историографии точки зрения, Н.Н. Зубов, в данном случае не стал писать, что Кук вообще отрицал возможность существования Южного материка. – *А.О.*) находится на юге, никогда не будут исследованы...».

...16 января 1820 г. «Восток» и «Мирный» были на 69°22' южной широты и 2°15' западной долготы. В первый раз люди увидели (! – *А.О.*) покрытые льдами берега Антарктиды, но пройти к ним было невозможно, так как путь преграждали льды. Русские моряки добросовестно отметили все признаки земли, но ничего больше не стали утверждать (с такой, высказанной Н.Н. Зубовым точкой зрения, соглашались не все в советской историографии. – *А.О.*). Так скромно в летопись великих открытий вошла новая дата 16 января 1820 г. – день, когда русские открыли Антарктиду – шестой материк земного шара» [Зубов 1953: XVIII].

Статья Н.Я. Болотникова в сборнике «Русские мореплаватели» (1953). В том же, изданном в 1953 году Воениздатом сборнике «Русские мореплаватели», была помещена статья Н.Я. Болотникова «Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев». На сцену советской антарктической историографии «всерьез и надолго» выходило новое действующее лицо – Никита Яковлевич Болотников (1905–1977), журналист, полярный исследователь, историк Арктики. Впрочем, один раз, этот «персонаж» уже появлялся на этой «сцене», правда, пока еще, лишь в качестве «статиста».

В напечатанной в 1949 году в журнале «Вокруг света» и, повествующей об альбоме рисунков художника Первой русской антарктической экспедиции П.Н. Михайлова, совсем небольшой заметке Н.Я. Болотникова было отмечено, что русские моряки «утвердили приоритет своей родины на открытие Антарктиды» [Болотников 1949: 9]. Однако предшествующее этому выводу упоминание открытий,

сделанных уже в 1821 году, ясно показывало, что подразумевал Н.Я. Болотников под таким «приоритетом».

Теперь, начало его новой статьи могло несколько обескуражить. Н.Я. Болотников пишет: «...Организация всех этих экспедиций ни в коей мере не была заслугой царствовавшего тогда Александра I или тогдашнего морского министра де Траверсе. Царь, разбиравшийся в морских делах, по его собственному выражению, «как слепой в красках», не любил флота и моряков. «Верноподданническая» же деятельность маркиза де Траверсе, французского эмигранта и авантюриста, считавшего, что «континентальной» России флот не нужен, была направлена к развалу русского флота и мореходства» [Болотников 1953: 185].

В очередной, для советской историографии раз «разделавшись» с Д. Куком, Н.Я. Болотников продолжал: «...Беллингаузена и Лазарева не устроили выводы Кука. Они мужественно вели корабли к цели.

...Где же Южный материк? Существует ли он? Русские моряки старались найти ответ на эти вопросы в каждом наблюдаемом явлении.

...В полдень 16 января на 69°21'28" южной широты и 2°14'50" западной долготы моряки заметили блестящую полосу высоких льдов. Вначале они приняли льды за облака (первыми в советской историографии, кто обратил внимание на эту фразу Ф.Ф. Беллингаузена, очевидно были академик А.А. Григорьев и профессор Д.М. Лебедев [Григорьев, Лебедев 1950: 14]. – *А.О.*). Шлюпы продолжали идти на юго-восток (в подстраничной сноске Н.Я. Болотников писал: «16 января 1820 г. шлюпы достигли самой южной точки за первый год плавания – 69°25' южной широты и 2°10' западной долготы» [Болотников 1953: 195, сноска 1]. – *А.О.*). Временами снег прекращался, и тогда мореплаватели видели (! – *А.О.*) полосу сплошных, усеянных буграми льдов, простиравшуюся с востока на запад...

Это была Антарктида.

...Антарктида – страна гор и льда. Три четверти ее поверхности занимают ледники и пятую часть составляют пловучие ледниковые барьеры. Последние образуются от сползания с гор огромных ледников, толщина которых исчисляется сотнями метров. Достигнув океана, ледники продолжают ползти по дну, а затем на определенных глубинах надламываются и всплывают в виде ровных ледяных «столообразных» гор (обратим внимание, как тонко Н.Я. Болотников подводит, якобы «физико-географическую основу» под открытие русских моряков, «основу», на самом деле полностью обесценивающую их открытие; кстати сегодня подобная «основа» находит полное понимание у западной историографии, в частности, у Рипа Балкли. – *А.О.*).

Этот-то (! – *А.О.*) ледяной барьер Антарктиды, ледяной барьер желанного Южного материка, мифической «Терра аустралис инкогнита» древних и увидели впервые в истории человечества русские моряки –

спутники Беллинсгаузена и Лазарева 16 января 1820 г. [Болотников 1953: 194–195].

Да, до такого не додумались многие и многие предшественники, «предтечи» Н.Я. Болотникова, включая «великого эклектика» академика Л.С. Берга.

«Но вид берегов, – продолжает Н.Я. Болотников, – был слишком необычен. Туман и снег помешали морякам определить, что находится дальше, за бугристыми льдами. Это, по-видимому, и заставило тогда Беллинсгаузена воздержаться от заключения, что перед ним материк. Но в наше время, когда этот участок побережья Антарктиды, носящий название Земли кронпринцессы Марты, сфотографирован с воздуха, точно установлено, что 16 января 1820 г. русские моряки находились всего лишь в 20–30 километрах от берега, а бугристые льды, виденные ими, были не чем иным, как окраиной Южного материка.

События последующих дней плавания шлюпов вдоль ледяного барьера (сплывавшего с гор, ползавшего по дну, а затем надломившегося и всплывшего «пловучего ледникового барьера»? – А.О.) подтвердили то, что шлюпы находились вблизи материка (насколько же близко? – А.О.).

В течение четырех суток шлюпы плыли вдоль выступавшего к северу ледяного барьера, а затем снова повернули на юг» [Болотников 1953: 195–196].

Интересно что, до журналиста Н.Я. Болотникова в подобные «физико-географические» изыскания не пускались и профессиональные географы, в том числе – физико-географы.

И вновь он продолжает: «Ночью на 21-е января, – записал Новосильский в своем дневнике, – впереди стали показываться льды. В 2 часа ночи мы шли посреди разбитого льда, а далее простиралось сомкнутое ледяное поле, в котором затерто было до 50 ледяных островов; идти вперед уже не было возможности; надлежало поворотить и взять курс на северо-восток».

Это было на 69°25' южной широты и 1°11' западной долготы, милях в тридцати от берега. Плохая погода и на сей раз (т. е., надо полагать, и 16 января «ничего не видели»? – А.О.) помешала русским морякам увидеть очертания близкой суши.

«Утром 5 февраля по курсу шлюпов и на горизонте показалась широкая блестящая полоса – признак льдов. К полудню открылись семь ледяных островов, а за ними ледяной барьер» [Болотников 1953: 196].

Но «ледяной барьер» открылся только лишь в фантазиях советского журналиста Н.Я. Болотникова. Поскольку сам Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщает о «материке льда» [Донесение 1823: 212] (интересно, что и Н.Я. Болотников, как ни в чем не бывало цитирует это донесение Ф.Ф. Беллинсгаузена [Болотников 1953: 196]. – А.О.).

«Русские моряки, – подводит итог Н.Я. Болотников, – видели (?! – А.О. ледяные берега Южного материка и 16, и 21 января, и 5–6 февраля

1820 г., но они решили еще раз убедиться (откуда это решил сам Н.Я. Болотников, где, и, в каких источниках (кроме домыслов этого журналиста) можно узнать, про такое их «решение»? – А.О.) в том, что открыли материк, хотя и Беллинсгаузен, и Лазарев, и их спутники были твердо убеждены в том, что перед ними земля (но, «на самом деле», согласно Н.Я. Болотникову – «пловучий ледяной барьер». – А.О.). Доказательством тому служат бодрые, полные веры в человеческий гений слова Новосильского...» [Болотников 1953: 197].

Очевидно, что по своей эклектичности – отсутствию единства, целостности, последовательности в убеждениях, беспринципному сочетанию разнородных, несовместимых, противоположных воззрений Н.Я. Болотников может сравниться, разве что, с Л.С. Бергом (а то, и, превзойти последнего) и являет собой один из наиболее «печальных примеров» среди представителей советской историографии.

«Открытием Антарктиды, – с пафосом подытоживает Н.Я. Болотников, – героические русские моряки сделали величайший вклад в мировую географическую науку, вписав новую замечательную страницу в книгу русской морской славы.

...Экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева справедливо считается одной из (*sic!* – А.О.) самых замечательных антарктических экспедиций» [Болотников 1953: 202].

Надо заметить, что Н.Я. Болотников, как журналист был по-своему интересен и информированный автор. Например, только лишь он один во всей советской историографии сообщал, что «после возвращения из плавания оба шлюпа были обращены под плавающие магазины (склады), а затем разобраны: «Восток» – в 1828 г., «Мирный» – в 1830 г.» [Болотников 1953: 190, сноска 1].

Только Н.Я. Болотников в советской историографии, фактически цитировал В.Х. Буйницкого: «В 1945 году на юбилейной сессии Арктического института было отмечено, что именно советские ученые должны положить начало систематическому изучению Антарктики, для чего предполагалось организовать там постоянно действующую геофизическую обсерваторию» [Болотников 1953: 204].

Он же, как журналист, мог где надо пропагандистски фанфаронствовать: «Длительный перерыв в русских антарктических экспедициях пришел к концу. Там, где когда-то лавировали меж гигантских айсбергов шлюпы «Восток» и «Мирный», теперь гордо идут оснащенные передовой техникой советские суда.

Морская дорога от берегов Страны Советов до ледяного барьера (опять до «барьера»? – А.О.) Антарктиды освоена прочно!» [Болотников 1953: 205].

Справка И.П. Магидовича «Известные русские мореплаватели» (1953). В качестве Приложения 1, в изданный в 1953 году сборник «Русские мореплаватели» была помещена, составленная доцентом И.П. Магидовичем справка «Великие русские мореплаватели». В приводимых

о Ф.Ф. Беллинсгаузене сведениях было указано, что «важнейшим результатом... экспедиции было открытие Антарктиды и первое научное исследование антарктической области земного шара». «Экспедиция, – продолжал И.П. Магидович, – во время двухлетних плаваний (в южном полушарии) обошла кругом антарктический материк и при этом шесть раз продвигалась за Южный полярный круг и четыре раза почти вплотную подходила к материку» [Известные 1953: 479]. В тех же словах И.П. Магидович объяснил значение экспедиции в статье о М.П. Лазареве [Известные 1953: 518].

А вот какие сведения И.П. Магидович приводил о П.М. Новосильском: «...(XIX в.), лейтенант, кругосветный мореплаватель, участник первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. В 1819–21 гг. плывал мичманом на шлюпе «Мирный» (под командой М.П. Лазарева). В 1824 г. произведен в лейтенанты. Затем перешел на преподавательскую работу в министерство просвещения.

Сочинение (анонимное). «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» (1853, переиздано в сборнике «Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах», 1951)» [Известные 1953: 537].

Как видно, о другом сочинении П.М. Новосильского – «Шестой континент или Краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса» [Шестой 1854], И.П. Магидович не сообщает.

В следующих, сразу же после этого сведениях о капитан-лейтенанте Н.В. Обернибесове (Абернибесове), сообщено, что он «совершил кругосветное плавание (открытие Антарктиды)» [Известные 1953: 537].

Статья А.В. Ступишина и Г.В. Фазлуллина «Открытия и исследования русских в Первую антарктическую экспедицию 1819–1821 гг.» (1953). В 1953 году в одном из выпусков «Ученых записок Казанского Государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина» была опубликована статья А.В. Ступишина и Г.В. Фазлуллина «Открытия и исследования русских в Первую антарктическую экспедицию 1819–1821 гг.». Статья эта, в очередной раз наглядно демонстрирует те, «разброд и шатание в умах», которые по-прежнему не оставляли и сопровождали советскую историографию экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Соавторы сознавались: «К созданию предлагаемой статьи авторы пришли не только из-за чувства глубокого уважения к русским первооткрывателям и к своим землякам (участвовавшим в экспедиции. – А.О.), не только из-за желания отметить памятную дату в истории географии (100 лет со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена. – А.О.). Данная статья еще раз подчеркивает твердое убеждение советской общественности в исторических правах нашей Родины в современном решении судьбы Антарктики. Она еще раз напоминает, что географы Казанского университета, присоединившие свой голос в феврале 1949 года к заявлению президента Всесоюзного географического общества

СССР академика Л.С. Берга о невозможности без нашей страны решать вопрос о режиме Антарктики, проявляют глубокий интерес к защите исторических прав и горячо приветствуют меморандум Правительства СССР от 7 июля (правильно – июня. – *А.О.*) 1950 года...

Открытие Южного материка за южным полярным кругом нашими соотечественниками в начале XIX столетия представляет открытие огромной политической важности.

В настоящей статье внимание читателя акцентируется на исследованиях и открытиях во время первой русской антарктической экспедиции, имевших важное значение для развития географического познания. Однако авторы не претендуют на исчерпывающую характеристику этого вопроса» [Ступишин, Фазлуллин 1953: 3–5].

Последняя ремарка со стороны соавторов предстает вполне своевременной.

Выше уже были проанализированы две работы А.В. Ступишина: опубликованное в 1950 году краткое сообщение «Ф.Ф. Беллинсгаузен и учение о коралловых островах» [Ступишин 1950] (в этом сообщении вообще не упоминались антарктические географические открытия экспедиции. – *А.О.*) и опубликованная в 1951 году статья «К восстановлению приоритета русских исследователей в географии» [Ступишин 1951]. Как было показано, несмотря на такое название сам А.В. Ступишин, касаясь экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, писал: «Заслуги в исследованиях и открытиях этой замечательной и беспримерной экспедиции русских широко известны и не входят (?! – *А.О.*) в наше рассмотрение» [Ступишин 1951: 7]. Он лишь «буднично» упомянул, что такое открытие состоялось «в начале 1820 г.» [Ступишин 1951: 7].

Теперь же, в новой статье соавторы подчеркивали, что «внимание читателя акцентируется на исследованиях и открытиях во время первой русской антарктической экспедиции» [Ступишин, Фазлуллин 1953: 5]. Как же теперь расставили они «акценты»? А.В. Ступишин и Г.В. Фазлуллин пишут: «В организации русских экспедиций можно усмотреть благородное состязание на мирном поприще русского военного флота с «прославленным» флотом Кука – Нельсона и в этом состязании победили отважные русские моряки. Это национальное соревнование (? – *А.О.*) двух великих держав на морском поприще привело к открытию последнего континента земного шара – Антарктиды...» [Ступишин, Фазлуллин 1953: 6].

Что же, интересная точка зрения...

Дальнейшее их повествование представляет большой историографический интерес: «И.М. Симонов, выступая, по возвращении из экспедиции в Антарктику, 20 июля 1822 года, на торжественном собрании Казанского университета, сказал с чувством большой гордости: «Мы углублялись во многих местах далее сего мореходца (Кука), оставались не в пример долее его за полярным

кругом, и ежели берег Александра не есть
оконечность земли сей (разрядка наша. – А.С., Г.Ф.), то
принужденными найдемся подтвердить слова его, должны будем
сказать, что мы не видели никаких признаков предполагаемого южного
материка, разве за пределами зрения от тех мест, где вечные льды
положили непроницаемую между для пловцов» [Ступишин,
Фазлуллин 1953: 6].

Вполне понятно, что советская историография, на том этапе
избегала цитирования на первый взгляд столь «опасных» слов
казанского профессора. Но казанцы (А.В. Ступишин и Г.В. Фазлуллин)
конечно же процитировали земляка и процитировали что называется «не
в бровь, а в глаз» (однако у последующей советской историографии
были свои и, небезосновательные, мнения на этот счет).

А вот их последующие выводы – «от себя», были уже серьезнее.

Соавторы писали: «Однако наши мореплаватели не знали (! –
А.О.), что еще 16 января 1820 года они подходили к ледяному покрову
Антарктиды (на 69 градусе 22 минутах южной широты и 2 градусах 15
минутах западной долготы). Из-за сильной облачности, снегопада при
ветре, покрытые снегом горы земли принцессы Марты (названа
норвежцами, достигшими вторично земли в 1930 г.) острожным (! –
А.О.) Ф.Ф. Беллинсгаузеном не были приняты за очертания материка
(обратим внимание, что все, в который уже раз сведено к «погодным
условиям», условиям видимости. – *А.О.*). История восстановила
(персонифицированная «история»? – *А.О.*), что русские моряки вновь
подходили к берегу Антарктиды до открытия берега Александра I 20 и
21 января 1820 г. Этот край материка носит сейчас название земли
принцессы Ранхильды. Русские моряки, следовательно, в трех местах
открыли берег Антарктиды и в завершение всего обошли его кругом,
придерживаясь зоны полярного круга или кромки неподвижных льдов»
[Ступишин, Фазлуллин 1953: 6–7].

Сравнивания плавание Дж. Кука и русской экспедиции, соавторы
в частности отметили: «Русские настойчиво и методически с огромным
упорством сделали круг вокруг Антарктики. Это и позволило им ее
открыть. Маршрут Кука представляет систему клиньев, вершины
которых обращены в сторону Южного полюса. Это показывает, что
англичане не выдерживали натиска полярных льдов и отходили в низкие
широты. Такой метод наскоков давал значительно меньше шансов на
открытие материка, и справедливость (или более совершенная тактика
плаванья? – *А.О.*) восторжествовала. Честь открытия самого
недоступного материка выпала самым отважным, упорным русским
мореплавателям» [Ступишин, Фазлуллин 1953: 7].

Прикровенное сравнение Ф.Ф. Беллинсгаузена с Колумбом
(достаточно широко распространенное в советской историографии),
точнее, прикровенная цель подобных сравнений нашла у прямых
соавторов законченное выражение.

Они пишут: «Мрак туманов, дождь и снег беспрестанно сменяли друг друга» (Симонов) и вскоре перед мореплавателями предстала к югу и к западу одна «беспрерывная масса льда». 16 января 1820 года... была открыта Антарктида, но подобно Колумбу Беллинсгаузен не подозревал (! – *А.О.*) об истинном своем открытии. И.М. Симонов записал, что «в этом опасном Антарктическом холодном поясе земли, между ветров, снегов и туманов, посреди бесчисленного множества льдин, блуждали мы около 9 дней»... Комментатор английского перевода книги Беллинсгаузена (вышедшей в 1945 г.) антарктический исследователь Ф. Дебенхэм отмечает, что Беллинсгаузен «видел материк, но не опознал его как таковой»... Однако русские моряки были уверены (?! – *А.О.*), что земля находится вблизи. Новосильцев (Новосильский. – *А.О.*) отметил в своем дневнике необыкновенную тишину моря при сильном ветре и множество полярных птиц, делая правильный вывод «что около нас должен быть берег или неподвижные льды». В 1948 году советское китобойное судно увидело с пункта, где было 21 января 1820 года судно Беллинсгаузена, панораму антарктического континента. Однако это было в марте при хорошей видимости. Беллинсгаузену пришлось видеть лишь бугристые льды, образующие рельеф береговой зоны т. н. Земли принцессы Марты» [Ступишин, Фазлуллин 1953: 16].

Здесь уже, как видно, А.В. Ступишин и Г.В. Фазлуллин попросту все «сваливают в одну кучу». Призывают они и авторитет казанского профессора, никак не отреагировавшего на январские и февральские экспедиционные дни (а, только лишь, живописавшего действительно неблагоприятные погодные условия), и «авторитет» Ф. Дебенхэма, и описание П.М. Новосильского (относящееся совсем к другому экспедиционному дню), и даже, свидетельства советских китобоев, но, опять-таки, относящиеся к подтверждению событий, произошедших отнюдь не 16(28) января 1820 года. Отдавали ли себе отчет казанские географы, в том, что же конкретно (да еще и на строго научной основе) позволяет говорить им о том, что Антарктида была открыта именно в эту дату – 16(28) января 1820 года?

Статья заканчивалась так: «Экспедиция пробыла в плавании 751 день..., открыв материк Антарктиду. ...Русский матрос прекрасно понимал историческое значение плавания в Антарктику, об этом свидетельствует замечательный дневник матроса 1-й статьи Егора Киселева.

Разве померкнет когда-нибудь слава первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг.?» [Ступишин, Фазлуллин 1953: 22].

Небезынтересно, что в пристатейном списке литературы, в котором перечислены двадцать источников (в том числе две работы Л.С. Берга) [Ступишин, Фазлуллин 1953: 22–23] вообще не упомянуты касающиеся вопросов первооткрытия работы академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева.

Книга Б.А. Шлямина «Плавание в Антарктику» (1953). В 1953 году Гидрометеорологическое издательство выпустило в свет книгу Б.А. Шлямина «Плавание в Антарктику». Выше уже был проведен анализ опубликованной в 1948 году в журнале «География в школе» статьи Б.А. Шлямин «Антарктика» [Шлямин 1948]. В частности, было отмечено, что в описании этого автора январские и февральские экспедиционные дни не упоминаются вовсе, а его дальнейшие пояснения являются одним из наихудших образцов (тем более, что текст Б.А. Шлямина предназначался учителям и учащимся) трактовки хода и итогов русской экспедиции.

Согласно сведениям приведенным в «Чувашской энциклопедии»: Шлямин Борис Александрович (1909–1973) – океанолог, климатолог. Окончил географический факультет МГУ. Работал научным сотрудником Института океанографии АН СССР, ездил в научную экспедицию в Антарктиду (в осенне-зимний период или антарктическим летом 1949–1950 гг. Б.А. Шлямин плавал в южно-полярных водах на одном из судов советской китобойной флотилии «Слава» – А.О.). С 1954 г. – профессор кафедры географии, с 1957 г. – ректор Южно-Сахалинского Педагогического института. Автор научно-популярных публикаций, научных трудов, монографий. Умер во время экспедиции на Дальний Восток (место смерти неизвестно) [Шлямин 2013]. В биобиблиографическом справочнике А.В. Краснопольского «Отечественные географы (1917–1992)», фамилия Б.А. Шлямина фигурирует в «Списке ученых, для написания справок о которых необходима помощь географической общественности» [Краснопольский 1993(б): 449].

В своей книге (а напечатана она была Гидрометеиздатом точно таким же тиражом, как и первое, осуществленное Географгизом советское переиздание книги Ф.Ф. Беллинсгаузена – 20 000 экземпляров) океанограф Б.А. Шлямин решил достаточное внимание уделить историческим вопросам освоения Антарктики. Уже во введении он пишет: «Вопросы, связанные с Антарктикой, близки сердцу советского читателя потому, что изучение и освоение южно-полярной области земного шара начаты русскими учеными мореплавателями Ф.Ф. Беллинсгаузенем и М.П. Лазаревым. Эти великие путешественники совершили славный подвиг на деревянных парусниках, выстроенных в Петербурге на Охте русскими мастерами, дав миру шестой материк – Антарктиду» [Шлямин 1953: б. с.].

По ходу своей книги Б.А. Шлямин сообщает: «Кук не ставил перед своей полярной экспедицией никаких особых научных задач (чтобы так заявить, океанографу Б.А. Шлямину надо было обладать особой смелостью, либо беспринципностью. – А.О.) и Южный материк за Полярным кругом ему обнаружить не удалось. Честь открытия этого материка, являющегося шестой частью света, а также заслуга в

организации первых научных наблюдений принадлежат русской антарктической экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева.

...Л.С. Берг писал: «31 октября 1820 г. «Восток» и «Мирный» вышли из Сиднея... 28 ноября вошли в пловучие льды...; 10 января 1821 г. ...открыли высокий остров, названный островом Петра I; ...17 января... увидели высокую матерую землю, которой дали название Земли Александра I. Это был материк Антарктики, который до сих пор не был положен на карту ни одним из мореплавателей. Таким образом, честь открытия Антарктиды принадлежит экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева» [Шлямин 1953: 22] (судя по сноске, Б.А. Шлямин ссылаясь на опубликованную в 1949 году Географизмом брошюру Л.С. Берга [Берг 1949(a)], – *А.О.*).

Как видно, позиция самого Б.А. Шлямина – в 1953 году, по сравнению с его же позицией – 1948 года, не изменилась «ни на йоту». Для него по-прежнему «не существовало» открытий января-февраля 1820 года; для обоснования своей точки зрения, он, привлекает «авторитет» Л.С. Берга.

Более того, он, вслед за Л.С. Бергом, ввязывается в бесплодную заочную полемику с американцами. В частности, Б.А. Шлямин пишет: «Тем не менее в США существует другая версия о приоритете (справедливости ради Б.А. Шлямин мог бы упомянуть, что и в самом Советском Союзе есть иные версии о дате и условиях первооткрытия. – *А.О.*). Так например, представитель этой страны на международном географическом конгрессе в Амстердаме (1938 г.) Мартин Лауренс заявил, что Антарктиду открыл командир китобойного судна «Харо» капитан Нат (Натаниэль. – *А.О.*) Пальмер 18 ноября 1820 г., т. е. на 50 дней раньше чем Беллинсгаузен. Это якобы подтверждается судовым журналом, сохранившимся с тех пор. Та же версия повторяется и в книге американского корреспондента Рассела Оуэна, посвященной антарктическому океану. В этой книге рассказывается о посещении Пальмером корабля Беллинсгаузена. Об этой встрече упоминает и сам Беллинсгаузен, но вряд ли (*sic!* – *А.О.*) он, уже открывший Землю Александра (Берег Александра I. – *А.О.*), пришел бы в состояние уныния после того, как услышал от Пальмера, обдиравшего здесь котиков, что тот «видел землю южнее о. Дисепшн». Оуэн же пишет, что Беллинсгаузен, услышав это, воскликнул: «Что теперь скажет мой император? Что он подумает обо мне? Но, что делать, мое несчастье – ваше счастье. Примите мои искренние поздравления. Землю, которую Вы открыли, храбрый мальчик (капитан Пальмер был в то время очень молод. – *Б.Ш.*), я назову в Вашу честь Землей Пальмера.

Все это, конечно, чистейшая фантазия досужего корреспондента. Нет никаких документальных доказательств «открытия» Антарктиды Пальмером. Да он и не мог стремиться к этому, так как, естественно, он интересовался проблемой котиков больше, чем проблемой Южного материка» [Шлямин 1953: 23–24].

На самом деле, для формального географического открытия (ведь Б.А. Шлямин – географ. – *А.О.*), если бы оно состоялось на самом деле, вовсе не требуется, чтобы Пальмер «интересовался проблемой» Южного материка, а, не, скажем, волновавшим его в первую очередь вопросом «обдирки» котиков.

Советский географ И.П. Магидович во введении к своей, изданной в 1949 году книге «Очерки по истории географических открытий», отмечал: «Первые посещения некоторых, ранее неизвестных частей Земли не всегда бывали заранее обдуманными; иногда они бывали невольными или случайными.

Невольные первые посещения все же остаются географическими открытиями.

...Элемент случайности встречается во многих географических открытиях и всего чаще в первых посещениях ранее неизвестных островов» [Магидович 1949: 4].

Да ведь и сам Б.А. Шлямин эклектично продолжает: «Со своей стороны мы должны отдать должное (*sic!* – *А.О.*) храбрым китобоям и тюленебоям, которые открыли Южно-Шетландские острова и лежащий к югу от них архипелаг (Смит, Бренсфильд, Уэдделл, Пальмер (тот самый Пальмер. – *А.О.*), Пууэль, Кэмп и мн. др.)» [Шлямин 1953: 24].

Кстати, тот же И.П. Магидович лаконично, в академическом стиле и в целом очень хорошо высказался: «В процессе открытия материков случайность, вообще говоря, вовсе не играла очень большой роли» [Магидович 1949: 4]. И добавил, что «Австралия и Антарктида открыты были не случайно, а в результате упорных, многократных поисков «южного материка» [Магидович 1949: 4].

В заключении историографического анализа книги Б.А. Шлямина почтаем приведенное им описание и, обратим внимание, как последнее коррелирует с «физико-географическими» изысканиями Н.Я. Болотникова (вряд ли случайно, что эти описания-изыскания появились практически одновременно – в 1953 году; чья-то «пытливая» голова определенно работала над этими вопросами).

Б.А. Шлямин пишет: «Флотилия 27 февраля была во льду почти на 69° ю. ш. и на меридиане 16,5° з. д. С севера, востока и запада до самого горизонта расстилалось поле сплоченного льда, покрытого толстым слоем слежавшегося снега. Кое-где виднелись небольшие развояды. Тишина была необычайная; вокруг ничего живого. Даже куда-то исчезли постоянно сопровождавшие флотилию птицы.

Мы были недалеко от Земли Кронпринцессы Марты, там, где 21 января 1820 г. побывали наши знаменитые соотечественники... На шлюпах... они прошли несколько дальше к югу, а именно до широты 69°25'.

Пытливо мы всматривались на юг, надеясь увидеть Южный материк. Однако это было невозможно из-за пасмурной погоды. Видно было только скопление огромных столовых (! – *А.О.*) ледяных гор,

простирающееся по горизонту на много километров. (А теперь самое главное! – *А.О.*). Возможно, что это был береговой ледяной барьер, как известно окаймляющий большую часть материка и обычно простирающийся на большое (! – *А.О.*) расстояние от береговой черты, или та часть его, которая уже оторвалась (см. выше «физико-географическое» описание Н.Я. Болотникова. – *А.О.*) от дна материковой отмели, разбившись при этом на отдельные огромные куски – айсберги [Шлямин 1953: 90].

Ну, совсем никаких «шансов» на первооткрытие Антарктиды, не хотел оставить Б.А. Шлямин русской экспедиции...

В опубликованном в конце 1953 года в журнале «Вокруг света» кратком анонсе на эту книгу (как и обычно в таких анонсах) все было хорошо: «Интересную книгу об Антарктике написал один из участников плавания советской флотилии, океанограф Б.А. Шлямин.

...В первом разделе – «Что такое Антарктика» – приводится описание Антарктиды и прилегающих к ней частей океанов и островов, рассказывается об истории открытия (*sic!* – *А.О.*) южного материка русскими мореплавателями Ф.Ф. Беллинсгаузеном и М.П. Лазаревым...» [Плавание 1953: 62].

Книга В.Х. Буйницкого «Антарктика» (1953). В 1953 году Государственное издательство географической литературы выпустило в свет (тиражом 50 000 экземпляров) книгу В.Х. Буйницкого «Антарктика».

Теперь, после изданной в 1952 году брошюры «Природа Антарктики» [Буйницкий 1952], этой советский географ продемонстрировал чудеса – метаморфозу в своих взглядах на вопрос первооткрытия.

Еще в предыдущей своей работе автор обращал внимание, что «феномен» советской историографии демонстрирует нам многократную смену позиций советских специалистов, анализировавших итоги Первой русской антарктической экспедиции [Овлащенко 2013: 198].

Первым же абзацем своей новой работы В.Х. Буйницкий заявил: «Первая четверть XIX столетия ознаменовалась великим географическим открытием, совершенным русскими мореплавателями. 16(28) января 1820 г. экспедиция... открыла Антарктиду – последний из не известных еще миру материков» [Буйницкий 1953: 3]. Впрочем, примерно так начиналась и упомянутая брошюра: «16 января 1820 г. русская кругосветная экспедиция под начальством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева открыла южно-полярный материк – Антарктиду» [Буйницкий 1952: 3].

Гораздо интереснее последующие выкладки В.Х. Буйницкого. В частности, он пишет: «В 1772 г. на поиски загадочной земли отправился английский капитан Джеймс Кук. 29 января 1774 г. Кук достиг широты 71°10' (т. е. продвинулся южнее, чем экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева, и, о чем, «стыдливо» старалась не упоминать советская

историография. – *А.О.*) в районе, который впоследствии получил название море Амундсена, но встретив тяжелые, непреодолимые льды, повернул обратно. «Теперь, – говорил он, – я твердо убежден, что на юге Тихого океана материка нет».

...Через год Кук вновь был в антарктических водах...

Таким образом, Джеймс Кук, во-первых, отвергал возможность открытия антарктического материка и, во-вторых, утверждал, что огромная область земного шара, лежащая за южным полярным кругом, является для человечества бесполезной» [Буйницкий 1953: 5].

Отдав должное, этой поистине *idée fixe* советской историографии, В.Х. Буйницкий, «вслед» за экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева двинулся дальше: «...16 января 1820 г. экспедиция спустилась на юг до параллели 69°22' ю. ш.

В этот день, как впоследствии (! – *А.О.*) было установлено, она подошла непосредственно к антарктическому матерiku в районе, именуемом ныне Берегом принцессы Марты.

Впереди до самого горизонта простиралось нагромождение льдов. Путь к востоку преграждал огромный, далеко выдающийся на север язык сплошных льдов. После пяти дней лавирования во льдах, потраченных на обход этого языка, 21 января корабли вторично подошли вплотную к матерiku, достигнув наибольшей, за первый год плавания, широты – 69°25' ю.

Дальше на юг идти (в оригинале «итти» – *А.О.*) было невозможно из-за тяжелых «бугристых» льдов, простиравшихся в восточном, западном и южном направлениях. Важно (почему «важно», исходя из позиции В.Х. Буйницкого? – *А.О.*) подчеркнуть, что эти льды Беллинсгаузен считал за продолжение тех, которые преградили кораблям путь на юг 16 января. Беллинсгаузен, видимо, отлично понимал, что «бугристые» льды имеют материковое происхождение. Только исключительной его добросовестностью и осторожностью как исследователя можно объяснить, что он тогда же не внес в журнал экспедиции запись об открытии материка.

Сопоставление маршрута экспедиции с новейшими данными по аэрофотосъемке Берега принцессы Марты показывает, что экспедиция подходила к континенту на расстояние 20–25 километров. И лишь чисто случайное обстоятельство – плохая видимость и снегопад – не позволили (! – *А.О.*) Беллинсгаузену и его спутникам увидеть Антарктиду 16 января 1820 года» [Буйницкий 1953: 11–12].

Такая позиция В.Х. Буйницкого уже «выпадала» из общего контекста происходивших в тот период в советской историографии процессов.

«В марте 1948 г., – продолжает В.Х. Буйницкий, – в этот район при хороших условиях видимости, подходила советская китобойная флотилия «Слава». Экипаж флотилии совершенно отчетливо видел не только побережье континента с характерными здесь для него

«бугристыми» льдами, но и горные вершины, расположенные в его глубине на расстоянии до 70 миль» [Буйницкий 1953: 12].

Однако «Слава» подходила не в «этот район», а, согласно Г.М. Тауберу [Таубер 1949: 369–370], к тому месту, где суда экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева находились 21 января 1820 года.

«После отхода на север, – пишет дальше В.Х. Буйницкий, – и затем на восток, примерно до меридиана 18° в. д., 6 февраля 1820 г. «Восток» и «Мирный» вновь приблизились вплотную к континенту. Но сплошной покров материковых льдов опять скрыл землю от исследователей. Однако командный состав экспедиции на основании многочисленных признаков считал, что земля находится где-то рядом. Об этом свидетельствует... запись в судовом журнале, сделанная Беллинсгаузенем 7 февраля 1820 г. ...(здесь В.Х. Буйницкий приводит запись Ф.Ф. Беллинсгаузена о «курице эгмонтской», цитируя его по изданию 1949 года. – *А.О.*).

...Столь же определенно указывает на это и дневник мичмана Новосильского.

5 февраля 1820 г. мичман писал:

«Множество полярных птиц и снежных петрелей вьются над шлюпом. Это значит, что около нас должен быть берег или неподвижные льды» [Буйницкий 1953: 12–13].

Интересно, что В.Х. Буйницкий утруждал себя подборкой орнитологических сведений из работ участников экспедиции (впрочем это неоднократно делали и до него, и фактура уже была подготовлена), цитировал запись Ф.Ф. Беллинсгаузена от 7 февраля 1820 г., недвусмысленно указал на то, что «покров материковых льдов опять скрыл землю от исследователей», но, отчего-то, не пожелал процитировать слова Ф.Ф. Беллинсгаузена (из его донесения): «Здесь за лдяными полями мелкого льда и островами виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжался по мере нашего зрения, возвышаясь к Югу подобно берегу» [Донесение 1823: 212]. В своем донесении, посланном в Россию из Порт-Жаксона, Ф.Ф. Беллинсгаузен сообщает о событиях с 5 на 6 февраля 1820 г. Этот документ уже был хорошо известен советской историографии.

«Итак, – подводил итог своим историческим изысканиям В.Х. Буйницкий, – экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева за время двухлетнего плавания в антарктических водах подходила к южнополярному материку пять раз... Первую из указанных дат – 16 января 1820 г. – и принято сейчас считать датой открытия Антарктиды» [Буйницкий 1953: 14].

Из показанного В.Х. Буйницким хода экспедиции, продемонстрированных им трактовок и интерпретационных моделей ее результатов, конечно же нельзя было понять – почему же так «сейчас принято»? Скорей напрашивались иные, прямо противоположные «историко-географические» выводы...

«Но что бы... не предпринимали и на какие бы выдумки ни пускались... прислужники от науки, опровергнуть бесспорные исторические факты никак нельзя.

Антарктида открыта русскими людьми», – это тоже написал В.Х. Буйницкий.

Написал очень точно, метко, но, конечно же не о советских, а о западных авторах-фальсификаторах.

Стоит очевидно добавить, что доктор географических наук, доцент В.Х. Буйницкий, являлся на тот момент заместителем председателя Геолого-географической секции Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. В 1953 году в хронике о работе секции было сообщено, что Президиум этого Общества наградил В.Х. Буйницкого за активную работу грамотой [Геолого-географическая 1953: 491].

Сводки А.А. Флейшера «Некоторые памятные даты из истории отечественной географии» (1953). В 1953 году в нескольких выпусках «Известий Всесоюзного географического общества» были опубликованы работы А.А. Флейшера.

К одной из них было дано следующее пояснение: «В течение 1948–1949 гг. Комиссией пропаганды географических знаний Географического общества Союза ССР выпускались ежемесячные листовки – «памятные даты из истории географии», которые в данное время представляют библиографическую редкость. Между тем, потребность в таком справочном материале огромна. Все время в Президиум Географического общества Союза ССР поступают запросы о высылке этих «дат». В связи с этим, Президиум поручил редакции «Известий» приступить к печатанию «некоторых памятных дат из истории отечественной географии» с таким расчетом, чтобы в 3–4 номерах журнала поместить календарь за все 12 месяцев. Автором-составителем этой работы является действительный член ВГО А.А. Флейшер. (Ред.)» [Флейшер 1953(а): 230, сноска 1].

За месяц январь была помещена следующая информация: «28(16) 1820. – Первая русская Антарктическая экспедиция под руководством капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена и лейтенанта М.П. Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный», впервые подошла («подошла», а не «открыла». – А.О.) к антарктическому материку под 69°21' ю. ш.

28(16) 1821. – Первая русская Антарктическая экспедиция под руководством капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена и лейтенанта М.П. Лазарева открыла «Землю Александра I» и этим окончательно закрепила свое первооткрытие материка Антарктиды» [Флейшер 1953(а): 231].

В февральской сводке: «10 1947. – Советская китобойная флотилия «Слава» впервые через 128 лет после русской Антарктической экспедиции (1819–1821 гг.) пересекла южный полярный круг» [Флейшер 1953(а): 232].

В сводке за июль указано: «16(4) 1819. – Из Кронштадта отплыла первая русская антарктическая экспедиция на шлюпах «Восток» и «Мирный» под руководством капитана Ф.Ф. Беллинсгаузена и лейтенанта М.П. Лазарева. Во время этого замечательного плавания, продолжавшегося 751 день, было пройдено под парусами около 92 000 км, впервые обойден антарктический материк, открыто 29 новых островов и шестая часть света – Антарктида» [Флейшер 1953(б): 316].

Краткое сообщение В.Д. Таича «Об условиях видимости в день открытия Антарктиды 16/28 января 1820 г.» (1953). В 1953 году в одном из выпусков «Известий Всесоюзного географического общества» было опубликовано краткое сообщение В.Д. Таича «Об условиях видимости в день открытия Антарктиды 16/28 января 1820 г.».

Картограф В.Д. Таич (1901–1987), заметка которого была опубликована в 1944 году в печатном органе Всесоюзного географического общества (в рубрике «Мелкие сообщения»), слегка иронизируя по поводу того, как зарубежные «журналы оживленно разбирают вопрос, кто: Беллинсгаузен, Пальмер или Брансфильд впервые увидел закованный в лед берег этой... части света» [Таич 1944: 52], очевидно не подозревал, какие, отнюдь не магнитные, а политико-правовые «бури», будут бушевать всего лишь через несколько лет вокруг южного континента, и, с каким трудом Советскому Союзу придется отстаивать интересы и свои законные права там.

Материал В.Д. Таича (работавшего с 1942 по 1946 г. инженером-картографом в Геологическом управлении) о Третьей экспедиции адмирала Бэрда в Антарктиду, был основан на данных, опубликованных в предварительном отчете лейтенанта Энглиша в журнале «*Geographical Review*» (за июль 1942 г.). Автор заметки в «Известия ВГО» констатировал, что «в 1939–1941 гг. ведущая роль в деле исследования южных полярных стран принадлежала американцам, снарядившим туда большую экспедицию».

Интерес представляет название подзаголовка в тексте заметки В.Д. Таича: «Большой полет к западному берегу земли Александра I, открытой в 1821 году Беллинсгаузену» [Таич 1944: 54]. По мнению В.Д. Таича, «хотя впредь до опубликования подробного отчета об экспедиции (выходящего за рамки проанализированного им, предварительного отчета лейтенанта Энглиша. – А.О.) нельзя дать полную оценку ее итогам, уже теперь ясно, что они являются большим вкладом в географическую науку». В качестве главнейшего достижения Третьей антарктической экспедиции Бэрда, В.Д. Таич рассматривал «открытие береговой линии Западной Антарктиды» [Таич 1944: 55]. «Конференции, которая должна будет установить основы прочного мира после победы над... нацистами, придется, – предполагал этот советский инженер-картограф, – быть может, заняться и этим недоступным, но, несмотря на свой холод и безжизненность, манящим к себе исследователей, материком» [Таич 1944: 52].

Наконец, давая читателям краткие физико-географические данные об Антарктиде, В.Д. Таич писал: «И на такой площади, равной 2/3 территории нашего Союза, нет ни одного постоянного поселения, ни одного жителя! Хотя Антарктида не лишена природных богатств, включая каменный уголь, а берега ее богаты рыбой и морскими животными, но дело ограничивается пока сезонным ловом в ее морях. Лишь при организации и поддержке многочисленных постоянных полярных станций, как это сделано в арктическом секторе СССР, можно надеяться на развитие здесь промыслов. В этом смысле и можно назвать Антарктиду материком будущего» [Таич 1944: 56].

Как видно, уже в конце войны в работах отдельных советских исследователей допускалась возможность и, более того, желательность освоения Советским Союзом природных ресурсов Антарктики, ведения там научных исследований с помощью баз, аналогичных арктическим, осуществления в водах Южного Ледовитого океана исследований морских млекопитающих и собственно китобойного промысла. Весьма недвусмысленно смотрится на этом фоне упоминание факта первооткрытия конкретных участков (земель) Антарктиды – русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, пусть, пока еще, без каких-либо определенных, конкретных – исходя из этого факта – выводов или, тем более, политических требований.

Новым своим сообщением В.Д. Таич подвел определенную черту под вопросом чрезвычайно важным для советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Его краткое сообщение отличалось продуманностью, логикой построения, внимательным отношением к источникам, и, по большому счету, стоило многих и многих иных «не кратких» работ советских авторов, писавших о русской экспедиции. Особенно ценно появление его работы в начале 50-х годов, когда советскую историографию буквально «шатало» из стороны в сторону при оценке событий – 16(28) января 1820 года.

В частности, В.Д. Таич писал: «Изданная за последние два года обширная литература об Антарктике раскрывает перед массовым читателем такие подробности крупнейшего географического открытия XIX в., – открытия Антарктиды, – какие до того были известны лишь специалистам, поскольку изданные до революции книги, заключавшие подлинные донесения участников экспедиции, стали большей частью библиографической редкостью. Помимо документального материала, опубликован ряд научно-популярных статей в журналах, а также много научно-популярных книг и брошюр, описывающих непревзойденные подвиги отечественных мореплавателей.

Однако нельзя не заметить, что в некоторых случаях описание дня первооткрытия Антарктиды – 16/28 января 1820 г. – сопровождается примечаниями (действительно, очевидно начиная с Е.Е. Шведе, целый ряд советских авторов делал отмеченные «примечания». – *А.О.*), противоречащими документам, а именно, будто условия погоды

помешали участникам экспедиции увидеть Антарктиду в этот день, иначе говоря, – определить необыкновенный характер встреченных льдов, образующих здесь край материка.

Настоящая заметка касается лишь данной детали первооткрытия южно-полярного материка. Хотя сама по себе подробность эта может показаться малозначущей, все же ее нельзя оставить без внимания» [Таич 1953: 297].

Надо отдать должное человеческой и научной скромности картографа В.Д. Таича, но, на самом деле, якобы «малозначущая» деталь эта, как неоднократно было показано выше, чаще всего не была оставлена «без внимания» (причем, весьма пристального) представителями географической и исторической наук, как советской, так и зарубежной.

В.Д. Таич продолжал: «Конечно, факт открытия Антарктиды основан не на одном, а на многочисленных наблюдениях русской экспедиции; он не мог бы быть поэтому поколеблен, даже если бы пасмурная погода 16 января не позволила различить особенную мощность льда. Однако упомянутые примечания являются совсем излишними, поскольку документы неопровержимо свидетельствуют, что участники экспедиции, несмотря на изменчивую (на изменчивую, а не, на «исключительно плохую», как у многих советских авторов. – А.О.), в и д е л и (разрядка В.Д. Таича. – А.О.) Антарктиду, и именно 16/28 января 1820 г., а не только позже (5/17 февраля 1820 г. – ледяной берег на 15° в. д., 16/28 января 1821 г. – берег Александра I).

Командир «Мирного» Михаил Петрович Лазарев следующим образом описывает момент первооткрытия Антарктиды:

«16 генваря достигли мы широты 69°23' S, где встретили матерой лед чрезвычайной высоты, и в прекрасный тогда вечер, смотря на саленгу, простирался оный так далеко, как могло только достигать зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2°35' W от Гринвича» (в сноске В.Д. Таич указал, что текст, взят им из публикации журнала «Морской сборник» [Таич 1953: 297, сноска 1]. – А.О.).

Важность данного свидетельства трудно переоценить: оно содержит не только дату, координаты и точное описание новооткрытого географического объекта, но и передает живыми словами впечатление, произведенное им на мореплавателей (ну, кто еще, из представителей советской историографии так комментировал письмо М.П. Лазарева? – А.О.). Русские моряки, поднявшись на салинги (вторая снизу площадка на мачте), вглядывались сквозь в промелькнувшую перед ними в непогоде никогда и никем ранее не виданную ледяную окраину Антарктиды, стараясь уловить ее пределы. Это – не обычный морской лед, не торосы и не столовые горы (которые увидел, «пытливо всматриваясь на юг», Б.А. Шлямин. – А.О.), это м а т е р и к о в ы й

(разрядка В.Д. Таича. – *А.О.*) лед чрезвычайной высоты, край южно-полярного материка» [Таич 1953: 297].

Затем, В.Д. Таич дает пояснения к сопровождающей его сообщении карте «Района первооткрытия Антарктиды 16/28 янв. 1820» [Таич 1953: 298] (очевидно, авторской карте. – *А.О.*). Он пишет: «Приводимые Беллинсгаузен и Лазаревым координаты (см. рис. 1–2) определяют очертания южно-полярного континента в данном районе; поэтому ряд карт прошлого столетия показывает описанный берег Антарктиды под названием «Ледяная стена» (см. рис. 3) (у В.Д. Таича пояснение: «3 – обозначение и надпись «Ледяная стена», по атласу «Просвещение» конца XIX в.» [Таич 1953: 298]. – *А.О.*), поскольку русская экспедиция не присвоила ему особого названия. Позиция «Мирного» была более благоприятна (см. рис., левая нижняя точка), и М.П. Лазареву, наблюдавшему край континентального ледяного щита с этой точки, удалось дать вышеприведенное описание антарктического берега» [Таич 1953: 297].

«Но видел ли 16 января ледяную Антарктиду сам Ф.Ф. Беллинсгаузен»? – задает вопрос В.Д. Таич.

И отвечает: «И на этот вопрос документы отвечают положительно, с полной определенностью.

Маршрут кораблей после того, как они отошли от Антарктиды на северо-запад, доказывает, что, стремясь опять увидеть удивительный ледистый материк, экспедиция двинулась к тому же участку (см. рис. 2). Когда корабли достигли 21 января (2 февраля) 1820 г. почти той же позиции и впереди снова вырос барьер, Беллинсгаузен отметил, что это ледяное поле «конечно было продолжением того, которое в и д е л и (разрядка В.Д. Таича. – *А.О.*) в пасмурную погоду 16 генваря» [Таич 1953: 297] (здесь, у В.Д. Таича, шла ссылка на книгу Ф.Ф. Беллинсгаузена издания 1831 г. – *А.О.*).

Автор заметки об условиях видимости, также обращается к современным ему свидетельствам: «Что виденные 16/28 января льды являются окраиной Антарктиды, а не оторвавшимися от нее столовыми горами, доказывается не только свидетельствами участников экспедиции (из этих свидетельств здесь приведены лишь два), но также подтверждается новыми материалами: ледяная окраина Антарктиды на новейших картах показывается в основном там, где ее видели первооткрыватели (см. рис. 4)» [Таич 1953: 297].

«И это вполне понятно. – продолжает В.Д. Таич. – Известно, что последующие экспедиции смогли лишь подтвердить и дополнить, но не изменить научное представление об Антарктиде, данное первооткрывателями – Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазаревым, ибо оно было основано на непосредственных наблюдениях и открытиях и потому отображает действительность областей за южным полярным кругом» [Таич 1953: 298].

«Джемс Кук, – вновь продолжает В.Д. Таич, – в 1775 г., допуская, что открытая им «Земля Сандвича» может являться окончательностью южного материка, строил предположения, как этот материк мог бы выглядеть (обратим внимание, что В.Д. Таич даже не попытался воспроизвести, как-либо примкнуть к параноидальной идее советской историографии о якобы, «отрицании» Дж. Куком факта существования южного материка. – *А.О.*); русская же экспедиция, открыв острова Высокий, Завадовского и Лескова, доказала, что «Земля Сандвича» есть группа островов, и впервые в истории науки увидела подлинную Антарктиду там, где она находится в действительности» [Таич 1953: 298].

Краткое сообщение В.Д. Таича заканчивалось так: «Цитированное выше свидетельство М.П. Лазарева об условиях видимости в день первооткрытия Антарктиды 16/28 января 1820 г., сопоставленное с дальнейшими его словами, что «отсюда... всегда встречали льдинный материк, не доходя 70°», и со словами Беллинсгаузена, что на долготу около 15° «виден материк льда, ...который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу, подобно берегу» (здесь, у В.Д. Таича шла ссылка на донесение Ф.Ф. Беллинсгаузена [Донесение 1823]. – *А.О.*), – приводит к очевидному выводу, что первооткрыватели не только видели Антарктиду, но и своевременно заявили (! – *А.О.*) об этом» [Таич 1953: 298].

Как видно, картограф (и, кроме того, талантливый краевед) В.Д. Таич разобрался и изложил вопросы первооткрытия Антарктиды Первой русской антарктической экспедицией 1819–1821 гг., гораздо лучше многих и многих советских специалистов – географов, историков, историков географии.

Обзор А.В. Соколова о работе Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала ВГО (1953). В изданном в 1953 году очередном сборнике «Вопросы географии», был опубликован обзор деятельности Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Всесоюзного географического общества. Автор этого обзора – А.В. Соколов, являлся ученым секретарем Отделения.

В частности, А.В. Соколов отмечал: «Общее направление деятельности Отделения в течение последних двух с половиной лет оставалось в основных чертах тем же, что и раньше. ...Заметную группу среди его членов составляют моряки, сосредоточившие свое внимание на изучении истории географических открытий, совершенных представителями русского флота.

...За истекшие два с половиной года Отделение имело 36 заседаний. ...На этих заседаниях было сделано 45 докладов, ...докладчиками выступали 34 человека. ...Тематика докладов, как и раньше, определялась инициативой членов Отделения, предлагавших

темы, соответствующие научным наклонностям каждого, и направляющей деятельностью бюро Отделения.

...Бюро стремилось направить внимание членов общества на разработку актуальных в научном отношении вопросов, ...отмечать юбилейные даты, организовывать обсуждение новинок историко-географической литературы» [Соколов 1953: 274–275].

Казалось бы, если исходить из только что приведенных характеристик и критериев (во-первых, «моряки, сосредоточившие свое внимание на изучении истории географических открытий, совершенных представителями русского флота»; во-вторых, несколько юбилейных дат – столетие со дня смерти М.П. Лазарева (1951) и столетие со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена (1952); в-третьих, значительное число новинок в области историко-антарктической литературы; в-четвертых, соответствующие «научные наклонности» членов Отделения – Н.Н. Зубова, Д.М. Лебедева, М.Б. Черненко), что на протяжении отчетного периода – с мая 1950 г. по январь 1953 г. – Отделение должно было уделить немалое внимание историко-антарктической тематике, в первую очередь экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Однако в обзоре-хронике А.В. Соколова [Соколов 1953: 274–285] за указанный период – Антарктика, экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева, ее руководители и участники не упоминаются вовсе!

В данный период бюро Отделения работало в составе: В.К. Яцунский (председатель), Д.М. Лебедев, С.Е. Фель, М.А. Цветков (избран 14 марта 1952 г. на место умершего В.Я. Якубовича) и А.В. Соколов (ученый секретарь).

Статья о М.П. Лазареве в 24-м томе второго издания «Большой Советской Энциклопедии» (1953). В подписанном к печати 8 декабря 1953 года, 24-м томе второго издания «Большой Советской Энциклопедии», была опубликована статья о М.П. Лазареве. В этой статье М.П. Лазарев был охарактеризован, как «выдающийся деятель русского флота и флотоводец, видный ученый-исследователь Антарктики...» [Лазарев 1953: 224].

В статье, также было указано: «В 1819 получил в командование шлюп «Мирный», на к-ром (котором. – А.О.) в 1819–21 участвовал в научной экспедиции под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена... вокруг Южного полюса. Во время плавания было сделано много географич. открытий, из к-рых важнейшим было открытие Антарктиды.

...Совершенные Л. (Лазаревым. – А.О.) вместе с Беллинсгаузенем географич. открытия, особенно открытие Антарктиды, имеют всемирно-историч. значение. Они входят в золотой фонд русской и мировой науки» [Лазарев 1953: 225].

Как было показано несколько выше, такая оценка («всемирно-историческое значение») открытию Антарктиды, была дана ровно за год до выхода в свет рассматриваемого тома «БСЭ» – в декабре 1952 года в

журнале «Морской сборник», где была опубликована статья капитана 2 ранга А.Е. Ершова «Из истории русской гидрографии» [Ершов 1952: 22].

Глава V. 1954 год

«...Беллинсгаузен и Лазарев положили на карту часть берега Антарктиды, остров Петра I и Землю Александра I...»

«...16 января 1820 г. ...в первый раз люди видели эти берега, но подойти к ним было невозможно, льды преграждали путь... Даже человек, который прошел бы пешком по этому берегу, и тот мог усомниться – земля ли это или льды, ее окружающие...»

Профессор Н.Н. Зубов (1954)

«...В 1821 г. ...Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев совершили подвиг, равных которому в истории немного. Они открыли целый материк – Антарктиду...»

Кандидат исторических наук
М.И. Белов (1954)

Систематический указатель Всесоюзной книжной палаты «Ежегодник книги СССР 1953» (1954). Под эгидой Министерства культуры СССР и Главиздата в 1954 году Всесоюзной книжной палатой были изданы систематические указатели «Ежегодник книги СССР 1954» (первое и второе полугодие).

В томе, охватывающем первое полугодие, есть информация о трех изданиях [Ежегодник 1954(б): 67, 373]: брошюре Е.Е. Шведе «Открытие Антарктиды русскими мореплавателями» [Шведе 1953]; книге Б.А. Шлямина «Плавание в Антарктику» [Шлямин 1953]; изданной в Риге (Латгосиздат) на латышском языке книге Г. Кублицкого «*Antarktīdas atklājēji*» [Kubļickis 1953] (анализ русского издания книги «Открыватели Антарктиды» [Кублицкий 1949(б)] был проведен в предыдущей монографии автора [Овлащенко 2013: 242–248]).

В томе за второе полугодие размещена информация о следующих изданиях [Ежегодник 1954(в): 54–55]: книге В.Х. Буйницкого «Антарктика» [Буйницкий 1953]; изданной в Ереване (издательство «Айпетрат») на армянском языке книге А.В. Соколова и Е.Г. Кушнарева «Три кругосветных плавания М.П. Лазарева» [Соколов, Кушнарев 1951]; изданной в Алма-Ате (издательство «Новая жизнь») на уйгурском языке книге С.В. Узина «Загадочные земли» [Узин 1950(б)].

Статья М.И. Белова в географическом сборнике «История географических знаний и географических открытий» (1954). Под эгидой Академии наук СССР и Географического общества Союза ССР в 1954 году был издан географический сборник «История географических знаний и географических открытий» (главный редактор академик Е.Н.

Павловский; редакторы тома: заслуженный деятель науки РСФСР, доктор военно-морских наук В.Е. Егорьев, кандидат исторических наук М.И. Белов). Автором введения к сборнику и, одновременно, автором вошедших в сборник двух статей («О составлении Генеральной карты Второй Камчатской экспедиции 1746 г.»; «Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова») являлся М.И. Белов.

В разделе «От редакции» было указано: «Предлагаемый вниманию читателей сборник статей Географическое общество Союза ССР посвящает вопросам развития в России географических знаний и русским географическим открытиям.

...Ввиду того, что статьи сборника затрагивают самый разнообразный круг вопросов истории великих русских географических открытий (как видно, сам этот термин, уже прочно вошел в научный обиход. – *А.О.*), редакция сочла необходимым поместить обобщающую вводную статью, написанную М.И. Беловым.

Сборник по истории географии был задуман незабвенным Львом Семеновичем Бергом, который незадолго до своей смерти приступил к его редактированию. К сожалению, редакторская работа не была доведена им до конца. После того сборник подвергся существенным изменениям...

В процессе составления сборника редакция получала ценную помощь со стороны руководимого профессором А.И. Андреевым Бюро Отделения истории географических знаний Географического общества Союза ССР» [От редакции 1954: б. с.].

В своей «обобщающей» вводной статье М.И. Белов писал: «...На военных шлюпах «Мирный» и «Восток» (почему не «Восток» и «Мирный»? – *А.О.*) Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев совершили подвиг, равных которому в истории не много. Они открыли целый материк – Антарктиду» [Белов 1954: 10].

Но, датировал он это открытие – 1821-м годом!

Остается только догадываться, что послужило причиной такой датировки («В 1821 г. на военных шлюпах...» [Белов 1954: 10]): ошибка или убеждение самого М.И. Белова, «редакторская работа» Л.С. Берга, или же, наконец, «ценная помощь» со стороны А.И. Андреева (его позиция в отношении факта первооткрытия была подробно проанализирована как в предыдущем [Овлащенко 2013], так и, в настоящем исследовании автора).

А вот позиция соредактора М.И. Белова по рассматриваемому географическому сборнику, В.Е. Егорьева – непонятна. Еще в опубликованных в январе 1951 года «Комсомольской правдой», отрывках из выступления В.Е. Егорьева, есть следующие его высказывания: «Сохранившиеся до наших дней документы первой русской южно-полярной экспедиции Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева дали возможность советским ученым установить и неоспоримо (! – *А.О.*) доказать, что 16 января 1820 года шлюпы «Восток» и «Мирный»

находились в непосредственной близости от Антарктического материка. День достижения 69°21' южной широты является датой открытия (! – А.О.) Антарктиды – этой новой, в те годы еще неизвестной части земного шара [Антарктику 1951] (без последнего предложения текст доклада был воспроизведен в 1952 году [Заседания 1952: 421]. – А.О.).

Какие события в советской историографии экспедиции могли произойти за прошедшие после этого выступления В.Е. Егорьева, четыре года, чтобы он мог согласиться с предложенной М.И. Беловым датировкой первооткрытия? Напротив, эта историография уже склонна была считать датой первооткрытия Антарктиды – 16(28) января 1820 года, либо же, в крайнем случае, «совокупность» дат январских и февральских, но, именно 1820 года – открытий.

Автор не случайно упомянул в качестве «рабочей версии» убеждение самого М.И. Белова, в тот период, заведующего отделом в Арктическом научно-исследовательском институте (Ленинград). Вот о каких двух эпизодах (как косвенно, так и прямо связанных с личностью М.И. Белова) можно узнать из, уже проанализированного выше, подготовленного А.В. Соколовым обзора деятельности Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала ВГО (с мая 1950 г. по январь 1953 г.).

А.В. Соколов сообщает: «Два доклада по истории географических открытий и путешествий в восточной части Арктики были сделаны Н.Н. Zubовым.

...Второй свой доклад (14/I 1952 г.) Н.Н. Zubов назвал «Загадка земли Андреева в свете новейших документов». Открытие бывшим командиром ледокола «Седов», а ныне кандидатом географических наук К.С. Бадигиным в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) копии рапортов и журналов походов сержанта Андреева в 1763–1764 гг. дают, по мнению докладчика и К.С. Бадигина, возможность определить, какой именно остров открыл Андреев. Изучение документов с точки зрения правил навигации привело докладчика и К.С. Бадигина к выводу, что Андреев видел Новосибирские острова, открытие которых до сих пор неправильно относили к 1806 году. Господствовавшее раньше мнение, что Андреев ничего не открыл, докладчик считает опровергнутым.

Доклад вызвал оживленный обмен мнений. А.В. Ефимов отметил, что исторические данные об Андрееве говорят о его добросовестности. В.В. Покшишевский и П.А. Чумак подчеркивали значение выводов докладчика для истории исследования Арктики.

По просьбе бюро Отделения, навигационные расчеты Н.Н. Zubова и К.С. Бадигина были впоследствии проверены специалистом штурманской службы капитаном 2-го ранга Г.К. Шумейко, признавшим эти расчеты правильными» [Соколов 1953: 275–276].

Интересно, что несколькими месяцами раньше, эти вопросы затронул в своем докладе М.И. Белов (хотя отчет об этом докладе помещен в обзоре ниже, чем рассказ о докладе Н.Н. Зубова).

Ученый секретарь Отделения А.В. Соколов пишет: «М.И. Белов (Ленинград) посвятил свой доклад (26/XI 1951 г.) обнаруженным им в Петропавловской крепости географическим картам Арктики XVIII века. Эти карты, хранившиеся в архиве Гидрографического департамента морского министерства, считались утраченными. Среди них – десять карт Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг., карты полярной экспедиции В.Я. Чичагова 1765–1766 гг., сержанта С. Андреева 1763–1764 гг. и др. М.И. Белов, сообщая о своей находке, квалифицировал сообщение сержанта Андреева о виденном им острове как выдумку и, кроме того, остановился на роли А.И. Чирикова в составлении карты русских географических открытий 1746 года. Доклад вызвал бурные прения. Н.Н. Зубов и А.В. Ефимов резко возражали против отрицания М.И. Беловым правильности сообщения сержанта Андреева о виденном им острове, самый доклад они квалифицировали как неудовлетворительный (! – *А.О.*), так как автор не подверг карты научному анализу. В.А. Дивин, присоединяясь к последнему упреку, не согласился также с оценкой докладчиком роли А.И. Чирикова в составлении карты 1746 года.

Председествовавший на заседании Д.М. Лебедев, подводя итоги обсуждению доклада, предложил поблагодарить М.И. Белова за первую, информационную, часть доклада, считая находку карт заслугой докладчика перед советской наукой, но признал необоснованными суждения М.И. Белова об Андрееве и Чирикове и поставил ему в упрек отсутствие в докладе глубокого научного анализа найденных карт» [Соколов 1953: 279].

Автору неизвестно, до конца ли справедливы были научные претензии, высказанные относительно молодому еще, научному работнику М.И. Белову и, насколько вообще, произвел на него впечатления «разнос», устроенный ему маститыми советскими учеными – членом-корреспондентом АН СССР А.В. Ефимовым и доктором географических наук, профессором Н.Н. Зубовым. В любом случае, надо полагать, что он прислушался к их мнению, по крайней мере, в части, касающейся требования (к которому присоединился и председательствовавший на заседании не менее авторитетный специалист профессор Д.М. Лебедев) проводить глубокий научный анализ найденных карт. Это важно для понимания последующей советской антарктической историографии, поскольку М.И. Белову, через определенное время предстоит сыграть в ней особую, а, если говорить объективно, то, ни с чем не сравнимую роль.

Заметка Д.М. Лебедева о совместном заседании Отделения геолого-географических наук АН СССР и Ученого совета Института географии АН СССР, посвященном 50-летию научной деятельности

и 70-летию академика А.А. Григорьева (1954). В первом выпуске «Известий Академии Наук СССР» за 1954 год была опубликована заметка профессора В.Д. Лебедева о юбилейных торжествах, посвященных академику А.А. Григорьеву. 23 и 24 ноября 1953 г. Отделение геолого-географических наук АН СССР и Ученый совет Института географии АН СССР провели совместное заседание в связи с пятидесятилетием научной и научно-организационной деятельности и семидесятилетием со дня рождения академика А.А. Григорьева. В частности, Д.М. Лебедев сообщал: «Заседание 23 ноября открылось вступительным словом акад. Д.И. Щербакова, отметившего крупные заслуги юбиляра перед советской географической наукой...» [Лебедев 1954: 91].

Но, ни в выступлении академика Д.И. Щербакова, ни в следующем за ним докладе члена-корреспондента АН СССР С.В. Калесника, а также в остальных, отреферированных Д.М. Лебедевым, зачитанных в течение двух дней докладах [Лебедев 1954: 91–93], какие-либо заслуги академика А.А. Григорьева в области историко-антарктических исследований не упоминаются (впрочем, автор не исключает, что такие упоминания могут встретиться в стенографических отчетах (если такие велись) и в полных текстах докладов участников юбилейных заседаний; очевидно, что здесь потребуется обращение к соответствующим архивным фондам. – *А.О.*).

Это не может не привлечь к себе внимание, поскольку предшествовавшие юбилеям годы, ознаменовались целым рядом публикаций как самого А.А. Григорьева ([Григорьев 1949(а); Григорьев 1949(б); Григорьев 1949(в)]), так и написанных им в соавторстве ([Григорьев, Лебедев 1949; Григорьев, Лебедев 1950]). Публикации эти были посвящены приоритету экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в деле открытия Антарктиды, причем, в них впервые указывалась в качестве даты ее открытия – 16(28) января 1820 года.

Так, еще в июне 1949 года в литературно-художественном и общественно-политическом журнале ЦК ВЛКСМ «Смена», была опубликована статья директора Института географии Академии наук СССР академика А.А. Григорьева. Уже в кратком предуведомлении к этой статье, особо было обращено внимание: «Обычно считали, что открытие Антарктического материка было совершено экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева в январе 1821 года. Академик А.А. Григорьев путем детального исследования текста описания, данного Беллинсгаузенем, установил факт открытия материка на 1 год раньше. В связи с этим публикуемая редакцией журнала «Смена» статья академика А.А. Григорьева представляет особый интерес» [Григорьев 1949(в): 10].

Разве со стороны академика А.А. Григорьева – это не крупная заслуга перед советской географической наукой? Интересно, что и последующие биографы А.А. Григорьева, ровным счетом, ничего об этой его заслуге не упоминали [Григорьев 1985: 87–88].

Выше уже было показано, что своеобразным символом «антарктического пробуждения» Советского Союза был сделан официальной пропагандой – академик Л.С. Берг. В 1954 году, в посмертно изданном «Словаре-справочнике по физической географии» А.С. Баркова можно было прочитать, что Л.С. Берг, «выступал как подлинный патриот, любящий советскую страну и ее народ и авторитетно поддерживающий приоритет русской науки (например, в вопросе об открытии Антарктиды)» [Барков 1954: 28].

Даже поздняя советская историография не попыталась дать, хоть сколько-нибудь объективную оценку действительных и мнимых заслуг Л.С. Берга. В советской географической науке он был фактически «канонизирован».

Вот что писали в 1987 году в научно-популярном издании Л.И. Дубровин и М.А. Преображенская: «...В названиях гор, открытых на северном побережье Земли Виктории, увековечены имена известного советского географа, президента Всесоюзного географического общества, академика Льва Семеновича Берга (1876–1950)... Л.С. Берг уделял большое внимание Антарктике. В 1950 г. (в 1949 г. – А.О.) он выступил на общем собрании Всесоюзного географического общества в Ленинграде с докладом «Русские открытия в Антарктиде (интересно, что эти соавторы позволили себе изменить в «правильную сторону» название доклада Л.С. Берга. – А.О.) и современный интерес к ней», в котором убедительно подтвердил приоритет отечественных мореплавателей Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в открытии южнополярного материка, дающий Советскому Союзу полное право участвовать в решении международно-правовых вопросов, связанных с Антарктикой» [Дубровин, Преображенская 1987: 131–132].

Не менее показательно, что мифологизация заслуг Л.С. Берга на попрание историко-географических исследований, и не только, продолжается по настоящий день. Вот, к примеру, что пишет «почетный доктор географии», почетный член АН Молдовы И.А. Крупенников: «Очень значителен вклад Берга... в историю науки. Этому посвящены многие его статьи-эссе и капитальные книги об открытии Камчатки, экспедиции В. Беринга, русских открытий в Антарктиде, деятельности Русского географического общества и др.

...Такие люди (как Л.С. Берг. – А.О.) появляются редко, разобраться в их идеологии и психологии трудно. Можно лишь догадываться [Крупенников 2013].

Комментируя «стиль мышления» Л.С. Берга, историк советской «географической мысли» И.М. Забелин (как уже было отмечено выше, явно не относившийся к поклонникам «научных дарований» первого) отмечал, что, «...тут уйма любопытного для исследователей творчества, и особенностей научного мышления...» [Забелин 1989: 219].

«Филигранны, – утверждает сегодня И.А. Крупенников, – его (Л.С. Берга. – А.О.) популярные статьи в журналах и газетах...

Идеология научных изысканий Берга была исключительно последовательной, все время шла на расширение, на охват все новых явлений и проблем... Он все время находил многое, не теряя ничего.

...Я назвал Л.С. Берга «последним энциклопедистом XX века». Уверен, это недалеко от истины...

Его влекли крупные проблемы всероссийского масштаба, решения которых выходили на мировой уровень» [Крупенников 2013].

Есть у И.М. Забелина высказывания и по поводу берговской «филигранности» и «масштабов влечения»: «...Насчет «настольности» книги Берга о ландшафтных зонах я бы лично не стал высказываться столь категорично. Все три издания (1931, 1936, 1947, имеется в виду первый том, но это же относится ко второму) скучны и мелочны в отборе материала. Не уверен впрочем, что слово отбор – точно; мышлению Л.С. Берга более свойственен как раз «неотбор», неспособность отсеивать мелочное от фундаментального в своем восприятии мира. Мелочь искажала и перспективу, и очертания большого – большое уменьшалось, а малое увеличивалось, и разрушалась естественная систем координат...» [Забелин 1989: 189].

И.М. Забелин пишет об этом «энциклопедисте»: «Некоторая неловкость в историко-географической оценке его работ заключается в том, что Берг, ученый-энциклопедист, выступил с программной статьей о сути географии и месте ее в системе наук, выступил, лишь приблизительно (! – *А.О.*) зная историю географической мысли, историю географии как науки. ...Естественно, что при ограниченном знании предмета невозможно было выступить убедительно...» [Забелин 1989: 57].

Что Л.С. Берг и «продемонстрировал» в очередной раз, в ходе своего доклада «Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней». Однако в ходе этого доклада Л.С. Берг продемонстрировал не только ограниченность своих знаний, но и сделал заведомо неверные (неправильно сформулированные, в том числе с точки зрения физико-географической терминологии) выводы, умышленно скрыл требовавшиеся от него факты и даты [Овлащенко 2013]. Эклектичными в этом контексте выглядят еще одни слова И.А. Крупенникова о Л.С. Берге: «...Он, охваченный чувством справедливости и патриотизма, убедительно, документально доказал, что первыми открыли Антарктиду русские моряки – М.П. Лазарев и Ф.Ф. Беллинсгаузен» [Крупенников 2013].

Действительная, а не мнимая, истинная историко-географическая позиция Л.С. Берга, его взгляды на вопросы первооткрытия Антарктиды не укрылись от внимания современной западной историографии (в том числе после выхода в свет книги автора «Материк льда»). Отдельные ее представители считают, что в действительности Л.С. Берг отрицал открытие Антарктиды в январе 1820 года, и, говоря их же словами, «правильно делал». Они отмечают, что Л.С. Берг «ухитрился» не

указывать на – 16(28) января 1820 г., как на дату открытия Антарктиды, причем делал это «скромным и мудрым образом». Все это увязывается ими с некоей повышенной «честностью» Л.С. Берга как ученого, сумевшего, такой своей линией поведения, и «честность» сохранить, и, согласно партийно-государственным требованиям, якобы «поставить на место» англо-американских империалистов. Примитивизм, более того, историографическая неподкрепленность таких схем вряд ли нуждается в пространных комментариях.

Если оставить в стороне даже позднесоветские мистификации «заслуг» Л.С. Берга (например, приведенные чуть выше, весьма поверхностные оценки Л.И. Дубровина и М.А. Преображенской [Дубровин, Преображенская 1987: 131–132]), или скажем, современную, также только что приведенную словесную мишуру И.А. Крупенникова, то, можно заметить, что российская историография уже понемногу отказывается от «автоматического» упоминания историко-географических заслуг Л.С. Берга.

В двух относительно недавно изданных в России объемных сборниках материалов об экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева [Беллинсгаузен 2008; Беллинсгаузен 2011] имя Л.С. Берга не упоминается вовсе (включая тексты развернутых предисловий и обстоятельных комментариев и примечаний к этим сборникам [Корякин 2008; Комментарии 2008; От редакции 2011]). Это говорит о реальной «востребованности», вернее, о полной невостребованности историко-антарктических работ Л.С. Берга. Собственно о таких «работах» можно говорить лишь с изрядной долей условности, а его самого, можно отнести к представителям советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, лишь с такой же толикой условности.

«Язык историко-географических трудов Берга, – продолжает И.А. Крупенников, – увлекательный, яркий (скорее, следует вести речь об обратной ситуации – о скучном языке трудов Л.С. Берга, даже его научно-популярных трудов; анализ книги Л.С. Берга для детей [Берг 1950(б)] был проведен выше. – *А.О.*), и в основу их положено глубокое знакомство с литературой и – что особенно важно – со старинными архивами; их штудирование требовало большого труда. Приходилось полемизировать и с зарубежными авторами, замалчивавшими роль русских людей в расширении знаний о морях, океанах, островах и континентах» [Крупенников 2013].

Как мы убедились только что, такую роль замалчивал в первую очередь сам Л.С. Берг.

В своей статье И.А. Крупенников дважды проводит тезис, о том, что Л.С. Берг внес значительный вклад в изучение истории Русского географического общества. Но вот как в 1948 году отзывался на эти изыскания Л.С. Берга, гидролог и гидробиолог С.Д. Муравейский. В действительности ли Л.С. Берг, как утверждает И.А. Крупенников,

обнаруживает «глубокое знакомство с литературой и... со старинными архивами»?

В частности, С.Д. Муравейский писал: «Доклад Л.С. Берга (на Втором Всесоюзном географическом съезде, который происходил в Ленинграде с 25 по 31 января 1947 г. – *А.О.*) был построен главным образом как юбилейный, посвященный столетию Географического общества. Доклад явился кратким изложением его прекрасной, широко задуманной, документальной книги «Всесоюзное Географическое общество за сто лет» (изд. Академии наук СССР, 1946). Однако, прочтя его книгу, невольно убеждаешься, что мы далеки еще от полного и всестороннего знания истории Географического общества, что необходима еще большая работа в различных архивах для того, чтобы вскрыть даже (! – *А.О.*) историю возникновения Общества.

Как-то не верится, что душой Общества в момент его возникновения был Ф.П. Литке, который сам не знал, «как сделался одною из главных пружин предприятия полезного и уже обещающего сделаться важным» (из воспоминаний Литке, Труды съезда, стр. 71). Как-то (*sic!* – *А.О.*) в истории Общества отошла на второй план так называемая «русская группа», возглавляемая В.И. Далем. Имеется много данных утверждать, что именно она была душой Общества, главным инициатором его основания. Об этом, например, говорит в воспоминаниях о Дале П.И. Мельников-Печерский. Чрезвычайно симптоматично, что П.П. Семенов-Тянь-Шанский в своей «Истории полувековой деятельности Географического общества (СПб., 1896) так тепло отзываясь о деятелях кружка Даля, «которые с серьезною научной подготовкою соединяли несомненную талантливость и горячий патриотизм, и могли служить достойными представителями тех свободных сил русского общества, содействие коих должно было принести обширную пользу географическим наукам, при всестороннем изучении России» [Муравейский 1948: 135].

Очевидно для того, чтобы окончательно «канонизировать» Л.С. Берга, И.А. Крупенников приводит следующий биографический эпизод. Он сообщает о Л.С. Берге: «...Его влечет естествознание, отец – городской нотариус – хочет видеть сына юристом. Лев категорически против... хочет только в Московский университет. ...Но в Москву евреям доступа нет – «черта оседлости». Надо принимать христианство, и Берг идет на это. Драма для отца, об этом известно. Никто не пишет, что это означало для самого Льва. Конечно, он переживал, но молодость, стремление в науку, вероятно, атеизм (а, если атеизм, то что переживать-то...? – *А.О.*) помогают ему пережить эту непростую ситуацию...» [Крупенников 2013].

Стоит добавить, что статья И.А. Крупенникова написана в качестве «научного обоснования» проведения международного проекта «Вершины географической науки: академик Берг» (оргкомитет проекта – Культурный Центр «GOROD» (Мюнхен, Германия) в лице Р.

Вайнберга и А. Мозессона). В качестве исходного в этом проекте, проводится тезис о том, что Л.С. Берг – один из основоположников современной географии.

Но закончить этот подраздел хотелось бы все-таки, не на обсуждении «достижений» Л.С. Берга, а говоря о заслугах академика А.А. Григорьева. Все тот же И.М. Забелин заметил, что уже в работах 1925 года «начинают проявляться те расхождения (правда эти расхождения относятся к другой области географической науки – физической географии. – *А.О.*), которые позднее разъединят Л.С. Берга и А.А. Григорьева, формально может быть, но разъединят» [Забелин 1989: 114].

И.М. Забелин пишет: «Впервые свои представления о географии как науке и о предмете ее исследования А.А. Григорьев систематически изложил в статье «Задачи и методы экономической географии», опубликованной в 1925 г.

Начинает Григорьев с заявления, что после работ А. Геттнера и Л.С. Берга ему совершенно незачем «распространяться» о задачах и целях географии как науки в целом, но все-таки «распространяется» и отнюдь не повторяет при этом ни Геттнера, ни Берга» [Забелин 1989: 106].

То же самое, «без повторов», произошло и на этот раз. А.А. Григорьев писал: «Совершенное в 1819–1821 годах плавание русских ученых-моряков Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева в высоких широтах Южного полушария впервые открыло истину.

16 января 1820 года «Восток» и «Мирный» на широте 69°21' встретили сплошные льды, простиравшиеся «от востока через юг на запад».

Плавая в пределах 69°–68° южной широты в этих районах, снова подошли к 21 января 1820 года на широте 69°25' к огромному ледяному полю, пределов которого на восток, запад и юг не могли увидеть.

Командиры экспедиции ясно представляли огромность протяжения виденного ими ледяного поля и близость земли.

Таким образом, экспедиция впервые открыла Антарктику (не Антарктиду, а «Антарктику»; берговские «влияния»? – *А.О.*) в январе 1820 года [Григорьев 1949(в): 10].

Правда заключительный абзац процитированной статьи академика А.А. Григорьева, может в очередной раз несколько насторожить внимательного исследователя. А.А. Григорьев пишет: «...Поэтому сделанные русской экспедицией исключительные по их важности открытия (! – *А.О.*) дают СССР неоспоримое право участвовать в решении всех вопросов о режиме Антарктики. Поэтому решения такого рода, принимаемые без участия СССР, являются незаконными и не могут признаваться правительством СССР. Долг советских географов – громкогласно заявить об этом на весь мир» [Григорьев 1949(в): 10–11].

Вполне понятно, что эти слова прямо соотносятся с резолюцией общего собрания действительных членов Географического общества Союза ССР, а значит, с позицией академика Л.С. Берга. Ведь «исключительные по важности открытия», вовсе не суть открытие (в единственном числе) Антарктиды.

Несмотря на это, вряд ли к данной ситуации следует относиться так, как это сделал И.М. Забелин (который, кстати, явно был на стороне А.А. Григорьева, разделяя его позиции, а не позиции Л.С. Берга в физико-географической науке), естественно, что совсем в ином контексте: «К немалому моему удивлению, А.А. Григорьев неожиданно сам отрекся от собственной интереснейшей мысли» [Забелин 1989: 227].

Статья Г.М. Таубера «Экспедиционные работы в Антарктике в 1949/50 г.» (1954). В 1954 году в очередном выпуске «Трудов Государственного океанографического института» была опубликована статья Г.М. Таубера «Экспедиционные работы в Антарктике в 1949/50 г.». Согласно библиографическому справочнику А.В. Краснопольского: Таубер Г.М. (1909–) – метеоролог, доктор географических наук (1959), профессор (1961) [Таубер 1993: 365].

Как было показано в предыдущей работе [Овлащенко 2013], а также в настоящем исследовании, на статью Г.М. Таубера «Плавание в Антарктике в 1947–1948 гг.», ссылались в своих материалах многие советские специалисты. Связано это было с тем, что Г.М. Таубер описывал пребывание судов советской китобойной флотилии «Слава» в непосредственной близости у Земли Принцессы Марты. На недостатки этого описания было обращено внимание выше.

Теперь, в 1954 году Г.М. Таубер писал: «Впервые в истории исследований Антарктики научные работы по изучению антарктических вод были начаты участниками русской антарктической экспедиции... Эта экспедиция, совершив кругосветное плавание в южном полушарии, открыла антарктический материк и ряд прилегающих к нему островов и выполнила значительную по объему, разностороннюю научную работу по описанию природы, климата и гидрологических условий морских районов Антарктики.

Значение выдающихся достижений русской экспедиции определяется не только ее крупнейшими географическими открытиями, в которых главное место принадлежит открытию Антарктиды, но и крупным вкладом в океанографию и климатологию» [Таубер 1954: 5].

Последний тезис Г.М. Таубера был интересен, но, к сожалению, практически ничем не был подкреплён в советской историографии.

«До Октябрьской Социалистической революции, – писал он, – русские ученые не имели возможности продолжать исследовательские работы в Антарктике, несмотря на очень большой (? – А.О.) интерес к этому вопросу» [Таубер 1954: 5].

Можно заметить, что в советской печати уже не первый раз появлялись публикации о деятельности китобоев, но, без «дежурного»

упоминания приоритета в открытии Антарктиды. Примером такой публикации может являться статья капитана-директора антарктической китобойной флотилии «Слава» А. Соляника, опубликованная 17 июля 1954 года в органе Центрального Комитета Компартии Латвии и Верховного Совета Латвийской ССР, газете «Советская Латвия» [Соляник 1954].

Рецензия А.В. Ефимова «Книга о русских мореплавателях» (1954). В 1954 году в газете «Правда» была опубликована рецензия члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова. Последний, давал свой отзыв на изданный в 1953 году Воениздатом сборник «Русские мореплаватели» (редактор, капитан 2 ранга В.С. Лупач). Выше были проанализированы две статьи из этого сборника: Н.Н. Зубова «Русские мореплаватели – исследователи океанов и морей» [Зубов 1953] и Н.Я. Болотникова «Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев» [Болотников 1953].

В частности, А.В. Ефимов писал: «...Этот сборник, опирающийся на исследования советских ученых, вносит много нового в изучение истории географических открытий.

...Пренебрегая мнением английского мореплавателя Кука о том, что южного материка не существует (неприглядная точка зрения для члена-корреспондента Академии наук. – *А.О.*), или если он и есть, то никогда не будет достигнут из-за тяжелых льдов, русские военные моряки под командованием Беллинсгаузена и Лазарева (в статье «Лазарева». – *А.О.*) в 1820 году совершили одно из крупнейших географических открытий: открыли шестую часть света – Антарктиду.

...Советские флотилии плавали (? – *А.О.*) и плавают в водах Антарктики» [Ефимов 1954].

Стандартными для тех лет выглядели следующие фразы этого советского ученого: «Статьи сборника рассказывают, как в царской России героям-мореплавателям приходилось преодолевать косность, тупость (? – *А.О.*), неуважение к науке, низкопоклонничество перед иностранцами в правительственном аппарате» [Ефимов 1954].

«Книга «Русские мореплаватели», – продолжал А.В. Ефимов, – является сборником популярных очерков. Некоторые из них, например очерки... Н.Н. Зубова, И.П. Магидовича и другие, носят исследовательский или документальный характер» [Ефимов 1954].

Обратил ли А.В. Ефимов, свое внимание на очерк Н.Я. Болотникова, в рецензии не упоминается, но, указав на немалое количество фактических ошибок, описок, опечаток, имеющих в сборнике, рецензент признал, что все это – «ошибки, свидетельствующие о недостаточно тщательном редактировании книги», иными словами, «досадные небрежности» [Ефимов 1954].

«В целом же, – подводил итог А.В. Ефимов, – выпуском сборника сделано большое, нужное дело» [Ефимов 1954].

В рамках проводимого анализа советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, факта первооткрытия этой экспедицией Антарктиды, такая оценка вряд ли будет объективной. На самом деле, статьей Н.Я. Болотникова было сделано «большое, нужное дело», но, для фактического отрицания отмеченного факта.

Рецензия Б. Шанько «Русские мореплаватели» (1954). Еще одна рецензия на сборник «Русские мореплаватели», написанная капитаном дальнего плавания Б. Шанько, была опубликована в августе 1954 года в журнале «Вокруг света». Этот автор, уже прямо (но, вряд ли критично) заявил, что «книга «Русские мореплаватели»... может быть по праву названа энциклопедией русской морской славы» [Шанько 1954: 60]. Б. Шанько полагал, что, «хорошо освещены в сборнике плавания русских моряков в высокие северные и южные широты» [Шанько 1954: 61]. «Как известно, – писал он, – Беллинсгаузен и Лазарев открыли шестую часть света – Антарктиду» [Шанько 1954: 62].

Кроме этого, становившегося в Советском Союзе уже во многом «дежурным», упоминания факта первооткрытия, Б. Шанько в своей рецензии ничего «антарктического» не упомянул. Единственно, на что он обратил внимание в порядке критики, это то, что в книге «ничего не рассказано о рейсах китобойной флотилии «Слава» к берегам Антарктиды...» [Шанько 1954: 62].

Книга Н.Н. Зубова «Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов» (1954). В 1954 году Географгизом была издана объемистая книга Н.Н. Зубова «Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов». Во вводной статье к этой своей книге, Н.Н. Зубов, среди прочего несколько полемизирует с советским географом И.П. Магидовичем (все действительно было в рамках корректной научной полемики, поскольку сам Н.Н. Зубов, добавил от себя: «...Особую признательность я должен выразить И.П. Магидовичу и Е.Е. Шведе за их ценные замечания и указания» [Зубов 1954: 8]). В частности, речь шла об определении понятия «географическое открытие».

Приводя данное И.П. Магидовичем [Магидович 1949: б. с.] определение, Н.Н. Зубов в свою очередь писал: «С морской точки зрения в определение географического открытия, предложенное Магидовичем, надо внести некоторые исправления.

Так, географическим открытием надо называть не только первое посещение, но и первое положение на карту на основании собственных наблюдений географических объектов, которые до того на карте показаны не были, а также и первое описание их. Так, Беллинсгаузен и Лазарев положили на карту (! – *А.О.*) часть берега Антарктиды, остров Петра I и Землю Александра I и совершили этим величайшее географическое открытие XIX в., хотя они эти земли не посетили, а только видели» [Зубов 1954: 7].

Один из разделов книги Н.Н. Зубова так и назывался: «Кругосветное плавание Беллинсгаузена и Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный» и открытие Антарктиды (1819–1821)». Упомянув русские кругосветные путешествия начала XIX в. Н.Н. Зубов, писал дальше: «...Но наибольшую славу приобрела экспедиция Беллинсгаузена–Лазарева, ознаменовавшаяся величайшим географическим открытием XIX в. – открытием шестого материка – Антарктиды.

...«Восток» и «Мирный» 16 января 1820 г. на 69°22' ю. ш. и 2°15' з. д. подошли к покрытым «бугристыми» льдами берегам Антарктиды. В первый раз люди видели (! – *А.О.*) эти берега, но подойти к ним было невозможно, льды преграждали путь. Русские моряки добросовестно отметили все признаки земли, но ничего больше не стали утверждать. Ведь даже человек, который прошел бы пешком по этому берегу, и тот мог усумниться – земля это или льды, ее окружающие. Так скромно в летопись великих открытий вошла новая дата 16 января (по ст. ст.) – день, когда русские открыли Антарктиду – шестой материк земного шара. 21 января и 5 февраля «Восток» и «Мирный» опять наблюдали всевозможные признаки близости земли и снова видели ледяной барьер («барьер», как у Н.Я. Болотникова?! – *А.О.*). Шлюпы опять подходили почти вплотную к Антарктиде.

Берег, увиденный (! – *А.О.*) Беллинсгаузенем 16 января 1820 г., сейчас называется Землей кронпринцессы Марты. К этой земле в марте 1948 г. подходила советская китобойная флотилия «Слава» и при очень хорошей видимости с точки, в которой приблизительно находился Беллинсгаузен 21 января 1820 г., убедилась, что описание бугристых льдов, приведенное Беллинсгаузенем, вполне соответствует действительности» [Зубов 1954: 169, 172].

Н.Н. Зубов дважды цитирует письмо М.П. Лазарева А.А. Шестакову [Зубов 1954: 171, 172], но, цитирует слова не о «льдином материке», а, о том, «каково ныне русачки наши ходят» (а также, «для чего посланы были суда, которые...»).

Указав на открытие Земли Александра I Н.Н. Зубов, уже традиционно для советской историографии подчеркнул, что «до сих пор не выяснено, является ли она островом или полуостровом, соединенным с материком перешейком, покрытым вечными льдами» [Зубов 1954: 174]. Вполне понятно, что историографию эту, интересовали не собственно физико-географические аспекты, а политические и международно-правовые последствия такого открытия.

Нетрадиционным для советской историографии, было то, что свой материал Н.Н. Зубов не предварил «мнениями» Дж. Кука, а разместил такие «мнения» уже после описания хода и результатов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева [Зубов 1954: 175].

Кстати, очевидно первым в советской историографии, Н.Н. Зубов давал читателям такие пояснения: «До последнего времени экспедицию,

открывшую Антарктиду, называли экспедицией Беллинсгаузена. Сейчас мы называем ее экспедицией Беллинсгаузена–Лазарева. Справедливо ли это? Не умаляем ли мы этим славу одного из искуснейших мореплавателей и крупнейших ученых (здесь, в очередной раз нельзя не удивиться той эволюции, которую за относительно короткий промежуток времени проделала советская историография; в *1939 году* М. Райхенберг прямо писал, что, «ни Беллинсгаузен, ни Лазарев не были учеными-исследователями» [Райхенберг 1939: 30], а, между тем, сведения о Ф.Ф. Беллинсгаузене занимали законное место в изданном в *1891 году* в Санкт-Петербурге, «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых» С.А. Венгерова [Меньшиков 1891: 388–392]. – *А.О.*) нашей страны Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена? Не является ли это данью нашего уважения к Михаилу Петровичу Лазареву, единственному из наших военных моряков парусного флота, три раза ходившему вокруг света командиру корабля, фактическому создателю Черноморского военного флота, создателю «лазаревской школы», воспитавшей таких замечательных адмиралов, как Корнилов, Нахимов, Истомин и другие?

Нет, это не так...» [Зубов 1954: 175–176].

Несмотря на то, что сам Н.Н. Зубов, давал такой однозначный отрицательный ответ на поставленный им же вопрос, отчасти это было именно так. Дань уважения, «помноженная» на поиски «русского следа» в истории науки (включая географическую науку, историю изучения Земли) и техники, те поиски, которые наиболее активно проводились в послевоенные годы в период сталинского национал-большевизма.

Повышенное внимание к экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева (так уж совпало!) проявилось в тот период, когда «русская история и национальная культура из объектов глумления, грязных оскорблений и нападок вдруг превратились в объект почитания, вернулись на свое законное, почетное место. И, несмотря на то, что сделано это было весьма избирательно и непоследовательно, результаты незамедлили сказаться повсюду...» [Митрополит Иоанн (Снычев) 1995: 318].

В том числе и в первую очередь, в историографии Первой русской антарктической экспедиции. Таким образом, историю предвоенного, военного и, в еще большей степени послевоенного роста интереса в Советском Союзе к проблемам Антарктики следует рассматривать двояко (если читатель обратил внимание, автор проводит эту мысль неоднократно). С одной стороны, такой интерес (именно в смысле объективизации исторического и собственно историко-географического знания) объясним в рамках народившегося национал-большевизма, с его, только что отмеченным поиском «русского следа» в истории. Как известно, этот период охватил военные годы, дальнейшее строительство советской империи и завершился со смертью И.В. Сталина в 1953 году. С другой стороны, безусловно важными являлись прикладные аспекты такого интереса: нарастающий учет геостратегического положения

Антарктики, перспективы поиска и последующей добычи в Антарктиде урановой руды, возможность освоения окружающих Антарктиду и богатых морскими биологическими ресурсами (в частности, морскими млекопитающими) океанических и морских пространств [Овлащенко 2013: 276].

С точки зрения некоторых не самых последовательных (но, думается, самых «бдительных»! – А.О.) советских авторов, фамилия «Лазарев» звучала более «по-русски», чем фамилия происходившего из балтийских немцев (остзейских немецких дворян) – Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена (при рождении Фабиан Готтлиб Таддеус фон Беллинсгаузен (нем. *Fabian Gottlieb Thaddeus* (согласно другому источнику *Benjamin* [Juske 2003: 7]. – А.О.) *von Bellingshausen*). Какие «скрытые коллизии» это повлекло за собой в советской послевоенной историографии экспедиции, было показано выше.

Если говорить о позиции Н.Н. Зубова, то, он основывал правомерность называть экспедицию – «экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева» – в первую очередь, исходя из «смелого утверждения», «что если бы Лазарев поступил так же, как поступил Фюрно (спутник Дж. Кука. – А.О.), экспедиция не достигла бы своих блестящих результатов». «Вот почему, – делал вывод Н.Н. Зубов, – эту экспедицию мы и называем экспедицией Беллинсгаузена–Лазарева» [Зубов 1954: 177].

В любом случае, можно считать такое название вполне устоявшимся как в советской, так и, в современной российской историографии (см., к примеру: [Корякин 2008: 5–38]).

Надо заметить, что Н.Н. Зубов не стал в угоду политическому моменту, сиюминутной идеологической конъюнктуре искусственно «разъединять» руководителя экспедиции и М.П. Лазарева, ставить последнего в положение некоей «оппозиции» к первому. Напротив, этот советский военно-морской географ писал, что «подвиги наших моряков во многом как раз и объяснялись высокоразвитым чувством товарищества, взаимной поддержкой, особенно важными именно на море и в мирное и в военное время, необходимыми каждодневно, каждодчасно» [Зубов 1954: 177].

«Чувство товарищества, – продолжал Н.Н. Зубов, – господствовавшее на «Востоке» и «Мирном», проявлялось и в других отношениях. Так, командиры, офицеры и матросы часто посещали друг друга не только на якорных стоянках, но и в море во время безветрия, и такие посещения считались большим удовольствием. Нигде не встречаются указания на какие-либо нелады среди личного состава шлюпов» [Зубов 1954: 178].

Действительно, если почитать – работу Ф.Ф. Беллинсгаузена, письма М.П. Лазарева, книги П.М. Новосильского, работы И.М. Симонова, письма Г. Галкина, наконец, дневник Егора Киселева, то, нигде мы не найдем и намек на какие-либо противоречия. С какой же

целью необходимо было советской историографии отыскивать такие «противоречия»?

Давая оценку естественнонаучным результатам экспедиции, Н.Н. Зубов считал, что, «результаты самых разнообразных наблюдений и исследований экспедиции Беллинсгаузена–Лазарева позволяют говорить, что она занимает блистательное место не только среди антарктических экспедиций, но и среди других экспедиций по исследованию Мирового океана» [Зубов 1954: 179].

Соловьев А.И. Митрофан Степанович Боднарский (1870–1953) (1954). В 1954 году в очередном сборнике «Вопросы географии» был опубликован написанный А.И. Соловьевым некролог: «Митрофан Степанович Боднарский (1870–1953)». Получив после октябрьского переворота звание профессора, этот ученый-географ стал читать студентам Московского университета ряд учебных курсов, в том числе, перешедший к нему после смерти Д.Н. Анучина курс истории географических открытий. В своей исследовательской работе М.С. Боднарский основное внимание уделял истории русских географических открытий и отечественной географической науки [Соловьев 1954: 131].

В 1945 году Л.С. Берг дал следующую характеристику М.С. Боднарскому: «Основная область, в которой протекает научная работа М.С. Боднарского, – это история географической науки. ...Все произведения М.С. Боднарского отличаются большой тщательностью обработки. Он великолепный знаток литературы как древней, так и современной, и прекрасно умеет обращаться с источниками. Эрудиция М.С. в области физической географии, а равно и в сфере истории географической науки, положительно неисчерпаема» [Берг 1945(б): 303].

В некрологе было отмечено, что очерки М.С. Боднарского по истории русского землеведения, служат «основным пособием для всех, изучающих историю географии в России», а, «чрезвычайно широко эрудированный в вопросах истории географической науки, неисчерпаемый «кладезь знания» М.С. Боднарский, принимал участие во всех важнейших и ответственных изданиях, где имела место история географии» [Соловьев 1954: 132–133].

Действительно, согласно постановлению Редакционно-издательского отдела Академии Наук СССР, в 1947 году были изданы «Очерки по истории русского землеведения» М.С. Боднарского. Сам автор очерков, писал: «...Беллинсгаузен... обследовал гораздо большее пространство за пределами полярного круга, нежели его знаменитый предшественник Джеймс Кук в 1772–1775 гг. Беллинсгаузен открыл там 10 января 1821 г. лежащие к югу от мыса Горн под 68°57' ю. ш. и 90°46' з. д. о-в Петра I, а 17 января 1821 г. под 69°29' ю. ш. и долготы 75°40' з. д. Землю Александра I, которая является берегом Антарктиды. Таким образом, эта экспедиция сделала русских причастными к изучению (? – А.О.) этой отдаленной области земного шара, которая и в настоящее время возбуждает большой интерес и остается до сих пор, несмотря на

большие усилия многих мореплавателей, еще весьма малоисследованной. Честь открытия (! – *А.О.*) Антарктиды принадлежит русской экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. Беллинсгаузен составил замечательное описание физико-географических условий южной полярной области (Антарктики), имеющее значение и сейчас...» [Боднарский 1947: 202–203].

Элементарный анализ показывает отчетливый компилятивный характер этого абзаца работы М.С. Боднарского. О том, что «русские моряки и ученые оказались причастны к изучению... отдаленнейшей области земного шара, возбуждающей столь большой интерес в настоящее время», как и, о том, что Беллинсгаузен «составил замечательное описание физико-географических условий южной полярной области, имеющее значение и до сих пор», писал в *1917 году* в своей «Океанографии» Ю.М. Шокальский [Шокальский 1917(а): 34].

Как было показано выше, гораздо больший интерес представляет использованный М.С. Боднарским оборот «честь открытия». Интерес представляет собой и тот факт (также упомянутый выше), что в списке литературы, приведенном в работе М.С. Боднарского, в разделе «История русской географии» указана книга мичмана П.М. Новосильского «Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера» (СПб., 1853). Причем в скобках, после указания этого источника, значится: «автор – один из участников экспедиции Беллинсгаузена» [Боднарский 1947: 252].

Таким образом, это можно считать уже вторым достоверным эпизодом использования книги «Южный полюс...» в качестве источника (в *1946 году* эта работа П.М. Новосильского была указана среди источников в статье П.Ф. Морозова и К.И. Никульченкова [Морозов, Никульченков 1946: 84]), еще до, ее «официального» введения («возвращения») в научный оборот советским географом Б.Г. Островским. Произошло это якобы «летом 1948 года», и об этом эпизоде в советской историографии экспедиции, также было рассказано.

«Словарь географических названий» М.С. Боднарского (1954). В *1954 году* Государственное Учебно-Педагогическое Издательство Министерства Просвещения РСФСР издало книгу М.С. Боднарского «Словарь географических названий». Согласно аннотации к изданию, «словарь имеет целью – дать советскому учителю и студенту-географу краткую справку по встречающимся в его работе географическим объектам (названиям)» [Боднарский 1954: б/с].

В статье об Антарктиде в частности было указано, что последняя, «открыта русской экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева в 1819–1821 гг.» [Боднарский 1954: 22], а в статье о море Беллинсгаузена сообщалось, что названо оно так, «в честь русского мореплавателя Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, впервые плававшего здесь во время экспедиции 1819–1821 гг.» [Боднарский 1954: 41]. Таким образом, в

словаре М.С. Боднарского никакой конкретной даты первооткрытия указано не было.

Материалы ко Второму съезду Географического общества Союза ССР (1954). Под эгидой Академии Наук Союза ССР и Географического общества Союза ССР в 1954 году был издан сборник материалов, посвященный второму съезду этого Общества. Некоторые материалы сборника представляют интерес в контексте проводимого анализа советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. В частности, в опубликованном в сборнике проекте Устава Географического общества Союза ССР, среди основных целей и задач Общества были указаны: «...е) борьба за приоритет ученых и путешественников нашей Родины в географических открытиях и решении важнейших проблем географической науки; исследование и популяризация истории отечественной географии» [Устав 1954: 10].

В подготовленном вице-президентом ВГО С.В. Калесником «Отчете о деятельности Географического общества Союза ССР за 1947–1953 гг.», говорилось: «За семь лет, отделяющих Второй съезд Географического общества СССР от его Первого съезда, Общество, как и прежде, ориентировало свою работу на активное участие в строительстве коммунизма, на укрепление связи теории с практикой, на защиту приоритета отечественной науки...

Немало научных заседаний Общества получили весьма широкий отклик в СССР и за рубежом... Заседание Общества 10 февраля 1949 г. в Ленинграде, посвященное приоритету русских ученых в открытии Антарктиды и широко освещенное в центральных советских газетах («Известия» и «Правда» от 11 февраля) и многих научных журналах, было впоследствии упомянуто в меморандуме советского правительства по вопросу о режиме Антарктики, направленном 7 июня 1950 г. правительствам США, Великобритании, Франции, Норвегии, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии... Большой резонанс получили... выездные сессии Ученого совета Общества на борту флагманского судна «Слава» (в Одессе) перед уходом его в пятый рейс на китобойный промысел к берегам Антарктики (октябрь 1950 г.)...» [Калесник 1954: 26, 35].

Затем С.В. Калесник затронул такой аспект в работе Общества: «При прямом и непосредственном многолетнем участии Ученого совета Географического общества вышли в свет крупнейшие географические и картографические произведения нашего времени – первый и второй томы «Морского атласа» (в напечатанной в 1954 году, в «Известиях ВГО» хронике, в частности было сказано: «В первом разделе (Второго тома Морского атласа. – *А.О.*)... окончательно утверждается приоритет нашего отечественного мореплавания в открытии и географическом исследовании... побережий и островов в... Антарктике» [Обсуждение 1954: 206]. – *А.О.*). Сотни географических статей для второго издания Большой Советской Энциклопедии получили рецензии Географического

общества, а многие наиболее важные статьи обсуждались в Обществе на специальных заседаниях. Географическое общество также организовало и коллективы авторов для написания серии географических статей в БСЭ.

...В тесной связи с рецензированием находится работа Общества и всех его подразделений по даче консультаций и проведению экспертиз. Консультации советским органам и картографическим учреждениям по вопросам переименования разных географических объектов и вопросам транскрипции географических названий (в частности, для... Антарктики...)..., – таковы те области, на которые распространяется консультативная деятельность общества» [Калесник 1954: 40].

Очень интересной и важной была следующая точка зрения С.В. Калесника: «Довольно широко распространено заблуждение, будто для Географического общества эпоха экспедиционной деятельности миновала. Существует также мнение, будто в современных условиях когда в стране имеются сотни государственных научных учреждений и высших учебных заведений..., Географическому обществу, как организации общественной и, следовательно, не располагающей штатными научными кадрами, делать в этом отношении нечего... Достаточно сказать, что с 1947 по 1953 г. включительно филиалы и отделы Общества организовали и провели более 130 экспедиций и экспедиционных поездок...

Ученый совет Общества полагает, что организация и проведение экспедиций является прямой задачей Географического общества. Нужно всячески бороться против капитулянтских настроений в этом вопросе.

...Как уже говорилось, из Ленинграда и Москвы можно снаряжать экспедиции и помимо Географического общества. Вместе с тем, мы сейчас живем в годы, особенно благоприятные для расцвета больших и малых комплексных экспедиций, и центральная организация Географического общества должна сыграть не последнюю роль в их организации. Особенно большой научный интерес могли бы представлять экспедиции Географического общества для исследования некоторых зарубежных территорий, например Центральной Азии или Антарктики (! – *А.О.*). В любой комплексной экспедиции, организуемой Географическим обществом, всегда окажутся заинтересованными учреждения, которые будут согласны, ради получения определенных научных результатов, откомандировать в экспедицию необходимых научных работников.

...В своей деятельности Географическому обществу надлежит выйти на более широкую арену: вполне своевременно постановка вопроса об организации некоторых зарубежных экспедиций...» [Калесник 1954: 35–36, 38, 50].

В опубликованных в сборнике тезисах докладов на пленарных заседаниях, в частности, в тезисах И.П. Герасимова, очень интересно была проведена «ранжировка» русских путешественников: «Нет нужды

в настоящем докладе делать далекий исторический экскурс в прошлое русской географии... Славные имена и дела ее представителей..., знаменитых русских путешественников-первооткрывателей неведомых земель в Арктике, на Дальнем Востоке, в Тихом океане и Антарктике (Лазарева, Литке, Крузенштерна, Беллинсгаузена, Миклухо-Маклая и др.)... известны всему миру...» [Герасимов 1954: 55–56].

Книга С.В. Молодцова «Современное международно-правовое положение Антарктики» (1954). Под эгидой Института права Академии наук СССР в 1954 году (подписано к печати 12/XI 1953 г.; тираж 10 000 экземпляров) Государственным издательством юридической литературы (Госюриздат) была выпущена в свет небольшая монография кандидата юридических наук С.В. Молодцова «Современное международно-правовое положение Антарктики». Данная книга, кстати первая такого рода, книга в советской международно-правовой литературе, должна была очевидно послужить своего рода доктринальным источником, в том числе при отстаивании правопритязаний Советского Союза в южнополярном регионе.

К сожалению все усилия географов и историков, в целом советской историографии, которые были приложены ею в середине-конце 40-х – начале 50-х годов с целью показать истинную дату открытия материка Антарктиды – 16(28) января 1820 года, были автором этой монографии проигнорированы или попросту остались незамеченными (нельзя окончательно исключать и подобную версию). Все это в очередной раз наглядно демонстрирует тот диссонанс, несогласованность, отсутствие единой точки зрения, разлад наконец, которые все еще процветали в Советском Союзе в отношении фактов касающихся хода, главных событий, результатов и конечных итогов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

«Империалистические государства, – писал С.В. Молодцов, – пытаются решить судьбу Антарктики за спиной Советского Союза, которому по преемству от России принадлежит исключительная заслуга перед человечеством в открытии и в научных исследованиях антарктического материка.

...Твердо отстаивая свои законные интересы и права в решении вопроса о правовом режиме Антарктики, Советское государство относится с глубоким уважением и к справедливым интересам других государств.

...Этот единственно возможный и законный путь решения антарктической проблемы предполагает, в свою очередь, учет характеризующих ее исторических (*sic!* – *A.O.*), политических, экономических и иных факторов» [Молодцов 1954: 4].

Вполне естественно, что начал С.В. Молодцов, «с Кука»: «Серьезный удар по идее существования антарктического материка нанес английский капитан Кук...

Русским мореплавателям удалось не только восстановить веру в существование Южного материка и опровергнуть неверные выводы англичанина Кука, но и, открыв таинственные земли Антарктики, начать научные исследования нового материка» [Молодцов 1954: 6].

Дальше С.В. Молодцов пишет об открытии экспедицией именно «земель», однозначно отождествляя эти открытия с открытием Антарктиды: «...Первостепенной заслугой экспедиции следует признать открытие антарктического континента. 10 января 1821 г. был открыт остров, названный экспедицией островом Петра I; 17 января 1821 г. экспедиция открыла в антарктических пространствах берег, названный ею Землей Александра I (берег и был назван «Берегом Александра I». – *А.О.*). Как при открытии острова Петра I, так и при открытии Земли Александра I русские мореплаватели считали (вот он, очевидно главный для С.В. Молодцова, но, практически бесполезный с международно-правовой точки зрения, критерий. – *А.О.*), что за этими землями находится Южный материк. Справедливость этих предположений была подтверждена впоследствии – остров Петра I и Земля Александра I оказались частью территории внутри Антарктического круга, открытого русской антарктической экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева» [Молодцов 1954: 8].

Заявив что, «приоритет открытия Антарктики («Антарктики», как у Л.С. Берга. – *А.О.*) русскими исследователями и моряками получил бесспорное признание в мировой науке и в позднейшее время», С.В. Молодцов приводит традиционный для советской историографии, «джентльменский набор» отзывов (зачастую фальсифицированных переводчиками на русский язык) западных специалистов, а также цитирует слова Л.С. Берга о «неоспоримости» приоритета русских [Молодцов 1954: 8–9].

«Естественно, – пишет дальше советский юрист-международник, – что имеющиеся попытки империалистических государств умышленно предать забвению величайшие заслуги русских моряков перед человечеством в открытии и исследовании Антарктики, попытки разделить или полностью захватить Антарктику за спиной Советского Союза являются грубым посягательством на интересы и права нашего государства. Выдающаяся роль русских исследователей – ученых и мореплавателей в деле открытия и изучения Антарктики является фактором, определяющим исторически обоснованное право Советского Союза на участие в решении вопросов судьбы и режима Антарктики» [Молодцов 1954: 9–10].

По горькой иронии, «предать забвению» отмеченные заслуги, а значит, способствовать тем самым, упомянутым им, «грубым посягательствам» умудрился сам С.В. Молодцов. Именно он в своей книге фактически упразднил фактор, «определяющий исторически обоснованное право Советского Союза на участие в решении вопросов судьбы и режима Антарктики». Эклектичными поэтому выглядели

последующие его фразы, о «некоторых присяжных «ученых» американского империализма», вставших «на путь фальсификаций», и обосновывающих «вздорные версии», связанные, в частности, с Пальмером.

«Эта бесцеремонная попытка фальсифицировать историю, – возмущался С.В. Молодцов, – сделана для того, чтобы оправдать стремление США захватить антарктические земли и их богатства. ...Американская версия об открытии Антарктики (снова «Антарктики»; специалист, пишущий об этих проблемах не разобрался в физико-географических понятиях – Антарктика и Антарктида?». – *А.О.*)... находится в вопиющем противоречии с историческими фактами и объективными свидетельствами мировой науки» [Молодцов 1954: 10].

Но, США, хотя бы проводили уже не первый год, причем последовательно, свою антарктическую политику. А чего же добивались тогда, сами советские специалисты (в частности, С.В. Молодцов), так «обосновывавшие» права Советского Союза в Антарктике? Ведь советская антарктическая политика выходила, только еще, что называется из «зачаточного состояния». Получается, что в Советском Союзе «правая рука, не знала, что делает левая»?

В своей книге С.В. Молодцов немалое внимание уделил той политико-экономической обстановке, которая складывалась вокруг Антарктиды. Как и многие другие советские специалисты, не обошел он своим вниманием важный для СССР [Овлащенко 2013: 132–136], «урановый вопрос».

В частности, С.В. Молодцов писал: «В буржуазной печати высказываются предположения, что в Антарктике имеются большие запасы урановой руды, которая, как известно, является основным сырьем для получения атомной энергии и изготовления атомных бомб. Американские империалисты, возлагающие особые надежды на политику атомного шантажа и атомной дипломатии как на средство достижения мирового господства, стремятся во что бы то ни стало захватить в свои руки наряду с другими естественными богатствами и предполагаемые запасы урановой руды в Антарктике с целью использования их, как и других имеющихся там запасов стратегического сырья, для ведения агрессивных войн.

Естественно, что эти устремления США в корне противоречат законным интересам других стран (читай – Советского Союза. – *А.О.*), существенным образом заинтересованных в эксплуатации богатств Антарктики» [Молодцов 1954: 15].

Комментируя правопритязания других стран в Антарктике, С.В. Молодцов отметил: «...В тот период (первая треть XX в. – *А.О.*) британский империализм оправдывал свои захватнические притязания в Антарктике ссылками на то, что часть «присоединенных» Англией земель была открыта британцами. Так, Британская имперская конференция 1926 года требовала распространения британского

суверенитета на территории в Антарктике, которыми Великобритания «обладает по праву их открытия».

Ссылка на владение антарктическими территориями по праву, основанному на их открытии, была не случайной...

В «присоединенные» ею антарктические территории включены гигантские районы Антарктики размером около десяти миллионов квадратных километров, еще совсем не исследованные, на обладание которыми у Англии нет никакого права, основанного на их открытии.

...Англия, сознавая несостоятельность своих территориальных притязаний в Антарктике на основе «права открытия», создавала видимость секторального раздела Антарктики, который до того справедливо (! – *А.О.*) нашел практическое применение в отношении территорий Арктики» [Молодцов 1954: 17–18].

Приведенные только что положения из книги С.В. Молодцова, дают возможность лучше понять концептуальные подходы Советского Союза к его антарктической политике.

А вот как, согласно этому советскому специалисту, встретил Запад советские антарктические «инициативы»: «Для высказываний буржуазных авторов по антарктическому вопросу характерно... стремление во что бы то ни стало, не считаясь ни с фактами, ни с собственными действиями и ранее высказанными убеждениями (в том то и дело, что в целом ряде случаев подобные «действия» и «высказанные убеждения» были лишь плодом фантазии советских авторов. – *А.О.*) отвергать справедливые требования Советского государства. Когда, например, Географическим обществом СССР было высказано предложение справедливо разрешить вопрос об Антарктике, то буржуазная печать в едином хоре пыталась отвергнуть советское предложение (С.В. Молодцов явно гиперболизирует значение этого «предложения», то внимание, которое было уделено последнему в других, заинтересованных в Антарктике странах; то же самое можно сказать, и, о соответствующем «антарктическом» меморандуме советского правительства. – *А.О.*), прибегая в этих целях к одним и тем же аргументам. Так, английская газета «Ньюс кроникл» писала по этому поводу: «Претензии русских в Антарктике основаны на путешествиях русских мореплавателей Беллинсгаузена и Лазарева в период между 1819 и 1821 гг. Однако Россия не закрепила эти открытия методами, признанными международным правом». Вторя этой мысли, еженедельный журнал «Спектейтор» рассуждал в 1950 году, что открытие какой-либо территории «имеет небольшое значение с точки зрения международного права, если за ним не следует утверждение прав и признание этих прав другими державами». С аналогичными заявлениями выступили также и другие американские, английские, французские и т.п. мнимые «почитатели» и «блюстители» международного права» [Молодцов 1954: 28].

«Таким образом, – подводил итог С.В. Молодцов, – Антарктика, ...должна быть превращена в некоего рода лабораторию по упразднению ненавистного для империалистов государственного суверенитета и замене его «коллективным» («международным» верховенством), а на деле – верховенством и диктатом американского империализма» [Молодцов 1954: 41].

Как видно, советская наука и практика международного права (а затем и советская дипломатия) оказались перед непростой дилеммой – необходимостью выбора из двух (нежелательных) возможностей: с одной стороны, это система секторов в Антарктике (но, именно при этой системе и осуществлялся бы, в этих секторах, «ненавистный» суверенитет), с другой – международное соглашение заинтересованных государств, которое однако, по мнению С.В. Молодцова, «объективно имеет назначение обеспечить... господство в Антарктике сильнейшего империалистического государства (читай – США. – *А.О.*), расчитать этому государству путь для монопольного обладания всей Антарктикой» [Молодцов 1954: 41].

Что же со своей стороны (а также, «от имени» советского правительства. – *А.О.*) предлагал С.В. Молодцов: «...Советскому Союзу по преемству от России принадлежит историческое право приоритета в открытии антарктического материка (что понимал С.В. Молодцов под таким «приоритетом», было показано выше. – *А.О.*). Величайшая заслуга русских мореплавателей и ученых в открытии и научном изучении Антарктики сделала возможными позднейшие антарктические экспедиции и исследования других стран.

...Естественно, что наша страна, являющаяся первооткрывателем Антарктики (вновь «Антарктики». – *А.О.*) и положившая начало всем последующим антарктическим экспедициям, изысканиям и открытиям, имеет по сравнению с капиталистическими претендентами на Антарктику не менее важные и веские основания для участия в решении вопроса о судьбе и режиме Антарктики и на обеспечение законных прав и неоспоримых интересов Советского государства в этой части земного шара.

...Советская научная общественность не раз ставила вопрос о продолжении начатых русскими учеными и мореплавателями изысканий в Антарктике, и эти имеющие для нашей страны большое значение научные исследования и изыскания советских ученых носят постоянный (? – *А.О.*) характер. Советские китобойные флотилии, начиная с 1946 года, регулярно ведут китобойный промысел в антарктических водах...

Советское правительство настаивает на справедливом решении антарктической проблемы и указывает, что «...в настоящее время было бы целесообразно обсудить вопрос о режиме Антарктики в международном порядке, имея в виду достижение такого соглашения, которое отвечало бы законным интересам всех заинтересованных государств» [Молодцов 1954: 43–44, 46].

«Законное решение вопроса о режиме Антарктики, – считал в свою очередь С.В. Молодцов, – а лишь такое решение может иметь силу, – является делом будущего. Путь для достижения такого справедливого решения, отвечающего интересам укрепления международного сотрудничества, предложен Советским правительством» [Молодцов 1954: 43].

Конечно такая постановка вопроса была, не более чем пропагандой, причем рассчитанной в первую очередь на «внутреннего потребителя». Как предыдущие, так и последующие реальные инициативы в области формирования международно-правового режима Антарктики, принадлежали прежде всего США.

Автореферат диссертации Г.М. Гуслицера «Международно-правовой режим Арктики и Антарктики» (1954). В 1954 году в Московском ордена Ленина Государственном университете имени М.В. Ломоносова, Г.М. Гуслицером, была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Научным руководителем Г.М. Гуслицера, а его тема называлась «Международно-правовой режим Арктики и Антарктики», стал доктор юридических наук, профессор В.Н. Дурденевский (выше был проведен анализ опубликованной в 1950 году статьи этого советского юриста-международника [Дурденевский 1950]). Работа Г.М. Гуслицера представляет интерес, поскольку, как заявлено в автореферате его диссертации, последняя была «посвящена исследованию международно-правового режима Арктики и Антарктики в свете советской международно-правовой концепции и внешнеполитических актов Советского государства» [Гуслицер 1954: 3].

В качестве установочных, Г.М. Гуслицером были отмечены следующие моменты: «Проблема международно-правового режима Арктики и Антарктики стала актуальной с наступлением эпохи империализма, когда финансовый капитал наиболее мощных капиталистических государств в погоне за источниками сырья приступил к захвату полярных земель в Северном и Южном полушариях Земли...

Эта проблема приобрела особенно острый характер после второй мировой войны, в связи с тем, что агрессивные круги США провозгласили откровенно-захватнический экспансионистский курс, имеющий своей целью установление мирового господства американского монополистического капитала. Полярные районы Северного и Южного полушарий Земли... явились объектом непрерывной экспансии англо-американского монополистического капитала...

...Экспансионистской политике американско-английского империализма противостоит мирная политика Советского Союза...

Советская концепция правового режима приполярных областей, неразрывно связанная с миролюбивой внешней политикой Советского

государства, является подлинно прогрессивной демократической концепцией» [Гуслицер 1954: 3, 6].

Примечательно, что западная историография, в свою очередь воспринимала все происходящее в свете осуществления Советским Союзом его внешнеполитической, в том числе, военно-морской экспансии. «Сталин и его последователи постоянно заявляют о наличии интересов СССР в морях и океанах, – писал в 1957 году в одном из выпусков *«U.S. Naval Institute Proceedings»* французский исследователь С. Хуан. – В период после 1945 г. СССР постоянно заявляет о своих притязаниях, как морских, так и океанских, на всех направлениях: путем... создания международного контроля над Датскими проливами и Кильским каналом, ревизией условий договора о статусе Шпицбергена (Договор о Шпицбергене 1920 г. – *А.О.*), претензиями на территории, открытые Беллинсгаузенем на Южном полюсе...» [Киличенков 2009: 168–169].

Среди задач, отмеченных в автореферате диссертации, были уже достаточно традиционные для советской доктрины международного права: «...5) Показать и обосновать недопустимость механического перенесения правового режима арктических пространств (имеется в виду так называемый «секторальный принцип» – *А.О.*) на Антарктику в связи со значительной разницей экономических, географических, исторических и политических условий этих двух различных полярных пространств. 6) Показать исторические и юридические права Советского Союза на Антарктику и его бесспорное право на участие в решении международно-правового режима этой части света. 7) Показать незаконность односторонних актов и акций правительств США, Англии, Франции, Норвегии, Чили, Аргентины относительно Антарктики, поскольку они противоречат международному праву и носят характер неприкрытого захвата» [Гуслицер 1954: 4].

Г.М. Гуслицер, также отметил: «...Принцип эффективной оккупации не применим к Антарктике и не может служить основой решения проблемы ее режима, поскольку Антарктика (Антарктида) – необитаемый материк и перенесение принципов, которые были приняты относительно Африки в 1885 г. на Антарктику не оправдывается весьма значительной разницей экономических, исторических, географических и политических условий этих двух различных континентов» [Гуслицер 1954: 9].

Исследованию проблемы международно-правового режима Антарктики, целиком была посвящена третья, заключительная глава диссертации Г.М. Гуслицера. В своем автореферате, он констатировал: «Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. во главе с Ф.Ф. Беллинсгаузенем и М.П. Лазаревым открыла в первой четверти XIX столетия новый, шестой материк – Антарктиду, а также многочисленные земли и острова, расположенные в южной полярной области. По своим научным результатам эта экспедиция явилась одной из самых важных и

самых плодотворных в летописях географических открытий» [Гуслицер 1954: 12].

Как видно, от какой-либо конкретизации, указания на более точные даты открытия Антарктиды Г.М. Гуслицер отказался (автор не располагает самим диссертационным исследованием Г.М. Гуслицера, а рассматривает его автореферат). Небезынтересно, что повышение внимания к Антарктиде со стороны ряда развитых стран, Г.М. Гуслицер прямо связал с ураном. Он писал: «Борьба империалистических государств за Антарктику нарастала с каждым годом и достигла своего кульминационного момента после окончания второй мировой войны, когда стали делаться предположения о наличии в Антарктике больших залежей урановой руды – сырья для производства атомной бомбы» [Гуслицер 1954: 13].

Комментируя собственно правовые вопросы, Г.М. Гуслицер писал: «...Как «теория» интернационализации, выдвигаемая американскими... юристами, так и «теория» антарктических секторов, выдвигаемая английскими... юристами, предназначена оправдать односторонний захват огромного материка американским и английским монополистическим капиталом в ущерб законным интересам и неоспоримым правам ряда государств, и прежде всего СССР, которые они имеют в Антарктике.

...Противоправны также и законодательные акты Англии, Франции, Норвегии, Чили и Аргентины относительно Антарктики, ибо и они противоречат международному праву и не признаются многими государствами и народами, и прежде всего великим советским народом, которому принадлежат бесспорные юридические и исторические права на Антарктику» [Гуслицер 1954: 14].

Какие же конкретные предложения делал Г.М. Гуслицер, и которые, по его мнению, могли бы способствовать решению проблемы международно-правового режима Антарктики? Вот, эти предложения:

«1. Полная демилитаризация и нейтрализация Антарктиды и прилегающих к ней вод со всеми островами и архипелагами и запрещение в связи с этим строительства военно-воздушных и военно-морских баз; запрещение военно-изыскательских (поиски урановой руды? – *А.О.*) мероприятий.

2. Воды Антарктики должны быть объявлены открытым морем, открытыми для эксплуатации всех государств на основе принципов и положений международной китобойной конвенции 1946 г.

3. Все заинтересованные государства, которые примут участие в международном соглашении об Антарктике, должны иметь одинаковые права на использование естественных богатств Антарктического материка и прилегающих островов, на проведение научных изысканий в Антарктике.

На основе этого принципа заинтересованные государства создадут конкретный юридический порядок эксплуатации естественных богатств Антарктики исключительно в мирных целях.

4. Для проведения изложенных выше принципов в жизнь должна быть создана международная комиссия по типу международной китобойной комиссии, предусмотренной международной китобойной конвенцией 1946 г. Деятельность этой комиссии не может идти в разрез с принципами, изложенными в пунктах 1, 2, 3. Всякое решение комиссии, противоречащее пунктам 1, 2, 3, считается незаконным» [Гуслицер 1954: 14–15].

Делая такие предложения, Г.М. Гуслицер особо оговаривал, что приведенные четыре основных принципа режима Антарктики, «ни в коей мере не являются исчерпывающими» [Гуслицер 1954: 15].

Статья В.О. Гурецкого «Русские географические названия в Антарктике» (1954). В 1954 году в очередном выпуске «Известий ВГО» (и, как обычно, для антарктической тематики – в рубрике «Краткие сообщения») был опубликован материал В.О. Гурецкого «Русские географические названия в Антарктике». Небезынтересно как оценивал этот советский специалист объем выпуска в СССР историко-антарктической литературы.

Он писал: «О героическом плавании первой русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева в 1819–1821 гг. на шлюпах «Восток» и «Мирный» и открытии этой экспедицией антарктического материка в советской научной и популярной литературе имеется большое число книг. В их ряду первое место занимают книги, написанные непосредственными участниками экспедиции, переизданные со старых книг, давно ставших библиографической редкостью. Впервые опубликовано много архивных документов, относящихся к этой экспедиции. Число же отдельных статей, очерков, заметок и т. п., помещенных в различных книгах, журналах, справочниках, энциклопедиях, календарях, учебниках и т. д., очень велико» [Гурецкий 1954(а): 457].

Цель своего сообщения В.О. Гурецкий, в свою очередь охарактеризовал так: «Настоящая небольшая работа преследует лишь узкую цель – восстановить все русские географические названия в Антарктике, которые являются свидетельством приоритета открытия и исследования Антарктики русскими мореплавателями. Основным источником для этого послужило описание плавания, составленное самим командиром экспедиции. Но кроме названий, оставленных Беллинсгаузенем, в Антарктике имеются и другие русские названия. Они были даны позднейшими исследователями Антарктики в знак уважения и признания наших отечественных мореплавателей как первооткрывателей седьмого (?! – *А.О.*) материка» [Гурецкий 1954(а): 457].

Упомянув объем, количество выпускаемой литературы, В.О. Гурецкий коснулся вопросов ее научного качества: «Авторы некоторых книг, очерков и т. п., пишущие об Антарктике, зачастую вносят ошибки различного характера, когда они поясняют русские открытия и названия, пользуясь непроверенными источниками. Так, например, в книге Н. Бендер «Имена русских людей на карте мира» (Географгиз, 1948) сказано, что остров Петра I и море Беллинсгаузена открыты в 1819 г., причем море это названо так будто бы самим Беллинсгаузенем. И то, и другое не соответствует действительности. В. Якубович в очерке под названием, почти полностью совпадающим с заглавием книги Н. Бендер, помещенном в журнале «Вокруг света», 1949, № 1, рассказывал своей аудитории об открытии Беллинсгаузенем 27 декабря 1819 г. трех небольших островков и присвоении им названий «Восточный», «Средний» и «Западный». На самом деле ни в этот день, ни в другие подобных названий Беллинсгаузен не давал никаким открытым им островам. Ошибку делает и Большая советская энциклопедия (том СССР, 1948), указывая годы русской антарктической экспедиции «1820–1821» (стр. XVIII); кроме того, неверно дается и фамилия Беллинсгаузена («Беллингсгаузен», стр. 1355)» [Гурецкий 1954(а): 457].

Конечно отмеченные В.О. Гурецким «огрехи» советской историографии были немаловажными, но и не трагичными, и этот ряд можно было бы продолжать. К примеру, в 1925 году профессор С.Г. Григорьев («крупный знаток Антарктики», как охарактеризовал его в 1951 году советский исследователь Н.Г. Рыбин [Рыбин 1951: 81]. – *А.О.*) в своей книге «Шестая часть света (Антарктика)» писал, что Ф.Ф. Беллинсгаузен, «увидел одетую снегом и льдом высокую землю – «Землю Александра I», а еще дальше – также покрытый снегом и льдом остров, который он назвал островом Петра Великого» [Григорьев 1925: 8–9]. Очевидно не стоит и говорить, что, на самом деле, порядок открытий был обратным. Нетрудно заметить и то, что с названиями географических объектов, использованными С.Г. Григорьевым, с точки зрения топонимики не все обстоит благополучно.

Если следовать хронологической последовательности при анализе ошибок советской историографии, то, еще один, приведенный уже выше пример. В 1932 году М.А. Дьяконов писал: «В ...1819 году в кругосветное плавание вышел русский военный фрегат «Надежда» (так в тексте. – *А.О.*) под командой Ф.Ф. Беллингсгаузена, дошедший до 69° южной ширины (так в тексте. – *А.О.*). «Надежда» (*sic!* – *А.О.*) тоже трижды пересекала южный полярный круг и совершила кругосветное плавание в тех же высоких южных широтах, в которых плавал Кук...» [Дьяконов 1932: 108]. Через два года, в 1934 году М.А. Дьяконов повторяет этот же свой тезис: «...В 1819 году вышел в кругосветное плавание русский военный фрегат «Надежда» (?! – *А.О.*) под командой Ф.Ф. Беллинсгаузена, дошедший до 60° ю. ш. ...» [Дневник 1934: 7].

Таким было внимание со стороны советских специалистов к Первой русской антарктической экспедиции. За два, прошедшие после издания первой книги года, никто из них не обратил внимания М.А. Дьяконова на такую ошибку, да и сам он, не обратил на нее никакого внимания.

В изданной в 1948 году книге В.А. Касименко «Как люди открывали землю», были такие строки: «В 1819 году, ...на военном шлюпе «Восток» отправились в далекий путь антарктическая экспедиция капитана Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена, а на шлюпе «Мирный» – экспедиция лейтенанта Михаила Петровича Лазарева. Славные мореплаватели проникли в высокие широты южных полярных морей, где открыли Антарктический материк, назвав его части: «Земля Петра I» и «Земля Александра I...» [Касименко 1948: 17–18]. На самом деле всем известно, что экспедиция открыла остров Петра I, сразу же опознав, определив и обозначив его именно, как остров. Кроме того, шлюпы «Восток» и «Мирный» составляли одну экспедицию, а, не две, как указал В.А. Касименко.

Такие ошибки в освещении экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, были в те годы для советской историографии уже достаточно необычными. Тем более, что книга вышла под научной редакцией научного сотрудника Института географии АН СССР, кандидата географических наук Д.Л. Арманда (1905–1976). В последствии Д.Л. Арманд – доктор географических наук, профессор. Научный сотрудник (с 1940 г.), член Ученого совета Института географии АН СССР (1960–1965). Среди общественных забот Д.Л. Арманда: вице-президент Московского филиала ГО СССР (1958–1963 гг.); член редколлегии журнала «Вопросы географии». Помимо этого он вел пропаганду языка «эсперанто».

Что же касается отмеченного В.О. Гурецким, «неправильного» написания фамилии Ф.Ф. Беллинсгаузена, то, это была для советской историографии даже не «ошибка», а обычная практика. Обратим внимание, как «написал» эту фамилию М.А. Дьяконов – «Беллингсгаузен».

В предыдущей работе автора [Овлащенко 2013], а также в настоящем исследовании, приведен целый ряд примеров такого написания ([Гассерт 1923: 127–129; Кругосветные 1937: ст. 249; Лазарев 1937: ст. 668; Некрасов 1941: 236, сноска 1; Нозиков 1941(а); Ильинский 1944: 89; Штейнберг 1946: 55; Бабаян 1947: 9; Зенкович 1947: 17–18; Берг 1948(а): 1355; Воробьев 1948: 4; Магидович 1948: 33; Смирнова 1948: 23–24; Якубович 1948: 59; Ефимов 1949(а): 23; Антарктику 1951; Берг 1951(а): 25; Яковлев 1952: 8]). Как видно, список весьма внушительный (хотя его можно было бы, очевидно, продолжить) и в него, в том числе попали весьма авторитетные представители советской науки. Не могут не обратить на себя внимание и темпоральные рамки этого списка. Кстати в советских источниках можно было встретить и

более «невероятные» случаи написания фамилии руководителя русской антарктической экспедиции.

В 1935 году в Советском Союзе был издан русский перевод книги американского полярного исследователя Ричарда Бэрда «Над южным полюсом». В тексте книги можно было обнаружить следующее: «В этом негостеприимном крае русский путешественник адмирал Беллинсгаузен (*sic!* – *A.O.*), совершавший в поисках материка кругосветное плавание, в одно туманное утро 1821 г. неожиданно встретился с почтенным (?! – *A.O.*) капитаном Памером (? – *A.O.*) из Стонингтона в штате Коннектикут и к своему удивлению узнал, что эта мало известная часть света хорошо знакома американскому моряку» [Бэрд 1935: 62–63].

Вполне благожелательное предисловие к этой книге написал ученый секретарь Арктического института, доктор геолого-минералогических наук Н. Урванцев.

Обсуждая вопрос «правописания» фамилии Ф.Ф. Беллинсгаузена – «Беллинсгаузен» или «Беллингсгаузен», стоит сказать, что в опубликованных в 1948 году Гидрографическим Управлением Военно-Морских Сил «Материалах по лоции Антарктики», последнее написание этой фамилии было признано ошибочным и помещено в таблице «Замеченные опечатки»: «Напечатано – Беллинсгаузен»; «Следует читать – Беллинсгаузен» [Материалы 1948: б. с.].

Возможно, что в своем сообщении В.О. Гурецкий опирался именно на мнение ГУ ВМС, на которое, в свою очередь могла оказать влияние точка зрения известного военно-морского географа Е.Е. Шведе, высказанная им примерно в то же время. «Редактор правильно отмечает, – писал в 1947 году Е.Е. Шведе в своей рецензии на английский перевод книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, – что Беллинсгаузен был русским патриотом, всецело преданным русскому флоту, однако, он напрасно именует его «бароном Беллинсгаузен», тогда как при жизни великий мореплаватель никогда не пользовался этим титулом и всегда подписывал свою фамилию в русифицированной транскрипции «Беллинсгаузен» (вместо Беллингсгаузен)» [Шведе 1947: 357].

Возможно, что В.О. Гурецкий опирался на иные, еще более ранние источники. Так, еще в 1926 году Л.С. Берг отмечал: «В 1819 году была снаряжена первая и последняя (*sic!* – *A.O.*) русская антарктическая экспедиция... Шлюпом «Восток» командовал капитан Ф.Ф. Беллинсгаузен...» [Берг 1926: 19]. После этого текста, в сноске Л.С. Берг указал: «Так эта фамилия пишется самим путешественником по-русски, по немецки же – *Bellingshausen*» [Берг 1926: 19, сноска 1]. Это же свое утверждение Л.С. Берг повторил в книге, изданной в 1929 году [Берг 1929: 45, сноска 1].

Интересно, что русские дореволюционные источники являют здесь также немалую «разногласицу». Можно встретить следующие варианты написания этой фамилии: в одном из первых сообщений о

прибытии экспедиции в Кронштадт, в публикации *1821 года*, речь шла о «Билленсгаузене» [Прибытие 1821: 233–242]; в других двух публикациях, за тот же *1821 год*, упоминался «Беллинггаузен» [Выписка 1821(а): 133–135; Выписка 1821(б): 135–137]; в публикации *1823 года* фигурировал уже «Биллинггаузен» [Донесение 1823: 201]; в *1831 году* в книге самого руководителя экспедиции – «Беллинггаузен» [Двукратные 1831]; в *1838 году* – «Беллинггаузен» [С.П.К. 1838: 253–255]; в *1842 году* – «Беллинггаузен» [Менцов 1842: 48]; в *1844 году* – снова «Беллинггаузен» [Симонов 1844: 113, сноска] (автор – участник экспедиции Беллинггаузена – Лазарева, ординарный профессор Казанского университета И.М. Симонов. – *А.О.*) и так далее.

Почитаем дальше «список Гурецкого»: «Во втором издании БСЭ Земля Сандвича названа Землей «Сандвичей» (*sic!* – *А.О.*) (т. 4, стр. 450), а открытие острова Петра I указано на сутки ранее даты, какую мы находим у самого Беллинггаузена. А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарев в книге «Три кругосветных плавания М.П. Лазарева» (Географиз, 1951) на стр. 156 заявляют, что впервые после русских к острову Петра I подошли норвежцы в 1927 г., в то время как на самом деле вторично подойти к острову удалось Ж. Шарко в 1910 г. Ряд грубейших ошибок, в том числе и по русским названиям в Антарктике, имеется и в вышедшем недавно объемистом сборнике «Русские мореплаватели» (Воен. изд. МО СССР, М., 1953, 672 стр.). Здесь находим утверждение, что названия «море Беллинггаузена» и «пролив Шокальского» закреплены на картах второй четверти XX в., тогда как известно, что первое появилось на картах не позже 1905 г., а второе – в 1912 г. Утверждается также, что мысы Завадовского, Михайлова и Симонова на острове Петра I открыты и названы Беллинггаузенем, тогда как открыли и назвали их в 1929 г. норвежцы...

Приведенными примерами далеко не исчерпываются встречающиеся ошибки, прямо или косвенно относящиеся к русским открытиям и названиям в Антарктике. Такие неверные сведения, однако, могут быть восприняты с доверием и распространены далее» [Гурецкий 1954(а): 457].

И, все-таки, на самую существенную, главную ошибку в советской историографии экспедиции Беллинггаузена – Лазарева, было ясно указано в изданной в *1950 году* брошюре академика А.А. Григорьева и профессора Д.М. Лебедева: «Раньше ошибочно (! – *А.О.*) считали датой открытия материка Антарктики русской экспедицией январь 1821 года, в действительности же открытие это было сделано годом раньше» [Григорьев, Лебедев 1950: 17].

Краткое сообщение В.О. Гурецкого сопровождал «Словарь русских географических названий в Антарктике».

«Рассматривая русские названия в подобных словарях, – давал свой комментарий В.О. Гурецкий, – надо иметь в виду, что эти названия прежде всего играют роль доказательств приоритета

(выделено В.О. Гурецким. – *А.О.*) открытия или исследования. Поэтому вопрос о качестве названий в данном случае становится второстепенным. В этом словаре встречаются такие имена, как Де-Траверсе, Александр I, Николай (Император Николай II. – *А.О.*) и др., которые сохраняются на наших современных картах, разумеется, не как памятники этим лицам, а как доказательства приоритета, и за нами остается право в дальнейшем такие названия переименовать...» [Гурецкий 1954(а): 458].

Неизвестно чью позицию озвучил в данном случае В.О. Гурецкий, но до него в советской историографии, о подобном «праве» не говорил никто.

В.О. Гурецкий особо отметил: «Словарь был просмотрен профессором контр-адмиралом Е.Е. Шведе и канд. географ. наук А.З. Алейнером, за ценные дополнительные указания которых автор пользуется случаем выразить им свою признательность» [Гурецкий 1954(а): 458]. Сделал он и такую оговорку: «При чтении пояснений в словаре надо учитывать, что честь открытия тех или иных островов и земель в Антарктике принадлежит в равной степени как командиру экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузену, так и его помощнику, командиру шлюпа «Мирный» М.П. Лазареву...» [Гурецкий 1954(а): 458].

Таким образом, «Словарь русских географических названий в Антарктике» В.О. Гурецкого [Гурецкий 1954(а): 458–465] представляет несомненный интерес для историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1953 год (1954). В 1954 году в очередном выпуске «Известий Всесоюзного географического общества» был опубликован краткий отчет этого Общества за 1953 год. В отчете можно встретить несколько упоминаний антарктической тематики. В частности, сообщалось: «...Проведено заседание Географического общества СССР, совместно с Управлением и Политическим отделом Черноморского Государственного морского пароходства, Черноморским отделением ВНИТОВТ, редакцией газеты «Водный транспорт» в г. Одессе, посвященное плаваниям советских моряков в Антарктику» [Краткий 1954: 564].

Об этом же сообщалось в разделе о деятельности Ученого совета и Президиума: «Президиум Ученого совета Общества в 1953 г. имел 27 заседаний, кроме того, провел выездное заседание в г. Одессе, посвященное плаваниям советских моряков в Антарктику, с докладами проф. В.Е. Егорьева «Великие русские открытия в Антарктике» (на аналогичном выездном заседании ВГО, которое состоялось в 1950 году, доклад В.Е. Егорьева назывался «Великие русские открытия» [Антарктику 1951]. – *А.О.*) проф. И.И. Пузанова «Советские люди исследуют Антарктику», капитана теплохода «Кремль» В.П. Панфилова «Четыре рейса в южно-полярные моря» и капитана теплохода «Иосиф Сталин» Н.И. Плявина «У побережья Антарктиды» [Краткий 1954: 564].

В отчете о работе Гидрологической комиссии Московского филиала ВГО был упомянут доклад В.С. Назарова: «Океанографические работы в последнем рейсе Антарктической китобойной флотилии» [Краткий 1954: 580]. В отчете о работе Отделения истории географических знаний и исторической географии этого же филиала, отмечены такие два доклада: А.В. Ефимов «Вопрос о сущности географического открытия» и М.В. Муратов «Детская и юношеская историко-географическая литература в послевоенные годы (1945–1952)» [Краткий 1954: 581].

Больше в кратком отчете Географического общества Союза ССР за 1953 год, историко-антарктическая тематика не упоминалась (в том числе в деятельности филиалов и отделений ВГО).

Книга Г.И. Кублицкого «По материкам и океанам (Рассказы о путешествиях и открытиях)» (1954). В 1954 году Государственным Издательством Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР было выпущено в свет второе, переработанное и дополненное издание книги Г.И. Кублицкого «По материкам и океанам (Рассказы о путешествиях и открытиях)». Анализ первого издания этой книги (1950), автор настоящего исследования не проводил. Известно, что в первом издании, как и в издании 1954 года, была помещена глава «Антарктида».

Только что, был упомянут доклад М.В. Муратова о детской и юношеской историко-географической литературе, которая была опубликована в Советском Союзе с 1945 по 1952 г. Известно, что в 1949 году по просьбе Государственного Издательства географической литературы и Государственного Издательства детской литературы планы их изданий были рассмотрены Президиумом ВГО [Краткий 1950: 635]. Вопрос этот был весьма немаловажным как для географов-профессионалов, так и для советской географической общественности в целом. Поэтому автор счел целесообразным использовать в предыдущем [Овлащенко 2013] и в настоящем исследовании научно-популярную и художественную литературу, в том числе изданную для детей и молодежи.

В частности, уже был проведен анализ следующих источников: Яковлев А. «Жизнь и приключения Роальда Амундсена» [Яковлев 1936]; Некрасов А.Д. «В поисках Южного материка. Повесть о втором кругосветном путешествии капитана Кука в южном полушарии на судах «Решение» и «Предприятие» [Некрасов 1941]; Чуковский Н. «Водители фрегатов. Книга о великих мореплавателях» [Чуковский 1941]; Карелин Д. «Антарктика» [Карелин 1949]; Г.И. Кублицкий «Открыватели Антарктиды» [Кублицкий 1949(б)]; сборник «Наше море» [Наше 1949]; Берг Л.С. «Великие русские путешественники» [Берг 1950(б)]; Якубович В., Смирнова Г. «Записки географического клуба» [Якубович, Смирнова 1950] и некоторых других.

На основе анализа советской историографии, автором, в предыдущем его исследовании был сделан вывод о том, что редкое

упоминание в советской литературе, даже специализированной, антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, фактическая «кукофикация» истории изучения южной полярной области советскими авторами в массовых книгах (в том числе детских и для юношества), изданных в СССР в 20-е – 30-е годы, практически исключали для молодого советского гражданина, даже саму возможность узнать правду об открытии Антарктиды русской экспедицией, о ее заслугах в научном изучении Антарктики.

Такая ситуация сложилась далеко не случайно. Ей способствовала широко проводившаяся коммунистической властью и ее агитационно-пропагандистским аппаратом, кампания 20-х – 30-х годов по «дерусификации» истории. Вполне очевидно, что конкретные исполнители такой кампании были «продуктом» своего времени, оказавшимися (точнее поставленными) «на нужном месте и в нужное время» и выполняющими свой «интернациональный долг». Естественно, что «кукофикация» отвечала интересам Англии в освещении истории географических открытий, фальсификации такой истории, в первую очередь истории открытия Антарктиды [Овлащенко 2013: 84–85].

В последующие годы ситуация складывалась достаточно парадоксально. В советской историографии «маятник» оценок заслуг Дж. Кука качнулся в противоположную сторону – от полной, безоговорочной, можно даже сказать тотальной «кукофикации» сознания подрастающего поколения (как следствие, сопровождаемой откровенным «кукофильством»), к столь же радикальной «декукофикации» (в свою очередь, породившей своеобразное научное и околonaучное «кукофобство»).

Вполне понятно, что ни первое, ни второе не служили в основе своей, продуктивности историографического процесса, развитию в Советском Союзе как историко-географического, так и собственно исторического и географического знания. По мнению автора, совершенно исключено, чтобы оба отмеченные, эти процессы («кукофикация» и последовавшая за первой, «декукофикация») были в советской историографии случайными, не направляемыми.

Каких взглядов на вопрос первооткрытия придерживался сам Г.И. Кублицкий? Определенный ответ на этот вопрос можно получить, если еще раз кратко проанализировать его ранние работы. В апреле 1949 года в журнале «Вокруг света» была опубликована статья геодезиста, начинающего беллетриста и путешественника Г.И. Кублицкого «Колумбы Антарктики».

Его интерпретационная модель событий января – февраля 1820 года, выглядела следующим образом: «...Но Лазарев и Беллинсгаузен (стоит обратить внимание на совершенно необычное для советской историографии «месторасположение» руководителей экспедиции – лейтенант М.П. Лазарев назван первым; соответственно Г.И. Кублицкий стал одним из «пионеров» этого направления. – А.О.) не устали

обходить айсберги..., они выбирали участки свободной воды, чтобы еще хоть немного продвинуться к югу.

...Однажды корабли подошли к огромному ледяному полю. Оно лежало почти у 70° южной широты. Пять дней плыли шлюпы вдоль этого странно неподвижного нагромождения льдов. Уж не близкий ли берег они скрывали?

В начале февраля экспедиция снова перешла за 69° южной широты. Но ледяной барьер снова закрыл путь. Надо было отступать, чтобы искать счастья в другом месте. Какая-то неизвестная земля должна быть недалеко! И она действительно была совсем близко от кораблей. В январе и феврале (1820 г. – А.О.) русские моряки не раз почти вплотную приближались к ней. Огромное поле, которое они видели, скрывало край материкового берега. Оставалось только своими глазами увидеть хотя бы кусочек земли. Казалось, еще одно последнее усилие – и заблуждение, которое посеял самонадеянный Кук, бедет рассеяно раз и навсегда.

Но короткое антарктическое лето кончалось... Русские корабли повернули на север. Они уходили, но уходили непобежденными...» [Кублицкий 1949(а): 6].

Вполне понятно, что открытие континента русской экспедицией, этот автор, как и принято было тогда в советской историографии, связывал прежде всего с открытием острова Петра I и Берега Александра I.

В 1949 году, уже после проведения общего собрания действительных членов Всесоюзного географического общества (впрочем, вышеприведенная статья тоже была опубликована после этого события) Детгиз издал повесть Г.И. Кублицкого «Открыватели Антарктиды» (согласно выпускным данным, эта книга была издана для среднего возраста, тиражом – 45 000 экземпляров). Ответственным редактором книги Г.И. Кублицкого выступил автор ряда научно-популярных книг В.А. Касименко.

Об авторе повести «Открыватели Антарктиды» Г.И. Кублицком (1911–1989) известно следующее. Первая его публикация появилась в 1934 г. Г.И. Кублицкий получил профессии геодезиста, окончив техническое училище, и журналиста, окончив МГУ. В конце 30-х годов начинает работу в редакции газеты «Правда». Первые книги для детей Г.И. Кублицкий начал писать в 1947 году. Он автор рассказов для радиопередачи «Клуб знаменитых капитанов». В 1949 г. вышли две первые книги для детей – «Енисей, река Сибирская», «Открыватели Антарктиды». С 1951 г. – член Союза писателей СССР [Георгий 2011].

Итоги первого этапа плавания экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, в описании Г.И. Кублицкого предстают следующим образом.

Он пишет: «Почти сто дней «Восток» и «Мирный» находились в антарктических водах. Трижды их курс пересекал Южный полярный

круг. ...А земля, ускользающая земля так и не открыла морякам свой таинственный лик из-за ледяной брони.

Расстелив на столе своей каюты карту..., Беллинсгаузен писал донесение в Россию, в Петербург. Может, не скоро еще удастся отправить его из какого-нибудь порта с попутным кораблем, но надо заранее собраться с мыслями, изложить их на бумаге.

Первая часть написана. Теперь о самом главном: о том, что произошло в январе и начале февраля.

«...с 5 на 6 число дошел до широты 69°7'30" южной, долготы 16°15' восточной. Здесь за ледяными полями мелкого льда и обрывами виден материк...»

Фаддей Фаддеевич задумался и отложил в сторону перо. Вправе ли он написать так определенно? Где неопровержимые доказательства, что это был материк? Честная, прямая натура моряка протестовала против малейшей неясности, которая могла остаться при решении спора и вызвать косые взгляды ученых, отрицавших возможность существования Южного материка.

Он пробежал глазами написанное и после некоторого колебания продолжал писать:

«...виден материк льда, коего края отломаны перпендикулярно и который продолжается по мере нашего зрения, возвышаясь к югу подобно берегу».

Так будет лучше, скромнее» [Кублицкий 1949(б): 73–74].

Даже если оставить в стороне известный психологизм в описании этой «историко-бытовой» сцены, не может не обратить на себя внимания позиция самого автора – Г.И. Кублицкого, отнесшего, через «мысли» Ф.Ф. Беллинсгаузена к «самому главному», события января – февраля 1820 года.

Г.И. Кублицкий пишет дальше: «Много передумал и командир «Мирного». Который уже раз перечитывал Лазарев книгу Кука: «...Я проследовал на юг дальше всех прежних мореплавателей и достиг пределов, где человеческие возможности оказываются исчерпанными...».

Но ведь океан напоминает о близости какой-то неизвестной земли не только барьерами неподвижных льдов и множеством айсбергов. А птицы? Откуда могли прилететь птицы, если не с желанного берега?

...Командир «Мирного» сердито захлопывает книгу. Нет, Кук неправ!

...Какая-то неизвестная земля должна быть недалеко!

...И она действительно была совсем близко от кораблей, первыми достигнувших ее берегов. В январе и феврале (1820 г. – *А.О.*) русские моряки не раз почти вплотную приближались к ней. Она лежала перед ними за барьером (! – *А.О.*) льда, вдоль которого плыли корабли. Неподвижное ледяное поле было прибрежным льдом. Там, где с

кораблей видели птиц, до таинственного берега оставались считанные мили» [Кублицкий 1949(б): 74].

А так описывал Г.И. Кублицкий второй этап экспедиции: «...Донесение о первом плавании в Антарктику отправлено в Россию с попутным кораблем. Беллинсгаузен оставил в нем слова «материк льда», так и не решившись заменить их словами «Южный материк».

...День 17 января 1821 года начался тем, что корабли медленно продвигались вдоль невысоких ледяных полей, над которыми клубился белесоватый туман.

Вдруг откуда-то набежал порывистый шквал, туман рассеялся – и перед моряками открылся берег, концы которого терялись вдаль...

– Южный материк! Южный материк! – с этими возгласами люди обнимали друг друга.

Перед ними, окаймленная барьером льда (обратим внимание, опять «барьером льда». – *А.О.*), лежала таинственная Антарктида.

Лежал огромный материк, берегов которого на других меридианах русские корабли впервые достигли год назад.

...Теперь уже никто не мог сомневаться в великом географическом открытии, прославившем русскую науку и русский флот...» [Кублицкий 1949(б): 88–89, 141–142].

Далеко не случайно этот советский автор упоминает в своем тексте «барьер льда», причем упоминает дважды: в январе – феврале 1820 года ледяной барьер «сопутствовал» мореплавателям; Земля Александра I, у Г.И. Кублицкого, также подчеркнуто «окаймлена барьером льда». Но, «откуда-то набежавший порывистый шквал», во втором случае позволил открыть Антарктиду. Поскольку о таком открытии ясно не сказано в первом случае (январь – февраль 1820 г.), мысль невольно возвращается к дебенхэмовской версии о «нескольких часах ясной погоды».

Примерно в таком же повествовательном ключе была построена и новая работа Г.И. Кублицкого. И все-таки при внимательном прочтении определенные различия, веяния (именно «веяния», поскольку сути в интерпретационной модели Г.И. Кублицкого они не меняли) обнаружить можно.

В частности, он писал: «Весь январь (1820 г. – *А.О.*) экспедиция боролась со льдами. Ей удалось пробиться наконец в очень высокие южные широты. Курс кораблей пересек 69-ю параллель. И тогда впереди появилась сплошная белая полоса.

Она росла, приближалась...

Ледяная стена, к которой 16 января 1820 года подошли корабли, не походила на встречавшиеся до сих пор льды открытого океана. Местами ровная, местами бугристая, она напоминала обледеневший низменный берег.

Отступив от стены и пройдя несколько десятков миль к востоку, корабли снова устремились на юг.

Вскоре они достигли самой южной точки своего плавания – 69°25'. И что же? Перед ними снова выступила из вод океана необозримая ледяная преграда.

Командир «Востока» Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен в волнении зашагал по шканцам (часть верхней палубы парусного корабля между грот- и бизань-мачтами. – *А.О.*). Что мог означать этот необычный ледяной барьер?

Он должен иметь твердую опору, в противном случае ветры давно бы уже разрушили, раздробили его. Но если это неведомая земля, то неужели вся она покрыта льдом? Сколько ни всматриваются матросы с мачт, нигде не видят они черного пятнышка какой-нибудь скалистой осыпи или выступа. Всюду лед, лед и лед...» [Кублицкий 1954: 26–27].

И что же?! Именно так хочется воскликнуть вслед за самим Г.И. Кублицким.

Показав себе неплохим мастером «психологизма» (в искусстве углубленное изображение психических, душевных переживаний человека) этот советский беллетрист так и не дал советским школьникам (книга была издана «для средней школы»; тираж – 115 000 экземпляров) прямого ответа – была ли открыта Антарктида в января или, хотя бы, наконец, в феврале 1820 года? Вместо этого, он, как бы «от Беллинсгаузена», сообщает: «Нет, надо продолжать поиски. Наука требует точных, бесспорных фактов. Принял же Кук лед между островами за высокую горную страну. И, тщательно описав вид странной ледяной преграды, Беллинсгаузен приказал отойти от нее, чтобы через некоторое время снова повторить «покушение к югу» [Кублицкий 1954: 27].

Собственно из описаний Г.И. Кублицкого, вслед за его «и что же», по большому счету напрашивается: «да, не поймешь что...».

Вот как вводит Г.И. Кублицкий в ткань своего повествования нового героя: «Мало кто на корабле «Восток» знал о том, что матрос первой статьи Егор Киселев вел дневник. В грамоте матрос не был очень искусен, но старательно записывал все самое главное.

«Месяца генваря 1820 года. ...Премножество льдов, такие есть престрашные горы ледяные сажен по 30-ти сверх воды. И самые опасные места...».

Киселева не мучили сомнения (исходя из своего же описания, Г.И. Кублицкий уже видимо уверился, что Ф.Ф. Беллинсгаузен на самом деле «мучили» такие сомнения. – *А.О.*) по поводу гигантской ледяной стены, и он заносил в свой «памятник» более мелкие текущие события...» [Кублицкий 1954: 29–30].

Конечно на кораблях экспедиции были люди, которые писали гораздо лучшего Егора Киселева, к тому же, вести такие записи, было (в отличие от упомянутого матроса) их обязанностью. И они писали.

Г.И. Кублицкий продолжает: «В начале февраля экспедиция снова попыталась проникнуть на юг. Сквозь снежную муть трудно было

разобрать, что впереди, и когда корабли подошли к какому-то препятствию, вахтенный офицер «Востока», уверенный, что перед ними большой айсберг, попытался обойти гору. Тщетно!

Это опять была ледяная стена, уходящая в обе стороны за пределы видимости. Вдоль нее корабли поплыли на восток...» [Кублицкий 1954: 32].

Дальше у Г.И. Кублицкого шли уже знакомые нам абзацы, о том, как Ф.Ф. Беллинсгаузен пишет донесение и, о том, как М.П. Лазарев «сердито захлопывает» книгу Дж. Кука. А теперь главные, произведенные Г.И. Кублицким замены в его тексте.

В работе 1949 г. он писал: «...Какая-то неизвестная земля должна быть недалеко!

...И она действительно была совсем близко от кораблей, первыми достигнувших ее берегов. В январе и феврале русские моряки не раз почти вплотную приближались к ней. Она лежала перед ними за барьером льда, вдоль которого плыли корабли. Неподвижное ледяное поле было прибрежным льдом. Там, где с кораблей видели птиц, до таинственного берега оставались считанные мили» [Кублицкий 1949(б): 74].

Теперь, в 1954 году, он пишет так: «...Какая-то неизвестная земля должна быть недалеко!

...И она действительно была совсем близко от кораблей, первыми достигнувших ее берегов. В январе и феврале русские моряки не раз почти вплотную приближались к ней. Она лежала перед ними за барьером льда, вдоль которого плыли корабли. Подробно описывая расположение этих льдов, моряки в действительности описывали расположение берега. Там, где с кораблей видели птиц, до таинственного берега оставались считанные мили. Если бы не туман (вот она, главная новелла Г.И. Кублицкого! – А.О.), русские увидели бы даже горные хребты неведомой земли, и тогда рассеялись бы все сомнения» [Кублицкий 1954: 33].

Как видно из первоначального текста «ушли» слова о некоем «неподвижном ледяном поле», которое «было прибрежным льдом». Зато добавилась новелла, о «подробном описании» льдов, в «действительности», являвшихся берегом. Но главное, что Г.И. Кублицкий, наконец-то окончательно рассеял (правда, напустив «туман») все сомнения по поводу того, что он является приверженцем дебенхэмовской версии (есть и немалая «заслуга» Е.Е. Шведе в распространении этой «версии») о «нескольких часах ясной погоды», отсутствие которых, якобы помешало открыть Антарктиду 16(28) января 1820 года.

Описание открытия Берега Александра I, в новой книге Г.И. Кублицкого практически (за несущественными изменениями) повторяло его текст из книги «Открыватели Антарктиды». Рефреном повторяемое Г.И. Кублицким, упоминание им «ледяного барьера», нашло свое

наибольшее развитие в проанализированной выше статье Н.Я. Болотникова [Болотников 1953].

Цитируя «дневник» Егора Киселева, Г.И. Кублицкий, почему-то не цитирует, да и вовсе не ссылается на письмо М.П. Лазарева. Можно предположить, что в 1949 году, во время написания первых двух его работ, этот источник остался ему недоступен. Но то, что еще вполне «естественно» и простительно было для советской историографии (включая ее научно-популярное ответвление) в 1949 году, выглядело уже по меньшей мере странным – в 1954 году.

«Там, где с кораблей видели птиц, – пишет Г.И. Кублицкий, – до таинственного берега оставались считанные мили. Если бы не туман, русские увидели бы даже горные хребты неведомой земли, и тогда рассеялись бы все сомнения» [Кублицкий 1954: 33]. Но, опять-таки, о каких собственно «птицах» вообще идет речь...?

Хотя (в фантазиях Г.И. Кублицкого) М.П. Лазарев «сердито захлопнул» книгу Дж. Кука, однако сам М.П. Лазарев (причем в реальной действительности) писал: «...Продолжали мы путь свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк (! – *А.О.*) не доходя 70°» [Письма 1918: 55]. Вот очевидно, что следовало бы процитировать этому советскому беллетристу (помимо «дневника» Егора Киселева и, самим же Г.И. Кублицким, запутанных «психологизмов» Ф.Ф. Беллинсгаузена), если он действительно хотел показать учащимся средней школы, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла Антарктиду.

Совершенно очевидно, что «непоказ» этого открытия Г.И. Кублицким соответствовал его личной позиции в отношении вопроса первооткрытия. С другой стороны такая его «личная» позиция была растиражирована в Советском Союзе в количестве – 115 000 экземпляров. Что в очередной раз подтверждает: в стране велась нешуточная борьба за мысли, за «думы» подрастающего поколения. Вполне понятно, что такая же борьба велась за взгляды наставников, учителей этого подрастающего поколения. Выше уже было отмечено, что советские географы, писавшие предназначенные для учителей и школьников статьи по антарктической тематике, не стремились (либо по неведению, либо умышленно) осветить истинный ход и результаты Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг.

Тезис этот был подтвержден на примере двух работ советских авторов: опубликованного в 1941 году в «Учительской газете» историко-географического очерка М. Райхенберга «Русские в Антарктике» [Райхенберг 1941(a)] (впрочем, от этого откровенного фальсификатора, было бы трудно ожидать чего-либо иного. – *А.О.*), и, опубликованной в 1948 году в журнале «География в школе» статьи Б.А. Шлямина «Антарктика» [Шлямин 1948]. И в первом и во втором случае, пояснения этих авторов являются одними из наихудших образцов

описания хода и главных итогов Первой русской антарктической экспедиции. А ведь тексты их предназначались учителям и учащимся.

Писавшие для нужд советских учителей, советские же специалисты-географы в лучшем случае упоминали о приоритете открытия Антарктиды. Но такое упоминание было уже необходимым после развернувшейся в стране кампании.

Так в 1949 году в журнале «Начальная школа» кандидат географических наук Н.Г. Фрадкин писал: «Русские путешественники внесли величайший вклад в географическое познание земли. Своими экспедициями они охватили весь земной шар – от Арктики до Антарктиды.

...Самым же замечательным делает это плавание (экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева. – А.О.) великий географический подвиг, совершенный русскими моряками в Антарктике, – открытие Антарктического материка (как видим в тексте Н.Г. Фрадкина, в отличие от «светила» советской географии академика Л.С. Берга, все обстоит благополучно хотя бы с точки зрения физико-географической терминологии. – А.О.).

...Впервые антарктические земли были нанесены на карту. ...К югу от 60-й параллели находится остров, названный именем Павла Михайлова – первого художника, зарисовавшего берег неведомого антарктического материка (разумеется, речь идет о рисунках на которых изображены остров Петра I и Берег Александра I)» [Фрадкин 1949: 13–15].

В этой связи автор не может не уделить некоторое внимание книге, которая по объективным причинам не была проанализирована в предыдущей, выпущенной Издательским Домом «*Palmarium Academic Publishing*» авторской монографии [Овлащенко 2013]. Речь идет об опубликованном в 1937 году Государственным Учебно-Педагогическим Издательством пособие для учителей неполной средней и средней школы, книге профессора С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» (подписано к печати 15/X 1936 г.; тираж – 10 000 экземпляров). Автор уже неоднократно обращался к работам С.Г. Григорьева [Григорьев 1906; Григорьев 1925], поскольку они, при отсутствии иных трудов, неизбежно оказывали влияние на советскую историографию экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Вот какие сведения об этом географе дает биобиблиографический справочник А.А. Краснопольского: «Григорьев Сергей Григорьевич (24.10.1874–29.8.1931) – педагог и исследователь-географ, профессор (1918). ...В 1896 окончил естественное отделение Московского ун-та. В том же году арестован по обвинению в политической неблагонадежности и хотя окончил ун-т с дипломом I степени, оставлен при ун-те не был. В студенческие годы занимался под руководством М.А. Мензбира. После ун-та на учительской работе. Вместе с А.А. Крубером, А.С. Барковым и С.В. Чефрановым выступает как

преобразователь преподавания в России и вместе с ними создает ряд учебных пособий и руководств по географии.

...С 1909 – приват-доцент кафедры географии Московского ун-та. Вместе с группой профессоров и преподавателей в 1911 уходит из ун-та в знак протеста против реакционной деятельности министра просвещения Кассо. В 1911–13 работал в средней школе. С 1913 в Московском СХИ, Народном ун-те им. Шанявского и на Высших женских курсах. С вестны 1917 – доцент, с 1918 – профессор Московского ун-та (не может не обратить на себя внимания стремительный, постреволюционный научно-карьерный «взлет» С.Г. Григорьева. – *А.О.*).

Соч.: Крыша мира «Памир», изд. 3, 1926; Вокруг полюса, изд. 3, 1937 («Вокруг Южного полюса. – *А.О.*); Каталог наглядных пособий по географии, 1908; Шестая часть света (Антарктида), 1925» [Григорьев 1993: 245] (как видно, две, из четырех упомянутых А.В. Краснопольским работ С.Г. Григорьева, были посвящены Антарктике. – *А.О.*).

Между тем, «преобразовывать» преподавание географии в России действительно было необходимо. Ведь сам С.Г. Григорьев, в своей изданной в 1906 году книге «Вокруг южного полюса» (примечательно, что эта книга была издана с целью ознакомить «русскую публику» с событиями, происходившими и происходящими «в области, лежащей вокруг южного полюса») посвятил Первой русской антарктической экспедиции... всего лишь один небольшой абзац!

Стоит в очередной раз привести его полностью: «В июле... 1819 года из Кронштадского порта вышли два корабля, «Восток» и «Мирный», со специальной задачей проникнуть как можно дальше на юг, и узнать, что находится в неведомом южно-полярном океане; командовал этими судами наш соотечественник Беллинсгаузен. В 1819–21 годах он объехал в два приема антарктические страны кругом, стараясь по возможности держаться южнее; во многих местах на пути встречались сплошные массы плавучего льда (это и есть оценка С.Г. Григорьевым первого, «антарктического» этапа экспедиции. – *А.О.*), а в одном месте, к юго-востоку от Огненной Земли, Беллинсгаузен натолкнулся (*sic!* – *А.О.*) на небольшие участки суши, названные им в честь Петра Великого и Александра I» [Григорьев 1906: 7].

Хорошо же знакомили «русскую публику» с великим, совершенным соотечественниками открытием...

Чем еще обращает на себя внимание позиция, занятая в советской историографии С.Г. Григорьевым. К примеру, оценивая уровень научных знаний об Антарктиде, в 1925 году С.Г. Григорьев пишет, что «во всяком случае, мы знаем теперь уже очень много, так много, что природа новой (вернее, только теперь открытой) (! – *А.О.*) части света в главных своих чертах может считаться выясненной» [Григорьев 1925: 16]. Иными словами, для С.Г. Григорьева, Антарктиды была «открыта» в первой трети XX века.

Кроме того, автор позволил себе утверждать [Овлащенко 2013: 121], что начиная с книги С.Г. Григорьева [Григорьев 1925: 7–8], в работах советских авторов стали получать распространение иные, отличные от прежних взгляды на итоги второго кругосветного плавания Кука, а именно, откровенная фальсификация взглядов и оценок последнего, относящихся к самому существованию «Южного материка».

Посмертно изданная, утвержденная Наркомпросом РСФСР книга С.Г. Григорьева, была интересна тем, что это, 3-е ее издание, «перерабатывал и дополнял» В.Я. Якубович, а примечание к ней были подготовлены Ю.М. Шокальским (действительно, в воспоминаниях есть сведения о том, что эту работу умершего С.Г. Григорьева, «редактировал и снабдил добавлениями» Ю.М. Шокальский [Шокальская 1960: 118]). Ответственными редакторами книги были советские географы С.В. Чефранов и П.Г. Терехов.

Интересно, что на имеющейся в книге «карте Антарктики» (редактор карт В.П. Максимyak), при наличии на этой карте изображений острова Петра I, моря Беллинсгаузена (обратим внимание – «Беллинсгаузена», а, не «Беллингсаузена»), Земли Пальмера, «з. Грахама», целого ряда «мелкомасштабных» географических объектов, напрочь отсутствует изображение и название Берега (Земли) Александра I [Григорьев 1937, карта].

Почитаем текст самого С.Г. Григорьева: «...За полярным кругом Кук земли нигде не видел, хотя нередко натыкался на сплошные массы ледяных гор, которые образуются только на берегах полярных островов и материков (! – *А.О.*). Путешествия Кука сразу разрушили мнение о таинственной Южной Земле, и именно после него в географии распространился взгляд, что за южным полярным кругом лежит море – Южный Ледовитый океан» [Григорьев 1937: 13]. «За полярным кругом, – пишет дальше С.Г. Григорьев, – суша впервые была открыта русской экспедицией, во главе которой стоял Беллинсгаузен (и снова – «Беллинсгаузен». – *А.О.*)» [Григорьев 1937: 15].

События и открытия января-февраля 1820 года – абсолютно не отражены в книге. С.Г. Григорьев лишь упоминает встречавшиеся на пути кораблей экспедиции айсберги («ледяные горы»). Зато он живописует ловлю пингвинов, «которые своим мясом разнообразили стол» [Григорьев 1937: 21].

Конечно, несмотря на отсутствие на карте, открытие Берега Александра I, как и предшествующее ему открытие острова Петра I, были в книге С.Г. Григорьева упомянуты [Григорьев 1937: 26–27] (на другой, приведенной в книге карте («Антарктические земли, открытые до 1837 г.»), Берег Александра I был подписан, но не изображен, причем подписан в такой трактовке: «Зем. или о-в Александра I» [Григорьев 1937: 31, карта]; на третьей – «Карте экспедиций Д. Уилькинса 1928–1929 гг. и 1930 г.», указан уже, как «о. Александра I» [Григорьев 1937: 217, карта]. – *А.О.*).

Напрочь отсутствуют в этой книге и, хоть какие-нибудь, попытки объявить открытие этих географических объектов – открытием Антарктиды.

Зато, Ю.М. Шокальский (ведущий советский географ и президент ВГО) и В.Я. Якубович, сочли возможным сохранить (или внести) в свои тексты, причем без всяких своих комментариев, следующие абзацы «из Григорьева»: «В одном из проливов Беллинсгаузен встретил промысловый бот «Геро» под командой Пальмера. Спущенная с русского судна шлюпка подошла к борту «Геро» с приглашением посетить командира русской экспедиции. Пальмер спустился в катер и был вскоре на «Востоке». Беллинсгаузен спросил молодого американца о его плавании и узнал о том, что Пальмер нашел к югу от южно-Шетланских островов берег, который не был обозначен ни на одной карте, послал за вахтенным журналом «Геро» и картами и после долгой беседы заявил:

«Я назову землю, которую вы открыли, в вашу честь – Землей Пальмера, но что скажут про меня и что подумают о моем двухлетнем путешествии в поисках земли, открытой парнем на суденышке, которое немногим больше, чем лодка моего корабля?» [Григорьев 1937: 27–28].

Еще раз стоит подчеркнуть, что «монолог» этот был приведен в книге, как факт свершившийся, без каких-либо редакционных комментариев и примечаний. Так, с «подачи» Наркомпроса РСФСР, «просвещали» советских школьных учителей – С.Г. Григорьев, В.Я. Якубович и Ю.М. Шокальский.

В этом контексте небезынтересно ознакомиться с точкой зрения представителя современной российской историографии. Вот что пишет в своей вводной статье к российскому переизданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, почетный полярник, доктор географических наук, участник 14-й Антарктической экспедиции В.С. Корякин:

«...Действительно, в книгах, изданных в нашей стране в 30-е гг. прошлого века и посвященных исследованиям на материке Антарктида, открытию самого южного континента не уделялось особого внимания, поскольку в ту пору эта проблема не выглядела актуальной (так считает В.С. Корякин. – *А.О.*), ибо страна находилась в ожидании неминуемой схватки с фашизмом, создавала тяжелую промышленность, новую военную технику.

Кроме того, в силу идеологических причин (издание литературы на антарктические темы пришлось в советской стране на годы Большого террора)... видные советские полярники... предпочитали в своих предисловиях сосредоточиться на преимуществах советского опыта в Арктике – к чему, конечно, были реальные основания [Корякин 2008: 6–7].

Правда здесь, с В.С. Корякиным, очень сложно согласиться: никакой «литературы на антарктические темы», за исключением воспоминаний зарубежных южнополярных исследователей и заметок в

рубрике «мелкие сообщения» (в специальных журналах) в годы упомянутого им «Большого террора» в Советском Союзе не издавалось. Очень непросто проследить и проводимую им корреляцию антарктической тематики (точнее, отсутствие таковой) с так называемым «Большим террором».

Приведенные только что выше, цитаты из книги С.Г. Григорьева, хорошо демонстрируют на чем именно «сосредоточивались», как сам автор этой книги, так и ее «реформаторы» и ответственные редакторы: В.Я. Якубович, Ю.М. Шокальский (согласно отзыву советского географа Б.Г. Островского, Ю.М. Шокальский был «большим знатоком экспедиции... и почитателем... командиров-героев» [Островский 1949(а): 239, 243]), С.В. Чефранов, П.Г. Терехов. Похоже, что занимаясь неприкрытыми инсинуациями, никакого «Большого террора» они не боялись.

В.С. Корякин считает также, что «со временем интересы страны, независимо от господствующей в ней идеологии, заставили обратиться к реальной истории открытия шестого континента...» [Корякин 2008: 7]. Однако проведенный в предыдущей [Овлащенко 2013] и в настоящей работе детальный анализ показывает, что советская историография на самом деле, чаще всего была весьма далека от отражения реальной истории действительного хода, результатов и итогов Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг.

Рецензия В.О. Гурецкого на сборник «Русские мореплаватели» (1954). В последнем за 1954 год выпуске «Известий Всесоюзного географического общества» была напечатана рецензия В.О. Гурецкого, в которой рассматривался опубликованный в 1953 году Воениздатом и проанализированный выше сборник «Русские мореплаватели» [Русские 1953(а)].

Начиналась эта рецензия весьма симптоматично: «В отличие от многочисленных книг и очерков о русских мореплавателях, написанных и изданных за последние годы, сборник «Русские мореплаватели» подкупает своим объемом, внешним оформлением (действительно, сборник был роскошно издан. – *А.О.*) и, как это кажется при первом взгляде, богатством своего содержания. По замыслу издателей книга эта должна, по-видимому, представлять собою нечто вроде энциклопедии о русских мореплавателях. Достаточно сказать, что создавали книгу 30 авторов, среди которых есть известные имена, а издана она крупным издательством, стоящим наиболее близко к морскому делу. Этот сборник мы видели не только в руках массового читателя, – он используется и учителями и даже научными работниками. Такая книга давно ожидалась нашими моряками, географами, картографами, историками и всеми, кто интересуется историей русского мореплавания и вкладом русских моряков в мировую географическую науку» [Гурецкий 1954(б): 559].

Вслед за таким, «как это кажется при первом взгляде», благожелательным началом В.О. Гурецкого, последний буквально «разнес» рецензируемый им сборник.

В частности, он писал: «...Отметим..., что среди помещенных очерков находится несколько оригинальных, читающихся с живым интересом, принадлежащих перу непосредственных участников плаваний. Остальные очерки в большей своей части не отличаются от обычных сокращенных «вольных изложений», к обилию которых в нашей литературе читатель уже привык. Другое дело, если бы в эти старые пересказы было внесено что-нибудь новое, почерпнутое из архивных материалов и старых книг. Так, например, из числа авторов, «пережевывающих» (! – *А.О.*) один за другим одно и то же плавание Крузенштерна – Лисянского, лучше всех описанное, разумеется, ими самими, можно отметить только книгу В. Невского...

...Ошибки, замеченные в популярных рассказах основной части книги, не создадут каких-либо помех массовому читателю (в этом с В.О. Гурецким весьма сложно согласиться; «популярный рассказ» Н.Я. Болотникова в этом сборнике [Болотников 1953: 185–209], не то что создает «помеху», а приносит упомянутому массовому читателю настоящий вред. – *А.О.*), то для читателя-специалиста многие справки научного раздела принесут вред.

Прежде всего необходимо отметить явное противоречие заголовка раздела биографий известных русских мореплавателей с содержанием этого раздела. ...Вместо строгого отбора имен в книге налицо хаотичный и бессистемный набор биографий... Нельзя не признать это за одну из главных ошибок составителей книги.

Основным недостатком книги являются ошибки в справках о русских именах на карте мира (по пословице «каждый кулик свое болото хвалит», точнее, в нашем случае, «ругает»; для В.О. Гурецкого это и был основной недостаток. – *А.О.*). Эти справки, сведенные в словарь (справку «Русские имена на морской карте мира» подготовил для сборника И.П. Магидович. – *А.О.*), поясняют происхождение большого количества русских географических названий. ...Многие русские географические названия, находящиеся за пределами нашей Родины и отражающие огромный вклад русских моряков в мировую географическую науку, на современных картах в большей части не сохранились. ... Знакомство же мало-мальски сведующего читателя с этим научным придатком (*sic!* – *А.О.*) книги несет ему горькое разочарование. Автор справок слишком часто применяет упрощенный метод догадок вместо тщательных поисков подлинных доказательств в архивных материалах. ...Имея в виду впервые опубликовать в печати подобный словарь, автор его не изучил даже сколько-нибудь добросовестно и русские названия в таком важном районе, как Антарктика. Чувствуешь неловкость и досаду, когда читаешь, что мысы Михайлова, Завадовского и Симанова («Симанова», а не Симонова? –

А.О.) на острове Петра I «открыты и названы Беллинсгаузенем в 1821 г.». На самом деле эти мысы были открыты и названы в честь участников русской антарктической экспедиции норвежцами в 1929 г. Даже название мыса Николая (второго), появление которого связано с французской экспедицией Шарко в 1910 г. автор умудрился приписать... Беллинсгаузену!

Нет необходимости подчеркивать, насколько порочно широкое распространение таких справок. Но тысячи экземпляров книги уже понесли такую «науку» в массы...» [Гурецкий 1954(б): 559–560].

Хорошо В.О. Гурецкий «прошелся» и по Н.Н. Зубову, которым, для сборника была составлена таблица «Кругосветные и полукругосветные плавания русских парусных судов» [Кругосветные 1953] и написана вводная статья [Зубов 1953].

О последней из них В.О. Гурецкий в частности писал: «Обращает на себя внимание и вводная статья. Она могла бы служить прекрасным образцом обзора истории русского мореплавания на Севере, если бы этим и ограничилось ее содержание. Но в статью «вмонтированы» (*sic!* – А.О.) отрывочные сведения о плаваниях русских в других частях земного шара. Эти вставки скорее искажают (! – А.О.) общую картину истории русского мореплавания, какая должна была бы соответствовать книге с таким заголовком, чем помогают составить о ней верное представление» [Гурецкий 1954(б): 560]. Правда ничем, такое, указанное самим В.О. Гурецким «искажение» общей картины русского мореплавания, он не подтвердил.

Между тем, у Н.Н. Зубова в этой вводной статье находим: «...16 января 1820 г. «Восток» и «Мирный» были на 69°22' южной широты и 2°15' западной долготы. В первый раз люди увидели (! – А.О.) покрытые льдами берега Антарктиды, но пройти к ним было невозможно, так как путь преграждали льды. Русские моряки добросовестно отметили все признаки земли, но ничего больше не стали утверждать (еще раз подчеркнем, что с такой, высказанной Н.Н. Зубовым точкой зрения, соглашались не все в советской историографии. – А.О.). Так скромно в летопись великих открытий вошла новая дата 16 января 1820 г. – день, когда русские открыли Антарктиду – шестой материк земного шара» [Зубов 1953: XVIII].

Отчего же, если исходить из заявления В.О. Гурецкого, эта «вмонтированная вставка» искажает общую картину? Кстати в опубликованной в 1954 году в газете «Водный транспорт» рецензии, ее автор Г. Константинов писал о том, что «вводная статья профессора Н. Зубова «Русские мореплаватели – исследователи океанов и морей» написана интересно и с большой полнотой» [Константинов 1954].

Был «брошен камень» В.О. Гурецким в сторону редактора книги, капитана 2 ранга В.С. Лупача: «В книге сквозит небрежность и бесконтрольность (! – А.О.) в части общей компоновки и увязки материала...» [Гурецкий 1954(б): 561]. Пожалуй с чем вполне можно

согласиться, так это с оценкой В.О. Гурецим нескольких, ранее опубликованных рецензий на сборник «Русские мореплаватели». Речь идет о действительно «беззубых» рецензиях: члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова и капитана дальнего плавания Б. Шанько [Ефимов 1954; Шанько 1954] (обе они были проанализированы в настоящем исследовании).

В частности, о рецензии А.В. Ефимова В.О. Гурецкий писал: «...Она имеет вид конспективного пересказа содержания сборника с деликатным указанием на несколько ошибок, не носящим даже формы претензии от лица науки. ...Автор только как бы между прочим замечает, что в «книге немало фактических ошибок», и тут же добавляет, что «все это – досадные небрежности» (!) и, более того, «описки, опечатки» (!!). В целом он счел уместным заверить читателя, что «сборник... вносит много нового в изучение истории географических открытий» [Гурецкий 1954(б): 561]. Негативно отозвался В.О. Гурецкий об «обширной рецензии» Б. Шанько. Возможно потому что последний «назвал справки (И.П. Магидовича. – А.О.) «весьма ценным материалом» [Гурецкий 1954(б): 561].

Еще одной рецензией которую критиковал В.О. Гурецкий, была рецензия, точнее анонс (сборника «Русские мореплаватели»), опубликованный 3 января 1954 года в газете «Ленинградская правда». Обратив внимание, на то, что рецензия-анонс была напечатана «почти одновременно с выходом в свет книги», В.О. Гурецкий посчитал, что «видимо, этой поспешностью и объясняется смелое утверждение рецензента о том, что «сборник снабжен обширным справочным материалом, представляющим большую ценность» [Гурецкий 1954(б): 561] (в оригинале, «...обширными справочными материалами, представляющими большую ценность» [Русские 1954]. – А.О.).

«Две другие рецензии, – писал дальше В.О. Гурецкий, – помещены в газете «Водный транспорт»... и в газете «Красная звезда»... В них даются достаточно обстоятельно оценки основного раздела книги и указываются принципиальные ошибки авторов отдельных очерков. Но в научный раздел книги рецензенты не заглянули и оставили его без каких-либо комментариев [Гурецкий 1954(б): 561].

Автор опубликованной 17 апреля 1954 года в газете «Водный транспорт» рецензии – Г. Константинов, действительно указал на некоторые ошибки, а также на то, что «состав статей мог бы быть более полным» [Константинов 1954]. В частности, он отметил, что «читателю интересно прочесть и статью (отсутствующую в рецензируемом им сборнике. – А.О.) о плавании советской китобойной флотилии «Слава» в Антарктике» [Константинов 1954]. Что касается справочного (или, как его называет В.О. Гурецкий, «научного») отдела сборника, то Г. Константинов все-таки туда «заглянул» и, более того, оставил довольно развернутые комментарии (последние заняли полтора, из четырех составляющих рецензию, столбцов).

Наконец последней из упомянутых В.О. Гурецким, стала опубликованная 6 мая 1954 года в газете «Красная звезда» рецензия генерал-майора С. Найды. «Биографический подход к освещению вопроса, – как писал С. Найда, – привел... к тому, что большинство авторов ограничивается узко практическими выводами о результатах тех или иных исследований, избегая научных обобщений» [Найда 1954]. В его рецензии, помимо прочего, также было отмечено отсутствие материала о научной работе советских ученых в Антарктике, подвергались критике статьи Н.Н. Зубова и общее редактирование сборника (осуществленное В.С. Лупачем).

Стоит надеяться, что рецензия самого В.О. Гурецкого действительно была, «претензией от лицам науки» (согласно его выражению), а не, с позволения сказать, «местечковыми» склоками, неким его «сведением счетов» (с тем же И.П. Магидовичем).

В своей статье «Русские географические названия в Антарктике» В.О. Гурецкий отметил, что его словарь, «был просмотрен профессором контр-адмиралом Е.Е. Шведе и канд. географ. наук А.З. Алейнером...» [Гурецкий 1954(а): 458]. Последний, как известно, являлся автором ряда достаточно серьезных работ (статей) по картографии Антарктики. Ни А.З. Алейнер, ни такой авторитет в области советских историко-антарктических исследований, как Е.Е. Шведе, в числе авторов (консультантов или редакторов) сборника «Русские мореплаватели» не фигурируют. Не был приглашен в число таковых, и сам, стремительно «ворвавшийся» в советскую историографию, историческую картографию – В.О. Гурецкий.

В.О. Гурецкий завершал свою рецензию: «Таким образом, в свете приведенных примеров и обзора рецензий сборник «Русские мореплаватели» можно считать в известной мере полезным в его очерковой части в качестве популярного издания. Что касается его справочных разделов, то они являются в значительной степени сырым материалом и распространяют немало ошибок, наносящих истории русских географических открытий непосредственный ущерб».

Советская морская и географическая общественность, а также наши картографические производства вправе ожидать появления энциклопедии о русских мореплавателях и словаря русских географических названий, составленных на более высоком научном уровне» [Гурецкий 1954(б): 561].

Несмотря на приведенный только что тезис В.О. Гурецкого, о том, что очерковая часть сборника может считаться в известной мере полезной, еще раз подчеркнем, что помещенная в этом сборнике статья Н.Я. Болотникова о Ф.Ф. Беллинсгаузене и М.П. Лазареве [Болотников 1953: 185–209] как раз и наносит «истории русских географических открытий непосредственный ущерб».

Книга М.Ю. Барановской «Декабрист Николай Бестужев» (1954). В конце 1954 года Госкультпросветиздат выпустил в свет книгу

М.Ю. Барановской «Декабрист Николай Бестужев» (научный редактор доктор исторических наук В.Н. Бочкарев; тираж – 15 000 экземпляров).

В частности, М.Ю. Барановская указала: «После Великой Октябрьской социалистической революции было опубликовано большое количество исследований и материалов, посвященных декабристам.

...Ни один из военных историков и историков военно-морского флота в течение целого века не заинтересовался «Историей русского флота» Н. Бестужева. В 1952 году ее отыскала историк Е.Г. Павлова, доказав, что это «является значительным достижением в развитии морской историографии как первая и небезуспешная попытка создания русской военно морской истории на фоне широкой картины общественной и политической жизни страны.

...В Кронштадте братья Н. и М. Бестужевы еще больше сблизились с Константином Петровичем Торсоном. И Н. Бестужев и К. Торсон искренне любили морское дело, превосходно знали его, обладали большими познаниями в области морских наук и прилагали все усилия к тому, чтобы поставить русский флот вровень с лучшими европейскими флотами.

...В откровенных беседах Торсон рассказывал Н. Бестужеву о злоупотреблениях военного министра Моллера, у которого он был адъютантом. Моллер, по меткому выражению М. Бестужева, был из немцев, «сосущих сок Руси», с которым честный, бескорыстный, передовой моряк Константин Торсон начал неравную борьбу.

В 1819 году Торсон выехал в знаменитую экспедицию в Южный Ледовитый океан, имевшую большое научное значение в области географических исследований. Экспедиция в Антарктику была отправлена под начальством главного командира Кронштадтского порта Ф.Ф. Беллинсгаузена (приводимые М.Ю. Барановской сведения о должности Ф.Ф. Беллинсгаузена, которую он, занимал якобы в тот период, неверны. – А.О.) на двух судах...

Сделанные экспедицией открытия навеки прославили имена Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева.

...Русские моряки открыли не известный доселе материк Антарктики, что являлось величайшим событием в мировой географической науке. Экспедиция Беллинсгаузена и Лазарева стерла белое пятно на карте и назвала на открытой ими Антарктике («Антарктике», – А.О.) острова и земли русскими именами. В районе Южной Георгии экспедиция открыла ряд островов; один из них Беллинсгаузен назвал островом Торсона (сноска у М.Ю. Барановской: «После 1825 года он был переименован в остров Высокий» [Барановская 1954, сноска]. – А.О.). По возвращении из экспедиции Торсон был переведен из Кронштадта в Петербург в качестве старшего адъютанта начальника Главного морского штаба» [Барановская 1954].

Повествуя о последующей жизни своих персонажей М.Ю. Барановская писала: «Заключенные много читали. ...В конце 1831 года

среди книг, присланных родными заключенным, оказалось два тома с атласом под заглавием: «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 1820 и 1821 годов на шлюпах «Восток» и «Мирный».

К чести бывшего начальника К. Торсона Ф.Ф. Беллинсгаузена нужно сказать, что несмотря на выход в свет описания путешествия в 1831 году, он всюду без всяких комментариев сохранил имя Торсона. Он лишь переименовал остров, названный первоначально именем Торсона, в остров Высокий. Это обстоятельство несомненно должно было поднять душевное состояние Торсона, у которого периодически усиливались приступы ипохондрии...» [Барановская 1954].

В настоящем исследовании уже были показаны конкретные эпизоды в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, когда представители этой историографии (иные советские специалисты или авторы-публицисты) упоминали в своих работах имя К.П. Торсона. В первую очередь такие упоминания были связаны с наименованием острова Высокий. В последующие годы советские авторы неоднократно возвращались к теме «тайных обществ», роли К.П. Торсона в них, а также к вопросам его участия в Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг.

Статья В.В. Дремлюга «Роль Ю.М. Шокальского в деле исследования полярных стран и освоения Северного морского пути» (1954). В 1954 году в одном из выпусков «Ученых записок Высшего Арктического морского училища» была опубликована статья сотрудника кафедры гидрологии В.В. Дремлюга «Роль Ю.М. Шокальского в деле исследования полярных стран и освоения Северного морского пути».

В качестве эпиграфа к своей статье В.В. Дремлюг выбрал слова Ю.М. Шокальского из его работы «Океанография» (1917): «Русские люди должны знать и помнить, что сделано славного предшествующими поколениями, гордиться этим и в свою очередь дать возможность и право потомкам также относиться к ним самим» [Дремлюг 1954: 5]. Цитировал В.В. Дремлюг и другие слова Ю.М. Шокальского: «Русскими людьми не мало совершено географических открытий, а между тем имена и труды многих из русских труженников... неизвестны или мало известны не только за границей, но и у себя на родине» [Дремлюг 1954: 11].

«Работы Ю.М. Шокальского, – писал уже сам В.В. Дремлюг, – по всем отраслям географических наук... истории полярных исследований – отличались широтой затрагиваемых вопросов и глубоким знанием предмета.

...Ю.М. Шокальский еще до Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях царской России, когда преклонение перед всем заграничным было велико, в своих трудах с особой любовью останавливался на работах русских путешественников и исследователей.

...До последнего времени деятельность Ю.М. Шокальского в области истории исследования полярных стран и освоения Северного морского пути, была освещена очень слабо, а между тем мы по праву можем считать Ю.М. Шокальского одним из крупнейших специалистов по вопросам изучения Арктики и Антарктики» [Дремлюг 1954: 5].

Такими, Ю.М. Шокальского и своими исходными тезисами начинал свою объемистую статью В.В. Дремлюг. Заключительная, третья часть его статьи, так и называется: «Работы Ю.М. Шокальского об Антарктике» [Дремлюг 1954: 24–32]. Эту часть статьи В.В. Дремлюг начал с обзора территориальных претензий в Антарктике, причем, как это не раз уже случалось в советской историографии, дал не верную информацию о политико-правовой «судьбе» острова Петра I. Так, В.В. Дремлюг писал: «В 1939 году Норвегия объявила остров Петра I своим владением. Это вызвало ноту СССР от 27 января 1939 г., которая ставила в известность Норвегию о незаконности ее действий и оставлении за Советским Союзом права высказать свою точку зрения о государственной принадлежности земель, открытых русскими» [Дремлюг 1954: 24].

На самом деле, интересующее В.В. Дремлюга конкретное внешнеполитическое событие произошло – в 1929 году, получило свое дальнейшее развитие и политико-правовое «наполнение» – в 1931, 1933 и 1939 годах [Овлащенко 2013: 49–50]. Кстати, сам Ю.М. Шокальский в 1939 году по этому поводу писал: «1 февраля корабль (1 февраля 1929 г. норвежское судно «Норвегия». – *А.О.*) подошел к острову (Петра I. – *А.О.*), и 2-го числа, когда погода очень благоприятствовала, было решено сделать высадку... Высадка удалась, и на берегу был оставлен небольшой балаган с запасами провизии и других предметов...; поднят норвежский флаг в знак принятия острова во владение Норвегии, на что имелось согласие норвежского правительства» [Шокальский 1939(а): 1394].

1 мая 1931 года [Bush 1982: 135] норвежское правительство указом короля Норвегии Хокона VII провозгласило суверенитет над островом Петра I, а закон, которым была закреплена принадлежность Норвегии этого острова, был принят Стортингом 24 марта 1933 г. За этот период никаких протестов со стороны советского Народного комиссариата иностранных дел (НКИД) не последовало, как не последовало их и в дальнейшем, вплоть до 27 января 1939 г. Но в данном случае речь собственно должна была уже идти не о норвежских правопритязаниях в отношении острова Петра I, а, о ее притязаниях в отношении континентальных территорий и антарктических океанических пространств. Иными словами, объединять в одну «акцию» действия Норвегии – в 1929, 1931 и 1933 году, и, действия этой страны – в 1939 году, не вполне корректно с формально-юридической точки зрения [Овлащенко 2013: 61].

Еще один из мифов советской историографии (а миф этот весьма живуч и находит свое «применение» к примеру, в современной российской историографии. – *А.О.*) экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, В.В. Дремлюг воспроизводит в дальнейшем своем изложении: «До 30-х годов XX столетия, по общему мнению не только русских (даже не боясь впасть в явное преувеличение можно утверждать, что упомянутое «мнение», как таковое у русских ученых, в первую очередь у того же Ю.М. Шокальского, отсутствовало. – *А.О.*), но и зарубежных ученых, приоритет открытия Антарктического материка совершенно справедливо признавался за русской экспедицией 1819–1820 гг. (1821 г. – *А.О.*). Однако за последнее время не только в Америке, но и в ряде других капиталистических стран был сделан ряд попыток оспаривать первенство Беллинсгаузена и Лазарева.

...В отдельных книгах, изданных до революции, в журналах и газетных статьях, в научных работах советского времени, всегда подчеркивался приоритет и огромное научное значение русских открытий в Антарктике. Выдающаяся роль в этом вопросе принадлежала Ю.М. Шокальскому, который был большим знатоком истории исследования Антарктики» [Дремлюг 1954: 25].

В общем-то В.В. Дремлюг высказал точку зрения, к которой могли бы присоединиться многие другие представители советской географической и исторической науки. В.В. Дремлюг дал такой отзыв на (очевидно главную) «антарктическую» работу Ю.М. Шокальского: «В 1928 г. Ю.М. Шокальский в «Известиях Государственного Русского географического общества» помещает статью «Столетие со времени отправления Русской антарктической экспедиции под командой Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева, 4 июля из Кронштадта».

В настоящее время написано много статей и книг об этой экспедиции, но вышеуказанная статья по праву может считаться лучшим из описаний этой славной Русской антарктической экспедиции.

Ю.М. Шокальский не только подробно разбирает плавание кораблей этой экспедиции, но и, что особенно важно, отмечает все научные достижения экспедиции. Эта работа Ю.М. Шокальского является первым научным исследованием работ вышеуказанной экспедиции» [Дремлюг 1954: 27].

Между прочим, Ю.М. Шокальский писал (автор счел целесообразным привести здесь не вторичное цитирование, а текст самого, цитируемого В.В. Дремлюгом, автора): «Издание этого путешествия (труда Ф.Ф. Беллинсгаузена. – *А.О.*), замечательного не только среди русских плаваний, но и среди международных экспедиций, замедлилось довольно значительно и не по вине Беллинсгаузена.

...Отпустить средства на самую экспедицию решаются, но стоит ей возвратиться, как начинается самая непонятная скаредность, не заслуживающая названия экономии, ограничивающая средства и на обработку результатов и на их издание. В результате страдают далеко не

только чисто научные интересы, но и чисто экономические и политические (! – *А.О.*). Все произведенные на экспедицию расходы не приносят никаких выгод, и то большое политическое влияние, какое всегда имеют решительно все большие научные предприятия, окончившиеся успехом, пропадает бесследно, потому что для его укрепления необходимы ясные и, главное, быстрые доказательства его значения.

...Никто не беспокоился о распространении сведений о замечательных результатах плавания Беллинсгаузена и Лазарева за границу и, в результате, они оставались неизвестными даже заинтересованным людям до самого последнего времени (т. е. до первой четверти XX века. – *А.О.*). Совершенно забывали, что распространение сведений о научных заслугах русских только и может повести к увеличению их общего значения на поприще международной деятельности» [Шокальский 1928: 192–193].

Эти замечания Ю.М. Шокальского справедливы, но, при этом, не могут не навести на ту простую мысль, что процесс этот (а именно «пропажа бесследно» политического значения экспедиций, в том числе, и, в первую очередь, экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева) вряд ли был – беспорядочен, случаен, хаотичен. Напротив, этот процесс в России судя по всему, был весьма продуман. Более того, он был возведен (под опекой Англии) в четко отлаженную систему.

Надо сказать, что В.В. Дремлюг провел действительно неплохой и, насколько это было возможно в рамках официальных подходов, полный обзор «антарктических» работ Ю.М. Шокальского (написанных последним уже в советский период российской истории). Были правда у В.В. Дремлюга, здесь и явные преувеличения. Так, возвращаясь к вопросу об острове Петра I, этот автор утверждает: «В краткой статье «Управление островами Буве и Петра I в Антарктических водах» Ю.М. (Юрий Михайлович. – *А.О.*) с возмущением отмечает, что норвежское правительство захватило в свое владение остров Петра I и заодно Буве, открытый французами и «переуступленный» норвежцам англичанами» [Дремлюг 1954: 30].

На следующей странице можно прочесть другое утверждение: «...Он (Шокальский. – *А.О.*) с негодованием писал о том, что в 1929 г. к острову Петра I был послан корабль «Норвегия» и на острове поднят норвежский флаг в знак принятия острова во владение Норвегией и, таким образом, был осуществлен неприкрытый захват чужой земли» [Дремлюг 1954: 28].

Если оставить в стороне добавленную что называется «от себя», фразу В.В. Дремлюга о «неприкрытом захвате чужой земли», то, что касается позиции Ю.М. Шокальского, то в ней, на самом деле, нет и тени «возмущения» и «негодования». В 1934 году без каких-либо комментариев самого Ю.М. Шокальского, его «хроника» сообщала: «Норвежское правительство 24 марта 1933 г. приняло в свое владение

остров Петра I, остров же Бувэ объявлен норвежским еще 27 февраля того же года. Согласно сему к этим землям применяются норвежские законы. Все земли, не переданные частным лицам, объявлены государственною собственностью. Острова находятся в ведении Министерства торговли; полицейская власть возложена на министра юстиции и остров Петра I подведомствен юрисдикции особого суда в Осло» [Ю. Ш. 1934: 728].

Где в этой «статье» (опубликованная в рубрике «Хроника и библиография», заметка эта занимает четверть журнальной страницы) можно обнаружить, замеченное В.В. Дремлюгом, «возмущение» Ю.М. Шокальского? Еще более далеким от действительности выглядит утверждение В.В. Дремлюга о некоем «негодовании» Ю.М. Шокальского. Напротив, другой материал последнего был выдержан в подчеркнуто «джентльменском тоне», вообще был дистанцирован от каких бы то ни было эмоций. Собственно сама, опубликованная в 1939 году в одном из выпусков «Известий Государственного географического общества» небольшая статья Ю.М. Шокальского, как и размещенная в этом же номере его реферативная заметка [Шокальский 1939(б): 1400], были связаны с изложением содержания опубликованной в 1935 году в Лондоне книги директора одной из крупнейших норвежских китобойных компаний Ларса Кристенсена «Такова Антарктика» (*Lars Kristensen. Such is the Antarctic. Translated by E. Jayne. London: Hodder and Stoughton, 1935*).

«Несмотря на проведенные норвежцами гидрографические работы вокруг острова, – пишет Ю.М. Шокальский об острове Петра I, – посещение этих мест небольшим китобойным судном не было признано успешным и в 1929 г. Л. Кристенсен отправляет туда же корабль «Норвегия» [Шокальский 1939(а): 1394]. Далее, вновь опираясь на текст Л. Кристенсена, Ю.М. Шокальский делает своеобразную попытку по обоснованию прав Советской России в Антарктике.

Он отмечает: «Нельзя обойти молчанием интересные рассуждения автора труда... по вопросу о том, что необходимо сделать, чтобы открытая земля могла назваться собственностью той или другой страны. На стр. 173 своей книги он (Л. Кристенсен. – *А.О.*) пишет, что англичанин Биско не высаживался на берег Земли Эндерби, когда он увидел ее в 1831 г. Однако англичане считают, что Земля Эндерби есть их собственность по праву первооткрытия. Очевидно, это равносильно утверждению, что для объявления занятия земли нет надобности на нее высаживаться, достаточно ее увидеть. Отсюда, говорит Ларс Кристенсен, получается очень выгодный вывод для открытий земель с самолета. Прилагая его рассуждение к открытию острова Петра I Беллинсгаузеном, очевидно надо заключить, что остров давно уже принадлежал нашей стране, слишком на 100 лет ранее занятия его норвежцами» [Шокальский 1939(а): 1395].

Именно это резонное, последнее замечание Ю.М. Шокальского, цитирует в своей статье В.В. Дремлюг. Но согласимся, что до упомянутого В.В. Дремлюгом «негодования», здесь очень и очень далеко; как и, до, якобы указания Ю.М. Шокальским на «неприкрытый захват чужой земли». В предыдущей своей монографии автор позволил себе высказать тезис, о том, что не будет преувеличением считать, что в советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, 1939 год занимает совершенно особенное место. Похоже, что впервые, открытие антарктических земель русскими, в данном, конкретном случае – открытие в 1821 году острова Петра I, позволило Ю.М. Шокальскому – одному из авторитетнейших советских географов, вести речь (правда, пока еще в весьма осторожной форме, исключая всякие «возмущение» и «негодование») об исторической, а значит, и, о политико-правовой обоснованности потенциальных антарктических провозглашений Советского Союза [Овлащенко 2013: 49].

Пытаясь ввести своего читателя в заблуждение, В.В. Дремлюг пишет, что «в 1939 г., за год до смерти, Ю.М. Шокальский еще раз возвращается к вопросу о первой Русской антарктической экспедиции» [Дремлюг 1954: 31]. Но, цитирует он, текст именно той статьи Ю.М. Шокальского [Шокальский 1939(a)], на которую только что ссылался в предыдущих абзацах своего же текста (то есть, все того же 1939 года. – *А.О.*). Смысл тут двойной: беззастенчиво «зависить» количество историко-антарктических работ Ю.М. Шокальского и, показать, что отреагировал этот советский географ на события вокруг острова Петра I, якобы сразу же вслед, этим самым событиям. Что, на самом деле, не соответствует действительности (реакция Ю.М. Шокальского последовала – в 1934, и – в 1939 г., тогда как события имели место – в 1929, 1931 и 1933 г.).

Невероятно далеко от истины заявление, которое со ссылкой на Ю.М. Шокальского снова делает В.В. Дремлюг: «Ю.М. Шокальский подчеркивает то обстоятельство, что Беллинсгаузен совершил много научных наблюдений, а Кук таких наблюдений не вел (! – *А.О.*)» [Дремлюг 1954: 31].

В опубликованной в 1929 году в журнале «Землеведение» статье (в приведенном в работе В.В. Дремлюга списке литературы упоминание этой статьи Ю.М. Шокальского отсутствует) Ю.М. Шокальский писал: «Первым открывателем многочисленных архипелагов, заполняющих западную часть океана, надо признать английского мореплавателя Джемса Кука.

Ему принадлежит счастье начать новое время кругосветных плаваний, а именно – путешествий научно-географического (! – *А.О.*) характера.

...Первое (1768–1769 гг. – *А.О.*) плавание Кука, стяжавшее ему славу ученого (! – *А.О.*) мореплавателя, сейчас же было продолжено вторым подобным плаванием, опять в южном полушарии, для решения

вопроса о существовании Антарктического материка» [Шокальский 1929: 16–17].

Несколько раньше, в 1926 году Ю.М. Шокальский прямо утверждал, что все три плавания Дж. Кука «важны потому, что в них впервые принимали участие натуралисты разных специальностей, собравшие обширный научный материал» [Шокальский 1926: 21].

«Главной заслугой отважных русских моряков, – пишет дальше В.В. Дремлюг, – Ю.М. считал, во-первых, то, что они окончательно разрешили многовековое недоразумение о существовании какого-то обширного южного материка, и во-вторых, доказали, что в широтах около 60° ю. ш. существует непрерывное кольцо Мирового океана, среди которого встречается несколько небольших островков» [Дремлюг 1954: 31–32]. Эти слова о «главной заслуге» (в интерпретации Ю.М. Шокальского) экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, цитировали и другие советские авторы [Открытие 1946; Тихомиров 1947: 49].

«Из краткого рассмотрения работ Ю.М. Шокальского об Антарктике, – делал свой вывод В.В. Дремлюг, – видно, что он по праву может считаться одним из выдающихся специалистов по истории исследования Антарктики, который всегда подчеркивал приоритет и огромное научное значение русских открытий в Антарктике.

Всего Ю.М. Шокальским за время с 1882 по 1940 г. было написано около 90 статей по вопросам полярной океанографии...

Сам Ю.М. Шокальский в статье «Кое-что полученное изучением литературы о полярных странах» следующими словами характеризует свою деятельность в области полярных исследований: «...Я в течение не менее 45-ти лет занимаюсь полярными странами, их исследованиями, а следовательно и полярной литературой. Кроме того, лично был и теперь состою знакомым со многими полярными путешественниками, много с ними беседовал и от них кое-чему научился» [Дремлюг 1954: 32].

Проведенный автором в предыдущей своей работе [Овлащенко 2013], а также в настоящем исследовании, анализ значительного ряда работ Ю.М. Шокальского, не дает однако возможности утверждать, что этот географ стоял на той точке зрения, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева открыла материк Антарктиды. Хорошо известно, что Ю.М. Шокальский многократно повторяя свой же тезис о «замечательности плавания» Первой русской антарктической экспедиции, никогда не говорил об открытии этой самой экспедицией, антарктического континента.

Это, при том, что в 1898 году, на сопровождавшей статью Ю.М. Шокальского карте был обозначен «Антарктический континент» и путь русской экспедиции 1819–1821 гг. [Шокальский 1898: 496–497, карта]. Разумеется, были нанесены на карту: остров Петра I и Земля Александра I. Последняя, правда, пока еще неопределенно больших размеров. А вот январским и февральским событиям – 1820 года, Ю.М. Шокальский не уделил никакого внимания. Эти подходы кораблей экспедиции на карте

обозначены, но, только лишь, как подходы к «границе пака», и, обозначены без каких-либо комментариев.

С другой стороны на карте есть обозначения с характерными, данными Ю.М. Шокальским уточнениями: «Кук 1773 Сплошной лед»; «Кук 1774 Сплошной лед»; «Беллингсгаузен 1821 Сплошной лед» (примерно 120° з. д. – *А.О.*); «Беллингсгаузен 1821 Ледяная стена» (между 90° и 100° з. д., незадолго до открытия острова Петра I. – *А.О.*); «Крайний пункт Ведделя 20 февр. 1823 Никаких признаков материка, ввиду только три ледяных острова»; «Вилькс в 1839 году здесь видел землю»; «Крайний пункт достигн. (достигнутый. – *А.О.*) Росс. 23 Ф. (февраля. – *А.О.*) 1842 в широте 78°10' Ледяная стена 150–300 ф. (футов. – *А.О.*) высот. Видели высокую землю»; «Росс 1842 Сплошной лед»; «Росс 1843 Сплошной лед» [Шокальский 1898: 496–497, карта].

Ю.М. Шокальский писал: «Под именем Южного Ледовитого океана подразумевают обыкновенно, согласно границам, установленным в 1845 г. Географическим Обществом в Лондоне, пространство, ограниченное со всех сторон южным полярным кругом и простирающееся от этого круга к южному полюсу до пределов южно-полярного материка, размеры которого далеко еще не известны. Пространство очевидно не известно, так как не знают, какую часть между южн. полярным кругом и полюсом занимает суша, поэтому гипотезы расходятся.

...Южно-полярный материк, занимающий центральную часть океана, в трех местах выступает за пределы южного полярного круга... Самое существование подобного обширного материка еще не доказано... Южный П. материк и соседние с ним о-ва исследованы пока еще только в немногих местах» [Шокальский 1898: 489].

В то же время, указав на ряд географических и геологических особенностей, он отметил: «...Все это вместе указывает на существование около южного полюса шестого материка, а не нескольких океанических о-вов, связанных льдами, как иные думают до сих пор» [Шокальский 1898: 489–490]. Интересно следующее замечание Ю.М. Шокальского: «Все наблюдатели согласны в том, что южный ледовитый материк покрыт толстейшим слоем ледяного и снежного покрова, из под которого высятся отдельные вершины в виде островов» [Шокальский 1898: 491].

Небезынтересны и последующие его, физико-географические описания: «Однако, хотя внутренность страны и заполнена, по-видимому, ледяным покровом, но на берегах, где последние спускаются к морю, можно встретить, судя по описанию Дж. Росса, еще заливы не совершенно заполненные льдом. Толщина внутреннего ледяного покрова, по Меррею, не должна превосходить 1600–1800 фт. Этот обширный ледяной покров, в тех местах, где берега низменны, непосредственно спускается в море, образуя настоящую ледяную стену (*ice-barrier*), с вертикальными, отвесными стенами, омываемыми внизу

волнами Южного Ледовитого океана совершенно также, так (так в тексте. – А.О.) и обыкновенные берега. Эта стена возвышается над морем на 150–200 фт. (46–60 м.)... Такая ледяная стена найдена многими полярными исследователями; Дж. Росс шел вдоль нее на протяжении около 400 км. Эта ледяная масса, под напором внутреннего льда, медленно сползает в океан.

...Мореplаватель, идущий в П. (полярные. – А.О.), пройдя граничные линии ледяных гор и плавающего льда, встречает еще целый ряд препятствий от более или менее сплошной полосы льдов, составленной частью из ледяных полей, образовавшихся вследствие замерзания морской воды, частью из всевозможных обломков ледяных гор. Такая преграда носит название *пака* (выделено у Ю.М. Шокальского. – А.О.)» [Шокальский 1898: 491–492].

Принимая такое, данное Ю.М. Шокальским описание в качестве некоего «эталоны» полярной физико-географической терминологии, следует заметить, что в советской историографии соответствующие описания (а, следовательно, и выводы) у различных авторов существенно различались. Например, согласно писавшему в 1906 году С.Г. Григорьеву: «...Беллинсгаузен... объехал в два приема антарктические страны кругом, стараясь по возможности держаться южнее; во многих местах на пути встречались сплошные массы плавучего льда, а в одном месте, к юго-востоку от Огненной Земли, Беллинсгаузен натолкнулся на небольшие участки суши, названные им в честь Петра Великого и Александра I» [Григорьев 1906: 7]. В 1925 году он несколько трансформировал свою интерпретационную модель, указав на то, что экспедиция обошла «вокруг самую южную часть земного шара, у самой границы сплошного пловучего льда» [Григорьев 1925: 8].

В 1939 году в журнале «Наша страна» М. Райхенберг, так описывал ход и итоги первого этапа плавания в Антарктике: «По мере продвижения кораблей на юг пловучие льды становились все гуще. 21 января отряд остановился перед непроходимой стеной сплошного льда. Дальнейший путь на юг был закрыт...» [Райхенберг 1939: 32].

В опубликованной в 1941 году книге А.Д. Некрасова («популяризатора» Дж. Кука) можно было встретить следующие пояснения: «С XVIII века, в особенности после путешествия Кука... и до второго десятилетия XIX века в науке довольно твердо держалось мнение, что за Южным Полярным кругом лежит покрытый пловучими льдами океан, который был назван Южным Ледовитым океаном. В настоящее время твердо установлено, что никакого Южного Ледовитого океана нет, а за Южным Полярным кругом лежит большой материк, Антарктида...» [Некрасов 1941: 52, сноска 1].

В опубликованной в 1941 году в газете «Комсомольская правда» статье Н. Нозикова, итоги первого этапа экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева были представлены следующим образом: «Идя на юг, 4 января 1820 г. экспедиция вошла в полосу густого разбитого льда. Полтора

месяца экспедиция настойчиво стремилась к югу, пробиваясь через пловучие льды.

Несколько раз суда экспедиции пересекали Южный Полярный круг и заходили за 69° южной широты. Здесь везде был сплошной лед, преграждавший путь. Экспедиция настойчиво продолжала пробираться среди льдов и дошла почти до 70°... Далее идти к югу было невозможно вследствие сплошного льда» [Нозиков 1941(а)].

В опубликованной в 1948 году статье В. Якубовича, события первого антарктического этапа экспедиции выглядели следующим образом: «Больше двух месяцев продолжалась борьба со льдами. Приходилось лавировать, делая огромные обходы плавающих ледяных полей. Шлюпы стремились идти вдоль сплошных льдов, льды теснились, грозили гибелью. Несколько раз Беллингсгаузену удавалось спускаться за Полярный круг, три раза он заходил за 69° южной широты, но всюду путь преграждала сплошная масса пловучего льда» [Якубович 1948: 60].

У Н.Н. Зубова, в его статье 1949 года встречаем: «Однако время шло, а желанный берег не показывался. Несколько раз корабли спускались за Полярный круг, но всюду путь преграждал сплошной пловучий лед. Между тем антарктическое лето подходило к концу. ...Беллингсгаузен и Лазарев решили повернуть на север с тем, чтобы через полгода, по наступлении антарктического лета, возобновить поиски таинственного южного материка» [Зубов 1949: 22].

В опубликованных в 1949 году двух работах, их автор, С.В. Калесник упоминал о подходах к берегу – 16 и 21 января 1820 г., со следующим своим комментарием: «Как теперь ясно, неподвижные льды, мешавшие движению экспедиции, были припаем около берега антарктического материка, и русские моряки в эти дни находились вблизи той части материка, которая называется ныне Землей кронпринцессы Марты» [Калесник 1949(а): 20; Калесник 1949(б): 81].

В частности, в опубликованной в апрельском за 1949 год номере печатного органа Славянского комитета СССР статье, С.В. Калесник, касаясь оценок результатов экспедиции (в том числе самими ее участниками) писал: «Мы должны подчеркнуть, что, совершив плавание вокруг земли в совсем неизученных до того широтах и шесть раз перейдя по ту сторону южного полярного круга, русские моряки тем самым наметили приблизительные границы южного материка, трижды подошли почти вплотную к этому матерiku, коснувшись берегового припая (новая интерпретационная модель первооткрытия или его отрицания? – А.О. [Овлащенко 2013: 229]), и открыли несколько форпостов Антарктиды. У них не возникло сомнений, одолевавших Кука. Одни части Антарктиды они увидели сами, существование других обоснованно предсказали (земли Ранхильды и Эндерби) и вернулись с определенным и твердым выводом, что южный материк существует» [Калесник 1949(а): 21–22].

«Припаем, – пояснял в этом контексте С.В. Калесник, – называются неподвижные льды, окаймляющие берег материка или острова» [Калесник 1949(а): 20, сноска 2]. В другой своей работе он пояснял, что «морской пак» – это «название многолетних пловучих льдов большой толщины и сплоченности, непроходимых даже для ледоколов» [Калесник 1949(в): 562, сноска 1].

В опубликованной в 1947 году рецензии Е.Е. Шведе, последний так комментировал «историко-физико-географические» взгляды Ф. Дебенхэма: «Редактор (английского издания книги Ф.Ф. Беллинсгаузена. – А.О.) приводит и объяснение этому явлению для эпохи парусного флота. Дело в том, что парусный корабль только и мог приблизиться к матерiku при ветрах северных румбов, которым соответствуют туманы, плохие условия видимости и снег; при южных ветрах, наоборот, у берегов Антарктиды бывает ясная погода, но в этом случае береговой припай льда отходит от берега и тем самым мешает парусному кораблю приблизиться к последнему. 5 и 6 февраля 1820 г. опять экспедиция была очень близко от континента» [Шведе 1947: 358].

В 1949 году Е.Е. Шведе утверждал следующее: «...Исключительная честность и требовательность к вопросам достоверности открытия не позволила русским морякам утверждать, что это низменный материк, а не ледяной береговой припай» [Русские 1949(а)]. Этот же свой тезис Е.Е. Шведе повторил затем во вводной статье к переизданной в 1949 году книге Ф.Ф. Беллинсгаузена [Шведе 1949(б): 27]), а также, уже позднее – в 1952 году [Шведе 1952: 15].

Развивая тему «скромности» и «исключительно высокой требовательности», в 1949 году С. Михайлов писал, что отмеченные качества «не позволили русским морякам утверждать..., что это материк Антарктиды; они называли его «бугристыми льдами берегового припая, хотя само по себе описание этих льдов свидетельствовало о том, что речь идет о покровах (! – А.О.) земли» [Михайлов 1949: 72].

Согласно опубликованной в 1951 году статье Н. Введенского (подготовлена к печати она была еще в 1949 г.): «...Первый раз корабли пересекли южный полярный круг 14 января 1820 года и, пробиваясь сквозь тяжелые льды к югу, ...достигли кромки берегового припая в широте 69°22' ю., тем самым достигнув впервые Южного материка. Перед судами, уходя за горизонт, тянулось ровное ледяное поле, вдоль кромки которого они шли на значительном протяжении.

...13 февраля 1820 года корабли снова подошли к ледовой кромке берегового припая, где была встречена береговая ласточка... ...Первое изыскание Южного материка в высоких южных широтах было закончено. Оно увенчалось двумя прибоями к ледовой кромке берегового припая этого материка» [Введенский 1951: 8–9].

В 1951 году А.И. Андреев в своих комментариях писал: «16 января 1820 г. ...первые подошли к окаймленному неподвижными льдами

(береговым припаем) краю Антарктического материка, близ берегов земли принцессы Марты» [Русские 1951: 302].

В 1953 году Н.Я. Болотников вообще поднялся до физико-географических «высот», при описании им главных итогов экспедиции: «...Антарктида – страна гор и льда. Три четверти ее поверхности занимают ледники и пятую часть составляют пловучие ледниковые барьеры. Последние образуются от сползания с гор огромных ледников, толщина которых исчисляется сотнями метров. Достигнув океана, ледники продолжают ползти по дну, а затем на определенных глубинах надламываются и всплывают в виде ровных ледяных «столообразных» гор.

Этот-то ледяной барьер Антарктиды, ледяной барьер желанного Южного материка, мифической «Терра аустралис инкогнита» древних и увидели впервые в истории человечества русские моряки – спутники Беллинсгаузена и Лазарева 16 января 1820 г. [Болотников 1953: 194–195].

В 1954 году Г.И. Кублицкий считал: «Ледяная стена, к которой 16 января 1820 года подошли корабли, не походила на встречавшиеся до сих пор льды открытого океана. Местами ровная, местами бугристая, она напоминала обледеневший низменный берег.

Отступив от стены и пройдя несколько десятков миль к востоку, корабли снова устремились на юг... [Кублицкий 1954: 26].

Так советские, а также отдельные русские дореволюционные авторы оперировали понятиями (терминами): «пак», «ледяная стена», «плавающее (пловучие) льды» и некоторыми другими. Стоит заметить, что одна из классификаций, «не останавливаясь на детальных различиях форм льда, делила полярные льды на семь групп и применительно к русским понятиям о различной форме льда», она была принята (согласно опубликованному в 1917 году материалу) гидрометеорологической частью Главного Гидрографического Управления. Согласно этой классификации, различали следующие категории льда: «Сплошной лед. Арктический пак (*Unbroken polar-ice*)»; «Заберега, припай (*Landfloe*)»; «Большие ледяные поля (*Great ice fields*)»; «Сплошной плавающий лед (*Tight pack-ice*)»; «Разреженный плавающий лед (*Open ice*)»; «Новый лед, снежный лед, шуга, сало, шерех (*Bay ice and brash*)»; «Ледяная гора (*Iceberg*)» [Записки 1917: 332].

Но вернемся к напечатанной в 1898 г. в одном из томов энциклопедического словаря Брокгауза – Ефрона, статье Ю.М. Шокальского о полярных странах. В подразделе посвященном истории исследования Южного Ледовитого океана, этот географ писал: «...В декабре того же (1773. – А.О.) года Кук снова отправился в южный П. океан... В конце января 1774 г. достиг 71°15' ю. ш., в долг. 109°14' з. д., к ЮЗ (юго-западу. – А.О.) от Огненной Земли. Здесь непроницаемая стена льдов помешала ему идти далее. Во время... плаваний он убедился, что обилие ледяных гор указывает на существование значительного

антарктического континента. Трудности полярных плаваний были описаны им так, что только китоловы продолжали посещать эти широты» [Шокальский 1898: 492–493].

Насколько же отличаются эти оценки Ю.М. Шокальского (именно в части взглядов самого Дж. Кука) от развязанной в советской историографии «антикуковской» кампании, середины-конца 40-х – начала 50-х годов.

Ю.М. Шокальский продолжал: «В 1819 г. русский мореплаватель Беллинсгаузен (обращает на себя внимание различное написание этой фамилии, причем, написание в пределах одной статьи; в тексте Ю.М. Шокальского – «Беллинсгаузен», на карте (несомненно подготовленной и отредактированной самим Ю.М. Шокальским и выполненной на Картографическом заводе Д. Руднева – «Беллингсгаузен». – *А.О.*), командуя военными шлюпами «Восток» и «Мирный» (о М.П. Лазареве, как видно, ни слова. – *А.О.*), посетил Южн. Георгию и пробовал проникнуть в глубь Южного Ледовитого океана; в первый раз, в январе 1820 г., почти на меридиане Гринича, он достиг 69°21' ю. ш.; затем, ...достиг в феврале месяце опять почти той же широты (69°6'). ...В январе 1821 г. ...открыл... высокий берег о-ва Петра I, а... внутри южного полярного круга – берег Земли Александра I. Таким образом Беллинсгаузен первый совершил полное плавание вокруг Южного Ледовитого материка, ...на небольших парусных судах» [Шокальский 1898: 493].

Несмотря на то, что Ю.М. Шокальский обратил внимание на январский и февральский – 1820 года, подходы к материку (разумеется безо всякой, мало-мальской попытки привязать их к факту первооткрытия Антарктиды), вполне естественно упомянул при этом открытия – января 1821 года, автор не побоится вновь утверждать, что главный результат экспедиции, Ю.М. Шокальский видел именно в последнем из указанных им фактов. Эту историографическую «линию», причем с соответствующими арифметико-статистическими выкладками (а именно, в сравнительном аспекте с путешествиями Дж. Кука), Ю.М. Шокальский не без успеха развивал в дальнейших своих, уже советского периода, работах.

Не менее интересно, что при описании экспедиции Дж. Росса Ю.М. Шокальский отметил, что «плавание Росса остается и до сих пор одним из замечательнейших» [Шокальский 1898: 494]. В дальнейшем он, буквально «слово в слово» перенес этот эпитет на экспедицию Беллинсгаузена – Лазарева. Причем, эпитет этот, разошелся что называется «широкими кругами» в советской историографии (многочисленные примеры приведены в предыдущей монографии автора [Овлащенко 2013], а также в настоящем исследовании).

Несколько выше было отмечено, что невероятно далеко от истины заявление, которое «со ссылкой» на Ю.М. Шокальского, сделал В.В. Дремлюг: «Ю.М. Шокальский подчеркивает то обстоятельство, что

Беллинсгаузен совершил много научных наблюдений, а Кук таких наблюдений не вел» [Дремлюг 1954: 31]. Дело в том, что в своей, только что проанализированной работе [Шокальский 1898], Ю.М. Шокальский вообще не упоминает какие-либо научные результаты экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. При том, что к таким результатам других зарубежных южно-полярных экспедиций он обращается постоянно. В том числе, к научным результатам экспедиций Дж. Кука. К примеру, Ю.М. Шокальский пишет: «...Основываясь на данных Кука, Вилькса, Росса..., следует заключить, что в этом океане поверхность занята летом сравнительно тонким слоем теплой воды...» [Шокальский 1898: 490].

Еще раз обратим внимание, что о научных результатах Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг. в статье Ю.М. Шокальского не сказано ни слова. Конечно никто не отрицает, что в этом плане в научных подходах Ю.М. Шокальского со временем произошла определенная эволюция. Так, в *1917 году* в своей «Океанографии» он пишет о том, что Ф.Ф. Беллинсгаузен «составил замечательное описание физико-географических условий южной полярной области, имеющее значение и до сих пор» [Шокальский 1917(а): 34].

И, еще один момент. В своей статье 1898 года Ю.М. Шокальский пишет: «Честь открытия различных частей Земли Вилькса принадлежит в действительности каждому из трех мореплавателей – Вильксу, Д. Дюрвилю и Дж. Россу» [Шокальский 1898: 493]. Как видно, речь идет пока еще о «Земле Вилькса», а не об Антарктиде в целом. Но, уже в изданном в *1935 году* в Советском Союзе русском переводе книги Р. Бэрда, читаем: «Собственно говоря, континент был открыт тремя экспедициями: француза Дюрвиля, американца Уилкса и англичанина Росса» [Бэрд 1935: 63] (слова эти написал не Ю.М. Шокальский, а сам Р. Бэрд. – *А.О.*).

Совпадение фамилий в списке Ю.М. Шокальского и Р. Бэрда, вряд ли случайное (как видно, в таком списке «от Бэрда», Первой русской антарктической экспедиции уже просто «не осталось места». – *А.О.*). В дальнейшей советской историографии можно обнаружить подобные попытки (правда нечастые, точнее, единичные; примеры приведены выше) деления открытия Антарктиды «на троих».

В чем на самом деле видел Ю.М. Шокальский приоритет экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева? В *1917 году* он писал: «...Для нас русских и в особенности для русских моряков открытия в антарктических водах интересны еще и потому, что второе по времени и самое обширное по протяжению пройденного в полярных водах пути, было плавание русских моряков под командою Беллинсгаузена и Лазарева (очень интересен факт указания на «командование» не только Ф.Ф. Беллинсгаузенем, но и М.П. Лазаревым. – *А.О.*) в 1819–21 гг., когда им удалось открыть часть побережья южного материка или, как теперь выясняется после плавания д-ра (доктора. – *А.О.*) Шарко,

большой остров около него и о-в Петра I и собрал много сведений о физико-географическом состоянии всей полосы океана, окружающей южный полярный материк» [Шокальский 1917(6): 333].

Итак, для Ю.М. Шокальского, в первую очередь важно то, что это путешествие было «второе по времени и самое обширное по протяжению пройденного в полярных водах пути...». После этого он обращает внимание на открытия января 1821 года.

В 1922 году в журнале «Красный флот» была опубликована статья Ю.М. Шокальского, в которой рассматривалось значение русских кругосветных плаваний для расширения географических знаний. В этом своем материале Ю.М. Шокальский продемонстрировал толику патриотизма. В частности, он сообщал своему читателю: «...К началу XIX столетия... число кругосветных плаваний было очень невелико, а морских путешествий, сопровождавшихся открытиями какого-либо рода, было и совсем немного.

...В начале 1819 г. были снаряжены две морские экспедиции: ..., другая – для обследования южного полярного пространства...

Если первая экспедиция не была особенно богата результатами, то зато вторая, снаряженная в южное полушарие, отличалась превыше всякой меры.

...Кроме чисто географической стороны во время русских кругосветных плаваний были произведены... исследования и притом многие вообще впервые, чем они показали путь иностранным исследователям.

Плавая на маленьких судах и с небольшими средствами, сумели сделать многое и притом в такое время, когда другие подобного не производили. Иначе говоря, русские моряки проявили не только усердие в работах, но и обнаружили выдающийся почин в деле научных работ по изучению океана» [Шокальский 1922: Ст. 68, 74, 78].

Что же касается собственно фактологической стороны, в частности плавания экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, то здесь Ю.М. Шокальский демонстрировал следующее, свое понимание вопроса. Он писал: «...Льды окружали корабли, делая плавание и затруднительным и опасным. Но тем не менее в южном Атлантическом океане экспедиция достигла почти 69°30' ю. ш., где ее остановили непроходимые ледяные поля. Отойдя к северу, шлюпы снова направились к югу и добрались к югу от Африки снова до параллели 69° ю. ш., но опять льды не позволили пройти далее, и пришлось идти на северо-восток, где в широте 67° ю. встретили стаи береговых птиц, но до берега не могли добраться. (Здесь в 1831 г. была найдена земля Эндерби, часть Антарктического материка)...» [Шокальский 1922: Ст. 74].

Характеризуя второй этап плавания, Ю.М. Шокальский отметил: «...Наконец, 17/30 января в той же высокой широте 69° был найден высокий берег, принадлежавший, по-видимому, к Антарктическому

материку; его называли берегом Александра I. Как теперь известно по работам Шарко, это есть большой остров, за которым лежит Антарктида.

...Плавание описано в особом издании с атласом и до сих пор остается замечательным обследованием южных полярных вод, имеющим большое значение и для будущего, так как экспедиция прошла громадное протяжение вдоль окраины льдов и закрепила их положение для будущих исследователей, кои могут сравнивать свои определения с тем, что было 100 лет тому назад» [Шокальский 1922: Ст. 75].

Такова была данная Ю.М. Шокальским, оценка значения главных достижений и географических итогов русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. По крайней мере, таковы были его оценки в начале 20-х годов XX века. В эти годы Ю.М. Шокальский готовит различные материалы, в том числе касающиеся физико-географических проблем южнополярной области, причем в этих материалах, им, могла быть вовсе не упомянута русская экспедиция [Шокальский 1924: 321–332]. С другой стороны в эти же самые годы выходят его довольно обширные историко-географические материалы, посвященные этой экспедиции.

В 1924 году периодическое издание «*The Bulletin of the Geographical Society of Philadelphia*» напечатало довольно обширную англоязычную статью президента Русского географического общества Ю.М. Шокальского «*The Russian Antarctic expedition under T. H. Bellingshausen, 1819–1821*» [Scholkalsky 1924: 121–133]. В советской историографии экспедиции (по крайней мере, до 1954 года включительно) автору не довелось встретить хоть какого-нибудь упоминания или ссылки на эту статью Ю.М. Шокальского. В библиографических списках работ Ю.М. Шокальского, эта статья упоминается лишь один раз – в изданном в 1946 году сборнике «Памяти Ю.М. Шокальского» [Святловский 1946: 305].

Эта статья, или как охарактеризовал ее сам Ю.М. Шокальский, «историческая заметка о ходе и результатах экспедиции Беллинсгаузена и сравнение ее с экспедицией Кука» [Святловский 1946: 305] нашла свое развитие в русскоязычной версии – опубликованной в 1928 году статье «Столетие со времени отправления Русской антарктической экспедиции под командою Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева 4 июля 1819 г. из Кронштадта» [Шокальский 1928]. Самое простое сопоставление дат – даты события, которому была посвящена статья, и даты ее опубликования, не может не вызвать недоумения. Поэтому ближе к отмеченной юбилейной дате, стоит именно англоязычная статья Ю.М. Шокальского.

Собственно основные положения этих, принадлежащих перу Ю.М. Шокальского двух работ – 1924 и 1928 г., весьма схожи, т. е. никакой особой эволюции взглядов советского географа за годы,

отделяющие две эти статьи, не произошло. Впрочем некоторые нюансы изложения, используемых им трактовок, можно все-таки заметить.

Например, в англоязычной (т. е. ранее опубликованной) версии, о событиях 16(28) января 1820 г. Ю.М. Шокальский сообщает следующее: «*After five days of very perilous navigation in heavy ice the expedition reached 69° 25' S. and 1° 11' W. In this position all the horizon was covered by ice masses...*» [Scholkalsky 1924: 126]. В русскоязычной версии все выглядит так: «...16 достигли 69°21' ю. ш. на 30 меридиане з. д. (очевидно ошибка Ю.М. Шокальского, или опечатка в тексте. – *А.О.*). Тут льды снова преградили путь к югу» [Шокальский 1928: 184]. Февральские события описаны в этих двух статьях еще более «скучно» [Scholkalsky 1924: 126; Шокальский 1928: 184–185].

В англоязычной статье, после описания открытия острова Петра I Ю.М. Шокальский отдельным, особым абзацем подчеркивает: «*The ecstasy of everyone on board cannot be described – it was the first* (выделено Ю.М. Шокальским. – *А.О.*) *land ever seen southward of the Antarctic Circle*» [Scholkalsky 1924: 130]. Не особенно отличалось это описание и в русскоязычной версии: «Восторг мореплавателей был неопишем – ведь это была п е р в а я (выделено Ю.М. Шокальским. – *А.О.*) земля, когда либо до того времени открытая к югу от полярного круга» [Шокальский 1928: 190].

Остановившись в англоязычной версии своей статьи на открытии Земли Александра I, Ю.М. Шокальский (видимо на высоте исследовательского поиска) прибавил: «*This was the first discovery of the Antarctic coast. By this achievement the honour of solving this problem of many centuries must be assigned forever to the Russian navy*» [Scholkalsky 1924: 131].

Однако всего лишь через четыре года, и, для русскоязычного читателя, Ю.М. Шокальский после описания открытия воздержался от таких «широких обобщений», добавив лишь, что «испортившаяся погода и засвежевший ветер заставили вместе со льдами повернуть к северу» [Шокальский 1928: 191]. С другой стороны, он подытожил в своей русскоязычной статье: «...Русскими моряками были найдены первые действительно антарктические земли: острова Петра I и Земля Александра I и притом в столь высоких широтах, около 68°–69° ю. ш., что самое это обстоятельство уже намечало границы Антарктиды и притом не отрицательным фактом – отсутствием земли, а положительным» [Шокальский 1928: 196].

Редактор англоязычной статьи Ю.М. Шокальского отметил, что в связи с повышением интереса к Антарктике, проведением рядом стран антарктических экспедиций (Великобритания, Германия, Бельгия, Швеция, Норвегия, Франция) материал, подготовленный выдающимся (*eminent*) русским географом, дает представление о ранних этапах антарктических исследований. Редактор, также отметил, что опубликованный в 1831 г. в России труд Ф.Ф. Беллингсаузена, на

многие годы оставался неизвестным для западноевропейских (в тексте «non-slavic») исследователей [Scholkalsky 1924: 121]. Об этом же писал сам Ю.М. Шокальский: «...*It is unfortunate from the standpoint of geographical science and as bearing on the practical work of subsequent antarctic expeditions, that the report of Bellingshausen's expedition, published in Russian in two volumes with an atlas in 1831, has remained unknown to the scientific literature of western Europe and to that of the United States*» [Scholkalsky 1924: 133].

В другой, опубликованной в 1929 году в журнале «Земледелие» юбилейной статье (посвящена она была 150-летию открытия Сандвичевых островов в северной части Тихого океана) Ю.М. Шокальский особо отметил, что «замечательное плавание (Дж. Кука. – *A.O.*) в 1772–74 гг. в высоких южных широтах было превзойдено только плаванием русских моряков Беллинсгаузена и Лазарева в 1819–21 гг., которым и принадлежит честь открытия первых антарктических земель: о-ва Петра I и земли Александра I» [Шокальский 1929: 17].

Опубликованная в 1930 году еще одна «антарктическая» статья Ю.М. Шокальского, сразу же начиналась с такого напоминания: «10–21 января 1821 г. русский военный моряк Ф. Беллинсгаузен увидел с палубы своего корабля (шлюп «Восток») в тумане высокий берег, покрытый пятнами снега. Это был остров Петра I – первая земля когда-либо кем открытая к югу от полярного круга. Через неделю, 17–29 января, был усмотрен высокий берег и ряд гор, названный Землею Александра I. Таким образом первые признаки суши, за пределами южного полярного круга, были открыты русскими моряками. С тех пор прошло сто лет, но все еще остается неизвестным даже общее очертание Антарктического материка, обозначенного на картах на очень значительном протяжении точками» [Шокальский 1930: 82].

Между прочим, в этой своей статье Ю.М. Шокальский обращал внимание на международно-политические вопросы. Так, он писал: «...По пути зашли на Фолккландские о-ва (Фолклендские. – *A.O.*), где сэра Уилькинса ожидало распоряжение британского правительства, возлагавшее на него право присоединять к Британской империи новые земли и территории» [Шокальский 1930: 84]. С физико-географической точки зрения небезынтересно также, что на приведенной в статье карте – «Земля Граама по Сэру Уилькинсу» – составленной «на основании полета сэра Уилькинса Американским географическим обществом», был обозначен «о. Александра I» [Шокальский 1930: 85, карта].

В контексте анализа советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, месте и роли Ю.М. Шокальского в этой историографии, интерес представляют два выпуска географического ежегодника «Глобус».

В 1938 году под редакцией Ю.М. Шокальского вышел первый номер научно-популярного географического ежегодника «Глобус», предназначенного для детей среднего и старшего возраста. Согласно

воспоминаниям З.Ю. Шокальской, «над этим ежегодником Юлий Михайлович работал очень усердно, внимательно прочитывая все корректуры и делая много указаний» [Шокальская 1960: 118]. Как указано в одном из современных источников, «уже самая первая книжка «Глобуса» отражает стиль и взгляды Ю.М. Шокальского на популяризацию науки» [Шокальский 2014]. В сборнике была размещена специальная рубрика «Завоевание Арктики и Антарктики». Правда, среди вошедших туда четырнадцати очерков, лишь один был посвящен антарктическим вопросам (очерк П. Померанцева «Перелет Элсуорта через Антарктику» [Глобус 1938: содержание]).

«Зимние каникулы 1940 г., – вновь по воспоминаниям З.Ю. Шокальской, – Юлий Михайлович провел дома, как всегда занимаясь по несколько часов в день. Шли корректуры нового издания «Глобуса» [Шокальская 1960: 123]. В том же современном источнике указывается: «Редактируя «Глобус», Ю.М. Шокальский хорошо понимал, что дети, которые будут читать ежегодник, завтра будут вносить практический вклад в науку» [Шокальский 2014]. Осуществляя за несколько месяцев до своей смерти общую научную редакцию «Глобуса», Ю.М. Шокальский подготовил для издания *1939 года* свою статью «Экспедиция Беллинсгаузена».

Интересны (именно тем насколько они отличаются от дальнейших, допущенных советской историографией необъективных трактовок, да и попросту фальсификаций) некоторые фрагменты из описания Ю.М. Шокальским плавания Дж. Кука: «...На 67°15' ю. ш. корабли были остановлены сплошными пловучими льдами. Кук отступил. ...23 февраля 1773 года он был на 61°52' ю. ш., где граница пловучих льдов заставила его повернуть к востоку.

...30 января 1774 года в Тихом океане Кук все же пробился к югу и достиг 71°10' ю. ш. в западной долготе 106°54'.

Южнее этой точки в XVIII веке никого, кроме Кука, не было.

...Дальнейший путь к югу снова преградили льды. Кук считал выполненным данное ему поручение (нигде севернее 50° ю. ш. не было замечено никаких земель) и потому пошел обратно домой.

...Экспедиция Кука доказала, что если антарктический материк и существует, то его окраины не выходят за пределы 50° ю. ш.» [Шокальский 1939(в): 276–277].

Не стал Ю.М. Шокальский скрывать от своего юного читателя другой (на волне «ура-патриотизма» зачастую избегаемый последующей советской историографией) вопрос: «По сравнению с плаванием Кука, экспедиция Беллинсгаузена находилась в худших условиях. Корабли Кука были выбраны из судов китобойного флота, приспособленных к плаванью среди пловучих льдов. В России судов такого типа тогда еще не было. Пришлось взять деревянные военные суда небольшого размера,

так называемые шлюпы, предназначенные для плавания в Балтийском море» [Шокальский 1939(в): 277].

Описывая ход экспедиции Ю.М. Шокальский писал: «Двигаясь в восточном направлении, Беллинггаузен 28 января (по новому стилю. – *А.О.*) 1820 года снова достиг высокой южной широты 69°21'. Все время приходилось идти среди пловучих льдов. С трудом продвигались парусные суда среди массы ледяных полей и гор. Для парусных кораблей такое плавание было, конечно, много труднее, нежели для современных судов (как видно, и здесь для М.Ю. Шокальского важнее были его «бесконечные», зачастую явно абстрагированные сравнительные аспекты; учесть следует и то, что писал он так отнюдь не только «для детей среднего и старшего возраста. – *А.О.*).

...Пробившись наконец сквозь ледовый лабиринт, Беллинггаузен 2 февраля снова добрался до 65°25' ю. ш. на меридиане 1°11' з. д. (к сожалению, сам Ю.М. Шокальский, «снова» ничего не увидел за этими координатами. – *А.О.*).

19 февраля корабли пересекли меридиан мыса Доброй Надежды, а 25-го льды поределли, и корабли, воспользовавшись этим, пошли к югу и достигли 66°59' ю. ш. на меридиане 37°38' з. д., как раз в том месте, где 18 января 1773 года Кук дошел до 67°15' ю. ш.

Но Беллинггаузен, как и Кук, не смог в этом месте продвинуться далее к югу: в этой части полярной области пловучие (! – *А.О.*) льды занимают устойчивое (! – *А.О.*) положение.

Весь путь плавания кораблей от Сандвичевых островов до пересечения пути Кука, на протяжении около пятидесяти градусов долготы, был совершен на 5°–10° южнее района плаваний Кука. А это было очень важно для отыскания пресловутого (*sic!* – *А.О.*) «Южного материка».

25 февраля с кораблей были замечены птицы. Моряки решили, что земля неподалеку. В самом деле, поблизости к югу находилась земля, но Беллинггаузен ее не обнаружил...» [Шокальский 1939(в): 277].

Снова сравнительные аспекты, снова «южнее... плаваний Кука», но, больше ничего. То, что русская экспедиция уже отыскала «пресловутый» Южный материк, Ю.М. Шокальский в доступных ему текстах не увидел.

«9 декабря (1820 г. – *А.О.*) – продолжал Ю.М. Шокальский – корабли пересекли параллель 60° ю. ш., 10-го появились первые пловучие льды.

Идя во льдах, эскадра направилась от Новой Зеландии прямо к югу, но 11 декабря встретила тяжелые, сплоченные льды – так называемый полярный пак.

Тогда еще не знали, что осень – наиболее удобное время для плавания в полярных странах. Приди Беллинггаузен в эти места в феврале, он, конечно, прошел бы далеко к югу и, возможно, открыл бы

окраину Антарктики – Землю Виктории, найденную через 20 с лишним лет Джемсом Кларком Россом.

Льды сильно мешали плаванию. Их было много; с кораблей видны были десятки огромных ледяных гор» [Шокальский 1939(в): 281].

Описав открытие острова Петра I и Земли Александра I, Ю.М. Шокальский указал, что в первом случае «подойти к берегу мешал прочный береговой припай» [Шокальский 1939(в): 281], а, во втором, «сплошные ледяные поля» [Шокальский 1939(в): 281].

«Земля, – продолжал Ю.М. Шокальский, – была названа Землею Александра I. Это уже был не уединенный, маленький островок, как остров Петра I, а обширная суша, первая суша столь давно разыскиваемого Антарктического материка.

К сожалению, хорошая погода, позволившая Беллинсгаузену увидеть Землю Александра I, как обычно бывает в полярных странах, быстро сменилась пасмурностью и свежим ветром. Это помешало кораблям пройти к северо-востоку и открыть Землю Грэгма» [Шокальский 1939(в): 281–282].

В чем же увидел – в 1939 году, Ю.М. Шокальский главное значение русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. Ни о каких существенных изменениях его позиции (понимания, если угодно) речь вести, конечно не приходится. Своему юному читателю географ сообщал все те же, в первую очередь, статистические данные: «...Плавание заняло 751 день, из которых 224 дня простояли на якоре, а 527 дней шли под парусами. Суда прошли 49 000 морских миль (девятью тысяч километрами)! Открыли и обследовали 25 новых островов, положение которых хорошо отмечено на карте.

Беллинсгаузен намного превзошел Кука. Последний пробыл в широтах южнее 60° ю. ш. только 75 дней, а Беллинсгаузен – 122 дня. Кук плавал во льдах всего 80 дней, Беллинсгаузен – 100 дней.

Беллинсгаузен совершил много научных наблюдений, Кук таких наблюдений не вел (значит было все-таки В.В. Дремлюгу, откуда брать эту цитату; для самого Ю.М. Шокальского, после его других работ, такая его «новая» точка зрения выглядела, по меньшей мере, странной. – *А.О.*).

Но не только в этом главная заслуга отважных русских моряков. Главная заслуга их в том, что, во-первых, они окончательно разрешили многовековое недоразумение о существовании какого-то обширнейшего в мире южного материка и, во-вторых, доказали, что в широтах около 60° ю. ш. существует непрерывное водное кольцо Мирового океана, среди которого встречается только несколько небольших островов» [Шокальский 1939(в): 282].

Для Ю.М. Шокальского, который безусловно доверял мнению Шарко (а также мнениям некоторых других полярных исследователей), Земля Александра I с физико-географической точки зрения давно представлялась не иначе, как остров. При этом Ю.М. Шокальский не

впадал ни в какие, характерные для более поздней советской историографии эклектичные, якобы «физико-географические» рассуждения по этому поводу.

Однако что касается открытия русской экспедицией самого материка Антарктиды, у Ю.М. Шокальского здесь все, если и происходило, то только в контрафактивном значении сослагательного наклонения (как известно, контрафактивными называют такие ситуации, которые не существовали в реальном мире и никогда не будут существовать, но, тем не менее рассматриваются исследователем): «...Приди Беллингсгаузен в эти места в феврале, он, конечно, прошел бы далеко к югу и, возможно, открыл бы окраину Антарктики – Землю Виктории, найденную через 20 с лишним лет Джемсом Кларком Россом» [Шокальский 1939(в): 281].

Чем еще примечательна последняя, «антарктическая» работа Ю.М. Шокальского? В его статье размещена «Карта южного полярного пространства», на которой, через центральную часть Антарктиды проходит надпись: «TERRA AUSTRALIS или неизвестный во время плавания Беллингсгаузена ЮЖНЫЙ МАТЕРИК» [Шокальский 1939(в): 280, карта]. Причем на карте, при указании пути русской экспедиции особо отмечены подходы кораблей к матерiku – в январе и феврале 1820 года («Янв. 1820» и «Февр. 1820» [Шокальский 1939(в): 280, карта]).

Выделена была Ю.М. Шокальским на карте и другая дата – «13 янв. 1821» [Шокальский 1939(в): 280, карта] (Ю.М. Шокальский давал даты по новому стилю. – *А.О.*). Однако на карте, эта дата отнесена примерно к 160° з. д., тогда как в тексте самой статьи, читаем следующее: «...12 января 1821 года снова удалось перечесь южный полярный круг в месте, лежащем как раз между двумя высокими широтами, достигнутыми Куком. Широта, до которой при этом достигли корабли – 67°30' на меридиане 119°48' з. д.» [Шокальский 1939(в): 281]. Правильное обозначение и подпись можно обнаружить на упомянутой уже выше, подготовленной Ю.М. Шокальским и напечатанной в 1898 году карте: «Беллингсгаузен 1821 Сплошной лед» (примерно 120° з. д. – *А.О.*) [Шокальский 1898: 496–497, карта].

Возможно, что прогрессирующее плохое самочувствие не позволило Ю.М. Шокальскому обнаружить, на сопровождавшей его статью и опубликованной в «Глобусе» карте, указанные несоответствия. Также возможно, что его статья была подвергнута редактированию уже после его смерти (о такой вероятности будет сказано чуть ниже. – *А.О.*).

Небезынтересно, что в статье Ю.М. Шокальского был напечатан портрет Ф.Ф. Беллингсгаузена [Шокальский 1939: 277] от которого (портрета) советская историография вскоре напрочь отказалась (впрочем, не используя его и раньше). Речь идет о портрете, воспроизведенном в частности в 1892 году в книге М.А. Ляпиной [Русские 1892: 373]. Этот же портрет был использован Ю.М. Шокальским в его англоязычной статье [Scholkalsky 1924: 120].

Очевидно позднейшим советским авторам Ф.Ф. Беллинсгаузен на этом портрете казался «не фотогеничным», «не презентабельным». В советских источниках (в исполнении советских же художников-иллюстраторов) лица руководителей русской экспедиции становились все более волевыми, решительными.

В этой связи стоит упомянуть еще раз один, пусть и не первостепенный момент, связанный с публикациями советского беллетриста А.Г. Адамова. Именно две его статьи (напечатанные в 1949 и 1951 году) сопровождали очевидно самые безобразные в советской историографии, необычайно далекие от действительности «портреты» Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева. Это были фантазмагорические персонажи (в исполнении Б. Езикеева [Адамов 1949: 27] и И. Старосельского [Адамов 1951: 41]), строго, а то и сурово вззирающие из далекого прошлого на тех, кто покусился на «беспспорное право» СССР участвовать в решении судьбы Антарктики.

Наконец, так же причетательна опубликованная в географическом ежегоднике «Глобус» статья Ю.М. Шокальского тем, что, как в ее названии, так и в самом тексте статьи фамилия руководителя экспедиции пишется – «Беллингсгаузен» [Шокальский 1939(в): 276–282]. Дело в том, что во всех своих работах за предшествующие десятилетия Ю.М. Шокальский писал эту фамилию – «Беллинсгаузен» [Шокальский 1898; Ю.Ш. 1903; Шокальский 1917(а); Шокальский 1917(б); Шокальский 1922; Шокальский 1926; Шокальский 1928; Шокальский 1929; Шокальский 1930; Шокальский 1937; Шокальский 1939(а)].

В то же время можно обнаружить, что в первом издании «Большой Советской Энциклопедии» в статьях с упоминанием руководителя русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг., фамилия его пишется – «Беллингсгаузен» [Беллингсгаузен 1927: ст. 330–331 (эта статья в БСЭ текстуально совпадает с описанием хода и итогов экспедиции, вошедшим в книгу Ю.М. Шокальского «Океанография» [Шокальский 1917(а): 33–34], с той лишь разницей, что в 1917 году Ю.М. Шокальский писал фамилию – «Беллинсгаузен» – *А.О.*); Кругосветные 1937: ст. 249; Полярные 1940: ст. 387 (данную статью, судя по всему, написали соавторы – В. Перевалов и Е. Балашкова. – *А.О.*)].

Еще одной работой, в которой фамилия руководителя русской экспедиции пишется как «Беллингсгаузен», стала изданная в 1937 году книга профессора С.Г. Григорьева «Вокруг Южного полюса» [Григорьев 1937]. В воспоминаниях З.Ю. Шокальской можно обнаружить сведения о том, что эту работу умершего С.Г. Григорьева Ю.М. Шокальский «редактировал и снабдил добавлениями» [Шокальская 1960: 118]). Сложно утверждать, почему Ю.М. Шокальский проявлял в этом вопросе такую непоследовательность, отказываясь в ряде случаев от «русифицированной транскрипции» (говоря словами Е.Е. Шведе [Шведе 1947: 357]) фамилии руководителя экспедиции. Возможно, что сам этот

вопрос не казался ему таким уж важным, а, тем более, «принципиальным».

По воспоминаниям дочери Ю.М. Шокальского: «...Он любил повторять слова, сказанные натуралистом *Huxley*; «*Try to know something about everything and everything about something*» («старайся узнать что-нибудь обо всем и все о чем-нибудь»). Юлий Михайлович обращал внимание на то, что в изречении не сказано «знай», что было бы слишком самонадеянно, потому что как знать решительно все о каком-нибудь предмете, так и кое-что обо всем на свете – одному человеку немислимо; а сказано «старайся узнать», т. е. «именно указано, чтобы каждый искал себе задачу по силам и в то же время стремился выполнить ее по возможности шире» [Шокальская 1946: 102]. «Юлию Михайловичу, – добавляла З.Ю. Шокальская, – нравилась высказанная мысль, и он старался следовать по этому пути. Нельзя обвинить Юлия Михайловича в разбрасывании. Совокупность его знаний составляла цикл, радиусы которого с прохождением жизни все росли, быть может часто неодинаково...» [Шокальская 1946: 102].

Действительно, вряд ли можно считать, что Ю.М. Шокальский в своей научно-теоретической и практической деятельности придерживался только первой части, упомянутого девиза «натуралиста *Huxley*». В этом изречении, выражающем руководящую идею, цель научной работы, Ю.М. Шокальский усиленно (и небезуспешно) старался реализовать вторую его часть – «...*everything about something*». В том числе, применительно к изучению и освещению экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Об этом в частности говорят его материалы 20-х годов XX в. [Scholkalsky 1924; Шокальский 1928], наиболее подробно на тот период, освещавшие в российской (советской) географической науке ход этой экспедиции. И все-таки главные итоги экспедиции, ее истинные географические заслуги остались для Ю.М. Шокальского сокрытыми, были им не до конца поняты.

«Радиусы» знаний Ю.М. Шокальского действительно росли неодинаково, да и, рост их, зачастую останавливался и больше никогда не возобновлялся. В подтверждение этого можно привести еще один пример, связанный с научным, историко-антарктическим творчеством этого географа. В сравнительном плане хорошо видно, что в 1939 году (статья в ежегоднике «Глобус») понимание Ю.М. Шокальским масштаба и значения географических открытий, сделанных Первой русской антарктической экспедицией, мало чем отличалось от его же понимания событий, продемонстрированного им, скажем, более чем тридцать лет назад.

В опубликованном в 1903 году в журнале «Морской сборник» библиографическом обзоре, посвященном немецкому изданию книги Ф.Ф. Беллинсгаузена, Ю.М. Шокальский в частности писал: «Плавание Беллинсгаузена по Южному полярному океану, или, лучше сказать, кругосветное его плавание за пределами антарктического полярного

круга, и до сих пор является единственным в своем роде: ни раньше, ни после никто не совершил ничего подобного и особенно, если вспомним, что этот научный подвиг был выполнен с парусными судами, вовсе не снабженными для полярного плавания, а между тем успевшими побывать в таких местах Антарктического пространства, где с тех пор никто не был. Кроме того (*sic!* – *А.О.*), плавание Беллинсгаузена сопровождалось рядом интересных и ценных научных наблюдений, не потерявших своего значения и цены до сих пор. Лучшим доказательством (! – *А.О.*) тому является только что появившееся на немецком языке описание путешествия (экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. – *А.О.*) в извлечении, сделанном г. (господином. – *А.О.*) Гравелиусом, в Лейпциге; по своему размеру оно мало чем отличается от подлинника, но надо пожалеть, что не приложено карты плавания, один взгляд на которую сразу давал бы читателю понятие о значении всего путешествия в смысле географическом.

...Искренне и глубоко радуется сердце всякого русского моряка, когда через целое почти столетие появляется за границей описание русской работы, да еще предпринятое не отдельным лицом, а известным научным обществом, каково «Географическое общество в Дрездене» [Ю.Ш. 1903: 6–7].

«Словарь-справочник по физической географии» А.С. Баркова (1954). В самом конце 1954 года Государственное Учебно-Педагогическое Издательство Министерства Просвещения РСФСР выпустило в свет 3-е (переработанное и дополненное) издание, написанного А.С. Барковым, пособия для учителей географии – «Словарь-справочник по физической географии». В редакционном предисловии к этой книге было отмечено: «В третье издание «Словаря-справочника» внесен ряд исправлений и дополнений. ...После смерти А.С. Баркова в подготовке нового издания большую помощь оказали Ю.К. Ефремов, кандидат географических наук Д.Л. Арманд и кандидат географических наук В.Л. Котельников. По отдельным вопросам давали консультации кандидат геологических наук А.Г. Титов и кандидат географических наук Г.В. Яников» [Барков 1954: б/с].

Теперь, в отличие от издания 1940 года [Барков 1940], в словаре-справочнике А.С. Баркова присутствовали статьи «Антарктида» и «Антарктика». Причем, в первой из них было прямо указано, что Антарктида, «материк, расположенный вокруг южного полюса и открытый в 1820 г. русскими путешественниками Беллинсгаузенем и Лазаревым» [Барков 1954: 11]. «Отдельные участки, – отмечено дальше в тексте, – были открыты Уэдделом (1823), Дюмон-Дюрвилем (1838), экспедициями Скота (1902–1904) и др.» [Барков 1954: 11].

И все-таки, советская историография не была бы «советской историографией», если бы в очередной (который уже!) раз, в пределах одной книги не сообщила бы следующее: «Беллинсгаузен Ф.Ф. ...в 1819–1821 гг. был начальником экспедиции, отправленной в южнополярные

моря, дошел до 69° ю. ш., открыл Антарктиду...» [Барков 1954: 27]. Но открыл как? Читаем дальше: «...Экспедиция... открыла лежащие к югу от мыса Горн о-ва Петра I и на 69°20' ю. ш. – Землю Александра I, которая является берегом (! – *А.О.*) материка Антарктиды; приоритет открытия материка принадлежит, таким образом (! – *А.О.*), русским мореплавателям» [Барков 1954: 27].

Такая трактовка, освещение хода и итогов экспедиции, делают правомерными вопросы: был ли действительно преодолён советской историографией своеобразный «антарктический Рубикон»; отдавала ли себе эта историография отчет в том, когда именно был открыт материк Антарктиды? Конечно же на основании всего лишь одной, скончавшегося к тому времени А.С. Баркова (1953) книги, делать окончательные выводы нельзя. Посмертное издание его словаря-справочника вышло без ответственного редактора, лишь с перечислением тех, кто в той или иной степени готовил новое издание. Кто из перечисленных советских специалистов (Д.Л. Арманд или др.) внесли или допустили подобную казуистику, попросту путаницу, установить сложно. И все-таки, это весьма показательный «слепок» с советских источников 1950–1954 гг.

Глава VI. 2013 год

«...Но когда и где случилось первое наблюдение («открытие») материковой части Антарктиды?...»: *reductio ad absurdum*, как способ доказательства

«...Автору настоящей статьи...
хотелось избежать повторения
бездоказательных и плохо
аргументированных дискуссий
прошлого века...»

Рип Балкли (2013)

«...Что касается утверждения Лазарева, изложенного в письме к Шестакову..., то в этом нет ничего удивительного. Он был не супергероем, а нормальным человеком, могущим ошибаться. Как заметил один уважаемый эстонский историк, «возможно, он просто по-человечески ошибся»...»

Рип Балкли (2013)

Статья Р. Балкли «Первые наблюдения материковой части Антарктиды: попытка критического анализа» (2013). В 2013 году российский журнал «Вопросы истории естествознания и техники» (ежеквартальный научный журнал Российской академии наук) напечатал статью Рипа Балкли (*Rip Bulkeley*) «Первые наблюдения материковой части Антарктиды: попытка критического анализа» [Балкли 2013: 41–56]. В отличие от ситуации с предыдущей, англоязычной статьёй этого британского «поэта, историка и исследователя мира» (как позиционирует себя в *Twitter* сам Р. Балкли [Rip 2013]), автору нижеприведенного анализа, судя по всему, на этот раз не удалось стать «первым русскоязычным читателем» новой статьи Р. Балкли.

Дело в том, что в 2011 году Р. Балкли отправил автору текст своей, предназначенной для опубликования в журнале «*Polar Record*» статьи «*Bellingshausen's first accounts of his Antarctic voyage of 1819–1821*». После анализа этой статьи (статья была опубликована в 2013 году [Bulkeley 2013: 9–25]) автор (тогда же, в ноябре 2011 года) отправил свои краткие ответные комментарии Р. Балкли, которые были воспроизведены затем без каких-либо изменений в последней главе книги «Материк льда. Первая русская антарктическая экспедиция и ее отражение в советской историографии (1920-е–1940-е годы)» [Овлащенко 2013: 266–273]. На этот раз о существовании новой, русскоязычной статьи Р. Балкли, автору довелось достоверно узнать из

информации, размещенной на российском сайте – «Кортик: Флот. История. Люди».

В частности, на форуме этого сайта можно прочитать следующее: «*Dirk*: Получил вот такую рассылку: Оксфорд, 9/12/2013 (12 сентября. – *A.O.*). Уважаемые коллеги! Я имею честь Вам сообщить, что журнал РАН Вопросы истории естествознания и техники только что издали свою (так в тексте. – *A.O.*) статью «Первые наблюдения материковой части Антарктиды: попытка критического анализа». Анализируя все оригинальные документы, статья демонстрирует почему нельзя увериться, что русские моряки – экспедиция Беллинсгаузена – первыми открыли Антарктиду. Если Вам хотелось бы получить полный текст статьи, обратитесь пожалуйста к редакции журнала. Книга автора «*Bellingshausen and the Russian Antarctic Expedition, 1819–1821*» опубликуется в феврале 2014. С уважением, Рип Балкли, Оксфорд» [Можег 2013] (в последние годы Р. Балкли представляет оксфордский *Exeter College*. – *A.O.*).

И действительно, обратившись в редакцию «Вопросов истории естествознания и техники» (ВИЕТ), автор немедленно получил полный текст новой статьи Р. Балкли (за что и приносит редакции ВИЕТ свою благодарность). Заявленный в названии статьи Р. Балкли ее подзаголовок – «попытка критического анализа» – помимо указания на академичность материала, очевидно должен нести содержательную нагрузку. Однако уйти за скромное слово «попытка» Р. Балкли не вполне удается. Любому читателю бросается в глаза конкретная заданность, направленность этой «попытки». Удивляться этому не приходится, как в смысле общей направленности западной историографии, так и личной позиции самого Р. Балкли. А последний, как известно, призывает российских историков и географов к некоему «пересмотру» или «переоценке» результатов и главных итогов русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг.

В аннотации так и указано: «Данная статья является попыткой переосмыслить (т. е. инициативу, за неимением желающих со стороны российских специалистов, берет на себя специалист британский. – *A.O.*) имеющиеся данные и понять, действительно ли члены экспедиции Беллинсгаузена были первыми людьми, видевшими Антарктиду... или эта заслуга принадлежит все-таки британцам?» [Балкли 2013: 41]. Причем, обратим внимание, что инициирование, «пробные шары» подобного «переосмысливания» подаются из-за рубежа заблаговременно, в преддверье 200-летия открытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева.

Коллеги Р. Балкли по «историческому цеху» характеризуют его как сильного историка, постоянно публикующего свои материалы в «*Polar Record*», участвующего в международных конференциях (в том числе в качестве члена *SCAR History Expert Group*), активно работающего в различных архивах. Известно, что еще в 2011 году Р.

Балкли избегал прямо отвечать на вопрос о факте первооткрытия Антарктиды экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, подчеркивая лишь, что российским ученым чрезвычайно важно «пересмотреть» наследие Ф.Ф. Беллинсгаузена, еще раз глубже и всесторонне его изучить. Интересно, что заверения Р. Балкли о том, что его абсолютно «не интересуют» ни антарктическая политика, ни дипломатия, ни международное право (а лишь историография в некоем «чистом» ее виде) входят в явный диссонанс с названиями, да и, в первую очередь с содержанием его же относительно недавних статей: «*The Role of Antarctic Diplomacy in the Origins and Conduct of the IGY*» (2007); «*The Political Origins of the Antarctic Treaty*» (2009); «*Cold War Whaling: Bellingshausen and the Slava flotilla*» (2010).

Закаленный в ходе реализации аналитических разработок «холодной войны», советолог Р. Балкли (специализировался он на истории проведения Международного геофизического года 1957–1958 гг., а затем на тематике мирного и военного советского космоса, некоторых других вопросах) в своей публичной рассылке признает: «...*Having studied the negative effects of surprise in my Sputniks book, I have made it a priority to publish a precursor article, setting out my sceptical take on the “first discovery” question, in a journal of the Russian Academy of Sciences. That is now under way. Questions in the History of Natural Sciences and Technology (VIET) have accepted my article with no revisions (! – A.O.). I just need to make a few style changes*». Что ж, реалии современной жизни действительно допускают отмеченное «*with no revisions*». Отмена цензурных барьеров, существовавших в не столь отдаленном прошлом, дает простор теперь уже не для идеологических, а для своего рода историографических «диверсий». Однако никто не отменял возможность дать ответ-рецензию, проверить на «научное качество» пусть уже и опубликованный материал.

Собственно уже в аннотации к своей статье, Р. Балкли ставит своего читателя перед фактом: «19 февраля 1819 г. У. Смит, командир и отчасти собственник английского торгового брига «Уильямс», наблюдал Южные Шетландские острова, которые по современным представлениям являются частью Антарктического континента» [Балкли 2013: 41]. Взяв такую солидную «фору» (британцы, де-мол, «по современным представлениям» являются первооткрывателями Антарктического континента) Р. Балкли задается, для него, впрочем, заведомо риторическим вопросом: «Но когда и где случилось первое наблюдение («открытие») материковой части Антарктиды»? [Балкли 2013: 41]. Для читателя альтернативы у него следующие: «Согласно одной исторической школе, это произошло 16(28) января 1820 г., когда российская антарктическая экспедиция под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена наблюдала шельфовый ледник на побережье континента. Согласно другой, первое наблюдение произошло 30 января 1820 г., когда британская экспедиция под руководством Э. Брансфилда

обнаружила сушу, названную Землей Тринити (*Trinity Land*), которую открыватели посчитали частью южного континента...» [Балкли 2013: 41].

Делая краткий обзор антарктических экспедиций Р. Балкли пишет о том, что «Кук натолкнулся на широкие ледяные поля, часто включавшие большие айсберги». «Однако, – продолжает Р. Балкли, – никто не утверждает, что он открыл Антарктиду, потому что... подвижные ледяные поля вокруг континента не считаются его частями» [Балкли 2013: 43]. Ну, во-первых, так «никто не утверждает» потому что сам Дж. Кук не утверждал, что он открыл Антарктиду. Скорее наоборот, на некоторое время он ее «закрыл». Во-вторых, никто не утверждает и того, что наблюдая подвижные ледяные поля, пускай и включавшие большие айсберги, экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева (именно этими наблюдениями. – *А.О.*) открыла Антарктиду.

«Кук, – пишет Р. Балкли, – отметил в описании своего путешествия, что «существует большой массив суши вблизи полюса», часть которого, как он подозревал, он наблюдал. При этом Кук прибавил, что «море так загромождено льдами, что суша оттого недоступна» и сделал свое знаменитое предсказание (скорее надо вести речь не о «знаменитом», а о недалековидном предсказании, о неспособности Дж. Кука правильно предвидеть. – *А.О.*) о том, «что никогда люди не будут исследовать никакие южные земли». В эпоху, когда люди гордились техническими успехами человеческого разума, было странно слышать такую оценку со стороны офицера флота, который также разделял эту гордость» [Балкли 2013: 43].

Странно это или не странно, но Дж. Кук сказал и написал это. По старой доброй русской поговорке: «То, что написано пером, не вырубить топором». Насчет «эпохи» и «человеческого разума» не спорим, написано отчасти эмоционально, и, при дальнейшем анализе статьи, мы еще не раз увидим, что Р. Балкли не прочь прибегать к *argumentum ad hominem* (не прочь, потому что иных у него попросту нет), то есть к доказательствам, основанным не на объективных данных, а рассчитанных на чувства убеждаемого. Собственно в этом, в первую очередь и заключается новизна или «попытка» проводимого им критического анализа.

Цитируя англоязычных авторов Р. Балкли пишет, что некоторые из них полагают, что Антарктический континент открыл У. Смит. «Однако, – добавляет Р. Балкли, – подобно Колумбу в первой экспедиции в 1492 г. Смит не наблюдал *материковую часть* (выделено Р. Балкли. – *А.О.*) Антарктиды в этом плавании» [Балкли 2013: 43]. В другом месте своей статьи Р. Балкли несколько шире развил эту мысль: «...Можно обнаружить континент и не увидев его материковую часть. Наиболее известным подобным примером, вероятно, является первая экспедиция Христофора Колумба в 1492 г. В этом плавании Колумб посетил только прилегающие к Северной Америке острова, тем не менее

о нем говорят как о первооткрывателе Американского континента, совершившим свое открытие именно в 1492 г.» [Балкли 2013: 41]. Понятно, что эти пассажи предназначены в первую очередь для очередного (в пределах одной анализируемой статьи) подтверждения факта «открытия» Антарктического континента У. Смитом.

Как в настоящем, так и в предыдущем своем исследовании [Овлащенко 2013] автор неоднократно обращал внимание на практиковавшееся в советской историографии, сравнение Ф.Ф. Беллинсгаузена с Колумбом (впрочем еще в 1891 году Н. Меньшиков писал, что «Беллинсгаузен первый указал присутствие суши в Антарктическом поясе и был своего рода Колумбом этого новейшего света» [Меньшиков 1891: 390]). В частности, таким «литературно-смысловым» приемом пользовались: Н. Введенский [Введенский 1939: 47; Введенский 1940: 88], А. Георгиев [Георгиев 1948: 27–28], Г. Кублицкий [Кублицкий 1949(а)] (его статья так и называлась – «Колумбы Антарктики». – *А.О.*), А. Адамов [Адамов 1949: 27], Л.С. Берг [Берг 1949(б): 186], К. Осипов (Куперман) [Осипов 1950: 27], Б. Леонтьев [Леонтьев 1950], В.В. Невский [Невский 1950: лист «Ф.Ф. Беллинсгаузен»], вновь Л.С. Берг [Берг 1950(б): 131].

Далеко не всегда такое сравнение было лишь безобидной красивой метафорой. В целом ряде случаев такой оборот речи, заключающий в себе скрытое уподобление, должен был служить прямым указанием на «суть» достигнутых Первой русской антарктической экспедицией 1819–1821 гг. результатов. Вот, к примеру, что писал в 1948 году советский автор А. Георгиев: «...Плавание подходило к концу. За два полярных лета Беллинсгаузен почти замкнул петлю вокруг Южного полюса. Материк не был (! – *А.О.*) найден...

...Подобно Колумбу, который, высадившись на Багамских островах, не знал, что он проложил дорогу в новый мир, Беллинсгаузен, открывший антарктические острова, также не знал (! – *А.О.*), что за ними лежит огромный материк...» [Георгиев 1948: 27–28].

Советский беллетрист А. Адамов в 1949 году писал: «Скромность и огромная требовательность к себе не позволили в свое время Беллинсгаузену и Лазареву объявить о своем открытии. Но это обстоятельство не играет решающей роли. Ведь когда Семен Дежнев проплыл пролив, разделяющий Азию и Америку, он и не подозревал об огромном значении своего отважного плавания, однако его справедливо считают открывателем этого пролива. Колумб тоже был уверен, высадившись в Кубе, что он находится в Индии, однако это не умаляет его подвига, и всеми считается, что именно он открыл Америку» [Адамов 1949: 27].

В 1949 году в «Очерках по истории русских географических открытий», автор этих очерков, академик Л.С. Берг в подразделе «Оценка трудов русской антарктической экспедиции» привел лишь оценки ряда второстепенных фактов, связанных с южнополярным

путешествием. Основной результат не был предметно обозначен, а был прикрыт витиеватой метафорой. Л.С. Берг писал: «Наши славные мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев по справедливости могут быть названы Колумбами Антарктиды» [Берг 1949(6): 186].

В 1950 году К. Осипов (Куперман) сообщал своему читателю: «История дальних плаваний знает много случаев, когда путешественники совершали великие открытия, не подозревая того. Так случилось с Колумбом, Семеном Дежневым; то же (! – *А.О.*) произошло и во время экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева. В день 16 января 1820 г. они находились не более чем в 20 милях от берега Южного материка. Если бы они могли продвинуться еще на два десятка километров, то извечная загадка Антарктиды была бы разрешена уже в 1820 г.» [Осипов 1950: 26–27].

В 1951 году А.В. Соколов и Е.Г. Кушнарев в свою очередь сообщали: «Шестая часть света открыта русскими 16 января 1820 года, и невозможно отнять у них эту великую честь, так же как нельзя лишить Колумба заслуги считаться открывателем Америки с востока на том основании, что сам он принял ее совсем за другой материк» [Соколов, Кушнарев 1951: 123–125] (но, русские-то, приняли именно за «тот» материк. – *А.О.*).

Подобные примеры можно продолжать. Член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов в 1949 году писал: «...Таким образом, великие русские географические открытия явились продолжением и развитием великих географических открытий на Западе. Мы говорим о том, что Колумб открыл Америку, но это не совсем точно. Колумб открыл один из Багамских островов, мы даже не знаем точно, какой, и лишь предполагают, что это – Гуаханани или Сан-Сальвадор. Колумб никогда не был в Северной Америке и до конца своих дней был убежден, что он открыл морской путь в «Индии».

...Таким образом, будет точнее сказать, что Колумб не «открыл Америку», а «начал открытие Америки», начал дело, продолженное десятками других колумбов и тысячами их спутников. Открытие новых территорий и новых морей было результатом усилий народов и правительств разных стран» [Ефимов 1949(6): 738].

Очевидно далеко не случайным в советской историографии было сравнение руководителей Первой русской антарктической экспедиции с Колумбом, с «колумбами Антарктиды» и пр., примеры которого (сравнения), были приведены выше. В целом ряде случаев смысловая нагрузка такого сравнения отчетливо проступала (перефразируя А.В. Ефимова: «Беллинсгаузен не «открыл Антарктиду», а «начал открытие Антарктиды»). Вот еще два примера (они были использованы в предыдущей книге [Овлащенко 2013: 90–91]), по смыслу близко расположенные к подобной интерпретационной модели.

В опубликованной в 1941 году статье М. Райхенберга, последний писал: «Плавание Беллинсгаузена и Лазарева заставило географов

пересмотреть «куковскую» концепцию об отсутствии земли за Южным полярным кругом и толкнуло будущих мореплавателей заняться поисками того, что лишь нащупали русские капитаны» [Райхенберг 1941(б): 68] (еще в одной публикации М. Райхенберга этот его тезис был им вновь воспроизведен [Райхенберг 1941(а)]. – *А.О.*).

В опубликованном в том же 1941 году очерке советского географа и писателя Б.Г. Островского об адмирале М.П. Лазареве, можно было найти следующую интерпретацию: «Экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева заложила, таким образом, первый камень познания Антарктики, что привело впоследствии (! – *А.О.*) к открытию шестой части света – огромного по протяжению антарктического материка» [Островский 1941: 52] (далее мы увидим какую благоприятную почву находят эти «сюжеты» в современной западной историографии. – *А.О.*).

Упомянув экспедицию Э. Брансфилда Р. Балкли отметил, что «30 января 1820 г. британцы обнаружили сушу, которую приняли за материковую часть южного континента» [Балкли 2013: 43]. Он пишет: «Печать сообщила об открытии с указанием его даты..., а в 1825 г. была издана карта, на которой появилась Земля Тринити с «высокой горой, покрытой снегом» на северном мысу... Изданный недавно журнал мичмана К.У. Пойнтера, который находился в этом плавании, также подтверждает корректность первых британских оценок...» [Балкли 2013: 43]. Здесь не вполне понятно какую именно «корректность» подтверждает этот журнал: британских оценок тех лет, дающих понимание, что был открыт именно материк? Навряд ли о таком понимании может идти речь.

Берясь за рассмотрение источников относящихся к плаванию экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, Р. Балкли замечает: «К сожалению, с точки зрения историка, один из... источников (речь идет о дневнике матроса Егора Киселева. – *А.О.*) не является достаточно надежным для рассмотрения нашего вопроса. Некоторые события особенно важного для нас января 1820 г. матрос Кисилев (так в тексте. – *А.О.*) описывал с опозданием, например, столкновение «Мирного» с льдиной, которое по его записям случилось на неделю позже, чем указали Беллинсгаузен и Лазарев... Возможно, когда Кисилев восполнял пробелы дневника, то нечаянно сдвинул описываемые события на неделю. Такая ошибка вполне допустима, принимая во внимание трудные условия жизни и службы во время плавания, особенно плавания во льдах...» [Балкли 2013: 45].

Что ж, возможно это и так... Кстати сама советская историография никогда особенно не переоценивала дневник Е. Киселева, и, к 1950-м годам в принципе разобралась, «что здесь к чему». Так, в 1954 году Г.И. Кублицкий писал: «...Киселева не мучили сомнения по поводу гигантской ледяной стены, и он заносил в свой «памятник» более мелкие текущие события...» [Кублицкий 1954: 29–30]. Подчеркнем еще раз, что на кораблях экспедиции были люди, которые писали гораздо

лучшего Егора Киселева, к тому же вести такие записи вменялось им в обязанность.

Опуская пространные рассуждения Р. Балкли, в то же время нельзя не обратить внимание как он, в очередной раз обращается к жанру «исторической беллетристики». В частности, он пишет: «...Книги, в которых рассматривалась концепция «матерого льда», Беллинсгаузен и его офицеры могли приобрести (а могли и не приобрести... – *А.О.*) в книжных магазинах Лондона во время посещения города в 1819 г. Кроме того, летом этого года в Лондоне активно обсуждали экспедицию старшего Росса в море Баффина. ...Русские офицеры останавливались в Хангерфордской кофейне (*Hungerford Coffe-House*), в которой была библиотека с периодическими изданиями и где часто бывали английские морские офицеры. Несомненно, там обсуждались книги Росса и Сабина...» [Балкли 2013: 45–46].

«Замыкая» все на английских книгах, «книжных магазинах Лондона», наконец «кофейне», где опять-таки встречались «английские морские офицеры», Р. Балкли забывает, что и в России, в первую очередь М.В. Ломоносовым еще в 1763 году (! – *А.О.*) высказывались такие мысли: «В близости Магелланского пролива и против мыса Доброй Надежды, около 53 градусов полуденной ширины, великие льды ходят, почему сомневаться не должно, что в большем отдалении острова и матерая земля многими и несходящими снегами покрыты и что большая обширность земной поверхности около южного полюса занята оными, нежели на севере» [Гаккель 1961: 5]. Он (Р. Балкли) пытается уверить своих читателей в том, что руководители русской экспедиции, а также профессор И.М. Симонов могли узнать о предполагаемом существовании южной «ледяной шапки» только лишь из более поздних, причем зарубежных книг.

Описывая рапорты Ф.Ф. Беллинсгаузена, Р. Балкли в целом верно указывает: «Матерой лед/материк льда» у Беллинсгаузена – ледовое образование, похожее на землю, непроницаемое ни для айсбергов ни, разумеется, для судов и, напротив, являющееся источником айсбергов. Располагаясь по берегам Антарктиды, такие образования сегодня считаются частями континента. Однако во времена Беллинсгаузена, когда Антарктида оставалась неизвестной, такая точка зрения еще не получила распространения» [Балкли 2013: 46]. Тем самым Р. Балкли вольно или невольно, но сам подтверждает передовой характер научных взглядов руководителей русской южнополярной экспедиции, тех взглядов (свойственных передовой русской географической науке в целом), которые нашли подтверждение в открытии этой экспедицией «материка льда» – Антарктиды.

А вот и некоторые иные выводы Р. Балкли: «Вполне ясно, что, во-первых, экспедиция, несомненно, на мгновение (почему «на мгновение»? – *А.О.*) увидела льды, похожие на землю, во-вторых, ее наблюдений было недостаточно, чтобы составить их приблизительную

карту (?! – *А.О.*), а в третьих, эти наблюдения были сделаны 5(17) февраля 1820 г., т. е. через 18 дней после того как Брансфилд и Смит наблюдали Землю Тринити. По критерию «ледяного открытия» это было настоящее, независимое открытие материковой части Антарктиды. Но, очевидно, оно не было первым в XIX в.» [Балкли 2013: 47].

Итак, для Р. Балкли вроде бы все понятно, однако следующим же абзацем он пишет, что «остается вопрос о том, наблюдали ли Беллинсгаузен и его товарищи льды, похожие на землю, также в январе 1820 г., т. е. *прежде* (выделено Р. Балкли. – *А.О.*), чем Брансфилд со Смитом наблюдали Землю Тринити?» [Балкли 2013: 47]. Как видно этот вопрос очень занимает, более того волнует британского специалиста. Собственно ради этого (в чем бы ином не уверял нас сам Р. Балкли; об этом ниже – *А.О.*) и была написана его статья.

Еще один фрагмент текста Р. Балкли, который может вызвать некоторое недоумение. «...В книге (изданной в 1831 г. в России книге Ф.Ф. Беллинсгаузена. – *А.О.*), – сообщает Р. Балкли, – или Беллинсгаузен, или, вероятно, его редакторы сделал(и) маленькое изменение. В записи от 16(28) января выражение «ледяные горы» заменено на ледяное поле, «усеянное буграми»... Кто бы ни изменил эту фразу, сделал он это, возможно, потому, что для русских читателей «ледяная гора» означала как правило гору для катания на санках (оказывается от историографии до «лубка» всего лишь один шаг... – *А.О.*). Такое словосочетание могло показаться слишком легкомысленным для серьезного исследования» [Балкли 2013: 47].

Интересно было бы поинтересоваться, понимает ли сам Рип Балкли, что такая его «версия» выглядит более чем легкомысленно, для претендующей судя по всему на статус серьезной, его же «попытки критического анализа»? Как бы все было просто, если бы дело касалось только лишь катаний с ледяных гор, которых (катаний), «какой же русский не любит»... К тому же «маленькое изменение» (как охарактеризовал его Р. Балкли) носит весьма принципиальный характер. В 1949 году Е.Е. Шведе специально отметил, что «по вопросу о редактировании книги Беллинсгаузена в архивных делах существует целый том переписки» [Шведе 1949(а): 4]).

«По мнению Беллинсгаузена, – озвучивает от себя такое «мнение» Р. Балкли, – самые мощные льды, которые он встретил в январе, были лишь плавающими ледяными полями, усеянные айсбергами и буграми. Таким образом, российский мореплаватель никогда не утверждал, что наблюдал значительное ледовое образование прежде, чем Брансфилд со Смитом наблюдали Землю Тринити» [Балкли 2013: 47]. Для подтверждения этой «точки зрения» Ф.Ф. Беллинсгаузена, Р. Балкли цитирует ряд фрагментов из текстов И.М. Симонова и П.М. Новосильского [Балкли 2013: 47–49]. Но цитирует естественно, лишь только то, что более или менее подходит под его трактовку событий, его версию происходившего. Так, к примеру, Р. Балкли приводит фрагмент

текста из книги П.М. Новосильского «Южный полюс» (Р. Балкли воспроизводит текст из издания «Пантеон», 1853 г.).

Вот текст П.М. Новосильского, который цитируем по изданной в 1853 году, его книге: «...16-го (16 января 1820 г. – А.О.)... В полдень, в широте 69°25', долготе 2°15' западной, сквозь шедший снег открылся впереди сплошной лед; ...достигли до обширного ледяного поля, усеянного пригорками и простиравшегося от востока чрез юг на запад; надо было выйти из этой бухты, почему и поворотили на северо-запад» [Южный 1853: 29]. Комментируя этот фрагмент текста Р. Балкли заключает: «Его (П.М. Новосильского. – А.О.) решение использовать термин «пригорки» вместо «бугры» в книге Беллинсгаузена... доказывает, что Новосильский вполне соглашался с командиром» [Балкли 2013: 48].

Какое «решение»? Что «доказывает»? С чем «соглашался»?!

А вот, якобы «с чем». «В январе 1820 г., – тут же продолжает Р. Балкли, – российские моряки не увидели никакой ледяной структуры, похожей на землю. В этот месяц они наблюдали только широкие ледяные поля, включающие айсберги с ледяными торосами» [Балкли 2013: 48]. Подгоняя под свою «версию» текст П.М. Новосильского, Р. Балкли считает, что бывший мичман «аналогично Беллинсгаузену... по-разному интерпретирует наблюдения 5(17) февраля 1820 г. и январские» [Балкли 2013: 49].

Прочитируем вновь текст П.М. Новосильского (и снова по изданию 1853 года): «5 февраля... Прошед между... островами, мы устремились сквозь разбитый лед к ледяному берегу; день был ясный, вид ледяного берега с высокими отвесными стенами представлял грозную, величественную картину. Несмотря на чашу льда, капитан Беллинсгаузен продолжал идти к ледяному берегу, чтобы удостовериться, нет ли где какого прохода к югу; ...а потом пошли вдоль ледяного берега к востоку» [Южный 1853: 30] (интересно, что из этого, принадлежащего перу П.М. Новосильского описания, может подтвердить утверждения Р. Балкли о том, что русская экспедиция лишь «на мгновение (! – А.О.) увидела льды, похожие на землю» [Балкли 2013: 47]. – А.О.).

Какой же вывод из этого фрагмента текста П.М. Новосильского делает, отстаивающий версию открытия Антарктиды русской экспедицией не – 16(28) января 1820 г., а – 5(17) февраля 1820 г., Рип Балкли? Он пишет: «Новосильский не упоминал ни «неподвижный лед», ни «ледяной берег» в январе 1820 г. Как и Беллинсгаузен, он упоминает лед такого типа только в феврале» [Балкли 2013: 49].

Ошибаетесь, досточтимый Рип Балкли, очень ошибаетесь!

«Шлюпы, – сообщает в 1854 году П.М. Новосильский, – достигнув 69°25' ю. ш. и 2°15' з. д. (вполне понятно, что исходя из приведенных П.М. Новосильским координат, речь может идти только о дне 16(28) января 1820 г. – А.О.) остановлены были в дальнейшем на юг плавании

неподвижным ледяным берегом (курсив мой. – А.О.), усеянным бесчисленными кусками льда, один на другой взгроможденными, и потому должны были поворотить на север.

5 февраля суда опять находились в широте $69^{\circ}6\frac{1}{2}'$, при $15^{\circ}51'$ в. д. В это время они достигли высокого с отвесными стенами берега, в котором нигде не видно было ни малейшего отверстия к югу...» [Шестой 1854: 8–9].

Автор далеко не случайно процитировал только что слова П.М. Новосильского, относящиеся к описанию экспедиционного дня 5(17) февраля 1820 г., четко отделенного очевидцем и участником экспедиции от событий 16(28) января 1820 г. Ниже можно будет увидеть, как «обошлись» Р. Балкли и «один уважаемый эстонский историк», с важнейшим источником историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

По иронии, несмотря на утверждения Р. Балкли, что П.М. Новосильский не упоминал ни «неподвижный лед», ни «ледяной берег», последний упомянул все это, причем совместив все это в одном понятии – «*неподвижный ледяной берег*». Писал П.М. Новосильский это, уже в другой своей книге – «Шестой континент, или краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса». На сложную судьбу этой книги в советской историографии автор уже неоднократно обращал внимание [Овлащенко 2013]. Нельзя сказать, что Р. Балкли не демонстрирует знакомства с этим источником. В его статье есть цитата из книги «Шестой континент». Правда приводит ее британский специалист с той целью, чтобы показать, что «Новосильский, который впоследствии стал членом Императорского Русского географического общества, вполне был осведомлен о вышесказанном открытии Брансфилдом «высокой горы»...» [Балкли 2013: 43–44].

Более того, во введении к своей предыдущей монографии, автор процитировал только что приведенные слова П.М. Новосильского о событиях 16(28) января 1820 года, и добавил, что «именно так относились к главному результату экспедиции ее непосредственные участники» [Овлащенко 2013: 10–11]. Как сама книга, так и, разумеется, в еще большей степени введение к ней хорошо известны Р. Балкли, готовившему по поручению редакции «*Polar Record*» рецензию на это издание. Вопрос отчего такая важная, ключевая для понимания вопроса цитата осталась в статье Р. Балкли что называется «за кадром», повидимому надо признать риторическим.

«Выводы, – (у Р. Балкли), – напрашиваются следующие. Из пяти свидетельств о первом антарктическом сезоне (первом этапе плавания. – А.О.) экспедиции четыре вполне согласуются друг с другом (мы только что убедились, что это совершенно не соответствует действительности, что цитаты либо попросту «притянуты за уши», либо замалчиваются. – А.О.). В некоторых случаях в январе 1820 г. экспедиция встречала широкие ледяные поля, часто включавшие айсберги, подобные тем,

которые 45 лет назад уже видел Кук. Но 5(17) февраля 1820 г. экспедиция наблюдала не ледяное поле, а что-то принципиально иное. И свидетели этого события явно интерпретируют его как наблюдение огромной ледяной структуры, похожей на землю, на берегу материковой части Антарктиды...» [Балкли 2013: 49].

Что касается позиции Ф.Ф. Беллинсгаузена, то, со слов Е.Е. Шведе (опубликовавшего свою рецензию в 1947 году), соотечественник Р. Балкли, Ф. Дебенхэм «рекомендует просмотреть журналы и записи Лазарева и Завадовского, считая, что у них должно было зародиться сомнение в правильности оценки Беллинсгаузена» [Шведе 1947: 358]. И, Рип Балкли, правда совсем с иной целью, действительно «просмотрел записи» М.П. Лазарева. Точнее, его письма к А.А. Шестакову. Именно на этот источник русской антарктической историографии попытался направить (вместе с «одним уважаемым эстонским историком») главные деструктивные усилия Р. Балкли.

Автор далеко не случайно в начале своей рецензии сравнил статью Р. Балкли с «историографической диверсией» (причем неприкрытой), при которой, только что упомянутые деструктивные усилия направлены на разрушение, нарушение нормальной структуры источниковедческой базы экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. Эти же усилия направлены на лишение доверия, подрыв, умаление авторитета исторических источников (собственно тут наблюдается отчетливая преемственность с британцем Ф. Дебенхэмом, «подкинувшим» в 1945 г. идею о том, что «отсутствие нескольких часов ясной погоды» якобы помешало открыть Антарктиду уже 16(28) января 1820 г.).

Процитируем в очередной раз наиболее интересные Р. Балкли строки из письма М.П. Лазарева. В частности, М.П. Лазарев сообщал своему давнему другу А.А. Шестакову: «16-го генваря достигли мы широты 69°23' S где встретили матерой лед чрезвычайной высоты и в прекрасный тогда вечер (оставляет ли такое свидетельство очевидца жизнеспособной, только что упомянутую «версию» Ф. Дебенхэма? – А.О.), смотря на саленгу, простирался оный так далеко как могло только достигать (выделено в тексте. – А.О.) зрение, но удивительным сим зрелищем наслаждались мы недолго, ибо вскоре опять запасмурело и пошел по обыкновению снег. Это было в долготе 2°35' W от Гринвича. Отсюда продолжали мы путь свой к Осту, покушаясь при всякой возможности к Зюду, но всегда встречали льдинный материк не доходя 70°» [Письма 1918: 55].

Этот текст М.П. Лазарева, а также приведенное несколько выше свидетельство П.М. Новосильского, в котором речь шла о нахождении кораблей экспедиции в непосредственной близости от «неподвижного ледяного берега», делавшего невозможным дальнейшее их продвижение к югу (именно 16(28) января 1820 г. – А.О.), вместе они, являются важным свидетельством открытия Антарктиды.

Р. Балкли пишет: «Описывая это событие, Лазарев соглашается с другими свидетелями во всем (? – *А.О.*), кроме самого важного – даты. По мнению Лазарева, наблюдение «матерого льда» произошло на 20 дней раньше, чем писали Беллинсгаузен и Новосильский (в последнем случае, Р. Балкли можно лишь посоветовать более внимательно относиться к тексту источников, а возможно и не замалчивать их. – *А.О.*). Если это так, то наблюдение произошло раньше, чем Брансфилд со Смитом открыли Землю Тринити» [Балкли 2013: 49] (все-таки как неподдельно волнует это Р. Балкли! – *А.О.*).

Но, добавим от себя, М.П. Лазарев в своем описании вовсе не «соглашается» ни с какими «свидетелями», а пишет от себя, без ссылок на кого-либо. Возможно, что здесь следует вести речь о погрешностях перевода, но тогда этот вопрос надо адресовать Виталию Нечитайленко и Валентину Смирнову, которые «добровольно помогли» [Балкли 2013: 56] Р. Балкли перевести статью на русский язык.

«Чтобы обсудить, – пишет дальше Р. Балкли, – такое важное фактическое расхождение в свидетельствах Лазарева и Беллинсгаузена, необходимо внимательно исследовать письмо Лазарева, включая его материальное состояние (надо полагать – письма? – *А.О.*)» [Балкли 2013: 50]. Как сообщает Р. Балкли, он, во время своей работы Российском государственном архиве Военно-Морского Флота в 2011 г., «к сожалению, не вполне оценил значение этого аспекта». У него «создалось впечатление, что те письма Лазарева к Шестакову, которые сейчас доступны для исследователей, представляют собой ранние фотокопии старых документов». «Но сделаны эти фотокопии, – продолжает разбираться Р. Балкли, – с оригинальных писем Лазарева или со старых рукописных копий с них, неясно. А во втором случае существует некоторая вероятность, что они не свободны от ошибок копирования» [Балкли 2013: 50].

К чему как принято говорить, «клонит» Р. Балкли, пока еще не до конца понятно, но догадаться уже вполне можно. «Например, – пишет он, – когда письма впервые издавались в 1918 г., неизвестный редактор «К. Ж.» заметил, что «письма печатаются с копии, с соблюдением современной орфографии»... Обе версии письма – сегодняшний архивный документ и печатный текст 1918 г. – характеризуются некоторыми отличиями, которые могли возникнуть при ручном копировании письма. Например, имена офицеров начинаются с «П» («П. Петрович Стогов», «П.Н. Игнатьев»), когда должны были начинаться с «И» [Балкли 2013: 50]. По мнению Р. Балкли, это «ошибки самого Лазарева» [Балкли 2013: 50].

Итак, «вина» возложена не на анонимных копировщиков, что было бы более понятно, а, на автора письма – М.П. Лазарева. Именно так начинает ткать Р. Балкли «сеть» своих доказательств. Описав еще несколько сугубо конспирологических моментов, связанных по мнению Р. Балкли с датировкой письма [Балкли 2013: 50], он переходит к

разбору стиля этого письма. По мнению Р. Балкли, «два фактора повлияли на письменный стиль Лазарева – личность автора и тип текста, который он сочинял». «Судя по письмам к Шестакову, – считает Р. Балкли, – Лазарев обладал экстравертным, «проактивным» характером и был довольно невнимателен к подробностям» [Балкли 2013: 50].

После этого Р. Балкли приводит (здесь, разумеется, нет места воспроизвести их) примеры, которые якобы должны подтвердить данные им М.П. Лазареву оценки. В результате персонаж Р. Балкли (именно его «персонаж», а не реальный М.П. Лазарев) все больше напоминает персонаж Альфонса Доде, известного Тартарена из Тараскона, или же еще более знаменитого, подобного героя Эриха Распе – барона Мюнхгаузена.

Стоит упомянуть еще одну, далекую от действительного положения вещей, фразу Р. Балкли. «Если же бы он (М.П. Лазарев – *А.О.*), – уверяет читателей Р. Балкли, – углублялся в детали и уточнения, его письма оказались бы скучными» [Балкли 2013: 51]. Но любой кто сочтет за труд прочитать письма М.П. Лазарева *А.А. Шестакову*, будет иметь возможность убедиться в том, что письма эти переполнены подробностями (вплоть до мельчайших), но при этом с большим интересом читаются.

Разбирая затем некоторые ошибки в письме *А.А. Шестакова* и, таким образом, подводя «антропологическую базу» под некую «невменяемость» М.П. Лазарева (под «ограниченную письмособность» или, своего рода, пограничное состояние это уж точно), Р. Балкли делает «логичный» вывод: «Некоторые особенности письма свидетельствуют о том, что его нельзя считать полностью достоверным источником» [Балкли 2013: 50]. Среди таких «некоторых особенностей» Р. Балкли предполагает следующие: «Ко времени, когда Лазарев писал письмо, он, возможно, закончил все хлопоты, связанные с завершением плавания, и ушел во вполне заслуженный отпуск. Возможно также, что в случае Лазарева мы видим проявление «телескопического эффекта» памяти, когда близкие события кажутся далекими и наоборот. Интересно, что подобный эффект часто имеет место, когда человек излишне уверен в своих силах – от письма же Лазарева веет именно победным духом» [Балкли 2013: 53].

Чем только не «наградил» английский поэт Р. Балкли русского моряка М.П. Лазарева. Неловко обращать на это внимание, но больше всего Р. Балкли не нравится как раз этот самый, русский, лазаревский «победный дух». В понимании Р. Балкли и, если говорить языком медицины – это явная аффектация. Пурифицируя и возвышая в противовес М.П. Лазареву Ф.Ф. Беллинсгаузена, Р. Балкли сразу же вслед за этим пишет: «С другой стороны, Беллинсгаузен написал рапорт из Австралии..., на котором основаны два последних описания первого антарктического сезона (первого этапа плавания. – *А.О.*)..., менее чем через три месяца после событий, с помощью писарей (довольно

сомнительный, мало что добавляющий по сути аргумент. – *А.О.*), имея под рукой ежедневные записи работ экспедиции, и менее чем через год после начала трудного плавания» [Балкли 2013: 53].

«Все это, – резюмирует британский историк, – говорит о том, что письмо Лазарева – не вполне надежный источник, особенно что касается дат...». «Впрочем, – снисходительно добавляет Р. Балкли, – Лазарев не виноват (*sic!* – *А.О.*) в том, что некоторые историки некритически использовали его письмо и сделали ошибочные выводы из такого частного, неофициального документа, не проведя того анализа, который провели мы сейчас» [Балкли 2013: 53].

Да, действительно, до подобной «попытки» критического анализа историография (надо понимать, и западная, не говоря уже о российской) еще не доходила. Недаром при перечислении существующих недостатков антропологического метода, указывают на самый очевидный из них: предельная размытость даже не методологии, а методики работы с исходным материалом. До сих пор никто из представителей антропологического направления не сформулировал ответ на вопрос: исходя из каких признаков должен осуществляться отбор фактов личной жизни и определения степени их важности для исследователя? Сама антропологическая парадигма допускает использование разнообразных и не всегда согласованных исследовательских методов, основным критерием выбора которых является продуктивность (иными словами «цель оправдывает средства». – *А.О.*) в рамках интересующей предметной области [Крих, Метель 2014: 161–162].

Между прочим рецензент может дать в руки британского историка дополнительные аргументы, «проливающие свет» на личность М.П. Лазарева. К примеру этот русский моряк и кругосветный путешественник писал все в том же письме А.А. Шестакову следующее: «Получил твое письмо, любезный друг Алексей Антипович, ...и крайне для меня было приятно, что ты *нас чудаков* (выделено М.П. Лазаревым. – *А.О.*) еще не забываешь» [Письма 1918: 53]. Разве может серьезный, не вздорный человек назвать себя «чудаком», да еще и во множественном числе...?

Заканчивая это свое письмо М.П. Лазарев, прямо-таки откровенничал: «Заврался брат я, пора перестать. Остаюсь преданный М. Лазарев» [Письма 1918: 63]. Такое самопризнание М.П. Лазарева (не по поводу дружеской преданности, а по поводу «заврался») конечно же не делает более достоверными сделанные им описания. Можно еще помочь британскому специалисту в составлении социоантропологического портрета М.П. Лазарева. В письме А.А. Шестакову (было написано 7 июля 1833 г.) о своем возвращении в Феодосию из Босфора и, о предстоящем практическом плавании эскадры, М.П. Лазарев признавался: «...Мне денег много не нужно, два или три блюда за столом да рюмочку хорошего винца, вот и все мои прихоти...» [Письмо 1955: 123].

Объединивший сам в своем собственном лице и «обвинение» и «защиту» М.П. Лазарева (а фактически инсинуируя личность этого выдающегося моряка, путешественника, флотоводца), Р. Балкли делает вывод о том, что «письмо Лазарева – недостаточно достоверный исторический источник, чтобы мы (здесь вопрос, кого под этим «мы» подразумевает Р. Балкли? – А.О.) могли ему доверять при описании антарктических событий и отвергать единомыслие (по существу) других свидетелей» [Балкли 2013: 55]. Однако отмеченное им «единомыслие» в отношении даты 5(17) февраля 1820 г. – фикция, иными словами, прием, заключающийся в том, что действительность подводится под какую-либо условную формулу, в данном случае «феврализацию» первооткрытия.

Среди своих аргументов, которые должны были подтвердить, что письмо «нельзя считать полностью достоверным источником», Р. Балкли указал, что «это было частное, неофициальное письмо, которое Лазарев не думал не передавать кому-либо, ни хранить как документ» [Балкли 2013: 53]. Несколькими страницами раньше, в сноске можно обнаружить еще один, судя по всему, еще более «весомый» аргумент: «Лазарев не писал для потомства. Не он, а семья Шестакова сохранила его письма» [Балкли 2013: 50, сноска 41]. Тем не менее для кого бы не писал М.П. Лазарев, письма его сохранились (интересно, как мог М.П. Лазарев «передавать кому-то» или «сохранять» свои, отправленные (!) А.А. Шестакову письма? – А.О.).

Именно для дискредитации провел Р. Балкли свой «критический анализ» писем М.М. Лазарева (была даже составлена таблица «Разные сведения о смерти во время экспедиции Беллинсгаузена» [Балкли 2013: 52]). Все это сделано с той же весьма прозрачной целью – показать, что эти письма недостаточно достоверны как исторические источники, а М.П. Лазарев в свою очередь, является «не вполне» адекватным свидетелем описываемых им же событий. Между тем советская историография достаточно серьезно относилась к этим письмам М.П. Лазарева, причем не только в части, касающейся русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. Например, в 1955 году полковник К.И. Никульченков писал: «Из письма М.П. Лазарева к А.А. Шестакову от 11 сентября 1832 г. видно, что боеспособность Черноморского флота в тот период была на низком уровне» [Никульченков 1955: VI].

А вот и самый «сильный», прибереженный Р. Балкли аргумент: «Что касается утверждения Лазарева, изложенного в письме к Шестакову, что российская экспедиция наблюдала такую ледяную структуру не 5(17) февраля, а 16(28) января 1820 г., то в этом нет ничего удивительного. Он не был супергероем, а нормальным человеком, могущим ошибаться. Как заметил один уважаемый эстонский историк, «возможно, он просто по-человечески ошибся» (здесь у Р. Балкли идет ссылка на источник: *Tammiksaar. E. Russian South Pole Expedition in the Context of Political Interests of the Russian Empire and the Soviet Union /*

Cold in Russia: Ice, Snow and Frost in Russian History / J. Herzberg (ed.). New York (forthcoming) [Балкли 2013: 55, сноска 58]. – *А.О.*)... Так же просто объясняется, может быть, почему Лазарев неточно вспомнил дату этого события (5(17) февраля). Дело в том, что несколько ранее, а именно 16(28) января, произошло другое важное событие: экспедиция достигла самой южной точки в плавании 1820 г. В следующем году она продвинулась еще дальше на юг» [Балкли 2013: 55–56].

Что это (со стороны Р. Балкли и «одного уважаемого эстонского историка»), если не *reductio ad absurdum* – доведение до нелепости, как способ доказательства. Это при том, что в своем «последнем соображении» Р. Балкли подчеркнул, что в статье ему «хотелось избежать повторения бездоказательных и плохо аргументированных дискуссий прошлого века» [Балкли 2013: 56]. Но зато (и рецензент это охотно признает) в руках таких аналитиков историческая наука по крайней мере не скучна. Можно посоветовать британскому историку провести теперь, после эпистолярного наследия М.П. Лазарева, психологический анализ (и также, как и в первом случае, вплоть до отдельных психомоторных проявлений анализируемой личности) гораздо более обширного творческого наследия П.М. Новосильского, ясно указавшего, что 16(28) января 1820 г. корабли экспедиции были у «неподвижного ледяного берега» [Шестой 1854: 8]. Впрочем, если у Р. Балкли действительно так все «просто», то и на этот раз (с привлечением мнения одного «уважаемого эстонского историка»?) можно будет заявить, что П.М. Новосильский возможно «просто по-человечески ошибся»...

Тезис Р. Балкли относительно того, что «он (М.П. Лазарев. – *А.О.*) не был супергероем, а нормальным человеком», тоже очень удобно укладывается в исповедываемую им антропологическую парадигму. Антропологизм «вовсе не подразумевает наличие пиетета к личности исследуемого объекта, тем более, восторженное сосредоточение на уникальных качествах этой личности» [Крих, Метель 2014: 166].

Все в том же «последнем соображении» Р. Балкли выступает с неким программным заявлением: «Никто из этих мореплавателей – Смит, Брансфилд, Беллинсгаузен (а именно эту «последовательность» Р. Балкли отстаивает и в своих заключительных тезисах [Балкли 2013: 55]. – *А.О.*) – никогда не претендовал на то, что он со своей командой одним махом «открыли Антарктиду»... Антарктида только коллективно, медленно и постепенно открывала себя, подобно полярной станции при выюге. Хронология этих трудоемких шагов – просто фактическая. Она не имеет никакого значения для современной и будущей деятельности России, Великобритании или любой другой страны в Антарктике (ох, как хочет в этом убедить Р. Балкли своего российского читателя... – *А.О.*). Такая деятельность осуществляется в соответствии с современными реальностями, и будет зависеть, между прочим, от

потенциала научного знания, изменения климата, конкуренции за ресурсы и условий Антарктического договора» [Балкли 2013: 56].

Можно в очередной раз заметить, что сторонник и якобы представитель «чистой историографии», Р. Балкли, неплохо ориентируется как в естественно-научных, так и в политико-правовых антарктических вопросах. С другой стороны, не может не возникнуть простой вопрос: зачем же «копья ломать», если вся, отмеченная Р. Балкли хронология, «просто фактическая»? Кстати, о некоем «коллективном» («на троих», «на четверых») открытии Антарктиды, рецензент, с привлечением соответствующих примеров из советской историографии уже писал. Западная историография (ясно, что не из-за научных соображений, а исходя из прагматических целей) то и дело поддерживает сегодня такие трактовки. Воспроизведем еще раз, уже приведенный выше фрагмент одного текста.

Вот что можно прочитать в обзоре докладов, озвученных на международной конференции «Мороз, лед и холод: холодный климат и русская история» (Москва, Германский исторический институт в Москве (ГИИМ), 16–18 февраля 2012 г.): «Совсем иной подход к теме первопроходцев избрал эстонский географ Эрки Таммиксаар (Тарту) в докладе «Российские экспедиции к Южному полюсу в контексте политических интересов Российской империи и Советского Союза», предприняв попытку ответить на вопрос, имеет ли смысл (вопросом задается действительно профессионал, историк или географ? – *А.О.*) стремление к однозначному определению первооткрывателя Антарктического континента. Ведь сам факт достижения земли, как в случае с Колумбом или Янсоном, не был воспринят обществом как открытие Америки или Австралии. А Антарктика, так же как и эти континенты, была «открыта» не один раз: признавая существование земли под толщей льда, ни Беллинсгаузен, ни его последователи не могли этого доказать. Рассмотрев историю рецепции результатов экспедиции Беллинсгаузена вплоть до 1949 года, когда в советской историографии впервые появилось утверждение об открытии Антарктики (точнее – Антарктиды. – *А.О.*) уже в 1820 году, Таммиксаар отметил, что вопрос о первооткрывателях приобрел значение исключительно в политическом контексте холодной войны, в то время как научное значение (не вполне понятна проводимая Э. Таммиксааром дихотомия – «первооткрыватели – научное значение», поскольку в таком первооткрытии и заключается главное научное значение экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева. – *А.О.*) экспедиции 1819–1921 годов (так в тексте. – *А.О.*) так и не стало объектом дискуссий» [Гадалова 2013].

Можно совершенно точно утверждать, что точка зрения Э. Таммиксаара на вопросы открытия Антарктиды прямо коррелирует с «творческим багажом» Р. Балкли. Точнее, надо вести речь о взаимном корреспондировании взглядов и подходов этих авторов, их, своего рода

творческом «конкубинате», от которого и появляются на свет историографические новации подобные «ошибке» М.П. Лазарева (в своей статье Р. Балкли благодарит Э. Таммиксаара «за значительную помощь в поиске исследовательских материалов» [Балкли 2013: 56]).

Эти два специалиста – британский и эстонский, буквально «дуэтом», в два голоса вопрошают и утверждают: «...Антарктида только коллективно, медленно... открывала себя» [Балкли 2013: 56]; «...Имеет ли смысл стремление к однозначному определению первооткрывателя Антарктического континента» [Гадалова 2013]; «хронология... – просто фактическая; она не имеет никакого значения...» [Балкли 2013: 56]; «...вопрос о первооткрывателях приобрел значение исключительно в политическом контексте холодной войны...» [Гадалова 2013].

Особенно обращает на себя внимание последний тезис «одного уважаемого эстонского историка». Если тезис этот действительно верен, то в каком контексте должна представлять сегодняшняя статья Р. Балкли, всеми правдами и неправдами старающегося доказать (в том числе и при помощи «исследовательских материалов» Э. Таммиксаара), что открытие («первое наблюдение») Антарктического материка осталось не за русскими? С какой целью тогда эта статья написана, да еще и переведена на русский язык, и, наконец, опубликована в журнале Российской академии наук «Вопросы истории естествознания и техники»?

Может быть, вот это, «излишне волнует» зарубежных специалистов: «Анализ карты и изучение материалов экспедиции убедительно показывают грандиозность научного исследования, предпринятого Россией в первой половине XIX в. в Южной полярной области Земли, и открытия нового материка – Антарктиды, что явилось выдающимся событием в истории науки и в мировой истории в целом» [Есаков 1996: 107]. Написал это в 1996 году – в год 300-летия Российского Флота, доктор географических наук (1974), профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1985), почетный член РГО (1985), ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН [Есаков 1993: 307] – В.А. Есаков. Между прочим, статья его была опубликована в том же журнале – ВИЕТ, где сегодня напечатан материал Р. Балкли. Понятно, что сегодня это уже несколько иной журнал (вот как в своей публичной рассылке Р. Балкли сообщал, скорее всего, его самого удививший факт: «...*Questions in the History of Natural Sciences and Technology (VIET) have accepted my article with no revisions. I just need to make a few style changes*»).

Есть в статье Р. Балкли раздел полностью посвященный его заочной полемике с доктором исторических наук (1958), профессором (1967) [Белов 1993: 81], специалистом в области истории географических исследований М.И. Беловым (1916–1981). Кстати обратим внимание, что в статье Р. Балкли практически не упоминается

картографический материал, в первую очередь – отчетная навигационная карта Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг. Нет ли здесь со стороны самого этого британского историка проявлений, упомянутого им применительно к «психологическим особенностям» личности М.П. Лазарева «телескопического эффекта» памяти, «когда близкие события кажутся далекими и наоборот»...?

Как хорошо известно, эту карту обнаружил современник Р. Балкли М.И. Белов и о ней много говорилось в советской и зарубежной научной и научно-популярной литературе. Без, хотя бы, упоминаний этой карты (которая, как отмечал в *1965 году* М.И. Белов, «позволила доказать, что 27 января 1820 года русские корабли удалось подвести к антарктическому берегу на полторы-две мили», хотя «раньше речь шла о тридцати-пятидесяти милях» [Белов 1965]. – *А.О.*), претендующая на «попытку критического анализа» статья Р. Балкли выглядит глубоко ущербной, да и, прямо скажем, неполноценной с научной точки зрения.

Почему-то британский специалист свой раздел «Источники для исследования экспедиции Беллинсгаузена», да и всю следующую за этим «попытку» анализа, основывает лишь на письменных источниках: работах Ф.Ф. Беллинсгаузена, И.М. Симонова (рецензент намеренно не рассматривает в своем обзоре позицию И.М. Симонова, оставляя этот вопрос на последующие свои исследования; здесь же стоит привести мнение представителя современной российской историографии, доктора географических наук В.С. Корякина, который в *2008 году* писал: «Что касается главного достижения экспедиции – открытия Антарктиды, то выводы и суждения Симонова по этому предмету оказались достаточно противоречивыми» [Корякин 2008: 25]), П.М. Новосильского, письмах М.П. Лазарева?

Между тем, еще в *1961 году* М.И. Белов подчеркнул, что до обнаружения и анализа карты, этого картографического источника, «ученые располагали ограниченным числом документов: труд Ф.Ф. Беллинсгаузена (как подчеркивал М.И. Белов, «эта рукопись претерпела многие превратности и подверглась искажению со стороны ее редакторов...». – *А.О.*), приложение к нему – Атлас карт, различных видов и рисунков, письмо М.П. Лазарева от 24 сентября 1821 года своему другу А.А. Шестакову...». «В этом письме, – обращал внимание М.И. Белов, – знаменитый русский мореплаватель писал, что экспедиция, в которой он участвовал, была вблизи «льдиного материка» и «матерого льда» [Белов 1961(а)]. Именно этот источник, как было показано выше, попытался подвергнуть «ревизии» Р. Балкли.

«Ясно, – продолжал М.И. Белов, – какое большое значение приобретает путевая карта русской антарктической экспедиции, составленная в ходе плавания шлюпов «Восток» и «Мирный», при участии и под руководством самого Ф.Ф. Беллинсгаузена. Во всяком случае это пока единственный, неискаженный редакторской рукой подлинный документ, по своему характеру самый надежный и точный.

Он значительно обогащает наши знания об открытии Антарктиды русскими морями» [Белов 1961(а)].

Нельзя не отметить, что судьба отчетной карты как исторического источника, также заслуживает внимания. В 1961 году М.И. Белов сообщил: «В 1949–1951 гг., занимаясь в архиве старинных карт, мне довелось увидеть эту карту в разделе «Бассейн Северного Ледовитого океана». Только теперь (то есть более чем, через 10 лет. – *А.О.*), готовя «Атлас Антарктики», Арктический и антарктический институт поручил группе своих сотрудников издать отчетную карту Беллинсгаузена...» [Белов 1961(б): 6]. В 1965 году М.И. Белов задавался вопросом: «Как же получилось, что отчетная навигационная карта русской антарктической экспедиции пролежала сто сорок лет, когда исследователи сбились с ног в поисках документов?» [Белов 1965]. Сегодня можно задаться вопросом о том, почему Р. Балкли не использует в своей статье этот источник?

Как точно заметил в 1962 году М.И. Белов, «...во всех западных исторических работах серьезно хромает документальная сторона» [Белов 1962: 105]. «Поэтому нет ничего удивительного в том, – писал дальше М.И. Белов, – что во взглядах Запада на такой важный вопрос, как приоритет открытия шестой части света, все осталось по-прежнему (как в 1962, так и в 2013 году; времена повторяются... – *А.О.*). Английские авторы, несмотря на противоречащие их утверждениям факты, продолжают называть имя британского морского офицера Эдварда Брансфильда как первооткрывателя, якобы видевшего 30 января 1820 г. полуостров Тринити, а американцы еще никак не решаются сделать шаг в сторону признания этого права не только за русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева, но и за Брансфильдом, выдвигая в качестве первооткрывателя зверобоя из Коннектикута Натаниэля Пальмера, находившегося в ноябре 1820 г. вблизи Земли Грэма» [Белов 1962: 105].

Карты, как историко-географический источник, Р. Балкли упоминает лишь применительно к плаваниям своих соплеменников. Впрочем о «картографической деятельности» русской экспедиции у него есть одно упоминание. Выше уже была приведена пространная тирада, где, в частности, говорилось о том, что 5(17) февраля 1820 г. «экспедиция, несомненно, на мгновение увидела льды, похожие на землю, ...ее наблюдений было недостаточно, чтобы составить их приблизительную карту...» [Балкли 2013: 47]. Увлечшись лингвистическими выкладками о «ледяных горках» для катания на санках, составлением сопоставительной таблицы об умерших матросах, выводением психологического портрета М.П. Лазарева и пр., Р. Балкли оставил в стороне и без внимания самое главное. А именно то, что М.И. Белов охарактеризовал как «подлинный документ, по своему характеру самый надежный и точный». С другой стороны, вряд ли у Р. Балкли это произошло случайно...

В 1949 году, рассматривая вопрос в ретроспективе Дм. Голубев писал: «Правительства великих морских держав и в первую очередь Англии и Франции были неприятно задеты успехами русских исследований в Антарктике. Особенно это касается англичан... Англия боялась возросшего могущества России и ясно, что в этой стране старались всячески умалить значение и успехи русской антарктической экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева» [Голубев 1949: 60]. Несколько позднее, в 1960 году М.И. Белов отметил: «Признание русского приоритета в открытии Антарктиды, правда, запоздалое, пришло из Англии, считавшей до недавнего времени своего мореплавателя Брандсфильда («Брансфилд» у Р. Балкли. – *А.О.*) первым, кто открыл этот материк. Имею в виду статью Анджелы Крум, помещенную в журнале «*Discovery*» за сентябрь 1960 г., в которой она признала, в связи с находкой новых документов об экспедиции Беллинсгаузена, что «русская научная экспедиция может претендовать на то, что она первая увидела Антарктический континент» [Белов 1960: 89, сноски 1].

Свою полемику с М.И. Беловым британский историк начинает так: «Известный историк Михаил Белов предложил дополнительный аргумент, кроме письма Лазарева (а письмо это согласно Р. Балкли, как мы хорошо помним, «недостаточно достоверный исторический источник» [Балкли 2013: 55]. – *А.О.*), в качестве подтверждения того, что Антарктида была открыта российскими моряками» [Балкли 2013: 54].

На самом деле, как историк-профессионал (а не популист от истории, пытающийся испечь из «прогорклой муки» новые «историографические блины», да еще и «погорячее»), со вниманием относясь к такому важному историческому источнику, как известное письмо М.П. Лазарева, М.И. Белов в связи с появлением нового историко-картографического источника писал: «Это определение М.П. Лазарева теперь вполне подтверждается отчетной картой, на которой путь кораблей 27 января (27 января 1820 г. по новому стилю. – *А.О.*) обрывается перед стеной «сплошного льда». Таким образом, отчетная карта серьезно подкрепляет ранее бывшие (! – *А.О.*) в распоряжении исследователей недостаточные сведения и кладет конец всяким на этот счет кривотолкам» [Белов 1962: 111].

Что еще из доводов М.И. Белова вызывает со стороны Р. Балкли возражения (раздражение)? Последний пишет: «По Белову, каждое употребление Беллинсгаузенем фразы «сплошной лед» означало, что экспедиция сталкивалась не с простыми меняющимися ледяными полями, а с постоянным ледяным берегом материка Антарктиды... Беллинсгаузен описывал около 12 встреч со «сплошным льдом», используя эту фразу 16 раз в рапортах и около 33 раз в своей книге. Так что если Белов прав, экспедиция одновременно и открыла материк, и осуществила его достаточно широкое обследование» [Балкли 2013: 54]. И далее Р. Балкли заявляет, что он «не согласен с Беловым по ряду причин», которые (причины) и перечисляет [Балкли 2013: 54].

Однако любой кто прочитает соответствующие фрагменты текста М.И. Белова (а, тем более, если это сделает специалист), увидит, что рассуждения и доводы советского историка не столь прямолинейны, как это хочет показать своему читателю Р. Балкли. Доводы эти, аргументы, а также приводимые М.И. Беловым примеры наполнены нюансами и конкретными пояснениями. Сделано это им в контексте рассмотрения вопросов, касающихся ледовых наблюдений (не секрет, что именно в вопросах классификации льдов Р. Балкли хочет выглядеть наиболее компетентным специалистом) Первой русской антарктической экспедиции и отражении этих наблюдений в ее отчетной морской карте [Белов 1962: 111; Белов 1963: 35–42]. Но, прав ли М.И. Белов в том, что экспедиция Беллинсгаузена – Лазарева не только открыла материк Антарктиды, но и, словами Р. Балкли, «осуществила его достаточно широкое обследование»?

Хорошо известно, что русская экспедиция помимо открытия наметила границы Антарктического материка в целом. Безусловно есть и конкретные научные результаты плавания, о которых, к слову, в 1968 году писал М.И. Белов: «К числу заслуг русской кругосветной экспедиции 1819–1821 гг. ...надо отнести первую магнитную морскую съемку вокруг Антарктиды. Это удалось установить недавно, когда в архивах нашлись новые документы (в частности, в Ганновере, в архиве немецкого математика и геофизика Карла Гаусса, который, пользуясь посредничеством И.Ф. Крузенштерна, запросил у Ф.Ф. Беллинсгаузена материалы магнитных съемок. – *А.О.*), содержащие материалы определений магнитных склонений, выполненных в экспедиции. ...Если учесть, что антарктическое плавание... продолжалось 170 дней, то вычисление магнитных склонений производилось больше чем один раз в сутки, т. е. почти ежедневно экспедиция измеряла один из основных элементов магнитного поля южно-полярной области» [Белов 1968: 239].

Говоря о таких измерениях, проделанных Дж. Куком, М.И. Белов отметил, что «положенные на магнитную карту Антарктиды, они обнаружат большие пробелы, пропуски (по причине их сравнительной малочисленности. – *А.О.*) на огромном пространстве, поэтому их нельзя рассматривать как магнитную съемку вокруг всего ледяного континента, к тому же выполненную на далекой периферии Южного океана» [Белов 1968: 239].

В другом материале, вновь говоря об отчетной навигационной карте русской экспедиции, М.И. Белов указал, что «на карте свыше ста семидесяти пометок о морских течениях, температуре, влажности и давлении воздуха», а все это, в свою очередь, «очень важно для анализа векового хода изменений в Антарктиде» [Белов 1965]. Как отмеченные, так и другие естественнонаучные, полученные экспедицией данные позволяют говорить, что русские моряки осуществили самое широкое обследование Антарктиды. В советской научной литературе было

отмечено, что «в результате этих работ были впервые получены достоверные сведения о южнополярной области» [Кручинин 1965: 5].

Цифры встреч Ф.Ф. Беллинсгаузена со «сплошным льдом», приводимые Р. Балкли, очевидно должны произвести впечатление на читателя (чисто статистической стороной дела), но М.И. Белов давал свою экспертную оценку исходя из сопоставления текстов всех рапортов Ф.Ф. Беллинсгаузена, текста его же книги, и текста письма М.П. Лазарева, где речь шла об этих льдах. Сравнивая эти описания и используемые руководителями экспедиции термины, с соответствующими обозначениями, присутствующими на обнаруженном новом, не искаженном редакторами документе экспедиции – «Отчетной навигационной карте» (имеющей собственноручные подписи Ф.Ф. Беллинсгаузена и составленной в ходе плавания) М.И. Белов и пришел к своим выводам.

Одну из причин, по которой Р. Балкли не соглашается с М.И. Беловым, он формулирует так: «...Мнение Белова трудно считать беспристрастным. Он ни разу не объяснил, почему не считает встречу Кука с ледяным полем 30 января 1774 г. наблюдением Антарктического материка..., тогда как безусловно считал довольно похожие встречи Беллинсгаузена 16(28) января и 5(17) февраля 1820 г. такими наблюдениями» [Балкли 2013: 54]. И, уже не скрывая своих негативных эмоций, добавляет: «Необходимо повторить, что автор настоящей статьи вовсе не полагает, что Кук открыл Антарктиду. Он только задает вопрос, почему сам Белов не сделал этот вывод на основании собственного аргумента?» [Балкли 2013: 54].

Очевидно, что ответить на этот вопрос проще всего, процитировав самого М.И. Белова: «Кук дважды сближался с Антарктидой, но никогда не подходил к ней на расстояние ближе чем 100–200 км (т. е., как писал М.И. Белов в более ранней своей работе, Дж. Кук «находился вне пределов видимости антарктического берега» [Белов 1962: 107]. – *А.О.*). В течение трех лет он плывал в значительном отдалении от Южного континента..., на далекой периферии Южного океана» [Белов 1968: 239]. В сравнительном плане, те, полторы-две мили, которые отделяли русские корабли от антарктического берега [Белов 1963; Белов 1965; Белов 1969: 40], должны давать понимание того, что имел в виду Ф.Ф. Беллинсгаузен, когда он писал о «сплошном льде».

Как же точно в 1969 году подметил М.И. Белов следующий момент: «В иностранной литературе можно встретиться с явным заблуждением относительно представлений Беллинсгаузена и его товарищей об антарктических льдах. Неосновательно полагают, что русские моряки не различали льды ни по характеру, ни по происхождению...» [Белов 1963: 35]. Между прочим М.И. Белов не стал замалчивать свое мнение по поводу того, что в вопросе о льдах точка зрения Ф.Ф. Беллинсгаузена «совпадает со взглядом на этот предмет английского мореплавателя Дж. Кука...» [Белов 1963: 35]. Еще раньше, в

1962 году не стал скрывать М.И. Белов и такое свое мнение: «...В принципе взгляды Беллинсгаузена и Кука на существование ледяного континента не расходятся. И если бы Куку посчастливилось приблизиться к ледяному берегу, как это в январе и феврале 1820 г. сделали русские моряки, то слава первооткрывателя ледяного континента принадлежала бы, бесспорно, ему» [Белов 1962: 107].

Совершенно точно, что лучшего ответа на поставленный чуть выше вопрос Р. Балкли о том, почему М.И. Белов «не считает встречу Кука с ледяным полем 30 января 1774 г. наблюдением Антарктического материка...», вряд ли можно дать. Поэтому эту, адресованную М.И. Белову часть вопроса Р. Балкли, можно считать закрытой. Вторая часть, касающаяся вопроса Р. Балкли о том, что М.И. Белов «...безусловно считал довольно похожие встречи Беллинсгаузена 16(28) января и 5(17) февраля 1820 г. такими наблюдениями» [Балкли 2013: 54] ставит внимательного читателя статьи Р. Балкли попросту в тупик.

Настойчиво проводя свою версию о «наблюдении» русской экспедицией Антарктиды 5(17) февраля 1820 г. (т. е. не о первооткрытии, а, о ее «второоткрытии», якобы вслед за англичанами), Р. Балкли даже готов утверждать, что в этот февральский день «экспедиция наблюдала не ледяное поле, а что-то принципиально иное» [Балкли 2013: 49] («огромную ледяную структуру, похожую на землю, на берегу материковой части Антарктиды», как интерпретирует ее сам Р. Балкли. – *А.О.*). И вдруг в заочной полемике с М.И. Беловым, судя по всему несколько увлекшись, Р. Балкли пишет, что советский историк «...безусловно считал довольно похожие встречи Беллинсгаузена 16(28) января и 5(17) февраля 1820 г. такими наблюдениями (наблюдениями Антарктического материка)» [Балкли 2013: 54]. Но, «похожие» на что? Оказывается, согласно трактовкам Р. Балкли, на встречи Дж. Кука с «ледяным полем» или «сплошным льдом»?

Но тогда что же на самом деле в интерпретации Р. Балкли встретили русские моряки 5(17) февраля 1820 г.: «огромную ледяную структуру, похожую на землю, на берегу материковой части Антарктиды» («принципиально иное», как называет ее Р. Балкли), или «ледяное поле» («сплошной лед»)? Последние из указанных ледяных образований, как становится понятным из повествования Р. Балкли, он не отождествляет с открытием («наблюдением») материковой части Антарктиды.

Один из представителей советской исторической беллетристики и «кукофикаторов» сознания советской молодежи, Н. Чуковский в 1941 году вложил в уста своих героев следующие монологи:

« – Америку открыли испанцы, – говорил Бэнкс, – Австралию – голландцы. Великий Южный материк, шестой материк нашей планеты, должен быть открыт англичанами! Нам стыдно не открыть его. Мысленно мы даже можем обозначить на глобусе место, где он

находится, и мы должны сказать капитану Куку: «Не возвращайтесь, не открыв Южного материка!».

Решено было спросить Кука, что он думает по этому поводу.

– Я верю только в то, – сказал Кук, – что видел собственными глазами или что видели другие люди, которым можно доверять. Южного материка никто не видел, и я не могу знать, существует он или нет. Но я поеду и посмотрю. Если Южный материк действительно существует, я его открою» [Чуковский 1941: 16].

Он его, как хорошо известно – не открыл.

В 1855 году П.М. Новосильский писал о Дж. Куке и его плавании: «Этот отважный мореходец обошел в 1773–74 годах, около параллели 60°, все Южное полушарие, несколько раз проникал и за черту полярного круга, но везде, в больших Широтах, встречал непроходимые льды. Единственным открытием Кука в Южном Ледовитом море, близ параллели 60° Ш. (так в тексте. – А.О.) были четыре маленькие острова, названные им Сандвичевою землею. Но Южный материк как бы убежал от смелого пловца, который хотя и не отвергал (! – А.О.) его существования, но был уверен, что льды, туманы, снег, морозы, бури, словом, все возможные препятствия не допустят и самого предприимчивого морепловца до него достигнуть.

На долю Русских выпал завидный жребий разрешения этой задачи» [Новосильский 1855: 20].

С этим, западной и в первую очередь британской историографии, вряд ли когда-нибудь удастся смириться. «Попытка критического анализа» от Рипа Балкли наглядное тому подтверждение. Причем меньше всего удалось Р. Балкли в его статье, если говорить его же собственными словами, «избежать повторения бездоказательных и плохо аргументированных дискуссий...» [Балкли 2013: 56] (если только не воспринимать всерьез, за «доказательства» указания на то, что М.П. Лазерев «не был супергероем», и т.п. – А.О.).

В 2013 году в своей англоязычной статье Р. Балкли в частности писал: «...Thirdly, a facsimile of the fifth report has been on display at the Arctic and Antarctic Museum in St Petersburg for about fifty years, according to curators. But the exhibit does not contradict what has just been said. With the exception of two pages, 1 and 8, the rest are displayed in pairs with on page overlapping about half the following one. Few visitors are likely to read through such an interrupted text. Should they read it, they do not meet the words 'I found no evidence anywhere for a great Southern land', which happen to fall in the overlapped part of page. Just as they were in the *Dokumenty* (Samarov 1952), they have been redacted» [Bulkeley 2013].

Автор уже имел возможность обратить внимание Р. Балкли, что хотя эти слова сказал Ф.Ф. Беллинсгаузен (точнее, вероятнее всего, что это сказал он), но всем понятно, что под «a great Southern land» подразумевался материк в трактовке существовавшей до второго кругосветного плавания Джеймса Кука – цветущий, с населением и пр.

Руководитель русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг. лишь подтверждает здесь отсутствие «куковой земли», как ее называли в России, такого мифического «материка» (с огромным населением, изобилием растений, животных и пр.). Сообщив это Р. Балкли еще в 2011 г., автор, позднее работая с источниками обнаружил следующие высказывания известного советского специалиста В.Л. Лебедева. В 1960 году В.Л. Лебедев пояснял: «Кук категорически отрицал в своих записках возможность существования Южного континента, имея в виду не Антарктиду, а тот, значительно более обширный, населенный и плодородный материк, на поиски которого и была отправлена его экспедиция» [Лебедев 1961: 10].

Приведя некоторые разъяснения, которые дал сам Дж. Кук (В.Л. Лебедев цитировал его по английскому изданию 1777 г.) советский специалист писал дальше: «Приведенные разъяснения Кука иногда упускаются из виду, и некоторые авторы принимают его отрицание «Южного континента» за отрицание возможности существования всякого материка и даже всяких земель близ Южного полюса.

Такие высказывания можно привести из юбилейных статей, посвященных 140-летию открытия Антарктиды (статьи эти были опубликованы в 1960 г. в Советском Союзе. – *А.О.*). Они были заимствованы авторами этих статей из работ конца 40-х – начала 50-х годов нынешнего века.

...Высказывания Кука, ...свидетельствующие о том, что он, отрицая так называемый Южный континент в умеренных широтах, не отвергал возможности существования материка в полярной области, были правильно поняты современниками Кука в России (это была еще не коммунистическая, Советская Россия, с ее мощнейшими, к 40-м–50-м годам, идеологическим и пропагандистским аппаратами. – *А.О.*) и многими авторами впоследствии» [Лебедев 1961: 11].

Не может не возникнуть вопрос: чем тогда отличается представитель современной британской историографии – Р. Балкли, от тех, критикуемых этой же самой историографией «идеологически подкованных» советских авторов 40-х–50-х годов, пытавшихся ввести в заблуждение «широкую советскую географическую общественность» своими откровенными, непрекрытыми фальсификациями результатов экспедиций Дж. Кука? Получается, что то, с чем советская («идеологизированная») историография – в отношении Дж. Кука – и фактически выступая его «адвокатом», разобралась еще в самом начале 60-х годов (а Дж. Кука, как было отмечено, прекрасно поняли еще его современники в России), в отношении аналогичных высказываний Ф.Ф. Беллинсгаузена – остается сегодня для оксфордского историка вне пределов его понимания (да еще и преподносится последним в некоем «конспирологическом обличии»).

Подводя итог стоит отметить, что широковещательные манифесты поэта, историка и «исследователя мира» Р. Балкли (причем «в ногу» с

техническим прогрессом, с использованием в качестве каналов своего «интеллектуального влияния» российских социальных сетей и российских же интернет-форумов) по адресу Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг., реализация им, его же так называемого «*Bellingshausen project*», не должны иметь в России настоящего успеха. Если «антарктические» статьи Р. Балкли (в которых исходные тезисы, как и последующие затем его выводы, во-первых, часто весьма поверхностны, во-вторых, и это главное, намеренно тенденциозны) читаются и вызывают печатные возражения, то это только потому, что российские специалисты – историки и географы, слишком не избалованы литературой на историко-антарктическую тематику, а вопросы эти, с каждым днем действительно все настоятельнее требуют новой разработки. Но это отнюдь не означает, что они нуждаются в предлагаемой, а то и требуемой заинтересованной западной историографией некоей «переоценке наследия Беллинсгаузена» (далеко не секрет, что такая «переоценка» предполагает только и единственно согласиться с тем, что открытие русской экспедицией Антарктиды – 16(28) января 1820 г. – не состоялось).

Обратим внимание на следующие слова современного российского историка, анализировавшего тематику английской рабочей истории в советской (российской) историографии. В 2013 году в журнале «Вопросы истории» кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН И.Ю. Новиченко писала: «В советское время исследования по истории Англии..., связанные с «рабочими» аспектами считались актуальными. Но с тех пор, как исчез идеологический диктат, ситуация не стала меняться к лучшему.

...В настоящее время степень накопленной негативной энергии по отношению к рабочей истории среди отечественных историков получает выход в комментариях примерно такого содержания: «Да кому теперь нужны эти тома по истории рабочего движения?». Как заметил однажды А.К. Соколов: «В современной России прежняя история рабочего класса считается реликтом советского прошлого. Какие-либо разработки в этой области превратились из престижных в крайне непопулярные и гонимые»...

Отечественные англоведы советского периода оказались заложниками официальной вначале большевистской, потом сталинской, а затем послесталинской социалистической истории рабочего класса. ...Утвердилось мнение, что жесткие идеологические рамки, недостаток источниковой базы и исследовательской литературы по теме, изоляция от международного научного общения и дискуссии обусловили в целом невысокий уровень и малую значимость исследований в интересующей нас области. Действительная же картина выглядит более сложной» [Новиченко 2013: 158].

Можно ли спроецировать эти положения на историографию (советскую, а затем и российскую) Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг.? Отчасти, а по некоторым моментам и во многом – да, можно. Действительно можно утверждать, что в настоящее время вопросы связанные с экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева находятся весьма далеко от исследовательских приоритетов (да и в целом интересов) российских историков. С другой стороны, вряд ли можно вести речь о наблюдаемом (а эти наблюдения относятся к иному, выше упомянутому объекту исторического анализа) некоем оцепенении, в котором пребывают российские историки, их «усталости от темы», растерянности, утраты исследовательских ориентиров, разрыве преемственности связей [Новиченко 2013: 158]. В случае историко-антарктических исследований ни о какой «усталости от темы» говорить нельзя. В данном случае также неправомерно вести речь о разрыве преемственности связей. Напротив, немногочисленные публикации последних лет такую преемственность, подтверждают [Корякин 2008; Комментарии 2008; Ган 2011; От редакции 2011; Сократова, Саватюгин 2012].

При всем вышеизложенном, надо отдавать себе отчет в том, что русскоязычная статья Р. Балкли появилась «в нужное время и в нужном месте». Свобода «международному научному общению и дискуссии» предоставлена сейчас полная (само появление статьи Р. Балкли в ВИЕТ – самое наглядное тому подтверждение). Нельзя не заметить те послы, какие прикровенно выводит Р. Балкли (и уже вполне откровенно их постулирует Э. Таммиксаар [Гадалова 2013]) в своей работе: де-мол, советские историки и географы в 40-е–50-е годы находились под «сталинским прессингом», жестким идеолого-пропагандистским нажимом, а поэтому, сама постановка вопроса об открытии русскими Антарктиды – это «дело рук» сталинской пропагандистской машины, заинтересованной лишь в перспективном освоении Советским Союзом природных ресурсов Антарктики, занятия последним там своего геополитического «места под солнцем». Отсюда их призывы к российской, отчасти и в правду рефлексирующей (находящейся в размышлениях, полных сомнений и противоречий) историографии к «переоценке наследия Беллинсгаузена».

Рассматривая в 1968 году правопритязания различных государств на антарктические земли, морские пространства, их природные ресурсы, видный советский специалист по антарктическим вопросам, профессор С.Б. Слевич писал: «По Версальскому мирному договору Германию лишили каких-либо прав на антарктические территории, открытые Фильхнером. Однако в поисках «жизненного пространства» фашистская Германия не обошла и южный полярный район. Там ее прежде всего привлекал китобойный промысел, который мог дать сырье для производства важного на войне глицерина. По указанию Геринга пресса подняла шум о правах немцев на антарктические земли» [Слевич 1968:

55]. Такой же «шум» поднимали и в более демократических странах. Например, в 1929 году «попытка норвежской экспедиции занять один из районов материка Антарктиды, расположенный в пределах сектора, незадолго до того объявленного сферой британских интересов, вызвала бурю протестов в английской и южноафриканской прессе» [Ристе 2003: 162–163]. Вполне понятно, что эта «буря протестов» была инспирирована самим правительством Англии, а, отнюдь не ее «свободной» и «демократической» прессой.

Еще легче обнаруживается сходство в действиях по поднятию подобного шума, наблюдавшееся у «тоталитарного близнеца» фашистской Германии – сталинского Советского Союза в 1949 году. Однако в последнем случае это было лишь внешним, прикладным проявлением совпавшего с международно-политическими шагами страны (обусловленными как заинтересованностью в китобойном промысле, так и очевидным интересом к перспективным поискам и добыче урановой руды), но, шедшего во многом своим самостоятельным путем историографического процесса, затрагивающего поиск и последующий анализ документов и материалов, относящихся к русской южнополярной экспедиции 1819–1821 гг.

В этой связи и рефлексирующим представителям современной российской исторической науки, и Р. Балкли с Э. Таммиксааром, можно адресовать очень хороший заключительный абзац из статьи И.Ю. Новиченко: «Некоторые из работ, несмотря на колоссальное политическое давление, были выполнены на высочайшем уровне и сохраняют актуальность. При их анализе должно учитывать «советский» фактор: нашим коллегам удалось многое сделать, значительно больше того, что было дозволено в рамках идеологического диктата. И этот опыт может кое-чему научить, прежде всего добросовестности (слышите, работающие сегодня в «предельно» демократических странах, достопочтенные историки Р. Балкли и Э. Таммиксаар...? – *A.O.*) и детальности в работе с источниками» [Новиченко 2013: 158].

По сути, о том же пишет современный российский исследователь западной историографии, посвященной советской морской мощи: «...Спектр исследований самих советских историков отличался значительной широтой – от исключительно пропагандистских работ, почти полностью лишенных содержательной сути, до глубоко научных изысканий, где распространенные в тот период идеологические клише являли собой лишь дань времени, незначительно влияя на подлинную научную ценность работ» [Киличенков 2009: 9].

Поэтому главное, что сегодня реально и действительно требуется – это продолжение исследовательского поиска, рост интереса к документам экспедиции, всем материалам, связанным с ее инициацией (из последних работ здесь можно упомянуть статью, но, опять-таки, не российских специалистов, а авторов из Тартусского Университета (Эстония) Э. Таммиксаара и Т. Киика [Tammiksaar, Kiik 2013: 180–192]),

подготовкой и проведением. И такие активные действия должны в первую очередь исходить от российских специалистов – историков и географов. Говоря словами все того же современного российского историка, атмосфера постоянного научного поиска и открытость дискуссиям должны способствовать появлению новых гипотез и концепций, утверждению междисциплинарного подхода с применением социологических, антропологических и других методов, тематическому, географическому и хронологическому расширению тематики [Новиченко 2013: 159]. Некоторая работа в этом направлении в России уже ведется.

Можно предположить, что являющаяся по сути своей провокационной, во многом эпатажная статья Рипа Балкли по замыслу ее автора, пренебрегшего логикой научных рассуждений и прибегнувшего ради своей цели к натяжкам и сомнительным научным приемам (вплоть до *reductio ad absurdum*), должна стать своеобразным «катализатором» такого процесса. Можно также выразить надежду, что одновременно это тот самый случай, когда несогласие рецензента с заявленными выше положениями, его аргументы и контраргументы оказываются в той или иной степени полезными для более глубокой разработки темы.

К этому стоит лишь добавить, что никто не исключает допустимой, некоторой коррекции в понимании отдельных ключевых эпизодов плавания. Ведь писал еще в 1953 году В.Д. Таич, что «позиция «Мирного» была более благоприятна..., и М.П. Лазареву, наблюдавшему край континентального ледяного щита с этой точки, удалось дать... описание антарктического берега» [Таич 1953: 297]. У современных российских авторов можно встретить уже такую констатацию: «Открытие Антарктиды. 1820 год. Впервые южный континент увидели со шлюпа «Мирный», которым командовал Михаил Петрович Лазарев, 16(28) января 1820 года» [Зиборов 2011: 152]. В конце концов, ведь П.М. Новосильский, свидетельство которого о «неподвижном ледяном берегу» забыл привести Р. Балкли, был мичманом на шлюпе «Мирный».

Наконец нельзя не сказать буквально несколько слов об опубликованном в августе 2014 года в журнале «*Polar Record*» (*Scott Polar Research Institute, University of Cambridge*) и подготовленном Рипом Балкли отзыве, посвященном книге: «Материк льда. Первая русская антарктическая экспедиция и ее отражение в советской историографии (1920-е – 1940-е годы)» [Овлащенко 2013]. В уместившемся в пределах одной страницы кембриджского журнала обзоре, Р. Балкли умудрился первый камень «бросить» в адрес (что само по себе выглядит весьма неожиданным) немецкого издательства «*Palmarium Academic Publishing*». Отмечая полемичный характер рецензируемой книги и, «в целом своеобразный подход (*idiosyncratic approach*) автора», он пишет, что его (Балкли. – *A.O.*) это «не удивляет»,

поскольку: «...*Palmarium imprint is a division of the spam-based, peer review-free omni-publisher Verlag Dr. Müller*» [Bulkeley 2014].

Позвольте, но при чем здесь издательство, даже если оно действительно издает многие десятки и сотни наименований книг в год, причем на разных языках и в различных областях знания. А уничижительно критикуемая Рипом Балкли – поэтом и «исследователем мира» – с высоты его псевдоакадемического снобизма полемичность, как хорошо известно, является одним из движителей науки вперед, в том числе исторической науки и конкретно – историографии.

«Ведь автор, – как подчеркивал в свое время видный советский специалист, – обязан сделать что-то новое, продвинуть науку вперед, а не повторять пройденное. Он должен принять научную эстафету из рук предшествующих исследователей и понести ее дальше. Этого нельзя осуществить без обзора уже сделанного, без определения того, что еще не сделано, и без личного решения взять на себя определенную долю еще не выполненных научных задач» [Нечкина 1965: 3].

И хорошо, что указанное немецкое издательство не боится издавать книги, которые могут не укладываться в привычные, навязанные западному читателю схемы. А то ведь, если следовать не менее своеобразной логике (*idiosyncratic logic*) Р. Балкли, можно прийти к такому суждению: поскольку в книге некоего автора отсутствуют новые научные идеи, вообще выхолощена хоть какая-нибудь научная новизна, но книга написана в «правильном», конформистском духе (и не будет излишне «нервировать» западного читателя-интеллектуала), да еще и снабжена мало-мальски хорошим иллюстративным рядом, значит ее можно опубликовать в рецензируемом западном же издательстве, скажем в «*Palgrave*» (именно это издательство недавно опубликовало книгу Р. Балкли).

Но, к сожалению, ни глянцева, мелованная бумага, ни красивая суперобложка (с изображением, подобранным самим автором-эстетом, поклонником изящного), ни остальные атрибуты престижного издательства, ни на йоту не добавляют этой «отрецензированной» книге той самой научной новизны и ценности, поскольку автор этой книги лишь добросовестно вычитывает, а затем воспроизводит у себя «зады» чужих работ, «разбавляя» последние своими фантастическими, а то и абсурдными, далекими от исторической науки «антропологическими» версиями и домыслами. Впрочем можно не сомневаться, что в «рецензируемом» журнале «*Polar Record*» появится вполне лояльная (а то и хвалебная), стерильная «отрецензированная рецензия» на эту книгу Р. Балкли.

В своем одностраничном обзоре-рецензии Р. Балкли умудряется сослаться на три своих же работы. В том числе, как он считает, на весьма авторитетную свою статью, опубликованную в ВИЕТ и уже проанализированную выше. В рамках традиционных для него «антрополого-конспирологических» изысканий, пускается Р. Балкли и

на прямое «передергивание» цитируемого автором текста (в частности, цитат из работ мичмана П.М. Новосильского), чем не может не ввести читателя своей рецензии в заблуждение. При всем при этом он не стесняется рассуждать (и находит в пределах своего одностороннего обзора место для этого) о неких «универсальных интеллектуальных ценностях», пытается сопрягать морально-нравственную категорию «честность» с позицией того или иного советского специалиста в вопросе о первооткрытии Антарктиды русской экспедицией 1819–1821 гг. Нетрудно догадаться, что у Р. Балкли (а наиболее ярко, у его эстонского коллеги Эрки Таммиксаара) все советские авторы, отстаивавшие такой приоритет – нечестные, отрицавшие же – «кристально» честны и высоко гражданственны (ну чем не «прообраз» будущих советских диссидентов?).

Только вот при анализе такого «пуританского», лицемерного по сути своей морализаторства, возникает простой вопрос: при чем здесь историческая или историко-географическая наука, оперирующая в первую очередь фактами, основывающимися в свою очередь на наблюдениях, отчетах, картографическом материале, письмах и дневниках, иных источниках? Где здесь эта наука? Собственно, как говорится даже «невооруженным глазом» видно, что Р. Балкли в своей рецензии остается взращенным в годы «холодной войны», политически ангажированным «деятелем от науки», а не ученым-историком, заинтересованным в объективном, непредвзятом анализе исторических источников, и, в такой же непредвзятой (раз уж западное научное сообщество делегировало ему такие «полномочия») оценке новых исследовательских работ в интересующей нас области знаний.

Полагаем, что Балкли-ученого, как специалиста в первую очередь должен был заинтересовать сам факт выхода в свет монографии «Материк льда» (понятно что, как и у любого научного труда, имеющей свои недостатки), первого в российской (советской) и западной историографии подобного исследования, введение в этом исследовании в научный оборот значительного количества новых источников, творческое и актуальное переосмысление в нем уже известных материалов советского периода. Как хорошо известно, «самый характер результата исторического исследования может быть многообразен: он может осветить еще не изученную область или выдвинуть новую концепцию ранее известных фактов, может обогатить проблематику науки или просто ввести в оборот новый материал» [Нечкина 1965: 11].

Да даже саму по себе, проведенную автором и не проводившуюся до сегодняшнего дня расчистку «авгиевых конюшен» советской историографии экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева, следовало хотя бы упомянуть (а не банально замалчивать) в рецензии, опубликованной в претендующем на объективность, академическом «полярном» журнале. Но Балкли – функционер от науки, на этот раз (и в очередной раз) возобладали над Балкли-историком. В его рецензии указаны лишь те

(точнее – исключительно те) недостатки книги, которые идут вразрез с политической (еще раз подчеркнем это – именно с политической, а не с историко-научной) линией в западной историографии по вопросу первооткрытия Антарктиды, той линией, которой однозначно придерживается сам Р. Балкли. Как видим, до действительной исторической науки, до подлинной историографии вопроса, наконец, просто до объективности здесь – очень и очень далеко. Интересно, что подобная политизированная рецензия «от Балкли» вполне устраивает кембриджский журнал. Всё *comme il faut*...

Парадокс, но сегодняшняя политизированность британской историографии в этом вопросе если не превзошла, то уж точно, что сравнилась со степенью такой же политизированности советской историографии – начала 50-х годов. Налицо высочайшая степень самоцензуры представителей британской историографии, предельно далеко зашедший у них, их социальный конформизм, выражающийся в чутком обнаружении и последующем обслуживании социального заказа. При этом законы историко-научного жанра неизменны и неумолимы. Результат подобных «научных» подходов может быть только один, и о нем, еще в 1965 году, хорошо сказала советский историк и историограф академик М.В. Нечкина: «Следует только добавить сюда упоминание и о третьем типе результата научного исследования – нулевом. Это случается, может быть чаще, чем кажется с первого взгляда. «Труды», ничего не вносящие в науку, повторяющие давно известное и не дающие ничего нового, думается вообще выпадают из истории науки...» [Нечкина 1965: 12].

Заключение

«...Советские ученые внимательно, шаг за шагом восстанавливают пути наших предков в их походах по освоению необозримых просторов земного шара...»

М. Андреев (1952)

Доминирующей тенденцией изучаемого в монографии периода в советской историографии – 1950–1954 гг., стало отнесение даты первооткрытия Антарктиды к 16(28) января 1820 года, либо же, в ряде случаев, к «совокупности» дат январских и февральских, но, именно 1820 года (а не, как раньше, 1821 г. – о-ов Петра I и Берега Александра I) – открытий.

Обобщенную картину позиций советских авторов, затронувших в своих работах проблему датировки первооткрытия Антарктиды русской экспедицией 1819–1821 гг., можно (условно разделив этих авторов на три основные группы) представить следующим образом:

- работы тех авторов (многие из них являлись военно-морскими специалистами), которые указали на дату – 16(28) января 1820 года, как на дату первооткрытия Антарктиды ([Морозов, Никульченков 1949; Кушнарев, Васильев 1950; Дивин, Черноусько 1950; Антарктика 1950 (статья Д.Б. Карелина в БСЭ. – А.О.); Магидович 1950; Антарктику 1951; Адамов 1951; Соловьев 1951; Кострицын 1951; Котухов 1951; Ступишин 1951; Зубов, Черненко 1951; Никульченков 1952; Лазарев 1952; Лебедев 1952; Зубов 1952; Михайлов 1952; Заседания 1952; Буйницкий 1952; Шведе 1952; Зубов 1953; Таич 1953; Зубов 1954]);

- работы авторов, которые хотя упоминали отмеченную дату, но упоминали ее непоследовательно, с присущей им скрытой дискуссионностью ([Адамов 1949; Перевалов 1950(а); Денисов 1950; Якубович, Смирнова 1950; Берг 1950(б); Введенский 1951; Русские 1951; Рыбин 1951; Соколов, Кушнарев 1951; Иванов, Голованов 1952; Николаева 1952; Кублицкий 1954]);

- работы тех авторов, которые придерживались откровенно фальсифицированных оценок, явно отрицали факт первооткрытия ([Андреев 1949(в); Осипов 1950; Беллинсгаузен 1950 (статья в БСЭ. – А.О.); Русские 1950; Узин 1950(а); Узин 1950(б); Невский 1950; Узин, Юсов 1951; Перевалов 1951; Арсеньев, Земский 1951; Узин, Юсов 1952; Болотников 1953; Ступишин, Фазлуллин 1953; Шлямин 1953; Буйницкий 1953]).

Проведенный в настоящей книге анализ указывает на диссонанс – несогласованность, отсутствие единой точки зрения, разлад наконец, которые, все еще бытовали в Советском Союзе в отношении фактов, касающихся хода, главных событий, результатов и конечных итогов экспедиции Беллинсгаузена – Лазарева.

Может показаться странным, что отдельные из перечисленных авторов участвуют сразу в нескольких, противоположных по сути своей «номинациях». Та метаморфоза – полная, совершенная перемена взглядов, оценок, трактовок, позиций, исследовательских подходов и интерпретационных моделей у некоторых советских авторов, представляет собой интереснейший объект с точки зрения анализа историографического процесса. Советская историография демонстрирует нам именно такую, более того, иногда многократную перемену у специалистов, рассматривавших итоги Первой русской антарктической экспедиции.

Список источников

- [Агеноров 1951] Агеноров В.К. Новое издание трудов Крузенштерна и Головина // Морской сборник. 1951. № 1.
- [Адамов 1949] Адамов А. Антарктида – русское открытие // Знание – сила. 1949. № 7.
- [Адамов 1951] Адамов А. Бессмертный подвиг русских моряков // Наука и жизнь. 1951. № 1.
- [Академик 1949(а)] Академик Л.С. Берг. Современный интерес к Антарктике // Звезда. 1949. № 2.
- [Академик 1949(б)] Академик Л.С. Берг. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней // Вестник Академии наук СССР. 1949. № 3.
- [Академик 1951] Академик Лев Семенович Берг // Рыбное хозяйство. 1951. № 1.
- [Академик 1956] Академик Л.С. Берг. Избранные труды. Том I. История науки / Отв. ред. доктор географических наук Э.М. Мурзаев. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
- [Алейнер 1948] Алейнер А.З. Антарктика в текущем десятилетии // Известия Всесоюзного географического общества. 1948. Том 80. Вып. 4.
- [Алейнер 1949(а)] Алейнер А.З. Новые данные по географии Антарктики // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 3.
- [Алейнер 1949(б)] Алейнер А.З. Географические представления об Антарктике с древнейших времен до 1-й Русской антарктической экспедиции и их отражение на картах // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 5.
- [Александров 1949(а)] Александров И.Н. Антарктида // Природа. 1949. № 8.
- [Александров 1949(б)] Александров И.Н. Профессор И.М. Симонов – участник антарктической экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева // Ученые записки Казанского Государственного педагогического института. 1949. Вып. IX.
- [Амброз 1949] Амброз Ю.А. Приоритет русских исследователей в открытии Антарктиды // Известия Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова. 1949. Том 2. Вып. I.
- [Андреев 1947] Андреев А.И. Роль русского военно-морского флота в географических открытиях XIX–XX вв. // Морской сборник. 1947. № 7.
- [Андреев 1949(а)] Андреев А.И. Русские в Антарктике в 1819–1821 гг. // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1949. Том VI. № 1.
- [Андреев 1949(б)] Андреев А.И. Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена – М.М. Лазарева в Южный Ледовитый океан в 1819–1821 гг. и открытие русскими морями Антарктиды / Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах / Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями доктора исторических наук А.И. Андреева. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Андреев 1949(в)] Андреев А.И. Примечания редактора / Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах / Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями доктора исторических наук А.И. Андреева. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Андреев 1993] Андреев Александр Игнатьевич (24.3.1887–11.6.1959) / Краснополский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Андреев 2011] Андреев Александр Игнатьевич, (1887–1959), историк, археограф и архивист, доктор исторических наук, профессор, сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР. URL : <http://isaran.ru/?q=ru/fund&ida=2&gvid=753114D8-B088-CFC5-2CF2-D35D2C55DB8D>

- [Андреев 1952] Андреев М. Дальний вояж казанского профессора // Вокруг света. 1952. № 7.
- [Андрей 1947] Андрей Александрович Григорьев. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия географических наук, вып. 1 / Вступительная статья Г.Д. Рихтера. Библиография составлена Е.Я. Михайловой / Отв. ред.: кандидат геолого-минералогических наук С.И. Набоко и О.В. Исакова. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947.
- [Антарктида 1926] Антарктида, Антарктика, Антарктическая область / Большая Советская энциклопедия. Том третий / Главный редактор О.Ю. Шмидт. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1926.
- [Антарктида 1949] Антарктида открыта русскими морями (Лекция президента Географического общества академика Л.С. Берга) // На страже Родины. 1949. 17 марта.
- [Антарктида 1950] Антарктида / Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. 2. Акты – Ариетта / Главный редактор С.И. Вавилов. Б. м.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», б. г.
- [Антарктика 1938] Антарктика 1 : 30 000 000 / Атлас командира РККА. М.: Генеральный штаб РККА; Издание 7-го Отдела Генерального штаба РККА, 1938.
- [Антарктика 1947] Антарктика 1 : 50 000 000 / Атлас офицера. Председатель Редакционного совета и ответственный редактор генерал-лейтенант технических войск М.К. Кудрявцев. М.: Военно-топографическое управление, 1947.
- [Антарктика 1950] Антарктика / Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. 2. Акты – Ариетта / Главный редактор С.И. Вавилов. Б. м.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», б. г.
- [Антарктика 1952] Антарктика. Рекомендательный список литературы / Составитель Л.И. Задерман, редактор-библиограф Н.Г. Павлов; Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, Центральная политехническая библиотека. М.: ЦПБ, 1952.
- [Антарктику 1951] Антарктику открыли русские // Комсомольская правда. 1951. 28 января.
- [Арсеньев, Земский 1951] Арсеньев В.А., Земский В.А. В стране китов и пингвинов. Среди природы. Выпуск 42 / Под ред. В.И. Цалкина. М.: Издание Московского Общества испытателей природы, 1951.
- [Афонин 1949] Афонин М.Е. Борьба вокруг Антарктики // Летопись Севера. 1949. I / Под общей редакцией профессора Андреева А.И., проф. Визе В.Ю. и проф. Ефимова А.В. М.: Издательство Главсевморпути, 1949.
- [Бабаян 1947] Бабаян К.Е. Китобойный промысел в Антарктике // Рыбное хозяйство. 1947. № 4.
- [Балкли 2013] Балкли Р. Первые наблюдения материковой части Антарктиды: попытка критического анализа // Вопросы истории естествознания и техники. 2013. № 4.
- [Барановская 1954] Барановская М.Ю. Декабрист Николай Бестужев / Научный редактор доктор исторических наук В.В. Бочкарев. М.: Госкультпросветиздат, 1954.
- [Барков 1940] Барков А.С. Словарь-справочник по физической географии. Пособие для преподавателей географии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940.
- [Барков 1954] Барков А.С. Словарь-справочник по физической географии. Пособие для учителей географии. Издание 3-е, переработанное и дополненное. М.: Государственное Учебно-Педагогическое Издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954.

- [Бейкер 1950] Бейкер Дж. История географических открытий и исследований / Перевод с английского под редакцией и с предисловием И.П. Магидовича. М.: Издательство Иностранной Литературы, 1950.
- [Беллинсгаузен 1927] Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич (1779–1852) / Большая Советская энциклопедия. Том пятый. Барыкова – Бессалько / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Акционерное общество «Советская энциклопедия», 1927.
- [Беллинсгаузен 1949] Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирный» командовал лейтенант Лазарев. Второе издание / Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями доктора военно-морских наук Е.Е. Шведе. М.: Государственное издательство географической литературы, 1949.
- [Беллинсгаузен 1950] Беллинсгаузен, Фаддей Фаддеевич (1779–1852) / Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. 4. Б – Березко / Главный редактор С.И. Вавилов. Б. м.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», б. г.
- [Беллинсгаузен 2008] Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света / Издание составили и подготовили Г.В. Карпюк, Е.И. Харитонов. Автор предисловия В.С. Корякин. М.: «Дрофа», 2008.
- [Беллинсгаузен 2011] Беллинсгаузен Ф.Ф. Открытие Антарктиды. М.: Эксмо, 2011.
- [Белов 1954] Белов М.И. Введение / Географический сборник. III. История географических знаний и географических открытий / Главный редактор академик Е.Н. Павловский. Редакторы тома: заслуженный деятель науки РСФСР, доктор военно-морских наук В.Е. Егорьев, кандидат исторических наук М.И. Белов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
- [Белов 1960] Белов М.И. Ошибка или умысел? Карты Пири Рейса и их американские толкователи // Природа. 1960. № 11.
- [Белов 1961(а)] Белов М.И. Забытая карта (Новые документы об открытии Антарктиды русскими моряками) // Водный транспорт. 1961. 21 ноября.
- [Белов 1961(б)] Белов М.И. Отчетная карта первой русской антарктической экспедиции // Информационный бюллетень Советской антарктической экспедиции. 31. 1961 / Отв. ред. М.М. Сомов; Арктический и антарктический научно-исследовательский институт Главного управления Северного морского пути Министерства морского флота СССР. Л.: Издательство «Морской транспорт», б. г.
- [Белов 1962] Белов М.И. Шестая часть света открыта русскими мореплавателями (Новые материалы о первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг.) // Известия Всесоюзного географического общества. 1962. Том 94. Вып. 2.
- [Белов 1963] Белов М.И. О картах Первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 гг. / Первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. и ее отчетная навигационная карта / Под редакцией доктора исторических наук М.И. Белова; Арктический и антарктический научно-исследовательский институт; Главное управление Гидрометеослужбы при Совете Министров СССР. Л.: Издательство «Морской транспорт», 1963.
- [Белов 1965] Белов М. По следам экспедиции Беллинсгаузена // Советская молодежь. 1965. 13 февраля.
- [Белов 1968] Белов М.И. Первая магнитная морская съемка вокруг Антарктиды / Труды ордена Ленина Арктического и антарктического научно-исследовательского института. Том 285. Проблемы полярной географии: Сборник статей, посвященной памяти проф. Я.Я. Гаккеля / Под редакцией доктора исторических наук, профессора М.И. Белова. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1968.

- [Белов 1969] Белов М.И. История открытия и исследования Антарктики / Атлас Антарктики. Том II / Главный редактор кандидат географических наук Е.И. Толстик; Советская антарктическая экспедиция. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1969.
- [Белов 1993] Белов Михаил Иванович (21.11.1916–27.6.1981) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Бендер 1948] Бендер Н.А. Имена русских людей на карте мира / Предисловие Ю. Саушкина. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948.
- [Берг 1926] Берг Л.С. Открытия русских в Тихом океане / Тихий океан. Русские научные исследования. Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1926.
- [Берг 1929] Берг Л.С. Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 г.). Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1929.
- [Берг 1940] Берг Л.С. Памяти Ю.М. Шокальского (1856–1940) // Известия Всесоюзного географического общества. 1940. Том 72. Вып. 6.
- [Берг 1945(а)] Берг Л.С. Столетие Географического общества (1845–1945) // Природа. 1945. № 6.
- [Берг 1945(б)] Берг Л.С. М.С. Боднарский (К 75-летию со дня рождения) // Известия Всесоюзного географического общества. 1945. Том 77. Вып. 5.
- [Берг 1946(а)] Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
- [Берг 1946(б)] Берг Л.С. Всесоюзное географическое общество за сто лет (1845–1945). М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
- [Берг 1946(в)] Берг Л.С. Летопись Географического общества за 1845–1945 годы // Известия Всесоюзного географического общества. 1946. Т. 78. Вып. 1.
- [Берг 1947] Берг Л.С. Столетний юбилей (1845–1945) // Вестник Академии наук СССР. 1947. № 2.
- [Берг 1948(а)] Берг Л. Наука / Союз Советских Социалистических Республик / Под ред. С.И. Вавилова, К.Е. Ворошилова, А.Я. Вышинского, П.И. Лебедева-Полянского, А. Лозовского, Ф.Н. Петрова, Ф.А. Ротштейна, О.Ю. Шмидта. М.: Государственный научный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ СССР, 1948.
- [Берг 1948(б)] Академик Л.С. Берг. Достижения советской географии (1917–1947). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 15 декабря 1947 года в Ленинграде. Л.: Ленинградское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; Лениздат, 1948.
- [Берг 1949(а)] Берг Л.С. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Берг 1949(б)] Берг Л.С. Очерки по истории русских географических открытий. 2-е издание исправленное и дополненное. М., Л.: Издательство Академии наук СССР (Серия: «Итоги и проблемы современной науки»), 1949.
- [Берг 1949(в)] Берг Л.С. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 2.
- [Берг 1949(г)] Берг Л.С. Русские открытия в Антарктике // Наука и жизнь. 1949. № 3.
- [Берг 1949(д)] Берг Л.С. Ранние географические исследования в России / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Берг 1949(е)] Берг Л.С. Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. // Советский крестьянин. 1949. 14 июля.

- [Берг 1949(ж)] Берг Л.С. Первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 г.г. // Красный Флот. 1949. 15 июля.
- [Берг 1949(з)] Берг Л.С. Русские открытия в Антарктике / Наука и жизнь. Сборник. М.: Государственное Издательство культурно-просветительной литературы, 1949.
- [Берг 1950(а)] Берг, Лев Семенович (р. 1876) / Большая Советская Энциклопедия. Второе издание. 4. Б – Березко / Главный редактор С.И. Вавилов. Б. м.: Государственное научное издательство «Большая Советская Энциклопедия», б. г.
- [Берг 1950(б)] Берг Л.С. Великие русские путешественники. М., Л.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1950.
- [Берг 1950(в)] Акад. Л. Берг. Открытия русских путешественников // Литературная газета. 1950. № 2 (4 января).
- [Берг 1951(а)] Берг Л.С. Беллинсгаузен и Пальмер (Из истории открытия Антарктики) // Известия Всесоюзного географического общества. 1951. Том 83. Вып. 1.
- [Берг 1951(б)] Берг Л.С. Русские открытия в Антарктике и современный интерес к ней / Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах / Под редакцией профессора В.Н. Семеновского. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1951.
- [Биография 2012] Биография. Алексей Дмитриевич Некрасов. URL : <http://gov.cap.ru/hierarchy.asp?page=/219742/452602/452603>
- [Биркенгоф 1954] Биркенгоф А.Л. Дмитрий Борисович Карелин // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. Том 86. Вып. 2.
- [Богорад 1949] Богорад С. У берегов Антарктиды // Огонек. 1949. № 14 (3 апреля).
- [Боднарский 1947] Боднарский М.С. Очерки по истории русского землеведения. I. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1947.
- [Боднарский 1954] Боднарский М.С. Словарь географических названий. М.: Государственное Учебно-Педагогическое Издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954.
- [Бойко 2007] Бойко Л.Г. Виктор Харлампиевич Буйницкий в 1940 году (О первом уроженце Читы, ставшим Героем Советского Союза) // Читинское обозрение. 2007. 14 февр. URL : http://www.aari.nw.ru/projects/antarctic/persons/buinitsky/biografia2_ru.html
- [Болотников 1949] Болотников Н. Документы славы русских мореплавателей // Вокруг света. 1949. № 4.
- [Болотников 1953] Болотников Н.Н. Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен и Михаил Петрович Лазарев / Русские мореплаватели / Редактор В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1953.
- [Бондарев, Буякова 2008] Бондарев Л.Г., Буякова С.И. Марков К.К. URL : <http://www.geogr.nsu.ru/about/rank/element.php?>
- [Буйницкий 1945] Буйницкий В.Х. Основные итоги и перспективы научно-исследовательских работ Арктического института / Доклады юбилейной сессии (1920–1945). М., Л.: Издательство Главсевморпути, 1945.
- [Буйницкий 1952] Буйницкий В.Х. Природа Антарктики / Ленинградское отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний; редактор – доктор географических наук Я.Я. Гаккель. Л.: Типография Ленинградского Дома научно-технической пропаганды, 1952.
- [Буйницкий 1953] Буйницкий В.Х. Антарктика. М.: Государственное издательство географической литературы, 1953.
- [Бэрд 1935] Бэрд Р. Над Южным полюсом / Пер. с англ. В.Л. Дуговской. Л.: Издательство Главсевморпути, 1935.
- [В. А. 1929] В. А. К 200-летию дня рождения капитана Кука // Записки по гидрографии. 1929. Том. 56.

- [Вавилов 1949] Вавилов С.И. Вступительное слово / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Валло 1948] Валло К. Общая география морей / Пер. М.П. Потемкина. Под ред. проф. Н.Н. Зубова. М., Л.: Государственное Учебно-педагогическое Издательство Министерства просвещения РСФСР, 1948.
- [Вандалковская 2001] Вандалковская М.Г. История исторической науки в творчестве Милицы Васильевны Нечкиной // История и историки. 2001. № 1. URL : http://www.library.by/portalus/modules/rushistory/print.php?subaction=showfull&id=1192089346&archive=&start_from=&ucat=18&
- [Васильев 1952] Васильев Е. Отважный первооткрыватель Антарктиды (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена) // Железнодорожник Латвии. 1952. 24 января.
- [Введенский 1939] Введенский Н. Русская кругосветная антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. (К 120-летию ее организации) // География в школе. 1939. № 3.
- [Введенский 1940] Введенский Н. В поисках Южного материка. Русская антарктическая экспедиция 1819–1821. Л., М.: Издательство Главсевморпути, 1940.
- [Введенский 1941] Введенский Н. К вопросу о русских открытиях в Антарктике в 1819–1821 годах, в свете новейших географических исследований // Известия Всесоюзного географического общества. 1941. Т. 73. Вып. 1.
- [Введенский 1951] Введенский Н.В. Русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. // Ученые записки Львовского Государственного Университета имени Ивана Франко. Том XVIII. 1951 / Географический сборник. Выпуск 1-й / Отв. ред. профессор Е.К. Лазаренко. Б. м.: Издание Львовского Государственного Университета, 1951.
- [Визе 1941(а)] Визе В.Ю. Научные результаты германской антарктической экспедиции 1938/39 г. // Проблемы Арктики. 1941. № 2.
- [Визе 1941(б)] Визе В.Ю. Столетие антарктической экспедиции Джемса Росса // Проблемы Арктики. 1941. № 2.
- [Владимир 1959] Владимир Юльевич Визе (1886–1954) / Отечественные физико-географы и путешественники / Под. ред. Н.Н. Баранского, Н.Б. Дика, Ю.К. Ефремова, А.И. Соловьева, Н.А. Солнцева. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
- [Владимиров 1933] Владимиров В.Н. Джемс Кук / Под общей редакцией М. Горького, Мих. Кольцова, А.Н. Тихонова. М.: Журнально-газетное объединение, 1933.
- [Военно-морской 1940] Военно-морской международно-правовой справочник. Книга вторая (Международно-правовые положения, имеющие отношение к Балтийскому, Северному, Черноморскому, Каспийскому и Дальневосточному морским театрам) / Составитель контр-адмирал В.А. Белли. М., Л.: Военно-Морское Издательство НКВМФ, 1940.
- [Вопросы 1949] Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Воробьев 1948] Воробьев В.И. Общий очерк / Материалы по лоции Антарктики / Редактор И.Ф. Новоселов. Б. м.: Издательство Гидрографического Управления ВМС, 1948.
- [Воробьев, Бусыгин, Юсупов 1949] Воробьев Н.И., Бусыгин Е.П., Юсупов Г.В. Этнографические наблюдения И.М. Симонова на островах Тихого океана // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Том 81. Вып. 5.

- [Воронин 1948] Воронин В.И. Первый поход советской флотилии «Слава» за китами в Антарктику // Известия Всесоюзного географического общества. 1948. Том 80. Вып. 3.
- [В память 1949] В память антарктической экспедиции // Огонек. 1949. № 16 (17 апреля).
- [Выписка 1821(а)] Выписка из донесения Капитана 2 ранга Беллинсгаузена к Морскому Министру от 8 Апреля 1820 года из Порта Жаксона // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Александром Воейковым и Николаем Гречем. Часть шестьдесят девятая. № 16. Санктпетербург, в Типографии Н. Греча. 1821.
- [Выписка 1821(б)] Выписка из письма Капитана Беллинсгаузена к Морскому Министру из Порта Жаксона от 8 Апреля 1820 года // Сын Отечества, исторический, политический и литературный журнал, издаваемый Александром Воейковым и Николаем Гречем. Часть шестьдесят девятая. № 16. Санктпетербург, в Типографии Н. Греча. 1821.
- [Вышнепольский 1952] Вышнепольский С.А. К проблеме правового режима Арктической области // Советское государство и право. 1952. № 7.
- [Вышнепольский, Агранат 1949] Вышнепольский С.А., Агранат Г.А. «Летопись Севера». I. Под общей редакцией проф. А.И. Андреева, проф. В.Ю. Визе и проф. А.В. Ефимова. М.-Л. Издательство Главсевморпути. 1949. 316 стр. Тираж 5000. Цена 13 руб. // Советская книга. 1949. № 11.
- [Гадалова 2013] Гадалова Н. Международная конференция «Мороз, лед и снег: Холодный климат и русская история» (Москва. Германский исторический институт. 16–18 февраля 2012 г.). <http://magazines.russ.ru/nl/2013/119/g44-pr.html>
- [Гаккель 1961] Гаккель Я.Я. Ломоносов и Антарктида // Информационный бюллетень Советской антарктической экспедиции. 25. 1961 / Отв. ред. М.М. Сомов; Арктический и антарктический научно-исследовательский институт Главного управления Северного морского пути Министерства морского флота СССР. Л.: Издательство «Морской транспорт», б. г.
- [Ган 2011] Ган И.Л. Русские в Антарктике. Посвящается 190-летию со дня открытия и плавания вокруг Антарктиды первой русской антарктической экспедиции 1819–1821 годов / Русское Историческое Общество в Австралии при поддержке Посольства России в Австралии. Австралия, 2011.
- [Гассерт 1923] Гассерт К. История полярных путешествий / Перевод Г. Ефрона. Под ред. приват-доцента К. Угринского. Берлин: Издательство И.П. Ладыженкова, 1923.
- [География 1968] География Антарктиды / К.К. Марков, В.И. Бардин, В.Л. Лебедев и др. М.: Издательство «Мысль», 1968.
- [Геолого-географическая 1953] Геолого-географическая секция Ленинградского отделения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний // Известия Всесоюзного географического общества. 1953. Том 85. Вып. 4.
- [Георгиев 1948] Георгиев А. Русские в Антарктике // Знание – сила. 1948. № 4.
- [Георгий 2011] Георгий Кублицкий. Биография. URL : <http://www.livelib.ru/author/199310>
- [Герасимов 1954] Герасимов И.П. Состояние и задачи советской географии на современном этапе ее развития / Материалы ко Второму Съезду Географического Общества Союза ССР / Отв. ред. С.П. Хромов. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
- [Герасимов, Калесник, Павловский 1955] Герасимов И.П., Калесник С.В., Павловский Е.Н. Л.С. Берг в Географическом обществе / Памяти академика Л.С. Берга. Сборник работ по географии и биологии / Ответственный редактор сборника доктор географических наук Э.М. Мурзаев. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955.

- [Глобус 1938] Глобус. Географический ежегодник для детей. 1938 / Под ред. Ю.М. Шокальского. М., Л.: Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1938.
- [Голицын, Овлащенко 2009] Голицын В.В., Овлащенко А.В. Международно-правовой режим Антарктики / Международное право: учебник / Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: МГИМО (У) МИД России; ООО «Высшее образование», Юрайт-Издат, 2009.
- [Голубев 1949] Голубев Дм. Русские в Антарктике. М.: Государственное Издательство культурно-просветительной литературы, 1949.
- [Гордина 2011] Гордина Е.Д. Историко-патриотическое воспитание в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 11.
- [Грабарь 1958] Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Отв. ред. В.Н. Дурденевский, С.Б. Крылов. М.: Издательство АН СССР, 1958.
- [Григорьев 1949(а)] Григорьев А.А. Географическая наука в СССР / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Григорьев 1949(б)] Григорьев А. Русские открытия в Антарктике // Красный флот. 1949. 8 марта.
- [Григорьев 1949(в)] Григорьев А. Русские открытия в Антарктике // Смена. 1949. № 11 (июнь).
- [Григорьев 1985] Григорьев Андрей Александрович (1.XI 1883–2.IX 1968) / Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи и географы. Биографический справочник / Ответственные редакторы И.А. Федосеева, Е.Ф. Шнюков. Киев: Наукова думка, 1985.
- [Григорьев, Лебедев 1949] Григорьев А.А., Лебедев Д.М. Открытие Антарктического материка русской экспедицией Беллинсгаузена – Лазарева 1819–1821 гг. // Известия Академии наук СССР. Серия географическая и геофизическая. Том XIII (№ 3) / Ред. академик О.Ю. Шмидт. М.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
- [Григорьев, Лебедев 1950] Григорьев А.А., Лебедев Д.М. Приоритет русских открытий в Антарктике / Редактор – член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов. М.: Всесоюзное Общество по распространению политических и научных знаний; Типография газеты «Правда» имени Сталина, 1950.
- [Григорьев 1906] Григорьев С. Вокруг южного полюса. М.: Типография И.Н. Холчев и К°, 1906.
- [Григорьев 1925] Григорьев С.Г. Шестая часть света (Антарктика). М., Л.: «Земля и фабрика», 1925.
- [Григорьев 1937] Григорьев С.Г. Вокруг Южного полюса. Пособие для учителей неполной средней и средней школы. Утверждено Наркомпросом РСФСР / Издание 3-е, переработанное и дополненное В.Я. Якубовичем. С примечаниями проф. Ю.М. Шокальского. М.: Государственное Учебно-Педагогическое Издательство, 1937.
- [Григорьев 1993] Григорьев Сергей Григорьевич (24.10.1874–29.8.1931) / Краснодарский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Гурецкий 1954(а)] Гурецкий В.О. Русские географические названия в Антарктике // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. Том 86. Вып. 5.
- [Гурецкий 1954(б)] Гурецкий В.О. Русские мореплаватели. Сборник под редакцией В.С. Лупач. Воениздат, М., 1953, 672 стр. Цена 20 р. 70 к. // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. Том 86. Вып. 6.

- [Гуслицер 1954] Гуслицер Г.М. Международно-правовой режим Арктики и Антарктики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук (На правах рукописи) / Научный руководитель доктор юридических наук, профессор В.Н. Дурденевский; Московский ордена Ленина Государственный университет имени М.В. Ломоносова. М., 1954.
- [Давыдов 1951] Давыдов Д. Остров на путях в Антарктику // Вокруг света. 1951. № 6.
- [Двукратные 1831] Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света, в продолжении 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах Восток и Мирном под начальством Капитана Беллинсгаузена командира шлюпа Востока. Шлюпом Мирным начальствовал лейтенант Лазарев. Изданы по Высочайшему Повелению. Часть первая. Санктпетербург, в Типографии Ивана Глазунова, 1831. URL : <http://dlib.vsl.ru/01004075549.pdf>
- [Денисов 1950] Денисов И. Антарктика (географические заметки) // Новое время. 1950. № 33.
- [Джемс 1948] Джемс Кук. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света / Перевод с английского и комментарии Я.М. Света; под научной редакцией и со вступительной статьей И.П. Магидовича. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1948.
- [Дивин, Черноусько 1950] Дивин В.А., Черноусько Л.Д. Неудачное осуществление хорошего замысла // Морской сборник. 1950. № 7.
- [Дневник 1934] Дневник капитана Р. Скотта. Пересмотренный и дополненный перевод с английского З.А. Рогозиной. Л.: Издание Всесоюзного арктического института, 1934.
- [Докладная 1950] Докладная записка министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинского И.В. Сталину по вопросу о меморандуме ряду правительств о режиме Антарктике. 20.02.1950. АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23а. П. 26. Д. 342. Л. 68–70. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fondi/issues-doc/71711>
- [Донесение 1823] Донесение Капитана 2 ранга Биллинсгаузена из Порты Жаксона о своем плавании // Записки, издаваемые Государственным Адмиралтейским Департаментом, относящиеся к Мореплаванию, Наукам и Словесности. Часть пятая. В С. Петербурге, в Морской Типографии, 1823 года.
- [Дранов 1951(а)] Дранов Б. Предисловие / Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Том 2 / Пер. с англ. Д.М. Кершнер. Под редакцией, с предисловием и примечаниями кандидата юридических наук Б.А. Дранова. М.: Издательство Иностранной литературы, 1951.
- [Дранов 1951(б)] Дранов Б. Примечания редактора / Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Том 2 / Пер. с англ. Д.М. Кершнер. Под редакцией, с предисловием и примечаниями кандидата юридических наук Б.А. Дранова. М.: Издательство Иностранной литературы, 1951.
- [Дремлюг 1954] Дремлюг В.В. Роль Ю.М. Шокальского в деле исследования полярных стран и освоения Северного морского пути // Ученые записки Высшего Арктического морского училища. 1954. Вып. 5.
- [Дубровин, Преображенская 1987] Дубровин Л.И., Преображенская М.А. О чем говорит карта Антарктики. Л.: Гидрометеиздат, 1987.
- [Дурденевский 1950] Дурденевский В.Н. Проблема правового режима приполярных областей (Антарктика и Арктика) // Вестник Московского университета. 1950. № 7.
- [Дьяконов 1932] Дьяконов М.А. К двадцатой годовщине открытия Южного полюса Амундсеном (14 декабря 1911 г. – 14 декабря 1931 г.) // Морской сборник. 1932. № 1.
- [Е. А. 1949] Е. А. О приоритете русских в открытии Антарктики // Морской флот. 1949. № 4.
- [Егорьев 1993] Егорьев Всеволод Евгеньевич (1883–1967) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х

- томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Ежегодник 1951] Ежегодник книги СССР 1950 (1-е полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1951.
- [Ежегодник 1952(а)] Ежегодник книги СССР 1950 (2-е полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1952.
- [Ежегодник 1952(б)] Ежегодник книги СССР 1951 (первое полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1952.
- [Ежегодник 1953(а)] Ежегодник книги СССР 1951 (второе полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1953.
- [Ежегодник 1953(б)] Ежегодник книги СССР 1952 (первое полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1953.
- [Ежегодник 1954(а)] Ежегодник книги СССР 1952 (второе полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1954.
- [Ежегодник 1954(б)] Ежегодник книги СССР 1953 (первое полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1954.
- [Ежегодник 1954(в)] Ежегодник книги СССР 1953 (второе полугодие). Систематический указатель. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1954.
- [Ершов 1952] Ершов А.Е. Из истории русской гидрографии // Морской сборник. 1952. № 12.
- [Есаков 1993] Есаков Василий Алексеевич (р. 22.2.1924) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Есаков 1996] Есаков В.А. Открытие Антарктиды русскими моряками // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3.
- [Ефимов 1949(а)] Ефимов А.В. Великие русские географические открытия (в XVII и первой половине XVIII в.). Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве / Ред. М.С. Боднарский. М.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; Издательство «Правда», 1949.
- [Ефимов 1949(б)] Ефимов А.В. Великое открытие Семена Дежнева (К 300-летию его похода) / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Ефимов 1954] Ефимов А. Книга о русских мореплавателях // Правда. 1954. 5 июля.
- [Ефимов 1971] Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Издательство «Наука», 1971.
- [Ефимов 1993] Ефимов Алексей Владимирович (30.1.1896–11.11.1971) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Жигалов 1943] Жигалов И. Русские мореходы (Окончание) // Краснофлотец. 1943. № 2.
- [Забелин 1989] Забелин И.М. Очерки истории географической мысли в СССР (1917–1945) / Ответственные редакторы: доктор философских наук И.И. Мочалов, доктор географических наук И.А. Федосеев. М.: «Наука», 1989.
- [Записки 1917] Записки по гидрографии. 1917. Том 41. Вып. 2.
- [За расцвет 1950] За расцвет рыбной промышленности! // Рыбное хозяйство. 1950. № 4.

- [Заседания 1952] Заседания географов на морских судах // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Том 84. Вып. 4.
- [За 61-й южной 1950] За 61-й южной параллелью // Вокруг света. 1950. № 4.
- [Зенкевич 1951] Зенкевич Л.А. Фауна и биологическая продуктивность моря. Мировой океан. Том I. М.: Советская наука, 1951.
- [Зенкович 1947] Зенкович Б.А. Китобойный промысел СССР и перспективы его развития (окончание) // Рыбное хозяйство. 1947. № 12.
- [Зенкович 1948] Зенкович Б.А. Советский китобойный промысел в Антарктике (Сезон 1946/47 г.) // Рыбное хозяйство. 1948. № 5.
- [Зиборов 2011] Зиборов А.А. Почему Россия уже не кормит Европу // Москва. 2011. № 2.
- [Зубков 1952] Зубков А. Приоритет русских и советских ученых и моряков в изучении морей и океанов // Морской флот. 1952. № 8.
- [Зубов 1949] Зубов Н.Н. Русские в Антарктике // Огонек. 1949. № 12 (март).
- [Зубов 1952] Зубов Н. Выдающийся первооткрыватель Антарктического материка (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена) // Советская Латвия. 1952. 24 января.
- [Зубов 1953] Зубов Н.Н. Русские мореплаватели – исследователи океанов и морей / Русские мореплаватели / Редактор В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1953.
- [Зубов 1954] Зубов Н.Н. Отечественные мореплаватели – исследователи морей и океанов. М.: Государственное издательство географической литературы, 1954.
- [Зубов 1993] Зубов Николай Николаевич (23.5.1885–11.11.1960) / Краснополский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Зубов, Черненко 1951] Зубов Н.Н., Черненко М.Б. Русские люди в Арктике и Антарктике. М.: Военное Издательство Военного Министерства Союза ССР, 1951.
- [Иванов, Голованов 1952] Иванов С., Голованов К. Ф.Ф. Беллинсгаузен / Под редакцией А.И. Соловьева. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1952.
- [Известные 1953] Известные русские мореплаватели (Справка). Составил И.П. Магидович / Русские мореплаватели / Редактор В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1953.
- [Ильинский 1944] Ильинский А.П. Столетие антарктической экспедиции Д.К. Росса // Природа. 1944. № 3.
- [Инглези, Фрадкина 1949] Инглези Р.М., Фрадкина З.Л. Г.С. Тихомиров. Русская литература по истории географии. Выпуск первый. (А. Б. В.). М., МГУ, 1948. 124 стр. // Советская библиография. Сборник статей и материалов. Выпуск I (26). М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1949.
- [Исаченко 1971] Исаченко А.Г. Развитие географических идей. М.: Издательство «Мысль», 1971.
- [История 1949] История естествознания. Библиографический указатель. Литература, опубликованная в СССР (1917–1947) / Библиография составлена: О.А. Старосельской-Никитиной (руководитель работы), О.В. Красноуховой и Ю.Д. Каценельсоном. Отв. ред: Д.Д. Иванов и Н.А. Фигуровский. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949.
- [История 1955] История естествознания. Библиографический указатель. Литература, опубликованная в СССР (1948–1950) / Библиография составлена: О.А. Старосельской-Никитиной (руководитель работы), О.В. Красноуховой, В.И. Макаровой, Л.В. Каминер и П.В. Пильщиковой. Отв. ред: А.Т. Григорьян, Д.Д. Иванов, Н.А. Фигуровский. М.: Издательство Академии наук СССР, 1955.

- [Ишков 1947(а)] Ишков А.А. Итоги 1946 г. и наши задачи в 1947 г. // Рыбное хозяйство. 1947. № 1.
- [Ишков 1947(б)] Ишков А.А. Все силы на досрочное выполнение годового плана! (Сокращенная стенограмма доклада на Всесоюзном совещании руководящих и инженерно-технических работников рыбной промышленности западных районов СССР 22 июля 1947 г.) // Рыбное хозяйство. 1947. № 8.
- [Ишков 1948] Ишков А.А. За новый подъем, за выполнение пятилетки за четыре года // Рыбное хозяйство. 1948. № 2.
- [Калесник 1949(а)] Калесник С. Русские открытия в Антарктике // Славяне. 1949. № 4.
- [Калесник 1949(б)] Калесник С.В. К 130-летию русской экспедиции в Антарктику // Природа. 1949. № 8.
- [Калесник 1949(в)] Калесник С.В. Природа Антарктики // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Т. 81 Вып. 6.
- [Калесник 1954] Калесник С.В. Отчет о деятельности Географического общества Союза ССР за 1947–1953 гг. / Материалы ко Второму Съезду Географического Общества Союза ССР / Отв. ред. С.П. Хромов. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
- [Капитан 2012] Капитан Джеймс Кук (1728–1779). URL : http://www.e-reading.org.ua/boOkreader.php/147371/Nekrasov_-_Kapitan-Kuk.html
- [Капчинская 1949] Капчинская Е.И. Сырьевые богатства Антарктиды и проиcки англо-американцев // Известия Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова. 1949. Том 2. Вып. I.
- [Караваева 1950] Караваева З.Ф. О картах великих географических открытий и исследований / Вопросы географии. Сборник двадцать второй. 1950. Картография / Ответственные редакторы двадцать второго сборника: А.М. Комков, К.А. Салищев; Московский филиал Географического общества Союза ССР. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1950.
- [Карелин 1947] Карелин Д.Б. Завоевание полюсов. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1947.
- [Карелин 1949] Карелин Д. Антарктика / Карты составлены и выполнены П. Померанцевым. М.: Детгиз, 1949.
- [Карелин 1993] Карелин Дмитрий Борисович (26.3.1913–21.12.1953) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 1. А–К / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Касименко 1948] Касименко В.А. Как люди открывали Землю / Научная редакция Д.Л. Арманда. М.: Государственная ордена Ленина Библиотека им. В.И. Ленина, 1948.
- [Киличенков 2009] Киличенков А.А. «Холодная война» в океане: Советская военноморская деятельность 1945–1991 гг. в зеркале зарубежной историографии / Рецензенты: доктор исторических наук, профессор В.Д. Зимина; доктор исторических наук, профессор Л.Е. Горизонтов. М.: РГГУ, 2009.
- [Книжная 1950] Книжная полка географа // Вокруг света. 1950. № 3.
- [Козина 1949] Козина Р. Книга о подвиге русских мореплавателей // Красноярский рабочий. 1949. 11 декабря.
- [Комментарии 2008] Комментарии / Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света / Издание составили и подготовили Г.В. Карпюк, Е.И. Харитонов. Автор предисловия В.С. Корякин. М.: «Дрофа», 2008.
- [Константинов 1954] Константинов Г. Исследователи морей // Водный транспорт. 1954. 17 апреля.

- [Корякин 2008] Корякин В.С. Континент, открытый последним / Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света / Издание составили и подготовили Г.В. Карпюк, Е.И. Харитонов. Автор предисловия В.С. Корякин. М.: «Дрофа», 2008.
- [Кострицын 1951] Кострицын Б.В. К вопросу о режиме Антарктики // Советское государство и право. 1951. № 3.
- [Котухов 1951] Котухов М.П. Великий подвиг (Открытие Антарктиды). М.: Военно-Морское Издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР, 1951.
- [Котухов 1952] Котухов М. Сборник документов «М.П. Лазарев» // Красный флот. 1952. 29 ноября.
- [Краснопольский 1993(б)] Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Библиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Краткий 1950] Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1949 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 6.
- [Краткий 1952] Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1952 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Том 84. Вып. 6.
- [Краткий 1954] Краткий отчет Географического общества Союза ССР за 1953 год // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Том 86. Вып. 6.
- [Крих, Метель 2014] Крих С.Б., Метель О.В. Две парадигмы в современной отечественной историографии // Вопросы истории. 2014. № 1.
- [К родным 1949] К родным берегам // Огонек. 1949. № 22 (май).
- [Кругосветные 1937] Кругосветные плавания / Большая Советская Энциклопедия. Том тридцать пятый. «Крестьянская газета» – Ларсон / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: ОГИЗ РСФСР; Государственный институт «Советская энциклопедия», 1937.
- [Кругосветные 1953] Кругосветные и полукругосветные плавания русских парусных судов. Составил Н.Н. Зубов / Русские мореплаватели / Редактор В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1953.
- [Кручинин 1965] Кручинин Ю.А. Шельфовые ледники Земли Королевы Мод / Под редакцией доктора географических наук Я.Я. Гаккеля; Арктический и антарктический научно-исследовательский институт; Советская антарктическая экспедиция. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1965.
- [Кублицкий 1949(а)] Кублицкий Г. Колумбы Антарктики // Вокруг света. 1949. № 4.
- [Кублицкий 1949(б)] Кублицкий Г. Открыватели Антарктиды / Отв. ред. В. Касименко. М., Л.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1949.
- [Кублицкий 1954] Кублицкий Г. По материкам и океанам (Рассказы о путешествиях и открытиях) / Второе издание, переработанное и дополненное. М.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1954.
- [Кудрявцев-Скайф 1947] Кудрявцев-Скайф С. Экспедиция адмирала Беллинсгаузена (К 95-летию со дня смерти адмирала Беллинсгаузена) // Красный Балтиец. 1947. 25 января.
- [Кузнецов 1951] Кузнецов П.С. Л.С. Берг как географ (К годовщине со дня смерти) // Природа. 1951. № 12.
- [Кушнарвев, Васильев 1950] Кушнарвев Е.Г., Васильев А.В. Труд об открытии Антарктиды русскими моряками // Морской сборник. 1950. № 7.
- [Лазарев 1937] Лазарев, Михаил Петрович (1788–1851) / Большая Советская энциклопедия. Том тридцать пятый / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ РСФСР, 1937.
- [Лазарев 1952] М.П. Лазарев. Документы. Том I / Под редакцией подполковника А.А. Самарова; Центральный государственный архив Военно-Морского Флота

Союза ССР. М.: Военно-Морское Издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР, 1952.

[Лазарев 1953] Лазарев, Михаил Петрович (3 ноября 1788–11 апр. 1851) / Большая Советская Энциклопедия. 24 (Кукуруза – Лесничество). Второе издание / Гл. ред. Б.А. Введенский. М.: Государственное Научное Издательство «Большая Советская Энциклопедия», 1953.

[Лебедев 1961] Лебедев В.Л. Географические наблюдения в Антарктике экспедиций Кука 1772–1775 гг. и Беллинсгаузена – Лазарева 1819–1821 гг. (К 140-й годовщине открытия Антарктического материка) / Антарктика. Доклады комиссии 1960 г. / Редакционная коллегия: проф. Бугаев В.А. – ответственный редактор, проф. Шумский П.А., проф. Гусев А.М., Лапина И.Я. – секретарь; Академия наук СССР, Междудеомственная комиссия по изучению Антарктики. М.: Издательство Академии наук СССР, 1961.

[Лебедев 1949] Лебедев Д.В. Люди русской науки. Очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. С предисловием и вступительной статьей акад. С.И. Вавилова. Составитель и редактор И.В. Кузнецов. I. П. М. – Л., Гос. изд. техн.-теоретической литературы, 1948, 1196 стр. с илл. Цена 55 руб. за оба тома // Природа. 1949. № 8.

[Лебедев 1952] Лебедев Д.М. Выдающийся русский ученый-мореплаватель (К столетию со дня смерти Ф.Ф. Беллинсгаузена) // Природа. 1952. № 1.

[Лебедев 1954] Лебедев Д.М. Совместное заседание Отделения геолого-географических наук АН СССР и Ученого совета Института географии АН СССР, посвященное 50-летию научной деятельности и 70-летию академика А.А. Григорьева // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. 1954. № 1 (январь – февраль).

[Лебедев 1993] Лебедев Дмитрий Михайлович (5.5.1892–10.1.1978) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.

[Лев 1951] Лев Семенович Берг // Известия Всесоюзного географического общества. 1951. Том 83. Вып. 1.

[Лев 1952] Лев Семенович Берг (1876–1950). Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия географических наук, вып. 2 / Вступительные статьи К.К. Маркова и Г.В. Никольского. Библиография составлена В.М. Распоповой / Отв. ред.: О.В. Исакова и Е.С. Лихтенштейн. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952.

[Леонтьев 1950] Леонтьев Б. К вопросу о режиме Антарктики // Правда. 1950. 20 июля.

[Л.С. Берг 1951] Л.С. Берг // Вокруг света. 1951. № 1.

[Лукин 1999] Лукин В.В. Геополитические интересы государств в Антарктике / Мировой океан на пороге XXI века. Сборник научных трудов / Отв. ред. А.П. Алхименко. СПб.: Русское географическое общество, 1999.

[Лукин 2009] Лукин В.В. Политико-правовые условия организации натурных антарктических исследований / Геология полярных областей Земли. Т. 2. Материалы 42 Тектонического совещания, посвященного предварительным результатам исследований по программе 3-го Международного Полярного года. М.: ГЕОС, 2009.

[Льготы 1948] Льготы и преимущества для работников антарктической китобойной флотилии Министерства рыбной промышленности западных районов СССР // Рыбное хозяйство. 1948. № 12.

[Магидович 1948] Магидович И.П. Джеймс Кук, его действительные и мнимые открытия / Джеймс Кук. Путешествие к Южному полюсу и вокруг света / Перевод с английского и комментарии Я.М. Света; под научной редакцией и со вступительной

статей И.П. Магидовича. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1948.

[Магидович 1949] Магидович И.П. Очерки по истории географических открытий. М.: Учпедгиз, 1949.

[Магидович 1950] Магидович И. Предисловие редактора / Бейкер Дж. История географических открытий и исследований / Перевод с английского под редакцией и с предисловием И.П. Магидовича. М.: Издательство Иностранной Литературы, 1950.

[Магидович 1993] Магидович Иосиф Петрович (1889–1976) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.

[Максимов 1937] Максимов Ал. К географии и геологии Антарктики (Исследования Л. Гулда в секторе моря Росса) // Известия Государственного географического общества. 1937. Том 69. Вып. 3.

[Марков 1950] Марков К.К. Ошибки академика А.А. Григорьева // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 5.

[Марков 1944] Марков С.Н. Клады «колумбов российских». Документы о русской морской славе // Морской сборник. 1944. № 11.

[Марков 1951] Марков С. Герой Антарктики и Наварина // Вокруг света. 1951. № 3.

[Марков 1952] Марков С. Открыватель Антарктиды // Вокруг света. 1952. № 1.

[Материалы 1948] Материалы по лоции Антарктики / Редактор И.Ф. Новоселов. Б. м.: Издательство Гидрографического Управления ВМС, 1948.

[Международная 1956] Международная конвенция по урегулированию китобойного промысла / Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XIII. М.: Госполитиздат, 1956.

[Международное 1947] Международное право (Допущено Министерством высшего образования СССР в качестве учебника для юридических институтов и факультетов) / Под общ. ред. В.Н. Дурденевского и С.Б. Крылова. М.: Институт права Академии наук СССР; Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1947.

[Международный 2014] Международный геофизический год. URL : http://www.gcras.ru/intl_year.html

[Меморандум 1950(а)] Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики. 05.06.1950. АВП РФ. Ф. 7. Оп. 13. П. 9. Д. 167. Л. 21–23. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/71734>

[Меморандум 1950(б)] Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики (ТАСС) // Известия. 1950. 10 июня.

[Меморандум 1950(в)] Меморандум Советского Правительства по вопросу о режиме Антарктики (ТАСС) // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 4.

[Менцов 1842] Менцов Ф. Обзорение Русских газет и журналов за второе трехмесячие 1842 года. VI. География, Статистика и Путешествия // Журнал Министерства народного просвещения. Часть XXXV. Санктпетербург, в типографии Императорской Академии Наук, 1842.

[Меньшиков 1891] Меньшиков М. Беллинсгаузен, Фаддей (Фабиян) Фаддеевич / Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Том II. Выпуски 22-23. Бабаджанов – Бензенгр. С.-Петербург. Семеновская Типо-Литография (И. Ефрона). Фонтанка, 92. 1891.

[Месяцев 1952] Месяцев С. Первооткрыватель Антарктиды // Огонек. 1952. № 4 (20 января).

- [Митрополит Иоанн (Снычев) 1995] Митрополит Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб.: Издательство «Царское Дьло», 1995.
- [Михайлов 1952] Михайлов К. Славные страницы из истории отечественного флота // Красный флот. 1952. 21 мая.
- [Михайлов 1949] Михайлов С. Империалистическая борьба за Антарктику // Вопросы экономики. 1949. № 10.
- [Может 2013] Может кому будет любопытно (продолжение). URL : <http://wap.kortici.borda.ru/?1-11-0-00000199-000-10001-0>
- [Молодцов 1954] Молодцов С.В. Современное международно-правовое положение Антарктики. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1954.
- [Мордвинов 1948] Мордвинов Р. Флотоводец Михаил Петрович Лазарев (К 160-й годовщине со дня рождения) // Вымпел. 1948. № 21.
- [Мордвинов 1949] Мордвинов Р.Н. Флотоводец Михаил Петрович Лазарев / Новаторы русского флота: Сборник статей / Ред. капитан 3 ранга В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1949.
- [Морозов, Никульченков 1946] Морозов П.Ф., Никульченков К.И. Адмирал М.П. Лазарев // Морской сборник. 1946. № 6.
- [Морозов, Никульченков 1949] Морозов П.Ф., Никульченков К.И. Экспедиция Ф.Ф. Беллинсгаузена – М.П. Лазарева в Южный Ледовитый океан и открытие Антарктиды // Морской сборник. 1949. № 9.
- [Мрочков 1951] Мрочков К.А. Содержание витамина А в печени китов Антарктики // Рыбное хозяйство. 1951. № 3.
- [Муравейский 1948] Муравейский С. Труды Второго Всесоюзного географического съезда. Том I. Географиз, М., 1948, цена 13 руб. 50 коп. / Вопросы географии. Сборник девятый. Ломоносовские чтения Географического факультета Московского ордена Ленина Государственного университета им. М.В. Ломоносова / Отв. ред. девятого сборника: К.К. Марков и А.И. Соловьев. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1948.
- [Мурзаев 1947] Мурзаев Э.М. Русское географическое общество // Природа. 1947. № 2.
- [Мурзаев 1949] Мурзаев Э.Д. Русские путешественники в Антарктике. «Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах». Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями А.И. Андреева. Географиз, 1949 // Новый мир. 1949. № 11.
- [Мурзаев 1951(а)] Мурзаев Э.М. К годовщине смерти Л.С. Берга // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. 1951. № 5 (сентябрь – октябрь).
- [Мурзаев 1951(б)] Мурзаев Э.М. Лев Семенович Берг как географ / Вопросы географии. Сборник двадцать четвертый. 1951. Физическая география / Ответственные редакторы двадцать четвертого сборника: Ю.К. Ефремов, К.К. Марков, Э.М. Мурзаев; Московский филиал Географического общества Союза ССР. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1951.
- [Мурзаев 1956] Мурзаев Э. От редактора / Академик Л.С. Берг. Избранные труды. Том I. История науки / Отв. ред. доктор географических наук Э.М. Мурзаев. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
- [Мурзаев 1985] Мурзаев Эдуард Макарович (р. 1 VI 1908) / Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи и географы. Биографический справочник / Ответственные редакторы И.А. Федосеева, Е.Ф. Шнюков. Киев: Наукова думка, 1985.
- [Мячин 1953] Мячин И. Книжки о замечательных русских путешественниках // Вокруг света. 1953. № 11.
- [Найда 1954] Найда С. «Русские мореплаватели» // Красная звезда. 1954. 6 мая.

- [Наше 1949] Наше море. Книга для чтения по русской морской литературе / Составила Е.Д. Вишневецкая. Б. м.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1949.
- [Невский 1950] Невский В.В. Русские путешественники-исследователи. Фотоальбом / Редактор академик Л.С. Берг. Л.: Ленфотохудожник, 1950.
- [Некрасов 1941] Некрасов А.Д. В поисках Южного материка. Повесть о втором кругосветном путешествии капитана Кука в южном полушарии на судах «Решение» и «Предприятие». М., Л.: ЦК ВЛКСМ; Издательство детской литературы, 1941.
- [Нечкина 1965] Нечкина М.В. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки) / История и историки. Историография истории СССР: сборник статей / Отв. ред. академик М.В. Нечкина. М.: Издательство «Наука», 1965.
- [Никитенко 1951] Никитенко М.Н. Неутомимый труженик и пропагандист научных знаний (К 75-летию со дня рождения проф. А.Д. Некрасова) // Природа. 1951. № 5.
- [Никитин 2004] Никитин Е.Н. Корней Чуковский, Николай Чуковский. «Мы очень разные литераторы...». Переписка (1921–1963) / Вступительная заметка, подготовка текста и примечания Е.Н. Никитина // Знамя. 2004. № 1. URL : <http://magazines.russ.ru/znania/2004/1/chu9.html>
- [Никитин 2009] Никитин Е. Неизвестный поэт – Николай Чуковский // Литературная учеба. 2009. № 3. URL : <http://lych.ru/online/0ainmenu-65/40--s32009/356---->
- [Николаева 1952] Николаева Л.М. Ф.Ф. Беллинсгаузен (К 100-летию со дня смерти) // Известия Академии Наук СССР. Серия географическая. 1952. № 2.
- [Николай 1971] Николай Николаевич Баранский (1881–1963). Материалы к библиографии ученых СССР. Серия географических наук, вып. 4 / Вступительная статья Ю.Г. Саушкина. Библиография составлена Г.Н. Финашиной и Р.И. Кузьменко / Отв. ред. О.В. Исакова и Е.С. Лихтенштейн. М.: Издательство «Наука», 1971.
- [Никольский 1951] Никольский Г.В. Памяти Льва Семеновича Берга // Рыбное хозяйство. 1951. № 5.
- [Никульченков 1952] Никульченков К. Введение / М.П. Лазарев. Документы. Том I / Под редакцией подполковника А.А. Самарова. М.: Военно-Морское Издательство Военно-Морского Министерства Союза ССР, 1952.
- [Никульченков 1955] Никульченков К.И. Введение / М.П. Лазарев. Документы. Том II / Под редакцией полковника А.А. Самарова; Центральный государственный архив Военно-Морского Флота Союза ССР. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1955.
- [Н. М-н 1855] Н. М-н. Шестой Континент или краткое обозрение плаваний к югу, от Кука до Росса. С двумя картами. 3-е издание // Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. 1855. Том XV. № 4 (Апрель).
- [Новаторы 1949] Новаторы русского флота: Сборник статей / Ред. капитан 3 ранга В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1949.
- [Новиченко 2013] Новиченко И.Ю. Английские рабочие второй половины XIX в. и советская историография // Вопросы истории. 2013. № 10.
- [Новоселов 1948] Новоселов И.Ф. Предисловие / Материалы по лоции Антарктики / Редактор И.Ф. Новоселов. Б. м.: Издательство Гидрографического Управления ВМС, 1948.
- [Новосильский 1855] Новосильский П. О географических открытиях в Южном полярном море, в истекшей половине XIX столетия // Журнал Министерства народного просвещения. 1855. Июль. Санктпетербург, В типографии Императорской Академии Наук.

- [Нозиков 1938] Нозиков Н.Н. Открытие русскими моряками Антарктиды (Кругосветное плавание Беллинсгаузена) // Советская Арктика. 1938. № 2.
- [Нозиков 1941(а)] Нозиков Н. Открытие русскими Антарктиды (К 120-летию со дня открытия Южного Полярного материка) // Комсомольская правда. 1941. 29 января.
- [Нозиков 1941(б)] Нозиков Н. Русские кругосветные мореплаватели / Под редакцией и со вступительной статьей М.А. Сергеева. М., Л.: Государственное Военно-Морское издательство НКВМФ, 1941.
- [Нозиков 1947] Нозиков Н. Русские кругосветные мореплаватели. Издание второе / Под редакцией и со вступительной статьей М.А. Сергеева. М.: Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1947.
- [Обсуждение 1949(а)] Обсуждение докладов. Профессор Д.М. Лебедев / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Обсуждение 1949(б)] Обсуждение докладов. Член-корреспондент АН СССР Н.М. Дружинин / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Обсуждение 1954] Обсуждение второго тома Морского атласа // Известия Всесоюзного географического общества. 1954. Том 86. Вып. 2.
- [Общее 1949(а)] Общее собрание Географического общества СССР // Правда. 1949. 11 февраля.
- [Общее 1949(б)] Общее собрание Географического общества СССР 10 февраля 1949 года // Вестник Академии Наук СССР. 1949. № 3.
- [Овлащенко 2007] Овлащенко А.В. Из истории формирования международно-правового режима Антарктики // Московский журнал международного права. 2007. № 4.
- [Овлащенко 2009(а)] Овлащенко А.В. Заслуживает ли Антарктика внимания российских юристов-международников? // Международное право – International Law. 2009. № 3.
- [Овлащенко 2009(б)] Овлащенко А.В. Малоисследованные вопросы правового обоснования и защиты интересов Советского Союза в Антарктике (до подписания Договора об Антарктике 1959 г.) // Международное публичное и частное право. 2009. № 6.
- [Овлащенко 2010] Овлащенко А.В. Российские юристы-международники о приоритете открытия Антарктиды русской кругосветной экспедицией 1819–1821 гг. // Международное публичное и частное право. 2010. № 3.
- [Овлащенко 2013] Овлащенко А. Материк льда. Первая русская антарктическая экспедиция и ее отражение в советской историографии (1920-е – 1940-е годы). Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013.
- [Орлов 1948] Орлов Б.П. Федор Петрович Литке, замечательный русский путешественник и ученый (к 150-летию со дня рождения). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 8 апреля 1948 года в Центральной лектории Общества в Москве. М.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; Издательство «Правда», 1948.
- [Осипов 1949] Осипов И. Свидетели русской славы (Н.А. Бендер. «Имена русских людей на карте мира»). Географгиз. 1948. 170 стр. Цена 3 р. 45 к.) // Огонек. 1949. № 3.
- [Осипов 1950] Осипов К. Как русские люди открыли Антарктиду / Ред. С.В. Узин. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1950.

- [Островский 1941] Островский Б. Лазаревская школа // Краснофлотец. 1941. № 7.
- [Островский 1949(а)] Островский Б.Г. О позабытых источниках и участниках антарктической экспедиции Беллинсгаузена–Лазарева // Известия Всесоюзного Географического общества. 1949. Т. 81. Вып. 2.
- [Островский 1949(б)] Островский Б.Г. Новое об историческом походе Беллинсгаузена – Лазарева в Антарктику // Звезда. 1949. № 2.
- [Открытие 1946] Открытие первой земли в Антарктике (Существует ли Антарктический материк? Загадка Птолемея. Джеймс Кук ищет Антарктиду. Загадка Птолемея разрешена) // Красный Балтийский флот. 1946. 22 января.
- [От редакции 1954] От редакции / Географический сборник. III. История географических знаний и географических открытий / Главный редактор академик Е.Н. Павловский. Редакторы тома: заслуженный деятель науки РСФСР, доктор военно-морских наук В.Е. Егорьев, кандидат исторических наук М.И. Белов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
- [От редакции 2011] От редакции / Беллинсгаузен Ф.Ф. Открытие Антарктиды. М.: Эксмо, 2011.
- [Отчет 1940] Отчет о деятельности Географического общества при Академии наук СССР (в Ленинграде) за первую половину 1940 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1940. Том 72. Вып. 6.
- [Отчет 1951] Отчет Географического общества СССР за 1950 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1951. Том 83. Вып. 4.
- [Памяти 1950] Памяти Ю.М. Шокальского // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 4.
- [Памяти 1951] Памяти Льва Семеновича Берга / Вопросы географии. Сборник двадцать четвертый. 1951. Физическая география / Ответственные редакторы двадцать четвертого сборника: Ю.К. Ефремов, К.К. Марков, Э.М. Мурзаев; Московский филиал Географического общества Союза ССР. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1951.
- [Памяти 2010] Памяти Юлии Александровны Амброз. URL : http://archive.nbuv.gov.ua/portal/Natural/Vonu_geo/2010_10/220_224.pdf
- [Панов 1950(а)] Панов Д.Г. Плавание шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах. Географиз, 1949, стр. 1–176. // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 1.
- [Панов 1950(б)] Панов Д.Г. Ф.Ф. Беллинсгаузен. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном». Под ред. Е.Е. Шведе. Географ. изд., М., 1949, 360 стр. Тираж 20 000 экз. Цена 14 руб. 50 коп. // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 5.
- [Панов 1993] Панов Дмитрий Геннадьевич (16.6.1909–24.7.1965) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Перевалов 1950(а)] Перевалов В. Приоритет русских открытий в Антарктике // Молодой большевик. 1950. № 17.
- [Перевалов 1950(б)] Перевалов В. Приоритет русских открытий в Антарктике // Вокруг света. 1950. № 8.
- [Перевалов 1951] Перевалов В.А. К 130-летию открытия Антарктиды русскими мореплавателями (Историко-библиографическая справка) // Природа. 1951. № 6.
- [Перечень 1987] Перечень сведений, запрещенных к открытому опубликованию. Экз. № 014356. Инв. № 158-р. Секретно. М.: Главное Управление по охране государственных тайн в печати при Совете Министров СССР (Главлит СССР), 1987.

- [Персоналия 1959] Персоналия. Сергей Борисович Крылов (1888–1958 гг.) / Советский ежегодник международного права 1958. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959.
- [Персоналия 1960] Персоналия. Всеволод Николаевич Дурденевский (К 70-летию со дня рождения) / Советский ежегодник международного права 1959. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1960.
- [Пингвин 1951] Пингвин – птица Антарктики // Вокруг света. 1951. № 2.
- [Пинегин 1950] Пинегин В. «Как русские люди открыли Антарктиду» (К. Осипов. «Как русские люди открыли Антарктиду», Географгиз, 1950 г., стр. 64) // Красный Север. 1950. 17 октября.
- [Письма 1918] Письма Михаила Петровича Лазарева // Морской сборник. 1918. Том CDIII. № 1.
- [Письмо 1955] Письмо М.П. Лазарева А.А. Шестакову о своем возвращении в Феодосию из Босфора и о предстоящем практическом плавании эскадры / М.П. Лазарев. Документы. Том II / Под редакцией полковника А.А. Самарова; Центральный государственный архив Военно-Морского Флота Союза ССР. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1955.
- [Плавание 1953] «Плавание в Антарктику» // Вокруг света. 1953. № 11.
- [Плавания 1949] Плавания шлюпов «Восток» и «Мирный» в Антарктику в 1819, 1820 и 1821 годах / Под редакцией, со вступительной статьей и примечаниями доктора исторических наук А.И. Андреева. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1949.
- [Подорольский 1941] Подорольский Н. Экспедиция Бэрда // Краснофлотец. 1941. № 11.
- [Политическая 1939] Политическая карта мира 1 : 80 000 000 / Географические карты для 3-го и 4-го классов начальной школы (Из географического атласа для 3-го и 4-го классов начальной школы). Издание 1-е / Отв. ред. Е.М. Сидорова, техн. ред. И.Ф. Зинин. М.: Главное Управление Геодезии и Картографии при СНК СССР, 1939.
- [Полярные 1940] Полярные экспедиции / Большая Советская энциклопедия. Том сорок шестой. Пола – Призмы оптические / Главный редактор О.Ю. Шмидт. М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ РСФСР, 1940.
- [Постановление 1949] Постановление Общего собрания Академии Наук СССР от 11 января 1949 года. URL : <http://www.ras.ru/Fstorage/download.aspx?id=ff2d64b5-bd3a-40d9-bed4-040118424948>
- [Потери 1981] Потери науки. Виктор Харлампиевич Буйницкий (некролог) // Известия Всесоюзного географического общества. 1981. Том 113. Вып. 2.
- [Почетный 1940] Почетный академик Юлий Михайлович Шокальский (17 X 1856–26 III 1940) // Природа. 1940. № 8.
- [Правдин, Чепурнов 1956] Правдин И.Ф., Чепурнов В.С. Академик Лев Семенович Берг (1876–1950 гг.). Кишинев: Государственное Издательство Молдавии, 1956.
- [Председателю 1949] Председателю Совета Министров СССР товарищу И.В. Сталину / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки, 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Прибытие 1821] Прибытие Капитана Билленсгаузена и Лейтенанта Лазарева от Южного Полюса // Отечественные записки, издаваемые Павлом Свиным. 1821. Часть седьмая. № 16. Август.
- [Протокол 1950] Протокол № 14 расширенного заседания Ученого совета Географического общества Союза ССР от 6 декабря 1949 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 4.

- [Протокол 2013] Протокол 1 заседания Президиума Академии наук СССР, посвященного открытию Музея М.В. Ломоносова при Институте этнографии АН СССР. http://www.kunstkamera.ru/museums_structure/nauchnye_otdely/lomonosov/history.html
- [Пургин 1951] Пургин А. На борту китобойца (Из записок капитана-гарпунера) // Вокруг света. 1951. № 6.
- [Райхенберг 1939] Райхенберг М. Русские в Антарктике // Наша страна. 1939. № 6.
- [Райхенберг 1941(а)] Райхенберг М. Русские в Антарктике // Учительская газета. 1941. 5 января.
- [Райхенберг 1941(б)] Райхенберг М. Открытие первой земли в Антарктике (К 120-летию окончания русской экспедиции Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева) // Советская Арктика. 1941. № 2.
- [Ристе 2003] Ристе У. История внешней политики Норвегии / Перевод с английского М.Л. Коробочкина. Научные редакторы В.В. Рогинский, А.И. Петренко. М.: Издательство «Весь Мир», 2003.
- [Романов 1946] Романов Н.С. Статьи по вопросам рыбного хозяйства, опубликованные в сборниках и журналах за 1941–1943 гг. // Рыбное хозяйство. 1946. № 6.
- [Русские 1892] Русские мореплаватели арктические и кругосветные. Путешествия В. Беринга, Г. Сарычева, Ф.П. ф.-Врангеля, гр. Ф.П. Литке, Пахтусова, А.Э. Норденшельда, И.Ф. Крузенштерна и Ф.Ф. Беллинсгаузена. Со 100 рисунками и картой / Обработаны по подлинным их сочинениям М.А. Лялиной. С.-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1892.
- [Русские 1948] Русские географы и путешественники. Выпуск первый / Под ред. академиков Л.С. Берга, А.А. Григорьева и члена-корреспондента Академии Наук СССР Н.Н. Баранского; Академия Наук Союза ССР, Институт географии и Географическое общество Союза ССР. М., Л.: Государственное издательство «Искусство», 1948.
- [Русские 1949(а)] Русские открытия в Антарктике. На общем собрании Всесоюзного географического общества // Известия. 1949. 11 февраля.
- [Русские 1949(б)] Русские открытия в Антарктике. На общем собрании Всесоюзного географического общества // Летопись Севера. 1949. I / Под общ. редакцией профессора Андреева А.И., проф. Визе В.Ю. и проф. Ефимова А.В. М.: Издательство Главсевморпути, 1949.
- [Русские 1949(в)] Русские открытия в Антарктике (Заседание Совета географического факультета) // Известия Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова. 1949. Том 2. Вып. I.
- [Русские 1949(г)] Русские открытия в Антарктике (Беседа с президентом Географического общества СССР, академиком Л.С. Бергом) // Комсомольская правда. 1949. 16 июля.
- [Русские 1949(д)] Русские первооткрыватели Антарктики Ф.Ф. Беллинсгаузен и М.П. Лазарев (Рекомендательный список литературы) / Составитель Л.И. Задерман, редактор-библиограф Н.Г. Павлов; Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, Центральная политехническая библиотека. М.: ЦПБ, 1949.
- [Русские 1950] Русские открытия в Антарктике / Редактор академик Л.С. Берг; Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР и Географическое общество СССР. М., 1950.
- [Русские 1951] Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах / Под редакцией профессора В.Н. Сементовского. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1951.

- [Русские 1953(а)] Русские мореплаватели / Редактор В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1953.
- [Русские 1953(б)] Русские имена на морской карте мира (Справка). Составил И.П. Магидович / Русские мореплаватели / Редактор В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1953.
- [Русские 1954] «Русские мореплаватели» // Ленинградская правда. 1954. 3 января.
- [Русский 1949] Русский приоритет // Вокруг света. 1949. № 3.
- [Рыбин 1951] Рыбин Н.Г. Русский приоритет в открытии Антарктиды (Из доклада на заседании Сектора географии АН КазССР) // Известия Академии наук Казахской ССР. 1951. № 99. Серия географическая. Выпуск третий.
- [Рябчук 1947] Рябчук В.Г. Освоение полярных районов Соединенными Штатами Америки и Канадой в военных целях // Морской сборник. 1947. № 11.
- [Салищев 1948] Салищев К.А. Основы картоведения. Часть историческая и картографические материалы. М.: Геодезиздат, 1948.
- [Саушкин 1948] Саушкин Ю. Предисловие / Бендер Н.А. Имена русских людей на карте мира / Предисловие Ю. Саушкина. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1948.
- [Сбродов 1950] Сбродов А.А. Советский китобойный промысел // Рыбное хозяйство. 1950. № 4.
- [Световидов 1951] Световидов А.Н. Памяти академика Л.С. Берга // Природа. 1951. № 7.
- [Святловский 1946] Святловский Е.Е. Библиография трудов Ю.М. Шокальского за 1882–1940 гг. / Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. Часть первая / Под ред. академика И.Ю. Крачковского. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946.
- [Сементовский 1993] Сементовский Владимир Николаевич (13.10.1882–8.8.1969) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Сергеев 1947] Сергеев М.А. Первые русские кругосветные плавания / Нозиков Н. Русские кругосветные мореплаватели. Издание второе / Под редакцией и с вступительной статьей М.А. Сергеева. М.: Военное Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1947.
- [Сергей 1959] Сергей Григорьевич Григорьев (1874–1931) / Отечественные физико-географы и путешественники / Под. ред. Н.Н. Баранского, Н.Б. Дика, Ю.К. Ефремова, А.И. Соловьева, Н.А. Солнцева. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
- [Симонов 1844] Симонов. Краткий исторический взгляд на путешествия знаменитейших мореплавателей до начала девятнадцатого века // Журнал Министерства народного просвещения. Часть XLII. Отделение II. Санктпетербург, в типографии Императорской Академии Наук, 1844.
- [Слевич 1968] Слевич С. Ледяной материк сегодня и завтра. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1968.
- [Словарь 1975] Словарь синонимов. Справочное пособие. Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1975.
- [Словарь 1982] Словарь международного права / Редакционная коллегия: Б.М. Клименко (отв. ред.), В.Ф. Петровский, Ю.М. Рыбаков. М.: «Международные отношения», 1982.
- [Смирнов 1949] Смирнов А.М. Голос советских ученых // Известия Одесского государственного университета имени И.И. Мечникова. 1949. Том 2. Вып. I.
- [Смирнова 1948] Смирнова В.Г. Плавания русских в Тихом океане в XVII, XVIII и первой половине XIX вв. (Кандидатская диссертация) // Вестник Ленинградского

Университета. № 6. Июнь 1948. Л.: Издательство Ленинградского Государственного ордена Ленина Университета, 1948.

[Сноска 2012(a)] Сноска. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/remark/72745>

[Сноска 2012(б)] Сноска. URL : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/remark/72751>

[Советский 1949(a)] Советский Союз и Антарктика. На общем собрании Всесоюзного географического общества // Советская Латвия. 1949. 12 февраля.

[Советский 1949(б)] Советский Союз и Антарктика. На общем собрании Всесоюзного географического общества // Советская молодежь. 1949. 12 февраля.

[Соколов 1950] Соколов А.В. Обзор деятельности Отделения истории географических знаний и исторической географии за период с октября 1947 г. по декабрь 1949 г. / Вопросы географии. Сборник семнадцатый. История географических знаний / Ответственные редакторы семнадцатого сборника Н.Н. Баранский и В.К. Яцунский. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1950.

[Соколов 1953] Соколов А.В. Обзор деятельности Отделения истории географических знаний и исторической географии (с мая 1950 г. по январь 1953 г.) / Вопросы географии. Сборник тридцать первый. История географических знаний и исторической географии СССР / Ответственные редакторы тридцать первого сборника: Н.Н. Баранский и В.К. Яцунский. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1953.

[Соколов, Кушнарв 1951] Соколов А.В., Кушнарв Е.Г. Три кругосветных плавания М.П. Лазарева / Под редакцией доктора географических наук А.Д. Добровольского и М.Б. Черненко. М.: Государственное издательство географической литературы, 1951.

[Соколов 1952] Соколов Н.Н. Лев Семенович Берг как географ // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Том 84. Вып. 2.

[Соколов 1955] Соколов Н.Н. Лев Семенович Берг (Некоторые биографические данные) / Памяти академика Л.С. Берга. Сборник работ по географии и биологии / Ответственный редактор сборника доктор географических наук Э.М. Мурзаев. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1955.

[Сократова, Саватюгин 2012] Сократова И.Н., Саватюгин Л.М. Изыскания в Южном Ледовитом океане Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1819–1821 гг.). Открытие Антарктиды / Атлас русских географических исследований и открытий Земли: Вып. I. Русские географические исследования и открытия Земли до 1845 года / Отв. ред. академик В.М. Котляков. М.: РГО, 2012. (В печати).

[Соловьев 1951] Соловьев А.И. Предисловие / Русские открытия в Антарктике в 1819-1820-1821 годах / Под редакцией профессора В.Н. Семеновского. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1951.

[Соловьев 1954] Соловьев А.И. Митрофан Степанович Боднарский (1870–1953) / Вопросы географии. Сборник тридцать четвертый. 1954. Картография / Ответственные редакторы тридцать четвертого сборника: А.М. Комков и К.А. Салищев. М.: Государственное издательство географической литературы, 1954.

[Соловьев 1993] Соловьев Алексей Иванович (6.8.1907–27.2.1983) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.

[Соляник 1954] Соляник А. Восьмой антарктический рейс китобойной флотилии «Слава» // Советская Латвия. 1954. 17 июля.

[С.П.К 1838] С.П.К. Беллинсгаузена экспедиция в Южный Ледовитый Океан / Военный энциклопедический лексикон, издаваемый Обществом военных и литераторов. Часть вторая. Санктпетербург, 1838.

- [Стомахина 1950] Стомахина Р.И. Выдающиеся люди Военно-Морского Флота нашей Родины. Рекомендательный указатель литературы / Под редакцией подполковника Н.П. Мазунина. М.: Государственная ордена Ленина Библиотека СССР имени В.И. Ленина; Военный отдел, 1950.
- [Ступишин 1950] Ступишин А.В. Ф.Ф. Беллинсгаузен и учение о коралловых островах // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. Том 82. Вып. 3.
- [Ступишин 1951] Ступишин А.В. К восстановлению приоритета русских исследователей в географии // Ученые записки Казанского Государственного университета имени В.И. Ульянова-Ленина. 1951. Том 111. Книга 5. География.
- [Таич 1944] Таич В.Д. Третья экспедиция адмирала Бэрда в Антарктиду // Известия Всесоюзного Географического общества. 1944. Т. 76. Вып. 1.
- [Таич 1953] Таич В.Д. Об условиях видимости в день открытия Антарктиды 16/28 января 1820 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1953. Том 85. Вып. 3.
- [Таубер 1949] Таубер Г.М. Плавание в Антарктике в 1947–1948 гг. // Известия Всесоюзного географического общества. 1949. Том 81. Вып. 4.
- [Таубер 1954] Таубер Г.М. Экспедиционные работы в Антарктике в 1949/50 г. // Труды Государственного океанографического института. Вып. 24(36). Гидрометеорологические наблюдения китобойной флотилии «Слава» в 1949/50 г. в Антарктике / Под ред. профессора Л.Ф. Рудовица. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1954.
- [Таубер 1993] Таубер Георгий Михайлович (р. 26.5.1909) / Краснопольский А.В. Отечественные географы (1917–1992). Биобиблиографический справочник (в 3-х томах). Т. 2. Л–Х / Под ред. профессора С.Б. Лаврова; РАН, Русское географическое общество. СПб.: б/и, 1993.
- [Тихомиров 1947] Тихомиров Г.С. Заметки по истории географии / Отв. ред. к. г. н. А.И. Соловьев. М.: Учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1947.
- [Тихомиров 1948] Тихомиров Г.С. Русская литература по истории географии. Выпуск первый (А,Б,В). М.: Издание МГУ, 1948.
- [Тихонов 1952] Тихонов Д. Пути предков // Вокруг света. 1952. № 7.
- [Узин 1950(а)] Узин С. Антарктида открыта русскими // Вокруг света. 1950. № 8.
- [Узин 1950(б)] Узин С.В. Загадочные земли. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1950.
- [Узин, Юсов 1951] Узин С., Юсов Б. Великий исследователь Антарктики (К столетию со дня смерти М.П. Лазарева) // Вокруг света. 1951. № 4.
- [Узин, Юсов 1952] Узин С., Юсов Б. М.П. Лазарев / Под редакцией А.И. Соловьева. М.: Государственное Издательство географической литературы, 1952.
- [Устав 1954] Устав Географического общества Союза ССР (проект) / Материалы ко Второму Съезду Географического Общества Союза ССР / Отв. ред. С.П. Хромов. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1954.
- [Фененко 2011] Фененко А.В. Россия и соперничество за передел приполярных пространств // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4.
- [Флейшер 1952] Флейшер А.А. Некоторые памятные даты из истории отечественной географии на 1952 год // Известия Всесоюзного географического общества. 1952. Том 84. Вып. 1.
- [Флейшер 1953(а)] Флейшер А.А. Некоторые памятные даты из истории отечественной географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1953. Том 85. Вып. 2.
- [Флейшер 1953(б)] Флейшер А.А. Некоторые памятные даты из истории отечественной географии // Известия Всесоюзного географического общества. 1953. Том 85. Вып. 3.

- [Фонвиель 1896] Фонвиель В. Южный полюс / Перевод Е. Костко. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1896.
- [Формозов 1970] Формозов А.А. Предисловие редактора / Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии СССР. № 161 / Отв. ред. доктор исторических наук А.А. Формозов. М.: Наука, 1970. http://ashipunov.info/shipunov/school/books/tsalkin1970_drevn_domashn_zhiv_vost_evr.pdf
- [Фрадкин 1949] Фрадкин Н.Г. Имена русских путешественников на географической карте // Начальная школа. 1949. № 6.
- [Хайд 1951] Хайд Ч.Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Том 2 / Пер. с англ. Д.М. Кершнер. Под редакцией, с предисловием и примечаниями кандидата юридических наук Б.А. Дранова. М.: Издательство Иностранной литературы, 1951.
- [Хроника 1947] Хроника // Рыбное хозяйство. 1947. № 1.
- [Черноусько 1949] Черноусько Л.Д. Русские – первооткрыватели Антарктиды // Морской сборник. 1949. № 4.
- [Черноусько 1951] Черноусько Л.Д. «Слава». Сборник. Одесск. обл. изд., 1950, 157 стр. Цена 4 р. 50 к. // Известия Всесоюзного географического общества. 1951. Том 83. Вып. 5.
- [Чуковская 1950] Чуковская Л. Неизвестные сотрудники знаменитых ученых (Глава из книги «Декабристы – исследователи Сибири») // Вокруг света. 1950. № 12.
- [Чуковский 1941] Чуковский Н. Водители фрегатов. Книга о великих мореплавателях / Отв. ред. Н. Струджумов. М., Л.: Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1941.
- [Шанько 1954] Шанько Б. Русские мореплаватели // Вокруг света. 1954. № 8.
- [Шведе 1947] Шведе Е. Путешествие капитана Беллинсгаузена в антарктические моря 1819–1821. Перевод с русского под редакцией Франка Дибенхэма, директора Научно-исследовательского института им. Скотта в Кембридже. Изд. общества Хэклит, Лондон, 1945, т. I, XXX+259 стр.; т. II, VIII+212 стр., с приложением портретов Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева, многочисленных иллюстраций и карт (The voyage of Captain Bellingshausen to the Antarctic Seas (1819–1821). Edited by Frank Debenham, London, Issued by the Hakluyt Society // Известия Всесоюзного географического общества. 1947. Том 79. Вып. 3.
- [Шведе 1949(а)] Шведе Е.Е. Предисловие редактора / Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирный» командовал лейтенант Лазарев. Второе издание / Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями доктора военно-морских наук Е.Е. Шведе. М.: Государственное Издательство географической литературы 1949.
- [Шведе 1949(б)] Шведе Е.Е. Первая русская антарктическая экспедиция 1819–1821 гг. / Беллинсгаузен Ф.Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенное на шлюпах «Востоке» и «Мирном» под начальством капитана Беллинсгаузена командира шлюпа «Восток», шлюпом «Мирный» командовал лейтенант Лазарев. Второе издание / Под редакцией, со вступительной статьей и комментариями доктора военно-морских наук Е.Е. Шведе. М.: Государственное Издательство географической литературы 1949.
- [Шведе 1949(в)] Шведе Е.Е. Русские военные географы середины XIX в. – основоположники военной географии как науки / Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание Академии Наук, посвященное истории отечественной науки,

- 5–11 января 1949 г. (Доклады на Общем собрании Академии Наук СССР) / Отв. ред. академик С.И. Вавилов. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1949.
- [Шведе 1952] Шведе Е.Е. Открытие Антарктиды русскими мореплавателями. М.: Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; Издательство «Знание», 1952.
- [Шестой 1854] Шестой континент или Краткое обозрение плаваний к югу от Кука до Росса. С двумя картами и двумя портретами. Издание третье, дополненное. Санктпетербург: В Типографии Императорской Академии Наук, 1854.
- [Шилов 2013] Шилов Л.А. Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры. Биографический словарь, т. 1–3. Новосильский Павел Михайлович (1800–22.10.1862, Берлин), писатель, цензор, в ПБ – 1838. URL : http://www.nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=479
- [Шистер 1947(а)] Шистер Е. Под созвездием Южного Креста (продолжение) // Вокруг света. 1947. № 11.
- [Шистер 1947(б)] Шистер Е. Под созвездием Южного Креста (окончание) // Вокруг света. 1947. № 12.
- [Шишкова 1949] Шишкова А.А. Приоритет русских мореплавателей в открытии Антарктиды / Пятая студенческая научная конференция, посвященная XI Съезду ВЛКСМ (3–7 апреля 1949 г.). Тезисы докладов. Харьков: Студенческое научное общество Харьковского Государственного университета имени А.М. Горького, 1949.
- [Шломин 1951] Шломин В.С. Военные и военно-морские вопросы в первых томах второго издания Большой Советской Энциклопедии // Морской сборник. 1951. № 5.
- [Шлямин 1948] Шлямин Б.А. Антарктика // География в школе. 1948. № 3.
- [Шлямин 1953] Шлямин Б.А. Плавание в Антарктику. Л.: Гидрометеорологическое издательство, 1953.
- [Шлямин 2013] Шлямин Борис Александрович / Чувакская энциклопедия. Персоналии. URL : <http://enc.cap.ru/?t=prsn&lnk=5249>
- [Шмидт 1985] Шмидт Отто Юльевич (30.IX 1891 – 7.IX 1956) / Молявко Г.И., Франчук В.П., Куличенко В.Г. Геологи и географы. Биографический справочник / Ответственные редакторы И.А. Федосеева, Е.Ф. Шнюков. Киев: Наукова думка, 1985.
- [Шокальская 1946] Шокальская З.Ю. Жизненный путь Юлия Михайловича Шокальского / Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. Часть первая / Под. ред. академика И.Ю. Крачковского. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1946.
- [Шокальская 1960] Шокальская З.Ю. Жизненный путь Шокальского / Отв. ред. Е.Е. Шведе. М.: Государственное издательство географической литературы, 1960.
- [Шокальский 1898] Шокальский Ю. Полярные страны Южного полушария / Энциклопедический словарь. 48. Том XXIV-а. Полярные сияния – Прая. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефрон. (С.-Петербург). С.-Петербург. Типо-Литография И.А. Ефрона, Прачешный пер., № 6. 1898.
- [Шокальский 1917(а)] Шокальский Ю. Океанография. Пг.: б. и., 1917.
- [Шокальский 1917(б)] Шокальский Ю. Экспедиция Э. Шеклтона в южную полярную область // Записки по гидрографии. 1917. Том 41. Вып. 2.
- [Шокальский 1922] Шокальский Ю. Значение Русских кругосветных плаваний для расширения географических знаний // Красный флот. 1922. № 9.
- [Шокальский 1924] Шокальский Ю. Новое определение средней высоты Антарктического материка // Записки по гидрографии. 1924. Том 48.
- [Шокальский 1926] Шокальский Ю. Из истории географии / Очерки по истории естествознания под редакцией академика В.Л. Комарова. М., Л.: Государственное Издательство, 1926.

- [Шокальский 1928] Шокальский Ю. Столетие со времени отправления русской антарктической экспедиции под командою Ф. Беллинсгаузена и М. Лазарева 4 июля 1819 г. из Кронштадта // Известия Государственного русского географического общества. 1928. Том 60. Вып. 2.
- [Шокальский 1929] Шокальский Ю. 150-летие открытия Сандвичевых островов в северной части Тихого океана // Землеведение. 1929. Том XXXI. Вып. 1–2.
- [Шокальский 1930] Шокальский Ю.М. Последние географические сведения об Антарктике // Известия Государственного русского географического общества. 1930. Том 62. Вып. 1.
- [Шокальский 1935] Шокальский Ю.М. Кое-что полученное изучением литературы о полярных странах // Ученые записки Московского Государственного университета. 1935. Вып. V. География.
- [Шокальский 1937] Шокальский Ю. Новости об Антарктиде // Известия Государственного географического общества. 1937. Том 69. Вып. 4.
- [Шокальский 1939(а)] Шокальский Ю. Остров Петра I в восточной части Тихоокеанской Антарктиды, в море, по справедливости наименованном «морем Беллинсгаузена» // Известия Государственного географического общества. 1939. Том 71. Вып. 9.
- [Шокальский 1939(б)] Шокальский Ю. Lars Kristensen. Such is the Antarctic. Translated by E. Jayne. London: Hodder and Stouton, 1935. XIII + 265 p.; 44 фотографии и две карты // Известия Государственного географического общества. 1939. Том 71. Вып. 9.
- [Шокальский 1939(в)] Шокальский Ю. Экспедиция Беллинсгаузена / Глобус. Географический ежегодник для детей. 1939 / Общая научная редакция «Глобуса» произведена почетным академиком Ю.М. Шокальским. М., Л.: Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1939.
- [Шокальский 2014] Шокальский Юлий Михайлович (1856–1940). URL : <http://funeral-spb.ru/necropolis/volkliterat/shokalskiy/>
- [Шпарлинский 1947] Шпарлинский В.М. Тридцатилетний путь советской рыбообрабатывающей промышленности // Рыбное хозяйство. 1947. № 11.
- [Штейнберг 1946] Штейнберг Е. Русские кругосветные плавания XIX века // Пропагандист и Агитатор Красной Армии. 1946. № 19–20.
- [Южный 1853] Южный полюс. Из записок бывшего морского офицера. С картой и двумя портретами. Санктпетербург: В типографии Эдуарда Веймара, 1853.
- [Юлий 1940] Юлий Михайлович Шокальский (некролог) // Вестник Академии Наук СССР. 1940. № 6.
- [Юлий 1959] Юлий Михайлович Шокальский (1856–1940) / Отечественные физико-географы и путешественники / Под. ред. Н.Н. Баранского, Н.Б. Дика, Ю.К. Ефремова, А.И. Соловьева, Н.А. Солнцева. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
- [Юнга 1941] Юнга Е. Под Южным крестом // Краснофлотец. 1941. № 7.
- [Юнга 1949] Юнга Е.С. Великие географические открытия русских мореплавателей / Новаторы русского флота: Сборник статей / Ред. капитан 3 ранга В.С. Лупач. М.: Военное Издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, 1949.
- [Ю. Ш. 1895] Ю.Ш. Кук (Джеймс Cook) / Энциклопедический словарь. 32. Том XVI-а. Коялович-Кулон. Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг). И.А. Ефрон. (С.-Петербург). С.-Петербург. Типо-Литография И.А. Ефрона, прачешный пер., № 6. 1895.
- [Ю. Ш. 1903] Ю.Ш. F. von Bellingshausen's Forschungsfahrten im Südlichen Eismeer. 1819-1821. Auf Grund des russischen Originalwerkes herausgegeben vom Verein für Erdkundze zu Dresden. Leipzig. 1902. 8°, 203 S. // Морской Сборник, издаваемый под наблюдением Главного Морского Штаба. Редактор – полковник П. Вербицкий. Том

- СССР. № 1. Январь. Санктпетербург. Типография Морского Министерства, в Главном Адмиралтействе. 1903.
- [Ю. Ш. 1934] Ю. Ш. Управление островами: Бувэ и Петра I в Антарктических водах // Известия Государственного русского географического общества. 1934. Том 66. Вып. 5.
- [Ющенко 1956] Ющенко А.П. Роль Ю.М. Шокальского в развитии картографии / Географический сборник. XII. Научная сессия, посвященная памяти Ю.М. Шокальского (1856–1956) / Гл. ред. президент Географического общества СССР академик Е.Н. Павловский; отв. ред-ры члены Президиума Географического общества СССР профессора В.Х. Буйницкий и Е.Е. Шведе. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
- [Яковлев 1936] Яковлев А. Жизнь и приключения Роальда Амундсена (Серия: Жизнь замечательных людей). Для старшего возраста. Издание 3. М., Л.: Издательство детской литературы ЦК ВЛКСМ, 1936.
- [Яковлев 1952] Яковлев Я. В Антарктике – по московскому времени... («В воздухе, на море, под землей...») // Огонек. 1952. № 1 (1 января).
- [Якубович 1944] Якубович В.Я. Первые русские в Антарктике // Наука и жизнь. 1944. № 9.
- [Якубович 1948] Якубович Вл. Русские имена на карте мира // Вокруг света. 1948. № 1.
- [Якубович, Смирнова 1950] Якубович В., Смирнова Г. Записки географического клуба / Отв. ред. В. Касименко. М., Л.: Государственное Издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1950.
- [Antarktida 1929] Antarktida. Mērogs 1:73.000.000 / A. Ošiņa un P. Mantnieka ģeografiski-statistisks Pasaules atlants / Sakopojis P. Matnieks. Rīgā: A. Ošiņa un P. Mantnieka Kartografiskā Institūta Izdevums, 1929.
- [Kubļickis 1953] Kubļickis G. Antarktīdas atklājēji / Tulk. N. Buse. Rīgā: Latvijas Valsts izd., 1953.
- [Antarctica 1965] Antarctica / Ed. by T. Hatherton. London: Methuen & Co., 1965.
- [Bulkeley 2013] Bulkeley R. Bellingshausen's first accounts of his Antarctic voyage of 1819–1821 // Polar Record. 2013. Vol. 49. Issue 01. URL : http://journals.cambridge.org/article_S0032247411000544
- [Bulkeley 2014] Bulkeley R. Materik l' da: Pervaya russkaya antarkticheskaya ekspeditsiya I yeyē otrazheniye v sovetskoi istoriografii (1920-e – 1940-e gody) [Continent of Ice: the first Russian Antarctic Expedition and its footprint in Soviet historiography from the 1920s to the 1940s]. Aleksandr Ovlashchenko. 2013. Saarbrücken: Palmarium, 307 p. softcover. ISBN 978-3-659-98556-0. £85 // Polar Record. Cambridge University Press. <http://dx.doi.org/10.1017/S0032247414000606>
- [Bush 1982] Bush W. Antarctica and International Law. A Collection of Inter-State and National Documents. Vol. 2. London: Ocean Publications, Inc., 1982.
- [Juske 2003] Juske A. Estonian-born Admiral F. v. Bellingshausen, the Discover of Antarctica. Tallinn: Kasmu, 2003.
- [Ovlashchenko 2009] Ovlashchenko A.V. Does Antarctica deserve attention of Russian international lawyers? // International Law. 2009. No. 3(39).
- [Rip 2013] Rip Bulkeley. URL : <https://twitter.com/RipBulkeley>
- [Scholkalsky 1924] Scholkalsky J. The Russian Antarctic Expedition under T.H. Bellingshausen, 1819–1821 // The Bulletin of the Geographical Society of Philadelphia. 1924. Vol. 2. No. 4 (Oct.).
- [Tammiksaar, Kiik 2013] Tammiksaar E., Kiik T. Origins of the Russian Antarctic expedition: 1819–1821 // Polar Record. 2013. Vol. 49.
- [Südpolarländer 1929] Südpolarländer. Breiten-Maßstab 1:50 000 000 / Der Grosse Weltatlas / Auf grund neuesten materials herausgegeben und bearbeitet von Dr. Oswald

Muris, Professor für Geographie an der Pädagogischen Akademie zu Hannover und Otto Wand, Kartograph im Reichsamt für Landesaufnahme. Berlin: Deutsche Buch-Gemeinschaft GMBH, 1929.

More Books!

yes I want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of the world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

